Европейский гуманитарный университет

Еўрапейскі гуманітарны універсітэт

European Humanities University

ЕВРОПА-2010: ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ

Материалы международной
научной конференции студентов

15–16 мая 2010 г.
Вильнюс

ВИЛЬНЮС
2011

ЕЎРОПА-2010: ГЛАБАЛЬНАЕ І ЛАКАЛЬНАЕ

Матэрыялы міжнароднай
навуковай канферэнцыі студэнтаў

15–16 мая 2010 г.
Вільнюс

ВІЛЬНЮС
2011

УДК 32+34+7+008](4)+940
ББК 66+67+85+71+63.3(4)
Е24

Рекомендовано к изданию:
Научным советом Европейского гуманитарного университета
(протокол № 53-13 от 30 марта 2011 г.)

EUROPEAN HUMANITIES UNIVERSITY
EHUTF TRUST FUND

Издание осуществлено при поддержке Трастового фонда
Европейского гуманитарного университета

Е24 **Европа-2010**: глобальное и локальное : сб. науч. тр. / редкол.: Г.Я. Миненков (отв. ред.) [и др.]. – Вильнюс : ЕГУ, 2011. – 558 с.

ISBN 978-9955-773-48-1.

В сборник включены материалы международной научной конференции студентов «Европа: глобальное и локальное 2010», состоявшейся в Европейском гуманитарном университете в мае 2010 г.

Для преподавателей, аспирантов, студентов гуманитарных специальностей.

УДК 32+34+7+008](4)+940
ББК 66+67+85+71+63.3(4)

ISBN 978-9955-773-48-1

СОДЕРЖАНИЕ

Международное, европейское и национальное право в формировании правопорядка государств Восточной Европы

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2010 г. состоялась очередная, уже четвертая научная студенческая конференция, организованная Европейским гуманитарным университетом в Вильнюсе. Представляя предыдущие сборники материалов студенческих конференций, я уже отмечал, что каждая такая конференция становилась важным шагом в восстановлении традиций организации и проведения подобных научных форумов. Не стала исключением и четвертая конференция. Резко возросший интерес к конференции показал, что ЕГУ за пять лет работы в Вильнюсе вновь стал точкой притяжения для творческой молодежи. В программу было включено более 200 докладов – в 2 с лишним раза больше, чем на предыдущей конференции. Значительно увеличился приток участников из Беларуси, что является одним из свидетельств сохранения нами статуса именно белорусского университета. В то же время конференция приобрела в полном смысле слова международный статус: в ней участвовали студенты из Литвы, Польши, России, Чехии, Словакии, Финляндии, Украины. Это значит, что мы становимся все более известны в регионе.

Несколько изменилось название конференции – центральным вопросом ее работы обозначилась проблематика соотношения глобального и локального. И это вполне отвечает тенденциям развития современного социального и гуманитарного знания: в глобализирующемся мире все большее значение и интерес приобретают локальные ответы на глобальные вызовы. Нам действительно важно понять, каково место Беларуси и региона в этом быстро меняющемся мире, мире социальной неопределенности, когда вообще сложно нечто прогнозировать.

Доклады, представленные на конференции, подтвердили, что выбор ее тематических приоритетов оказался правильным. Практически все участники конференции стремились предложить обоснование локальных ответов на специфические вызовы. Скажем, традиционно много докладов было посвящено

вопросам исторического и культурного наследия Беларуси и региона, вопросам, зачастую, казалось бы, далеким от проблем современности. Однако на самом деле это не так: чем более непонятным и неопределенным становится наш мир, тем большим оказывается интерес к конструированию исторической памяти и традиций, которые утверждали бы наши специфические идентичности. И много связанных с этой проблемой интересных идей читатель обнаружит в публикуемых докладах. В качестве примера я обозначил только одно проблемное поле конференции. Но столь же интересными являются и материалы других проблемных полей – будь то политические, правовые или гендерные и другие проблемы. Наверное, стоит особенно подчеркнуть возрастание интереса к медийным исследованиям, что естественно, ибо мы живем в обществе, все более организуемом и конструируемом медиа.

Публикуемые доклады обладают разной степенью глубины, различаются по уровню аргументированности и перспективности. Редакционная коллегия не стремилась «причесывать» их под некий единый образец, понимая важность сохранения индивидуальности авторов. Но при всех этих различиях можно подчеркнуть и объединяющее начало: все доклады оригинальны, самостоятельны, опираются на реальные исследования. И многие их авторы имеют серьезную научную перспективу в области социальных и гуманитарных наук. Пожелаем им успехов.

Григорий Миненков,
профессор

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Дзмітрый Анацка
(БДУ, Мінск)

СТАНОВІШЧА ПАЛОННЫХ У САЦЫЯЛЬНА-ПАЛІТЫЧНЫХ КАНФЛІКТАХ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА І МАСКОЎСКАЙ ДЗЯРЖАВЫ Ў РАННІ НОВЫ ЧАС

Prisoners of war as a social category in the Grand Duchy of Lithuania and the Moscow kingdom had different living conditions in many respects varying on their social status in their native country. A ransom for the most important and influential persons was realized on the basis of an agreement between the rivals in a period of interchanging embassy or on the terms of a peace treaty. Prisoners of war in the GDL rated mostly as a labor force; the Statute of the GDL of 1529 identified this category as «poloneniki». The Moscow kingdom viewed this question at first as a possibility of drawing money, but did not always have resources to pay the ransom for its citizens.

Як суправаджальны фактар вялікай палітыкі, вайна заўсёды мела і будзе мець тых, хто перамог і тых, хто прайграў. Два магутных дзяржаўных утварэнні, Вялікае княства Літоўскае і Маскоўская дзяржава, большую частку сваёй гісторыі правялі ў няспынным супрацьстаянні за рэгіянальнае дамінаванне. Незаўсёды канфрантацыя паміж імі пераходзіла ў адкрытыя ваенныя дзеянні, барацьба вялася дыпламатычнымі шляхамі нават і ў мірны час. Паспяховасць ваенных дзеянняў тады ацэньвалася не толькі па колькасці ўзятых ці разбураных гарадоў, выграных бітваў і падпісаных дамоў, але, у тым ліку, і па колькасці жыхароў варожай краіны, захопленых у палон. Ваяр, гандляр, рамеснік, мяшчанін –

кожны мог трапіць у няволю і стаць вязнем. Але ці з'яўляецца слушным выкарыстанне тэрміну «палонны» у дачыненні да кожнага чалавека, захопленага на тэрыторыі варожай краіны, ці гэта толькі характарыстыка нейкага пэўнага кола людзей, напрыклад, палонныя – гэта толькі ваяры і служылыя людзі?

Сусветная «Encyclopedia of prisoners of war and internment» называе палонным чалавека, трапіўшага ў асабістую няволю ў выніку дзеянняў варожага боку [10, 25]. «Słównik języka polskiego» філолага XIX ст. Самуэля Лінда выкарыстоўвае для назвы палонных старапольскі тэрмін «jeniec», «[...] który jest jętym», г.зн. «czlowiek, wzięty do niewoli w czasie wojny» [11, 266]. Акрамя таго, Лінд згадвае сінанімічныя словы «braniec, imaniec, pojmaniec», якія абазначаюць, па сутнасці, тое ж самае. Кнігі запісаў Літоўскай метрыкі пазначаюць такіх людзей як «вязні», «полоненікі», «неволнікі» [7, 97–98], а рускія ваяводы ў 1569 г. пішуць са Смаленска маскоўскаму цару: «Очень трудно имати шпиона между этим холопством пленным: мало изменников! А ежели добудут языка, то, хоть жги, правды не скажет» [5, 31].

Значную частку сярод захопленых у палон складалі тыя, хто непасрэдна ўдзельнічаў у баявых дзеяннях і трапіў да ворага са зброяй – ваеннапалонныя: жаўнеры рэгулярных ваенных фарміраванняў ці проста людзі, якія ўдзельнічалі ў сутычцы з ворагам у момант, калі і былі ўзятыя ў палон. У ваенна-палітычным плане на захопленых ваяроў глядзелі пераважна з кропкі гледжання аслаблення баявой моцы ворага, у той час як мірнае насельніцтва траляла ў падначалены стан з мэтай выкупу сваякамі (што было рэдка, таму што каштавала вялікіх грошаў) ці зняволення і фактычнага прыгнёту. Але што вядома пра тое, як абедзве дзяржавы, ВКЛ і Маскоўскае царства, вызначалі статус палонных? У рэляцыі караля Стэфана Батуры ад 28 лістапада 1577 г. пазначана, што «по всему свету, въ христианстве и поганстве, есть тотъ обычай: если случится кому невоенному человеку попасть въ пленъ, то его выпускаютъ на слюбъ, або на окупъ. Ежели же в пленъ поимастся жолнеръ или человекъ служилый, не войскового стану, но с зброей и врагом будетъ, то его надобно стеречь и строже дело имети» [13, 194]. Што тычыцца ўсходнега суседа, то ў 1537 г. маскоўскія баяры заяўлялі літоўскім паслам, што «издревле имеемъ обычай полонить ... и отдавать за откупъ, буде то воинъ, княже али холопъ» [2, 45].

Магчымасць для выкупу хоць и прызнавалася абедзвюма дзяржавамі, на самой справе мелася вельмі рэдка. Часцей за ўсё з палону вызваляліся прадстаўнікі заможных і знакамітых радоў. У 1562 г. рускія войскі захапілі Полацк і ўзялі ў палон шэраг бачных асоб: ваяводу Станіслава Давойну, віленскага «воеводича» Яна Глебавіча і інш. Вось што піша пра гэта Гессен: «Когда в следующем году в Москву прибыли послы, они испросили разрешения побеседовать с пленными; это было дозволено, но перед тем им было объявлено "царское слово": царь-де держит вас, пленных, как христианин, не как в других странах; царь ждал от короля слова о пленных, но послы ничего не сделали для мира и о вас, пленных, ничего не сказали, а потому пишите своему королю, чтобы он о вас не забыл на чужбине, иначе ваше положение ухудшится, а иные будут проданы» [2, 35]. У хуткім часе 4 чалавека, сярод якіх быў і Станіслаў Давойна, былі вызвалены са зняволення, а астатнія 37 чалавек «просили царя об обмене с литовцами, но царь на обмен не согласился; тогда Михаил Гарабурда, один из литовских послов, стал просить за брата своего, писаря Лукаша, сидевшего в том плену, чтобы его отдали на окупъ: "что будетъ за кого дата окупу, а вместо будет кого окуп, и они за тех окупъ дадутъ"» [2, 35].

Калі ж казаць пра маскоўскі бок, то да сярэдзіны XVI ст. выкуп палонных меў, да вядомай ступені, выпадковы характар. Гэтаму ёсць некалькі прычын: 1) наўрад ці многія вярталіся з няволі на радзіму жывымі (характэрна, што малітва 1548 г., усталяваная на памяць памерлых, згадвала і аб «въ плънъ сведенныхъ») [3, 67]; 2) трапіўшыя ў палон лічыліся быццам бы памерлымі. Слабое развіццё выкупа трэба, як здаецца, растлумачыць, галоўным чынам, адсутнасцю значных грашовых сродкаў, якіх патрабаваў выкуп. Калі скліканаму ў 1551 г. Сабору былі прапанаваны пытанні аб выкупе палонных, з'явіўся адказ, што грошы на выкуп павінна даваць насельніцтва «съ сохи па ўсёй землъ», г.зн. кожны абавязаны ўдзельнічаць у выкупе палонных па меры сваіх матэрыяльных магчымасцяў, у залежнасці ад памеру сваёй земельнай гаспадаркі (съ сохи). Былы мітрапаліт Іасаф выказаў пажаданне, каб грошы, патрэбныя для выкупу, браліся не з сахі, а з мітрапаліцкай і архірэйскай маёмасці і з кляштараў, але гэтая прапанова не была пачутая.

Каб зручней было разглядаць пытанне аб катэгорыі палонных, паспрабуем скласці класіфікацыю, якая б улічвала ўсе катэгорыі людзей, трапіўшых у палон у Маскоўскую дзяржаву з беларускіх зямель. Класіфікацыя гэта будзе мець пад сабой характарыстыку ступені ўдзелу палоннага ў непасрэдных ваенных дзеяннях. На падставе гэтага атрымліваюцца наступныя катэгорыі:

1) Ваеннапалонныя:

а) *палонныя з ліку рэгулярных вайсковых фармаванняў* – людзі, якія неслі службу ў войску ВКЛ і былі захоплены падчас каротка- ці доўгатэрміновых ваенных дзеянняў на варожай ці нейтральнай тэрыторыі (бітва, аблога замку і інш.). Да ліку гэтых палонных можна аднесці і іншаземных наймітаў, адбываючых службу ў Вялікім княстве на той момант, калі яны былі захоплены ў палон;

б) *палонныя з ліку іррэгулярных фармаванняў* – людзі, захопленыя падчас доўгатэрміновай акупацыі варожай тэрыторыі (партызаны, шляхта і ўсе незадаволеныя дзеяннямі акупацыйных улад).

2) Палонныя з ліку мірнага насельніцтва:

а) *палонныя,* захопленыя ў час кароткатэрміновых ваенных дзеянняў на варожай тэрыторыі (аблога замку, ваенны рэйд) ці доўгатэрміновай варожай акупацыі. Да іх ліку можна аднесці сялян, рамеснікаў і іншых жыхароў гарадоў, а таксама мелкіх гандляроў;

б) *палонныя,* захопленыя на тэрыторыі Маскоўскай дзяржавы і абвінавачваныя ў шпіёнстве на карысць ВКЛ (напрыклад, буйныя гандляры, якія вялі справы за мяжой і часцяком выязджалі на маскоўскія землі).

Што тычыцца апошняй з усіх вылучаных катэгорый, то тут ёсць некалькі спрэчных момантаў. Такіх людзей можна аднесці не да палонных, а да так званых інтэрнаваных асоб (грамадзян аднаго з ваюючых бакоў, якія прымусова затрымліваюцца на тэрыторыі краіны-суперніка). Гэтай думкі прытрымліваецца беларускі навуковец М.К. Кошалеў (гл. ніжэй – *заўв. аўт.*) у дачыненні да маскоўскіх купцоў, сядзеўшых у палоне ў Гародні ў 1525 г. Але ж у такім выпадку гэтых людзей маглі браць на парукі іх беларускія калегі, і яны праз пэўны час вызваляліся. А беларускія гандляры, якія былі захоплены на маскоўскай тэрыторыі, не заўсёды маглі дамагчыся такой парукі ад рускіх

купцоў. Пра гэта сведчыць той жа Салаўёў, які піша, што ў 1665 г. гетман Іван Брухавецкі даслаў маскоўскаму цару ліст, у якім прасіў яго «пленных купцов, ляхов и литовцев, у нас не быть, ссылать их куда-нибудь в дальние места для того, что всякие вести носят от них в Литву и Корону; также бы великий государь и на Москве и в городах пленным полякам и литовцам быть не указал... и кто как хитрее купцов, соглядатаев этих быть может» [9, 21]. Маскоўскі цар выдаў загад, каб «всем людям торговым, которые есть в нашей державе, если они литовской или польской земли... оставить их под присмотром, а товар на хранение оставить и не чинити им вреда, а только стеречь и под залог не отдавать, чтобы вестей тайных недругам не отправляли» [9, 53]. Як бачым, гандляры з беларускіх зямель мелі пэўныя праблемы з вяртаннем на радзіму, таму больш дакладным будзе аднесці іх да стану палонных, а не інтэрнаваных.

Катэгорыя, якая складаецца з непасрэдных удзельнікаў ваенных канфліктаў, тых, хто служыў у войску Вялікага княства Літоўскага ці, не знаходзячыся на ваеннай службе, выступаў супраць рускіх акупацыйных улад са зброяй. Сярод тых, хто быў захоплены ў палон і прывезены ў Маскву, у розныя часы мелася шмат прадстаўнікоў вышэйшых дваранскіх родаў Княства, гетманаў, ваяводаў, паноў і князёў. Так, у 1500 г., пасля перамогі маскоўскіх войскаў у бітве над Ведрашы ў палон трапілі ваяводы літоўскага войску, на чале з самім гетманам Канстанцінам Астрожскім. Салаўёў так гэта апісвае: «пленники привезены в Москву и отсюда разосланы по городам: князь Константин Острожский отправлен в Вологду в оковах; держали его крепко, но поили и кормили довольно; прочим князьям и панам давали по полуденьге на день, а Константину – по четыре алтына» [9, 17]. У 1660 г. у палон быў узяты гетман Вінцэнт Гансеўскі, які сядзеў разам з Міхалам Абуховічам, польскім палкоўнікам, узятым у палон пад Мазыром і два гады (1660–1662) прабыўшым у Маскве. У сваім «Дзённіку» Абуховіч піша, што «к каждому из нас было приставлено по два стрельца из конвоя...гетман же... часто чувствовал себя плохо» [4, 27]. Далей ён гаворыць, што іх вывозілі на прагулкі, паказвалі розныя ўрачыстыя цырымоніі, праходзіўшыя ў сталіцы (Вербную нядзелю, прыезд аўстрыйскіх і шведскіх паслоў, вадохрышча) і «царь посылал своих дьяков узнать о нашем здоровье и здоровье его милости гетмана... и

обедали мы на торжестве по случаю въезда шведских послов у князя Долгорукого, который велел боярыне своей и невестке потчевать нас» [4, 35].

З простымі палоннымі салдатамі абыходзіліся куды як меней уважліва. Той жа Абуховіч адзначае, што падчас прыёму аўстрыйскіх паслоў «нам привели трех коней: одного для пана гетмана, другого для меня, третьего для пана Неверовского, прочие шли пешком». Харчаванне ж літоўскіх ваеннапалонных было адносна добрым, тут можна спасылацца на другога расійскага гісторыка Ключэўскага, які прыводзіў словы маскоўскага цара Івана III, якія той сказаў у 1493 г. паслам з Вялікага княства: «В землях нашего государя нет такого обычая, чтоб пленников мучать голодом и железом, если не преступники они великие и не убийцы… посему нужды им нет никакой, всего довольно – и еды, и питья, и платья». У гэтыя словы досыць верыцца, бо ўжо пасля, падчас Лівонскай вайны, пасол Вялікага княства Літоўскага Леў Сапега ў лісце сваім да папскага легату Баланьецi ад 10 ліпеня 1584 г. адзначае, што «маскоўскі цар па загаду караля Стэфана вызваліў 900 літоўскіх палонных незаможнага паходжання … і, згодна іх словам, тут іх трымалі няблага, адносячыся да іх з разуменнем, на якое толькі можа вораг, ды і сам цар гаварыў мне, што ня чуў скаргаў ад вязняў».

З размяшчэннем рускіх палонных на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага на самой справе было не ўсё так проста. Польскі гісторык Мечыслаў Велічка выказвае думку, што харчаванне, ахова і прыстойныя жыццёвыя ўмовы ўтрымання рускіх вязняў на тэрыторыі ВКЛ былі значна горшымі за такія ж умовы палонных з княства ў Маскве. Для доказу ён прыводзіць лічбы памерлых і ўцекачоў з няволі, пазначаных у рэестрах 1518, 1519, 1525 і 1538 гг. [12, 81]. Згодна аднаму з такіх рэестраў, за 1519 г. «вязьни московские, которые в Вильни и Троцех седять, казали господвру его милости челомъ бить, бо коли зима придеть, тогды нет ни одежы, ани дров, иж быхмо из студени не померли, а што было платья, то всё на проесть пошло» [12, 81]. А вось сведчанне аб 13 палонных з ВКЛ, якія сядзелі ў Цверы ў 1524 г.: «тако ж те полоненики с Литвы… бяше 13 чоловекъ, маюти стравы на каждого парсуну на тыжденъ на тыя головы семъдесят грошей литовских и по полгроша…а питвом и одежой не жалуются, ибо добром живут. Хоть и сторожу крепко маютъ» [1, 178].

Што тычыцца ўвогуле ўмоў жыцця і аховы вязняў, абавязкі і адказнасць за гэта была ўскладзена на непрывілегіраваныя слаі, простых мяшчан, жыхароў гарадоў і гарнізонаў, дзе і размяшчаўся асноўны кантынгент палону. «Как нашы мещане, такъ князские и панъские, и духовные, вси посполу стерегли, естъли бы коли Бог помогь твоей милости татар поразити, нехай бы они их черьгами стерегли. А естли бы который татариъ на чыей черзе утекъ, а то на него переведено, естли бы его умысльне отпустилъ, тоть маеть быти каранъ ничимъ инымъ, только шиею. Пак ли ж бы хто з небачыки або которое пригоды татарина впустил, тот не маеть быти каранъ». Гэты ўрывак дакументу распавядае пра палонных з ліку татар, але можна пагадзіцца з М.К. Кошалевым, выказаўшым думку, што на гэтым прыкладзе прасочваецца агульны парадак адносін да ўсіх палонных [6, 179].

Па пытанні забеспячэння палонным Вялікага княства Літоўскага ніштаватых умоў пражывання існуе некалькі думак. Адну з іх выказвае зноў жа Кошалеў, які лічыць, што бытавое становішча вязняў было незайздросным і харчаваліся яны кепска. У пацверджанне сваёй ідэі ён спасылаецца на рэестр 1519 г., у якім ідзе гаворка пра князёў М. Голіца, І. Чалядніна і іншых ваяводаў «знаменитое Оршанское битвы», што трапілі ў Вільню: «А страны имъ дають на кожъдого парсуну натыжъден по десяти грошей и по полгроша, ино того выходить на тыжъдень на тую сем голов семъдесят грошей и полъчетверта гроша» [6, 179]. Пры гэтым, на думку даследчыка, памеры грашовага ўтрымання не надта залежалі ад знакамітасці палоннага. Так, шэсць «татарове московские Великое жъ битвы» атрымлівалі на тыдзень па дванаццаці грошей. Крыніцы тых часоў сапраўды паказваюць неаднаразовыя скаргі, якія дасылаліся на імя караля. Вязні, якія сядзелі ў Вільні «господару его милости казали наперед чоломъ бити, ижъ бы казалъ железъ полягчыти, а къ тому ижъбы его милость рачылъ о ихъ прыодети на зиму: коли зима прыйдеть, тогды нетъ ни одежы, ани дров. Чоломъ бъють, ижъ быхмо изъ студени не померли, а што было платья, то все, поведают, на проест пошло» [8, 87].

З усіх дадзеных вынікае пэўная карціна стану палонных на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага. Яе нельга назваць дастаткова поўнай, бо, па сутнасці, тут прыводзіліся толькі матэрыялы па справах маскоўскіх палонных Аршанскай бітвы. Але з-за таго, што гэты палон быў ледзь не самым вялікім за ўсю гісторыю кня-

ства і доўжыўся ён не адно дзесяціголдзе, яго можна разглядаць як тыповую карціну тых часоў, паўтаруся, што тыповую, але не да канца поўную. Што тычыцца справы, то ўмовы палону тут нельга назваць мяккімі, бо наўрад да жыхароў варожай краіны ставіліся вельмі лагодна. Але ж і падстаў назваць умовы невыноснымі таксама няма, а колькасць памерлых можна растлумачыць тэрмінам, які шмат хто з маскоўскіх вязняў давёў да канца свайго жыцця (тут вядома, што маскоўскі бок сам адмовіўся ад сваіх, калі вялікі князь Васіль III даў зразумець, што для яго «той, хто трапіў у палон – не жыве»). Спробаў уцёкаў, калі яны нават і былі паспяховыя, адносна мала, што можа казаць ці пра добрую ахову, ці пра адчуванне безвыходнасці ў саміх палонных. Таксама адзначым, што асноўны цяжар па дагляду за вязнямі ўскладваўся на плечы жыхароў гарадоў, якія павінны былі чаргавацца ў нясенні аховы. Такая практыка забяспечвала пастаянную ахову, але наўрад ці была даспадобы самім жыхарам, аб чым сведчаць шматлікія скаргі.

Літаратура

1. «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. // Памятники истории восточной Европы 16–17 вв. Варшава, 1997. Т. 2.
2. Гессен Ю. Полонные в Росии съ древнихъ временъ. Петербург, 1918.
3. Громов М., Мильков В. Идейные течения древнерусской мысли. СПб., 2001.
4. Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). М.: Столица, 1991.
5. Ключэўскі В. В. Курс русской истории. М., 1913. Т. 3, гл. 5.
6. Кошалеў М.К. Жывыя і мёртвыя: маскоўскія вязні пасля 1514 г. // ГАЗ № 13, 1998.
7. Літоўская метрыка. Кніга запісаў № 10, 1997.
8. Літоўская метрыка. Кніга запісаў № 11, 1997.
9. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. V. Петербург, 1857.
10. Encyclopedia of prisoners of war and internment // J.F. Vance – Santa-Barbara, CLIO; 2000.
11. Linde M.S. Slównik języka polskiego. Lwow, 1855.
12. Mieczyslaw Wieliczko Jenniectwo wojenne polakow w Rosji w latach. 1503–1918, Lublin, 1998.
13. Sprawy wojenne Króla Stefana Batorego. Dyjaryjusze, relacyje, listy i acta z lat 1576–1586 / Wyd. X. Ignacy Polkowski. Kraków, 1887.

Уладзімір Фёдараў
(БДУ, Мінск)

АДНОСІНЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА З ВЯЛІКІМ КНЯСТВАМ МАСКОЎСКІМ У 1377–1384 гг.

Relations with the Grand Duchy of Muscovy was one of the most important areas of Lithuanian foreign policy since the first half of the XIVth century. A new period of Lithuanian–Muscovian relations started after the death of the Grand Duke Algierd of Lithuania in May, 1377. The relations became more tense. The reason was the rise of Moscow, which started not only to prevail in the lands of Rus', but also to support separatist local dukes in the GDL. In the new conditions the major aim of the Vilnia policy was saving the territorial unity of the Grand Duchy of Lithuania. Difficult Lithuanian-Muscovian relations became one of the reasons for the Krewa union.

Перыяд 1377–1384 гг. у гісторыі Вялікага княства Літоўскага вельмі важны, нават пераломны. На яго працягу адбыліся змены, якія карэнным чынам паўплывалі на далейшае развіццё не толькі гэтай дзяржавы, але і ўсёй Цэнтральна-Усходняй Еўропы. Неўзабаве пасля смерці вялікага князя Альгерда ў траўні 1377 г. [24, 113], якая супала з узмацненнем ціску Ордэна [18, 17] [20, 26] [13, 20], пачаўся працяглы дынастычны крызіс, які пагражаў распадам княства. У дадатак да гэтага паступова на працягу ўсяго XIV ст. наспявала неабходнасць хросту Літвы. Яго прыняцце цягнула за сабой і палітычны саюз з той дзяржавай, праз якую мусіла б адбыцца гэтая акцыя. Такім чынам, наступнік Альгерда, Ягайла, у спадчыну атрымаў шэраг складаных праблем, якія патрабавалі неадкладнага вырашэння. Выхад з крызісу стаў акрэслівацца ў сярэдзіне 1384 г., калі пачаліся польска-літоўскія перамовы на-

конт заключэння уніі [18, 30–31] [17, 201–206]. Адной з абставін, якая самым непасрэдным чынам паўплывала на заключэнне саюзу з Польшчай, былі надзвычай складаныя стасункі ВКЛ і ВКМ.

З часоў Гедыміна адносіны з Масквой займалі важнае месца ў знешняй палітыцы ВКЛ. Іх роля асабліва ўзмацнілася ў часы Альгерда, калі, на думку большасці гісторыкаў, паўстала праграма аб'яднання земляў Русі вакол Вільні [25, 26] [18, 10] [4, 56]. Але падзеі 1368–1372 гг. паказалі, што барацьба на два франты – супраць Ордэна і Масквы адначасова – перспектыў не маюць. Пасля атрымання Ягайлам княжацкага пасаду адносіны ВКЛ з ВКМ набылі яшчэ больш складаны характар. Прычынай таму сталі сепаратысцкія памкненні і пераход пад чужы сюзерэнітэт некаторых Гедымінавічаў, якія трымалі княствы на Русі. Двух з іх – Андрэя і Дзмітрыя Альгердавічаў – актыўна падтрымала Масква. Спачатку вялікі князь маскоўскі Дзмітрый Іванавіч прыняў першага з іх у 1378 г. [7, 375], а хутка пасля гэтага, зімой 1379/1380 г. адправіў свае войска разам са старэйшым сынам Альгердам у выправу на Ноўгарад-Северскую зямлю. Вынікам гэтай вайсковай акцыі стаў пераход Дзмітрыя Альгердавіча разам з падначаленымі яму тэрыторыямі пад уладу ВКМ [10, стб. 138] [8, 307]. Упершыню Масква адкрыта, з ужываннем сілы ўмяшалася ва ўнутраныя справы ВКЛ, карыстаючыся цяжкім і нестабільным становішчам Вільні. Як падаецца, у такой сітуацыі Ягайла ніякім чынам не мог выношваць планы экспансіі на Русь. І таму наўрад ці меў рацыю С. Смолька і даследчыкі, якія падтрымалі яго думку наконт прычын сумеснай з Мамаем выправы Ягайлы на Дон летам 1380 г. супраць Дзмітрыя Іванавіча [25, 31–32] [20, 208–209]. Падобна на тое, што галоўнай мэтай вялікага князя літоўскага на той момант стала захаванне тэрытарыяльнай цэласнасці сваёй дзяржавы, а менавіта вяртанне страчанага паўгады таму ўплыву на Ноўгарад-Севершчыне – маршрут на Дон якраз пралягаў праз гэтыя тэрыторыі. Прычыны спазнення Ягайлы на пераможную для войскаў вялікага князя маскоўскага бітву дакладна высвятліць немагчыма. Але, як падаецца, такі ход падзей мог і не быць абумоўлены своечасовым манеўрам Дзмітрыя Іванавіча, як то падае позні Ніканаўскі звод [9, 49–56], ці ненамераным спазненнем Ягайлы, у якое сапраўды верылі некаторыя гісторыкі [23, 39] [18, 19]. Бо як вядома з больш ранніх рускіх летапісаў, пад час падзей 1368–1372 гг. войска ВКЛ прасоўвалася па чу-

жой тэрыторыі дастаткова хутка і незаўважна [10, стб. 88–90, 94]. Думка аб ненадзейнасці войска ВКЛ як прычыны неўступлення Ягайлы ў бітву на адным баку з Мамаем [25, 63] [4, 134] [15, 173] таксама не можа быць цалкам пераканаўчай. Праруськія сімпатыі ў дружынах вялікага князя літоўскага маглі б быць толькі ў выпадку, калі значная частка яго складалася б з насельніцтва Полацкай і Чарнігаўска-Северскай земляў, а таксама з памежных з татарамі тэрыторый ВКЛ, дзе маглі б існаваць моцныя антыардынскія настроі. На жаль, звесткі на гэты конт у крыніцах адсутнічаюць: рускія летапісы лаканічна паведамляюць аб тым, што Ягайла прыйшоў з «літоўскай раццю», «літоўскай сілай» ці проста з «літвой» [10, стб. 139] [8, 322], альбо падаюць наогул фантастычныя дадзеныя [9, 55]. Думка ж прыпісваць праваслаўным ваярам з войска ВКЛ нежаданне ваяваць супраць адзінаверцаў [5, 134] падаецца далёка небясспрэчнай, бо ў XIV ст. на Русі вядома шмат адваротных прыкладаў. Бадай, самымі яскравымі з якіх з'яўляюцца актыўная падтрымка хана Узбека Масквой у ягоным канфлікце з Цверру ў 1327 г. і баявыя дзеянні Андрэя і Дзмітрыя Альгердавічаў супраць Масквы ў 1372 г. [8, 297, 117]. Акрамя гэтага вядома аб разрабаванні ліцвінамі маскоўскага абоза [18, 20]. Таму можна выказаць думку, што ў Ягайлаў разлік магла не ўваходзіць рашучая перамога ніводнага з варагуючых бакоў, і таму ён мог адмыслова спазніцца на месца бітвы.

Перамога Дзмітрыя Іванавіча над Мамаем рэзка ўзняла аўтарытэт і ўплыў Масквы на Русі і адпаведна моцна ўдарыла па прэстыжу Вільні. Але акрамя негатыўных наступстваў падзей пачатку верасня 1380 г. для Ягайлы меўся і пазітыўны вынік – вяртанне кантролю над Чарнігава-Северскай зямлёй. Звязваць перамогу Дзмітрыя Іванавіча над ардынцамі з мяцяжом 1381 г. у Полацку [14, 629] [4, 139] [15, 172] ці канфліктам між Кейстутам і Ягайлам [4, 139] [16, 131], як падаецца, не зусім карэктна. Бунт палачан супраць Скіргайлы трэба разглядаць не ў кантэксце перамогі на Куліковым полі, а як канфлікт Андрэя з цэнтральнай уладай, які пачаўся на тры гады раней. Па-другое, Полацк не межаваў з Ардой і не меў патрэбы ў аб'яднанні сілы вакол цэнтра, які супрацьстаяў татарам. Яшчэ меней пераканаўча выглядае сцверджанне аб тым, што дзякуючы падзеям верасня 1380 г. адбылася змена ўлады ў ВКЛ. Проста пад час аблогі Скіргайлам Полацка для Кейстута наступіў зручны момант для захопу віленскага

стала, пра што ясна даюць зразумець звесткі «Летапісца вялікіх князёў літоўскіх» аб тым, што Кейстут з Вітаўтам, хоць і раней мелі папярэджанні аб недобранадзейнасці Ягайлы, выступілі супраць яго толькі тады, калі Скіргайла сумесна з інфлянцкім магістрам аблажыў Полацк [12, 61, 155].

Як небеспадстаўна лічыць большая частка гісторыкаў, разыходжанні Ягайлы і Кейстута наконт пытанняў правядзення знешняй палітыкі спрычыніліся да захопу другім з іх віленскага стала ў лістападзе 1381 г. [25, 64] [18, 14] [22, 109] [20, 209] [21, 57] [16, 93]. Новы вялікі князь літоўскі першаступеннай задачай лічыў барацьбу з Ордэнам. Менавіта дзеля гэтага, каб надзейна забяспечыць сабе тыл, Кейстут падпісаў адпаведнае пагадненне з Дзмітрыем Іванавічам, узгадка пра якое захавалася ў тэксце знакамітай дамовы 1449 г. аб падзеле ўплываў на Русі між ВКЛ і ВКМ [1, № 50, 63]. Акрамя згаданага вышэй успаміна, пра існаванне азначанага пагаднення можа сведчыць і ўздым баявой актыўнасці войск ВКЛ супраць крыжакаў [25, 64–66] [18, 22] [22, 110–111].

Падобна на тое, што прыкладна ў гэты ж час Ягайла, якому стрый пакінуў у валоданне Віцебск і Крэва, шукаючы падтрымкі ў вяртанні вялікага княжання, звяртаецца за дапамогай да Масквы. Вынікам гэтых перамоваў, якія праводзіліся праз удаву Альгерда Ульяну, стала пагадненне, узгадка аб якім захавалася ў вопісе маскоўскага Пасольскага прыказа за 1626 г. Згодна з ім Ягайла мусіў ажаніцца з дачкой Дзмітрыя Іванавіча, а таксама «быти вь их воле, и креститися в православную веру, и крестьянство свое объявити во все люди». [6, 34–35]. Паколькі у вопісе гэтая дамова была прадатаваная 6902(1394) г. – часам, калі дакумент з такім зместам не мог быць напісаны, яго вынаходнік Л.У. Чарапнін палічыў, што пры напісанні даты перапісчык памыліўся і прадатаваў яго 1384 г. Дамову між вялікім князем літоўскім і вялікім князем маскоўскім савецкі навуковец разглядаў у кантэксце становішча на Русі пасля наезда Тахтамыша, але не патлумачыў прычыны яе заключэння [14, 651]. Датаванне Чарапнінам гэтага пагаднення прыняла пераважная большасць савецкіх гісторыкаў, як і яго сцверджанне аб антыардынскім скіраванні акта [4, 170–176] [16, 132]. Апошняе падаецца недарэчным, паколькі Кейстут галоўнай мэтай бачыў змаганне з Ордэнам, моцная Арда была ў пэўнай ступені гарантам бяспекі ВКЛ на ўсходзе. Польскія

даследчыкі Г. Лаўмяньскі, Е. Ахманьскі і Г. Блашчык датавалі пагадненне крыху больш раннім часам, 1383 г., датуючы яго на падставе развіцця літоўска-ордэнскіх стасункаў у той час [20, 208–209] [19, 75] [17, 210–212]. Пры гэтым падзеі 1377–1385 гг. разглядаліся па вызначанаму алгарытму, які Е. Ахманьскі ахарактарызаваў як «палітычную праграму» Ягайлы, якая складалася з трох пунктаў: 1) Зрабіць часовыя саступкі Ордэну дзеля вырашэння праблем у дзяржаве; 2) Прыняць хрысціянства, каб пазбавіць крыжакаў падстаў агрэсіі на Літву; 3) уступіць у саюз з Польшчай ці Масквой супраць Ордэна [21, 70]. Праўда, навукоўцы, якія падрабязна параўноўвалі польскі і маскоўскі праекты ўніі, адзначалі непараўнальную перавагу першага над другім [2, 27] [19, 75–76] [17, 212–213]. Тут узнікае заканамернае пытанне аб становішчы Ягайлы ў 1383 ці 1384 г.: няўжо яно было настолькі цяжкім, каб вялікі князь літоўскі згадзіўся «бысть в воле» Дзмітрыя Іванавіча, зрабіцца яго васалам?

Дзве адрозныя ад распаўсюджаных даціровак пагаднення аб праваслаўным хросце Ягайлы прапанавалі ў апошні час беларускі і ўкраінскі гісторыкі А. Ліцкевіч і В. Васіленка. Першы з іх адносіў падпісанне гэтага дакумента да 1376–1377 гг. і ўважаў яго за праект маскоўска-літоўскага саюза, ініцыяванага з боку ВКЛ Альгердам. Сваю гіпотэзу А. Ліцкевіч аргументаваў тым, што ў адной з маскоўскіх грамат перыяду 1372–1372 г. Альгерд названы «сватом», а таксама звесткамі з позняй крыніцы XVI ст. «Радаслоў'я вялікіх князеў літоўскіх» і сінодзіка Віленскай Прачысценскай царквы [5, 142–144]. Гэтая аргументацыя падаецца непераканаўчай адразу па некалькіх пунктах: па-першае, існуе шэраг дадзеных больш ранніх крыніц, якія сведчаць аб язычніцтве Альгерда і Ягайлы да 1386 г., па-другое, незразумела, чаму першы з названых вялікіх князёў літоўскіх пайшоў на такі крок, калі справы ў плане праваслаўнай мітраполіі цалкам задавальнялі ВКЛ: яе кіраўніком пасля смерці Алексія мусіў стаць пралітоўскі настроены Кіпрыян, што патрапіла на супрацьдзеянне Масквы [7, 374] [10, 124–131]. І па-трэцяе, даціроўка граматы, у якой Альгерд названы «сватом» Дзмітрыя Іванавіча і Уладзіміра Серпухаўскага, невядома. А тое, што паводле вопіса 1626 г. гэты дакумент знаходзіўся ў адным сшытку з дамовай аб праваслаўным хросце Ягайлы, як падаецца, не можа сведчыць пра вельмі блізкі іх час стварэння. В. Васіленка на конт даціроўкі

апошняга акта выказаў іншае меркаванне. Зыходзячы са зместа дамовы, украінскі даследчык прыйшоў да высновы, што гэты дакумент мог паўстаць у надзвычай крытычных для Ягайлы ўмовах, а менавіта ў перыяд з лістапада 1381 г. па чэрвень 1382 г. – калі Альгердавіч быў змешчаны з вялікага княжання [5, 142]. Як падаецца, менавіта такая дацiроўка азначанай граматы падаецца найбольш верагоднай. Але незалежна ад таго, быў гэты дакумент ратыфікаванай дамовай альбо толькі яе праектам, яго ўмовы так і не былі рэалізаваны і не мелі рэальных наступстваў. Тлумачылася гэта тым, што ў чэрвені 1382 г. Ягайла самастойна вярнуў сабе вялікае княжанне. Неабходна адзначыць, што ў гэтым жа вопісе маскоўскага Пасольскага прыказа за 1626 г. ёсць узгадкі і пра іншыя дамовы Дзмітрыя Іванавіча з князямі ВКЛ прыкладна за гэты ж перыяд. Гэта пагадненні вялікага князя маскоўскага і Уладзіміра серпухаўскага з Андрэем Альгердавічам, а таксама з Ягайлам,Скіргайлам і Карыбутам. Пра іх змест і дацiроўку нічога не вядома, але ўлічваючы развіццё падзей пасля 1377 г. час іх узнікнення можна аднесці да храналагічнага прамежку другой паловы 1377 г. (пасля смерці Альгерда) да другой паловы 1384 г. (да вяртання Вітаўта з Прусіі перад Крэўскай уніяй, паколькі яго імя адсутнічае ў граматах з літоўскага боку, хоць разам з Ягайлам там фігуруюць Скіргайла і Карыбут). Што ж тычыцца акта, падпісанага вялікім князем маскоўскім серпухаўскім князем Уладзімірам з Андрэем Альгердавічам, то падобна на тое, што ён быў складзены па прыездзе беглага полацкага князя ў Маскву, як мяркуе А. Ліцкевіч [5, 142].

Пасля вяртання сабе вялікага княжання ў чэрвені 1382 г. Ягайла адмовіўся ад актыўных дзеянняў на ўсходзе. Таму былі свае прычыны. Па-першае, паход Тахтамыша ў жніўні 1382 г. нанёс значныя страты Маскоўскаму княству, і яно наўрад ці магло распачаць агрэсіўныя заходы ў адносінах да Літвы. Па-другое, становішча Ягайлы ўнутры дзяржавы працягвала заставацца далёка не ідэальным. Але нельга сцвярджаць, што адносіны з Масквой вялікі князь літоўскі пакінуў у поўным заняпадзе. Так, у 1383 г. у Ноўгарадзе служылым князем уладкаваўся лаяльны Ягайлу Патрыкей Нарымонтавіч [7, 379]. Праз год, у 1384 г. кіеўскі князь Уладзімір Альгердавіч пасадзіў да канца жыцця ў вязніцу прызначанага ў Канстанцінопалі маскоўскім мітрапалітам прыхільніка Дзмітрыя Іванавіча Дзіянісія Суздальскага [10,

стб. 149]. Невядома, быў гэты крок узгоднены з Ягайлам ці не, але ён цалкам адпавядаў інтарэсам ВКЛ.

Праваслаўная царква ў адносінах між Вільняй і Масквой займала неадназначную пазіцыю. У ёй акрэсліліся дзве плыні: першая з іх, на чале з мітрапалітам Кіпрыянам, які праводзіў самастойную палітыку, стаяла за адзінства былой Кіеўскай мітраполіі, і адпаведна падтрымлівала той бок, які меў больш перспектыў у збіранні земляў Русі. У іншую плынь уваходзілі прыхільнікі палітычнай лініі Дзмітрыя Іванавіча, якія, баючыся ўзрастання літоўскіх уплываў у адзінай для усіх земляў Русі царкоўнай арганізацыі, стаяў за яе драбленне. Пасля Кулікоўскай бітвы наступіла паразуменне між вялікім князем маскоўскім і Кіпрыянам, паколькі Масква пачала прэтэндаваць на галоўную ролю аб'яднаўцы земляў Русі. Праўда, такі стан рэчаў пратрымаўся каля года. Хутка пасля нападу Тахтамыша, ацаніўшы яго наступствы, Кіпрыян ад'ехаў у Цвер, а потым у Кіеў [10, стб. 147] [11, 128]. У мітраполіі зноў усталяваўся раскол, які скончыўся толькі ў 1389 г.

Такім чынам, адносіны ВКЛ з ВКМ у 1377–1384 гг. насілі надзвычай складаны характар, што было абумоўлена ўзростам моцы Масквы, міжусобіцамі ў дзяржаве Ягайлы ў сукупнасці з узрастаннем антылітоўскай актыўнасці Ордэна. Пад час гэтага перыяду стала відавочна, што ВКЛ ўжо не магло прэтэндаваць у поўнай меры на валадаранне над землямі ўсёй Русі. Не вельмі спрыяльнае для Вільні развіццё падзей на ўсходзе стала адной з прычын, якія штурхнулі Ягайлу шукаць саюза з Польшчай.

Літаратура

1. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. I. 1340–1506. СПб., 1846.
2. Бардах Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага княства Літоўскага / Ю. Бардах. Мінск., 2002.
3. Василенко В.О. Литовсько-московськи угоди 70–80 рр. XIV ст. (Спірні проблеми історії Східной Європи) // Україньский Історичний Журнал – 2005. № 6. С. 177–190.
4. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды / И.Б.Греков. М.: Наука, 1975.
5. Лицкевич О. Православное крещение Ягайлы и проект литовско-московского династического союза 1376–1377 гг. // Інтэграцыйныя працэсы у гісторыі краін Усходняй Еўропы. Матэрыялы міжнароднай нав. канф. 19–20 ліст. 2008 г. Мінск, 2008. С. 131–147.

6. Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч.1./ Под ред. С.О. Шмидта. М., 1977.
7. Полное собрание русских летописей, Т. III. Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.: Яз.слав. культуры, 2000.
8. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1. Новгородская IV летопись. М.: Яз.слав. культуры. 2000.
9. Полное собрание русских летописей. Т. XI. Никоновская летопись. М.: Яз. слав. культуры, 2000.
10. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Яз.слав. культуры, 2000.
11. Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. Ермолинская летопись. М.: Яз.слав. культуры, 2003.
12. Полное собрание русских летописей, Т. XXXV. Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980.
13. Сагановіч Г.М. «Русь» у вайне з Тэўтонскім ордэнам (другая палова XIII – пач. XV ст.) // Беларускі гістарычны агляд, 2001. Т. 8, Сш. 1–2. С. 3–25.
14. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.
15. Флоря Б.Н. Литва и Русь перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сб. статей. М.: Наука, 1980. С. 142–172.
16. Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского / Киев: Наукова думка, 1987.
17. Błaszczyk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności T.1: Trudne początki – Poznań: Wyd. Poznańskie 1998. 304 s.
18. Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiełłonów. T. 1. 1377–1499. Warszawa, 1930.
19. Krzyżaniakowa J., Ochmański J. Władysław II Jagiełło / J. Krzyżaniakowa, J. Ochmański – Wrocław etc.: Ossolineum, 1990.
20. Łowmiański H. Prusy – Litwa – Krzyżacy / H.Łowmiański. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989.
21. Ochmański J. Historia Litwy. Wrocław etc.: Ossolineum, 1990.
22. Paszkiewicz H. O genezie i wartości Krewa / H. Paszkiewicz. Warszawa, 1936.
23. Prochaska A. Król Władysław Jagiełło T. 1. / A.Prochaska. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1908.
24. Scriptores Rerum Prussicarum, Bd. 2 / Hrsg. T. Hirsch, M. Toppen und E. Strehlke. Leipzig, 1863.
25. Smolka Kiejstut i Jagiełło. Osobne odbicie z VII tomu Pamiętnika wydziałów filologicznego i historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności / Smolka. Kraków, 1888.

Яўген Глінскі
(БДУ, Мінск)

«ПАХВАЛА ВІТАЎТУ»: ДА ПЫТАННЯ АБ ЧАСЕ СТВАРЭННЯ І ПАЛІТЫЧНЫХ ТЭНДЭНЦЫЯХ ТВОРА

The article deals with the 15th-century text «Praise of Vitaut (Vytautas)» and, specifically, the time of its creation and its author's intentions. There are two most popular interpretations of this work in historical studies. The first of them was proposed by S. Smolka: the Praise was the legalization of the power of the Grand Duke Žyhimont (Sigismund) as Vitaut's heir. V.A. Čamiarycki, the author of the other conception, maintains that the Praise was created for Vitaut's crowning ceremony. The author of the paper compares the Praise with the earlier Praise of 1428 and concludes that the Praise was created in 1436–1438 in Smolensk as an expression of loyalty to Žyhimont. Praise of Vitaut differs from other Byzantine-Slavic laudations because its author, an Orthodox believer, wrote about the Catholic Grand Duke and could not glorify Vitaut for religious virtues and, therefore, focused on political power only.

«Пахвала Вітаўту» – твор XV ст., які захаваўся ў беларуска-літоўскіх летапісах [14, 58–59, 75–76, 108–109], а таксама шэрагу пазалетапісных версій: адна з іх была перапісана ў Маскоўскай дзяржаве пад назвай «Сказаніе о великомъ князе Витофте» [13, 614–615], а іншая была ўнесена яшчэ ў 1428 годзе ў Смаленску пісарам Цімафеем у кнігу казанняў Ісака Сірына [13, 417–420].

«Пахвала Вітаўту» (далей – ПВ) класіфікуецца як безумоўна асобны твор у складзе так званага першага беларуска-літоўскага летапіснага зводу 1446 г. [15, 292]. Гэта пацвярджаецца наяўнасцю ўжо згаданай больш ранняй «Пахвалы» 1428 г. ПВ і «Пахвала»

1428 г. тэкстуальна падобныя [17, 89], але ў летапісе тэкст пашыраны і месцамі рэдагаваны.

ПВ неаднаразова трапляла ў поле зацікаўленасцяў даследчыкаў, але найбольш уплывовыя гіпотэзы аб часе заснавання і палітычных інтэнцыях «Пахвалы» стварылі польскі гісторык С. Смолька і беларускі даследчык В.А. Чамярыцкі. Першы меркаваў, што ПВ – гэта ўступ да апісання вайны 1432–1436 гг., які служыць легітымацыі панавання Жыгімонта Кейстутавіча [22, 14] і створаны неўзабаве пасля заканчэння міжусобнай вайны. В.А. Чамярыцкі бачыў у ПВ абгрунтаванне каранацыі Вітаўта [17, 92]. Гэтыя гіпотэзы засноўваюцца на вонкавых дадзеных: С. Смолька вылучыў сваю на падставе тэксталагічнага аналізу летапісу, а В.А. Чамярыцкі паспрабаваў упісаць ПВ у шырокі палітычны кантэкст. Што датычыцца новых даследаванняў, то літоўская навуковец Г. Міцкунайтэ, як і В.А. Чамярыцкі (але без згадкі яго працы), высунула меркаванне аб «Пахвале» як напісанай пры жыцці Вітаўта. Але яе аргументацыя палягае толькі на тым, што ў творы пра Вітаўта не апавядаецца як пра памерлага. Затое ў адрозненне ад В.А. Чамярыцкага, да калякаранацыйнай прапаганды даследчыца адносіць «Пахвалу» 1428 году, а летапіснаму варыянту «Пахвалы» аддае ролю простага панегірыку, інспіраванага праваслаўным смаленскім епіскапам Герасімам [19, 77–78]. Зрэшты, гэтыя свае высновы даследчыца аргументамі не падмацавала. На наш погляд, для высвятлення намераў аўтара/аўтараў твору неабходна звярнуцца да аналізу тэксту «Пахвалы» як у летапісаным варыянце, так і ў рэдакцыі 1428 г.

Але спачатку акрэслім абставіны ўзнікнення «Пахвалы» 1428 г. У жніўні-верасні 1427 г. Вітаўт здзяйсняў паездку па сваіх усходнеславянскіх уладаннях, падчас якой шэраг князёў Рурыкавічаў прызналі сябе залежнымі ад вялікага князя [9, 58–59] [20, 778], прыкладна ў гэты ж час пад яго апеку перадаліся Соф'я, маскоўская княгіня, і яе сын, малалетні вялікі князь Васіль Васільевіч. Між іншым, падчас гэтай паездкі Вітаўт спыняўся ў Смаленску. Як мяркуем, у гэтым горадзе ён быў сустрэты прамовай, створанай па загадзе смаленскага епіскапа Герасіма і скіраванай падкрэсліць веліч Вітаўта. Тэкст гэтай гіпатэтычнай прамовы і быў праз год запісаны Цімафеем (магчыма, яе ж аўтарам) у кнігу казанняў Ісака Сірына. Калі прыняць такую

інтэрпрэтацыю, робіцца зразумелым, чаму Цімафей сцвярджае, што Вітаўту падпарадкоўваецца «спроста рещи вся Роуськая земля» [13, 417] (такая заява не пазбаўлена і ідэалагічнага напаўнення [11, 193]). Паказчыкам афіцыйнага характару «Пахвалы» 1428 г. з'яўляецца і найменне вялікага князя ў ёй – «Александръ зовемыи Витовтъ». У беларуска-літоўскіх летапісах ён так нідзе больш не называецца, затое ў дакументальных крыніцах яго прынята клікаць так ці падобным чынам[1].

Летапісная ПВ адрозніваецца ад «Пахвалы» 1428 г. ужо сваім пачаткам. Ён, відавочна, сягае да царкоўнай літаратуры, а цытатай з Бібліі «Таину таити цареву добро есть» распачынаецца мноства ўсходнеславянскіх жыццяў і пахвальных словаў [8, 153] [15, 293–294]. Можна не сумнявацца, што, як і «Пахвала» 1428 г., гэтая «Пахвала» – твор царкоўнай асобы, хутчэй за ўсё таксама з асяроддзя смаленскага епіскапа [15, 113] [17, 92].

Але «Пахвала Вітаўту» істотна адрозніваецца ад тагачасных усходнеславянскіх апісанняў і ўсхваленняў уладароў. Так, ПВ не была характарыстыкай памерлага ўладара, напісанай па руска-візантыйскай традыцыі, як лічыў А. Прахаска [21, 40–41]. Такія характарыстыкі ў навуковай літаратуры атрымалі назву партрэтна-псіхалагічных, ці саматапсіхаграм [4, 23]. Але, як вызначыў Я.Н. Любарскі, абавязковай складовай часткай саматапсіхаграм павінны былі быць эпітэты, якія ахопліваюць знешнія і нярэдка ўнутраныя ўласцівасці героя [4, 24]. Такой саматапсіхаграмай (што адзначае і А. Прахаска [21, 41]) з'яўляецца, напрыклад, слынная характарыстыка Альгерда з аднаго з паўночна-рускіх летапісаў (Рагожскага летапісца): «Въ лето 6885 [1377] умре князь великии Олгердъ Гедиминович[ь] литовьскыи, зловерныи, безбожныи, нечестивыи [...]. Во всеи же братии своеи Олгердъ превзыде властию и саномъ, **понеже пива и меду не пиаше, ни вина, ни кваса кисла и великоумьство и воздержание себе приобрете, крепку думу отъ сего и многъ промыслъ притяжавъ** и таковымъ коварьствомъ многы страны и земли повоева и многы грады и княжениа поималъ за себе и удержа себе власть велику, темъ и умножися княжение его, яко же ни единъ же отъ братиа его створи, но ни отець его, ни дедъ

[1] Пры гэтым і ў старабеларускіх [2, 33], і ў лацінскіх («Alexander alias Wytowt») [20, 18], і ў нямецкіх («Alexander anders Wytowd») [20, 223] тэкстах.

его тако прослыл[ъ]» [16, 790]. ПВ ж, што важна, не мае апісання ні знешнасці, ні характару Вітаўта.

Наўрад ці, насуперак зноў-такі меркаванню А. Прахаскі [21, 41], аўтар ПВ натхняўся змешчаным у Васкрасенскім летапісе творам «О житіи и о преставленіи царя Руского, великого князя Дмитрия Ивановича» [12, 53–60] (найбольш поўны варыянт гэтага твора 30–50 гг. XV ст. захаваўся ў Наўгародскім IV летапісе [1, 73, 91–92]). Ніякага падабенства, нават ідэйнага, паміж ПВ і «Словам» няма. Затое параўнанне з гэтым творам дазваляе акрэсліць спецыфіку працы аўтара «Пахвалы».

«Слова аб жыцці Дзмітрыя Іванавіча» напісана па эліністычных і візантыйскіх мадэлях. На Русі не былі вядомы ўласна творы па сафістычнай рыторыцы, але ў якасці ўзораў шырока выкарыстоўваліся візантыйскія пахвалы [3, 65]. Так, выклад «Слова» ў цэлым супадае з патрабаваннямі да пахвальных словаў, вылучанымі эліністычным аўтарам Менандрам Рытарам. Згодна з імі, каб узвялічыць уладара, неабходна апісаць яго паходжанне, нараджэнне, выхаванне і адукацыю, подзвігі і цноты, а калі гэта пасмяротнае ўшанаванне, то дадаваліся апісанне смерці героя і красамоўныя енкі з той сумнай нагоды; яшчэ адным складнікам такой пахвалы было параўнанне з героямі мінулага (у хрысціянскай традыцыі таксама з біблейскімі персанажамі і царкоўнымі дзеячамі) [3, 66; 19, 77–78]. У творы з Васкрасенскага летапісу ўсё гэта так ці інакш прысутнічае: спачатку прыводзіцца радавод Дзмітрыя [12, 53], пасля апісваецца яго дзяцінства, у якім «духовныхъ прележа дѢлесѢхъ» [12, 53], перамогі на Вожы і Куліковым Полі [12, 54–55], пастаянна падкрэсліваецца яго набожнасць («духовныя книги въ сердцы своемъ имяше» [12, 55]) і наогул шматлікія цноты («по истиннѢ явися земный аггелъ и небесный человѢкъ» і далей «красенъ бѢ взоромъ, и чистъ душею, и свершенъ разумомъ» [12, 55, 58]). Урэшце перамога над Мамаем натхняе аўтара «Слова» на прыпадабненне Дзмітрыя да Яраслава Мудрага, пераможца Святаполка «Акаяннага», і Майсея, пераможца Амалека [12, 54–55]. Прысутнічаюць у творы і енкі – ад імя жонкі Дзмітрыя Еўдакіі і ад імя аўтара [12, 57–59].

У той жа час «Пахвала Вітаўту» складаецца адно толькі з рэпрэзентацыі палітычнай магутнасці вялікага князя літоўскага – пералічваюцца ўладары, якія служаць Вітаўту ці маюць прыязнь

з ім. Вынікае, што ПВ напісана зусім не па візантыйскіх канонах, чаго можна было б чакаць ад твору, паўсталага ў атачэнні праваслаўнага епіскапа. Такую неадпаведнасць, дарэчы, адзначыла Г. Міцкунайтэ і тлумачыла яе адсутнасцю грэчаскага ўзору пры напісанні ПВ [19, 78]. Але, відаць, аўтар летапіснай «Пахвалы» ўсё-такі быў знаёмы з прыёмамі візантыйскіх панегірыкаў: нездарма ж да тэксту «Пахвалы» 1428 г у новай «Пахвале» быў дададзены красамоўны ўступ.

Як бачыцца, прычыны фармальнага і сутнаснага адрознення ПВ ад традыцыйных візантыйска-рускіх пахвал палягаюць у іншым. Як паказваюць прыведзеныя цытаты са «Слова аб жыцці Дзмітрыя Іванавіча», цноты Дзмітрыя Данскога ў творы маюць відавочны рэлігійны падмурак, што падсумоўваецца шэрагам эпітэтаў: «благовѢрный, и христолюбивый и благородный великій князь Дмитрей Ивановичь» [12, 57]. У выпадку ж ПВ праваслаўны кніжнік складаў панегірык каталіцкаму ўладару, пры гэтым застаючыся ў праваслаўнай сістэме каштоўнасцяў. Так, абазнаны ў міжнародных справах, ён называе германскага імператара Сігізмунда «царь над всею землю», але толькі праваслаўнага візантыйскага імператара пазначае як «благовѢрному же и христолюбивомо царю царигородьскому» [14, 59]. Такімі эпітэтамі, заўважым, католік Вітаўт не ўшаноўваецца. Адкінуўшы апісанне хрысціянскіх (у іх **праваслаўным** бачанні) цнотаў як немагчымых пры ўсхваленні прадстаўніка іншага вызнання, аўтар ПВ мог звярнуцца толькі да палітычнай магутнасці Вітаўта як адносна незвязанай з рэлігіяй галіны. Але і тут, калі ў «Слове» Дзмітрый Данскі змагаецца «съ **нечестивыми** Агаряны и съ **поганою** Литвою, за святыя церкви, **христіанскую** утвержаа вѢру, аки ону духовную лѢствицу» [12, 59], то ў ПВ веравызнанне ўладароў, якія «служахуть» Вітаўту, не пазначана, нават у дачыненні патэнцыйна «нечестивых» татараў.

Тым не менш, менавіта сфера палітычнай і вайсковай чыннасці найменш у тагачасным грамадстве судакраналася з рэлігійнымі перавагамі. Цікавая ў гэтым плане, праўда, больш позняя (апошняя чвэрць XVI ст.), ацэнка хранiстам Мацеем Стрыйкоўскім Альгерда: «Бо **жаданне абароны айчыны і ваенны закон мала належаць да веры**, а які народ у якім набажэнстве, ад продкаў нададзеным, нарадзіўся, такі да смерці павінен трымаць; а Альгерд такім чынам адразу і **пашырэннем дзяржавы** і шанаван-

нем бацькоўскіх ідалаў, як Айчына ў той час патрабавала, з запалам займаўся» [23, 57]. Наўрад ці сярэднявечны кніжнік цалкам згадзіўся бы з такой закранутай мадэрнымі ўплывамі пазіцыяй, але эксплікацыя свецкай магутнасці і незакрананне маральных (=хрысціянскіх, у дадзеным выпадку **менавіта** праваслаўных) цнотаў у ПВ у цэлым упісваюцца ў гэтую схему.

Зрэшты, гэтая тэматычная «абмежаванасць» «Пахвалы» прысутнічала ўжо ў рэдакцыі 1428 года. Але ж выпадае перайсці да наватвораў летапіснай «Пахвалы», бо інтэнцыі летапісца могуць быць зразумелы менавіта праз параўнанне з крыніцай яго твору – «Пахвалой» 1428 г.

Перш за ўсё да тэксту дапасаваны аповяд пра прыязнь паміж Вітаўтам і імператарам Сігізмундам, нават з некаторай вышэйшасцю Вітаўта [10, 43], які «посла послы своя королю угоръскому, зовемому цесару римьскому, и **повели** ему быти к собѢ» [14, 58, 75, 108]. Блізкі позірк на дадзены аповяд дазваляе адкінуць гіпотэзу В.А. Чамярыцкага аб ПВ як напісанай да каранацыі Вітаўта [17, 91]. Аўтар ПВ тлумачыць вытокі прыязні паміж Вітаўтам і Сігізмундам і ўжывае слова «некогда», што сведчыць пра апісанне аддаленых у часе, малавядомых падзей. У наступным жа ён адзначае, што «**В та же лета** брату его [Вітаўта] Якаилу держащу стол Краковьскаго королевьства» [14, 59, 75, 108]. Гэта недвухсэнсоўна паказвае, што летапісная ПВ створана пасля смерці Ягайлы, г. зн. пасля 1434 г. І нарэшце, у летапісным варыянце ПВ пададзены пералік уладароў і дзяржаў, якія падпарадкоўваліся ці былі ў сяброўстве з Вітаўтам. Гэты спіс цалкам супадае са спісам прысутных на каранацыйным з’ездзе, пададзеным у летапісе пад 6939 годам. Можна ўпэўнена сцвярджаць, што залежнасць прасочваецца ад запісу пад 6939 годам да ПВ, а не наадварот, як лічыць В.А. Чамярыцкі [17, 95]. Вітаўту падпарадкоўвалася мноства рускіх князёў [20, 778], але і пад 6939 годам, і ў ПВ чамусьці згаданыя толькі Адоеўскія, асабіста прысутныя на з’ездзе. Паколькі запіс пад 6939 годам з’яўляецца часткай аповяду пра вайну 1432–1436 гг., у якасці ніжняй даты стварэння летапіснай ПВ можа быць пазначаны 1436 г.

Акрамя дадатку аб прыязні Вітаўта з Сігізмундам Люксембургскім у летапіснай «Пахвале» яшчэ дапасаваны фрагмент аб узаемаадносінах Вітаўта і Ягайлы і вялікі аповяд аб падпарадкаванні татараў Вітаўту.

Што датычыць стасункаў Вітаўта і Ягайлы, то яны ў творы апісаны цьмяна: «Коли сълавныи господарь Витовъть на котору землю гневень бываше и котору землю хотяше казнити, **королу же Владиславу всегда дающи помощь**» [14, 59, 75, 108]. Першая частка фразы з'яўляецца цытатай зусім іншага месца «Пахвалы» 1428 г. [7, 10]: «Есть пакъ [Вітаўт] хочеть поити на котороую землю, на нихъ самъ бываше коли гнѢвенъ» [13, 418]. Можна меркаваць, што аўтару карцела паказаць добрыя адносіны паміж Вітаўтам і Ягайлам, нават падпарадкаванне Вітаўта, але зроблена гэта было не вельмі ўдала. Усё гэта дазваляе вылучыць як магчымы час стварэння летапіснай ПВ прамежак ад 1436 г. да 1438 г. – часу, калі адносіны Жыгімонта з Каронай сапсаваліся [18, 423–424].

Наступны арыгінальны ўнёсак аўтара летапіснай ПВ – гэта працяглы аповяд пра падпарадкаванне шэрагу татарскіх ханаў Вітаўту. Па-першае, гэты фрагмент мае пад сабою гістарычную глебу [5, 140–141] [20, 721]. Па-другое, ён таксама ўпісваецца ў палітычную сітуацыю другой паловы 30-х гг. XV ст. Татарскі хан Улуг-Мухамед (верагодна, ён узгадваецца ў ПВ пад імем Магамета) спачатку падтрымліваў праціўніка Жыгімонта Кейстутавіча Свідрыгайлу [5, 157, 164] [6, 414], але пасля 1433 г. зрабіўся саюзнікам Жыгімонта, а Свідрыгайла завязаў кантакты з іншым татарскім ханам – Саід-Ахметам [6, 414] [24, 129]. Такім чынам, матыў падпарадкавання татараў ВКЛ быў актуальны і ў 30-я гг. XV ст., калі даўні моц Вітаўта быў у стане хаця б у «ментальнай прасторы» пахвальнага слова прыкрыць сабою куды больш хісткае ў стасунках з татарамі становішча Жыгімонта і паказаць таго ж Улуг-Мухамеда абавязаным Жыгімонту як пераемніку Вітаўта.

Падсумоўваючы, адзначым, што, на нашу думку, летапісная «Пахвала Вітаўту» была створана паміж 1436 і 1438 гадамі на падставе «Пахвалы» 1428 г. у Смаленску духоўнай асобай праваслаўнага веравызнання. ПВ насіла прэстыжны характар, але праз узвялічванне Вітаўта імкнулася падкрэсліць значэнне Жыгімонта, пераможца ў міжусобнай вайне 1432–1436 гг. Магчыма, «Пахвала Вітаўту» была сродкам выказаць лаяльнасць Смаленска, які ў мінулым падтрымліваў Свідрыгайлу, Жыгімонту Кейстутавічу. Такім чынам, у цэлым нашае даследаванне пацвярджае гіпотэзу С. Смолькі, але, са свайго боку, мы паспрабавалі

прасачыць у тэксце летапіснай «Пахвалы Вітаўту» адбітак (адносіны з Каронай, татарамі) палітычных падзей панавання Жыгімонта Кейстутавіча.

Літаратура

1. Адрианова-Перетц В.П. Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго / В.П. Адрианова-Перетц // Труды Отделения древнерусской литературы. 1947. Т. 5. С. 73–96.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической Комиссией. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846–1853. Т. 2: 1506–1544 / Сост. И. Григорович. 1848. III, 405, 15.
3. Алиссандратос Ю.А. Следы патристических типов похвал в Житии Стефана Пермского / Ю.А. Алиссандратос // Древнерусская литература. Источниковедение: сб. науч. тр. Ленинград, 1984. С. 64–74.
4. Ведюшкина И.В. О некоторых стилистических заимствованиях «Повести временных лет» / И.В. Ведюшкина // Восточная Европа в древности и Средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Тезисы докладов / Ред. кол. А.П. Новосельцев (отв. ред.) и др. М., 1990. С. 23–27.
5. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 2: Беларусь у перыяд ВКЛ / Ю. Бохан і інш.; рэд. кал. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. Мінск: Экоперспектива, 2008.
6. Греков Б.Д. Золотая Орда и ее падение / Б.Д. Греков; А.Ю. Якубовский. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1950.
7. Грушевський М. «Похвала в. кн. Витовту», кілька уваг про склад найдавніийшої русько-литовської літописи / М. Грушевський // Розвідки й материяли до історії України-Руси. Т. 1: Відбитки з «Записок Наукового Товариства імени Шевченка» і «Жерел до історії України-Руси» з р. 1895. Львів, 1896. С. 1–16.
8. Лихачев Д.С. Текстология (на мат-ле русской литературы X–XVII вв.) / Д.С. Лихачев, при уч. А.А. Алексеева, А.Г. Боброва; 3-е изд., перераб. и доп. СПб: Алетейя, 2001.
9. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М.К. Любавский; 2-е изд. М.: Моск. худ. печатня, 1915.
10. Марзалюк І. Ідэалагічнае змаганне «Літвы» за роўны статус з «Каронай» (паводле беларуска-літоўскіх летапісаў XV–XVI стст.) / І. Марзалюк // Край – Kraj: Polonica-Albaruthenica-Lithuanica. 2001. № 1–2. С. 42–48.
11. Мароз В.К. Летапісная «Пахвала Вітаўту»: моўна-стылістычныя прыёмы стварэння літаратурнага вобраза / В.К. Мароз // Выяўленча-

мастацкія, арганізацыйныя і ідэалагічныя праблемы сучаснай беларускай літаратуры ў яе сувязях з грамадскімі практыкамі. Мінск, 2009. С. 192–203.

12. Полное собрание русских летописей. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: Яз. рус. культуры, 2001. IX, 302 с.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 17: Западнорусские летописи / Под ред. С.Л. Пташицкого. СПб.: Типография М. А. Надеждина, 1907. XIV, 651 стб.
14. Полное собрание русских летописей / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. Б.А. Рыбаков. Т. 35: Летописи белорусско-литовские / Сост., авт. предисл. и ред. т. Н.Н. Улащик. М.: Наука, 1980. 305.
15. Сушицький Т. Західньо-руські літописи як пам'ятки литератури / Т. Сушицький; ред. В. Перетца; упорядк. О.А. Назаревський; Всеукр. акад. наук Київ: ВАН, 1929.
16. Хронікі і летапісы Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час / Укл. В. Варонін. Вільня: ARCHE-Пачатак, 2010.
17. Чамярыцкі В.А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры: узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў / В.А. Чамярыцкі; рэд. Я.С. Лур'е; Акад. навук БССР, Ін-т літ. імя Янкі Купалы. Мінск: Навука і тэхніка, 1969.
18. Łowmiański H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego / H. Łowmiański. Poznań: Wyd-wo Nauk. Uniw. im. A. Mickiewicza, 1983.
19. Mickūnaitė G. Making a great ruler: Grand Duke Vytautas of Lithuania / G. Mickūnaitė. Budapest–New-York: CEU Press, 2006. XX, I.
20. Monumenta medii aevi historica. T. 6: Codex epistolaris Vitoldi, Magni ducis Lithuaniae, 1376–1430 / Ed. A. Prochaska. Cracoviae: Typis Vlad. L. Anczyc et Comp., 1882. CXVI.
21. Prochaska A. Latopis Litewski: rozbiór krytyczny / A. Prochaska. Lwów: Główny Skład w księgarni G. Gebethnera i Spółki w Krakowie, 1890.
22. Smolka S. Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego: Rozbiór krytyczny / S. Smolka. Kraków: Drukarnia Uniw. Jagiellońskiego, 1899.
23. Stryjkowski M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Stryjkowskiego: 2 t. / M. Stryjkowski. Warszawa: Nakład Gustawa Leona Glüksberga, 1846. T. 2.
24. Tyszkiewicz J. Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. / J. Tyszkiewicz. Warszawa: Państwowe Wyd-wo Naukowe, 1989.

Андрий Живачивский
(Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника, Ивано-Франковск)

УЧАСТИЕ БЕЛОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ УКРАИНСКОГО НАРОДА 1648–1657 гг.

The paper presents a review and analysis of the causes and conditions, which led to the rise of social and national movement of the Belarusian population against Polish feudal lords and their consolidation with the Ukrainian movement. It can be argued that Belarusian people played a key role in the national liberation war of the Ukrainian people of 1648–1654.

На 1648 г. Речь Посполитая была одним из крупнейших государств Европы. Ее площадь составляла 990 тыс. км. кв, население около 11 млн человек. Однако ее государственный организм был подточен болезнями, главные из которых – слабость власти короля и его администрации, политическая коррупция и падение сознания общественных обязанностей у широких кругов шляхты, прикрывавшейся традициями о патриотизме и «золотых вольностях». Расцвет этих вольностей контрастно подчеркивал социальную пропасть между бесправием простонародья и неограниченной властью над ними господ и происходил на фоне усиленного национального угнетения украинцев, белорусов, литовцев. Освободительная война украинского народа 1648–1657 гг. под предводительством Б. Хмельницкого показала эти болезни. Ее взрыв положил начало эпохе потрясений

и упадка Речи Посполитой, которая продолжалась до середины XVIII в. [6, 175].

Вопрос о характере войны 1648–1651 гг. на белорусских землях остается актуальным и сегодня, потому что даже в современной историографии существует далеко не одна трактовка данного события. Кстати, тема войны 1648–1651 гг. в Беларуси специально не исследовалась и не изучалась белорусской исторической наукой. В советские времена эта война обычно характеризовалась как «освободительная война украинского и белорусского народов 1648–1654 гг.» [4, 256].

Известный белорусский историк начала XX в. У.М. Игнатовский толковал события 1649–1651 гг. в Беларуси как казацкое восстание, которое вылилось в национально-освободительную, антикатолическую борьбу белорусского народа против поляков. «Все, кто не мог сносить социально-религиозного и национального угнетения, начали объединяться».

Абецедарский Л.С. склоняется к мысли, что «восстание в Белоруссии носило ярко выраженный антифеодальный характер». Ученый связывает активность белорусских крестьян с деятельностью казацких отрядов, действовавших на территории Беларуси с целью агитации и чтобы обеспечить спокойствие на флангах войска Хмельницкого.

Ученый Мялешка В.И. утверждает что «борьба имела ярко выраженный антифеодальный характер ... ни крестьянские, ни городские низы тогда еще не ставили целью изменение феодальной формации и национального освобождения. Из этого факта следует, что события в Белоруссии в конце 40-х – начале 50-х гг. XVII в. представляли собой грандиозное крестьянско-мещанское восстание, толчком к которой стала освободительная война украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого» [8, 257–258].

Следует отметить, что вопросы, связанные с участием представителей разных народностей в освободительной войне 1648–1657 гг., в исторической литературе освещены недостаточно.

Богата на славные традиции совместная борьба украинского и белорусского народов против иностранных поработителей и социального гнета. Еще в конце XVI в. крестьянско-казацкие восстания под руководством К. Косинского, а впоследствии – С. Наливайко охватывали как украинские, так и белорусские земли.

Освободительная война украинского народа 1648–1657 гг. также совпала с освободительной войной белорусского народа. Во время войны увеличился поток белорусов на Украину. Они вступали в казачьи отряды, спасаясь от кровавых расправ войск Литовского княжества.

В «Реестре всего Войска Запорожского» в состав 16 казачьих полков вписано большое количество людей с фамилиями Литвин, Литвиненко, Литвищенко. В те времена на Украине «литвинами» называли белорусов, земли которых входили в состав Великого княжества Литовского. Много фамилий – Быховец, Брагинец, Кричавец, Могилевец, Мозорянин, Петриковец, Пинчук, Туровец и другие дает возможность установить, из каких местностей прибывали белорусы на Украину. Однако хотя бы приблизительно определить всех белорусов в «Реестре» трудно, поскольку белорусские и украинские фамилии очень похожи.

Казацкие полки, которые действовали в Беларуси совместно с восставшим местным населением, возглавляли такие известные военачальники, как М. Гладкий, Я. Головацкий, А. Небаба, С. Пободайло и другие. Высокие посты в крестьянско-казацком войске занимали и белорусы [9, 14].

Эти примеры убедительно свидетельствуют о том, что во время войны украинский и белорусский народы боролись за одни и те же интересы.

Жестоко подавлялись антифеодальные крестьянские восстания и выступления городской бедноты. В первой половине XVII в. магнаты и шляхта еще усилили феодально-крепостной и национально-религиозный гнет населения Беларуси. Увеличивалось количество фольварков, все больше росли повинности крестьян. К середине XVII в. в большинстве районов Беларуси барщина доходила до шести дней в неделю. Жители городов подвергались гнету как со стороны феодалов, так и со стороны городской верхушки [7, 139].

Но угнетенное население не мирилось с таким положением, их недовольство росло и в конце 40-х гг. XVII в. вылилось в освободительную войну. Начало этой борьбы положило народное восстание в Украине в 1648 году, которое возглавил Богдан Хмельницкий, поднявший на борьбу с польскими панами запорожских казаков. Разгром помещичьих войск под Желтыми Во-

дами 6 мая и под Корсунем 16 мая привел к быстрому подъему освободительного движения по всей Украине. Казачьи отряды вместе с восставшими крестьянами громили имения помещиков. Шляхта и магнаты собирали новые силы для подавления выступления. К новым боям готовился и Хмельницкий [5, 158].

Посланцы гетмана, переодетые в купцов, нищих, монахов, приходили в Беларусь с призывами к совместной борьбе с магнатами и шляхтой. Эти призывы белорусские крестьяне и мещане охотно воспринимали. Летом 1648 г. во многих местах Беларуси начались крестьянские выступления, а ремесленники Могилева открыто заявляли, что ждут помощи казаков [7, 140].

Восстание в Беларуси, несмотря на большой размах, по сути было совокупностью многих местных выступлений, которые то сливались в единое восстание, то снова развивались отдельно друг от друга. Это можно объяснить отсутствием на белорусских землях такой военной организации, которой на Украине была Запорожская Сечь [7, 142]. На территории Беларуси боевые действия вели отряды под руководством Антона Небабы, Головацкого, Кричевского. Несмотря на жестокие расправы над восставшими польско-литовских магнатов под руководством гетмана Великого княжества Литовского Януша Радзивилла, восстания не прекращались.

Положение изменилось только после поражения войск Богдана Хмельницкого под Берестечком. Согласно Белоцерковскому договору от 18 сентября 1651 г. казачьи отряды были выведены из Беларуси в Украину. Тем самым белорусское крестьянство и городские низы лишились мощной помощи. Это позволило шляхетским ополченцам и наемникам Великого княжества Литовского до осени 1651 подавить народное движение в Беларуси. Таким образом, жестокая антифеодальная борьба, продолжавшаяся почти три года, закончилась поражением крестьян и мещан Беларуси.

Можно сделать вывод, что белорусский народ сыграл одну из ключевых ролей в национально-освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг., в частности в удерживании войска Я. Радзивилла от похода в Украину. Население Беларуси активно боролось против своих обидчиков, помощь им в этом оказывали казачьи отряды, которые приходили на белорусские земли с целью призыва к борьбе против поляков.

Литература

1. Белоруссия в эпоху феодализма: сборник документов и материалов в 3-х томах. Минск, 1960. Т. 2.
2. Белоруссия в эпоху феодализма: с древнейших времен до середины XVII вв.: в 2-х томах. М. 1959. Т. 1.
3. Из записки царского гонца дьяка Кунакова царю об освободительной войне в середине XVII в. на Украине // Хрестоматия по истории Белоруссии: с древнейшых времен до 1917 г. / Под ред. П. Савочкина. Минск, 1977. С. 107–108.
4. Актуальныя проблемы гысторыі Беларусі: стан, здабыткі і суперэчнасці, перспектывы развіцця. У 4 частках. Ч. 1. Гродно 2003.
5. Гісторыя Білорусі у 3-х частках (Ч. I. Са старажытных часов да пачатку XIX стагоддзя). Гродно, 1994.
6. Зашкільняк Л.О., Крикун М.Т. Історія Польщі: Від найдавніших часів до наших днів. Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2002. С. 106–130.
7. История БССР / Под ред. В. Перцева. Минск, 1954.
8. Чаропка С.А. Дискусія об характары вайны 1648–1651 гг. на Беларусі // Актуальныя проблемы гысторыі Беларусі: стан, здабыткі і суперэчнасці, перспектывы развіцця. У 4 частках. Ч. 1. Гродно 2003. С. 256–259.
9. Шевченко Ф.П. Участь представників різних національностей у визвольній війні 1648–1654 років на Україні // Укр. іст. журн. 1978. № 11. С. 10–23.

Мікалай Волкаў
(ІПНК НАН Беларусі, Мінск)

АБАРОНЧАЯ СІСТЭМА ЛЯХАВІЦКАЙ ФАРТЭЦЫІ

The article describes the history and the defensive system of the Lachavichy fortress, one of the most powerful defensive complexes in Belarus in first half of the XVIIth century.

Ляхавіцкая бастыённая фартэцыя, вядомая таксама як Ляхавіцкі замак, з'яўляецца выбітным помнікам фартыфікацыйнага мастацтва ВКЛ і Рэчы Паспалітай. Збудаваная Янам Каралем Хадкевічам ў канцы XVI – пачатку XVII стст., фартэцыя стала адной з самых магутных і рэпрэзентатыўных рэзідэнцый магната, вядомага сваімі гучнымі ваеннымі перамогамі. На жаль, цяпер толькі мясцовы краязнавец здольны паказаць, дзе месцілася колішняя непераможная фартэцыя. Праблемай з'яўляецца слабая вывучанасць помніка. Найбольш у гэтай справе зрабіў М. Ткачоў, які на археаграфічным матэрыяле і натурных даследваннях вывучаў абарончую сістэму і гісторыю фартэцыі [6] [7, 88–90] [9, 98–101]. Найбольш поўна ён апісаў Ляхавіцкую фартэцыю ў кнізе «Памяць», прысвечанай Ляхавіцкаму раёну, у якой, аднак, адсутнічаюць спасылкі на многія важныя звесткі, што не дазваляе правесці пэўную мяжу паміж дакладнымі гістарычнымі звесткамі і гіпотэзамі аўтара [8]. Даследчык небезпадстаўна лічыць Ляхавічы адной з самых магутных бастыённых фартэцый не толькі ВКЛ, але і Рэчы Паспалітай. У ходзе палявых даследванняў у 1998 г. М. Чарняўскі выявіў рэшткі абарончага каземата фартэцыі [11, 398–399]. На падставе апытання мясцо-

вых жыхароў даследчык дапускае, што на тэрыторыі фартэцыі захоўваецца яшчэ вялікая колькасць аб’ектаў. Археалагічных даследванняў на помніку, аднак, да сённяшняга часу не праводзілася.

Новую фартэцыю ў Ляхавічах Я.К. Хадкевіч загадаў збудаваць у традыцыйнай для магнацкай рэзідэнцыі ВКЛ і Рэчы Паспалітай другой паловы XVI–XVII стст. форме чатырохбастыённага замка. Вядомы фартыфікатар Рэчы Паспалітай сярэдзіны XVII ст. Юзэф Нарановіч-Нароньскі, які, дарэчы, пэўны час працаваў на Радзівілаў, лічыў квадратную фігуру найбольш зручнай і выгаднай для «замкавай фартэцыі» [14, 264]. М. Ткачоў у сваіх працах прыводзіць памеры Ляхавіцкага бастыённага замка: 175х220 м [8, 77]. Здымкі апошняга часу са спадарожніка істотна ўдакладняюць гэтыя дадзеныя [16]. На здымку добра бачны заходні бастыённы фронт фартэцыі, працягласць якога набліжаецца да 300 метраў. На шырокавядомай гравюры 1661 г., дзе адлюстравана аблога Ляхавічаў маскоўскімі войскамі ў сакавіку-чэрвені 1660 г., фартэцыя мае ў плане блізкую да квадрата форму. Верагодна, аб’ёмныя аб’екты на гравюры маляваліся на аснове дакладнага плана тэрыторыі, а таму фартэцыя мусіла быць адлюстраванай з высокай ступенню дакладнасці і сувымерна навакольнай тэрыторыі. Зыходзячы з гэтага, паўночны, паўднёвы і ўсходні бастыённыя франты павінны былі мець падобныя да заходняга памеры. Улічваючы, што абарончая лінія заходняга бастыённага фронту паводле здымку са спадарожніка раўняецца прыблізна 200 метрам, а таксама тое, што па правілах фартыфікацыі першай паловы XVII ст. абарончая лінія не магла перавышаць максімальнай дальнасці мушкетнага стрэлу (блізу 220 м) [12, 18], можна сцвярджаць, што Ляхавіцкая фартэцыя мела максімальныя для чатырохвугольнага бастыённага ўмацавання памеры. Магчыма, з-за вялікіх памераў Ляхавіцкая фартэцыя ў рускіх крыніцах XVII ст. называлася «горадам», у той час як ўласна гандлёва-рамеснае места ўзгадвалася як «пасады і слабоды» [1, 61, 65].

Звонку фартэцыю абкружаў вадзяны роў, які з поўначы, усходу і поўдня паўтараў канфігурацыю фартэцыі. Ніжэй па цячэнні рэчкі Ведзьма была зроблена плаціна, у выніку чаго ўтварыўся стаў, з дапамогай якога роў быў запоўнены вадой. Курціны і бастыёны, галоўныя абарончыя элементы фартэцыі, узвышаліся над унутраным дзядзінцам, хаваючы жылыя, мілітарныя і га-

спадарчыя збудаванні на ім ад артылерыйскага абстрэлу. Вал курцін і бастыёнаў складаўся з трох асноўных элементаў: валавай дарогі, бруствера ці парапета і банкета, на які падымаліся абаронцы, каб страляць праз бруствер. Тры бастыёны з усходняга і паўднёвага бакоў і кавальеры на іх мелі назвы «садовы», «рынкавы», «водны», што тлумачыцца месцам іх размяшчэння. Апошні, чацвёрты бастыён прыкрываў найбольш бяспечны паўночна-заходні накірунак, таму не меў кавальера і называўся «пусты». Кавальеры значна ўзвышаліся над паверхняй бастыёнаў і прызначаліся для вядзення артылерыйскага агню на далёкую адлегласць. Неабходнасць будаўніцтва кавальераў абумовіла насыпанне «поўных» бастыёнаў, пляцоўка якіх рабілася на ўзроўні валавай дарогі. Узвядзенне поўных бастыёнаў было характэрна для стара- і новаітальянскай манераў і вымагала вялікіх выдаткаў для перамяшчэння значных аб'ёмаў зямлі, таму пазней фартыфікатары старагаландскай школы будавалі пераважна «пустыя» бастыёны як больш танныя.

Звонку, а магчыма і знутры, курціны, бастыёны і кавальеры былі абмураваныя цэглай і каменем. Хаця вонкавая абляпоўка добра бачна на гравюры 1661 г., М. Ткачоў дапускаў магчымасць выкарыстання больш традыцыйных для абарончага дойлідства Беларусі дрэва ці зямлі [7, 88]. Зямельныя ўмацаванні, аднак, характэрны для старагаландскай манеры, якая набыла пашырэнне ў ВКЛ пазней, у другой чвэрці XVII ст. Фасы або шчокі бастыёнаў, што бачна як на гравюры 1661 г., так і на здымку са спадарожніка, ішлі па абарончай лініі, якія цягнуліся ад вугла курціны і фланка бастыёна да вугла суседняга бастыёна. У іншых фартыфікацыйных сістэмах у выпадку «завастрэння» бастыёнаў фасы маглі не адпавядаць абарончым лініям. У такім выпадку ўзнікала малая абарончая лінія, якая ішла па фасу бастыёна і падала не ў вугал курціны і бастыёна, а непасрэдна на курціну. На вуглах усіх чатырох бастыёнаў узвышаліся невялікія вежачкі ці «каморкі патрэбныя» [8, 77], якія прызначаліся для агляду вонкавых плоскасцяў бастыёнаў [3, 89]. Паводле гравюры 1661 г. мураваны бруствер на курцінах і бастыёнах праразалі амбразуры для гармат. Спецыяльных амбразур для ручной зброі, верагодна, не было, бо жаўнеры ўзыходзілі на банкет і стралялі праз бруствер. Цікава, што амбразуры не адлюстраваны ні на адным з трох кавальераў. Верагодна, гармата на кавальерах усталёўвалася на барбеты і

страляла праз бруствер. Такі варыянт устаноўкі характэрны для артылерыі, прызначанай для стральбы на далёкую адлегласць, у той час як фланкіруючыя гарматы часцей за ўсё хаваліся за бруствер і стралялі з амбразур [2, 77]. Пад'ём людзей і рыштунку на курціны, бастыёны, кавальеры, а таксама барбеты ажыццяўляўся па земляных насыпах, якія называліся ўзвалокі ці апарэлі.

Важнейшай функцыяй бастыёнаў была флангавая абарона франтоў фартэцыі. У Ляхавіцкім замку гэтую ролю выконвалі казематы ў фланках бастыёнаў. Паводле гравюры казематы мелі два паверхі, аднак цалкам магчыма, што пад зямлёй быў яшчэ адзін. Верхні паверх знаходзіўся на ўзроўні дзённай паверхні пляцоўкі бастыёна і, як бачна на гравюры 1661 г., меў байніцы для ручной агняпальнай зброі і байніцу ці амбразуру для гарматы з боку фланка. Ніжні паверх месціўся ў тоўшчы вала і мусіў мець адну ці некалькі амбразур. Цяжка сказаць, колькі гармат магло размясціцца ў казематах. Паводле гравюры яны былі занадта вузкія для ўстаноўкі больш чым адной гарматы на адным паверсе. Па інвентары 1658 г. з 31 гарматы толькі адна 18-фунтовая «Ігніс» (от лат. агонь, маланка) знаходзілася ў казэмаце «садовага» бастыёна. Для стара- і новаітальянскай школ фартыфікацыі было характэрна будаўніцтва падземных казематаў у поўных бастыёнах, а таксама мураваных галерэй-хадоў між асобнымі казематамі і між бастыёнамі для бяспечнага перамяшчэння гарнізона пад час артылерыйскага абстрэла. Пра наяўнасць такіх скляпеністых хадоў у валах пісаў М. Ткачоў [8, 77], аднак гэтае меркаванне гіпатэтычна. Двухпавярховыя казематы ў фланках бастыёнаў дадаткова маглі служыць для стварэння шанцаў у горжы бастыёна ў выпадку яго разбурэння і захопа ворагам. Казематы і артылерыю ў фланках прыкрывалі масіўныя прамавугольныя выступы-арылоны. Іх шырыня была даволі значнай, бо, як бачна на гравюры 1661 г., на адным з арылонаў месцілася ажно дзве гарматы.

Над паўднёвай курцінай фартэцыі ўзвышалася чатырохпавярховая мураваная брама, да якой вёў доўгі драўляны мост з боку горада. Першы паверх знаходзіўся ў тоўшчы вала і меў вароты ў выглядзе паўцыркулярнага партала, які закрываўся ўзводам на ланцугах. М. Ткачоў піша пра наяўнасць герсы і кардыгард ці памяшканняў для варты паабапал праезду, аднак, на вялікі жаль, не прыводзіць спасылкі на крыніцу інфармацыі [8, 77]. Другі па-

верх знаходзіўся на ўзроўні валавай дарогі курціны, на якую, верагодна, меўся выхад. З вонкавага боку бачны шэраг байніц для агняпальнай зброі. Трэці паверх меў выгляд адкрытай баявой галерэі, абарончыя зубцы якой атрымалі дэкаратыўнае афармленне ў выглядзе рэнесанснага атыку. Чацвёрты паверх быў больш вузкі за асноўны аб'ём брамы і меў гадзіннік, звернуты ў бок горада. Завяршалася брама купалам з сігнатуркай, якая магла мець дэкаратыўнае прызначэнне ці выкарыстоўвацца як назіральны пункт. Узвядзенне высокай вежы-брамы ў бастыённым умацаванні супярэчыць самой сутнасці фартыфікацыі Новага часу, для якой характэрна паніжэнне абарончых збудаванняў для прыкрыцця іх ад артылерыйскага абстрэлу. Вежа Ляхавіцкай фартэцыі, верагодна, мела важнае сімвалічнае значэнне і дамінавала над прылеглым горадам, паказваючы магутнасць магната – уладальніка фартэцыі. Будаўніцтва такога кшалту «нефункцыянальных» у абарончым плане вежаў-брамаў бярэ свой пачатак з мясцовай сярэднявечнай архітэктурнай традыцыі і стала адной з найбольш характэрных асаблівасцяў фартэцый ВКЛ (Нясвіж, Біржы, Глуск і інш.) [10, 69].

На дзядзінцы паралельна паўднёвай курціне стаяў П-падобны двухпавярховы палац. Злева ад брамы ля заходняй курціны меўся двухпавярховы арсенал. Паралельна паўднёвай курціне месціўся аднапавярховы мураваны будынак, ніжні, падвальны паверх якога ў 1998 г. выявіў М. Чарняўскі. Замест верхняй мураванай часткі пазней быў узведзены драўляны дом. Падвальнае памяшканне будынка падзяляецца на чатыры камеры, перакрытыя скляпеннямі, мае два ўваходы і дзевяць аконных праёмаў, якія М. Чарняўскі называе байніцамі [11, 398]. На нашу думку, гэтае памяшканне выконвала функцыю парахавога магазіну ці пограбу. Порах і іншыя боепрыпасы, верагодна, складвалі ў самай абшырнай камеры ў паўночна-заходнім рагу будынка. Справа ў тым, што парахавыя склады ў фартэцыях з'яўляліся найлепшым аб'ектам для варожых дыверсій, бо знішчыўшы боезапасы фартэцыі, можна фактычны абязброіць абаронцаў і прымусіць іх да хуткай капітуляцыі. Таму вышэйзгаданая камера мае два вузкія акенцы для забяспячэння вентыляцыі памяшкання і абароне ад пранікнення агню ў выпадку бамбавання. Па той жа прычыне над усімі памяшканнямі меліся скляпенні. Уваход у камеру, дзе захоўваўся порах, мусіў пільна ахоўвацца ад магчымай дыверсіі

варожага шпіёна [3, 71], таму доступ у паўночна-заходнюю камеру ажыццяўляўся праз суседні пакой. Значная таўшчыня (2,2 м) паўднёвай сцяны будынка ўскосна сведчыць пра размяшчэнне будынка: усходняя курціна, да якой ён шчыльна прымыкаў, прыкрывала яго ўсходні тарэц, а з паўднёвага боку між будынкам і паўднёвай курцінай праходзіла дарога з дзядзінца на «рынкавы» бастыён, таму паўднёвы бок часткова адкрываўся і мог быць пашкоджаны ворагам. Над парахавым пограбам мог месціцца замкавы скарбец, які згадваецца ў інвентары. Паблізу ад гэтага будынка паводле гравюры меўся падземны ход-выцечка з фартэцыі, прызначаная для раптоўных вылазак на ворага. Не зразумела, аднак, у які бок ішоў гэты ход. У Заслаўскім і Глускім бастыённых замках падобныя выцечкі рабіліся непасрэдна ля брам.

У сярэдзіне XVII ст. фартэцыя мела на ўзбраенні значную артылерыю. У інвентары за 1658 год згадваецца 31 гармата [5, 116–117]. Паводле сведчанняў Ст. Вальскага ў 1660 г. на ўзбраенні фартэцыі мелася ажно 47 гармат калібрам ад 20 да 30 фунтаў [1, 65]. На гравюры 1661 г. умоўна паказана 41 гармата, што, пры ўліку артылерыі, размешчанай у казематах, можа сведчыць аб дакладнасці гэтага іканаграфічнага дакумента. З дапамогай гравюры і інвентара 1658 г. можна аднавіць схему размяшчэння артылерыі. На 1658 год на «садовым» бастыёне месцілася 3 гарматы (у тым ліку адна ў каземаце), на аднайменным кавальеры – 6; на «рынкавым» бастыёне – 1 гармата, на кавальеры – 8; на «водным» бастыёне – 2, на кавальеры – 6; на «пустым» бастыёне мелася 4 гарматы, адна гармата стаяла ля брамы і невялікае «дзялка» захоўвалася ў скарбцы. Найбольш магутнымі асяродкамі артылерыі, такім чынам, былі кавальеры, з якіх можна было весці паспяховую артылерыйскую дуэль з ворагам на далёкай адлегласці. Паводле гравюры 1661 г. на ўсіх кавальерах мелася 10 гармат. Флангавы агонь уздоўж курцін і фасаў суседніх бастыёнаў вялі 9 гармат, размешчаныя на арылонах бастыёнаў, а таксама 5 гармат – па краях паўночнай курціны. На астатніх курцінах месцілася яшчэ 8 гармат, якія стралялі перпендыкулярна курцінам і абаранялі далёкія подступы да адпаведных курцін фартэцыі. 8 гармат стаялі на «пустым» бастыёне.

Апісанне гармат у інвентары 1658 г. можа дапамагчы ўдакладніць пытанне часу ўзвядзення фартэцыі. З 31 гарматы

15 мелі гербы Я.К. Хадкевіча. Усе пазначаныя яго гербам гарматы, акрамя адной, мелі сярэдні калібр (ад 10 да 25 фунтаў) і прызначаліся, найверагодней, для абарончых умацаванняў магната. Асабліва яскравай іх функцыянальнае прызначэнне бачна ў параўнанні з чатырма трафейнымі шведскімі палявымі гарматамі, якія мелі значна меншы калібр (ад 1,5 да 5 фунтаў). З 15 гармат Я.К. Хадкевіча 2 былі адліты ў 1571 г., 1 – у 1601 г., 2 – у 1606 г., 1 – у 1609 г., 4 – у 1614 г., 5 – у 1617 г. [5, 116–117]. Такім чынам, 9 гармат былі выраблены ў адносна кароткі прамежак часу, з 1614 па 1617 год. Слушным будзе дапусціць, што яны мэтанакіравана адліваліся для Ляхавіцкай фартэцыі, калі яе будаўніцтва падыходзіла да завяршэння. Напад казакаў на Ляхавічы ў 1595–1596 гг. мог стаць стымулам для пачатку ўзвядзення магутнай бастыённай фартэцыі, якая была скончана і абсталявана да канца 1610-х гадоў.

М. Ткачоў аднёс Ляхавіцкі бастыённы замак да адной з мадыфікацый новаітальянскай фартыфікацыйнай манеры [7, 90]. На нашу думку, Ляхавіцкая фартэцыя вельмі блізкая да праектаў знакамітага нямецкага фартыфікатара Даніэля Спэкля (Спэкліна), кніга «Architectura von Festungen» якога пабачыла свет у 1589 г. у Страсбургу. Лічыцца, што фартыфікацыйныя ідэі Спэкля значна апярэдзілі свой час і цалкам ніколі і нідзе не былі рэалізаваны [13, 253]. Прасторныя бастыёны, з кавальерамі і шырокімі магутнымі прамавугольнымі арылонамі, якія надзейна прыкрываюць шматузроўневыя казематаваныя фланкі, а таксама некаторыя іншыя элементы, якія мы бачым у Ляхавічах, якраз адпавядаюць ідэям нямецкага фартыфікатара. Падабенства фартэцыі Я.К. Хадкевіча на некаторыя планы Спэкля наўпрост уражвае [15, 17].

За час свайго існавання Ляхавіцкая фартэцыя была ўцягнута ў вір шматлікіх войнаў і вытрымала, па падліках М. Ткачова, 8 аблог. Для разумення абарончай сістэмы Ляхавіцкай фартэцыі карысным будзе разгледзіць даволі добра вядомую з крыніц аблогу маскоўскага войска 1660 года. З пачаткам вайны Расіі з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг. царскія войскі хутка апынуліся пад сценамі Ляхавіцкай фартэцыі. У жніўні-верасні 1655 г. маскоўскія палкі на чале з А.Н Трубяцкім спалілі горад, але на штурм фартэцыі не адважыліся. У 1660 г. аблогу Ляхавічаў распачало войска на чале з ваяводай І.А. Хаванскім, які меў рашучы

намер знішчыць гэты асяродак супраціву ў амаль падпарадкаваным краі. У лютым да Ляхавіцкай фартэцыі падыйшлі тры палкі колькасцю 939 чалавек і атрад палкоўніка В. Кунімгана (Кунігана) у 600 чалавек, які стаў лагерам з поўдня на Невельскай дарозе і пачаў узводзіць шанцы вакол фартэцыі [1, 61]. Да 20 сакавіка Хаванскі здолеў сабраць усе свае войскі пад Ляхавічамі і пачаў пасылаць да абаронцаў эмісараў з патрабаваннем здаць фартэцыю без бою. На гэта абаронцы заявілі, што «здачы горада ніколі ў іх не будзе». 26 сакавіка «па звычаю таго часу» за паўгадзіны да світання пачаўся першы штурм, які доўжыўся да трох гадзін дня. Паводле падлікаў М. Ткачова, Хаванскі меў пад рукою каля 7 тысячы жаўнераў. У лісце да цара ваявода пісаў, што маскоўскія жаўнеры змаглі ўзысці на сцены, аднак пасля былі збіты літоўскімі людзьмі. Узяць Ляхавіцкі замак, у якім на той час было 450 чалавек кадравага войска, 3,5 тыс. сялян, шляхты, немцаў і габрэяў, а таксама артылерыя з 47 гармат, было цяжкай задачай.

Паводле царскай граматы, маскоўскім войскам забаранялася штурмаваць Ляхавічы, каб не губляць ратных людзей. Аднак для Хаванскага Ляхавічы былі як «костка ў горле». Таму ў чаканні дапамогі ён пачаў рыхтавацца да новага штурму. Вакол горада былі насыпаны дванаццаць батарэй, на якіх, паводле гравюры 1661 г., мелася 26 гармат. Чатыры контрфланкавыя батарэі з 12 гарматамі абстрэльвалі фланкі бастыёнаў. Астатнія восем батарэй з 14 гарматамі прызначаліся для праломвання курцін і фасаў бастыёнаў, а таксама для абстрэлу і бамбавання тэрыторыі дзядзінца. Па сіле контрфланкавых батарэй можна зрабіць высновы, што сістэма флангавай абароны Ляхавіцкай фартэцыі была вельмі небяспечнай для штурмуючых. Узмацненне флангавага агню фартэцыі з дапамогай дадатковых 9 гармат на арылонах і 5 – на краях паўночнай курціны паказвае на слабасць артылерыі, размешчанай у казематаваных фланках. Шырокія арылоны з аднаго боку забяспечылі надзейную абарону ўцягнутым фланкам, а з іншага занадта сцяснялі іх. Казематы ў фланках былі занадта вузкія для ўстаноўкі дастатковай колькасці гармат і эфектыўнай вентыляцыі паветра.

Вакол фартэцыі маскоўскія войскі стварылі сістэму палявых шанцаў рознай формы зваламі і рвамі, якія павінны былі прыкрываць абложныя батарэі і жывую сілу ад абстрэлу з фартэцыі, а таксама спыняць магчымыя вылазкі абаронцаў. Авалодаўшы

плацінай на р. Ведзьма, Хаванскі загадаў спусціць стаў, пры дапамозе якога запаўняліся абарончыя ірвы фартэцыі. На гравюры бачна, што вада адышла толькі з ірва ўсходняга бастыённага фронта. У выніку таго, што ў фартэцыі схавалася больш за 4 тыс. людзей, дзядзінец і нават «пусты» бастыён былі забудаваны часовымі жытламі. Таму, адзначаючы вялікую цеснату ў горадзе, Хаванскі ў лісце да цара прасіў прыслаць яму градабітную гармату-марціру, гранаты і агнястрэльнага майстра [5, 65]. Каб загаціць роў у месцах плануемага прыступа, рыхтаваліся вязанкі з галля і саломы. Валы замка меркавалася штурмаваць з дапамогай пераносных драўляных мастоў-лесвіц. Хаванскі нават звярнуўся да чараўніка-млынара, які сканструяваў вялізную драбіну даўжынёй 18 сажаняў (каля 35 м) і абяцаў загаварыць замкавую артылерыю ў час прыступа [4, 92]. Нягледзячы на грунтоўную падрыхтоўку, другі штурм, які адбыўся 24 мая, скончыўся няўдачай. Асноўны націск прыйшоўся на «рынкавы» бастыён і паўднёвую курціну з брамай. На гравюры 1661 г. бачна, што маскоўскія батарэі не здолелі разбіць або значна пашкодзіць умацаванні фартэцыі, а моцны флангавы агонь з фланкаў бастыёнаў эфектыўна знішчаў шэрагі штурмуючых, што прадвызначыла няўдачу прыступа. Пад час яго маскоўскія войскі згубілі блізу 2 тыс. чалавек. Пасля другой няўдачы і да поўнага разгрома пад Палонкай 28 чэрвеня Хаванскі не губляў надзею авалодаць непакорнай фартэцыяй. Прысяжнай наваградскай шляхце было загадана пісаць лісты ў Ляхавічы, намаўляючы абаронцаў да здачы [4, 93]. Відаць, пасля другога няўдалага прыступа з абшырнага паўночна-ўсходняга шанца, дзе месціліся контрфланкавыя батарэі, маскоўцы пачалі капаць мінныя галерэі ў бок «садовага» бастыёна. Фартэцыя не мела сістэмы контрміннай абароны, бо вадзяны роў рабіў немагчымым пракладваннеміннай галерэі. Аднак, спусціўшы ваду з усходняга ірва, маскоўцы здолелі падвесці да бастыёна ў чатырох месцах мінныя галерэі: да вугла бастыёна, цэнтра ўсходняга фаса і абодвух арылонаў. Мінныя хады, як бачна па гравюры, былі скончаны, аднак узарваць бастыён і пайсці на наступны штурм маскоўскія войскі, відаць, па-просту не паспелі. Пад Палонкай 28 чэрвеня Хаванскі мусіў даць бой войскам ВКЛ і быў разбіты. Цяжка сказаць, наколькі паспяховым мог быць трэці прыступ, бо пры падрыве «садовага» бастыёна ў абаронцаў заставалася магчымасць умацавацца на кавальеры ці ў горжы бастыёна між

казематамі, да таго ж магутны флангавы агонь па штурмуючых маглі весці з двух суседніх бастыёнаў.

На сучасны момант ад Ляхавіцкай бастыённай фартэцыі амаль нічога не захавалася, а тэрыторыя вялікага па памерах помніка забудавана прыватнымі сядзібамі. На вялікі жаль, адсутнасць разумення значнасці помніка, як і сістэмы рэгулявання гаспадарчых прац на яго тэрыторыі прыводзяць да далейшага знішчэння рэштkaў фартэцыі. Таму надзвычай актуальным з'яўляюцца пытанні дакладнага вызначэння тэрыторыі ўмацавання, уключэння яго ў спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей, а таксама рэалізацыі мерапрыемстваў па ахове помніка. Для вырашэння гэтых пытанняў павінны быць праведзены сур'ёзныя археалагічныя і археаграфічныя даследванні помніка. Хаця цягам XVIII–XIX стст. уся фартэцыя была знішчана, пад зямлёй дасюль захоўваюцца рэшткі мураваных пабудоў, а таксама мноства артэфактаў мілітарнага характару XVI–XVIII стст., асабліва на месцы былога ірва. Дарэчы будзе ўзгадаць, што адной з галоўных праблем пры рэканструкцыі і стварэнні музея на аснове Нясвіжскага замка з'яўляецца якраз недахоп арыгінальных артэфактаў і прадметаў XVII–XVIII стст. для стварэння паўнавартаснай музейнай экспазіцыі.

Літаратура

1. Акты Московского государства. Т. III. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1901.
2. Баженов П.В. Полевая фортификация ... СПб.: Мед. тип., 1815.
3. Войтяховский Е. Полная наука военнаго укрѣпленія, или фортификація... / Е.Войтяховский. Москва: Въ Тип. С. Селивановскаго, 1809.
4. Сагановіч Г. Невядомая вайна: 1654–1660. Мінск: Навука і тэхніка, 1995.
5. Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединённых с нею владений (1387–1710 гг.). Ч. 1. Вильно, 1858.
6. Ткачоў М.А., Цярохін С.Ф. Ляхавіцкая фартэцыя / М.А. Ткачоў, С.Ф. Цярохін // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1973. № 1. С. 22–23.
7. Ткачоў М.А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII – XVIII стст. / М.А. Ткачоў. Мінск: Навука і тэхніка, 1978.

8. Ткачоў М. Ляхавіцкая фартэцыя / М. Ткачоў // Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка. Ляхавіцкі раён. Мінск: БелСЭ, 1989. С. 77–81.
9. Ткачоў М.А. Замкі і людзі / М.А. Ткачоў. Мінск: «Навука і тэхніка», 1991.
10. Чарняўскі І.М. Развіццё палацава-замкавых комплексаў Беларусі ў канцы XV–XVII стст. / І.М. Чарняўскі // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі: Новыя матэрыялы і даследванні / Пад рэд. В.М. Ляўко. Мінск: Навука і тэхніка, 1993.
11. Чарняўскі М. Аб рэштках Ляхавіцкай фартэцыі / М. Чарняўскі // Castrum, urbis et bellum / Нав. рэд. Г. Штыхаў, Г. Галенчанка. Баранавічы: РУПП «Баранавіц. ўзбуйн. друк.», 2002. С. 397–401.
12. Freitag, Adam. Architectura militaris nova et aucta… / Adam Freitag. Leyden: Bonaventura und Abraham Elzeviers, 1631.
13. Glossarium Artis. Wörterbuch zur Kunst. Volume 7: Festungen. München, 1990. 407 s.
14. Gruszecki Andrzej. Bastionowe zamki w Malopolsce. Warszawa: Wydawnictwo ministerstwa obrony narodowej, 1962.
15. Specklin Daniel, Architectvra von Vestungen ... / Daniel, Specklin. Straßburg, 1599.
16. http://maps.google.com/ Дата доступа: 14.01.2010.

Піліп Някрашэвіч
(БДУ, Мінск)

ПАХОД РАСІЙСКАЙ ГВАРДЫІ Ў ЗАХОДНІЯ ГУБЕРНІ (1821–1822 гг.)

The best Russian noblemen usually served in the Emperor's Guards. During 1821–1822 the Russian Emperor's Guards were quartered on the territory of the former Grand Duchy of Lithuania. In that region Russian soldiers were often associated with invaders. Therefore, the local elite did not want to deal with Russian aristocracy. During the war of 1812, Belarusian and Lithuanian aristocrats fought on the side of Russia's enemies. The Emperor Alexander I hoped that during the guards' stay in the western provinces Russian officers would be able to establish contacts with the local aristocracy. He thought that it would help to unite the nobility of the whole empire. The paper deals with the first attempt of the dialogue between the Russian nobility and the szlachta (the gentry) of the western provinces.

Нягледзячы на ўваходжанне ў склад Расійскай імперыі ў канцы XVIII ст., тэрыторыя былога ВКЛ працягвала захоўваць свой непаўторны характар амаль да канца існавання самадзяржаўя. Для царскага ўрада гэта «непаўторнасць» найбольш яскрава праяўлялася падчас буйных ваенных канфліктаў, калі значная частка мясцовага насельніцтва падтрымлівала ворагаў Расіі. Царскі ўрад рабіў пэўныя намаганні, каб прыцягнуць шляхту на свой бок, аднак на гэтым шляху існаваў шэраг перашкод. Цэнтрам палітычнага жыцця заходніх губерняў па-ранейшаму заставалася Вільня. Менавіта Вільня, а не Пецярбург вабіла інтэлектуальную і эканамічную эліту рэгіёна.

Праблема інтэграцыі заходніх губерняў ускладнялася яшчэ і тым, што эліта рускага грамадства ў сваёй пераважнай большасці

з'яўлялася вайсковай, а не цывільнай. Гэта значна ўскладняла не толькі магчымасці культурнай асіміляцыі, але і звычайнага кантакту са шляхтай былога ВКЛ, бо гвардзейскі корпус расійскай арміі, у якім служылі знатнейшыя са знатных, кватараваў у Пецярбургу. Сталіцу Расійскай імперыі гвардыя звычайна пакідала падчас баявых дзеянняў. Кватараванне Гвардзейскага корпуса ў заходніх губернях на працягу 1821–1822 гг. можна разглядаць як унікальную магчымасць дыялогу паміж мясцовай шляхтай і расійскім дваранствам. Больш таго, паход гвардыі адыграў значную ролю ў развіцці ўсёй імперыі.

Прычына паходу гвардыі была незвычайная. Імператар Аляксандр I пачаў баяцца свайго самага надзейнага войска. Прычым гэта ніяк не было звязана з дзекабрысцкім рухам. Жорсткая муштра, характэрная для ўсёй расійскай арміі таго часу, стала прычынай хваляванняў Сямёнаўскага палка. Вынікам бунту стала перафарміраванне элітнай вайсковай часткі. Усіх салдат і афіцэраў палка размеркавалі па вайсковых часцях. Амаль у той жа час былі зафіксаваны выпадкі забойства гвардзейскімі салдатамі сваіх камандзіраў. Каб прымусіць салдат не выходзіць на вуліцы Пецярбурга, камандаванне загадала завесці карчму ў кожнай вайсковай часці [4, 17]. Усё гэта прывяло да падзення дысцыпліны і аўтарытэту афіцэраў (маецца на ўвазе ўсё афіцэрства як карпарацыя, а не яе асобныя прадстаўнікі). Кватараванне гвардыі ў Пецярбургу станавілася небяспечным [21, 122]. Найгоршым бачыўся сцэнар стыхійнага, некантраляванага бунту салдат, дзе афіцэры будуць ахвярай, а не рухаючай сілай. Адзіным выйсцем з дадзенай сітуацыі бачыўся ваенны паход, які б прымусіў салдат успомніць іх прамыя абавязкі.

У гэты ж час адбывалася рэвалюцыя ў П'емонце, якая пачалася ў сакавіку 1821 г. Паўстанцы пратрымаліся менш за два месяцы, і ўжо ў пачатку красавіка таго ж года рэвалюцыя была задушана. Тым не менш, гэта падзея стала для расійскіх уладаў зачэпкай аддаць 15 красавіка 1821 г. загад аб падрыхтоўцы да паходу. Камплект абмундзіравання і запасаў харчавання, якія павінны былі ўзяць з сабой вайскоўцы, сведчыў пра тое, што паход плануецца за межы імперыі [14, 419].

Гвардыя адправілася ў паход трыма калонамі. Першую калону склалі лейб-гвардыі палкі Фінляндскі, Паўлаўскі, Маскоўскі, Гусарскі, Уланскі, Драгунскі і Конна-егерскі. У другую калону

ўвайшлі лейб-гвардыі палкі Егерскі, Ізмайлаўскі, Сямёнаўскі, Праабражэнскі, а таксама Сапёрны батальён. Трэцяя калона складалася з Пярноўскага і Кексгольмскага грэнадзёрскіх палкоў, 1-га карабінернага, Коннага, лейб-гвардыі Кірасірскага і Кірасірскага Яе Вялікасці палкоў [18, 12]. Падчас паходу камандаванне гвардзейскага корпуса сутыкнулася з тымі ж праблемамі, што і ў сталіцы: п'янства салдат, іх нежаданне падпарадкоўвацца загадам камандзіраў. Са свайго боку афіцэры адказвалі не менш жорстка, даходзіла нават да забойства салдат [16, 242]. Сапраўдны замежны паход для гвардзейцаў так і не пачаўся, бо войскі былі раскватараваны ў заходніх губернях, прычым на мірным становішчы [2, 25].

Войскі былі раскватараваны на тэрыторыі Гродзенскай, Віцебскай і Мінскай губерняў. Штабы дывізій былі ў Лідзе, Віцебску, Веліжы. Гвардзейскі генеральны штаб размяшчаўся ў Віцебску [18, 14]. У верасні 1821 г. гвардзейскі корпус сабраўся каля мястэчка Бешанковічы і размясціўся па вакольных вёсках. 17 верасня адбыўся агляд гвардзейскіх палкоў на Бешанковіцкім полі. Агляд вельмі нагадваў тэатральнае відовішча. Гвардзейцы добра разумелі, чаму яны пакінулі Пецярбург. У расійскай арміі таго часу маглі ненавідзець якога-небудзь генерала ці саноўніка, аднак аўтарытэт імператара, тым больш такога, як Аляксандр I, быў вялікі. Падчас царскіх аглядаў дысцыпліна і маральны стан у войску заўсёды паляпшаліся, тым больш усе гвардзейцы былі зацікаўлены ў тым, каб хутчэй вярнуцца ў сталіцу. Невыпадкова, што сур'ёзных здарэнняў падчас Бешанковіцкага агляду не адбылося. Імператар спачатку рабіў выгляд незадаволенасці, пакуль у камандуючага гвардзейскім корпусам генерал-ад'ютанта І.В. Васільчыкава і галоўнакамандуючага 1-й арміяй генерала ад інфантэрыі Ф.В. Сакена не ўзнікла «спантанная» ідэя справіць банкет у знак прымірэння цара і гвардыі [5, 62]. Банкет на самой справе задумваўся за некалькі месяцаў, аб гэтым сведчыць шыкоўная ежа, якая была прывезена ў Бешанковічы з усіх куткоў Расійскай імперыі [4, 27].

Пасля заканчэння манеўраў многія афіцэры і салдаты былі ўзнагароджаны ордэнамі і чынамі, прычым значна больш шчодра, чым за Барадзіно і Лейпцыг [15, 80]. Гвардзейцы чакалі, што хутка вернуцца ў сталіцу, але гэтага не адбылося. І.В. Васільчыкаў абвясціў, што рэвалюцыя П'емонту больш не пагражае, але па

прычыне восеньскага бездарожжа войскі застануцца на зімоўку ў заходніх губернях. У хуткім часе «задаволены» імператар адправіў у адстаўку камандуючага гвардзейскім корпусам І.В. Васільчыкава, а разам з ім усіх начальнікаў гвардзейскіх дывізій.

Пасля ад'езду імператара адбылася перадыслакацыя гвардыі. Большая частка войскаў была раскватаравана ў Гродзенскай і Віленскай губернях. Штаб гвардзейскага корпуса перамясціўся ў Мінск [18, 16]. Узнікае пытанне: навошта былі патрэбны бешанковіцкі банкет і зімовыя кватэры ў «літоўскіх губернях»? Справа ў тым, што ў самой царскай сям'і разгортваліся падзеі значна больш важныя, чым хваляванне гвардыі. Менавіта ў 1821 г. Аляксандр І канчаткова вырашыў, што спадкаемцам павінен стаць не цэсарэвіч Канстанцін Паўлавіч, а вялікі князь Мікалай. Як вядома, цэсарэвіч Канстанцін Паўлавіч уступіў у марганістычны шлюб з графіняй І. Грудзінскай. Дзеці ад гэтага шлюбу не маглі прэтэндаваць на карону імперыі. Аднак сам цэсарэвіч правы на трон не губляў. Зрабіўшыся самадзяржаўным імператарам, ён меў поўнае права ўзаконіць спадчынныя правы сваіх дзяцей. Вось чаму імператару Аляксандру І неабходна было дамагчыся ў Канстанціна яго асабістага адрачэння. Сам цэсарэвіч быў моцна пакрыўджаны абразлівымі адносінамі да жонкі з боку сваёй маці Марыі Фёдараўны, брата Мікалая і сястры Марыі. Дзеля таго, каб угаварыць Канстанціна Паўлавіча адмовіцца ад жадання стаць імператарам, павінна была сабрацца ўся царская сям'я [13, 61].

Узімку 1821–1822 гг. у Пецярбургу такая сустрэча сапраўды адбылася, упершыню з 1816 г. [7, 50]. Пад ціскам родных Канстанцін Паўлавіч пагадзіўся на перадачу спадчынных правоў будучаму імператару Мікалаю І. Невыпадкова, што гэтыя падзеі адбываліся ў той час, калі гвардыя знаходзілася далёка ад сталіцы. Аляксандр І добра ведаў аб падзенні дысцыпліны сярод салдат, ведаў ён і пра існаванне тайных таварыстваў у афіцэрскім асяродку. Імператар, які прыйшоў да ўлады ў выніку дварцовага перавароту, не мог не разумець, што лепшай магчымасці ў змоўшчыкаў (кім бы яны ні былі) забіць усю царскую сям'ю, а значыць і ўсіх законных спадкаемцаў, проста не будзе. Менавіта па гэтай прычыне і быў арганізаваны агляд гвардыі ў Бешанковічах, на якім імператар дараваў сваім салдатам усе іх памылкі і папярэдзіў магчымае не-

задавальненне гвардыі іх працяглай «камандзіроўкай». Гвардыя вымушана была знаходзіцца на тэрыторыі сучасных Беларусі і Літвы ў той час, калі ў Пецярбургу вырашалася будучыня імперыі.

Узаемаадносіны вайскоўцаў гвардзейскага корпуса з насельніцтвам варта разглядаць па двух напрамках. Напрамак першы – стаўленне гвардзейцаў і абывацеляў адзін да аднаго ў рэчышчы эканамічных узаемаадносін. Гвардзейцы былі раскватараваны не ў спецыяльных казармах, як гэта было ў сталіцы, а ў дамах цывільнага насельніцтва. Больш таго, харчаванне салдат забяспечвалася за кошт набыцця прадуктаў у тых жа мясцовых жыхароў. Такім чынам, паміж вайскоўцамі і абывацелямі, незалежна ад таго, жадалі яны гэтага ці не, існаваў пастаянны побытавы кантакт. Напрамак другі – узаемаадносіны гвардзейскіх афіцэраў і эліты мясцовага грамадства. Тут маецца на ўвазе мэтанакіраванае жаданне аднаго з бакоў усталяваць кантакт. Перш за ўсё гэта тычыцца публічных мерапрыемстваў (напрыклад, балі).

Гвардзейцы заўсёды былі пажаданымі гасцямі для ўсіх груп насельніцтва, працуючых у сферы абслугоўвання. Служба ў гвардыі была нятаннай справай. Існавалі няпісаныя правілы, згодна з якімі афіцэр-гвардзеец не мог сядзець у тэатры далей сёмага шэрагу, наведваць танныя рэстараны і г.д. [1, 206]. Мясцовыя яўрэі-гандляры добра нажываліся на гвардзейцах. Штабс-капітан А. Бястужаў-Марлінскі скардзіўся родным, што кошты ў Мінску вышэй, чым у Пецярбургу [2, 206]. Пэўныя цяжкасці меліся і ў набыцці фуражу і харчавання. Як бачна з успамінаў паручыка А.Е. Разэна, частка беларускіх магнацкіх родаў (напрыклад, Тышкевічы), адмаўляліся прадаваць правіянт гвардзейскім фуражырам. Яўрэі, у сваю чаргу, згаджаліся далёка не адразу, чакаючы павелічэння закупачных коштаў [15, 81]. Невыпадкова адносіны гвардзейцаў да мясцовага яўрэйскага насельніцтва былі негатыўнымі [11, 257]. Не менш за яўрэяў шанцавала мясцовым тэатральным трупам. Паміж гвардзейскімі палкамі, раскватараванымі па ўсёй Беларусі, існаваў своеасаблівы аўкцыён: дзе акцёрам прапаноўвалі больш грошай, там яны і давалі спектаклі [8, 153].

Самі ж гвардзейцы нярэдка парушалі побыт беларускіх мяшчан. Так, цэнтрам Віцебска, дзе кватаравалі знакамітыя кавалергарды, можна было карыстацца толькі да 12 гадзін дня. Пазней

галоўная Смаленская вуліца ператваралася ў сапраўдны іпадром. Такія паводзіны кавалергардаў у горадзе прыводзілі да няшчасных выпадкаў, у тым ліку і з летальным зыходам [6, 136]. Здараліся і крадзяжы. Напрыклад, усё таго ж кавалергардскага палка салдат Грушыкаў украў у памешчыка Віцебскага уезда Мікаша 600 руб. [10, 26]. Як бачна, і ў гвардзейцаў, і ў беларускіх мяшчан былі свае прычыны недалюбліваць адзін аднаго.

Падчас стаянкі ў заходніх губернях у гвардзейскіх афіцэраў было значна больш вольнага часу, чым падчас службы ў Пецярбургу [15, 80]. Звязана гэта з асаблівасцямі нясення каравульнай службы ў пецярбургскіх казармах і на паходных кватэрах. У сталіцы вольны час звычайна запаўняўся балямі і іншымі ўрачыстасцямі. Аднак большасць афіцэраў не ўдзельнічала ў публічных мерапрыемствах, а сам паход большая частка гвардзейцаў успамінала з сумам. Прычына была простая: мясцовае грамадства вельмі стрымана прымала рускіх дваран. Сустракаліся з боку шляхты і выпадкі адкрытай дэманстрацыі варожых адносін. Так, падчас мінскіх баляў, на якіх прысутнічалі гвардзейцы, мясцовая шляхта лічыла абавязковым нашэнне ордэнаў і медалёў, атрыманых ад французаў падчас вайны 1812 г. [8, 155]. Але не трэба асацыяваць дадзеную ўзаемную непрыязь з міжнацыянальнай варожасцю. Вельмі важным стрымліваючым фактарам з'яўлялася банальная праблема няведання гвардзейцамі мовы мясцовага насельніцтва. Было б дзіўна чакаць, што шляхта, ведаючы яе недавер да расійскіх вайскоўцаў, падчас стаянкі гвардыі пачне размаўляць з яе афіцэрамі па-французску. Інтэлектуальная эліта рускага афіцэрства разумела праблему ўзаемаадносін са шляхтай менавіта ў рэчышчы валодання яе мовай [2, 27]. Паручнік Н. Мураўёў, сутыкнуўшыся з непрыяззю мінскай шляхты, адразу пачаў вучыць польскую мову [8, 152]. Штабс-капітан А. Бястужаў-Марлінскі, які валодаў польскай мовай наогул вельмі добра, праводзіў час у кампаніі мінскай эліты.

З найбольшымі праблемамі сутыкнуліся гвардзейцы, якія былі расквatараваны ў Вільні. Самі рускія афіцэры прызнавалі, што Вільня ў той час была перапоўнена вайскоўцамі. Акрамя таго ўзімку 1821–1822 гг. у Вільню наведваўся імператар, вялікія князі, а таксама высокапастаўленыя расійскія генералы [8, 189]. Наяўнасць вялікай колькасці вайскоўцаў прыводзіла да дробных сутычак з мясцовым насельніцтвам. Напрыклад, на адной

з гарадскіх вуліц быў збіты гвардзейскі капітан. Вінаваты так і не быў знойдзены, нягледзячы на тое, што здарэнне адбылося на вачах натоўпу людзей [22, 232].

Найбольш арыгінальна на знаходжанне ў горадзе рускіх войскаў рэагавалі студэнты Віленскага ўніверсітэта. Падчас аднаго з баляў у залу ўвайшоў прысланы студэнтамі яўрэй-кравец з гвардзейскім мундзірам на руцэ, а пры мундзіры была жаночая маска з надпісам: «Panny sznurem za mundurem». Такім чынам студэнты спрабавалі абразіць віленскіх дам, якія танцавалі з афіцэрамі [23, 28]. Вялікі рэзананс у горадзе атрымала навіна, што студэнт Ф. Узоўскі выклікаў на дуэль гвардзейскага капітана, які абразіў яго, але двубою ўдалося пазбегнуць [22, 233]. Вышэйшыя колы мясцовага грамадства таксама даволі стрымана ставіліся да гвардзейцаў, прычым зачэпку давалі самі вайскоўцы. Вялікі князь Мікалай Паўлавіч, які камандаваў адной з гвардзейскіх брыгад, ігнараваў усе публічныя мерапрыемствы, якія праходзілі ў Вільні [23, 27].

20 мая 1822 г. у Вільні адбыўся агляд, а 22–24 мая – манеўры гвардзейскага корпуса. Імператар Аляксандр І застаўся задаволены выпраўкай і дзеяннямі палкоў, і хутка з'явіўся Высачайшы дазвол вярнуцца гвардыі ў Пецярбург [18, 18]. Вяртанне гвардыі ў сталіцу магло сведчыць пра тое, што дысцыпліна ў корпусе палепшылася. Аднак выпадкі, якія б маглі сведчыць аб канфліктах у гвардзейскім асяродку, мелі месца і падчас кватаравання ў заходніх губернях. Так, у лейб-гвардыі Конным палку падчас яго знаходжання ў Віцебскай губерні мелі месца выпадкі самагубства [9, 6]. Члены Літоўскай правінцыі Патрыятычнага таварыства даносілі ў гэты час у Варшаву, што імператарская гвардыя ўжо падрыхтавана да бунту [12, 27].

Такім чынам, знаходжанне імператарскай гвардыі ў заходніх губернях падчас 1821/1822 гг. было выклікана крызісам расійскай імператарскай арміі, які прывёў да падзення яе дысцыпліны. Таксама яно было цесна звязана з пытаннем тронаспадкаемства. Кватараванне гвардыі на тэрыторыі сучасных Беларусі і Літвы магло стаць важнай передумовай паляпшэння адносін ліцвінскай і рускай эліт. Аднак ні рускае дваранства, ні беларуская і літоўская шляхта не былі зацікаўлены ў нармалізацыі адносінаў.

Літаратура

1. Антонов Б. И. Императорская гвардия в Санкт-Петербурге. СПб., 2001.
2. Бестужев А. Воспоминания Бестужевых. М. Л., 1951.
3. Букчин С. К мечам рванулись наши руки. Минск, 1985.
4. Ганглебов А.С. Воспоминания декабриста Александра Семеновича Ганглебова. М., 1868.
5. Лорер Н.И. Записки декабриста Н.И. Лорера. М., 1931.
6. Маркс М. Записки / М. Маркс // Віцебскі сшытак. 1996, № 2.
7. Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М., 1926.
8. Муравьев Н.И. Письма декабриста (1813–1826). М., 2001.
9. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1416 воп. 2 спр. 6322.
10. Нацыянальна-гістарычны архіў Беларусі. Ф. 1416 воп. 2 спр. 6353.
11. Одоевский А.И. Полное собрание стихотворений и писем. Л., 1934.
12. Ольшанский П.Н. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М.,1959.
13. Писаревский Г.Г. К истории польской революции 1830 г. Баку, 1930.
14. Пущин М. И. Записки / М.И. Пущин // Русский Архив. 1908, кн. 3, № 11.
15. Розен А.Е. Записки декабриста. СПБ., 1907.
16. Сигунов Н.Г. Воспоминания артиллерии генерал-лейтенанта Н.Г. Сигунова / Н.Г. Сигунов // Русская Старина. 1870, Т. 1.
17. Тарасов Д.К. Воспоминания моей жизни. / Д.К. Тарасов // Русская Старина. 1871. Т. 4.
18. Швед В.В. Беларускія старонкі гісторыі дзекабрыстаў. Мінск, 1998.
19. Шильдер Н.Л. Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1905, Т.IV.
20. Шыбека З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002). Мінск, 2003.
21. Якушкин И.Д. Статьи, документы. Иркутск, 1993.
22. Moravski Stanislav. Kilka lat mlodosci mojej w Wilnie (1818–1825). Warszawa, 1924.
23. Puzynina Gabriela.W Wilnie i w dworach litewskich pamiętnik z lat 1815–1843. Wilno.

Галіна Флікоп
(ЕГУ, г. Вільнюс)

ГРАВЮРЫ БІБЛІІ ПІСКАТАРА ЯК КРЫНІЦА ДЛЯ ЎСХОДНЕСЛАВЯНСКАГА САКРАЛЬНАГА МАСТАЦТВА XVII–XVIII СТАГОДДЗЯЎ

The paper focuses on the engravings printed in the famous 17th century Netherlands' edition of «Theatrum biblicum ae neis exspressae… per Nicolaum Ioannis Piscatorem». The book was widespread not only in the Western Europe, but also on the East Slavic lands. Its illustrations made a strong impact on the development of Orthodox fine arts in the 17th–18th centuries. The article analyzes basic research of the topic in Russian, Ukrainian, and Belarusian art studies. New examples of copying the Netherlands' copper-cut by Ukrainian engravers, unknown before, were detected. The influence of illustrations of «Theatrum biblicum…» on the Belarus iconography of the 18th century is considered.

Лічым мэтазгодным пачаць свой артыкул словамі аднаго з рускіх даследчыкаў, які, на нашу думку, вельмі трапна ахарактарызаваў месца і ролю Бібліі Піскатара ў еўрапейскім мастацтве разглядаемага перыяду: «На сегодняшний день, Библия Пискатора считается одним из самых популярных западноевропейских иконографических источников, применявшихся во второй половине XVII–XVIII вв. сразу в нескольких странах славянского мира – России, Сербии, Македонии, Болгарии и др. Данное издание является ярким примером огромной роли циркулирующей графики в общеевропейском процессе передачи творческих достижений и художественного опыта, который сопровождал, а иногда и определял эволюцию искусства» [8, 96].

Біблія Піскатара – помнік нідэрландскага кнігадрукавання сярэдзіны XVII стагоддзя. Гэтая кніга, якая ўключае каля 500 гравюр на медзі, была апублікавана амстэрдамскім пейзажыстам і выдаўцом Класам Янсам Вінсхерам (1586–1652) пад назвай *«Theatrum biblicum ae neis exspressae... per Nicolaum Ioannis Piscatorem»*[1]. Біблія выдавалася ў Амстэрдаме шэсць разоў: у 1639, 1643, 1646, 1650 (двойчы за год) і 1674 гадах, пры гэтым даследчыкі адзначаюць, што большасць яе ілюстрацый зроблена ў Нідэрландах яшчэ ў канцы XVI – пачатку XVII стст., а Клас Вінсхер выкарыстаў ужо гатовыя раней гравіравальныя дошкі. У стварэнні апошніх прымалі ўдзел 19 нідэрландскіх рытараў, сярод якіх Філіп Гале, Хендрык Голцыюс, сямействы Вірыксаў, Колартаў, Садэлераў. Творы майстроў, выкарыстаныя для Бібліі Піскатара, першапачаткова друкаваліся ў буйных тагачасных выдавецтвах Іраніма Кока (1507–1570), Герарда дэ Ёдэ (1509/17–1591), Філіпа Гале (1537–1612) у Антвэрпэне, Якаба дэ Гейна II (1565–1629) у Гаазе і інш. [8]. Выданне было шырока вядома далёка па-за межамі Нідэрландаў. Кніга ўяўляе цікавасць для даследчыкаў не толькі як помнік друкавання, але і як мастацкі здабытак: ілюстрацыі з'яўляюцца самабытнымі творамі тыражнай графікі. Пры гэтым трэба падкрэсліць, што іх значнасць заключаецца не столькі ў стылістычным выкананні або мастацка-вобразнам змесце, колькі ў выключнай ролі ў развіцці заходнееўрапейскага, а таксама ўсходнеславянскага сакральнага мастацтва другой паловы XVII–XVIII стагоддзяў.

Закранаючы пытанне выкарыстання гравюры (і не толькі твораў Бібліі Піскатара) у якасці крыніцы для твораў сакральнага мастацтва, варта адзначыць, што дадзеная тэматыка ў беларускай гістарыяграфіі амаль не вывучана [30, 52]. Аднак у рускім мастацтвазнаўстве яшчэ ў пачатку XX ст. пытанню выкарыстання гравюр у якасці крыніцы для фрэсак храмаў прысвечаны пэўныя даследаванні. Як адзначыла сучасная руская даследчыца А.Г. Саковіч, закранаючы гістарыяграфію дадзенага пытання: «...ряд исследователей, работавших над историей русского искус-

[1] Па тагачаснай модзе аўтар літаральна пераклаў сваё прозвішча на лацінскую мову (Вінсхер – з галандскай «рыбак»), адкуль і паходзіць умоўнае найменне кнігі, прынятае ў беларускім, рускім, украінскім мастацтвазнаўстве.

ства после В.В. Стасова[2], доказали широкое распространение в России XVII века Библии Пискатора» [25, 13]. Цікавы ў гэтым плане артыкул М.В. Алпатава «Праблема барока ў рускім іканапісе» за 1926 год, дзе аўтар акцэнтуе ўвагу на выкарыстанні рускімі фрэскістамі і іканапісцамі XVII стагоддзя заходнееўрапейскіх гравюр, у тым ліку і ілюстрацый Бібліі Піскатара [2, 81]. Даследчык даводзіць думку, што істотная роля ў станаўленні стылю барока на рускіх землях належыць заходнееўрапейскім творам тыражнай графікі, шырока распаўсюджаным і даступным для капіравання. Менавіта яны, выкарыстаныя ў якасці першаўзору для рускіх абразоў і фрэсак, паўплывалі на развіццё стылю і з'яўленне новых тэмаў у праваслаўным жывапісе (такіх як Апакаліпсіс). Гэтая публікацыя важна для нашага разгляду, бо сведчыць пра значны ўзровень даследаванасці (а не выпадковае ўзгадванне) разглядаемай тэмы ў рускім мастацтвазнаўстве яшчэ ў пачатку XX стагоддзя. Пры гэтым варта адзначыць, што сучасная беларуская даследчыца манументальнага жывапісу В. Бажэнава піша: «Впервые на проблему участия гравюры в формировании стиля живописи указал американский искусствовед Ф. Кимбал, директор филадельфийского музея, в книге "Рождение стиля рококо". На момент издания книги в 1943 г. подобные выводы казались дискуссионными. Современные же исследователи находят все больше примеров, подтверждающих выводы ученого» [3, 300]. Аднак прыведзеныя вышэй звесткі сведчаць пра тое, што ў рускім мастацтвазнаўстве на ўдзел гравюры ў фармаванні стылю жывапісу даследчыкі звярнулі ўвагу ў 20-я гг. XX стагоддзя – амаль на 20 гадоў раней за амерыканскага навукоўца.

Фактычна адначасова з публікацыямі Алпатава з'яўляюцца артыкулы і іншых рускіх аўтараў, у якіх распрацоўваецца дадзеная тэма. У матэрыялах Е.І. Сычавец-Федаровіч з кнігі «Рускае мастацтва XVII стагоддзя» (1929) вядзецца гаворка пра выкарыстанне гравюраў з разглядаемай Бібліі Піскатара для Яраслаўскіх фрэсак [27]. Увогуле, у рускім мастацтвазнаўстве існуе досыць

[2] Сапраўды, Стасаў выказваў сумнеў адносна распаўсюджанасці на рускіх землях нідэрландскіх выданняў, мяркуючы, што найбольш пашыранымі маглі быць нямецкія і польскія тагачасныя кнігі [25, 13]. Аднак ужо ў пачатку XX стагоддзя вялікая колькасць даследчыкаў схіляецца да думкі (ды і знаходзіць гэтаму пацверджанне), што шырока распаўсюджанай была амстэрдамская Біблія Піскатара.

шмат публікацый даследчыкаў, прысвечаных розным аспектам бытавання Бібліі Піскатара на рускіх землях і ролі яе гравюр у развіцці праваслаўнага выяўленчага мастацтва XVII–XVIII стст. Кажучы пра ўплыў амстэрдамскіх ілюстрацый на мастацкі працэс, варта падкрэсліць, што гаворка вядзецца не толькі пра жывапіс: пэўныя даследаванні прысвечаны і ролі гэтых твораў у развіцці рускай гравюры. Да ліку такіх навуковых працаў і належыць манаграфія А.Г. Саковіч «Народная гравированая книга Василия Кореня 1692–1696», дзе асобная глава прысвечана іканаграфічным аналагам і першакрыніцам, якія мог выкарыстаць мастак пры стварэнні ілюстрацый да названай кнігі. Сярод іх аўтар адзначае і Біблію Піскатара, шырока пашыраную на рускіх землях у той час[3]. Акрамя таго, аўтар не пакідае па-за ўвагай іншыя еўрапейскія творы тыражнай графікі таго часу, у тым ліку гравюры Дзюрэра, Кранаха, Гальбэйна. Але ўсё ж асобная ўвага даследчыцы прысвечана Бібліі Піскатара. А.Г. Саковіч прыводзіць цікавыя думкі папулярнасці менавіта гэтага выдання і яго ілюстрацый на рускіх землях: «Апокалипсис Пискатора для русских средневековых мастеров – это прежде всего давно известный им по европейским иллюстрированным изданиям Апокалипсис Лютера, в данном случае представленный в очень удобном крупноформатном издании альбомного типа и потому ставший для них своеобразным иконописным подлинником. Кроме того, Библия Пискатора, представляющая собой сборник гравюр XVI – начала XVII века разных авторов, была в голландском искусстве XVII века произведением эклектичным, архаизирующим, утверждавшим эстетические идеалы эпохи Возрождения в эпоху Рембрандта... Эмоциональная нейтральность Библии Пискатора, т.е. её незначительность как произведения искусства, облегчала её использование и свободное толкование в России, тогда как преодолеть силу искусства Дюрера, Кранаха и Гольбейна было трудно» [25, 16]. Гэтую ж думку падкрэслівае і даследчык беларускіх старадрукаў В.Ф. Шматаў у артыкуле, прысвечаным творчасці Дзюрэра і Скарыны «Абодва перамаглі», дзе, акрамя ўсяго іншага, вядзецца гаворка і пра сюжэт Апакаліпсіса. Мастацтвазнаўца адзначае, што ў фрэскавым роспісе рускіх храмаў гэты заходнееўрапейскі сюжэт

[3] Перш за ўсё, аўтарам адзначаецца роля гравюр тэмы «Апакаліпсіса» у стварэнні адпаведнай іканаграфіі праваслаўных твораў.

распаўсюдзіўся праз запазычаныя іканаграфічныя ўзоры. Аднак, як падкрэслівае В.Ф. Шматаў, рускія фрэскісты за ўзор узялі не лепшыя творы (напрыклад, гравюры Кранаха, Гальбэйна і непасрэдна разгледжаныя ў артыкуле творы Скарыны і Дзюрэра), а скарысталіся гравюрамі з амстэрдамскай кнігі «...грунтоўна задуманай і бліскуча надрукаванай, але кампілятыўнай і зусім пасрэднай з мастацкага боку ў сваіх гравюрах» [31, 14]. Аднак, на нашую думку, з выказанымі меркаваннямі даследчыкаў не ва ўсім можна пагадзіцца. Тое, што кніга была кампіляцыяй – факт відавочны і агульна вядомы ў навуковай літаратуры. Калі разглядаць Біблію Піскатара як асобна ўзяты помнік культуры і мастацтва (а не сукупнасць разрозненных твораў), то, безумоўна, яе можна назваць «пасрэднай» і «незначительной». Але калі разглядаць яе не як адзіны твор мастацтва, а як збор асобных твораў (чым, па сутнасці, Біблія Піскатара і з'яўляецца), то некаторыя сярод іх вылучаюцца не толькі высокім тэхнічным майстэрствам (гэта ўласціва амаль усім ілюстрацыям кнігі), а і кампазіцыйнай прадуманасцю, завершанасцю мастацка-вобразнага і пластычнага ладу.

Цікава адзначыць, што пазней рускімі навукоўцамі неаднаразова падкрэслівалась папулярнасць гэтай Бібліі на рускіх землях, а асабліва сярод іканапісцаў і фрэскістаў, якія карысталіся яе ілюстрацыямі як дапаможным матэрыялам і іканаграфічнай крыніцай. З сучасных даследчыкаў пытанне выкарыстання гравюры Бібліі Піскатара закранаў В. Пуцко, аналізуючы агульныя тэндэнцыі і выяўляючы адрозненні ва ўкраінскім, рускім і беларускім мастацтве XVI–XVIII стагоддзяў. Аўтар адзначае, што для беларускага сакральнага жывапісу праваслаўных цэркваў не было характэрна выкарыстанне заходнееўрапейскіх іканаграфічных крыніц, тут творцы збольшага кіраваліся гравюрамі з брацкіх выданняў, у адрозненне ад расейскага мастацтва, дзе гэта было натуральнай з'явай. Цікава, што такія фрэскі або абразы звычайна не адпавядалі праваслаўнаму канону [23, 70].

Акрамя таго, што ў рускім мастацтвазнаўстве да Бібліі Піскатара звярталіся даследчыкі сакральнага жывапісу і старадрукарскай спадчыны, выяўляючы і вывучаючы першаўзоры айчынных твораў праваслаўнага мастацтва (якімі і з'яўляюцца ілюстрацыі названай кнігі), нідэрландскае выданне даследава-

лася таксама і з пункту гледжання паўтораў і капіравання. Інакш кажучы, медзярыты Бібліі Піскатара створаны таксама паводле ўзору іншых еўрапейскіх твораў, і гэты аспект не застаўся па-за ўвагай рускіх навукоўцаў [8]. З прыведзеных вышэй звестак відавочна, што ў мастацтвазнаўстве нашых усходніх суседзяў славутае нідэрландскае выданне вывучалася грунтоўна, шматбакова і на працягу стагоддзя ад публікацый ў пачатку 1900-х гадоў.

Аднак бачыцца больш цікавым засяродзіцца на адпаведных працах беларускіх і ўкраінскіх даследчыкаў, дзе ўздымалася дадзенае пытанне. У працах украінскіх навукоўцаў пра выкарыстанне гравюр (і не толькі з Бібліі Піскатара) для іканапісу адзначаецца досыць часта [12, 13–16], [45, 18–20]. Даследчык старажытнага мастацтва Д. Стэповік неаднаразова падкрэслівае ўплыў заходнееўрапейскіх твораў тыражнай графікі на сакральны жывапіс (ды і іншыя віды выяўленчага мастацтва) Украіны [26, 60]. У працах украінскіх даследчыкаў знаходзім і звесткі пра канкрэтныя прыклады выкарыстання гравюр з нідэрландскага выдання. Так, у альбоме «Іканапіс Украіны XII–XIX стст.» адносна абраза «Саглядатаі зямлі Ханааньскай» аўтары адзначаюць, што дадзены твор напісаны паводле гравюры з Бібліі Піскатара [29, 15]. Гэта важны прыклад, паколькі, не глядзечы на частыя ўзгадванні ва ўкраінскім мастацтвазнаўстве пра ўплыў заходнееўрапейскіх гравюр на мясцовы іканапіс, ён з'яўляецца адзіным (які нам удалося выявіць), дзе гаворка непасрэдна вядзецца пра разглядаемае намі амстэрдамскае выданне. Цікавасць выклікаюць і звесткі пра абраз «Хрыстос у вінаградарні» з кіеўшчыны. Д. Стэповік выказаў меркаванне, што дадзены твор выкананы пад уплывам аднайменнай гравюры нідэрландскага майстра Вірыкса [26, 71]. Як было адзначана на пачатку нашага артыкула, у Біблію Піскатара ўвайшлі медзярыты 19 мастакоў, адным з якіх з'яўляецца і Вірыкс. Гравюра «Хрыстос у вінаградарні» не была адціснута ў разглядаемай амстэрдамскай кнізе, аднак яна магла патрапіць на ўкраінскія землі як самастойны станковы твор, што выглядае цалкам магчымым, калі ўзгадаць пра метады навучання ў іканапіснай і гравёрнай майстэрнях Кіева-Пячэрскай Лаўры, дзе вучні капіравалі заходнееўрапейскія гравюры [12, 45][4].

[4] Дарэчы, пра ўплыў станковай гравюры Вірыкса на праваслаўнае мастацтва адзначалася і іншымі даследчыкамі. Так, на гэтую з'яву звяр-

У беларускай мастацтвазнаўчай літаратуры на дадзены момант удалося выявіць толькі адно ўзгадванне пра ўплыў медзярыта з Бібліі Піскатара на айчынны іканапіс, хоць гаворка пра ўплыў гравюр (кірылічных выданняў) на абразы вялася з 20 гадоў ХХ стагоддзя ў працах Міколы Шчакаціхіна [1], [11, 15–16, 19–20], [32]. Названы прыклад датычыцца абраза другой паловы XVIII ст. «Дабравешчанне». Іканапісны твор быў выяўлены ў Святатроіцкай царкве в. Зёлава Драгічынскага р-на Брэсцкай вобл. Даследчыца старажытнага мастацтва Н.Ф. Высоцкая прыводзіць наступныя звесткі: «Иногда белорусские изографы XVIII в., как и в предыдущем столетии, обращались к Библии Пискатора, как, например, в «Благовещении» из Зёлова» [7, 18], [10, № 129]. Да нядаўняга часу нашая даследчая праца ўскладнялася тым, што папрацаваць са славутым нідэрландскім выданнем не прадстаўлялася магчымым. На жаль, у бібліятэках Беларусі яно не прадстаўлена. Таму даводзілася весці даследаванне збольшага метадам аналогіі: напрыклад, іншы твор зёлаўскага майстра «Сашэсце Святога Духа на апосталаў» створаны ў іканаграфіі, якая ўласціва і аднайменным гравюрам усходнеславянскіх, а не заходнееўрапейскіх выданняў[5]. Праваслаўная іканаграфія аднаго з абразоў у пэўнай ступені дазваляе меркаваць і пра іншыя творы

тае ўвагу Н.І. Камашка ў артыкуле «Русская иконопись нового времени в частных собраниях» адносна багародзічных вобразаў рэдкіх зводаў: «Так, в основе иконографии Богоматери Силуамской лежит гравюра известного нидерландского гравера Иеронима Вирикса, которая послужила образцом для московского гравера Григория Тепчегорского, выполнившего в 1713–1714 годах ее изображение в цикле образов чтимых икон Богоматери» [11, 102]. У цэлым гэта пацвярджае думку пра ўплыў на праваслаўны іканапіс заходнееўрапейскіх узораў, а таксама сведчыць пра шляхі распаўсюджвання рэдкай іканаграфіі, якая станавілася вядомай дзякуючы гравюрам.

5 Так, даследчыца магілёўскіх старадрукаў А.М. Пікулік адзначыла, што вышэй названы твор напісаны паводле гравюры Фёдара Ангілейкі – майстра, які працаваў у друкарні Богаяўленскага брацтва г. Магілёва [21, 80]. Сапраўды, выява з магілёўскага «Ірмалоя» (1700, 1747) мае падабенства з названым абразом, але адназначна сказаць немагчыма. Іканаграфічнай аналогіяй да жывапіснага твора таксама з'яўляецца выява з тытульнага аркуша зборніка твораў Фікарыя Святагорца «Вертаград душэўны» (Вільня, 1620) [9, 194]. Сярод іншых вядомых нам гравюр найбольш блізкая выява не сустрэлася, аднак іканаграфічных аналогій досыць шмат у выданнях Кіева-Пячэрскай лаўры.

групы. Таксама быў выяўлены і графічны твор з украінскай кнігі, які мае істотнае падабенства з зёлаўскім «Дабравешчаннем», – гравюра з кнігі Кірылы Транквіліёна «Евангелле павучальнае», выдадзенае ва Уневе ў 1696 [28][6]. Аднак усё вышэй сказанае пра творы зёлаўскага майстра з'яўлялася толькі меркаваннямі, пакуль не прадставілася магчымым папрацаваць непасрэдна з самой Бібліяй Піскатара [6]. Асобнік гэтай кнігі з бібліятэкі Троіцэ-Сергіевай лаўры (Сергіеў-Пасад, Расія) быў адлічбаваны пры здзяйсненні сумеснага праэкту названай лаўры і Расійскай дзяржаўнай бібліятэкі, і электронны варыянт змешчаны на афіцыйным сайце лаўры ў раздзеле «рукапісы»[7]. Вяртаючыся да адзінага прыкладу ў беларускім мастацтвазнаўстве – зёлаўскага «Дабравешчання» – трэба адзначыць, што меркаванне Н.Ф. Высоцкай не пацвердзілася. У Бібліі надрукавана некалькі гравюр такога сюжэту, аднак ніводная з іх не з'яўляецца настолькі блізкай, каб можна было сцверджаць пра яе ўплыў на названы беларускі іканапісны твор [малюнак 1–4]. Такім чынам, на дадзены момант мы не маем ніводнага прыкладу ўздзеяння гравюр нідэрландскага выдання на беларускі іканапіс.

Тым не менш, нам удалося выявіць пяць цікавых прыкладаў капіравання медзярытаў Бібліі Піскатара ўкраінскімі гравёрамі. У некалькіх кнігах, выдадзеных у Кіева-Пячэрскай лаўры, і ў адной з друкарні Троіца-Ільінскага манстыра г. Чарнігава нам сустрэліся ілюстрацыі, створаныя яўна пад уплывам твораў

---

6 Трэба падкрэсліць, што зёлаўскі твор з'яўляецца адзінай вядомай нам іканапіснай працай, дзе Марыя паказана ўкленчанай. Прычым размяшчэнне яе фігуры каля самога края ставарае ўражанне «абрэзанасці» іканапіснай дошкі. На ўнеўскай выяве яна таксама паказана па пояс, аднак там гэта абгрунтавана гарызантальнай кампазіцыяй гравюры, якая адначасова выконвае ролю застаўкі і ілюстрацыі (цікавая асаблівасць дрэварытаў дадзенага выдання).

7 Цікава адзначыць, што гэты помнік кніжнай культуры ў дадзены раздзел патрапіў не выпадкова. Паколькі праект быў накіраваны на перавядзенне ў лічбавы фармат менавіта рукапіснай спадчыны, то дадзены факт выклікае цікавасць. Справа ў тым, што ў гэтым асобніку Бібліі Піскатара пад кожнай з гравюр размешчаны славянскі верш манаха Мардарыя Хонікава, запісаны ад рукі ў 1679–1700 гг. Таму гэтая кніга з'яўляецца не толькі помнікам нідэрландскага кнігадрукавання, а і славянскай рукапіснай і літаратурнай спадчынай. Менавіта дзякуючы гэтым акалічнасцям Біблія Піскатара і стала даступнай для даследчыкаў і зацікаўленых асобаў.

амстэрдамскіх майстроў. Зараз толькі прадстаўляецца магчымым пералічыць дадзеныя прыклады, якія выглядаюць разрозненнымі і выпадковымі. На жаль, па гэтай прычыне мы не можам правесці пэўныя абагульненні, аднак нашыя назіранні могуць паспрыяць правядзенню паўнавартаснага даследавання гэтай з'явы ўдалейшым. Цалкам магчыма, што нідэрландскія гравюры паслужылі першаўзорамі, патрапіўшы на ўкраінскія землі самастойнымі адбіткамі, а не ў складзе Бібліі Піскатара. Выказаць такую думку дазваляе той факт, што, да прыкладу, у «Псалтыры з тлумачэннем» (Кіеў, 1697) толькі адна гравюра створана па ўзору ілюстрацыі нідэрландскай кнігі [22], хаця вялікая колькасць сюжэтаў для абодвух выданняў з'яўляецца агульнай. Адсюль паўстае слушнае пытанне, чаму майстар Кіева-Пячэрскай лаўры, маючы ў наяўнасці альбом Піскатара з вялікай колькасцю ілюстрацый, выкарыстаў у якасці ўзору толькі адну з іх, а астатнія свае гравюры ствараў паводле іншых твораў? Тое ж датычыцца і іншых прыкладаў уздзеяння амстэрдамскіх гравюр на кіеўскія і чарнігаўскія. У тым і справа, што, на нашую думку, ва ўкраінскіх майстроў не было амстэрдамскай Бібліі, а толькі асобныя самастойныя адбіткі, якія пасля былі надрукаваны ў ёй. Але гэтае назіранне пакуль не падмацавана грунтоўным вывучэннем матэрыялу, што плануецца зрабіць далей. Зараз, як было адзначана вышэй, магчыма толькі пералічыць выяўленыя прыклады:

1. «Праабражэнне» з «Псалтыра з тлумачэннем» створана паводле аднайменнага медзярыту Коларта, надрукаванага ў «Новым Запавеце» Бібліі Піскатара. У апошняй, дарэчы, змешчаны два творы такога сюжэту розных майстроў [22; малюнак 5–6].

2. «Троіца» (у рэдакцыі «Гасціннасць Аўраама»), адціснутая ў кіеўскіх выданнях XVII ст. «Эўхалагіён або Трэбнік» (Кіеў, 1646), Лазар Барановіч «Меч духоўны» (Кіеў, 1666), Антоні Радзівілоўскі «Агародак Дзевы Марыі» (Кіеў, 1676) з адной дошкі, зроблена паволе гравюры са «Старога Запавету» Бібліі Піскатара без уліку інверсіі, у выніку чаго выява атрымалася люстэркавай адносна першаўзору. У новы твор былі ўнесены і невялікія змены: напрыклад, Мамврыйскі Дуб размешчаны не пасярэдзіне, а збоку. Аднак параўнанне твораў не пакідае сумненняў пра іх іканаграфічную ўзаемасувязь. Сведчаннем гэтага з'яўляюцца жэсты анёлаў, Аўраама і Сары, складкі вопраткі персанажаў, і нават

такія дробныя дэталі, як гарбуз (ці кавун), талерка на стале, разьбяныя ножкі апошняга і г.д. [4; 24; 33, малюнак 7–8].

3. Гравюра «Кіт і прарок Іона» з кнігі Лазара Барановіча «Трубы на дні...» (Кіеў, 1674) таксама створана паводле медзярыту са «Старога Запавету» Піскатара з пэўнымі зменамі. Гэта датычыцца размяшчэння прарока, пейзажу на заднім плане. Аднак агульнае кампазіцыйнае вырашэнне, выява кіта сведчаць пра ўзаемасувязь твораў. Магчыма, украінскі мастак спрасціў сабе задачу, размясціўшы фігуру Іоны ў пашчы кіта [5, малюнак 9–10].

4. Ілюстрацыя да «Апакаліпсіса» з «Новага Завапету з Псалтыром» (Кіеў, 1692) і адпаведны твор з «Бібліі Піскатара» маюць шэраг агульных рысаў, але іх адрознівае размяшчэнне ляжачай фігуры, пры гэтым на абодвух творах яна вельмі падобна не толькі позай, жэстамі, а таксама і складкамі вопраткі. Адрозніваюцца творы агульнай арыентацыяй кампазіцыі: калі на першаўзоры яна разгортваецца гарызантальна, то на кіеўскім дрэварыце – вертыкальна. На жаль, асобнік, з якім нам давялося працаваць, дэфектны, і дадзеная ілюстрацыя пашкоджана ў верхнім левым куце [17, малюнак 11–12].

5. Апошні з выяўленых прыкладаў уздзеяння нідэрландскіх медзярытаў на ўкраінскую гравюру датычыцца твора не кіеўскага, як вышэй пералічаныя, а чарнігаўскага выдання «Новы Запавет» (Чарнігаў, 1717). Тут, як і ў папярэднім выпадку, гаворка вядзецца пра ілюстрацыю да «Апакаліпіса». Падабенства твораў відавочна. Магчыма, чарнігаўская гравюра створана не паводле амстэрдамскага медзярыту, а па ўзору ілюстрацыі якога-небудзь (пакуль не вядомага нам) кіеўскага выдання, якое, у сваю чаргу, у якасці першакрыніцы скарысталася гравюрай з Бібліі Піскатара. Выказаць такую думку дазваляе той факт, што майстры чарнігаўскай друкарні досыць часта капіравалі менавіта ілюстрацыі кіеўскіх калег. Як і ў вышэй названым прыкладзе, тут таксама творы адрозніваюцца агульнай арыентацыяй кампазіцыі [18, малюнак 13–14].

Яшчэ раз неабходна падкрэсліць, што прыклады ўплыву амстэрдамскіх гравюр на ўкраінскія творы тыражнай графікі дазваляюць выказаць меркаванне пра распаўсюджанасць першых як самастойных твораў, а не ў складзе альбома, выдадзенага Піскатарам. Таму, як гэта ні парадаксальна гучыць, казаць пра ўплыў гравюр Бібліі Піскатара можна фактычна з канца XVI ста-

годдзя – да ўзнікнення Бібліі Піскатара як прадукта друкаванай вытворчасці, культурнай і мастацкай з’явы. У гэтым выпадку неабходна падкрэсліваць, што медзярыты амстэрдамскіх майстроў, якія пазней увайшлі ў славутае нідэрландскае выданне, першапачаткова былі самастойнымі творамі.

Абагульняючы вышэй сказанае ў дадзеным артыкуле, трэба падкрэсліць, што даследчыкамі ў мастацтвазнаўчых працах фактычна на працягу ўсяго ХХ ст. адзначаўся істотны уплыў гравюр Бібліі Піскатара на рускую фрэску і гравюру, на ўкраінскі іканапіс. Пра беларускае сакральнае мастацтва ў гэтым кантэксце гаворка амаль не вялася. Гэта можа быць выклікана дзвюмя прычынамі: або дадзеная з’ява не мела месца ў беларускім тагачасным мастацтве, або ніхто з навукоўцаў на яе не звярнуў увагі. Улічваючы тое, што Біблія Піскатара была вельмі пашырана ў свой час, а гравюрамі з яе карысталіся як крыніцай рускія і ўкраінскія майстры ў другой палове XVII–XVIII ст., то мала верагодна, што гэтае выданне абмінула землі Рэчы Паспалітай. Таму бачыцца неабходным далейшае даследаванне ў дадзеным накірунку, якое б дало магчымасць адказаць на пастаўленыя пытанні: ці была пашырана Біблія Піскатара на беларускіх землях і ці паўплывалі яе ілюстрацыі на развіццё беларускага сакральнага мастацтва XVII–XVIII стст. у такой жа ступені, як на рускае і ўкраінскае.

Літаратура

1. 1-я ўсебеларуская мастацкая выстаўка. Каталог аддзела старажытнага мастацтва / апрац. М. Шчэкаціхіна. Мінск, 1926.
2. Алпатов М. В. Проблема барокко в русской иконописи / М.В. Алпатов // Барокко в России. Труды секции пространственных искусств. Государственная академия художественных наук. Под ред. проф. А.И. Некрасова. Москва, 1926. С. 81–92.
3. Баженова О.Д. Радзивилловский Несвиж. Росписи костёла Божьего тела. Минск: Харвест, 2007.
4. Барановіч Л. Меч духоўны / Лазар Барановіч. Кіеў: друкарня Кіева-Пячэрскай лаўры, 1666. (Цэнтральная Навуковая бібліятэка імя Якуба Коласа НАН Беларусі (далей – ЦНБ). К 16-18 / Ср 5)[8].

[8] Паколькі асобнікі аднаго накладу часам мелі варыянты афармлення (аздабляліся рознымі гравюрамі), а таксама дайшлі да нашага часу ў розным стане, то бачыцца неабходным дакладна пазначаць шыфр той кнігі, з якой непасрэдна нам давялося працаваць. Таму ў дужках пасля асноўных бібліяграфічных звестак выдання прыводзіцца назва бібліятэкі,

5. Барановіч Л. Трубы на дні нарачытыя святаў... / Лазар Барановіч. Кіеў: друкарня Кіева-Пячэрскай лаўры, 1674 (ЦНБ, К 16-18/ Ср 74).
6. Библия лицевая, изданная Николаем-Иоанном Пискатором в 1674 г. («Theatrum Biblicum hocest historiae sacre et novi testamenti tabulis aeneis expressae... Nicolaum Johannis Piscatorem. Anno 1674»), с рукописными подписями-виршами Мардария Хоникова. В двух книгах // Дом Живоначальной Троицы. Официальный сайт Свято-Троицкой Сергиевой лавры [электронный ресурс]. Режим доступа http://www.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=2&manuscript=370.2. Дата доступа: 22.09.2010.
7. Высоцкая Н.Ф. Искусство Беларуси 12–18 вв. Минск, 2004.
8. Гамлицкий А.В. Библия Пискатора и проблема гравированных образцов в европейском искусстве XVI–XVIII столетий / А.В. Гамлицкий // Проблема копирования в европейском искусстве. Материалы научной конференции РАХ. 1997 г. М., 1998. С. 96–116.
9. Гісторыя беларускай кнігі. У 2 т. Т.1. Кніжная культура Вялікага княства Літоўскага / М.В. Нікалаеў; навук. рэд.: В.В. Антонаў, А.І. Мальдзіс. Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П.Броўкі, 2009.
10. Іканапіс Беларусі XV–XVIII стагоддзяў / Аўтар тэксту і складальнік Н.Ф. Высоцкая. Мінск: Беларусь, 2001.
11. Комашко Н.И. Русская иконопись Нового времени в частных собраниях / Н.И. Комашко // Русское искусство. 2005. № 1 (5). С. 98–103.
12. Красилин М.М. Народные иконы: региональные особенности / М.М. Красилин // Русское народное искусство: сообщения 1996 / Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник. М.: Издательский дом «Подкова», 1998. С. 40–53.
13. Лопухина Е.В. Богоматерь Почаевская, с чудесами / Е.В. Лопухина // Православная икона России, Украины, Беларуси [электронный ресурс]: виртуальная версия выставки «Православная икона России, Украины, Беларуси» в Национальном художественном музее 30 сентября – 9 ноября 2008 г. Минск: Национальный художественный музей, 2009. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
14. Лопухина Е.В. Пеликан / Е.В. Лопухина // Православная икона России, Украины, Беларуси [электронный ресурс]: виртуальная версия выставки «Православная икона России, Украины, Беларуси» в Национальном художественном музее 30 сентября – 9 ноября 2008 г. Минск: Национальный художественный музей, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
15. Лопухина Е.В. Преподобные Антоний и Феодосий Печёрские / Е.В. Лопухина // Православная икона России, Украины, Беларуси [электронный ресурс]: виртуальная версия выставки «Православ-

дзе захоўваецца дадзены асобнік, і яго шыфр.

ная икона России, Украины, Беларуси» в Национальном художественном музее 30 сентября – 9 ноября 2008 г. – Минск: Национальный художественный музей, 2009. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
16. Лопухина Е.В. Христос – Виноградная лоза / Е.В. Лопухина // Православная икона России, Украины, Беларуси [электронный ресурс]: виртуальная версия выставки «Православная икона России, Украины, Беларуси» в Национальном художественном музее 30 сентября – 9 ноября 2008 г. Минск: Национальный художественный музей, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
17. Новы запавет з псалтырам. Кіеў: друкарня Кіева-Пячэрскай лаўры, 1692. (ЦНБ, К 16-18/ Нр 155)
18. Новы запавет. Чарнігаў: друкарня Троіцка-Ільінскага манастыра, 1717. (ЦНБ, К 16-18/ Нр 68).
19. Питателева Е.В. Рождество Богоматери / Е.В. Питателева // Православная икона России, Украины, Беларуси [электронный ресурс]: виртуальная версия выставки «Православная икона России, Украины, Беларуси» в Национальном художественном музее 30 сентября – 9 ноября 2008 г. Минск: Национальный художественный музей, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
20. Питателева Е.В. Рождество Христово / Е.В. Питателева // Православная икона России, Украины, Беларуси [электронный ресурс]: виртуальная версия выставки «Православная икона России, Украины, Беларуси» в Национальном художественном музее 30 сентября – 9 ноября 2008 г. Минск: Национальный художественный музей, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
21. Пікулік А.М. Мастацтва магілёўскіх старадрукаў. Мінск: УП «Тэхнапрынт», 2002.
22. Псалтыр з тлумачэннем. Кіеў: друкарня Кіева-Пячэрскай лаўры, 1697. (ЦНБ, К 16–18/Ср 7).
23. Пуцко В. Праверка высноваў / В. Пуцко // Мастацтва Беларусі. Мінск: Полымя, 1998. № 9. С. 66–73.
24. Радзівілоўскі, А. Агародак Дзевы Марыі / Антоній Радзівілоўскі. Кіеў: друкарня Кіева-Пячэрскай лаўры, 1676. (ЦНБ, К 16–18/ Ср 54).
25. Сакович А.Г. Народная гравированная книга Василия Кореня 1692–1696 / А.Г. Сакович. Москва: «Искусство», 1983.
26. Степовик Д. Історія української ікони X–XX столітъ. Київ: Либідъ, 1996.
27. Сычавец-Федорович Е.И. Ярославские стенописи и Библия Пискатора / Е.И. Сычавец-Федорович // Русское искусство ХУII века. Л., 1929. С. 85–108.
28. Транквіліён К. Евангелле павучальнае – Унеў: друкарня пры Унеўскім Успенскім манастыры, 1696. (ЦНБ, К 16–18/ Ср 69).

29. Український іконопис XII–XIX ст. з колекції НХМУ: альбом. Хм.: Галерея, К.: Артания Нова. 2005.
30. Флікоп Г.А. Гравюра як іканаграфічная крыніца іканапісу: асноўныя аспекты вывучэння ў беларускай, украінскай, рускай гістарыяграфіях / Г.А. Флікоп // Церква – наука – суспільство: питання взаємодії. Матеріали Восьмої Міжнародної наукової конференції (26–28 травня 2010 р.) / Нац. Києво-Печер. іст.-культ. заповідник. К.: НКПІКЗ, 2010. С. 50–52.
31. Шматаў В.Ф. Абодва перамаглі / В.Ф. Шматаў // Мастацтва Беларусі. Мінск: Полымя, 1990. № 9. С. 11–14.
32. Шчакаціхін М. Васіль Вашчанка – магілёўскі гравёр канца XVII – пач. XVIII сталецьця / М. Шчакаціхін / Адбітак з Навуковага Зборніку Інстытуту Беларускае Культуры. Мінск, 1925.
33. Эўхалагіён, Малітваслоў або Трэбнік. Кіеў: друкарня Кіева-Пячэрскай лаўры, 1646. (ЦНБ, К 16–18/ Ср 16)

Мал. 1. Дабравешчанне. В. Зёлава, XVIII ст.

Мал. 2. Дабравешчанне. "Біблія Піскатара, Новы запавет", 1674.

Мал. 3. Дабравешчанне. "Біблія Піскатара, Новы запавет", 1674.

Мал. 4. Дабравешчанне. "Біблія Піскатара, Новы запавет", 1674.

Мал. 5. Дабравешчанне. "Біблія Піскатара, Новы запавет", 1674.

Мал. 6. Праабражэнне. "Псалтыр з тлумачэннем", Кіеў, 1697[9].

Мал. 7. Троіца. "Біблія Піскатара. Стары запавет", 1674.

[9] Гравюры ўкраінскіх кніг, прадстаўленыя ў якасці ілюстрацый да артыкула , узяты з выданняў, якія захоўваюцца ў фондах Аддзела рэдкай кнігі, рукапісаў і старадрукаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа НАН Беларусі.

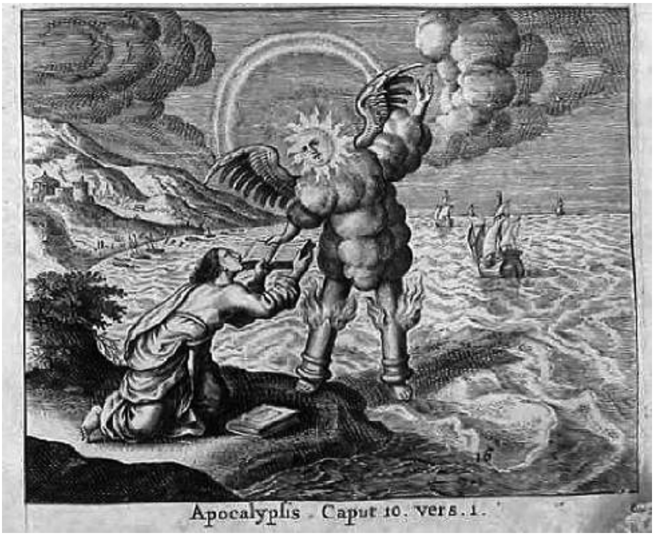
Мал. 8. Троіца. "Эўхалагіён або Трэбнік", Кіеў, 1646;
Барановіч Л. "Меч духоўны", Кіеў, 1666;
Радзівілоўскі А. "Агародак Дзевы Марыі", Кіеў, 1676.

Мал. 9. Кіт і прарок Іона. "Біблія Піскатара. Стары запавет", 1674.

Мал. 10. Кіт і прарок Іона.
Барановіч Л., “Трубы на дні...”, Кіеў, 1674.

Мал. 11. Апакаліпсіс. “Біблія Піскатара. Новы запавет”, 1674.

Мал. 12. Апакаліпсіс. “Новы запавет з псалтыром”, Кіеў, 1692.



Мал. 13. Апакаліпсіс. “Біблія Піскатара. Новы запавет”, 1674.

Мал. 14. Апакаліпсіс. “Новы запавет”, Чарнігаў, 1717.

Віталь Быль
(БДУ, Мінск)

АСАБЛІВАСЦІ ВЕДАЎСКІХ ПРАЦЭСАЎ НА ЗЕМЛЯХ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў XVI–XVIII стст.

In the 16th–18th centuries the Great Duchy of Lithuania was involved in the pan-European witch-hunting. For a variety of reasons (borderline state between the Catholic and the Orthodox world, powerful pagan traditions, a variety of religions and nationalities, etc.) the witch trials here were of specific character. Among the peculiarities were the secular character of those trials and deficiency of law in relation to such cases. One was sentenced to punishment only when there were obvious harmful consequences. The image of Sabbath was not wide-spread. These as well as other specific features can be regarded as an indicator of cultural or civilizationary influence in the period under consideration.

На беларускіх землях «паляванне на вядзьмарак» мела свае асаблівасці. Гэта тлумачыцца рознымі фактарамі, і найперш культурна-рэлігійнымі і геапалітычнымі. Калі казаць пра геапалітычнае становішча краіны, то відавочна, што ВКЛ – перыферыя хрысціянскага свету ў XIII–XV стагоддзях, пазней мяжа каталіцтва і праваслаўя. «Еўрапейская перыферыйнасць» Вялікага княства заключаецца не толькі ў геаграфічнай аддаленасці ад асноўных цэнтраў, хоць і гэта мае значэнне. Вялікае княства Літоўскае, з аднаго боку, было ўключана ў агульнаеўрапейскі кантэкст, з іншага боку, адчувала на сабе ўздзеянне пазаеўрапейскіх уплываў пры захаванні моцнай самабытнай народнай традыцыі. Усё гэта прадвызначала спецыфічнае працяканне разнастайных працэсаў, у тым ліку культурна-рэлігійнага характару.

Разглядаючы спецыфіку культурна-рэлігійнага становішча ў ВКЛ, згадаем асноўныя моманты і іх значэнне для светапогляду насельніцтва. Паступовае пранікненне хрысціянства было не толькі не гвалтоўным, але і памяркоўным да паганскіх рэаліяў тых часоў. Чарадзейства ж, як спецыфічны лад судачыненняў чалавека і сусвету, было, напэўна, характэрнай рысай светапогляду большасці насельніцтва. Утварэнне Вялікага княства Літоўскага, калі ў адной дзяржаве былі аб'яднаныя паганцы і ахрышчанае насельніцтва беларускіх і ўкраінскіх земляў, увогуле пакінула праваслаўную царкву ў значнай меры ў ролі пасіўнага сведкі. Мала што змяніла і другое хрышчэнне, праведзенае Ягайлам у 1387 г. Нягледзячы на вонкавую хрысціянізацыю і фармальнае выкананне царкоўных абрадаў, нядаўнія паганцы чапляюцца за старыя магічныя ўяўленні, якія рэлігія можа асуджаць і адрынаць, але выкараніць якіх яна не здольная, паколькі яны глыбока ўваходзяць у менталітэт і псіхіку народа. Безумоўна, што гэтыя словы можна аднесці як да сялянства, так і да мяшчан, шляхты і нават духавенства (так, праваслаўныя святары самі часам практыкавалі чарадзейства, аб чым сведчыць 37-ы параграф статуту Львоўскага Успенскага брацтва, у якім загадвалася, каб братчыкі выкрывалі святароў, якія займаліся чарадзействам, варажбою, утрымоўваючы пры царкве варажэяў, чараўніцаў або наведваючы іх [19, 95]). Адсюль паважнае, але прыхаванае стаўленне да традыцый продкаў і разважлівае выкарыстанне палітычна-канфесійных чыннікаў.

Зыходзячы з поліканфесійнасці і талерантнасці Вялікага княства Літоўскага ў XIII–XV стст., што ў значнай меры захавалася і пазней, а таксама больш позняга пачатку «палявання на вядзьмарак», можна меркаваць, што дадзеная з'ява не нарадзілася на нашых землях, а была прыўнесена звонку, найперш з Заходняй Еўропы. Каталіцтва спрыяла больш інтэнсіўнаму далучэнню да заходнееўрапейскай культуры, часткай якой на той час сталі ведаўскія ўяўленні. Таму заканамерна, што ў найбольш акаталічаных частках краіны, дзе былі слабейшыя іншыя ўплывы, ведаўскія працэсы часцей і больш падобныя да еўрапейскіх. Гэта можна сказаць пра землі сучаснай Літвы і найперш пра Жмудзь, матэрыялы з якіх часта адрозніваюцца ад звестак з іншых тэрыторый ВКЛ [4, 26–27].

Калі ў Заходняй Еўропе любыя заняткі магіяй лічыліся злачынствам, у ВКЛ стаўленне да гэтага было іншае. Як ужо згадвалася, падставай для судзебнага пераследу быў толькі малефіцыум – канкрэтная шкода, нанесеная чарамі. Пра чалавека маглі хадзіць чуткі, што ён чараўнік, ён мог і насамрэч займацца магічнымі практыкамі – гэта не цікавіла закон. Так, Васіль Брыкун быў вядомы як чараўнік на працягу трыццаці гадоў, да таго часу, пакуль пакрыўджаныя мяшчане не сабраліся з духам падаць на яго скаргу ў суд [17, 56].

Па дапамогу чараў звярталіся людзі, якія не былі прафесіяналамі ў магіі. Найбольш папулярнай была варажба: гаспадарчая (ураджай, прыплод жывёлы), аб уласным здароўі, часе смерці, аб замужжы, дзецях і г.д. [12, 68]. Людзі таксама валодалі замовамі на розныя выпадкі жыцця, прафесійнымі магічнымі прыёмамі і інш. Усё гэта не разглядалася як злачынства, але магло выклікаць падазрэнне. Так, у вядомай слонімскай справе пападдзі Раіны Грамычынай абаронца даводзіць: «азали то чары? курыть белыхъ голов пры пороженю..., умовять уразы и иншые дефекты детей малыхъ, великим зась людемъ умовяють матицы, уразы, руптуры въ костяхъ, боленья, и иншыхъ веля прыпадковъ естъ тому подобныхъ: то власне белымъ головамъ розумнымъ о томъ належыть, за чымъ куренья и олова литье прыпадаеть» [8, 124–125]. Праўда, і абвінаваўца звяртае ўвагу на гэта ж, але як на дадатковыя доказы віны ў чарадзействе [8, 127]. Справа ў тым, што так да канца і не было вызначана: чары без шкоды – злачынства ці грэх. Да таго ж той, хто здольны на бытавыя чары, можа быць здольны і на малефіцыум.

У адрозненне ад Заходняй Еўропы, дзе асноўныя падазрэнні заўжды скіраваны супраць жанчын-вядзьмарак, у гэтым пытанні ў ВКЛ не было адзінства. Як бачна з матэрыялаў судоў, больш за 1/3 абвінавачаных у чарах – мужчыны [4, 21]. Гэта можна растлумачыць наступным. З аднаго боку, праз «вучоную» культуру пашыраліся заходнія ведаўскія тэорыі, якія абгрунтоўвалі схільнасць жанчын да чарадзейства і зносін з д'яблам [22, 125–134]. Гэтыя ідэі вядомыя і на нашых землях. «Блуду вядзьмарства аднак часцей аддаюцца жанчыны,» – зазначае яшчэ Мікола Гусоўскі [13, 20]. Аўтар згаданай працы «Чараўніца абвінавачаная» прысвяціў асобнае пытанне таму, чаму сярод жанчын больш чараўніц, чым сярод мужчын [6]. З іншага боку,

у традыцыйнай культуры не адмаўлялася здольнасць жанчын да магіі, але самымі моцнымі чарадзеямі лічыліся мужчыны. З магіяй атаясамлівалі прадстаўнікоў пэўных заняткаў: пчалярства, кавальства, млынарства, цяслярства ды іншых, адрозных ад сельскай гаспадаркі і звязаных з асноўнымі касмічнымі стыхіямі: агнём, вадой, зямлёй (глінай) і паветрам, а таксама музыкі, найперш дудары [18, 549]. Спалучэнне гэтых двух тэндэнцый і вызначала гендэрныя суадносіны ведаўскіх працэсаў.

Існуе яшчэ адна версія тлумачэння гэтай з'явы, якую прыводзіць М. Піляшак. Яна заснавана на змяненні месца жанчыны ў грамадстве і найперш у яго гаспадарчай дзейнасці. У Заходняй Еўропе ў Позняе Сярэднявечча і ранні Новы час змяншаецца роля хатняй гаспадаркі, дзе жанчына адыгрывала значную ролю, і на першы план выходзяць іншыя формы дзейнасці – рамяство, гандаль, мануфактурная вытворчасць. У выніку выжыванне сям'і залежыць ад заробку мужчыны. У эканамічным жыцці Рэчы Паспалітай такіх радыкальных змен не адбылося, хатняя гаспадарка мела вялікае значэнне ў вёсцы і нават у горадзе. Запатрабаваннем працоўных рук і значэннем жанчын у вытворчасці і тлумачыцца, паводле гэтай версіі, адсутнасць масавага пераследу чараўніц у Рэчы Паспалітай [4, 18–19]. Магчыма, акрэсленыя фактары нейкім чынам паўплывалі на характар ахвяр «палявання на вядзьмарак», але вызначальнымі іх назваць наўрад ці можна.

У Заходняй Еўропе інквізітары лічылі вядзьмарак членамі адной антыхрысціянскай секты, на падставе чаго ад абвінавачанай дамагаліся выдачы яе «паплечнікаў». Пад катаваннямі ахвяры агаворвалі іншых, тыя ў сваю чаргу падвяргаліся пераследу, што і рабіла заходнееўрапейскія працэсы такімі масавымі. Літоўскія следчыя, відавочна, у ератычныя чараўніцкія секты не верылі. Тым не менш, вельмі часта на допыце ў чараўніка пыталі, у каго ён навучыўся чараваць і якіх яшчэ чараўнікоў ведае. Судовыя матэрыялы паказваюць існаванне асобных чараўніцкіх родаў (так, у браслаўскай справе 1615 года згадваецца пра абвінавачанага Тумеля Дарадундэнаса, што яго сям'я і сваякі здаўна займаліся чарамі, а з яго продкаў трыццаць душ за гэта было спалена [20, 16]), а таксама нейкіх іншых іерархізаваных супольнасцяў [14, 216]. У. Лобач лічыць, што гэта сведчыць пра жрэцкую першаснову падобнай спецыялізацыі [19, 96]. У любым выпадку, суд

асабліва не цікавілі гэтыя супольнасці, калі яны не з'яўляліся шкоднымі і не ўяўлялі небяспекі.

Спрэчна, ці быў развіты на землях ВКЛ такі важны элемент заходніх ведаўскіх уяўленняў, як вобраз шабаша. Калі казаць пра сучасныя беларускія землі, то пра яго мала згадак у пісьмовых крыніцах, слаба адзначаны ён і ў фальклоры. Ёсць сюжэты пра купальскія палёты ведзьмаў на літоўскую Шатрыю ці на Лысую гару пад Кіеў. Да таго ж і па Беларусі налічваецца больш за сотню ўзгоркаў з падобнаю назваю, праўда, паданні пра іх далёка не заўсёды звязаны з шабашам [11, 294–295]. Іншая сітуацыя на ўласна літоўскіх землях. Тут маюцца прызнанні чараўніц аб палётах на Шатрыю на Купалле, часам багатыя дэталямі [2, 77–79, 208], ды аб іншых сходах пад кіраўніцтвам д'ябла, куды ляталі ў выглядзе сарок [2, 182]. Тым не менш, і гэтых сведчанняў адносна няшмат. Таму можна лічыць гэты вобраз у ВКЛ прыўнесеным і не надта пашыраным, а тыя фальклорныя згадкі пра яго – сведчаннем узаемапранікнення «вучоных» і народных уяўленняў. Тое ж можна сказаць і пра стасункі з д'яблам. Сустракаецца вельмі мала згадак яго непасрэднага ўплыву. Дэманалагічныя веды былі развітыя слаба. Не дзіўна, што д'ябал часам паўстае ў выглядзе, падобным да паганскага боства [4, 74–75]. У народнай культуры чорт часта выступае як камічны персанаж, якога можна перахітрыць, а можна і схіліць на свой бок [4, 26]. Гэтыя рысы зноў жа прыпадабняюць чорта хрысціянскай традыцыі з паганскімі духамі, якія не з'яўляюцца адназначна злымі ці добрымі для чалавека.

Як было ўжо неаднаразова згадана, для ведаўскіх працэсаў у Вялікім княстве Літоўскім характэрны выключна свецкі характар. Духавенства, не гледзячы на ўсе спробы змяніць сітуацыю, мела даволі невялікі ўплыў. Інквізіцыя ў ВКЛ прысутнічала толькі фармальна. Праўда, інквізітарскія тэарэтычныя палажэнні і практыкі аказвалі ўздзеянне на ўяўленні людзей. Асабліва гэта праявілася з другой паловы XVII стагоддзя побач з пашырэннем уплыву каталіцкай царквы. Свецкія суды пачынаюць звяртацца да вопыту інквізіцыі, што робіца часам даволі непаслядоўна. Так, здаралася, што чараўніка адпраўлялі на катаванні, хоць прызнанне ўжо бывала атрымана. Суддзі пачынаюць клапаціцца аб выкрыцці падчас следства як мага большай колькасці чараўнікоў, хоць іх усё роўна не пераследуюць [16, 23].

З прававога пункту гледжання асаблівасцю з'яўляецца тое, што за ўвесь час «палявання на вядзьмарак» так і не было створана выразнае ўласнае антыведаўскае заканадаўства. Статут 1588 года не выдзяляе чараўніцтву асобае месца сярод іншых злачынстваў. У артыкуле 30 раздела 4 чарадзейства пералічваецца побач з разбоем, згвалтаваннем, падпалам і іншымі цяжкімі злачынствамі. Яно падлягае юрысдыкцыі свецкага суда – ваяводам, старастам, дзяржаўцам. Акрамя згадвання чарадзейства, Статут не дае ніякай дадатковай інфармацыі аб яго відах ці ступені цяжкасці. Разам з іншымі злачынствамі яно «караецца горлам» [21, 162]. Таму часта суддзі вырашалі падобныя справы па аналогіі з тымі цяжкімі злачынствамі, што былі пералічаны ў згаданым раздзеле.

Неакрэсленасць норм Статута выклікала нараканні ў сувязі з павелічэннем колькасці і ўскладненнем чараўніцкіх працэсаў у XVII ст. Гэта выклікана ўзмацненнем каталіцкага ўплыву, недастатковасцю звычаёвага права і дзяржаўнага заканадаўства, а таксама пашырэннем ведаўскіх працэсаў. Падчас разгляду чарадзейскіх спраў суддзі наракалі, што «въ праве земскомъ о чарахъ достаточне не описуетъ» [7, 305]. Для падобных выпадкаў артыкулам 54 раздзелу 4 Статута 1588 года прадугледжвалася магчымасць звароту да замежнага права: «А где бы чого в томъ статуте не доставало, тогды судъ... прикладомъ иншыхъ правъ хрестияньскихъ то отправовати и судити маеть» [21, 183]. І гэта было даволі распаўсюджаная практыка: недахопы ўласнага заканадаўства актыўна запаўнялася нормамі «Майдэборскага» (магдэбургскага), «Цэзарскага» (рымскага) і «Божага» (царкоўнага) права.

Магдэбургскае права грунтавалася на так званым «Саксонскім люстры» («Speculum Saxonum»). Паводле яго для чараўніцы прадугледжвалася кара смерцю на вогнішчы. У Рэчы Паспалітай шырока выкарыстоўваліся яго польскамоўныя пераклады Паўла Шчэрбіца (выдадзены ў 1581, а пасля – ў 1602 гг.), а таксама ў выглядзе пераклада і дапаможніка для суддзяў, зробленых Барталамеем Граіцкім (выйшаў у 1559 г., пазней шматразова перавыдаваўся) [3, 98]. Так, у вядомай справе пападдзі Грамычынай абвінаваўца заяўляе: «тогда зажывавшы о поволаных въ злодействе... также права цесарского Майдебурского въ контроверсыи цытованого, которое о чародейцахъ розныхъ подобенствъ

и знаковъ зажывати, а подейзраного и поволаного безъ доводу прысеги на муку всказовати и выдавати кажетъ» [8, 127].

Часцей можна сустрэць зварот і нават цытаванне права «Цэсарскага». Асноўнай яго крыніцай быў Каралінскі кодэкс («Carolina») агульны крымінальны кодэкс для ўсіх дзяржаў, якія ўваходзілі ў Рымскую імперыю, прыняты рэгенсбургскім рэйхстагам у 1532 г., падчас кіравання Карла V. Ён рэгламентаваў парадак допыту, катаванні, неабходныя доказы, пакаранне і інш. [15, 210–211]. У Рэчы Паспалітай «Караліна» была вядома таксама ў перакладах і тлумачэннях Граіцкага («Ten postępek wybran jest z praw cesarskich…», Kraków, 1559) [3, 98]. У ведаўскіх працэсах досыць часта спасылаюцца на чатырнаццаты артыкул «права Цэсарскага» і нават цытуюць яго па-польску ці па-старабеларуску [8, 119,136].

Таксама ў падобных справах часта адзначаецца спасылка на Біблію як на юрыдычную крыніцу. Сапраўды, у розных кнігах Старога Запавету можна сустрэць наказы супраць рознага кшталту магічных і найперш гадальных практык [10, 58–59]. Але з-за спецыфікі перакладу тэкстаў Пісання і асаблівасцяў светапогляду тагачаснага грамадства гэтыя запаветы ўспрымаліся як законы супраць вядзьмарак. У судовых дакументах з ВКЛ можна сустрэць спасылкі на «книги Мойжешовы» (кнігі Майсея): Выхад, Лявіт, Другі закон [8, 136–137] – «Варажбіткі не пакідай жывою» (Выхад, 22, 18), «Хай то мужчына, хай жанчына, калі будуць яны выклікаць мёртвых альбо чарадзейнічаць, хай будуць аддадзены смерці» (Лявіт, 20, 27).

У ходзе разгортвання ведаўскіх працэсаў не з'явілася нейкіх прынцыповых агульнадзяржаўных заканадаўчых дакументаў, за выключэннем рэскрыпта Аўгуста II ад 1703 г., які толькі спрабаваў далучыць да разгляду чараўніцкіх спраў духавенства [1, 711]. Суддзям даводзілася звяртацца да магдэбургскага ці рымскага права, дзе адпаведныя палажэнні былі прапрацаваны лепш. З аднаго боку, гэта сведчыць пра нерэгулярны і выключны характар ведаўскіх працэсаў. З іншага боку, варта мець на ўвазе, што ў другім складніку федэрацыі – у Кароне Польскай – такога заканадаўства таксама не склалася, больш таго, у асноўных крыніцах права не згадваецца пра чарадзейства. Тым не менш, маштабы палявання ў Польшчы былі большыя, чым у ВКЛ. Гэта сведчыць, па-першае, пра досыць цесную інтэграцыю Польшчы

і ВКЛ у еўрапейскую прававую сістэму, а па-другое, зноў жа, пра прыўнесены характар ведаўскіх працэсаў.

Свае асаблівасці меў і ход працэса. Важнай рысай была адсутнасць непасрэднай матэрыяльнай зацікаўленасці бакоў: маёмасць злачынцы не канфіскоўвалася на карысць суддзяў ці заявіцеля, даносчык не атрымліваў ніякай узнагароды. Больш таго, «старана пратэстуючая» несла судовыя выдаткі, нават на катаванне абвінавачанага, а калі той пасля «пробы» не прызнаваўся, дык яшчэ і плаціла яму «навязку». Гэта асаблівасць, відавочна, паўплывала на колькасць працэсаў [4, 20–21].

Не такою распрацаванаю, як на Захадзе, была і працэдура вызначэння чараўніка. Не часта суддзі шукалі на целе абвінавачанага «д'ябальскую пячатку», рэдка падвяргалі выпрабаванню вадой. Іншых жа класічных спосабаў такой «экспертызы» (узважванне, чытанне Пісання і інш.) у крыніцах наогул не зафіксавана.

У сувязі з вышэй акрэсленым трэба сказаць, што для Вялікага княства Літоўскага масавыя працэсы і пакаранні былі не характэрны. Хаця варта адзначыць, што крыніцы часам даносяць і адваротнае. Напрыклад, Магілёўская хроніка Сурты і Трубніцкага паведамляе пад 1688 годам аб працэсе ў Быхаве, у выніку якога дзесяць чалавек было спалена, а іншыя чараўнікі паўцякалі на Украіну [9, 302]. Дакументальнага пацверджання гэтых падзей няма, таксама іншыя судзебныя крыніцы не зафіксавалі чагосьці падобнага, таму да гэтых летапісных звестак варта адносіцца з доляй крытычнасці.

Безумоўна, спецыфіка сітуацыі ў Вялікім княстве Літоўскім не вычэрпваецца пералічанымі асаблівасцямі. Грунтоўнае вывучэнне гэтай з'явы пакажа ўсю яе своеасаблівасць і самабытнасць. Важна, каб гэты разгляд быў рознабаковы і аб'ектыўны, ачышчаны ад склаўшыхся стэрэатыпаў.

Літаратура

1. Czary w dawnej Polsce // Wielka encyklopedia powszechna ilustrowana. T. XIV. Warszawa, 1894.
2. Jucewicz L. A. Wspomnienia Żmudzi. Wilno, 1842.
3. Ostling M. Konstytucja 1543 r. i początek procesów o czary w Polsce // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. T. XLIX. Warszawa, 2005.

4. Pilaszek M. Litewskie procesy czarownic w XVI–XVIII w. // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. T. XLVI. Warszawa, 2002.
5. Raganų teismai Lietuvoje / Jablonskis K., Jasas R. Vilnius, 1987.
6. Tuwim J. Czary i czarty polskie // Zwoje 1/38, 2004. ZWOJE-SCROLLS.COM. [Electronic resource]. Mode of access: http://www.zwoje-scrolls.com/zwoje38/text02.htm. Date of access: 15.03.2010.
7. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Т. XVIII. Акты о копных судах. Вильно, 1891.
8. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. III. Вильно, 1867.
9. Беларускія летапісы і хронікі. Мінск, 1997.
10. Библия, колдовство // Роббинс Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. М., 1995.
11. Валодзіна Т., Дучыц Л. Лысая гара // Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн. Мінск, 2006.
12. Валодзіна Т., Лобач У., Прохараў А. Варажба // Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн. Мінск, 2006.
13. Гусоўскі Мікола. Песня пра зубра. Мінск, 1990.
14. Довнар-Запольский М. Чародейство в Северо-Западном крае в XVII–XVIII вв. // Исследования и статьи. Т. 1. Киев, 1909.
15. Каролинский кодекс // Роббинс Р. Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. М., 1995.
16. Лобач У. Вядзьмарскі працэс 1691 г. у Гародні: да тыпалогіі чарадзейскіх спраў у сярэднявечнай Беларусі // Культура Гродзенскага рэгіёну: праблемы развіцця ва ўмовах поліэтнічнага сумежжа: Зб.навук. прац. Гродна, 2003.
17. Лобач У. Да механізму чарадзейскіх працэсаў у сярэднявечнай Беларусі: на прыкладзе справы палачаніна В. Брыкуна (1643 г.) // Беларускі горад у часе і прасторы: 500 гадоў Полацкай магдэбургіі: Зб.навук.прац. Наваполацк, 2001.
18. Лобач У. Чараўнік // Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн. Мінск, 2006.
19. Лобач У. Чараўніцтва ў Беларусі на тле сярэднявечных судовых працэсаў // Крыўя. Crivica. Baltica. Indogermanica. 1998. № 1.
20. Народный суд литвинов над колдунами (чародеями) 1615 года. Витебск, 1896.
21. Статут ВКЛ 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989.
22. Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. М., 1992.

Яніна Грыневіч
(ІПНК НАН Беларусі, Мінск)

МАТЫЎ ЧАРАЎНІЦТВА Ў ЛЮБОЎНАЙ ЛІРЫЧНАЙ ПЕСНІ

The paper deals with the motive of sorcery, which is widespread in Belarusian folklore. This motive is inseparably linked with a one-way love theme. The motive of sorcery is understood, firstly, as female beauty, appeal and the force of love feeling it may arouse. Secondly, the motive of sorcery is understood as the real use of magic means for the purpose of a love spell on the darling. Thirdly, sorcery with the use of «unsalted fish» is a metaphor of physical affinity. But such relations are understood as short and not strong.

Беларуская народная песня – гэта скарб нацыі. Нездарма ж А. Грыневіч заўважаў, што «у народаў з шырокай асветай песня даўным-даўно заваявала сабе пачэснае месца, яе справядліва шануюць, як вялікі ўсенародны скарб, бо яна для душы кожнага чалавека – ці беднага, ці багатага – ўсё роўна так патрэбна, як хлеб і вада для здароўя цела» [2, 82]. Яна ў нагу з народам прайшла праз стагоддзі нястомнай працы і нястач, але захавала ў сабе ўсе чыстыя памкненні чалавечай душы, яе надзеі і мары. «Народныя песні вырастаюць з жыцця народа – гэта асноўная крыніца, з якой безымянныя творцы чэрпаюць і натхненне, і матывы, і вобразы», – асабліва падкрэсліваў Н.С. Гілевіч [7, 57]. Адметнасць кожнага народа, яго своеасаблівасць можна перш за ўсё пабачыць у вуснай народнай творчасці, паколькі «песня людская адбівае ў сабе душу чалавека, яго боль і гора, яго патрэбы, жаданні і самое жыццё. Як па твару пазнаюць чалавека, так па песні, асабліва народнай, пазнаецца цэлая нацыя, яе характар і

душа», – пісаў А. Грыневіч яшчэ ў 1912 годзе [2, 82]. Пагаджаўся з такім меркаваннем і Р. Шырма, які лічыў, што «кожны народ мае свой асаблівы духовы характар, які знаходзіць найбольшае адбіццё ў яго песнях» [4, 3]. Асабліва яскравай і багатай часткай народнай лірыкі з'яўляюцца песні пра каханне, якія перадаюць шчырае любоўнае пачуццё, адлюстроўваюць шырокую гаму перажыванняў. «Любоўныя песні складаюць адну з найпрыгажэйшых жамчуговых нанізак у беларускай народнай лірыцы», – канстатуе Н.С. Гілевіч [8, 125].

Народныя песні пра каханне – тэматычная разнавіднасць пазаабрадавых лірычных песень, у пераважнай большасці дзявочых. Натуральна, што асноўнымі матывамі народнай лірыкі кахання з'яўляюцца этапы ўзнікнення любоўнага пачуцця і развіцця ўзаемаадносінаў паміж хлопцам і дзяўчынай да ўступлення ў шлюб: уваходжанне ў юнацкі ўзрост, знаёмства, узнікненне першых пачуццяў, няпэўнасць, жаданне сустрэчы і спатканні, заляцанні, развіццё ўзаемаадносінаў паміж закаханымі і будучы шлюб, а таксама перашкоды ў каханні, растанне, непадзеленыя пачуцці, падман, здрада, «страта вянка», пазашлюбнае дзіця. Пераважная большасць любоўных песень прысвечана пачуццям і перажываннням дзяўчыны, яе долі.

Уступіўшы ў юнацкі ўзрост, але яшчэ не зведаўшы кахання, дзяўчына ўжо пачынае задумвацца над будучым шлюбам. Актуальнасць гэтай тэмы тлумачыцца падставовай роляй замужжа ў жыцці кожнага чалавека, паколькі менавіта ад яго будзе залежаць далейшы лёс. Маладая дзяўчына хоча знайсці сабе добрую пару, бо выдатна ўсведамляе, што «Злы мужык з дзевачкамі разлучыць і да жанок не прылучыць. Дзеўкі будуць гуляці, а ты будзеш плакаці. Дзеўкі пойдуць на вулку, а ты пойдзеш за люльку. Дзеўкі будуць гуляці, а ты будзеш люляці. Дзеўкі будуць піва піць, а ты будзеш слёзы ліць» [12, № 162]. Такім чынам, народная любоўная песня ўказвае на важнасць самой наяўнасці шлюбнага партнёра, а значыць і сям'і ў далейшым, што напрамую звязана з паняццем шчасця, долі.

У такім кантэксце асаблівую значнасць набывае матыў чараўніцтва. Тэмы нешчаслівага кахання, растання ў беларускай народнай любоўнай лірыцы робяць яшчэ больш актуальным матыў чараўніцтва з мэтай прыварота, прысушкі каханага чалавека. Магчымасць быць побач з каханым заўсёды

супрацьпастаўляецца растанню закаханых, аднаму з найбольш пранізлівых і трагічных матываў лірычнай песні.

Н.С. Гілевіч, адзін з выдатнейшых даследчыкаў, пры вывучэнні беларускага фальклору справядліва адносіць песні з матывам чараўніцтва да даволі старадаўніх паводле паходжання [8, 127].

У народнай любоўнай лірыцы дзеяслоў «чараваць» вельмі часта звязваецца з дзявочай красою: – «Ой, ты, дзяўчына, чараўнічэнька, ачаравала маё лічэнька, ачаравала цела і душу, цяпер да цябе хадзіці мушу. – Каб так дайшоў з сяней да хаты, колькі я знаю, як чараваці. А мае чары напагатове – белае лічка, чорныя бровы» [12, № 73]. У песнях такога тыпу дзеяслоў «чараваць» ужываецца ў пераносным значэнні, каб найбольш поўна адлюстраваць ступень дзявочай прывабнасці і тую сілу любоўнага пачуцця, якую гэтая прыгажосць здольная выклікаць. Увогуле, многія даследчыкі пазаабрадавай народнай лірыкі звяртаюць увагу на тое, што «вобраз дзяўчыны ў любоўных песнях надзвычай прыгожы, цнатлівы і абаяльны» [8, 126]. Яна параўноўваецца з галубкай, вярбой, краснай альбо чырвонай калінай, вішанькай: – «Я ў мамкі расла, гадавалася, як вішэнька ў саду красавалася» [12, № 1]. Дзяўчына ў беларускіх народных любоўных песнях «малявана», «румяна», «красна», «харошая», «прыгожая», мае «бела лічка, чорны бровы», «русу косу, сіні вочы». Яе прыгажосць дасканалая: «Гэта не зара – дзеўка малада», яна «дзеўча-злата». Аднак неабходна адзначыць, што не толькі знешняя прыгажосць характарызуе беларускую дзяўчыну, не менш важны яе ўнутраныя якасці, маральнае аблічча, на што звяртаюць увагу многія даследчыкі народнай песні [11, 59], [7, 126]. «Разуменне прыгажосці для беларусаў ніколі не было аднабаковым. Галоўнай была гармонія і знешніх, і ўнутраных фактараў. І цудоўная прыгажосць жаночага цела, і высокія духоўныя якасці жанчыны, яе годнасць, сціпласць, дабрыня, спагадлівасць, здатнасць да ўсіх відаў працы, розум, кемлівасць, гасціннасць, усе самыя лепшыя якасці дзяўчыны, жанчыны-маці, жанчыны-жонкі, жанчыны-гаспадыні паэтызуе народ у сваіх песнях», – слушна адзначае даследчыца беларускага фальклору І. Казакова [11, 59]. Важна адзначыць, што дзяўчына добра разумела, што яе прыгажосць – гэта яшчэ і бесклапотныя маладыя гады, неабцяжараныя вядзеннем хатняй гаспадаркі, дзецьмі: «Красата мая – жысць дзявоцкая» [12, № 2].

Аднак не менш распаўсюджаным з'яўляецца і матыў сапраўднага выкарыстання магічных сродкаў для дасягнення пэўных мэтаў. Прычым чараванне ў традыцыйнай любоўнай лірыцы звязваецца выключна з асобай жанчыны, а менавіта з маладой дзяўчынай, сталай жанчынай-маці, удавой. Пацвярджаюць гэта і этнографы: «Не адны толькі жанчыны прысвячаюць сябе навуцы чарадзейства, хаця яны аказваюць да таго больш ахвоты і здольнасцяў», – лічыць В.П. Шэйн [6, 484]. Найбольш часта да выкарыстання магічных сродкаў прыбягае маладая дзяўчына дзеля таго, каб прываражыць да сябе хлопца, які не адказвае ўзаемнасцю на яе пачуцці. Для гэтага, як правіла, выкарыстоўваецца «белы корань»: «Ой, матанька, што рабіць? Не хоча міленькі любіць. – Пайдзі, доня, да гаю, нарві зелля размаю. – Я размаю не знаю, але ў людзей спытаю. Шчэ й да гаю не дайшла, розных зёлачак знайшла. Выкапала кораня з-пад белага каменя, вымыла яго ў рацэ, высушыла на руцэ. Высушыла на руцэ, ды спарыла ў малацэ» [12, № 65]. З любоўных песень вядома толькі месцазнаходжанне белага кораня: ён расце пад белым камнем. Таксама з песень мы ведаем магчымы рэцэпт яго прыгатавання: вымыць у рацэ, высушыць у руцэ, спарыць у малацэ. Дзейнічае такі магічны адвар, як звычай, вельмі хутка: «Шчэ й карэньчык не ўскіпеў, а ўжэ мілы прыляцеў» [12, № 65]. Немалаважна, што такі магічны рэцэпт адпавядае рэчаіснасці, а менавіта карані раслін часта і малако з'яўляліся распаўсюджанымі інгрыдыентамі для адвараў, якія выкарыстоўваліся ў любоўнай магіі, напрыклад: «Адтапі гарніку ў малацэ і дай мужыку свайму выпіць, дак і будзе цябе любіць» [13, 54]. Увогуле, да гэтага часу ў даследчыкаў не выпрацавалася адназначнага меркавання паводле рэальнасці існавання гэтай расліны. Узгадваецца выкарыстанне зелля ў беларускіх народных любоўных песнях не толькі з мэтай любоўнай прысушкі, але і каб адгарнуць нямілага ўжо чалавека. У песнях такога тыпу назва зелля не канкрэтызуецца, а гаворыцца толькі: «Е ў мяне такое зелле, шчэ й за пералазам. Як дам табе напіціся, забудзеш адразу» [12, № 66]. Аднак хаця чары і могуць уздзейнічаць на чалавека супраць яго волі, сіла кахання настолькі моцная і непарушная, што забыць каханка нават з яго дапамогай немагчыма. Лірычны герой песні у роспачы гаворыць, што забыцца на сапраўднае каханне можна толькі пасля смерці: «Не забуду, дзяўчынанька, я ні ўдзень, ні ўночы,

толькі тады я забуду, як заплюшчу вочы» [12, № 66], альбо: «Буду піці цераз сілу, каплі не выпушчу, тады на цябе забуду, як вочы заплюшчу» [12, № 67].

Асобную групу складаюць любоўныя песні баладнага характару, у якіх апавядаецца пра выкарыстанне магічных сродкаў не з мэтай любоўнай прысушкі, а дзеля забойства нялюбай нявесткі альбо брата. Аднак неабходна адзначыць, што нягледзячы на дзеянне магічных сродкаў, якое, як правіла, цягне за сабой смерць закаханых альбо брата ці нявесткі, сапраўднае каханне разбурыць з дапамогай магічных сродкаў немагчыма.

Імпліцыпна прысутнічае матыў чараўніцтва і ў песні «Ой, пайду ў садочак» [12, № 63], «Ой, дубе мой, дубе» [1, № 151] і іх варыянтах. След – адбітак ступні чалавека ці жывёлы – мог стаць аб'ектам магічнага ўздзеяння на яго ўладара. Распаўсюджаным на этнічнай тэрыторыі беларусаў было чараванне на след. Нярэдка зямля з-пад нагі чалавека станавілася сродкам для яго згубы [13, 190], пакарання [6, 490], а таксама часта выкарыстоўвалася ў любоўнай магіі [13, 235], [10, 28]. Напрыклад, каб прываражыць каханага, дзяўчына брала зямлю са сляда каханага, клала яе ў гаршчок і саджала ў ім кветкі [3, 471], з мэтай адвадзіць нямілага ці разлучыць закаханых ў сляды хлопца, што вялі да дзявочай хаты, засыпалі елачныя іголкі [9, 235] і інш. Усведамляючы такія акалічнасці, лірычная гераіня народных песень пра каханне хавае ад чужога вока сляды каханага, каб іх наўмысна не развялі: «Ой, пайду ў садочак да сарву лісточак да й накрыю свайму міламу слядочак. Штоб раса не пала, пташкі не хадзілі, штоб майго мілога другія не любілі» [5, № 63]. У песнях такога тыпу пра чараўніцтва не гаворыцца адкрыта, аднак змест песні становіцца зразумелым у кантэксце традыцыйнай беларускай культуры.

Тыповым для беларускіх народных песень з'яўляецца вобраз несалёнай рыбкі. Паводле вусна-паэтычных твораў з дапамогай менавіта «несалёнай рыбкі» ў дзяўчыны «адчароўвалі» каханага хлопца: «Адна палюбіла шчэ й прычаравала, несалёну рыбку вячэраць давала» [5, 506]. Для разумення гэтай фальклорнай метафары неабходна веданне народных традыцый і культуры. Сувязь рыбы з апладняльнай стыхіяй вады надае яе вобразу выразны эратычны падтэкст. «У беларускім фальклоры coitus часта перадаецца праз рэчыўна-аперацыйны сімвал «есці рыбу», напрыклад: «Эй, Лука мая зялёная, рыбка салёная… на Луку хлопчыкі рыбку

пякуць, дзевачкам есці даюць…»; «Дзе, Купала, начавала? – начавала ў Івана. Што, Купала, вячэрала? Вячэрала галушачкі, Вячэрала галушачкі, лягла спаць у падушачкі. Вячэрала рыбку з перцам, лягла спаць са шчырым сэрцам»; «Я яму рыбку з перцам, ён мяне ўсім сэрцам» [3, 440]. Найбольш актыўна гэты матыў абыгрываецца ў «Цярэшках», што натуральна з увагі на шлюбна-эратычны кантэкст усяго абраду «Жаніцьба Цярэшкі» [3, 440]. Такім чынам, зразумела, што гаворка ў песні вядзецца не непасрэдна пра чараўніцтва, не пра дзявочую прыгажосць і хараство, але пра прывабленне хлопца праз фізічную блізкасць. Адметным у такім кантэксце выяўляецца выкарыстанне эпітэта «несалёная» (тут неабходна адзначыць, што соль забяспечвае кансервацыю, захаванне прадуктаў, а таму сімвалізуе вечнасць, устойлівасць, непарушнасць), яно можа быць звязана з недаўгавечнасцю, нетрываласцю ўзаемаадносінаў, заснаваных не на каханні.

Такім чынам, праведзены аналіз дазваляе зрабіць наступныя высновы. Чараўніцтва – адзін з распаўсюджаных матываў у беларускай народнай любоўнай лірыцы, напрамую звязаны з тэмай нешчаслівага, неўзаемнага кахання. Вялікая колькасць народных песень з такім сюжэтам дазваляе вылучыць іх у асобную групу пры правядзенні класіфікацыі народнай лірыкі кахання. Пад чараўніцтвам у беларускіх песнях пра каханне разумеюць, па-першае, дзявочую красу, прывабнасць, хараство і тую сілу любоўнага пачуцця, якую гэтая прыгажосць здольная выклікаць. Па-другое, – сапраўднае выкарыстанне магічных сродкаў з мэтай прывароту, прысушкі каханага чалавека, адсушкі, а таксама з мэтай забойства нялюбай нявесткі ці брата, які перашкаджае ўзаемаадносінам закаханых. Любоўныя песні такога тыпу адлюстроўваюць веру ў магчымасць уздзеяння на чалавека незалежна ад яго волі ці жадання. Па-трэцяе, чараўніцтва з выкарыстаннем «несалёнай рыбкі» з'яўляецца метафарай прывабленне хлопца праз фізічную блізкасць, але такія адносіны разумеюцца як нетрывалыя і недаўгавечныя.

Літаратура

1. Анталогія беларускай народнай песні / Уклад. Г. Цітовіч. Мінск: Беларусь, 1975.
2. Беларускі каляндар «Нашай Нівы» на 1912 г. Вільня: Друк. Марціна Кухты, 1912.

3. Беларуская міфалогія: энцыклапедычны слоўнік / Пад рэд. С. Санько. Мінск: Беларусь, 2004.
4. Беларускія народныя песні: У 4 т. / Запіс Р. Шырмы. Т. 2: Жаночая доля, недабраная пара, хрэсьбінныя і сіроцкія. Казацкія, рэкруцкія і салдацкія. Батрацкія і прымацкія, песні няволі і змагання. Мінск : Дзяржвыд БССР, 1960.
5. Беларускі фальклор: Хрэстаматыя / Склад. К.П. Кабашнікаў, А.С. Ліс, А.С. Фядосік, І.К. Цішчанка. Мінск: Вышэйшая школа, 1985.
6. Белорусские народные песни, с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями с приложением объяснительного словаря и грамматических примечаний / П.В. Шейн. СПб.: Тип. Майкова, 1874.
7. Гілевіч Н.С. З клопатам пра песні народа: Навукова-папулярны нарыс / Н.С. Гілевіч. Мінск: БДУ, 1970.
8. Гілевіч Н.С. Наша родная песня: Навук.-папул.нарыс / Н.С. Гілевіч. Мінск: Нар.асвета, 1968.
9. Жыцця адвечны лад: Беларускія народныя прыкметы і павер'і / Уклад. У.А. Васілевіч. Мінск: Мастацкая літаратура, 1998.
10. Замовы / Уклад. У.А. Васілевіч, Л.М. Салавей. Мінск: Беларусь, 2009.
11. Казакова І.В. Беларускі фальклор: вучэб. дапам. для студэнтаў устаноў, якія забяспечваюць атрыманне выш. адукацыі па філал. спецыяльнасцях / І.В. Казакова. Мінск: БДУ, 2007.
12. Песні пра каханне / Склад., камент. І. Цішчанкі; Муз. частка С. Нісневіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1978.
13. Полацкі этнаграфічны зборнік Вып. 1 Народная медыцына беларускага Падзвіння. У 2 ч. Ч. 2 / Склад. А.У. Лобач, У.С. Філіпенка. Наваполацк: ПДУ, 2006.

Раман Воранаў
(ЕГУ, Вільнюс)

ІНТЭРПРЭТАЦЫЯ ВОБРАЗА ФРАНЦІШКА СКАРЫНЫ Ў РАСІЙСКАЙ ІМПЕРЫІ

The Russian Empire of the 19th century can show us some important attempts of intellectual and ideological «cultivating» of the Francysk Skaryna image. Because of their early character, on the one hand, and strong memory positions occupied by the famous first printer in Belarusian society in the 20th century, on the other, this period seemed to be determinative in some of the future Francysk Skaryna image constructions. The author concludes that in spite of different views on the first printer's books and his activity motivations the positive or even glorious model of Skaryna first appeared in the Empire, but was not accepted by an audience much wider than the circle of the image creators.

Вобраз першадрукара Францішка Скарыны займае выбітнае месца ў памяці беларусаў. Цяжка ўявіць тую сілу, якая б аспрэчыла яго значнасць ці зрынула з пастамента ўсеагульнага прызнання і павагі. Аднак варта адзначыць, што гэты вобраз сфармаваўся ў апошнія 50 гадоў, а некаторыя з вельмі папулярных рысаў гэтага вобраза (беларуская этнакультурная прыналежнасць альбо еўрапейская значнасць яго справы) пачалі пашырацца ў масавай свядомасці пазней. А як жа ўсё пачыналася? Разгледзім фармаванне вобраза Скарыны ў культурнай памяці інтэлектуальнай эліты Расійскай імперыі XIX ст.

Раннія прыклады ўвагі да спадчыны першадрукара ў Расійскай імперыі адносяцца да 70-х гг. XVIII ст. і звязаны з тымі старадрукамі, якія знаходзіліся ў шматлікіх мясцовых кнігазборах.

Характар тагачасных прэзентацый Скарыны ў навуковых працах можа характарызаваць выкладчык Маскоўскага універсітэта пратапоп Пётр Аляксееў: «Рассмотрение славянской старопечатной книги «Апостол», которая справлена доктором Франциском Скориной из Полоцка; напечатана в Вильне, в 1525 г.» (1783 г.) [8, 285]. Аўтар займаўся пераважна аналізам старадрукаў. Ён дзейнічаў у полі бібліяграфіі (ці бібліяфіліі), звяртаўся да кнігі, як да матэрыяльнай гістарычнай рэчы і аб'екту калекцыянавання. Яго не цікавіла, у тым ліку і з-за невялікай колькасці звестак, постаць самога друкара. У той жа час яна прысутная ў працах Іагана і Логіна Бакмейсцераў, Іаана Штрытэра, але выключна як творцы канкрэтных выданняў першай паловы XVI ст., што захоўваліся ў бібліятэцы Акадэміі навук Санкт-Пецярбургу. Аўтары пакуль не намагаліся ўвесці постаць «доктара Францыска» ў тагачасную сістэму каардынатаў расійскай дзяржавы і грамадства. У часы кіравання Кацярыны II яшчэ толькі «пачалі агучвацца думкі пра імперскі статус краіны» [9, 97–98]. Час актыўнай распрацоўкі героя з нядаўна далучаных зямель і замацавання яго агульнага ці аб'яднальнага статуса ў памяці жыхароў імперыі яшчэ не надышоў.

Артыкул Пятра Аляксеева важны яшчэ і таму, што з'яўляецца адным з першых зваротаў да Скарыны расійскімі духоўнымі асобамі. Святарства не магло не «прыгледзецца» да твораў Францішкі Скарыны і, адпаведна, яго самога хаця б з прычыны рэлігійнага зместу выданняў. І надалей першадрукар будзе трапляць у працы прадстаўнікоў праваслаўнага кліру, але амаль да канца 1860-х гг. яго знаходжанне там будзе характарызавацца асцярожнасцю і падкрэсленай свецкасцю. Да падобных згадак можна аднесці «Биографии российских писателей» і «Словарь русских светских писателей» мітрапаліта Яўгена 20-х гг. XIX ст. і «Обзор русской духовной литературы» архіепіскапа Філарэта 1856 г. [2, XI, XVI].

Нягледзячы на ўсю прывабнасць для расійскіх праваслаўных дзеячаў вобраза першага на ўсходнеславянскіх землях друкара, з-пад варштата якога не выйшла аніводнай свецкай кнігі, чый «Псалтыр» быў надзвычай папулярны ў Маскоўскай дзяржаве, а «Апостал» падыходзіў для хрысціянскіх набажэнстваў візантыйскай абраднасці, у першай палове XIX ст. Скарына гэтак і не будзе залічаны ў склад «сваіх». Увага да яго будзе толькі

павялічвацца, але адпаведнай гэтаму росту станоўчай у межах расійскага імперскага дыскурсу інтэрпрэтацыі і актыўнага выкарыстання на навуковым, ідэалагічным, мастацкім і іншых узроўнях ён пакуль не атрымлівае. Прычыны відавочны, бо, па-першае, імя Францішак не сустракаецца ў праваслаўных святцах, а па-другое, калі згаданыя прадстаўнікі святарства вывучалі выданні Скарыны, у працах некаторых вучоных ужо выказваліся думкі аб яго рэлігійнай прыналежнасці, і не было аніводнага, хто б абвясціў Скарыну праваслаўным па веравызнанню. У першую чаргу гэта тычылася даследчыкаў з тэрыторый, як сёння можна было б акрэсліць, Цэнтральна-Усходняй Еўропы. Піянер вывучэння Скарыны і яго спадчыны ў Чэхіі і адзін з заснавальнікаў славяназнаўства Юзаф Добраўскі адносіў першадрукара да каталікоў. Той жа думкі прытрымліваўся польскі мовазнаўца Самуэль Ліндэ. Польскі даследчык літаратуры Міхал Вішнеўскі лічыў Скарыну каталіком-перахростам, а паводле славенскага філолага Варфаламея Копітара полацкі першадрукар мог быць і грэка-католікам.

Разбежнасць поглядаў у асяроддзі еўрапейскіх вучоных на такі важны ў Расійскай імперыі фактар як веравызнанне, ніяк не магла садзейнічаць кааптацыі Скарыны ў склад герояў нават мясцовага маштабу. Больш за тое, да 1860-х гг. паспяхова развіваліся інтэрпрэтацыі менавіта ў рэчышчы адназначна негатыўных канатацый тых сімвалічных атаясамленняў, што былі навязаныя вобразу Скарыны: «паляк», «каталік», «пратэстант», «вальнадумца».

У 1865 г. львоўскі вучоны Якаў Галавацкі ў адмысловай манаграфіі спрабаваў выкрыць сапраўдныя памкненні «пратэстанта» Скарыны. Матывам для працы першадрукара прызнавалася не вытворчасць кніг «людемъ посполитымъ къ доброму научению», а папулярызацыя рэфармацыі, якая «расползалась [...] с неимоверной быстротою» [3, 3]. Прафесар адкідаў самабытнасць мовы скарынаўскіх выданняў і адназначна негатыўна трактаваў навучанне першадрукара за мяжой; друк кніг у Празе, а не на радзіме; чэшскія ўплывы на пераклад свяшчэнных тэкстаў; «незначительные отклонения в правописании», а таксама «мелкие отмены в изречениях». У сваіх высновах Я.Ф. Галавацкі імкнуўся абгрунтоўваць ідэі непадкупнасці і праваслаўнай устойлівасці «Русі». З дапамогай вобраза «ворага», прычым не знешняга, а куды больш небяспечнага і замаскіраванага пад «свайго»,

Я.Ф. Галавацкі прапагандаваў маналітнасць «рускага» народа, хаця ўсё ж прызнаваў маштабнасць працы Скарыны і яго наступнікаў: «Но взволнованное протестантскими вольнодумцами море поглотило и так уже слабыми только узами к вере и народности русской привязанных князей и вельмож русских чтобы при ближайшей пособности выбросити их на латино-польский» [3, 32]. Такім чынам, Францішак Скарына паспрыяў акаталічванню і апалячванню мясцовай арыстакратыі.

Манаграфія выйшла ў 1865 г., і нам нельга ігнараваць ідэалагічнае значэнне паўстання 1863–1864 гг., якое ахапіла ў тым ліку і «скарынаўскія» землі. Калі прыгадаць агульнапрыняты ў тагачаснай рускай супольнасці вобраз паўстання, як найперш польскага (тут дастаткова спаслацца на медаль «За усмиреніе польскаго мятежа. 1863–1864»), і заўвагі віцебскага гісторыка А. Сапунова, які нават у 1911 г. пісаў, што для «среднего образованого русского человека... до сих пор за Смоленском начинается Польша» [6, 37], то вобраз Скарыны аўтарства Якава Галавацкага ўжо не падаецца беспадстаўна адыёзным і неверагодным для ўспрыняцця «сярэднім адукаваным рускім чалавекам» другой паловы XIX ст.

Разгром паўстання спарадзіў у метраполіі і на месцах не меншую хвалю апраўдальнай літаратуры, чым паўстанне 1830–1831 гг., і таму манаграфія «Несколько слов о Библии Скорины...» можа ў пэўнай ступені атаясамлівацца з тым новым корпусам твораў. Навуковец і яго даробак трактуецца намі ў кантэксце Расійскай імперыі, бо хаця Якаў Галавацкі і нарадзіўся на Галічыне ў сям'і ўніяцкага святара і быў прафесарам, а пэўны час і рэктарам Львоўскага універсітэту, працу аб Скарыне ён пісаў у той перыяд жыцця, калі лінгвіст, гісторык і этнограф, «якога пазней назавуць Галіцкім Ламаносавым [...] быў згублены для прыхільнікаў украінскай мовы ў Галіччыне» [7, 46]. Гэтая «згуба» тычыцца не толькі мовы, а ўвогуле светапогляду і ідэйных перакананняў Якава Галавацкага, які праз тры гады пасля выхаду «Нескольких слов...» пераехаў у Вільню, прыняў расійскае падданства, склаў сан уніяцкага святара. Разам з усёй сям'ёй ён перайшоў у праваслаўе, працаваў у Віленскай археаграфічнай камісіі, карыстаўся прыхільнасцю генерал-губернатара А.Л. Патапава [7, 77]. Але тое была «лебединая песня» выкрывальніцкай плыні ў справе інтэрпрэтацыі вобраза першадрукара. Ужо ў

1867 г. выйшла праца, якая дзякуючы адной дэталі кардынальна змяніла стаўленне інтэлектуалаў да полацкага майстра і яго спадчыны і вызначыла новы вектар канструявання вобраза Скарыны ў расійскай рэчаіснасці. У манаграфіі Аляксея Віктарава «Замечательное открытие в древне-русском книжном мире» [1] была зроблена першая спроба абгрунтаваць праваслаўны характар дзейнасці вялікага майстра.

Аўтар рабіў цалкам супрацьлеглыя высновы пра месца і ролю полацкага першадрукара ў рускай гісторыі і яго ўплыў на фармаванне рускай (у яе «трыадзіным» разуменні) ідэнтычнасці. Фактычна, менавіта пасля А.Я. Віктарава і яго меркавання аб адназначна праваслаўным веравызнанні Францішка Скарыны, рэпрэзентацыя вобраза першадрукара набыла ў Расійскай імперыі пазітыўную афарбоўку, стала запатрабаванай.

Вось толькі адзін факт: манаграфія Аляксея Віктарава выйшла ў 1867 г., і ўжо ў 1873 г., літаральна праз шэсць год пасля спробы надання Скарыне вызначэння «свой» у расійскім гуманітарным полі, на старонках перыядычнага выдання «Крёстный календарь» было выказана пажаданне ўзвесці Скарыне помнік у Вільні. Такім чынам, неўзабаве па «віктараўскай» прэзентацыі першадрукара мы сутыкаемся з жаданнем пэўнага кола расійскай інтэлектуальнай супольнасці мемарыялізаваць постаць Францыска (у арыгінале – «Георгія») Скарыны ў манументальных формах [2, XXIII]. Прычым Скарына набыў тут азначэнне друкара праваслаўнага і «агульнарускага», у адрозненні ад «маскоўскага» Івана Фёдарава. З гэтага можна зрабіць высновы, што інтэрпрэтацыя Віктарава спрацавала як свайго роду карт-бланш на вобраз Скарыны і яго прысутнасць у расійскай не толькі тэкстуальнай, але і візуальнай прасторы, на прысутнасць у якасці станоўчага «агульнарускага» (то бок аб’яднальнага) героя ў свядомасці падданых імперыі.

У творы Аляксея Віктарава мы прасочваем новы характар стасункаў рускіх інтэлектуальных колаў са спадчынай этнасаў, яшчэ нядаўна зусім незнаёмых з маскоўскім уладараннем і «гістарычнай еднасцю», якую іх прымусілі прыгадаць. Невядома, ці быў знаёмы аўтар з палітыкай генерал-губернатара Паўночна-Заходняга краю А.М. Мураўёва, але падобны падыход пазітыўнай рэактуалізацыі ў расійскім грамадстве некалі «чужой» гістарычнай постаці, яе прыўлашчванне, стасуецца з

той палітыкай далучэння, якую праводзіў высокапастаўлены чыноўнік у дачыненні да былой радзімы Скарыны. Спробы адшукання і актуалізацыі сведчанняў аб ідэнтычнай прыналежнасці насельніцтва былых земляў Вялікага княства Літоўскага да рускага народа адбываліся, напрыклад, праз заснаванне і спрыянне дзейнасці Віленскай археаграфічнай камісіі альбо актыўнае і часта безгустоўнае рэканструяванне мясцовых старажытных храмаў, у новым вонкавым выглядзе якіх адлюстроўвалі іх нібыта старажытнарускую першаснасць.

У падобным рэчышчы паўстала інтэрпрэтацыя вобраза Скарыны ў манаграфіі Віктарава, які імкнуўся прадставіць першадрукара ў якасці спрадвечна рускага нацыянальнага героя, праваслаўнага дзеяча, які друкаваў патрэбныя для праваслаўных людзей кнігі на блізкай для іх «заходнерускай» гаворцы. Немагчыма высветліць, ці былі гэтыя пастулаты сапраўды лагічнымі высновамі Віктарава з ягоных доследаў (кнігазнаўчая кампетэнтнасць загадчыка Аддзела рукапісаў і славянскіх старадрукаў Румянцаўскага музея не выклікае сумненняў) альбо ўсё ж эмацыйным памкненнем нарэшце ўключыць у станоўчы культурны дыскурс такую выбітную асобу, чые набыткі «па волі лёсу» ў вялікай колькасці апынуліся ў кнігазборах Масквы і Пецярбурга. Ва ўсялякім выпадку постаць усходнеславянскага друкара была кардынальна пераацэнена і, фактычна, менавіта гэтая пазітыўная мадэль прэзентацыі Скарыны стала дамінуючай у Расійскай імперыі. Навукова яна была замацаваная ў манаграфіі «Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык» за аўтарствам П.У. Уладзімірава [2].

Найбольш узнёслым і, як аказалася, фінальным акордам імперскіх даследаванняў вакол постаці першадрукара сталася яго асвятленне Яўхімам Карскім у славутым трохтомным даследаванні «Беларусы». Акадэмік Карскі лічыў Скарыну «одним из замечательнейших западнорусских деятелей первой половины XVI столетия» [5, 24]. Усе вядомыя моманты з біяграфіі Францішка Скарыны, якія калісь «нервавалі» рэктара Львоўскага універсітэта, праз пяцьдзесят гадоў будуць усхваляцца рэктарам універсітэта Варшаўскага. Паводле Я. Ф. Карскага, першадрукар звяртаўся да заходняй навукі вымушана з прычыны тамтэйшага больш высокага ўзроўню развіцця друкарскай справы. Ён вандраваў па заходнееўрапейскіх краінах, каб вярнуцца і аддаць

свае веды народу; галоўнымі мэтамі і матывамі працы Францішка Скарыны выступалі карысць для людзей і асветніцтва. Пэўныя «тайныя мэты» па распаўсюджванню пратэстантызму ці прапагандзе каталіцтва і уніі адкідаліся і ўсходнеславянскі першадрукар абвяшчаўся выключна праваслаўным дзеячам.

Пры гэтым «западнорусский деятель» Скарына пры падтрымцы «богатых западноруссов» усёй сваёй дзейнасцю прэзентаваў «замечательное во многих отношениях явление западнорусской культуры» [5, 26]. Цікава, што ў іншых месцах сваёй працы аўтар не цураўся вызначэння народа на захадзе Расійскай імперыі як «белорусского». У першай главе гэтага ж тома ён даказваў унікальнасць яго мовы і паходжання, дзяржаўнага ладу і літаратуры. Але Скарына ў Я.Ф. Карскага паўставаў як заходнерускі герой, фактычна адарваны ад «белорусской народности».

Падобная візія нацыянальнага героя можа быць растлумачана ў тым ліку і з прычынаў «заходнерускіх» поглядаў Я. Ф. Карскага, актыўна ім, між іншым, прапагандаваных [10, 332–333]. Але зараз для нас больш важныя не столькі трактоўкі славутага вучонага ў апошнія гады імперыі, колькі тая роля інтэлектуальнага мосту паміж расійскай імперскай і беларускай нацыянальнай Скарыніянамі, якую адыгралі інтэрпрэтацыі Я. Ф. Карскага. Фактычна, унёсак акадэміка ў навуковае абгрунтаванне асобнасці «беларускага племені» і «беларускай гаворкі», а таксама пазнейшая дзейнасць на беларускай ніве экстрапалююць падобнае ж пазітыўнае нацыянальнае бачанне і на ягоныя скарынаўскія інтэрпрэтацыі, на якія будуць пазней спасылацца для абгрунтавання беларускай нацыянальнасці вобраза Скарыны іншыя айчынныя даследчыкі (напрыклад, Ул. Пічэта [8, 314–315]).

Перыяд Расійскай імперыі ў ідэйнай інтэрпрэтацыі вобраза Францішка Скарыны надзвычай важны не толькі з тае прычыны, што з’яўляецца першым і шмат у чым вызначальным (напрыклад, у самой пазітыўнай візіі альбо першасных фармулёўках еўрапейскай значнасці), але і таму, што менавіта ў XIX ст. бібліяграфічнае захапленне трансфармавалася ў працяглы і неадназначны працэс каптацыі постаці славутага палачаніна ў спіс герояў. Актыўная сакралізацыя спадчыны доктара Скарыны з цягам часу перакінулася і на яго постаць. Згодна з вядомай тэорыяй П’ера Нара аб «месцах памяці», да ліку якіх мы можам

аднесці і постаць Скарыны, менавіта Расійская імперыя распачала мемарыялізацыю спадчыны доктара Скарыны. Менавіта тады праз актыўнае «знаёмства» са справай першадрукара, праз усведамленне яе колішняй прагрэсіўнасці на глебе сучаснай нефункцыянальнасці, постаць набыла азначэнне выбітнасці, якім мы карыстаемся і сёння.

Але наколькі далёка падобная візія выйшла за колы інтэлектуалаў? Ці атрымала яна водгук па-за публікацыямі ў манаграфіях і перыядычных выданнях? Ці, урэшце, удалося ёй усталяваць на парнасе рускіх герояў чарговага «богатыря»? Аналіз сацыяльнага *feedback* ускладанены адсутнасцю масавых ці асабістых крыніц, што дапамаглі б акрэсліць успрыняцце вобраза Скарыны ў імперскім грамадстве. Жаданне паставіць помнік у Вільні выказалі нешматлікія прадстаўнікі ўсё таго ж 1,5% з узроўнем асветы вышэй за пачатковую [4, 309], якія той вобраз і тварылі. Але пра тое, ці знайшоў праект аб'яднальнага рускага Скарыны нейкі духоўны водгук, можа ўскосна сведчыць наступны факт: за 150 гадоў знаходжання вобраза першадрукара ў полі расійскіх інтэрпрэтацый (з якіх амаль траціна часу – гэта актыўнае канструяванне станоўчага вобраза праваслаўнага друкара) у велізарнай прасторы рускага імперскага мастацтва не было створана аніводнага ўзору тэкставай, гукавой, выяўленчай альбо прастора-часавай інтэрпрэтацыі постаці Францішка (альбо «Георгія») Скарыны. Згаданым тут навукоўцам прыходзілася ўзмацняць візуальнае ўражанне свайго наратыву з дапамогай рэпрадукцый твораў самога ж Скарыны амаль 500-гадовай даўніны. На сваю «агульнарускую» *прапанову* яны гэтак і не атрымалі ўхваляючага *адказу* з боку грамадства альбо дзяржавы, не інспіравалі духоўнае запатрабаванне ў мастацкіх творцаў. Гэта моцна кантраставала з полем беларускай мадэрнай культуры, дзе ў першыя ж два дзесяцігоддзі XX ст. (фактычна, ад моманту скасавання забароны на гэтую культуру) на постаць Скарыны няспынна «рэагавалі» паэты, пісьменнікі, скульптары, жывапісцы, графікі, драматургі.

Літаратура

1. Викторов А. Замечательное открытие в древнерусском книжном мире. Москва: Типография Грачева и К, 1867.

2. Владимиров П.В. Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. Санкт-Петербург: Общество любителей древней письменности, 1888.
3. Головацкий Я.Ф. Несколько слов о Библии Скорины и о рукописной русской Библии из XVI столетия, обретающейся в библиотеке монастыря Св. Онуфрия во Львове. Львов, 1865.
4. Каппелер Андреас. Росія як поліетнічна імперія. Виникнення. Історія. Розпад. Наук. ред. М. Крикун. Львів: Видавництво Украïньского Католицького Університету. 2005.
5. Карский Е.Ф. Белорусы. В 3 т. Минск: БелЭн, 2002–2007. Т. 3. Кн. 2. Очерки словесности белорусского племени. Коммент. Т.И. Вабищевич, В.М. Казберука, О.П. Кричко. 2007.
6. Немировский Е.Л. Франциск Скорина: Жизнь и деятельность белорусского просветителя. Минск: Мастацкая літаратура, 1990.
7. Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галиччине XIX–XX вв. Москва: Государственная публичная историческая библиотека России, 2001.
8. Пічэта Уладзімер. Scoriniana (1776–1926). У: Чатырохсотлецьце беларускага друку: 1525–1925. Інстытут беларускай культуры. Менск, 1926. С. 284–327.
9. Томпсан Э.М. Песняры імперыі: расійская літаратура і каланіялізм. Пераклад з англ. мовы Т. Нядбай (Т.Л. Нетбаева). Мінск: Медысонт, 2009.
10. Цьвікевіч «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мысьлі на Беларусі ў XIX і пачатку XX стст. Пасьляслоўе А. Ліса. 2-е выд. Менск: Навука і тэхніка, 1993.

Ганна Андруковіч
(БДУ, Мінск)

ВІРТУАЛЬНАЯ РЭКАНСТРУКЦЫЯ БЕЛАРУСКАГА МУЗЕЮ ІМЯ ІВАНА ЛУЦКЕВІЧА Ў ВІЛЬНІ

The article deals with the problem of methodological grounds for the reconstruction of the Belarusian museum in Vilnia that was founded by Ivan Luckievich and worked as a museum, archives, and a cultural and politic institution. The heritage of the Belarusian museum is a significant source for understanding the Belarusian national tradition, Belarusian Vilnia, Vilnia district and Belarusian cultural processes in a historical perspective. The introduction outlines the history of the museum. Different aspects of the heritage of the Belarusian museum as an institution are analyzed. The author concludes with the ideas for solving the technical problems of the museum's virtual reconstruction.

Віленскі беларускі музей быў культурным феноменам, здольным кансалідаваць нацыянальныя сілы, але шэраг гістарычных абставінаў прычыніўся да таго, што сам гэты бастыён нацыянальнага яднання аказаўся раз'яднаным і застаўся для нас пэўнай terra incognita.

Антон Луцкевіч адзначаў: «Беларускі музэй ім. Івана Луцкевіча паўстаў з прыватнае калекцыі Івана Луцкевіча, якую гэты тварэц беларускага адраджэнскага руху і неўтамімы працаўнік на ніве беларускае археолёгіі зьбіраў у працягу свайго жыцьця – ад трэцяе клясы гімназіі. Ідэяй Ів. Луцкевіча і было стварэньне беларускага нацыянальнага музэю, дзеля чаго – за год да сваей перадчаснай сьмерці – ён падараваў сваю калекцыю Беларускаму Навуковаму Таварыству» [1].

Ад самага пачатку Беларускі музей пазіцыянаваў сябе як адзін з беларускіх культурных цэнтраў тагачаснай Вільні. Ён не абмяжоўваўся адно музейнай дзейнасцю, але імкнуўся да набыцця шырэйшага рэзанансу. Як музей рэпрэзентаваў для віленчукоў беларускую Вільню, гэтак і сам наўпрост суадносіўся з Беларуссю, аддзяленай ад Віленшчыны дзяржаўнай мяжой Савецкага Саюза. Дарэчным тут будзе водгук аднаго з наведвальнікаў музею, запісаны (праўда, па-расійску) у «Кнізе запісу гасьцей Беларускага Музэю ім. Івана Луцкевіча»: «12 X 1935 Белоруский музей напоминает мне родину – г. Полоцк и окрестности моего детства (K. Zeldomier)» [2].

Падобная палітычна-тэрытарыяльная праекцыя мае пад сабой вялікі тэарэтычны і практычны грунт. Інтэрпрэтацыя цэлых краінаў, якія не могуць быць увасобленыя палітычна, а таму рэалізуюцца праз праекцыю тых ці іншых сімвалаў, установаў і г.д. – з’ява не новая. Гэткім чынам на пэўным гістарычным этапе многія нацыі стваралі ці падмацоўвалі свае нацыянальныя традыцыі. Можна таксама назваць урад Беларускай Народнай Рэспублікі на выгнанні ў якасці своеасаблівай палітычнай праекцыі БНР, што дазваляе зразумець адзін важны феномен: калі адсутнічае магчымасць да натуральнага выражэння палітычных памкненняў пэўнай сацыяльнай групы, народнасці, этнасу, нацыі, то яны выказваюцца апасродкавана праз інтэрпрэтацыю/праекцыю, і калі мы можам (з пэўнай доляй скептыцызму, вядома) ставіць праблему, ці не ўсё беларускае стварыла, да прыкладу, газета «Наша ніва», дык ня менш смела можна казаць, што беларускую Вільню адкрыў віленскі Беларускі музей імя Івана Луцкевіча.

Як жа музей імя Івана Луцкевіча адкрываў беларускую Вільню? Найперш праз збіранне і даследаванне аўтэнтычных экспанатаў (археалагічных, этнаграфічных, бібліяграфічных і г.д.) Віленшчыны ды іншых гістарычных беларускіх рэгіёнаў, выяўленне ў іх гісторыка-культурных заканамернасцяў і рэпрэзентацыю атрыманых і навукова падмацаваных канцэпцыяў для наведвальнікаў музею: «Агулам устаноўлена паходжаньне экспанатаў з 18 паветаў: Віленскага, Вялейскага (цяпер часткова Маладэчанскага), Сьвянцянскага, Лідзкага, Ашмянскага, Дзісьненскага, Барысаўскага, Бабруйскага, Ігуменскага, Рагачоўскага, Чавускага, Сенненскага і Гомельскага» [1].

Тут мы сустракаемся з даўно вядомым і апісаным феноменам музею як сродка і крыніцы нацыянальнай прапаганды, што цалкам адпавядае тагачаснаму разуменню музейных устаноў. Менавіта музеі, базавая сярэдняя адукацыя, а таксама іх інструменты ў выглядзе кадыфікаванай літаратурнай нацыянальнай мовы, гістарыяграфіі і г.д. стварылі ўсё, што мы акрэсліваем паняццем «нацыянальны», і Віленскі беларускі музей тут не выключэнне.

Іншай сферай дзейнасці Беларускага віленскага музею сталася збіранне і захаванне архіваў беларускіх партый і арганізацый, беларускіх палітычных і грамадскіх дзеячаў. Не выклікае сумневу падвойнае значэнне музейнай установы ў дадзеным выпадку. З аднаго боку, беларускія дзеячы легітымізавалі ўстанову праз непасрэднае супрацоўніцтва, аддаючы на дэпанаванне дакументы, з іншага боку, факт існавання ў Вільні архіўнага збору матэрыялаў беларускіх суполак, партыяў і дзеячаў сам па сабе падтрымліваў прэцэдэнт шырокай беларускай прысутнасці ў Вільні, а праз гэта легітымізаваў беларускую Вільню, у тым ліку і ў масавай свядомасці.

Сучасны стан праблемы віленскага Беларускага музею апісаць досыць проста. Гэта найперш установа, якая пазіцыянавала сябе як беларуская нацыянальная, а таму перспектывы яе аднаўлення ва ўмовах сённяшняй нацыянальнай літоўскай дзяржавы вельмі і вельмі слабыя.

Другі аспект праблемы – музейныя фонды, падзеленыя паміж дзвюма дзяржавамі пры амаль гарантаванай немагчымасці іх рэстытуцыі. Праблема ўскладняецца тым, што музейныя фонды абедзвюх дзяржаў не вельмі багатыя, а таму не варта спадзявацца, што адзін з бакоў ахвяруе сваімі калекцыямі дзеля цьмянай перспектывы аднаўлення музею.

Трэці аспект праблемы палягае ў тэрытарыяльнай прыналежнасці экспанатаў, з якіх вялікая частка датычыць Віленскага краю, які тэрытарыяльна ўваходзіць у склад Літвы (разам з тым шмат якія экспанаты ўвогуле не ідэнтыфікаваныя ні тэрытарыяльна, ні этнаграфічна, ці яшчэ як) [3].

Атрымліваем раздзеленыя і раскіданыя па розных краінах калекцыі ўстановы, якая да таго ж не ўспрымаецца як правамоцная адным з бакоў. Нагадаю, што віленскі Беларускі музей утвораны пасля першай сусветнай вайны пры польскай уладзе,

якая літоўскім бокам успрымаецца як акупацыйная. Пры гэтым калекцыі падзеленыя не толькі паміж краінамі, але і паміж рознымі ўстановамі ўнутры краінаў, што яшчэ больш ускладняе праблему аднаўлення музею.

На аўтарскую думку, дадзеная праблема складаецца з трох практычных аспектаў: архівазнаўчага, юрыдычнага і практычнага, а таксама чацвёртага глабальнага, а менавіта, як адрадзіць не збор экспанатаў у тым ці іншым выглядзе, але як надаць другое жыццё Беларускаму музею як агульнанацыянальнай гісторыка-культурнай з'яве.

Калі першыя тры аспекты досыць лёгка структураваць і канкрэтызаваць (архівазнаўчы – вызначыць усе сляды і сведчанні пра музейныя зборы, знайсці, апісаць экспанаты былых збораў; юрыдычны – вырашыць пытанні статусу раз'яднаных музейных збораў, шляхі вяртання экспанатаў і г.д.; практычны – тэхнічна вызначыць форму і змест аднаўляемага музею (рэальны, віртуальны і г.д.)), дык чацвёрты складае асаблівыя цяжкасці. Разам з тым, прэцэдэнты адноўленай газеты «Наша ніва» і Віленскай беларускай гімназіі дазваляюць намацаць шляхі вырашэння і гэтай праблемы. Адноўлены віленскі Беларускі музей мусіць быць не проста зборам вернутых музейных прадметаў, ён мусіць стаць Віленскім беларускім культурна-адукацыйным цэнтрам, дзе знойдуць прытулак і экспанаты колішняга музею, і архіўныя зборы, і творы мастацтва з былога музею, а разам з імі і новыя выяўленыя экспанаты, і новыя беларускія архіўныя зборы.

Пры стварэнні віртуальнага музею непазбежна паўстаюць наступныя праблемы:

– праблема выяўлення і віртуалізацыі музейных памяшканняў;
– праблема выяўлення і віртуалізацыі музейных экспанатаў;
– праблема музейнай палітыкі (форма і змест атрыбуцыі экспанатаў, мовы музейных экскурсіяў, наяўнасць або адсутнасць сродкаў немузейнай інтэрпрэтацыі, склад экспазіцыйнага матэрыялу).

Пры аднаўленні Беларускага музею прапануецца пры выяўленні экспазіцыйных памяшканняў віртуалізаваць іх падобна да памяшканняў Базыльянскага кляштара ў Вільні, дзе музей размясціўся ад пачатку. Гэта тлумачыцца найперш пэўнай традыцыяй і гістарычнай пераемнасцю Беларускага музею ад

ранейшых за яго Таварыстваў філаматаў і філарэтаў, сябры якіх былі часткова заняволеныя ў базыльянскіх мурах (гэта робіць саму аўру памяшканняў кляштара яшчэ адным музейным экспанатам, што, магчыма, улічвалася і тагачаснымі музейнымі супрацоўнікамі пры правядзенні экскурсіяў). Разам з тым, пераймаючы знешні выгляд памяшканняў корпусу Базыльянскага кляштара, вырашана не паўтараць саму планіроўку дакладна. Пры захаванні знешняга выгляду канструкцыяў варта «рассунуць» памяшканні. Гэты крок тлумачыцца патрэбай прадставіць усе экспанаты, тады як пры самім існаванні музею гэта было немагчыма з прычыны недахопу экспазіцыйных плошчаў.

Дзеля віртуальнага аднаўлення Беларускага музею неабходна найперш вывучыць склад яго экспанатаў і падзяліць іх на групы:

– экспанаты выяўленчыя, такія экспанаты, дзе асноўнае значэнне мае выява (часткова «абразкі сьвятыя» – аддзел C інвентарнай кнігі музею, часткова «абразкі на мэталю і воты» – аддзел D інвентарнай кнігі, «пячаткі» (адбіткі пячатак) – аддзел I інвентарнай кнігі, «гравэрскія бляхі на медзі» – аддзел O інвентарнай кнігі, «малярства» – аддзел S інвентарнай кнігі, часткова «фольклёр» – аддзел T інвентарнай кнігі, «рысункі ручныя ў папках» – аддзел U інвентарнай кнігі, часткова «кафлі, цэглы і т.п.» – аддзел W інвентарнай кнігі; апроч таго: фотаздымкі і кнігі) [3];

– экспанаты, аўтэнтычныя копіі якіх альбо аналагічныя аўтэнтычныя экспанаты маюцца на тэрыторыі Беларусі (напрыклад, «галасьнік» із разваленае сьцяны Каложскае царквы ў Горадні (XII ст.), «меншы» – экспанаты № 424–426 аддзела W інвентарнай кнігі музея) [3];

– экспанаты, якія ўжо не існуюць у якасці самастойных музейных адзінак. Напрыклад, «карнізы і блёкі вялікага разьмеру з каралеўскага замку ў Вільні». Яны былі ўбудаваныя ў муры аднаўленага Ніжняга віленскага замку (экспанаты № 427–435 аддзела W інвентарнай кнігі музея) [3];

– экспанаты, якія складана ўзнавіць праз простае капіраванне (аб’ёмныя экспанаты і такія экспанаты, чыя каштоўнасць складаецца не толькі са знешняга выгляду, але і, напрыклад, з тэхнікі выканання экспаната (аддзелы A, B, часткова C, часткова D, E, F, G, H, K, M, N, P, R, V інвентарнай кнігі музею)) [3];

– экспанаты, якія часткова магчыма ўзнавіць праз аналагі (часткі аддзелаў E, G, H, K, M, P, R, V, W інвентарнай кнігі музею) [3];

Пасля аналізу і класіфікацыі экспанатаў неабходна адказаць на наступныя пытанні:

1) Якія экспанаты можна рэпрэзентаваць пры наяўнай колькасці звестак?

2) Рэпрэзентацыя якіх экспанатаў патрабуе дадатковых пошукаў у былых фондах музею?

3) Якія экспанаты могуць быць рэпрэзентаваныя непасрэдна праз віртуалізацыю?

4) Якія экспанаты могуць быць рэпрэзентаваныя праз пабочныя сродкі (напрыклад, будаўнічыя блокі з Ніжняга замка могуць быць рэпрэзентаваныя хутчэй толькі праз рэпрэзентацыю самога адноўленага палаца)?

5) Якую форму неабходна надаць віртуальнай прасторы, дзе будуць рэпрэзентаваныя экспанаты музею (у нашым выпадку інтэр'еры Базыльянскіх муроў)?

6) Якім мусіць быць агульны дызайн музею?

7) Як будзе вырашаная праблема супрацоўніцтва дадзенага віртуальнага музею з іншымі музейнымі ўстановамі (напрыклад, тымі ж літоўскімі і беларускімі музеямі і архівамі, дзе на сённяшні момант захоўваюцца арыгіналы экспанатаў)?

8) Ці будуць экспанаты віртуальнага музею капіравацца і якім чынам?

Пры віртуалізацыі экспанатаў прапануецца наступнае:

– экспанаты выяўленчага характару (карціны, замалёўкі, дрэварыты, адбіткі пячатак, фотаздымкі, кнігі і г.д.) віртуалізаваць праз стварэнне віртуальнай мадэлі карціны з праекцыяй выявы экспаната;

– экспанаты аб'ёмныя віртуалізаваць падвойна: з аднаго боку праз стварэнне віртуальнай трохмернай копіі экспаната, з іншага – праз рэпрэзентацыю двухмерных фотаздымкаў з арыгінала;

– экспанаты тэкставага характару могуць быць рэпрэзентаваныя праз тэкставы файл з ілюстратыўным матэрыялам;

– экспанаты, якія былі страчаныя альбо яшчэ не выяўлены, дазваляецца рэпрэзентаваць праз віртуалізацыю аналагаў [4].

Неардынарнасць будучага адноўленага музею дыктуюць ужо існыя на цяперашні момант здарэнні і прэцэдэнты. На-

прыклад, частку экспанатаў былога Беларускага музею складалі фрагменты Віленскага ніжняга замка, выратаваныя беларускімі навукоўцамі і музеяфікаваныя. У Інвентарнай кнізе музею яны пазначаныя як «Карнізы і блёкі вялікага разьмеру з каралеўскага замку ў Вільні (з вельмі цьвёрдае вапеннае заправы). Былі ўжыты некалі да фундамэнтаў невялікага дамочка на рагу Віленскае вул. і Ад. Міцкевіча, дзе знойдзены пры разборцы дому пад будову "дому Яблкоўскіх" у 1913–14 гг.» [3]. На сённяшні момант гэтыя фрагменты ўбудаваныя ў муры адноўленага корпуса палаца, прычым аўтэнтычныя фрагменты выяўленыя на фасадзе ў мэтах экспазіцыйных. З аднаго боку, падобная трансфармацыя экспанатаў і натуральнае вяртанне ім ранейшага кантэксту – мара гістарычнай навукі і сведчыць пра высокі ўзровень тэарэтычнага падыходу да праекту рэстаўрацыі палаца, з іншага боку, паўстае метадалагічнае пытанне: чым ёсць цяпер тыя фрагменты? Зразумела, што яны больш не з'яўляюцца музейнымі экспанатамі і перайшлі з катэгорыі «аб'екты матэрыяльнай рухомай гісторыка-культурнай спадчыны» ў катэгорыю «аб'ект матэрыяльнай нерухомай спадчыны». Але пры гэтым сам адноўлены архітэктурны аб'ект «Віленскі ніжні замак» стаўся своеасаблівай экспазіцыяй для археалагічных экспанатаў, у тым ліку і з экспазіцыі былога Беларускага віленскага музею імя Івана Луцкевіча.

Беларускі віленскі музей імя Івана Луцкевіча стаўся знакавай культурніцкай падзеяй у гісторыі беларускай Вільні і рэпрэзентаваў каштоўную гісторыка-культурную спадчыну. Але прыцягненне ўвагі да самой з'явы віленскага Беларускага музею без яго сучаснай актуалізацыі ўяўляецца справай малаперспектыўнай. Неабходны намаганні па актуалізацыі самой з'явы музею ў сучасных умовах.

Сучасная актуалізацыя музейнай экспазіцыі, як ужо часткова сказана вышэй, уяўляецца магчымай, па-першае, праз ужыванне сродкаў музейнай і не музейнай інтэрпрэтацыі і віртуалізацыі аўтэнтычных музейных экспанатаў ці іх аналагаў; па-другое, праз прыцягненне сучаснай праблематыкі, датычнай галінаў дзейнасці, уласцівых для Беларускага віленскага музею (гл. вышэй па тэксце).

Дзеля сучаснай актуалізацыі адноўленага музею плануецца:

– уключыць у склад віртуальнага рэсурсу элементы віртуалізацыі, якія будуць выходзіць па-за межы праблематыкі

аднаўленне аўтэнтычнай экспазіцыі былога музею (прапануецца серыя віртуальных вандровак па Вільні часоў стварэння музею («Шпацыр па Вільні з Іванам Луцкевічам»), часоў закрыцця музею («Вільня пад нямецкай акупацыяй») і г.д. Пры гэтым плануецца актуалізаваць розныя аспекты існавання музею ў тагачаснай прасторы: палітычны, гісторыка-канфесійны, сацыяльна-культурны і г.д.);

– уключыць у склад віртуальнага рэсурсу элементы, што рэпрэзентуюць сучасныя культурніцкія падзеі і датычаць галінаў, што былі ў свой час рэпрэзентаваныя ў складзе экспазіцыі Беларускага віленскага музею.

Віртуальны Беларускі віленскі музей імя Івана Луцкевіча павінен стаць музейна-адукацыйным рэсурсам, які здолее не толькі рэпрэзентаваць музейныя калекцыі, што належалі неіснуючай ужо ўстанове. Гэты віртуальны музей павінен праз сучасныя сродкі віртуалізацыі перадаць атмасферу беларускага культурніцкага жыцця Вільні першай паловы XX стагоддзя. Нельга абмяжоўвацца толькі музейнымі зборамі і памяшканнямі, варта, напрыклад, рэпрэзентаваць віртуальную вандроўку па Вільні 1930-х гадоў у фармаце відэастужкі, актыўна выкарыстоўваць іншыя віртуальныя сродкі і рэсурсы [4].

Літаратура

1. Луцкевіч А. Беларускі музэй ім. Івана Луцкевіча. Вільня: Друкарня Я. Левіна, 1933.
2. Бібліятэка Акадэміі навук Літоўскай Рэспублікі, аддзел рукапісаў. F21-2049 Vilniaus baltarusu Jono Luckieviciaus vardo muziejaus lankytoju parasu knyga..., 1939.
3. Інвэнтарная кніга Музэю ім. Ів. Луцкевіча Беларускага Навуковага Таварыства ў Вільні // Спадчына. 1995. № 1–5.
4. Андруковіч Г. Рэканструкцыя Беларускага віленскага музэя імя Івана Луцкевіча: сучасная праблематыка. Мінск: БДУіКМ, 2010 (артыкул на дэпанацыі).

Вольга Бароўская
(БДУ, Мінск)

ПЕРЫЯДЫЧНЫ ДРУК АБ ШКОЛЬНЫХ СПРАВАХ НА АКУПАВАНЫХ БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У 1919–1920 ГАДЫ

Complexities of the martial law and occupation influenced the general development of the Belarusian lands. Information disconnection was one of the topical problems of periodicals at the time of the Polish occupation. Newspapers of that time were compelled to use the information borrowed from the Polish language and Russian-speaking editions which got onto the territory of the occupied Belarusian lands. The question of the organization of the educational system in Belarusian was one of the most pressing questions that almost all the periodicals of that time tried to solve. Belarusian newspapers focused on the propaganda of the Belarusian school, information on the conditions of teaching, the relationship of the Belarus national centers with the Polish occupational authorities concerning the organization of the educational process.

Цяжкасць ваеннага становішча і акупацыі выступалі моцнай перашкодай для развіцця перыядычнага друку. Аднак патрэба ў атрыманні інфармацыі заставалася, а вялікая колькасць чутак, недавер да іх выклікалі попыт на розныя перыядычныя выданні таго часу. Няўхільнасць часу пакінула для даследчыкаў некалькі найбольш вядомых перыядычных выданняў, якія захаваліся часткова. На акупаванай тэрыторыі Беларусі выдаваліся газеты «Беларусь», «Беларуская думка», «Минский курьер», «Вольная

(Незалежная) Беларусь», «Беларускае жыццё», «Goniec Miński», «Звон», «Беларускае слова».

Адной з найбольш актуальных праблем, на якую звярталі ўвагу амаль усе беларускія перыядычныя выданні таго часу, стала праблема арганізацыі дзейснай сістэмы адукацыі на беларускай мове. Агітацыя на карысць развіцця беларускага школьніцтва, інфармацыя аб становішчы настаўніцтва, узаемаадносіны беларускіх нацыянальных цэнтраў з польскімі акупацыйнымі ўладамі наконт арганізацыі адукацыйнага працэсу – гэта праблематыка не сыходзіла са старонак беларускіх газет.

Газета **«Беларусь»** выдавалася з 21 кастрычніка 1919 г. у Мінску пры Часовым беларускім нацыянальным камітэце. «Вакол газеты аб'ядноўваліся многія беларускія арганізацыі, у тым ліку Беларуская сацыял-дэмакратычная партыя (БСДП)» [20, 35]. У снежні 1919 года газета паведамляла аб становішчы школьнай справы ў Мінску: «З часу выхаду з Менска бальшавікоў, настаўнікі пачатковых школ засталіся без аніякай апекі. Ужо пяць месяцаў яны працуюць, не атрымліваючы пенсіі. Той падачкі ў 500 рублёў, якая была зроблена Секцыяй асветы магістрату, хапіла толькі на выплату часткі даўгоў» [7, 2]. Праблема дрэннага матэрыяльнага забеспячэння настаўнікаў, непрызнанне іх кваліфікацыі польскімі школьнымі аддзеламі прыводзіла школьных працаўнікоў да становішча абсалютнай галечы. Частка настаўнікаў проста кідала працу ў адукацыйных установах і шукала іншы заробак, частка самааддана працавала на карысць беларускай справы, пры гэтым не атрымоўваючы за сваю працу ніякіх матэрыяльных сродкаў.

Газета **«Беларуская думка»** выходзіла тройчы ў тыдзень у Вільні ў друкарні «Прамень» пад рэдактарствам І. Вайцяховіча з 28 красавіка па 27 ліпеня 1919 г. Рэдакцыя знаходзілася па вуліцы Вострабрамскай, 9. Газета з'яўлялася адным з друкаваных органаў Беларускай партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў, стаяла на пазіцыях самавызначэння Беларусі, значную ўвагу надавала асвятленню падзей польска-савецкай вайны. Паведамляла пра падзеі ў свеце (навіны з франтоў грамадзянскай вайны, праблемы падпісання мірных дамоў з краінамі Траістага саюза, адносіны краін Антанты да беларускай справы), пра нацыянальныя справы (паведамленні аб працы і месцазнаходжання Рады Міністраў БНР), друкавала вершы нацыянальна-патрыятычны

тэматыкі, літаратурныя апавяданні, навіны грамадскага жыцця, абвесткі.

4 ліпеня 1919 года газета паведамляла аб становішчы школьнай справы на Гродзеншчыне: «Замест расійскіх у некаторых вёсках і мястэчках адчыніліся польскія школы, але ў такім ліку, як вымагала жыццё. У многіх месцах Беларусі, у якіх былі школы, цяпер іх няма. Народ ня можа пасылаць сваіх дзяцей вучыцца. Цяпер нам трэба моцна падумаць, каб народ наш не застаўся без навукі. Дзеля гэтага трэба падгатаваць вучыцельскі персанал. Сярод нас, беларусаў, ёсць многа настаўнікаў былых расійскіх школ, якія могуць быць добрымі педагогамі. Галоўнае – накіраваць іх на кароткатэрміновыя курсы» [3, 4]. Актуальнасць арганізацыі настаўніцкіх курсаў дзеля перападрыхтоўкі настаўнікаў на беларускай аснове хвалявала шматлікія беларускія арганізацыі. 18 чэрвеня 1919 г. паведамлялася «аб арганізацыі пры беларускай гімназіі ў Вільні кароткатэрміновых курсаў для настаўнікаў, якія жадаюць працаваць у беларускіх школах. Інфармавалася аб плануемых прадметах выкладання, якія ўключалі цыкл беларусазнаўства. Курсы павінны былі цягнуцца 1 месяц» [2, 5]. Падобная абвестка аб арганізацыі настаўніцкіх беларускіх курсаў у Гродна з’явілася ў газеце «Беларуская думка» 19 ліпеня 1919 г. [6, 4]. 13 лютага 1920 г. газета «Беларусь» змясціла інфармацыю аб дзейнасці курсаў беларусазнаўства ў Мінску, арганізаваных Беларускай Школьнай Радай [8, 6].

11 ліпеня 1919 г. газета **«Беларуская думка»** паведамляла «аб з’ездзе беларускага вучыцельства Гродзеншчыны, які адбыўся 6 ліпеня 1919 г. у Гродна» [4, 5]. Дадзены з’езд вынес рашэнні па ўдасканальванню школьнай справы (спыненне перашкод для арганізацыі сельскіх сходаў на месцах, адкрыццё зачыненых палякамі беларускіх школ, урэгуляванне адукацыйных пытанняў польскімі ўладамі сумесна з прадстаўнікамі беларускіх арганізацый, адкрыццё беларускіх кароткатэрміновых настаўніцкіх курсаў, арганізацыю матэрыяльнага забеспячэння для настаўнікаў). Ультыматыўны тон рашэнняў з’езду, фактычнае непрызнанне магчымасцяў супрацоўніцтва з польскімі акупацыйнымі школьнымі ўладамі рабілі працу з’езда неэфектыўнай. Вынікі з’езда не ўнеслі пэўных змен у агульнае становішча развіцця беларускамоўнай адукацыі, не змянілі палітыкі польскіх акупацыйных улад, накіраванай на закрыццё

беларускамоўных адукацыйных устаноў, непрыняцце іх на ўрадавы кошт, не спрыялі прызнанню беларускіх настаўнікаў у якасці спецыялістаў.

Газета **«Беларусь»** у сакавіку 1920 года паведамляла «аб выхадзе новых падручнікаў для школы: праграмы беларускай ніжэйшай пачатковай школы "Зорка", чытанне пасля лемантара А. Смоліча, "Беларусь у песнях" Я. Фарботка, беларускі каляндар "Крыніца" А. Станкевіча, "Гутарка на беларускай мове" С. Рак-Міхайлоўскага» [9, 4]. Гэтае паведамленне давала карысную інфармацыю для настаўнікаў пачатковых школ. Не хапала падручнікаў. Пасылаліся шматлікія просьбы да беларускіх школьных рад з тым, каб яны выслалі хоць якія школьныя дапаможнікі дзеля арганізацыі навучання.

Спроба «дакрычацца» да грамадскасці праз перыядычныя выданні, даказаць вострую неабходнасць беларускіх школ на месцах рабілася неаднаразова аўтарамі публікацый газет «Беларусь», «Беларуская думка», «Звон». Так, 15 ліпеня 1919 г. на старонках газеты «Беларуская думка» паведамлялася: «У той час, калі мы дамагаемся сваіх беларускіх школ, нам даказваюць, што сяляне самі такіх школ ня хочуць, што яны просяць адчыняць у іх школы польскія або расійскія. Дзеля прыкладу падаем тут прыгавор Мядзьведзіцкай воласці Слуцкага павету, у якой жыхары ўсе каталікі і ведама былі пад сільным уплывам паланізацыі» [5, 3]. Публікуемы прыгавор сялян дадзенай воласці ўтрымліваў просьбу аб адкрыцці беларускай школы. У гэты павет у якасці школьнага інструктара была прызначаная ад Беларускай школьнай рады Міншчыны Паўліна Мядзёлка. У сваіх успамінах яна ўзгадвае аб існаванні ў дадзенай воласці некалькіх беларускіх школ, якія ўтрымліваліся за кошт мясцовага насельніцтва [18, 129–130]. Факты адкрыцця беларускіх школ па ініцыятыве мясцовых жыхароў не былі распаўсюджанай з'явай. Былі воласці, дзе мясцовае насельніцтва жадала адчыніць польскамоўную або рускамоўную школу, у дадзеным выпадку гэта залежыла ад нацыянальнай і канфесійнай прыналежнасці пераважаючай большасці жыхароў, ад матэрыяльнай забяспечанасці жыхароў.

Газета **«Звон»**, як і іншыя перыядычныя выданні, не магла абысці сваёй увагай пытанне школьнай справы на беларускіх землях. Газета выдавалася ў Мінску на беларускай мове пад рэдакцыяй Ядвігі Луцэвіч. Матэрыялы, змешчаныя ў газеце, свед-

чаць, што супрацоўнікі рэдакцыі падтрымлівалі польскі акупацыйны ўрад толькі сыходзячы з наступнай пазіцыі – «няма ніякага значэння, хто вызваліць беларускі народ ад бальшавікоў і дапаможа нацыянальнаму адраджэнню» [20, 33].

25 жніўня 1919 г. было змешчана распараджэнне намесніка Генеральнага камісара ўсходніх зямель у Мінскай акрузе Ул. Рачкевіча аб тым, што «ўсялякія аглашэнні аб інстытуцыях асветы (аб пачатковых навучальных установах, адкрыцці курсаў, прыняцці запісаў і інш.) павінны быць папярэдне зацверджаны школьным аддзелам акругoвага камісарыята» [14, 2]. Інфармацыя, якая тычылася развіцця школьнай справы, друкавалася ў асноўным на апошняй старонцы газеты: у раздзелах «Беларуская хроніка» і «Менскае жыццё». За 13 верасня 1919 г. у газеце «Звон» змяшчалася абвестка: «Школьны інспектарыят Мінскай акругі, які знаходзіцца на Дамініканскай вуліцы, шукае энергічных людзей-спецыялістаў для заняцця пасадаў павятовых інспектараў» [15, 4]. Патрэба ў спецыялістах як у школьным аддзеле, так і ў іншых адзелах польскага акупацыйнага апарата кіравання, з’яўлася адной з важных праблем Генеральнага камісарыята ўсходніх зямель. Адчуваўся востры недахоп адукаваных і палітычна лаяльных да польскай улады спецыялістаў.

15 верасня 1919 г. было змешчана паведамленне: «Духоўная семінарыя і школа злучаны ў адну школу з курсам 8-класных гімназій і 2-ма класамі спецыяльна багаслоўскімі (дзеля падрыхтоўкі пастыраў). Будынак духоўнай семінарыі гэтымі днямі вызваляецца. Праца ў школе мае пачацца 1-га кастрычніка» [16, 4]. Справа ў тым, што Мінская духоўная семінарыя не функцыянавала з 1917 года, пачатак заняткаў у семінарыі нават у такой форме можна лічыць вялікім дасягненнем епіскапа Мінскага і Тураўскага Мельхіседэка.

1 кастрычніка 1919 г. паведамлялася аб справе беларускіх школ і аб урэгуляванні спрэчных пытанняў з акупацыйнымі школьнымі ўладамі. Існавалі розныя супярэчнасці паміж пастановамі і пазначэннямі настаўніцкага персаналу ад імя беларускіх школьных рад пры Часовым беларускім нацыянальным камітэце, Цэнтральнай рады Віленшчыны і Гродзеншчыны з пастановамі польскіх улад. Было вырашана, што «настаўнікі, пазначаныя школьным аддзелам беларускіх рад на месцы, павінны быць зацверджаны польскімі павятовымі інспектарамі. Польскія

павятовыя інспектары павінны рабіць усе ад іх залежнае да склікання сялянскіх сходаў, дзеля прыгавораў аб адчыненні беларускіх школ» [17, 4].

Газета «Звон» змяшчала на сваіх старонках усю патрэбную інфармацыю, якая магла садзейнічаць развіццю беларускага школьніцтва. Газета расказвала пра парадак мерапрыемстваў, якія неабходна выканаць, каб у законным парадку ажыццявіць адкрыццё беларускай школы на месцы. Гэтыя паведамленні з'яўляліся вельмі карыснымі і дапамагалі пазбегнуць шматлікіх праблем.

«Беларускае слова» як палітычная, літаратурная, эканамічная газета, выходзіла ў Гродне з 1920 г. пад рэдакцыяй В. Адамовіча і Ул. Шалешкі, пакрывала абшар Віленшчыны і Гродзеншчыны. Газета існавала як друкаваны орган Цэнтральнага беларускага нацыянальнага камітэту. Змяшчала інфармацыю пра агульны стан спраў на беларускіх землях, міжнароднае становішча, паведамляла аб становішчы беларускай нацыянальнай справы, тут змяшчаліся шматлікія літаратурныя апавяданні, вершы, камерцыйныя абвесткі. 2 кастрычніка 1920 г. паведамляла аб адкрыцці беларускай гімназіі для хлапцоў і дзяўчат у Гродне пры школьным аддзеле (радзе) Цэнтральнай рады Віленшчыны і Гродзеншчыны. Пры гімназіі меўся інтэрнат і сталоўка з харчоў вучняў [1, 6].

Своеасаблівы погляд з боку прадстаўляла газета **«Звезда»**, друкаваны орган ЦК КП Літвы і Беларусі. Газета з верасня 1919 г. па 8 жніўня 1920 г. выдавалася ў Смаленску. Яшчэ да пераезду газета з мая па жнівень 1919 г. выдавалася ў Мінску па вуліцы Захар'еўская, 63. Яна не мела пастаянага штату карэспандэнтаў, розныя меркаванні і матэрыял прысылаўся ў рэдакцыю ад аплочваемых аўтараў з месцаў.

17 верасня 1919 г. газета паведамляла аб агульным становішчы і ўсталяванай сістэме кіравання ў акупіраваным Мінску. Змяшчаліся звесткі аб мінскай прэсе: «Минские газеты со времени вступления легионеров в Минск: вместо прекративших свой выход советских газет начал выходить "Гонец Мински" на польском языке, "Фарн Фолк" (сионистский) на еврейском языке и "Минский курьер" на русском языке, под редакцией бывшего выпускающего "Звезду", присвоевшего врученные ему редакцией "Звезды" деньги и оставшегося в Минске (маецца на ўвазе галоўны рэдактар А. Гзоўскі. – *В.Б.*)» [10, 9].

22 верасня 1919 г. паведамлялася аб узаемаадносінах беларускага нацыянальнага руху з польскім акупацыйным апаратам кіравання. Рэзкі тон і выкарыстанне рознага віда клішэ, тыпу «контррэвалюцыянеры», былі шырока распаўсюджаны ў адносінах да беларускіх нацыянальных дзеячоў. Напрыклад: «Белорусские националисты, обивавшие пороги польских панов в Варшаве, получили там заверения о поддержке их стремлений к независимости. Однако, на деле, как сообщает «Виленский курьер» от 22 августа, получилось другое. Белорусские национальные деятели, читаем там, очень часто подвергались аресту, либо высылаются из края. Так, например, на поданые Белорусской Радой заявления главе государства об аресте члена Центральной рады Виленщины и Гроденщины Томаша Гриба, он еще до сих пор томится в тюрьме...» [11, 7]. Тым не менш газета «Звезда» падавала сваім чытачам правераную і адпавядаючую сапраўднасці інфармацыю.

Акрамя важных палітычных праблем, «Звезда» звяртала сваю ўвагу на шматлікія праблемы школьнай справы на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Зноў жа ўсплываюць праблемы нявыплаты заработнай платы беларускаму настаўніцтву з боку польскіх акупацыйных улад, закрыцце беларускіх школ, асабліва масава ў Бельскім, Сакольскім і Беластоцкім паветах, і адкрыцце на іх месцах польскіх школ. 19 кастрычніка 1919 г. у артыкуле «Полонизация Белоруссии» паведамлялася аб мерапрыемствах польскіх улад у галіне адукацыі: «Государственной субсидией пользоваться будут исключительно школы с преподаванием на польском языке, который будет обязательным предметом преподавания во всех школах других национальностей. Школы с преподаванием на местных языках могут получать поддержку со стороны органов местного управления города и земства» [12, 9]. 30 снежня 1919 г. паведамлялася аб аднадзённай забастоўцы мінскіх настаўнікаў па прычыне невыплаты на працягу 5-ці месяцаў заработнай платы [13, 6].

Сітуацыя ў акупаваным палякамі Мінску прадстаўляецца на старонках газеты «Звезда» надзвычай яскрава і надзённа. Газета, дзякуючы вельмі добраму штату карэспандэнтаў, якія дастаўлялі «свежую» інфармацыю з прыфрантавой тэрыторыі, абвяргала чуткі і неправераную інфармацыю. 22 верасня 1919 г. газета паведамляла: «22 августа было вывешено по улицам Минска объ-

явление, в котором предлагалось в продолжение пяти дней всем организациям и профессиональным союзам зарегистрироваться у генерального комиссара... В настоящее время уже союзы зарегистрированы и начали свою работу. На общем собрании (союзов) было решено, недолго откладывая, сделать перерегистрацию всех членов союза и в ближайшее время назначить во всех союзах собрания для перевыборов правлений» [11, 9].

Абмежаваным накладам на акупаваныя беларускія землі трапляла «Новое русское слово» [19, л. 104]. Звесткі, пазычаныя з гэтай газеты, пацвярджаюць агульнае становішча развіцця беларускамоўнай адукацыі. 23 верасня 1919 г. № 213 паведамляў: «Из Воложинского уезда получены сведения о новых стеснениях в белорусском школьном деле. Школьный инспектор (маецца на ўвазе прадстаўнік Галоўнага ўпраўлення ўсходніх зямель. – *В.Б.*) то заявляет, что в Польше вообще запрещено преподавать на белорусском языке, то объявляет, что преподавание на белорусском языке разрешено лишь в частных школах. Когда население начинает хлопотать об открытии частной белорусской школы, школьный инспектор требует, чтобы учителя имели шестиклассное образование, когда находятся учителя-белорусы с таким образованием, школьный инспектор уже требует восьмиклассного образования. Интересно отметить, что для преподавания в польской школе нужен гораздо низший образовательный ценз. Тот же школьный инспектор не упускает случая обозвать белорусский язык хамским языком.»

Перыядычны друк выконваў важную інфармацыйную ролю для насельніцтва беларускіх зямель. Частка беларусаў, якая эвакуіравалася на ўсход з-за прыходу польскіх войскаў (з'яўляліся бальшавікамі па партыйнай прыналежнасці, ці якім-небудзь чынам былі звязаны з уладай бальшавікоў, ці выконвалі вайсковы абавязак у шэрагах Чырвонай Арміі), цікавілася агульным становішчам беларускіх зямель, лёсам мясцовых жыхароў (родзічаў). Насельніцтва, якое пражывала на акупіраванай польскімі войскамі тэрыторыі Беларусі, таксама мела патрэбу ў атрыманні інфармацыі аб агульным становішчы на і па-за межамі беларускіх земляў. Сітуацыя з вырашэннем школьнай справы, якая неаднаразова асвятлялася на старонках розных перыядычных выданняў, стала для мясцовых жыхароў адной з надзённых праблем. Паведамленні аб становішчы адукацыі на

акупіраваных беларускіх землях выконвалі функцыю не толькі простага інфармавання насельніцтва, у большасці выпадкаў гэтыя паведамленні былі разлічаны на знешняга назіральніка, з мэтай паказаць самавольства польскіх акупацыйных улад.

Літаратура

1. Беларускае слова. 1920. № 1 (2 кастрычніка).
2. Беларуская думка. 1919. № 22 (18 чэрвеня).
3. Беларуская думка. 1919. № 36 (4 ліпеня).
4. Беларуская думка. 1919. № 42 (11 ліпеня).
5. Беларуская думка. 1919. № 45 (15 ліпеня).
6. Беларуская думка. 1919. № 49 (19 ліпеня).
7. Беларусь. 1919. № 41 (10 снежня).
8. Беларусь. 1920. 13 лютага.
9. Беларусь. 1920. 12 сакавіка.
10. Звезда. 1919. № 511 (17 сентября).
11. Звезда. 1919. № 512 (22 сентября).
12. Звезда. 1919. № 514 (19 октября).
13. Звезда. 1919. № 523 (30 декабря).
14. Звон. 1919. № 1 (25 жніўня).
15. Звон. 1919. № 9 (13 верасня).
16. Звон. 1919. № 10 (15 верасня).
17. Звон. 1919. № 17 (1 кастрычніка).
18. Мядзёлка П. Сцежкамі жыцця. Успаміны / П. Мядзёлка. Мінск, 1974.
19. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Фонд 325. Воп. 1. Спр. 54. Падборка артыкулаў з газет і замежнай прэсы аб палітычных і эканамічным становішчы і нацыянальным руху на Беларусі.
20. Трубчык А.Г. Школьная справа на тэрыторыі Беларусі ў час польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. на старонках перыядычнага друку / А.Г. Трубчык // Беларускі гістарычны часопіс. 2010. № 1. С. 32–37.

Раман Забела
(БНТУ, Мінск)

ЗАМКАВА-ПАЛАЦАВЫ КОМПЛЕКС З ПАРКАМ У г.п. ЛЮБЧА: ДА КАНЦЭПЦЫІ РЭНАВАЦЫІ ПОМНІКА

The article is the first attempt to draw attention to the contradictions in the approaches to the perception of some stages of the establishment of the monument, which appeared in the development of the common conception of the castle-palace complex renovation. It is based on the most current research materials.

Гарадскі пасёлак Любча (першапачаткова – месца Lubcz, Lubiecz) вядомы з сярэдзіны XIII стагоддзя як уладанне Андрэя Кіяна, дзе быў закладзены абатам Вітам дамініканскі касцёл і заснавана першае літоўска-рускае біскупства.

Замкава-палацавы комплекс з паркам размешчаны на левым беразе Нёмана на паўднёва-ўсходняй ускраіне Любчы.

Склалася так, што даволі працяглы час матэрыялы па гісторыі станаўлення комплекса мелі агульны характар (без грунтоўных даследаванняў, зыходзячы з інвентарных апісанняў і павярхоўных натурных даследаванняў).

Першы этап комплексных даследаванняў (1983–1986) распачаўся ў межах распрацоўкі праекта рэстаўрацыі і прыстасавання пад базу адпачынку Лідсельмаша. Менавіта тады былі праведзеныя комплексныя навуковыя даследаванні (абмеры помніка, археалагічныя раскопкі, архіўныя пошукі, натурныя даследаванні, геадэзічнае здыманне ўчастка) і распрацаваная

першая агульная канцэпцыя экспанавання ўсіх гістарычных складнікаў комплекса. Зробленыя даследаванні і праект заклалі падмурак пад будучае адраджэнне ўнікальнага помніка.

Праз розныя прычыны працы па аднаўленні на аб'екце распачатыя не былі. Што праўда, гэта дало магчымасць унесці значныя змены ў канцэпцыю рэнавацыі праз здабыццё новых матэрыялаў падчас наступных этапаў навуковых даследаванняў (2003–2008 гг., з 2009 па цяперашні дзень).

Новая канцэпцыя распрацавана паводле сусветнай нарматыўна-прававой базы з улікам значнасці каштоўнасці кожнага з этапаў станаўлення архітэктурнага комплекса для гісторыі і культуры Беларусі ў агульна еўрапейскім кантэксце.

Калі казаць іншымі словамі, то стылістычна і тэматычна ўвесь ахоўны комплекс можна падзяліць на тры матэрыяльныя складнікі (рэшткі абарончага рэнесансавага замка XVI–XVII стст., эклектычны палац сярэдзіны XIX ст., закладзены прыкладна ў той жа час парк). Менавіта вызначэнне паасобку значнасці кожнага з гэтых этапаў і ўспрымання іх разам як адзінага выніку развіцця і станаўлення архітэктурнага комплекса з'явілася асновай распрацоўваемай агульнай канцэпцыі рэнавацыі.

Замак

Абарончы замак размешчаны на падсыпным узгорку агульнымі памерамі 70×85 м, узвышаючыся над навакольным узроўнем у сярэднім на 4 м, і абкружаны з паўночнага захаду, паўднёвага захаду і паўднёвага ўсходу ровам, значна пасунуўшымся ў нашыя дні; з паўночна-ўсходняй частцы замкавага насыпу працякае рака Нёман.

Першыя звесткі пра замак у гарадскім паселішчы Любча Навагрудскага раёна Гарадзенскай вобласці адносяцца да перыяду ўладання Янам Кішкам Любчай (1574–1606), знатным прапаведнікам кальвінізму, заснавальнікам арыянскай акадэміі ў Іўі і адной з першых на тэрыторыі ВКЛ друкарняў. Пасля Я. Кішкі замкам у розныя часы валодалі Радзівілы, нейбургскія князі, Вітгенштэйны, Фальц-Фейны, Набокавы, Пеккеры, сёстры міласэрнасці ордэна св. Уршулі. Кожны з уладальнікаў карыстаўся замкам і змяняў яго згодна ўласным матэрыяльным магчымасцям, разуменню прыгажосці, стылю і патрабаванням да жыцця.

Першая адметнасць гэтага гістарычнага этапа ў тым, што замак у Любчы – унікальны прыклад абарончага дойлідства для эпохі Рэнесансу. Эстэтыка новай эпохі Адраджэння прынесла камфорт і рэпрэзентатыўнасць будаўніцтва прыватнаўласніцкіх рэзідэнцый заможных магнатаў праз змены ў аб'ёмна-планавай структуры замкаў, а менавіта праз развіццё бастыённай фартыфікацыйнай сістэмы і перанос абарончай нагрузкі на знешнія ўмацаванні. Гэта прывяло да павелічэння замкавай тэрыторыі і пазбаўлення замкавых пабудоваў выразных абарончых рысаў. Але ў той час, як на тэрыторыі Рэчы Паспалітай для абароны паўставалі замкі-палацы з бастыённымі ўмацаваннямі (Нясвіж, Быхаў), аснову абарончай моцы замка ў Любчы склалі замкавыя сцены і фланкуючыя вежы, што ўласціва замкам-кастэлям ранняга сярэднявечча (Ліда, Крэва, Меднікі).

Другая адметнасць таксама звязаная са стылістычнымі асаблівасцямі гэтага этапу станаўлення комплекса. Замак паводле канструкцыйнай сістэмы і вонкавай аздобы рэпрэзентуе чысты стыль Рэнесанс з элементамі, уласцівымі для нямецкай архітэктуры.

У асноўных сваіх рысах замкавы комплекс у Любчы быў закладзены яшчэ як адна з рэзідэнцыяў княскага роду Кішкаў, але не быў дабудаваны цалкам. Пасля Кішкаў за будаўніцтва комплекса ўзяліся Біржанскія Радзівілы, якія зрабілі замак адной са сваіх галоўных рэзідэнцыяў, прынамсі культурным і рэлігійным цэнтрам сваіх уладанняў.

Маштабнае будаўніцтва распачаў у Любчы Крыштоф Радзівіл, атрымаўшы мястэчка і часткова разбураны замак у 1607 г. Скончылася фармаванне замкавага ансамбля зяцем Яна Кішкі Багуславам Радзівілам.

Біржанскія Радзівілы мелі трывалыя сувязі з нямецкім дваром і заходняй Еўропай, таму для выканання будаўнічых працаў часта запрашалі заходнееўрапейскіх майстроў. Гэтак у Любчы паўсталі пабудовы ў характэрнай на той час для нямецкіх, а затым нідэрландскіх і паўночна-польскіх земляў тэхніцы «прускі мур», альбо фахверк. Па-пруску была змураваная прыбудова да кутняй вежы (ганак), баявая галерэя на абарончай сцяне паміж Брамнай і Кутняй вежамі, гаспадарчыя пабудовы на замчышчы. Таксама шэраг пабудоваў па-за межамі замка, але ў агульнай з ім ансамблевай стылістыцы.

Што да мастацкай аздобы Любчанскага замка, то гзымсы і ярусы ягоных вежаў упрыгожыла зграфіта – від манументальнага дэкаратыўнага жывапісу, прынцыпы і тэхніка якога заснаваныя на прадрапванні верхняга тонкага слою тынкоўкі да наступнага слою, па колеры кантраснага першаму (цалкам зграфіта захавалася яшчэ толькі на адным аб'екце на Беларусі – Дабравешчанскі касцёл манастыра брыгітак у Гародне). У выніку замкавы комплекс набыў запамінальную каляровую гаму: тынкаваныя ў светлы колер аб'ёмы вежаў і праслы сценаў кантраставалі з чорнымі малюнкамі зграфіта і таксама чорнымі драўлянымі канструкцыямі фахверка. Параднасць замкаваму комплексу надавалі купальнае завяршэнне і гадзіннік на сцяне Брамнай вежы, ветракі з белай бляхі на спічаках дахаў.

Варта адзначыць, што элементы абарончага замка не мелі пазнейшых стылістычных перабудоваў – усе пазнейшыя аднаўленчыя працы былі звязаныя выключна з захадамі па захаванні элементаў канструкцыі.

Вынікае, што замак у Любчы – адзін з нешматлікіх аб'ектаў гісторыка-культурнай спадчыны абарончага значэння, які захаваўся нагэтулькі, што па ім можна прасачыць тэндэнцыі архітэктурнай думкі і эстэтычных густаў перыяду канца XVI–XVII стагоддзяў.

Палац і парк

Рэшткі старажытнага замка, страціўшага абароннае значэнне, сталі кампазіцыйным ядром фармавання палацава-паркавага комплекса. Ягоным цэнтрам стаў палац, збудаваны ў 1861–1870 гг. на мяжы схілу ў паўночна-ўсходняй частцы замка над ракой Нёман з парадным партэрам у бок парка. Уладальнікам замка ў той час быў Пётр Вітгенштэйн. Эклектычны палац з рысамі несапраўднай готыкі меў строга сіметрычную трохчастковую кампазіцыю, якую стваралі прастакутны ў плане двухпавярховы галоўны аб'ём з аднапавярховымі квадратнымі ў плане прыбудовамі. Цэнтральная частка была крытая вальмавым дахам, бакавыя – двухспадным. Па кутах раскрапоўкі фасадаў былі дэкаратыўныя вежачкі, завершаныя зубцамі. Фасады аздоблены гзымсамі і рызалітамі. Паўночна-ўсходні (звернуты да ракі) рызаліт завяршаўся трохкутным прастакутным закотам, паўднёва-

заходні (панадворкавы), найбольш парадны, – прастакутным парапетным. Тарцовыя фасады мелі зубчастыя ступеністыя закоты з прастакутнымі адтулінамі, імітуючымі байніцы. У 1891–1892 гг. быў надбудаваны другі паверх над квадратнымі прыбудовамі.

Ад палаца адкрываюцца маляўнічыя далягляды на пойму Нёмана і новы парк, што сфармаваўся ў рэгулярным стылі па-за замкавым ровам на ягонае мяжы, ахінаючы яго паўколам сістэмай алеяў з паўднёва-усходняга боку. Перад палацам за ровам быў закладзены партэр, добра бачны з тэрыторыі дзядзінца. У 90-х гадах XIX ст. вакол замка закладзены пладовы сад.

З закладаннем парка элементы абарончага замка сталі дэкаратыўна-архітэктурным элементам, што сімвалізавалі даўно мінулую эпоху сярэднявечча (як і ўсе эклектычныя неагатычныя элементы вонкавага аздаблення фасадаў палаца). Паступова былі разабраныя прасла колішніх замкавых муроў, і адкрыўшаяся гістарычная тэрыторыя дзядзінца стала часткаю адзінага, невялікага, але своеасаблівага ансамбля. Замкавыя вежы і равы сталі натуральным дадаткам да парка рамантычнага накірунку. Эпоха пейзажнага стылю ў паркавым будаўніцтве толькі злёгку закранула парк: напрыканцы XIX – у пачатку XX ст. парк абагаціўся экзотамі, з якіх захаваліся адзінкі арэха чорнага, сасны веймутовай, лістоўніц еўрапейскай і сібірскай. Кампазіцыйная сувязь з навакольнай мясцовасцю, характэрная для шмат якіх паркаў перыяду рамантызму, адсутнічае.

Некалькі пазней, ужо на мяжы XIX–XX стст., новы ўладальнік – памешчык Эдуард Фальц-Фейн у паўночна-заходняй частцы дзядзінца побач з вежай-брамай XVI–XVII стст. будуе новы цагляны флігель у агульнай стылістыцы з палацам. У 20-я гады XX ст. да флігеля была зробленая драўляная прыбудова з дзвюма цаглянымі вежачкамі па кутах (паводле аналогіі с палацам і флігелям) для стварэння цэласнага мастацка-стылістычнага адзінства розначасовых пабудоваў.

Парк – выбітны прыклад замкава-паркавай архітэктуры (акрамя любчанскага парку захаваўся толькі адзін прыклад ландшафтнай архітэктуры такога кшталту – замкава-паркавы ансамбль у г.п. Мір Карэліцкага раёну).

Да нашых дзён ад замка XVI–XVII стст. цалкам захаваліся асноўныя аб'ёмы двух вежаў (паўднёва-усходняй кутняй і паўднёва-заходняй кутняй брамнай), рэшткі абарончай паўднёва-

заходняй сцяны, падмуркі паўночна-заходняй абарончай сцяны з гаспадарчымі пабудовамі markрознага кшталту, скляпеністыя сутарэнні паўночна-заходняй кутняй вежы і падмуркі драўлянага палаца на паўднёва-ўсходнім баку дзядзінца, існаваўшага з першай траціне XVIII ст. да 1835 г.

Будынак неагатычнага палаца сярэдзіны XIX ст. у цяперашні час знаходзіцца ў задавальняючым стане, але адсотак стратаў першапачатковых канструкцыяў даволі значны. Рамонт і перабудова помніка праводзілася ў значных аб’ёмах. У Першую сусветную вайну (1915 г.) палац згарэў ад расійскага артылерыйскага снарада. Пры аднаўленні ў 1947–1949 гг. аб’ём палаца перабудаваны ў неакласіцыстычным стылі пад навучальную ўстанову. Гасцевы флігель пачатку XX ст. зараз выкарыстоўваецца пад жыллё. У парку размешчаныя спартовыя пляцоўкі, частка забудаваная.

Заключэнне

Прааналізаваўшы значнасць каштоўнасці кожнага з этапаў станаўлення замкава-палацавага комплекса з паркам у г.п. Любча для гісторыі і культуры Беларусі ў агульна еўрапейскім кантэксце, можна акрэсліць асноўныя моманты канцэпцыі рэнавацыі аб’екта.

Зыходзячы з выключнай важнасці рэнесансавага этапу станаўлення замкава-палацавага комплекса з паркам, канцэпцыяй прадугледжваецца рэстаўрацыя захаваных вежаў і рэканструкцыя абарончай сцяны з баявой галерэяй, каб найбольш навочна і ў поўнай ступені выявіць і падкрэсліць тэндэнцыі архітэктурнай думкі і эстэтычных густаў перыяду канца XVI–XVII стагоддзяў, а таксама засяродзіць увагу на неўласцівай уласнай аб’ёмна-планавальнай структуры замка. Таксама плануецца раскрыццё, умацаванне і экспанаванне розным чынам захаваных падмуркаў найбольш важных элементаў замка Кішкаў-Радзівілаў.

Для будынка палаца мэтазгодна прымяніць стылістычную рэстаўрацыю фасадаў на пачатак XX ст. з максімальным захаваннем існага мураванага аб’ёму, каб вярнуць стылістычныя ўласцівасці неагатычнага стылю і зрабіць палац краявіднай і кампазіцыйнай дамінантай. Прадугледжваецца выкарыстанне рэстаўраванага і рэканструяванага будынка палаца пад рэпрэзентатыўныя і гаспадарчыя функцыі.

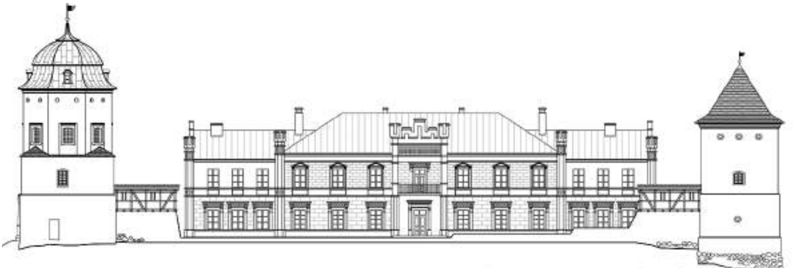
Флігель патрабуе рэстаўрацыі фасадаў і рэканструкцыі пад гаспадарчыя патрэбы комплекса.

Захаванне і аднаўленне помніка садова-паркавай архітэктуры трэба весці з выкарыстаннем асноўных прынцыпаў кансервацыі, рэканструкцыі і рэстаўрацыі для захавання агульнай ідэі гістарычнага парка ў межах сучаснай горадабудаўнічай сітуацыі і агульных патрэбаў выкарыстання. Асноўным захадам захавання парка з'яўляецца абмежаванне ўплыву прыватнага сектару.

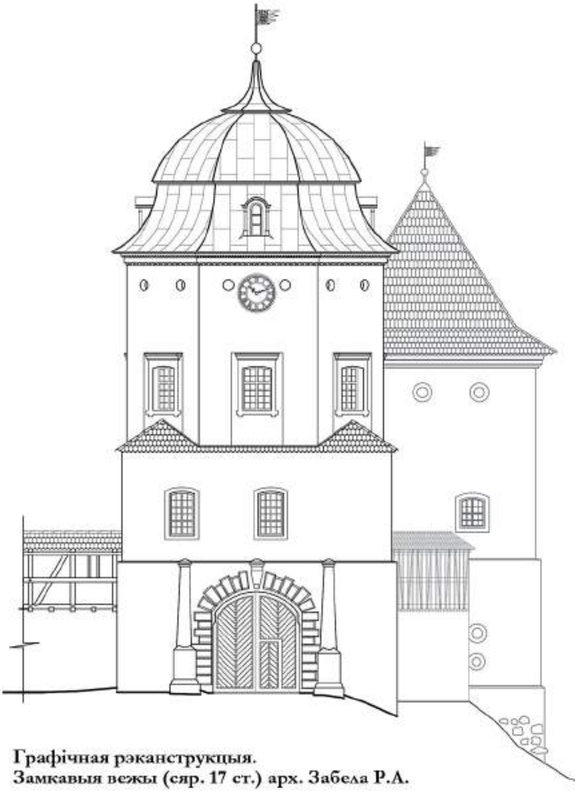
Менавіта праца разам усіх гістарычна-стылістычных этапаў як адзінага выніку развіцця і станаўлення архітэктурнага комплекса дасць найбольш цікавы для агульнага ўспрымання вынік і не дазволіць згубіць аніводны год з гісторыі станаўлення комплекса.

Літаратура

1. Rewienska W. Miasta I miasteczka w Polnocno-wschodniej Polsce. Wilno, 1938. St 55.
2. Zmigrodski J. Nowogrodek I okolice. Nakladem Nowogrodzkiego Oddzialu Polsk.Tow.Krajoznawczego, 1931. St. 64.
3. Антипов В.Г. Парки Белоруссии. Минск, 1975. С. 34.
4. Архив СНРПМ, объект 216-83, № 16.
5. Куц Н. Любча як рэзыдэнцыя Біржанскіх Радзівілаў. Европа : новое соседство 2008. Вильнюс: ЕГУ, 2009. С. 17–25.
6. Пацыенка С.А. Эвалюцыя замкавых пабудоў у гісторыі беларускай культуры. Архитектура и строительство. 04.05.2007.
7. Савельев Д. Исследования брамной башни замка в г.п. Любча. Архитектура и строительные науки. № 10 (10). 2010. С. 37–39.



Праектная прапанова (арх. Забела Р.А.)



Графічная рэканструкцыя.
Замкавыя вежы (сяр. 17 ст.) арх. Забела Р.А.

Вадзім Кароль
(БДУ, Мінск)

БАРАЦЬБА НКУС З ПОЛЬСКІМ АНТЫСАВЕЦКІМ ПАДПОЛЛЕМ У ЗАХОДНІХ АБЛАСЦЯХ БССР (1939–1941 гг.)

The author discloses the process of establishing Polish underground organizations on the territory of Western Belarus by the autumn of 1939; the structure as well as the national and age-related composition of these organizations is described. Moreover, the territorial distribution is reported. Inclusion of a vast number of archival documents (special messages, certificates and NKVD reports) allows a profound analysis of the basic forms of the struggle of the Polish underground organizations and the principal measures of the state security organs aimed at the liquidation and defeat of these organizations.

Падзеі верасня 1939 года аказалі вялікі ўплыў на далейшую гісторыю Беларусі. Уз’яднанне беларускага народа ў верасні 1939 года стала актам гістарычнай справядлівасці, завяршыўшым працэс тэрытарыяльнай і этнаграфічнай кансалідацыі беларускага народа. На тэрыторыях, занятых савецкімі войскамі, пачынаючы з верасня 1939 года, праводзіліся мэтанакіраваныя мерапрыемствы савецкай улады па дэпаланізацыі рэгіёну і паскоранай саветызацыі ўсіх бакоў жыцця людзей. Адной з неад’емных частак гэтага працэсу сталі палітычныя рэпрэсіі.

Прыход новай улады выклікаў супрацьлеглую рэакцыю розных груп насельніцтва. Так, калі большасць беларускага і украінскага насельніцтва напачатку з энтузіязмам прыняла пры-

ход савецкай улады, то палякі адразу ж з недаверам аднесліся да яе. Да таго ж дзеянні савецкай адміністрацыі (арышты і дэпартацыі насельніцтва, правядзенне калектывізацыі, палітыка абмежавання палякаў у правах) прывялі да нарастання супраціву з боку польскага насельніцтва. Гэты супраціў прымаў розныя формы.

Пасіўны супраціў датычыў перш за ўсё калектывізацыі ў вёсцы. Актамі пратэсту сталі таксама ўкрывацельства і дапамога праследуемым савецкай уладай асобам. Распаўсюджанай формай пратэсту былі выпадкі адмовы ад ваеннай службы, ад савецкага пашпарта, ад удзела ў галасаванні [11, 137]. Невыпадкова, што і актыўны супраціў савецкай уладзе хутка разгарнуўся да значных маштабаў. Адной з найбольш сур'ёзных праблем для новай улады на тэрыторыі далучаных зямель Заходняй Беларусі стала барацьба з польскім падполлем.

Гісторыя польскіх падпольных арганізацый бярэ свой пачатак 27 верасня 1939 года, калі быў падпісаны загад галоўнакамандуючага польскімі ўзброенымі сіламі маршала Э. Рыдз-Сміглы пра стварэнне падпольнай ваеннай арганізацыі. Гэта арганізацыя атрымала назву «Служба за перамогу Польшчы» (Služba Zwycięstwu Polski – SZP). Яе кіраўніком быў прызначаны генерал М. Карашэвіч-Такажэўскі.

13 лістапада 1939 г. па загаду генерала У. Сікорскага, які ў Парыжы ўзначальваў новы польскі ўрад у эміграцыі і польскія ўзброеныя сілы за мяжой, арганізуецца «Саюз узброеннай барацьбы» (Związek Walki Zbrojnej) – СУБ. Паступова новая арганізацыя аб'ядналася з СЗП і шэрагам іншых канспіратыўных арганізацый. Галоўным камендантам СУБ быў прызначаны генерал К. Сасноўскі. Уся тэрыторыя даваеннай Польшчы была падзелена на шэсць «абшараў». Адзін з іх – «Беласток» (камандуючы генерал М. Карашэвіч-Такаржэўскі) – ахопліваў усю тэрыторыю заходняй Беларусі і падзяляўся на акругі, якія ў асноўным супадалі з даваеннымі ваяводствамі – Беластоцкі, Навагрудскі і Палескі [14, 142].

Галоўная мэта дзейнасці арганізацыі дакладна сфармулявана ў арганізацыйным уставе СУБ у лістападзе 1939 г.: «падрыхтоўка ўзброенага паўстання ў тылах акупацыйных войскаў» [14, 10–12]. Да асноўных формаў супраціву новым уладам адносіліся інфармаванне грамадства аб палітычнай і ваеннай сітуацыі, ба-

рацьба з нямецкай і савецкай прапагандай, падтрымка пачуцця нянавісці да акупантаў і прагі помсты, правядзенне выведчай, дыверсійнай і сабатажнай дзейнасці, прымяненне тэрору супраць членаў акупацыйнага апарата і калабарацыяністаў, навучанне кадраў і збор сродкаў барацьбы [11, 164].

Трэба адзначыць, што працэс стварэння польскага падполля ішоў як зверху – праз кіраўніцтва Войска Польскага, кіруючых органаў палітычных партый, гэтак і знізу – праз нізавыя арганізацыйныя ячэйкі, вайсковыя групы ці нават асобных людзей. Перыяд восені 1939 – верасня 1940 г. у асноўным быў перыядам стыхійнага афармлення падполля знізу. Першы перыяд барацьбы ў форме ўзброенных выступленняў частак польскага войска супраць Чырвонай Арміі і органаў савецкай улады атрымаў у польскай гістарыяграфіі назву «вераснёўскай партызанкі» («partyzantki wrześniowej») [15, 105].

Арганізацыйная структура Саюза ўзброенай барацьбы была дастаткова складаная і адпавядала задачам падпольнай барацьбы. На ўсіх узроўнях канспірацыі першапачаткова ствараліся штабы начале з камендантамі. Акругі складаліся з абласцей, якія ствараліся на тэрыторыі былых паветаў ці гарадоў. Абводы складаліся з раёнаў, кожны з якіх ахопліваў ад 3 да 5 даваенных гмін. На базе гміны стваралася пляцоўка, якая складалася з секцый. Штаб гэтых секцый арганізоўваў пяцёркі мужчын да 45 гадоў. Гэтыя пяцёркі былі нізавымі ячэйкамі і называліся дружынамі [11, 168]. Акрамя тэрытарыяльнага прынцыпу выкарыстоўваўся прынцып па месцу працы.

Канспіратыўная сістэма ўключала псеўданімы членаў, сістэму крыптанімаў і скарачэнняў. Сувязь ажыццяўлялася пераважна спецыяльнымі кур'ерамі. Была створана сетка канспіратыўных кватэр і сховішчаў. Асноўную ролю ў прапагандысцкай дзейнасці выконвала падпольная прэса, рознага тыпу лістоўкі і пракламацыі.

Большасць членаў польскіх падпольных арганізацый па нацыянальнасці былі палякамі. Але цікава прааналізаваць стаўленне кіраўнікоў СУБ да беларускага насельніцтва. Па сутнасці кіраўнікі польскага падполля бачылі ў беларускім насельніцтве краю патэнцыйных саюзнікаў, хоць ім і не давяралі: «На ўсходняй і паўночна-ўсходняй тэрыторыі частка насельніцтва – гэта беларускае. На гэтых людзей неабходна звярнуць спецыяльную ўвагу

і імкнуцца пасля ахопу польскага насельніцтва пазнаёміцца і з беларусамі… Гэты народ у цяперашні час зразумеў сваё становішча і сітуацыю савецкага «раю» і ад усей душы жадае вярнуцца ў лона Польшчы. Пакуль што ў арганізацыю беларусаў прымаць нельга і імкнуцца трымаць іх у рэзерву…» [8, 34] – тлумачылася ў дакументах СУБ.

Польскія падпольныя арганізацыі карысталіся і метадамі індывідуальнага тэрору. Так, ад рук польскіх падпольшчыкаў пацярпелі не толькі камсамольскія актывісты, члены партыі, служачыя савецкай адміністрацыі, але і простыя жыхары, якія супрацоўнічалі з савецкай уладай. Вось толькі некаторыя прыклады. У 1940 г. у Аўгустоўскі раённы дом культуры, дзе знаходзілася шмат мясцовай моладзі і чырвонаармейцаў, кінулі гранату. У выніку былі вялікія ахвяры. У в. Дамброва Лапскага раёна Беластоцкай вобласці баевікі «Батальёна смерці» 18 студзеня 1941 г. забілі двух і паранілі аднаго супрацоўніка міліцыі [1, 194]. Акрамя таго дзеячамі польскага падполля планаваліся тэрарыстычныя акты. Так, групай «Батальён смерці» былі падрыхтаваны дыверсіі на электрастанцыі ў Валожыне, дыверсіі на чыгуначным транспарце [3, 181–182].

Польскія антысавецкія падпольныя арганізацыі, большасць з якіх былі аддзеламі і філіяламі Саюза ўзброенай барацьбы, існавалі амаль у кожным раёне пяці заходніх абласцей БССР. На тэрыторыі Баранавіцкай вобласці дзейнічалі такія арганізацыі, як «Саюз маладых нацыяналістаў» (г. Слонім), «Маладыя палякі» (г. Баранавічы), «Новая весь» (г. Валожын), «Ютро» (г. Баранавічы) і іншыя. На тэрыторыі Брэсцкай вобласці дзейнічалі: «Полымя» (г. Брэст), «Узнаўленне Польшчы» (г. Кобрын), «Легіён Палесся» (Высокаўскі і Семятыцкі раён) і інш. У Вілейскай вобласці разгарнулі працу «Паўстанцы» (Дзісенскі уезд), «Вызваленне Польшчы» (г. Паставы), «Стралец» (Мядзельскі раён) і інш. У Пінскай вобласці дзейнічалі «Легіяністы» (г. Драгічын), «Польска арганізацыя вайскова» (Пінск, Ганцавіцкі раён, Драгічынскі раён) і інш [6, 16].

Аднак найбольшы размах падпольны антысавецкі рух атрымаў на тэрыторыі Беластоцкай вобласці. Тут існавалі наступныя арганізацыі: «Стронніцтва народовэ» (Высока-Мазавецкі раён), «Акцыя каталіцка» (Цэханоўскі раён), «Партызанка» (г. Ваўкавыск), «Батальён смерці» (Высока-Мазавецкі раён),

«Польска арганізацыя вайскова» (г. Гродна), «Саюз узброенай барацьбы» (г. Беласток) і інш.

Аналіз архіўных крыніц дазваляе казаць аб тым, што барацьба з польскім падполлем стала адным з асноўных мерапрыемстваў савецкай улады на тэрыторыі заходніх абласцей БССР. Наркам унутранных спраў БССР Л.Ф. Цанава рэгулярна дакладваў у Маскву і Мінск аб выніках аперацый і мерапрыемствах па выяўленню польскіх падпольных арганізацый.

Яшчэ да ўступлення Чырвонай Арміі на тэрыторыю Заходняй Беларусі і Украіны, опергрупам НКУС, якія павінны былі ісці за часткамі рэгулярнай арміі, было загадана «распачаць следства па справам зняволеных удзельнікаў контррэвалюцыйных арганізацый з задачай выкрыцця контррэвалюцыйных арганізацый, груп і асобаў, ставячых мэту правядзенне тэрору, паўстання і контррэвалюцыйнага сабатажу. Асоб, абвінавачаных следствам у арганізацыі палітычных эксцэсаў і адкрытых контррэвалюцыйных выступленняў, арыштоўваць неадкладна» [9, 80–81].

Ужо 1 кастрычніка 1939 года Л.П. Берыя, характарызуючы становішча ў Заходняй Беларусі, адзначаў: «Паступаюць дадзеныя аб з’яўленні ў некаторых раёнах Заходняй Беларусі, занятых часткамі РККА, разнастайных бандыцкіх груп, якія складаюцца з афіцэраў, памешчыкаў, кулакоў і іншага контррэвалюцыйнага элементу» [10, 16].

Польскія ўзброеныя атрады дзейнічалі ў тыле Чырвонай Арміі на Гродзеншчыне, у Аўгустоўскай і Белавежскай пушчах, на Палессі і іншых месцах [15, 105]. Дзеля ліквідацыі гэтых атрадаў і груп савецкая ўлада выкарыстоўвала, на першых парах не толькі часткі НКУС ці Чырвонай Арміі, але таксама рабочую гвардыю, грамадзянскую міліцыю. Таксама дапамогу ў разгроме польскага ўзброенага супраціўлення аказвала мясцовае прасавецкі настроенае насельніцтва з вёсак і мястэчак Заходняй Беларусі.

З паведамленняў НКУС БССР за 1940–1941 гг. відаць, што падпольныя арганізацыі існавалі ў розных раёнах Беластоцкай, Пінскай, Баранавіцкай, Брэсцкай і Вілейскай абласцей і разгарнулі тут актыўную дзейнасць. Але, як справядліва адзначыў даследчык А. Хацкевіч: «У сувязі з тым, што сацыяльная база польскага нацыянальнага руху была вельмі вузкая, а савецкая карная сістэма была моцная і разгалінаваная, падпольныя антысавецкія арганізацыі неслі цяжкія страты» [13, 74].

Менш за год савецкай улады на тэрыторыі Заходняй Беларусі органамі дзяржбяспекі была праведзена вялікая праца па выяўленню і арышце членаў антысавецкіх арганізацый. Так, па стану на 27 ліпеня 1940 года па заходніх абласцях БССР было ліквідавана 109 падпольных арганізацый, у якіх знаходзілася 3231 чалавек [6, 16]. Па абласцях сітуацыя выглядала наступным чынам: Баранавіцкая вобласць – разгромлена 27 антысавецкіх падпольных арганізацый (арыштавана 77 чалавек); Брэсцкая вобласць – 16 арганізацый (336 чалавек); Беластоцкая вобласць – 31 арганізацыя (1190 чалавек); Вілейская вобласць – 19 арганізацый (469 чалавек); Пінская вобласць – 18 арганізацый (78 чалавек) [6, 136–160].

Зыходзячы з архіўных дадзеных, вынікае, што большасць членаў антысавецкіх арганізацый па нацыянальнасці былі палякі (89,9 %), мелі ўзрост больш за 25 гадоў (70 %), а па сацыяльнаму стану адносіліся да сялян (36 %), навучэнцаў (13,6 %), чыноўнікаў (12,4 %) і памешчыкаў (8,9 %) [6, 136–160].

Адным з галоўных накірункаў дзейнасці практычна ўсіх падпольных арганізацый было назапашванне зброі, ваенных і санітарных матэрыялаў. Аб выніках такіх дзеянняў могуць сведчыць наступныя лічбы. На 15 траўня 1941 года органамі НКУС у заходніх абласцях Беларусі канфіскавана 3 лёгкіх танка, 25 гармат, 6 зенітак, 237 кулямётаў, 4225 вінтовак, 8617 пісталетаў, 6162 гранаты, 16 паляўнічых ружжаў, 95 бомб, 1 130 572 патрона [7, 97–99].

Адной з форм супраціўлення стала партызанская барацьба. Большасць партызанскіх атрадаў была разгромлена да канца 1939 года, але некаторыя праіснавалі да 1941 г. Шэрагі партызан папаўняліся асобамі, якім пагражалі рэпрэсіі. У чэрвені 1940 г. наркам унутраных спраў БССР Л.Ф. Цанава дакладваў П.К. Панамарэнку аб «узмацненні ў апошні час бандпраяўленняў у асобных раёнах заходніх абласцей Беларусі з боку хаваючыхся ад адказнасці за былую і сучасную контррэвалюцыйную дзейнасць афіцэраў, дзеячаў разведкі, кіраўнікоў палітычных і грамадскіх арганізацый» [5, 295].

Як сведчаць сакрэтныя дакументы НКУС БССР, гэтыя «банды» (так, у савецкіх дакументах называліся партызанскія атрады) «здзяйснялі забойствы мясцовага савецкага актыву, тэрарыстычныя, дыверсійныя акты, падпалы і рабункі мясцовага

насельніцтва» [4, 83]. Органы імгненна рэагавалі на гэтыя праявы антысавецкага руху і праводзілі жорсткія дзеянні ў адказ. Так, за перыяд з верасня 1939 па 8 снежня 1940 года было ліквідавана 28 узброеных банд, у якія ўваходзілі 415 чалавек, а таксама былі арыштаваны 230 бандпасобнікаў [4, 83].

Трэба сказаць, што органы дзяржбяспекі БССР праводзілі разнастайныя агентурна-следчыя мерапрыемствы па разгрому польскага падполля, многія з каторых сталі нечаканасцю для членаў антысавецкіх арганізацый. Так, нярэдка ў арганізацыі ўкараняліся правакатары і інфарматары органаў, рабіліся нечаканыя аблавы, спецаперацыі. Дзякуючы добра наладжанай агентурнай працы органы НКУС сачылі за кожным крокам падпольшчыкаў і прымянялі прэвентыўныя меры. Вось толькі адзін прыклад: у чэрвені 1940 падчас аблавы ў Ложынскім раёне НКУС разбіла партызанскую базу СУБ і атрымала доступ да архіва партызан. У выніку ў хуткім часе 24 чалавекі было арыштавана [4, 83].

У арганізацыі і функцыянаванні падпольных антысавецкіх арганізацый вялікая роля належыла вайскоўцам, асабліва афіцэрскаму і падафіцэрскаму складу. Разумелі гэта і органы дзяржбяспекі, і таму 4 красавіка 1940 г. выйшла ўказанне НКУС СССР «Аб арышце і ўзяцці на аператыўны ўлік асоб з ліку падафіцэрскага складу былой польскай арміі». У гэтым дакуменце адзначалася, што падафіцэры адыгрываюць «найбольш актыўную і ў многіх выпадках кіруючую ролю» ў антысавецкіх арганізацыях, і таму загадвалася арыштаваць усіх падафіцэраў былой польскай арміі (капралы, сяржанты і г.д.), якія займаюцца контррэвалюцыйнай працай, а таксама ўзяць на ўлік усіх астатніх і ўсталяваць за імі аператыўны нагляд [9, 167].

У другой палове 1940 г. – першай палове 1941 г. органы НКУС нанеслі яшчэ адзін адчувальны ўдар па польскаму падполлю, разграміўшы шэраг філіялаў Саюза ўзброенай барацьбы. Так, за гэты перыяд сталі выкрыты і разгромлены філіялы СУБ у Навагрудку, Вілейцы, Астраўцы, Ашмянах, Беластоку, Гродна і іншых гарадах [11, 157–162].

Трэба дадаць, што органы НКУС БССР у значнай меры здолелі дэзарганізаваць сувязь падпольных структур СУБ з Варшаўскім кіруючым цэнтрам і з польскім эміграцкім урадам. Так, галоўны камендант Саюза ўзброенай барацьбы генерал С. Равецкі ў

1941 г. прызнаў праблемы з кур'ерскай сувяззю з усходнімі абшарамі на належным узроўні. З восені 1939 г. па 22 чэрвеня 1941 на тэрыторыю Беларусі пасылалася 86 кур'ераў, аднак выканалі заданне толькі 16 з іх [12, 198].

У лістападзе 1940 г. генерал С. Равецкі, аналізуючы дзейнасць польскага падполля, адзначаў у сваім рапарце: «На тэрыторыі савецкай акупацыі праца значна больш цяжкая, чым у Генеральнай Губерні (польскія тэрыторыі, акупаваныя немцамі – *В.К.*). Вынікае гэта перш за ўсё з таго, што бальшавікі валодаюць значна большым паліцэйскім апаратам, разумеюць польскую мову і маюць вялікую дапамогу з боку мясцовага элементу: украінцаў, беларусаў, а перш за ўсё яўрэяў. Маюць таксама шмат прыхільнікаў сярод моладзі, якой аддаецца перавага і даюцца пасады» [15, 113–114].

Савецкая ўлада вяла бязлітасную барацьбу не толькі супраць непасрэдных удзельнікаў антысавецкага падполля, але і (як гэта было і раней) супраць членаў іх сямей. Так, згодна з інструкцыяй «Аб парадку ссылкі ў аддаленыя паўночныя раёны Саюза ССР членаў сем'яў асоб, што знаходзяцца на нелегальным становішчы, і асуджаных удзельнікаў контррэвалюцыйных арганізацый украінскіх, беларускіх і польскіх нацыяналістаў» усе паўналетнія члены сямей вышэйазначаных катэгорый насельніцтва падвяргаліся высылцы ў паўночныя раёны СССР на тэрмін ад 5 да 8 гадоў [2, 391–392]. У маі 1941 года тэрмін высылкі быў падоўжаны да 20 гадоў з канфіскацыяй [2, 400].

Усяго за перыяд 1939–1941 гг., як вынікае з архіўных крыніц, на тэрыторыі заходніх абласцей Беларусі ліквідавана 188 арганізацый і груп, звязаных з польскімі нацыяналістычнымі фарміраваннямі. Па справе ўдзелу ў іх было арыштавана 6104 чалавекі [10, 646]. Аднак калі супаставіць гэтыя дадзеныя з дадзенымі па заходніх абласцях Украіны, то відавочна, што антысавецкі рух на Украіне прыняў большыя маштабы, чым на тэрыторыі Беларусі. На Украіне, у адрозненні ад Беларусі, быў таксама моцны украінскі нацыянальны антысавецкі рух. За вышэйазначаны перыяд на тэрыторыі Заходняй Украіны было ліквідавана 340 антысавецкіх арганізацый, па справе якіх арыштавана 9949 чалавек [10, 646].

Такім чынам, на працягу верасня 1939 – чэрвеня 1941 гг. у заходніх абласцях Беларусі ішоў працэс узнікнення і станаўлення

польскага падполля. Польскае антысавецкае падполле ўзнікала як стыхійна, так і праз мэтанакіраваную дзейнасць зверху спецыяльна створаных для гэтай мэты арганізацый «Службы перамогі Польшчы» і «Саюза ўзброенай барацьбы». Працэс кансалідацыі і разгортвання дзейнасці польскага падполля сустрэў моцны супраціў не толькі з боку савецкіх карных органаў, але і вялікай часткі мясцовага насельніцтва. Рэпрэсіўныя акцыі савецкай адміністрацыі, накіраваныя на выяўленне і ліквідацыю актыўных членаў падполля і іх памагатых, прывялі да фактычнай дэзарганізацыі падполля і разгрому яго кіруючых кадраў. Аднак дзейнасць польскага падполля на тэрыторыі Беларусі поўнасцю не спынілася і была працягнутая ў новых умовах пасля пачатку савецка-германскай вайны.

Літаратура і крыніцы

1. Ермаловіч В.І. Дзейнасць Саюза ўзброенай барацьбы на тэрыторыі Беларусі (1939–1941 гг.) / В.І. Ермаловіч // Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук.-тэхн. канф., Мінск, 17–18 верасня 1999 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: П.І. Брыгадзін (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2000. С. 191–199.
2. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. / редкол.: Н. Верт (отв. ред.) [и др.]. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. сост. И.А. Зюзин. 2004.
3. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 4. Оп. 1. Д. 16868. Докладные записки и спецсообщения НКВД БССР о ходе подготовки к выборам в Верховный Совет СССР и Верховный Совет БССР, состоянии торговли в западных областях БССР, мероприятиях по борьбе с весенним паводком в Полесской обл., подготовке колхозов и МТС к весеннему севу и др. 29 февраля – 3 августа 1940 г.
4. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд. 4. Оп. 1. Д. 16871. Докладные записки и спецсообщения наркома внутренних дел БССР Л.Ф. Цанавы о ходе подготовки к выборам в местные Советы депутатов трудящихся в западных областях БССР, агентурно-оперативной работы по борьбе с контрреволюционными, антисоветскими, террористическими формированиями на территории быв. Западной Белоруссии, мобилизационной готовности сборно-сдаточных пунктов военкоматов восточных областей БССР и др. 30 ноября – 31 декабря 1940 г.

5. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 4. Оп. 1. Д.16931. Докладные записки и спецсообщения НКВД БССР о раскрытии контрреволюционных организаций на территории Белостоцкой обл., работе Бресткой ж.д., состоянии племенного дела в БССР и др. 23 апреля – 15 октября 1940 г.
6. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 4. Оп. 1. Д. 16932. Докладные записки и спецсообщения НКВД БССР о раскрытии и ликвидации контрреволюционных националистических организаций в западных областях БССР, итогах работы электростанций № 1 и № 2 гг. Минска за 1-е полуг. 1940 г., нарушении торговли хлебом в БССР и др. 28 июня – 30 октября 1940 г.
7. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 4. Оп. 1. Д. 18371. Докладные записки и спецсообщения народного комиссара государственной безопастности БССР Л.Ф. Цанавы о дислокации немецких воинских частей в приграничных районах, задержании нарушителей государственной границы, существовании контрреволюционных подпольных клубов на территории БССР и Украинской ССР, антисоветской деятельности религиозных сект в Пинской обл. и др. 31 марта – 29 апреля 1941 г.
8. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 4. Оп. 1. Д. 18372. Докладные записки и спецсообщения народного комиссара государственной безопастности БССР Л.Ф. Цанавы о нарушении государственной границы немецкими самолетами, разоблачении агентов германских разведывательных органов, итогах проведения операции по аресту участников контрреволюционных организаций и формирований и др. 15 апреля – 3 июня 1941 г.
9. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов: в 5 т. / под ред. С.В. Степашина [и др.]. М.: Книга и бизнес, 1995. Т. 1. Накануне. Книга первая (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.) / сост. В.П. Ямпольский [и др.]. 1995.
10. Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг. / Федеральная служба Безопасности Российской Федерации, Министерство внутренних дел и администрации Республики Польша; сост. и ред. В. Виноградов [и др.] Варшава – Москва: Управление регистрации и архивных фондов Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации, 2001. Т. 1 Информационно-аналитические документы / В. Виноградов [и др.]. 2001.
11. Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939–1954): Монография / С.А. Ситкевич, С.А. Сильванович, В.В. Барабаш, Н.А. Рыбак. Гродно: ГГАУ, 2004.
12. Сямашка Я.І. Армія Краёва на Беларусі / Я.І. Сямашка. Мінск: Беларускае выдавецкае Таварыства «Хата», 1994.

13. Хацкевіч А. Арышты і дэпартацыі ў заходніх абласцях Беларусі (1939–1941 гг.) / А.І. Хацкевіч // Беларус. гіст. часоп. 1994. № 1. С. 89–94; № 2. С. 70–76.
14. Armia Krajowa w dokumentach 1939-1945 / Przerw. red.: T.Pelczynski. Londyn: Studium Polski Podziemnej, 1970. T. 1: Wrzesien 1939 – czerwiec 1941. 1970.
15. Wierzbicki M. Polacy i Żydzi w zaborze sowieckim: stosunki polsko-żydowskie na ziemiach północno-wschodnich II RP pod okupacją sowiecką (1939–1941) / M.Wierzbicki. Warszawa: Stowarzyszenie Kulturalne Fronda, 2001.

Дзмітры Марціновіч
(БДУ, Мінск)

«БРЭЖНЕЎСКАЯ МАДЭЛЬ» ФУНКЦЫЯНАВАННЯ ПАРТЫЙНАЙ ЭЛІТЫ БССР І МЕХАНІЗМ ЗМЕНЫ ЯЕ КІРАЎНІЦТВА

The paper is an attempt to analyze the «Brezhnev Model» of the functioning of the BSSR Party elite that was in operation in 1956–1990 and the mechanisms of changing the Republic's leadership. The paper analyzes the characteristics of this model, whose typical feature was the domination of Belarusians in the Party elite; they were the carriers of the internationalist ideology and not the nationalist one. At the same time part of the local elites belonged to non-indigenous nationalities, which guaranteed control over the Republic from the centre. Considerable attention is given to the differences between the previous, «Stalinist», and the «Brezhnev» models as well as to the unrealized opportunities of transition to the «Beria» and the «Gorbachev» models.

На працягу ўсёй беларускай савецкай гісторыі яскрава прасочваюцца дзве мадэлі функцыянавання партыйнай эліты БССР. Аналіз першай з іх, «сталінскай» (1920–1956), ужо стаў тэмай асобнага даследавання [6]. У дадзеным артыкуле разглядаецца другая, «брэжнеўская мадэль» функцыянавання партыйнай эліты БССР, якая характэрна для храналагічнага прамежку 1956–1990 гг.

Відавочна, што такі тэрмін, як і яго храналагічныя рамкі, маюць дыскусійны характар. Час кіравання Л. Брэжнева (1964–1982) не супадае з вылучаным перыядам. Чым жа тады выклікана такая назва? Думаецца, што прынцыпы нацыянальнай палітыкі, якія

дзейнічалі падчас кіравання гэтага Генеральнага сакратара, найбольш поўна ўвасобіліся падчас усяго паслясталінскага перыяду развіцця СССР.

Для абгрунтавання неабходнасці ў вылучэнні «брэжнеўскай мадэлі» параўнаем яе са «сталінскай», вылучым іх агульныя рысы і адрозненні.

Перыяд функцыянавання «сталінскай мадэлі» (1920–1956) стаў часам хуткага і дынамічнага развіцця савецкай імперыі: яе тэрытарыяльнага росту, фарміравання сацыяльнай структуры савецкага грамадства, назапашвання эканамічнага патэнцыялу. У савецкіх рэспубліках ніжэйшыя, сярэднія і частка вышэйшых кадраў былі нацыянальнымі (у выпадку БССР – беларускімі). Кіраўнікі рэспублік і частка іх паплечнікаў з'яўляліся прадстаўнікамі не карэннай нацыянальнасці, якія вылучаліся дзеля супрацьдзеяння нацыянальным кадрам (бо ім цалкам не давяралі) і рэалізацыі палітыкі цэнтра. Акрамя таго, існаваў прынцып прызначэння на шэраг пасадаў у нацыянальных рэспубліках (камандуючыя ваеннымі акругамі, кіраўнікі органаў дзяржбяспекі, міністры ўнутраных спраў, дырэктары прадпрыемстваў саюзнага значэння, загадчыкі асноўных аддзелаў ЦК і інш.) рускіх або абруселых мясцовых жыхароў [5, 178]. У такой сітуацыі рэспублікі фактычна з'яўляліся каланіяльнымі прыдаткамі цэнтра, які цалкам кантраляваў усе мясцовыя працэсы.

Тым не менш існаванне дзяржавы ва ўмовах пастаяннай напружанасці і пагрозы чарговай вайны, яе знаходжанне ў стане ваеннага лагеру, што трымалася толькі на рэпрэсіях і грунтавалася на аўтарытэце кіраўніка дзяржавы, не магло працягвацца бясконца. Пасля смерці І. Сталіна ў асяроддзі вышэйшага кіраўніцтва СССР пачаліся пошукі новай мадэлі нацыянальнай палітыкі.

Ужо ў 1953 г. назіралася спроба Л. Берыі зрабіць стаўку на нацыянальныя кадры, якія ў абавязковым парадку павінны былі ведаць мову карэннага насельніцтва і карыстацца ёй. Зразумела, што для мінгрэла Берыі гэта была толькі адна з камбінацый у барацьбе за ўладу. Але пры рэалізацыі гэтай мадэлі справа магла неўзабаве дайсці да прыкметнага абуджэння цікавасці да нацыянальнага пытання (як тое ледзь не адбылося ў БССР у 1953 г.), а ў больш далёкай перспектыве – і да прыярытэту нацыянальнага над агульнасавецкім.

І «сталінскі», і «берыеўскі» планы здаваліся тагачаснаму кіраўніцтву СССР крайнасцямі. Таму план Л. Берыі падштурхнуў да паступовага пошуку новай мадэлі, якая б задаволіла рэспубліканскія эліты, стварыла сістэму стрымлівання і раўнавагі паміж імі, і пры гэтым гарантавала трываласць ўсёй дзяржаве.

Характэрны першыя крокі падчас кіравання М. Хрушчова, якія выявіліся ў пытанні складу Палітбюро, фактычна, вышэйшага органа ўлады СССР. Пасля канчатковага замацавання асабістай улады І. Сталіна туды ўваходзілі толькі асобы, якія зацвярджаліся ім асабіста, то бок яго найбольш блізкія і адданыя паплечнікі. Беларусы або прадстаўнікі рэспублікі не былі прадстаўлены там наогул. З 1957 г. сярод кандыдатаў у члены Палітбюро рэзервавалася месца для першых сакратароў ЦК КПБ. З таго часу ў Маскве былі прадстаўлены ўсе кіраўнікі Беларусі перыяду М. Хрушчова і Л. Брэжнева: Кірыла Мазураў, Пётр Машэраў, Ціхан Кісялёў. Прычым паміж прызначэннем першых двух на пасаду першага сакратара і іх выбраннем кандыдатамі ў члены Палітбюро прайшоў толькі год, а паміж смерцю Машэрава і ўвядзеннем кандыдатам у члены арэапага Ц. Кісялёва – увогуле менш за тры тыдні. (З гэтай нагоды нельга не адзначыць той факт, што П. Машэраў стаў кандыдатам у члены Палітбюро, калі яшчэ не карыстаўся значным аўтарытэтам. Таму яго выбранне сведчыла не пра папулярнасць, а пра пасаду, якую ён атрымаў па статусу. Тым жа тлумачыцца яго доўгае знаходжанне ў якасці кандыдата). Адзначанай традыцыяй выбрання першых сакратароў падкрэслены трывалы статус БССР у параўнанні з іншымі рэспублікамі. Беларусь абыходзіла большасць рэспублік СССР, знаходзілася на адной ступені з Грузіяй і Узбекістанам, кіраўнікі якіх пераважна з'яўляліся кандыдатамі ў члены Палітбюро (у 1957–1972 і 1978–1985 – у выпадку з Грузіяй, і ў 1961–1983 гг. – у выпадку з Узбекістанам). Але пры гэтым рэспубліка безнадзейна саступала Украіне і Казахстану, кіраўнікі якіх звычайна былі прадстаўлены на ўзроўні Палітбюро.

Апошнія кіраўнікі БССР не з'яўляліся кандыдатамі ў члены Палітбюро. Але тлумачэнне гэтай сітуацыі досыць простае. На XXVI з'ездзе КПСС у 1981 г. тагачасны намеснік старшыні Дзяржплана СССР М. Слюнькоў не быў абраны ў склад ЦК. А калі ён стаў кіраўніком Беларусі, было ўжо позна. Зрабіць кандыдатам у члены Палітбюро ЦК КПСС не члена ЦК было немагчыма. Таму давялося чакаць да 1986 г. А пры пераемніку Слюнькова

Я. Сакалове змяніліся грамадска-палітычныя ўмовы. М. Гарбачоў адмовіўся ад ранейшага прынцыпу, што, зрэшты, ніяк не паўплывала на сітуацыю.

Асобная сітуацыя звязана з беларусамі, прадстаўленымі ў Палітбюро. Да 1990 г. (пра наступную сітуацыю гл. ніжэй) іх было толькі трое: першы намеснік Старшыні Савета Міністраў СССР К. Мазураў (член Палітбюро ў 1965–1978), міністр замежных спраў А. Грамыка (1973–1988) і сакратар ЦК па эканоміцы М. Слюнькоў (1987–1990). Але ўсе яны былі не кіраўнікамі нацыянальных кланаў або груп, а «адзіночкамі», якія прабіліся наверх дзякуючы сваім заслугам і шчасліваму выпадку, а не па пратэкцыі. Грамыка трапіў у Маскву не па партыйнай лесвіцы, а праз навуковую дзейнасць (ён працаваў у Інстытуце эканомікі АН СССР). Мазурава і Слюнькова мэтанакіравана перавялі ў Маскву дзеля таго, каб яны займаліся эканомікай. Таму ўсе яны не маглі, ды і, напэўна, не жадалі ўдзельнічаць у выпрацоўцы нацыянальных ці ідэалагічных пытанняў. А статус «адзіночак» прымушаў разлічваць толькі на сваю працаздольнасць і падтрымку Генеральнага сакратара (Слюнькоў сышоў у адстаўку з-за хваробы, а вось Мазураў і Грамыка, калі страцілі падтрымку, адпаведна, Брэжнева і Гарбачова). Такі статус Беларусі і беларускай эліты, які замацаваўся ў канцы 1950 – пачатку 1960-х гг., захоўваўся нязменным амаль да канца перабудовы.

У адрозненне ад «сталінскай», «брэжнеўская мадэль» характарызавалася стабілізацыяй або нават кансервацыяй існуючай сістэмы. У такіх умовах цэнтр перайшоў да пэўнага паслаблення ў нацыянальнай палітыцы. Нацыянальныя рэспублікі ўзначальвалі толькі прадстаўнікі карэннай нацыянальнасці.

Падчас функцыянавання разглядаемай мадэлі ва ўладзе змянілася два пакаленні. Першае, так званае «партызанскае пакаленне», прадстаўлена на пасадзе Першага сакратара ЦК КПБ К. Мазуравым (1956–1965), П. Машэравым (1965–1980) і Ц. Кісялёвым (1980–1983), на іншых высокіх пасадах – С. Прытыцкім, І. Паляковым і інш. Пераважная большасць з іх прайшлі ў маладосці праз партызанскія атрады або ваявалі на фронце, былі вылучаны на партыйную працу пасля вайны і з прыходам на пасаду першага сакратара К. Мазурава паступова занялі ўсе найбольш істотныя пасады ў рэспубліцы.

На пачатку 1980-х гг. з прыходам М. Слюнькова (1983–1987) да ўлады прыйшлі тэхнакраты, якіх таксама называюць «мінскай гарадской прамысловай групай». Яны былі прадстаўлены зусім іншымі людзьмі, якія нарадзіліся за дзесяцігоддзе да Другой сусветнай вайны. Тэхнакраты прайшлі школу буйных прамысловых прадпрыемстваў, працавалі не столькі ў партыйных камітэтах, колькі на вытворчасці. Як мяркуюць М. Эрбан і Р. Рыд, для гэтай групы характэрны «выключна высокі ўзровень замкнёнасці, шматлікія сувязі на ўсесаюзным узроўні, набор базы ў гарадскіх індустрыяльных фірмах у большай ступені, чым у камсамольскім апараце, а галоўнае, адсутнасць відавочнага лідэра, ці патрона» [1, 23]. Далучаць да іх наступных кіраўнікоў БССР – Я. Сакалова (1987–1990) і А. Малафеева (1990–1991) – не зусім правамерна. Тым не менш, усе яны ўпісваюцца ў адзначанае пакаленне як па ўзросту, так і па прыярытэту эканамічных пытанняў.

Чым жа тлумачыцца такі давер цэнтра да нацыянальных кадраў, які немагчыма ўявіць падчас «сталінскай мадэлі»? Па-першае, рэпрэсіі 1930-х гг. і палітыка русіфікацыі партыйных кадраў прывялі да таго, што мясцовыя партыйныя эліты больш не з'яўляліся небяспечнымі для цэнтра. Зрэшты, такі падыход дзейнічаў толькі на стадыі кансервацыі рэжыму і не зусім падыходзіў да часу радыкальных зменаў, калі мясцовыя эліты маглі актывізавацца. Таму ў «брэжнеўскай мадэлі» былі схаваныя падводныя камяні, якія пазней адыгралі лёсавызначальную ролю ў будучым развіцці рэспублік СССР.

Сапраўды, у БССР нацыянальна арыентаваныя партыйныя і дзяржаўныя кіраўнікі з'яўляліся амаль выключэннем (да іх можна аднесці ўсяго толькі сакратара Мінскага гаркама П. Краўчанку, сакратара Віцебскага абкама І. Навумчыка і старшыню Дзяржтэлерадыёкампаніі Г. Бураўкіна, якія знаходзіліся на сваіх пасадах у 1980-я гг.). А вось у іншых рэспубліках, у прыватнасці, у Літве, камуністычныя нацыянальна арыентаваныя кадры прыкметна пераважалі, што непасрэдна адбілася на лёсе рэспублікі падчас перабудовы.

Прычым нешматлікія спробы Масквы пасадзіць на кіруючыя пасады «варагаў» пасля доўгага кіравання мясцовых кіраўнікоў звычайна заканчваліся няўдала. Найбольш красамоўным прыкладам сталі падзеі ў Казахстане, калі ў 1986 г. тысячы жыхароў выйшлі на вуліцы ў знак пратэсту пасля таго, як Першы сакра-

тар мясцовай кампартыі, казах Д. Кунаеў, быў заменены на рускага Г. Колбіна. У Беларусі другім сакратаром ЦК у 1987 г. быў прызначаны М. Ігруноў, але праз некалькі гадоў мясцовыя калегі «выціснулі» яго назад, у сталіцу.

Па-другое, з пяці кіраўнікоў БССР таго часу (сітуацыя з А. Малафеевым будзе разгледжана ніжэй) двое (Ц. Кісялёў і М. Слюнькоў) былі адпраўлены ў Беларусь пасля працы ў Маскве (адпаведна, у Савеце Міністраў СССР і Дзяржплане), таму ўспрымаліся не як вылучэнцы мясцовай эліты, а як прадстаўнікі цэнтра. Паводле меркавання старшыні Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР Г. Таразевіча, кандыдатура Я. Сакалова, верагодна, была прапанавана яго сябрам, членам Палітбюро Я. Лігачовым і таксама не ўваходзіла ў планы мінскага кіраўніцтва [3]. Паколькі дакладных звестак пра вылучэнне К. Мазурава пакуль няма, атрымліваецца, што толькі П. Машэраў быў паўнавартасным вылучэнцам мясцовай партыйнай арганізацыі. Таму, з аднаго боку, да яго з большым недаверам ставіліся ў Крамлі, а, з другога боку, сам першы сакратар быў вымушаны ў большай ступені абапірацца на сваіх «выбаршчыкаў» (Машэраў быў абраны галасаваннем членаў Бюро ЦК КПБ).

Што датычыцца згаданага вышэй прынцыпу прызначэння на шэраг пасад у нацыянальных рэспубліках рускіх або абруселых мясцовых жыхароў, дык ад яго пасля смерці І. Сталіна адышлі. Але практыка прызначэння на ключавыя пасады кіраўнікоў КДБ і Беларускай ваеннай акругі прадстаўнікоў некарэннага насельніцтва захавалася. Так, падчас функцыянавання «брэжнеўскай мадэлі» са старшынь КДБ БССР толькі Э. Ширкоўскі, які заняў гэтую пасаду ў 1990 г., з'яўляўся беларусам па нацыянальнасці (дарэчы, ён стаў толькі другім беларусам на гэтай пасадзе: дагэтуль старшынёй ДПУ ў 1924–1925 гг. з'яўляўся выхадзец з Пружаншчыны Ф. Мядзведзь) [2, 31, 47]. Прычым такі прынцып прызначэння выконваўся няўхільна. Напрыклад, спроба Ю. Андропава ў 1970 г. перавесці на пасаду старшыні КДБ БССР беларуса Э. Нордмана закончылася на стадыі зацвярджэння ў Л. Брэжнева. Паводле інфармацыі Нордмана, Генеральны сакратар сказаў: «Вы што, не разумееце, што Пятро (так Брэжнеў называў Машэрава) падцягвае да сябе партызан? Мы ж нічога не будзем ведаць, што ён там задумвае!» [7, 81].

Падобная сітуацыя існавала з кіраўніцтвам ваенных акругаў, якія, як і КДБ, падпарадкоўваліся непасрэдна Маскве. З кіраўнікоў Беларускай ваеннай акругі – самай моцнай ў Савецкім Саюзе, якая напрыканцы 1990-х гг. налічвала 250 тыс. чалавек; больш за 3 тыс. танкаў, што складалі 2 танкавыя арміі; крыху менш за 400 самалётаў [4, 246] – толькі генерал арміі В. Пянькоўскі, які ўзначальваў акругу ў 1961–1964 гг., з'яўляўся беларусам па нацыянальнасці.

Кіраўнікі КДБ БССР і Беларускай ваеннай акругі ўваходзілі ў склад Бюро ЦК КПБ (аналага саюзнага Палітбюро), таму партыйнае кіраўніцтва рэспублікі знаходзілася пад поўным кантролем.

У часы перабудовы фактычна назіраецца спроба пераходу да новай, «гарбачоўскай мадэлі», якая павінна была павялічыць правы рэспублік. Менавіта ў тыя гады ў асяроддзі беларускай партыйнай наменклатуры з'явіліся асцярожныя ідэі пра ўзрастанне самастойнасці Беларусі. Напрыклад, сакратар ЦК М. Слюнькоў выступіў за дэцэнтралізацыю вытворчасці. Ён прапанаваў утварыць у РСФСР 6–7 рэгіёнаў, надзяліць іх паўнатой гаспадарчай улады і роўнымі правамі з саюзнымі рэспублікамі, але каб па вертыкалі яны падпарадкоўваліся Савету Міністраў РСФСР [9, 81–83]. Нягледзячы на тое, што яго выказванні датычыліся толькі Расіі, прыняцце такой праграмы відавочна змяніла б характар функцыянавання эканомікі ўсяго СССР. Але беларуская рэспубліканская эліта не выступала з падобнымі ініцыятывамі, таму ініцыятарамі змяненняў у Беларусі быў цэнтр.

З мэтай павелічэння вагі рэспублік, а, можа, і дзеля памяншэння вагі Палітбюро, быў зменены прынцып фарміравання гэтага органа ўлады. Замест найбольш уплывовых савецкіх чыноўнікаў ён стаў складацца з кіраўнікоў рэспубліканскіх кампартый. Так, членамі Палітбюро сталі Я. Сакалоў (1990), а потым і А. Малафееў (1990–1991). Падчас выбрання апошняга Першым сакратаром ЦК КПБ здарылася лагічная, але ў тых умовах доўгачаканая падзея: кіраўнік рэспублікі ўпершыню быў абраны галасаваннем партыйнага з'езда, а не прызначаны зверху. І хоць, паводле ўспамінаў відавочцаў, Масква істотна паўплывала на галасаванне з мэтай правесці больш лаяльнага кандыдата [8, 57–60], гэта быў несумненны крок наперад.

На завяршальным этапе існавання СССР (у прыватнасці, падчас Нова-Агароўскага працэсу) з боку прэзідэнта СССР гучалі пра-

пановы пра больш шырокую федэрацыю, з боку яго апанентаў – прэзідэнтаў (пераважна былых лідэраў мясцовых кампартый) – пра канфедэрацыю. У рэшце рэшт усё закончылася распадам СССР. Адначасова пайшла ў мінулае савецкая нацыянальная палітыка. «Гарбачоўская мадэль» так і не была рэалізавана.

Такім чынам, на працягу існавання Савецкага Саюза ў БССР дзейнічалі дзве мадэлі функцыянавання партыйных эліт: «сталінская» (1920–1956) і «брэжнеўская» (1956–1990). Спробы пераходу да «берыеўскай» (1953) і «гарбачоўскай» (1990–1991) мадэляў засталіся ў планах і не былі рэалізаваныя.

Для функцыянавання абодвух мадэляў характэрна дамінуючая роля цэнтра, які на працягу ўсяго перыяду існавання СССР кантраляваў развіццё рэспублік у большай ці меншай ступені і пры гэтым зыходзіў з інтарэсаў самога сябе, а не нацыянальных утварэнняў.

У якасці адрозненняў выступалі:

– форма перасоўвання эліты (скачкападобны, броўнаўскі рух пры «сталінскай мадэлі», стабільны, са слабай цыркуляцыяй кадраў пры «брэжнеўскай мадэлі»; у гэтым аспекце хрушчоўскі час з яго імклівымі кадравымі зменамі можна назваць пераходным перыядам паміж мадэлямі);

– формы кантролю з боку цэнтра над рэспубліканскай элітай (падчас першай мадэлі – прызначанае на вышэйшыя пасады некарэннае насельніцтва, спецслужбы, у меншай ступені – армія; падчас другой – мясцовае насельніцтва, армія і спецслужбы);

– механізм пакаранняў (рэпрэсіі пры «сталінскай мадэлі»; паніжэнне ў пасадзе ці перавод на іншую службу пры захаванні ранейшага матэрыяльнага становішча пры «брэжнеўскай»);

– адсутнасць на другім этапе «сталінскай» і падчас «брэжнеўскай мадэлі» супрацьстаяння паміж органамі ўлады па пытаннях стратэгіі і тактыкі развіцця рэспублікі (у 1920-я гг. назіраліся пярэчанні паміж ЦВККП(б)Б), а таксама паміж інтэрнацыянальнай і нацыянальнай лініямі; апошняя з пачатку 1930-х гг. амаль цалкам адсутнічала, спробы яе адраджэння ў 1980-я гг. былі беспаспяховымі).

Несумненна, што мадэлі функцыянавання партыйнай эліты БССР і механізмы змены яе кіраўніцтва патрабуюць дадатковага вывучэння, паколькі без іх аналізу не ўяўляецца магчы-

мым паўнавартасны разгляд «савецкага перыяду» беларускай гісторыі.

Літаратура

1. Агееў А. Фарміраванне палітычнай эліты БССР у паслясталінскі час вачыма замежных даследчыкаў / А. Агееў // Беларуская мінуўшчына. 1994. № 4. С. 22–25.
2. Генералы органов государственной безопасности Беларуси. Краткий биографический справочник (1918–2001) / Авт.-сост. И.З. Юркин [и др.] Минск, 2001.
3. Гібок-Гібкоўскі А. Недапісаная кніга Георгія Таразевіча / А. Гібок-Гібкоўскі // Народная воля. 2007. 19 ліпеня. № 113–114.
4. Загорская М., Сехович В., Старикевич А. Беларусь. 1991–2006. Итоги. Минск, 2008.
5. Зенькович Н.А. Тайны ушедшего века. Границы. Споры. Обиды. М., 2004.
6. Марціновіч Д.А. «Сталінская мадэль» функцыянавання партыйнай эліты БССР і механізм змены яе кіраўніцтва / Д.А. Марціновіч // Европа-2009: новое соседство: сб. науч. тр. / редкол.: Г.Я. Миненков (отв. ред.) [и др.] Вильнюс, 2010. С. 57–64.
7. Нордман Э.Б. Штрихи к портретам: генерал КГБ рассказывает. Минск, 2003.
8. Симуров А. Вожди, вожаки, вожачки: Тайными коридорами власти. Минск, 1999.
9. Союз можно было сохранить. М., 2007.

Марина Кадол
(ЕГУ, Вильнюс)

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕСТИТУЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РЕСПУБЛИКУ БЕЛАРУСЬ (1991–2009)

Since Belarus regained independence, it faced the challenge of detecting and returning its national cultural values. From 1991 to 2009 extensive work was performed to find out the reasons and classify the periods of losses of cultural values, to study the problem of detection and finding their whereabouts. However, the restitution process seems to be not realizable in Belarus for a number of reasons. Belarusian reality provided alternative forms of returning cultural values and of their inclusion in scientific and cultural circulation.

В белорусской науке проблему выявления и возвращения национальных культурных ценностей сформулировали еще в начале 1990-х гг. С этого времени появляются научные исследования, оформляется терминологический аппарат, прилагаются усилия по созданию организаций, которые занимались бы поиском и возвращением ценностей. В советский период проблемы реституции между социалистическими республиками не могло возникнуть, так как в СССР существовало единое культурное пространство, а советская идеология делала невозможной постановку самого вопроса о возвращении.

С обретением независимости в 1991 г. Беларусь осознала необходимость и важность возвращения своих национальных ценностей. Но в решении этой задачи она столкнулась с рядом проблем. Во-первых, за пределами территории страны оказалось огромное количество культурных ценностей, которые на-

ходятся там и до настоящего времени. Их возвращение могло бы сыграть определенную роль в развитии культурной идентичности и формировании менталитета молодого государства. Во-вторых, это отсутствие национального законодательства в отношении реституции, которое позволило бы предпринять активные усилия в этом направлении на международном уровне. Правовые сложности возвращения культурного наследия, с которыми столкнулись специалисты в области культуры, подтолкнули их к поиску ряда альтернативных форм реституции, которые приобрели особую актуальность сегодня в свете развития информационных технологий. Все эти проблемы и обусловили необходимость обращения к теме данного исследования.

Под термином «реституция» будем рассматривать возвращение незаконно перемещенных ценностей, а также ценностей, которые оказались за пределами страны в результате распада Советского Союза.

Исторически так сложилось, что решение проблем, связанных с перемещением культурных ценностей, в том числе и их реституция, происходит на международном уровне. Другими словами, существует объективная необходимость сотрудничества разных стран по этому вопросу посредством присоединения к международным конвенциям и региональным соглашениям, в которых на протяжении длительного времени выработались общие подходы и принципы к возвращению национального наследия. К действующим международным договорам по реституции культурных ценностей относятся Конвенция ЮНЕСКО об охране культурных ценностей во время вооруженного конфликта и одноименный Протокол (1954 г.), Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (1970 г.), Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям (1995 г.) (последняя не ратифицирована Республикой Беларусь).

В начале 1990-х гг. странами-участниками бывшего СССР делались попытки выработать механизм возвращения национальных ценностей. В 1992 г. были подписаны: договор «О возвращении культурных и исторических ценностей государствам их происхождения» и Соглашение о сотрудничестве в области культуры. Однако нормы этих соглашений не были реализованы.

Попытки государств-участников СНГ по совместному решению вопроса реституции культурных ценностей оказались безуспешными. На сегодняшний день этот вопрос на практике регулируется двухсторонними соглашениями. Беларусь заключила такое соглашение только с Польшей.

Национальные законодательные нормы основываются на принципах, зафиксированных в международных конвенциях. Но, тем не менее, каждая страна имеет свое видение и понимание проблемы возвращения культурных ценностей. Например, для России – это в первую очередь проблема «трофейных фондов» (Закон 1998 г. «О культурных ценностях, перемещенных в СССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации»), для Украины – проблема обоснования законности реституционной деятельности (Закон от 1999 г. «О вывозе, ввозе и возвращении культурных ценностей»). В Беларуси законодательство в области реституции культурных ценностей еще развивается. На первом этапе становления Республики Беларусь важным было в первую очередь декларировать возможность сотрудничества по вопросам культурных ценностей на государственном уровне, поэтому в этот период большое значение уделялось заключению межправительственных соглашений. Нормативно-правовой основой для проведения реституции в Беларуси служат Закон «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь» 2006 г. и Закон «О культуре в Республике Беларусь» 2004 г. Однако специального законодательного акта по реституции культурных ценностей пока принято не было.

Проблема реституции и возвращения культурных ценностей Беларуси носит междисциплинарный характер. Она объединила действия дипломатов, политиков, юристов, историков, искусствоведов, работников музеев, библиотек, архивных учреждений – всех, кто не равнодушен к судьбе культуры.

Сегодня за пределами территории Беларуси, по мнению А. Мальдиса, находится порядка 90% всех национальных ценностей [7]. С 1991 г. по 2009 г. были определены основные причины и периоды их утраты.

Среди причин, обусловивших процесс реституции белорусских ценностей, можно назвать военные действия, и в частности Первую и Вторую мировые войны, восстания, хищение культур-

ных ценностей и незаконный их вывоз за пределы страны, смена государственных границ, вывоз многих из них вместе с эмигрантами, безразличие по отношению к культурному наследию и др.

Значительная часть усилий в 1991–2009 гг. была направлена на поиск и описание перемещенных культурных ценностей. Важной составной частью этого этапа практической деятельности в направлении реституции являлась каталогизация утерянного культурного наследия. Но, к сожалению, каталога потерь создано не было. Вся работа велась, опираясь на описи и перечни утраченных культурных ценностей, предоставленные сотрудниками музеев, библиотек, архивов. Существуют лишь приблизительные данные вывезенного и утраченного наследия.

Проблема с созданием каталога потерь связана с тем, что практически не сохранились довоенные инвентарные книги, описи, картотеки. Разоряя музеи, библиотеки, архивы, гитлеровцы педантично вывозили или уничтожали все это. К тому же ситуацию с составлением каталогов потерь усугубляет тот факт, что необходимых усилий по выявлению культурных ценностей, особенно после окончания Второй мировой войны, бывшими властями СССР, по сути, не предпринималось. До настоящего времени практически ни одно из учреждений Беларуси не предпринимало специальных поисков своих утраченных ценностей. Подобные исследования проводились только одиночными сотрудниками и только в сфере их профессионального интереса. В результате таких поисковых работ удалось выявить многие национальные культурные ценности, находящиеся за пределами Беларуси, что зафиксировано в трудах Н. Высоцкой, М. Яницкой, Т. Рощиной, А. Мальдиса, М. Шумейко и многих других исследователей.

Здесь следовало бы говорить о создании автоматизированной базы данных, которая позволила бы ввести в научный оборот информацию о современном месте нахождения культурной ценности и истории ее перемещения, и тем самым позволила бы сделать работу по возвращению более целенаправленной. Но такая база данных, как и каталог потерь, не создана.

Материал, накопленный с 1991 по 2009 гг., имеет большое практическое значение с точки зрения определения приоритетных направлений реституции культурных ценностей, которые сосредоточены как в сопредельных (Россия, Украина, Польша,

Литва), так и в западноевропейских странах (Германия, Франция, Нидерланды, Чехия и др.). При этом, исходя из анализа материалов, можно утверждать, что основная и наиболее значимая часть национальных ценностей находится в России, к которой больше всего реституционных претензий. В то же время их реституция из этой страны представляется практически невозможной, что связано с действующим в России законодательством. Много белорусских ценностей хранится в Польше, Украине, Литве. Их возвращение в Беларусь также затруднено, но наблюдается активное стремление к сотрудничеству. Что касается стран Западной Европы, то в этом направлении необходимо вести поисковые работы, так как проблема еще недостаточно изучена.

Таким образом, анализ причин перемещения культурных ценностей, изучение списков потерь, определение местонахождения ценностей за рубежом, их исследование позволяют говорить о возможностях их возвращения в Беларусь. Другими словами, в случае их незаконного перемещения и нахождения на территории другого государства, подтвержденного документально, можно говорить об их реституции.

Но, как показывает международный опыт и практика реституции, – это, по сути, акт доброй воли. Это означает, что ни к какому государству не будет применена санкция за то, что оно отказалась вернуть перемещенную на его территорию ценность. Заключение и исполнение двухсторонних соглашений, касающихся возвращения ценностей, имеет место только с согласия двух сторон.

На государственном уровне Беларусь проявляла добрую волю, например, вернув России конфискованные белорусскими пограничниками иконы, Германии – 225 редких книг из библиотеки Белорусской политехнической академии. При этом Россия вернула Беларуси предметы раскопок из Новогрудка, Украина – икону «Апостол» XVII в., которая попала на ее территорию после войны с Германией. Следует отметить, что многие факты возврата ценностей, утраченных во время войны, относятся к области частной инициативы, часто это инициатива людей, не имеющих прямого отношения к организованным службам реституции. Без межгосударственных соглашений возвращаются предметы из частных собраний, архивы, которые наследники передают в дар Беларуси. Например, Анджей Цехановецкий, на-

следник князей Мстиславских и Заславских, из Лондона передал в Беларусь слуцкий пояс XVIII в.

Реституция культурных ценностей для Беларуси является сложной задачей. Сложность ее решения связана, во-первых, с необходимостью доказательства того, что ценность находится за границей незаконно, во-вторых, с действием в разных странах различных национальных законодательств, в-третьих, с нежеланием стран отдавать культурные ценности. Поэтому в ближайшее время вряд ли нарушится статус-кво по отношению к культурным ценностям.

К тому же на реституции национальных культурных ценностей отрицательно сказалось отсутствие на протяжении долгого времени в Беларуси государственной организационной структуры по этому вопросу. Действующая с 1987 г. комиссия «Вяртанне» не имела под собой государственной основы, фактически не могла влиять на процесс реституции. Только в 2009 г. при Совете Министров создается комиссия по выявлению, возвращению, совместному использованию и введению в научный и культурный оборот национальных культурных ценностей, оказавшихся за пределами страны.

Тем не менее, сложность осуществления реституции культурных ценностей не является причиной застоя в этом деле. Наоборот, подталкивает к поиску и рассмотрению альтернативных моделей разрешения проблемы.

Наиболее приоритетными способами физического возвращения культурных ценностей являются обмен на равнозначные культурные ценности и их покупка.

Отслеживание и приобретение ценностей на международных аукционах – нелегкий вопрос для Беларуси, но его решение может сыграть положительную роль в деле восполнения национального наследия. Установление контактов с крупными аукционными домами и организациями позволит выявлять похищенные ценности. Посредством интернет-аукционов можно возвращать утраченные ранее ценности. Такая практика возвращения культурных ценностей широко используется в Чехии.

Белорусские ценности нередко выставляются на аукционах, а также в антикварных магазинах Европы. Зачастую на приобретение лотов аукционных торгов не хватает средств, и ценности национального масштаба уходят в частные коллекции. В этом

контексте приоритетной задачей является поиск или создание источников финансирования деятельности по возвращению, совместному использованию и введению в культурный оборот национальных ценностей Беларуси, в том числе по их приобретению. Наиболее перспективным вариантом является создание такого источника за счет использования доходов от специальной лотереи. Такой путь, например, уже практикуется в Великобритании, и является реальным вариантом пополнения музейных экспозиций.

В качестве наиболее приемлемого варианта возвращения культурных ценностей является также равноценный обмен (в России это оговорено на законодательном уровне). Но, к сожалению, возвращать ценности таким путем для Беларуси практически невозможно, так как не сформирован обменный фонд. Поэтому важной задачей на пути возвращения национального наследия является создание такого фонда путем использования объектов культуры, не имеющих историко-культурной ценности для Беларуси, но представляющих интерес для зарубежных стран. Это могут быть, например, полотна классиков русской живописи (Айвазовского, Левитана, Шишкина и т.д.), Тургеневская библиотека и др.

Физическое возвращение культурной ценности – цель деятельности, связанная с их поиском и выявлением за рубежом. Однако до тех пор, пока для этого не будут созданы соответствующие условия, вряд ли можно рассчитывать на возвращение.

Основные формы альтернативного возвращения:

– виртуальное возвращение;
– копирование;
– библиографическая реконструкция;
– организация выставок;
– предоставление в долгосрочный и краткосрочный депозит.

Такое возвращение культурных ценностей широко практикуется мировым сообществом. Беларусь как часть этого сообщества не исключение. Возвращение в таком виде представляет собой альтернативную форму включения историко-культурного наследия в научный и культурный оборот.

Виртуальное возвращение, копирование, библиографическая реконструкция по своей сути представляют собой возвращение в первую очередь информации, которая содержится в

ценностях, путем переноса ее на новые носители, в том числе электронные. Конечно, изготовление копий, макетов, муляжей утраченных артефактов не является реституцией как таковой и не заменяет ее, а сам документ или предмет теряет особенности оригинала, не представляет интереса в качестве экспоната. Но в то же время он имеет большое значение для научных работников, которых интересует именно информационная функция документа.

В качестве примера успешной реализации виртуального возвращения в Беларусь можно привести микрофильмирование документов Метрики Великого княжества Литовского, произведенное в Москве. Литовское правительство передало Национальной библиотеке Беларуси цветную копию факсимиле Туровского Евангелия XI в.

Путем копирования можно возвращать не только архивные и библиотечные ценности, но и музейные, в частности картины. Таким образом в Беларусь, например, возвращаются из Польши и Литвы портреты рода Радзивиллов. В филиал Национального художественного музея Беларуси «Дом Ваньковичей» из Франции были переданы шесть репродукций картин В. Ваньковича.

Совместное использование путем организации выставок и предоставления в депозит отличается от рассмотренных выше тем, что в данном случае ценности вывозятся из страны, которая ими владеет, и пересекают государственную границу.

Наиболее значимая совместная белорусско-российская выставка была организована в 2005 г., когда в Беларусь приехали слуцкие пояса. О важности этой выставки можно судить по тому, что в итоге в Беларуси на депозите остались четыре слуцких пояса из фондов российских музеев. Огромная их коллекция находится в московском Государственном историческом музее (более 80 целых и 60 фрагментов слуцких и слуцкого типа поясов) [7, 45]. При этом в Беларуси сохранилось лишь одиннадцать целых поясов, из них пять – произведенных непосредственно в Слуцке, шесть – выполненных по их образцу за границей [7, 38].

Практику передачи культурных ценностей на депозит планируется применить для портретов Радзивиллов, которые были вывезены в Польшу без всякой мотивации на основании решения Совета Министров БССР 1950 г.

Отдельно следует сказать о совместном использовании культурных ценностей. Необходимость такого использования возникает в ситуациях, когда их национальную принадлежность определить проблематично, либо они созданы совместно представителями народов, которые в последующем создали собственные национальные государства. Истории Беларуси, Литвы, Польши и Украины так взаимосвязаны, что часто сложно определить, кому принадлежит та или иная ценность. Среди них имеется немало таких, которые составляют общее наследие двух или трех народов. Поэтому законы реституции, обязательного возвращения вывезенного действуют далеко не всегда.

Например, в Вильнюсе находится богатое собрание братьев Луцкевичей. В настоящее время не приходится говорить о его возвращении в Минск, так как на это нет юридических оснований. Поэтому рассматривается такой путь, как создание Белорусского культурного центра в литовской столице. Можно, например, возродить Белорусский музей в Вильнюсе и создать там же центр белорусской культуры, а в дальнейшем организовывать обменные выставки. Возрождение Белорусского музея как части общего культурного центра стало бы своеобразной компенсацией белорусских потерь и актом доброй воли.

При всем этом все усилия направлять на реализацию альтернативных способов включения культурных ценностей в научный и культурный оборот будет неправильным. Ведь главная цель – это реституция, а до этого можно и нужно изучать, делать копии, альбомы.

Литература

1. Высоцкая Н. Ценности, переданные из Музея истории Великой Отечественной войны в Минске в 1950 г. Польской Народной Республике. Рэстытуцыя культурных каштоўнасцей: праблемы вяртання і сумеснага выкарыстання (юрыдычныя, навуковыя і маральныя аспекты). Матэрыялы Міжнар. навук. канферэнцыі. Мінск, 19–20 чэрвеня 1997 г. / Пад рэд. А. Мальдзіса. Мінск: ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. (Серыя «Вяртанне»). С. 112–133.
2. Вяршыцкая Т. Вяртанне Навагрудскай археалагічнай калекцыі. Вяртанне-2: Артыкулы, дакументы і архіўныя матэрыялы па праблемах пошукаў і вяртання нацыянальных каштоўнасцей, якія знаходзяц-

ца за межамі Рэспублікі Беларусь / Беларус. фонд культуры. Мінск, 1994. С. 256–258.
3. Герновіч Т. Дакументальныя крыніцы па гісторыі перамешчаных беларускіх архіваў (кан. XVIII – пач. XXI ст.). Дысертацыя на атрыманне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук. Мінск, 2009.
4. Іпатава В. Вярнуць нацыянальныя скарбы. «Круглы стол». Часопіс «Спадчына», Беларускі фонд культуры, 1991. № 1.
5. Ковальски В. Репатриация культурных ценностей в ситуации уступок территории и распада многонациональных государств. Рэстытуцыя культурных каштоўнасцей: праблемы вяртання і сумеснага выкарыстання (юрыдычныя, навуковыя і маральныя аспекты). Матэрыялы Міжнарод. навук. канферэнцыі. Мінск, 19–20 чэрвеня 1997 г. / Пад рэд. А. Мальдзіса. Мінск: ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. (Серыя «Вяртанне»). С. 21–52.
6. Мальдзіс А. Практыка вяртання культурных каштоўнасцей у Беларусь: еўрапейская норма ці выключэнне з правіл? Рэстытуцыя культурных каштоўнасцей: праблемы вяртання і сумеснага выкарыстання (юрыдычныя, навуковыя і маральныя аспекты). Матэрыялы Міжнарод. навук. канферэнцыі. Мінск, 19–20 чэрвеня 1997г. / Пад рэд. А. Мальдзіса. Мінск: ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. (Серыя «Вяртанне»). С. 237–242.
7. Мальдзіс А. Белорусские сокровища за рубежом. Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2009.
8. Никандров Н. Проблемы выявления культурных ценностей, принадлежащих одной стране и перемещенных на территорию другой страны в годы Второй мировой войны. Рэстытуцыя культурных каштоўнасцей: праблемы вяртання і сумеснага выкарыстання (юрыдычныя, навуковыя і маральныя аспекты). Матэрыялы Міжнар. навук. канферэнцыі. Мінск, 19-20 чэрвеня 1997 г. / Пад рэд. А. Мальдзіса. Мінск: ННАЦ імя Ф. Скарыны, 1997. (Серыя «Вяртанне»). С. 58–67.
9. Сулыга Я. Хто абрабаваў Белую Русь? Вяртанне-3: Зборнік артыкулаў і дакументаў / Беларус. фонд культуры. Мінск, 1996. С. 248–252.
10. Высоцкая Н. Президент Украины возвращает икону Беларуси. Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино. Военные трофеи. Международный бюллетень. Доступ через интернет: http://spoils.libfl.ru/spoils/rus/spoil1_5.html#2>.
11. Король Э. Проблемы реституции культурных ценностей в рамках сотрудничества стран СНГ. Международное право и международные отношения. Минск, 2008. № 4. Доступ через интернет: http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=1449&Itemid=215.

12. Периль Б. Опыт организации национальной лотереи в Великобритании. Доступ через интернет: http://www.dvinaland.ru/culture/site/Publications/EoC/EoC1999-6/08.pdf.
13. Радивон Н. Копии портретов Радзивиллов из музеев Вильнюса будут переданы Несвижу. Доступ через интернет: http://historialis.com/ru/news/3073.html.
14. Рошчына Т. Перамешчаныя культурныя каштоўнасці. Лекцыя 1. Рэстытуцыя культурных каштоўнасцяў (юрыдычныя, маральныя і навуковыя аспекты). Сайт «Беларускі Калегіюм». Доступ через интернет: http://baj.by/belkalehium/lekcyji/historyja/roszczyna_01.htm.
15. Рошчына Т. Перамешчаныя культурныя каштоўнасці. Лекцыя 2. Перамешчаныя беларускія кнігі і гістарычныя кніжныя калекцыі. Сайт «Беларускі Калегіюм». Доступ через интернет: http://baj.by/belkalehium/lekcyji/historyja/roszczyna_02.htm.
16. Рошчына Т. Перамешчаныя культурныя каштоўнасці. Лекцыя 3. Архіўная беларусіка: страты і знаходкі. Сайт «Беларускі Калегіюм». Доступ через интернет: http://baj.by/belkalehium/lekcyji/historyja/roszczyna_03.htm.
17. Яницкая М. Белоруссия. Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М.И. Рудомино. Военные трофеи. Международный бюллетень. Доступ через интернет: http://spoils.libfl.ru/spoils/rus/spoil2_4.html#2.

БЕЛАРУСЬ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Дзяніс Сідарок
(БГУ, Мінск)

ЛАКАЛЬНАЯ БЕЛАРУСКАЯ ІДЭНТЫЧНАСЦЬ У КАНТЭКСЦЕ ГЛАБАЛЬНАЙ ЕЎРОПЫ

The author tries to answer the question if there is a local Belarusian identity and how Belarusians can preserve their originality and uniqueness in the era of diversity. On the basis of different views of reliable sources the author looks at the problem from diverse angles to form the foundation for further study of local identities.

У свеце, дзе даўно немагчымае апрычонае і спакойнае існаванне культураў, сама гісторыя чалавецтва ў ладнай меры аказваецца гісторыяй міжэтнічных (і, адпаведна, міжкультурных) канфліктаў. Як кажа В. Акудовіч: «Культуры больш агрэсіўныя, чым іх носьбіты – народы (гэта аднолькава пасуе і для беларускай культуры). Калі ў войнах паміж народамі хоць зрэдчас здараюцца перапынкі, то ў войнах культураў перапынкаў не бывае. І таму ў войнах культураў – культураў загінула болей, чым загінула народу ў збройных войнах народаў» [6].

Сучасная еўрапейская цывілізацыя з яе перманентным імкненнем да інтэграцыі, глабалізацыі і, у выніку, як можа падацца на першы погляд, да сцірання нацыяльных і этнічных рамак і асаблівасцяў фарміруе новы сур'ёзны выклік для ўсіх еўрапейскіх краін, у тым ліку і для Беларусі. Ці здолее нацыя, этнас (а ў нашым выпадку этнас, што размешчаны на скрыжаванні еўрапейскай цывілізацыі, у самым яе цэнтры, на памежжы Ўсходу і Захаду) адстаяць сваю непадобнасць і сваё права на

паўнацэннае самастойнае існаванне, шмат у чым залежыць ад яе (яго) этнічнай ідэнтычнасці. Этнічная ідэнтычнасць, як падаецца, з'яўляецца адной з цэнтральных і асноўных прыкмет кожнага грамадства, напрамую вызначаючы яго ментальнасць і самасвядомасць, той ягоны бок, які адрознівае яго ад іншых грамадстваў і дазваляе ствараць сваю асаблівую культурную прастору, а з ёй і сваю старонку ў сусветнай гісторыі. На працягу многіх стагоддзяў нашыя продкі фарміравалі ідэнтычнасць беларускага этнасу, аднак гэта адбывалася ў вельмі спецыфічных умовах. Зараз умовы яшчэ больш спецыфічныя – нарэшце атрымана незалежнасць, пры гэтым мы жывем у двухмоўнай прасторы, хістаемся то ў бок Захаду, то ў бок Усходу, не ведаем дакладна, што рабіць з савецкай спадчынай. Таму адказ на пытанне: «Які лёс у беларускай этнічнай ідэнтычнасці?» – пакуль што адкрыты.

На нашу думку, мала хто ў Беларусі вызначыўся, у якім накірунку рухацца і ці трэба ўвогуле кудысці рухацца. Складваецца адчуванне, што і для Еўропы, і для Расіі Беларусь уяўляецца вельмі цікавым партнёрам па культурнаму, эканамічнаму і нават палітычнаму дыялогу. Аднак пачуцці часта бываюць падманлівымі, і напачатку трэба даволі ўважліва прыслухацца да словаў А. Грамшы, які казаў, што зыходны пункт дзеля крытычнага развою любой ідэі – усведамленне, чым ты насамрэч ёсць, «спазнанне самога сябе» як вытворнага гістарычных працэсаў, якія пакінулі на табе безліч адбіткаў і не пакінулі іх спісу. І таму напачатку ты абавязкова павінен скласці гэты спіс» [8].

У сучасным свеце ўжо досыць даўно азначыліся працэсы, якія характарызуюцца ўсплескам усведамлення сваёй этнічнай ідэнтычнасці – прыналежнасці да вызначанага этнаса або этнічнай супольнасці. Пры гэтым, у сілу адсутнасці адназначнасці вызначэння, этнас разумеецца як рэальная сацыяльная група, якая склалася падчас гістарычнага развіцця грамадства, а таксама як прыклад сацыяльных канструкцый, што ўзнікаюць і існуюць ў выніку мэтанакіраваных намаганняў палітыкаў і творчай інтэлігенцыі для дасягнення калектыўных мэт, першым чынам для забеспячэння сацыяльнага камфорту ў рамках культурна аднастайных супольнасцяў. Этнічная ідэнтычнасць, – піша Ш. Джонс [11], – ёсць самаўсведамленне асобы, якое ў сваю чаргу вынікае з самаўсведамлення больш шырокай групы асобаў у супрацьпастаўленні іншым на падставе ўсвядомленай культур-

най адметнасці, вылучнасці і/ці агульнасці паходжання. Этнічная ідэнтычнасць – гэтае не толькі прыняцце вызначаных групавых уяўленняў, гатоўнасць да падобных вобразаў думак і падобныя этнічныя пачуцці. Яна таксама азначае пабудову сістэмы адносін і дзеянняў у розных міжэтнічных кантактах. З яе дапамогай чалавек вызначае сваё месца ў поліэтнічным грамадстве і засвойвае спосабы паводзін унутры і па-за межамі сваёй групы.

Этнічная ідэнтычнасць вельмі важная для межкультурнай камунікацыі. Агульнавядома, што няма асобы пазагістарычнай, безнацыянальнай, кожны чалавек належыць да той ці іншай этнічнай групы. Асновай сацыяльнага становішча кожнага індывіда з’яўляецца яго культурная або этнічная прыналежнасць. Падчас паўсядзённай жыццядзейнасці чалавек засвойвае мову, культуру, традыцыі, сацыяльныя і этнічныя нормы роднага этнічнага асяроддзя, фарміруе неабходныя навыкі камунікацыі з іншымі народамі і культурамі [5].

І як жа этнічная культура, а разам з ёй этнічная ідэнтычнасць могуць захаваць своеасаблівасць у глабалізаваным свеце і як яны, адначасова, – без страты самабытнасці – здольныя змяняцца ў адпаведнасці з трансфармацыямі рэальнасці? Па меркаванні Чарняўскай Ю.В. [10, 36], адказ крыецца ў структурных механізмах культуры – у суадносінах этаса, які з’яўляецца яе арганізуючым прынцыпам, і габітуса як мадэлі яе арганічнай унутранай змены. Для разумення сутнасці этнічнай ідэнтычнасці найболей важнымі азначэннямі этаса з’яўляюцца такія, як яго разуменне ў якасці адзінства нораваў, а таксама як успрымання, уласцівага прадстаўнікам культуры [10, 36]. Апазіцыя «сваё – чужое» нараджае антытэзу «мы – яны». Яе сэнс – стварэнне культурнай дыстанцыі. Практыкі адмежавання ад «чужых» і «іншых» – мова (дыялект), звычаі, рысы матэрыяльнай культуры, мадэлі паводзін, знакі і інш. Кампаненты этаса суадносяцца з чалавекам-этнафорам з дапамогай габітуса. Габітус, паводле П. Бурдз’ё [10, 39], ёсць сістэма прайграваных дыспазіцый (усталёвак, каштоўнасцяў, схем успрымання і дзеянняў), якія структуруюцца звонку (уладай, сацыякультурнай сітуацыяй, мовай і т.д.), але разам з тым структуруюць поле культуры «знутры», з боку людзей. Адначасова габітус як сукупнасць схем успрымання і ацэньвання [10, 39] ёсць мадэль латэнтнай перадачы сэнсаў культуры, тэматычных ліній і дыскурсіваў, т.б. этаса, ад групы (супольнасці) да чала-

века і наадварот – ад чалавека да групы. Прытрымліванне этасу, прадстаўленаму габітуальнымі ўяўленнямі, дае чалавеку магчымасць ідэнтыфікаваць сябе з групай. Збліжаючыся, гэтыя ўяўленні нараджаюць агульны габітус, які змяшчае ўсе габітуальныя структуры, – этнічны самавобраз прадстаўніка культуры [10, 40], дзякуючы якому разнастайнасць культуры ўпісваецца ў рамкі адзінства, цэласці і набывае чалавекапамернасць. Кожная культура ёсць адзінства статыкі і дынамікі. Яе цэласнасць і пераемнасць забяспечваюцца наяўнасцю кампанентаў, якія імкнуцца да канстантнасці і выконваюць функцыю самазахавання. Іх прынцып арганізацыі – этас культуры, які задае адзінства сэнсавых палёў, культурных тэм і дыскурсіваў. Дынаміка культуры (здольнасць змяняцца без страты самабытнасці) забяспечваецца этнічным габітусам як механізмам трансляцыі этаса. На ўзроўні агульнаэтнічнага габітуса ўзнікае абагульненае ўяўленне прадстаўніка культуры – этнічны самавобраз, у якім выяўляецца культурны этас. Адзінства этаса і габітуса адначасова з'яўляецца ўмовай і самазахавання, і самаўзрастання культуры [10, 41]. Этнічная ідэнтычнасць, такім чынам, – гэта спраўны інструмент упарадкавання інфармацыі пра «сябе», «іншых» і «суадносіны» з «іншымі» (народамі і этнасамі) [4]. Без дасканалай і развітай этнічнай тоеснасці, падаецца, нармальнае існаванне нацыі, этнасу не ўяўляецца магчымым.

Што ж уяўляе сабой сучасная беларуская этнічная ідэнтычнасць і ці ёсць яна ўвогуле? Як звычайна, на такое складанае пытанне няма адназначнага адказу.

Так, на думку Я. Бабосава [3], беларуская ідэнтычнасць існуе і ўяўляе сабой менавіта беларускую нацыянальную мову. Ён выкарыстоўвае слова «беларускасць» як сінонім купалаўскай «беларушчыны». Разуменне сябе «беларушчынай» – гэта беларуская ідэнтычнасць. А. Вардамацкі [3] лічыць, што варта казаць пра працэс фарміравання беларускай ідэнтычнасці, а на думку С. Калінкінай [3] беларускай ідэнтычнасці пакуль не існуе, бо ёсць «Беларусь» як самаўяўленне ў асобных людзей, а ў грамадства ў цэлым такога ўяўлення няма. Гэтак жа лічыць і А. Лябедзька [3], указваючы, што такое адчуванне пакуль толькі інтуітыўна.

Цікавы погляд прапануе на гэтую праблему І. Бугрова [3]. Беларуская ідэнтычнасць, згодна ёй, праходзіць нейкія працэсы станаўлення і вельмі складана вызначыць ідэнтычнасць для

беларусаў, улічваючы, што і палітычная ідэнтычнасць грае значную ролю ў станаўленні ідэнтычнасці. Дзяржаўная палітыка – з вызначанымі ідэалагічнымі акцэнтамі, з сымбалямі, уздзеяннем сродкаў масавай інфармацыі – стварае нейкую дзіўную з'яву «ідэнтычнасць без ідэнтычнасці». То бок чалавек знешне прывязваецца да нейкіх сымбаляў, а ўнутрана не адчувае сябе ні адказным за іх, ні «прадуктам» гэтых сымбаляў.

Г. Бураўкін [3] выказвае ідэю, што беларусы яшчэ не адчулі і не ўсвядомілі сваёй каштоўнасці як нацыі, як народа, не зразумелі неабходнасці некаторых каштоўнасцяў – неабходнасці сваёй нацыянальнай дзяржавы, свайго нацыянальнага палітычнага жыцця, куды ўключаецца павага да гісторыі, месца роднай мовы як дзяржаўнай, дэмакратычныя інстытуты. Беларусам ёсць чым ганарыцца і з чым разбірацца самім у сабе, займаючы «свой пачэсны пасад між народамі». П. Данейка [3] лічыць, што нейкая беларуская ментальнасць існуе, аднак галоўнае пытанне ў тым, наколькі яна самарэфлексіўна, наколькі артыкулюецца для астатніх. Для вырашэння гэтага пытання неабходна правядзенне працы па фармуліроўцы сэнсаў беларускасці і па трансляцыі гэтых сэнсаў іншым. Перш за ўсё неабходна зразумець сябе, а затым расказаць зразумелае навакольнаму свету. Гэтым павінна займацца эліта, а не народ, асноўная функцыя якога – выжываць, жыць і быць такім, які ён ёсць. У нас эліта яшчэ не сфарміравана поўнасцю, таму і пра поўнасцю сфарміраваную ідэнтычнасць пакуль казаць зарана.

Можна вылучыць некалькі ідэнтыфікацыйных сегментаў, якія складаюць сучасную этнічную ідэнтычнасць Беларусі, калі разглядаць яе як сукупнасць некалькіх ідэнтычнасцяў, а не як адное цэлае. Шматлікія разлікі дазваляюць арыентацыйна меркаваць, што нацыянальна-ідэнтыфікаванае насельніцтва ў Беларусі складае 18–28%, homo sovieticus – 25–35%, а заходне-расійскае – 33–43% [4]. Пералічаныя тры сегменты ідэнтычнасці аднак не з'яўляюцца поўным пералікам магчымых ідэнтычнасцяў у Беларусі. Можна выказаць здагадку, што акрамя іх сінтэзу таксама прысутнічаюць іншыя атаясамленні сябе (са сваім рэгіёнам, горадам і інш.)

Немалаважным у рамках нашай працы з'яўляецца пытанне, ці здольная «маладая» Беларусь заняць трывалае месца сярод астатніх еўрапейскіх краін і на што яна здольная разлічваць у гэ-

тым выпадку – на знішчэнне нацыянальных рысаў і асаблівасцяў альбо, наадварот, на змястоўны культурны дыялог і захаванне свайго характару.

Разглядаючы працэсы, што адбываюцца ў сучаснай Еўропе, нельга не звярнуцца да праблемы лакальнасці. П. Сліва сцвярджае, што прагрэсуючы працэс глабалізацыі, універсалізацыі каштоўнасцяў, як і еўрапейская інтэграцыя, не прывялі да поўнага выключэння значэння тэрытарыяльных каштоўнасцяў [7, 48]. Наадварот, зараз мы можам назіраць адраджэнне ідэй лакальнасці і рэгіяналізму, і ў выніку – рэвалярызацыю значэнняў традыцыйных каштоўнасцяў, адначасовае іх прыстасаванне да сучасных патрабаванняў, а таксама надаванне ім практычнага зместу. Сучаснае разуменне ідэі лакальнасці, па меркаванні П. Слівы, у большай меры ўлічвае праблемы, звязаныя з дэцэнтралізацыяй, робіць упор на вартасці жыцця ў малых грамадствах і пазітыўных вынікаў ад увядзення ў іх самакіравання як формы ажыццяўлення ўлады [7, 48–49].

Як знайсці кансэнсус у пытанні шматкультурнасці ў сучаснай Еўропе? Ці не стануць перашкодай развіцця этнічных культур працэсы інтэграцыі, а такім чынам, свайго роду ўніфікацыі, прынамсі, частковай, у рамках Еўрапейскага Саюза і па-за яго межамі (у нашым выпадку)? На што здольныя разлічваць маладыя дзяржаўныя ўтварэнні, напрыклад, тая ж Беларусь? М. Ягелла [7, 49] высоўвае тэзу аб тым, што сучасны свет усё часцей будзе прымушаць фарміраваць падвойную альбо нават патройную ідэнтычнасць. Ужо ў дадзены момант у Еўропе мы маем справу не толькі з узрастаннем рэгіянальных асаблівасцяў, але і з усведамленнем таго, што мы ўсе адбываемся «аднекуль», што наша родная культура паўплывала на суседзяў, а культуры суседзяў наклалі і накладваюць адбітак на нашу культуру, што нейкім чынам павінна выратаваць Еўропу ад сепаратызму.

Адносна сітуацыі Беларусі ў сучаснай Еўропе У.Л. Абушэнка [1] прапаноўвае тэорыю крэольства як сацыякультурнага феномену, што выяўляе дваістае існаванне тых, хто народжаны па-за межамі метраполіі, пры тым, што метраполія застаецца вызначаць яго ідэнтычнасць і суб’ектнасць. Такое азначэнне, аднак, не атрымоўваецца ў поўнай меры, паколькі сваё «месцазнаходжанне» падвяргае ўплыў метраполііператварэнню, так што метраполія выступае адначасова і аб’ектам жадання – са-

часовасці з цывілізаваным мірам, і рэпрэсіўным механізмам, які прадуцыруе другаснасць і недасканаласць далучэння да гэтага свету. У выніку наяўнасць і ўплыў метраполіі пераважывае за межамі метраполіі кантэкстуалізацыю, якая выяўляе інакавасць мясцовага неметрапольнага жыхара (трэба мець на ўвазе, што метраполія для Беларусі – гэта не выключна савецкая імперыя, «мінулая» і віртуальная, але і Заходняя Еўропа – як «мінулае» і як будучае. У якасці беларускага крэольства У. Абушенка бачыць менавіта еўрапейскую Беларусь, як яна была асэнсавана, напрыклад, А. Міцкевічам або Я. Баршчэўскім) [1].

Усё вышэйсказанае дазваляе спадзявацца, што Беларусь зойме трывалае месца між іншых еўрапейскіх краін, не страціўшы пры гэтым сваіх асаблівасцяў. Нам ёсць што даць іншым і ёсць што ўзяць ад іншых. Фарміраванне беларускай ідэнтычнасці – тая праблема, у баку ад якой не павінны заставацца ні эліта, ні моладзь, ні тым больш дзяржава, бо, як лічыў мексіканскі сацыёлаг Н. Гуцьерэс, галоўная розніца паміж нацыянальнай ідэнтычнасцю і іншымі формамі калектыўнай ідэнтычнасці палягае ў тым, што апошнія пабудаваныя на апазіцыі да дзяржавы, у той час як нацыянальная ідэнтычнасць не можа быць сфарміраваная паводле такой апазіцыі. Яна не ўзнікае спантанна ці лакальна, яна мусіць быць вывучанай і набытай, і менавіта дзеля гэтага суцэльная інстытуцыянальная падтрымка (школы, адукацыйныя кампаніі, СМІ) [2]. Толькі так можна спадзявацца, што разам з новай генерацыяй беларусаў выспее і новая беларуская ідэнтычнасць, сфарміраваная і існая.

Літаратура

1. Абушенко В.Л. В поисках рабочих метафор: Беларусь как Пограничье / В.Л. Абушенко. Режим доступа: http://nmnby.eu/print/030105/border_prn.html.
2. Бекус Н. «Беларуская нацыя» ў святле розных стратэгій нацыятварэння / Н. Бекус. Рэжым доступа: http://arche.by/by/9/10/349/.
3. Беларусь: ни Европа, ни Россия. Мнения белорусских элит. Существует ли белорусская идентичность? Режим доступа: http://arche.bymedia.net/2007-knihi/5_bnenr_ru.htm.
4. Вілейта В. Беларусь у працэсе станаўлення дзяржаўнай тоеснасці: чыннікі, тэндэнцыі і перспектывы / В. Вілейта // Wider Europe Rewiew. № 3. 2005. Рэжым доступа: http://review.w-europe.org/5/3.html.

5. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. Режим доступа: http://www.countries.ru/library/intercult/mki.htm.
6. Дзермант А. Editorium / А. Дзермант // Druvis. 2005. №1 Рэжым доступа: http://kamunikat.fontel.net/www/czasopisy/druvis/01/00.htm.
7. Крыштофик Э. Значение этнической культуры в современной европейской цивилизации / Э. Крыштофик // Веснік Брэсцкага універсітэта. Серыя гуманітарных навук і грамадскіх навук. 2008. № 2. С. 42–50.
8. Міфалогія «новых» і «старых» беларусаў. Рэжым доступа: http://n-europe.livejournal.com/280281.html.
9. Титаренко Л.Г. Влияние глобализационных и интеграционных факторов на трансформацию социокультурных ценностей и национальной идентичности белорусов / Л.Г. Титаренко. Режим доступа: http://newsletter.iatp.by/ctr16-4.htm.
10. Чернявская Ю.В. Этос и габитус как формы организации и трансляции смысловых содержаний этнической культуры: к проблеме преемственности и развития / Ю.В. Чернявская // Веснік Брэсцкага універсітэта. Серыя гуманітарных навук і грамадскіх навук. 2008. № 2. С. 36–41.
11. Jones Sian. The Archaeology of Ethnicity. Constructing Identities in the Past and Present. Routledge, London and New York, 1997. Рэжым доступа: http://www.lingvo.minsk.by/~bha/07/236–246.htm.

Александр Кулешов
(БГУ, Минск)

БЕЛАРУСЬ ПАРТИЗАНСКАЯ В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ: К ВОПРОСУ О «ДЕФИЦИТЕ ГЕРОИЧЕСКОГО» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БЕЛОРУСОВ

The author makes an attempt to consider the concept «historical memory of the people» through the concept of mentality related to it. He speaks about a possible crisis of the Belarusian identity owing to the domination in the people's historical memory of the events of World War Two, namely the partisan (guerrilla) movement on the territory of Belarus occupied by the German armies. The paper considers the reasons for this. The author confirms the necessity of change of the communist discourse for modern Belarus towards the formation of the new national consciousness connected with the creation of a complete picture of national history.

«Во времени, как и во вселенной, действие какой-либо силы определяется не только расстоянием».

Марк Блок

Кажется, что Беларусь в ее современном состоянии не готова к радикальному сближению с Европой: мы не только плохо знакомы со своими соседями, но не знаем даже самих себя. Время белорусского народа отстает от настоящего времени его модернизирующихся соседей, зато оно соответствует времени, проживаемому в прошлом. Это находит свое выражение в денационализированном характере белорусских властей, что,

в свою очередь, становится препятствием для формирования целостной картины отечественной истории в исторической памяти белорусов. А поскольку «в исторической памяти заложены сведения и символы, которые соединяют людей в общество и обеспечивают наличие в нем общего языка и устойчивых каналов общения» [8], то она непосредственным образом связана со способностью личности идентифицировать себя с той или иной социальной общностью, в нашем случае – с белорусским народом.

Понятие «историческая память народа» – это, пожалуй, одна из тех категорий в социально-гуманитарных науках, эффективное рассмотрение которой возможно именно в условиях успешного и плодотворного научного синтеза. Именно здесь особое значение обретает утверждение Марка Блока о том, что «любая наука, взятая изолированно, представляет лишь некий фрагмент всеобщего движения к знанию» [3, 5]. Так, историческая память народа становится предметом изучения не только (и, может быть, даже не столько) историков, но и философов, психологов, социологов, антропологов и др. Народная историческая память является элементом коллективного сознания (а скорее – коллективного бессознательного), которое в свое время стало центральным предметом изучения в трудах ряда представителей «новой исторической науки», лучше известной как Школа «Анналов» (Л. Февр, М. Блок, Ж. Ле Гофф и др.), – они говорили об изучении истории ментальностей. Ментальность, равно как и историческая память народа, является своего рода носителем социальных стереотипов (представлений «о социальном объекте различных социальных субъектов, выражающие привычный способ восприятия, действия по отношению к данному объекту» [4]); обращение к их изучению тем более важно, что они характерны для сознания больших масс людей и являются хотя и обыденными представлениями, но все же определяют характер мыслей многих людей.

Историческая память народа нами понимается как одна из сторон ментальности, которая «выражает повседневный облик коллективного сознания, не вполне отрефлексированного и не систематизированного посредством целенаправленных усилий теоретиков и мыслителей» [5, 231]. «Идеи на уровне ментальности – это не порожденные индивидуальным сознанием за-

вершенные в себе духовные конструкции, а восприятие такого рода идей определенной социальной средой, восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет» [5, 231]. «В ментальности раскрывается то, о чем изучаемая историческая эпоха вовсе и не собиралась, да и не была в состоянии сообщить, и эти ее невольные послания, обычно не отфильтрованные и не процензурированные в умах тех, кто их отправил, тем самым лишены намеренной тенденциозности» [5, 231]. Так, одним из важнейших признаков ментальности является ее неосознанность или неполная осознанность. Поэтому лучше всего понять специфику народного самосознания, коллективных настроений и устремлений можно лишь с оглядкой назад, тогда как происходящее с нами сегодня, как ни парадоксально, хуже всего понимается современниками: настоящее часто запрятано дальше всего и нередко представляет для нас наибольшую загадку. Можно ли говорить о целенаправленном формировании народной исторической памяти? Здесь мы не пытаемся дать ответ на этот вопрос, но исходим из того, что ментальность может быть понята как «осадок истории», как «выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны...» [6]. В таком случае «ментальность – это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические» [6]. Таким образом, предпринимая попытку понять историческую память народа как компонент ментальности, мы исходим из представления о том, что историческая память является той частью сознания, в которой закрепляются знания индивида о прошлом. Историческая память «формируется на базе обыденного сознания, она преломляет исторический процесс через призму индивидуального, личностного восприятия» [7].

Народной исторической памяти присуще упрощенное, схематизированное представление о событиях прошлого, при этом игнорируется их индивидуальный, неповторимый характер. Ясно, что оценка событий прошлого зависит от социальной позиции индивида сегодняшнего дня, его симпатий и антипатий, а значит, возможно извращение событий прошлого в зависимости от взгляда на те или иные проблемы. Отмечается, что «этническое наиболее ярко проявляется в единичном, индивидуальном, лич-

ностном... оно отражает в причудливой форме научные взгляды и обыденные представления, мифологизированные суждения и заблуждения, политизированные установки и примитивные ориентации... Историческая память как коллективный опыт социальных групп или общества в целом формируется в процессе развития представлений о мире, которые являются важными для ныне живущих поколений; такой коллективный опыт хранится в сознании для актуализации и общественного познания или для последующего практического использования» [7].

Вместе с тем идентичность, основанная на представлениях о самих себе и о последовательности событий жизни, является (наряду с исторической памятью) одним из важнейших механизмов личностного освоения социальной действительности, лежащего в основе формирования системы индивидуальных смыслов и, следовательно, выступает, как уже отмечалось, мощным фактором формирования этнических групп и их социальных связей. Таким образом, идентификация с большой социальной (этнической) общностью может служить достаточно сильным катализатором массового поведения и политического действия (особенно в кризисном обществе). Разрыв же идентичностей или даже их ослабление преобразует повседневное окружение человека в чужой, непонятный и враждебный мир. Такое состояние З. Фрейд назвал «психологической нищетой масс» [2]; на пороге подобной «нищеты», нам кажется, находится современное белорусское общество.

Причины такого положения – как ни парадоксально это звучит – мы видим в советском прошлом нашей страны, а именно – в последствиях Великой Отечественной войны. При этом речь напрямую не идет о каждом третьем погибшем белорусе, о катастрофических разрушениях или других несчастьях войны. Мы имеем в виду воплощение этих событий в исторической памяти белорусов, их отражение на ментальности.

Нам представляется верным, что партизанское движение в годы Великой Отечественной войны заняло в коллективной памяти белорусов центральное место и даже сейчас данный компонент белорусского сознания играет важную роль в нашем мировоззрении. Масса литературных произведений, множество кинофильмов, спектаклей, картин и прочих элементов отечественного искусства способствовали укоренению событий во-

йны в сознании белорусов. И в первую очередь сказанное касается именно партизанского движения на территории Беларуси, которое закрепилось в исторической памяти как на индивидуальном, так и на групповом уровнях, что, по нашему мнению, связано с рядом причин, рассуждения о которых не претендуют на завершенность и однозначность, а являются лишь попыткой постановки проблемы.

Вряд ли стоит подробно говорить о степени той трагедии, которой война стала для белорусского народа. Тяжелые годы оккупации принесли страдания, лишения, горе и несчастья. Тем не менее, война породила и всплеск геройства и мужества. Каждый, кто в годы войны поднял против врага оружие и остался жив, потом, вероятно, не без боли вспоминал о событиях минувших дней, но, наверное, вспоминал и не без трепета: всенародная борьба, молодость с оружием в руках, победа, поверженный враг... Все это надежно запечатлелось в умах людей военного поколения, стало важнейшей частью их культуры, их разговоров, их жизни, их повседневности. Более того, это и стало *собственно их жизнью*. Эти люди стали носителями исторической памяти, связанной, прежде всего, с событиями войны. И именно партизанское движение оказалось ее центральным компонентом.

В первую очередь это связано с близостью партизан практически каждому жителю оккупированной Беларуси. Партизаны оставались рядом, они были на виду, о них знали; и пусть не каждый белорус прямо сотрудничал с партизанами, но связь с ними имелась почти повсеместно. Именно партизаны, сражавшиеся с врагом в годы оккупации, после ее окончании оказались наиболее полезными в деле восстановления народного хозяйства. Кадровые вопросы на освобожденных территориях решались в пользу тех, кто был на виду, кого люди знали и уважали, т.е. в пользу бывших партизан. Именно те, кто проявил лидерские качества в белорусских лесах, привлекались к возрождению края. После войны большинство руководителей Беларуси на всех уровнях являлись бывшими партизанами. А это, как мы помним, как раз те люди, для кого выигранная война стала их жизнью, темой для разговоров, поводом для гордости и славы; эти люди, ставшие элитой послевоенного общества, активно содействовали укоренению событий партизанского движения в народной исторической памяти.

Еще Л.Н. Гумилев отмечал, что в критические, переломные периоды истории динамичность и действенность этноса особенно велика. В это время происходит духовный, нравственный взлет этнического самосознания, люди особенно остро ощущают тревогу за судьбу отечества. «Историческая память фиксирует эпохальные события, определяющие общие направления развития этносов, не удерживая все исторические факты, имеющиеся на многовековой истории народа» [7]. Как видим, небывалая трагичность войны оказалась важным фактором ее закрепления в памяти людей. Однако мы считаем, что подобное направление формирования исторической памяти определено не только этим.

Массовые репрессии перед войной, направленные на уничтожение культурной элиты белорусского народа, привели к тому, что слой, призванный формировать народное самосознание и питать историческую память этноса, практически перестал существовать, образовался своеобразный культурный вакуум. Белорусская история была сведена к истории советского периода, многие предшествующие эпохи были либо очернены советскими идеологами, либо оказались окутаны тайной. В данных условиях кризиса коллективного сознания героизм, проявленный в ходе Великой Отечественной войны, оказался весьма кстати для восполнения культурного пробела. У людей появилось новое основание для интеграции, для формирования и укрепления нового чувства единства (и это как раз одна из функций исторической памяти).

Тем не менее (и это самое главное), в факте господства событий партизанского движения в исторической памяти белорусов мы видим и некоторые отрицательные моменты. Поскольку для многих белорусов эпохальными событиями, зафиксированными в исторической памяти, стали оккупация, борьба с врагом и «всенародное» участие в партизанском движении, победа, «восстановление народного хозяйства и возвращение к мирной жизни под знаменем героизации партизанского движения» [1], это вело к вытеснению из нее событий более давней истории. В основу патриотического воспитания нескольких послевоенных поколений был положен тезис о каждом четвертом погибшем белорусе в период Великой Отечественной войны, о невиданном героизме народа, что в условиях образовавшегося еще до

войны культурного вакуума (в связи с уничтожением национальной интеллигенции) завершило создание новой идентичности белорусов, связанной с советской эпохой, ментальности, сформированной вокруг событий ближайшей истории. Сыграв, таким образом, положительную роль в деле восполнения культурного пробела и дав белорусам повод для позитивного самоутверждения, для создания условий интеграции и укрепления чувства единства, дальнейшая героизация исключительно (!) событий войны приведет, по нашему мнению, к возникновению нового «кризиса идентичности».

Таким образом, наряду с некоторыми позитивными моментами, «осознание особой гуманитарной миссии» «способствовало консервации «просоветскости» среди белорусов» [1], а эксплуатация военной тематики и сегодня самым активным образом включена в систему официальной государственной пропаганды, она подпитывает мемориальную систему ценностей советского образца.

В условиях же нынешней национальной идеологии «дефицит героического» в национальном самосознании, связанный, прежде всего, с многократной сменой государственной принадлежности территории на протяжении истории (кстати, именно государственность может считаться сегодня главным идентификационным маркером для белорусов), с резкими разрывами преемственности в традициях общественного устройства [1], будет усиливаться вместе со сменой поколений, пока однажды в представлениях людей советская история не окажется столь же далекой, столь же призрачной и недостижимой, как и история Античности, Средневековья или даже войны 1812 года – иными словами, пока не превратится в *собственно историю* в самом непосредственном смысле этого слова. А значит, опасность возникновения «кризиса идентичности» сохраняется до тех пор, пока в тени остаются многие события более отдаленной истории, но из-за этого не менее героической и славной. Поэтому, ни в коем случае не умаляя подвига наших дедов в борьбе с фашизмом, мы, тем не менее, выступаем также и за популяризацию событий истории более давней, за содействие формированию нового народного самосознания, связанного с созданием целостной картины отечественной истории. В отрыве же от всего богатого культурно-исторического наследия представля-

ется невозможным формирование современной белорусской идентичности, которая до сих пор, к сожалению, связана только с советским прошлым и существует исключительно в условиях бывшего «коммунистически-комсомольского дискурса», направленное реформирование которого представляется сейчас необходимым ради увеличения духовного потенциала как отдельного человека, так и всего народа, что непосредственно связано и с формированием благоприятного имиджа страны.

Литература

1. Абрамова О. Специфика белорусской ментальности и её влияние на политический выбор в Республике Беларусь // Вестник аналитики. 2004. № (5). С. 35–50.
2. Ачкасов В. А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999 г. Т. II, выпуск 1.
3. Блок Марк. Апология истории. М., 1973.
4. Булынко Д.М. Социальный стереотип // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск, 2003.
5. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.
6. Пантин И.К. Российская ментальность (круглый стол) // Вопросы философии. 1994, № 1.
7. Полянский В.С. Историческая память в этническом самосознании народов // Социологические исследования. 1999. № 3. С. 11–20.
8. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul88.htm#hdr_126.

Кірыл Атаманчык
(ЕГУ, Вільнюс)

ВЫКАРЫСТАННЕ САВЕЦКАЙ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ Ў ЛІТВЕ І БЕЛАРУСІ: ПАРАЎНАЛЬНЫ АНАЛІЗ

The paper explains the definition of «Soviet heritage» and gives the answer to the question: what can be considered as Soviet heritage? A historical parallel between the development of Belarus and Lithuania is drawn and causal relationships are examined. The main part of the paper deals with the problems of usage of Soviet heritage in Belarus and Lithuania. Issues related to identity are also discussed.

Праблематыка «савецкай спадчыны» па сваёй сутнасці з'яўляецца досыць спецыфічнай. На сённяшні момант у моўнае выкарыстанне ўведзены тэрмін «савецкая спадчына», але азначэння гэтага тэрміну ўсё яшчэ няма, як няма і фундаментальных навуковых прац на тэму савецкай гісторыка-культурнай спадчыны. Шматлікія кнігі ды асобныя артыкулы і публікацыі закранаюць праблемы «халоднай вайны», «савецкай гісторыі», «савецкага менталітэту» і т.п., савецкая ж гісторыка-культурная спадчына застаецца мала асэнсаванай. Чаму мой выбар спыніўся менавіта на Літве ды Беларусі? З майго пункту гледжання, гэтыя краіны цалкам супрацьлеглы ў стаўленні да савецкай гісторыка-культурнай спадчыны. Больш таго, разглядаемыя краіны досыць падобныя па сваёй гісторыяграфіі, з чаго вынікае яшчэ адна праблематыка: супярэчлівасць у падабенстве. Цікава прасачыць прычынна-следчую сувязь у такім разыходжанні Беларусі і Літвы

па праблематыцы стаўлення да савецкай гісторыка-культурнай спадчыны і яе выкарыстання. Але для пачатку трэба ўсё ж даць азначэнне тэрміну «савецкая спадчына», каб не карыстацца тэрміналогіяй «па змоўчанню».

Што такое «савецкая спадчына»?

Што можна назваць «савецкай спадчынай»? Словазлучэнне, у якім прысутнічае слова «савецкі», падштурхоўвае да думкі аб СССР. Безумоўна, «савецкая спадчына» немагчыма без самаго існавання СССР. Але як Савецкі Саюз паўплываў на фармаванне савецкай спадчыны? Каб адказаць на гэта пытанне, трэба ведаць, што такое «спадчына» у літаральным сэнсе. Самым простым азначэннем гэтага паняцця можа быць наступная дэфініцыя: перадача нейкіх каштоўнасцей з пакалення ў пакаленне. Такім чынам, да савецкай спадчыны можна аднесці ўсё тое, што перадавалася грамадзянамі СССР грамадзянам СССР (і не толькі ім) з пакалення ў пакаленне.

Але ці слушна акрэсліваць і абмяжоўваць «савецкую спадчыну» толькі тэрыторыяй былога СССР? На першы погляд лагічна, што «савецкая спадчына» – гэта тое, што было зроблена, склеена, пабудавана, разбурана і г.д. у Савецкім Саюзе. Але ў такіх краінах, як Чэхія, Венгрыя, Польшча, Славакія, Румынія, Баўгарыі ды нават тэрыторыя былой ГДР, таксама мае месца «савецкая спадчына». Чаму так здарылася? Трэба шукаць тое, што яднае ці яднала гэтыя краіны. А яднала іх тое, што ўсе яны знаходзіліся ў «Арганізацыі Варшаўскай Дамовы» (дамова аб супрацоўніцтве і ўзаемадапамозе сацыялістычных краін Еўропы) ды ўваходзілі ў сферу ўплыва Савецкага Саюза. [3, 818–819] Дадзены факт сведчыць аб тым, што гэтыя краіны мелі непасрэднае дачыненне да СССР (не толькі шчыльныя вайсковыя і эканамічныя кантакты, але і наўпраставае культурнае ўзаемадзеянне) і да тых каштоўнасцей ды спадчыны, што былі прынесяныя Савецкім Саюзам.

Такім чынам, разгледзеўшы некаторыя складнікі, можна даць азначэнне тэрміну «савецкая спадчына» ды вызначыць, якое месца ў ёй займае «савецкая гісторыка-культурная спадчына».

«Савецкая спадчына» – гэта сукупнасць разнастайнай рухомай і нерухомай спадчыны, а таксама гістарычных, культурных, маральных і духоўных каштоўнасцей (альбо ўстановак),

якія маюць сваё паходжанне з тэрыторыі Савецкага Саюза і краін-удзельніц Арганізацыі Варшаўскай Дамовы з часу іх з'яўлення і да канца іх існавання, альбо маюць непасрэднае дачыненне (ці звязаныя з падзеямі) да савецкага перыяда на пэўнай тэрыторыі.

Калі казаць непасрэдна пра тэрмін «савецкая гісторыка-культурная спадчына», то варта адзначыць, што гэтая спадчына неад'емная частка савецкай спадчыны, сукупнасць разнастайных рухомых і нерухомых аб'ектаў гісторыі і культуры.

Сціслая гісторыя

Разгледзеўшы палітычную гісторыю Літвы і Беларусі на працягу XX стагоддзя, можна зрабіць некаторыя высновы. Фактычна беларусы і літоўцы заўжды жылі побач і палітычнае становішча іх было амаль аднолькавым. Пачаткам фундаментальных зменаў можна лічыць першую палову XX стагоддзя. Можна досыць доўга казаць аб тым, што магло б быць, але зараз варта сказаць толькі аб тым, што адбылося. Параўнаем становішча ў Літве і Беларусі на працягу XX ст.

Па-першае, літоўская дыпламатыя пачатку XX ст. была хітрэйшай і больш прагматычнай за беларускую. Абвяшчэнне незалежнасці Літвы ў 1918 годзе было прызнана на міжнароднай палітычнай арэне [2, 87–88], у той час як абвяшчэнне БНР (Беларускай Народнай Рэспублікі), па вялікаму рахунку, на той жа міжнароднай палітычнай арэне правалілася [1, 41–43]. Акрамя гэтага, трэба адзначыць і той факт, што Літва ўзбуйнілася тэрытарыяльна, бо пад кантроль літоўскай улады перайшоў Віленскі край разам з Вільняй [1, 43]. У гэты ж час беларускіх палітыкаў раздзяляюць непаразуменні і шматлікія супярэчнасці. Як следства, «беларускі праект» правальваецца.

Па-другое, літоўскае насельніцтва (літоўскі народ) у XX ст. было больш падрыхтавана да незалежнасці, чым беларускае. У літоўцаў былі лепш захаваныя нацыянальная культура і мова. Самаідэнтыфікацыя людзей таксама была вышэйшай за беларускую. У гэты час на беларускіх тэрыторыях панавалі то русіфікацыя, то паланізацыя і, як следства, беларусы вельмі шмат страцілі ў галіне сваёй культуры і мовы. Акрамя гэтага, досыць складана вызначыць самаідэнтыфікацыю беларусаў, бо аб-

вяшчэнне БНР у 1918 годзе [1, 39–40] сталася першым менавіта беларускім дзяржаўным утварэннем.

Трэцім фактам з'яўляецца тое, што страты літоўскай інтэлігенцыі пад час савецкіх рэпрэсій пачатка XX ст. былі ў разы меншымі за беларускія. За 20-е годы XX ст. літоўская дзяржава толькі ўмацавала нацыянальную самасвядомасць насельніцтва [2, 80]. У той час Беларусь страчвала прадстаўнікоў творчай інтэлігенцыі, і пікам гэтых стратаў стаў 1937-мы год, калі было знішчана больш за паўмільёна чалавек [4, 29]. Як следства, гэты фактар істотна адбіўся на нацыянальнай культуры і ідэялагічнай падмацаванасці цэлага народу.

Чацвёрты факт сведчыць аб тым, што ў час савецкага рэжыма літоўцы больш яскрава і адкрыта ішлі на канфрантацыю з савецкай уладай ды адстойвалі сваю нацыянальную ідэнтычнасць. У якасці прыкладаў можна прывесці дысідэнцкія рухі пры каталіцкіх касцёлах ці фан-падтрымку баскетбольнага клуба «Жальгірыс», якая мела выразна нацыяналістычны падтэкст [2, 95–96]. Як следства, Літва самая першая выйшла са складу СССР [2, 97]. Што датычыцца Беларусі, то сітуацыя была амаль цалкам супрацьлеглай. Узровень супрацiву быў досыць нізкім. Пэўныя зрухі пачаліся толькі пасля Чарнобыльскай катастрофы ды адкрыцця Курапатаў.

З усяго вышэй сказанага вынікае, што на сённяшні момант невялікая трохмільённая Літва мае больш уплыву на міжнароднай палітычнай арэне, чым дзесяцімільённая Беларусь. Сітуацыя, якая склалася ў гэтых краінах, яскрава адбіваецца на выкарыстанні і інтэрпрэтацыі савецкай гісторыка-культурнай спадчыны. Ніжэй разгледзім асноўныя аб'екты гэтай спадчыны ў Беларусі ды Літве, а таксама закранем іх выкарыстанне ў дзяржаўнай палітыцы, турызме ды культуры.

Выкарыстанне савецкай гісторыка-культурнай спадчыны

У дадзенай працы я выдзеліў адныя з самых паказальных аб'ектаў савецкай гісторыка-культурнай спадчыны ў Беларусі і Літве.

Беларускі бок прадстаўлены: Брэсцкай крэпасцю, мемарыяльным комплексам «Хатынь», мемарыяльным комплексам «Ку-

рапаты», музеям Вялікай Айчыннай вайны, гістарычным комплексам «Лінія Сталіна» і помнікамі У.І. Леніну.

Для параўнання сітуацыі неабходны такія ж паказальныя аб᾽екты савецкай гісторыка-культурнай спадчыны ў Літве. На маю думку, самымі яскравымі з іх у Літве з᾽яўляюцца: Музей ахвяр генацыду ў Вільні, скульптурны парк савецкай эпохі ў Грутасе, мемарыяльны комплекс-пахаванне савецкім воинам на Антокальскіх могілках, бронзавыя скульптуры на «Зялёным масту» у Вільні, «Гара крыжоў» каля Шаўляя, а таксама «Парк пакою» у Тускуленах (Вільня).

Калі паглядзець на гэтыя аб᾽екты, то нават без глыбокага аналіза можна заўважыць, што яны розныя па змесце ды напоўненасці, бо нясуць розныя каштоўнасці, розныя ідэялогіі, па-рознаму адлюстроўваюць мінулае. Калі Літва пайшла шляхам талерантнасці да памяці ахвяр Другой сусветнай вайны (савецкіх салдат у прыватнасці), а таксама да праслаўлення літоўскага народу як народу, які адстаяў сваю незалежнасць ды права на волю ў супрацьстаянні з акупантамі (усіх колераў ды нацыянальнасцей), то ў Беларусі карціна іншая. Не трэба шмат аналізаў, каб убачыць, што ў Беларусі шануецца, з большага, менавіта савецкае мінулае, а таксама нейтралізуюцца як варожыя, ці непатрэбныя, шматлікія фрагменты беларускай гісторыі (у прыватнасці звязаныя з савецкімі рэпрэсіямі).

Далей можам разгледзіць выкарыстанне прыведзеных у прыклад аб᾽ектаў савецкай гісторыка-культурнай спадчыны. У сваёй працы я выдзяліў тры крытэрыі выкарыстання: палітычнае, культурнае і турыстычнае.

Калі разглядаць палітычнае выкарыстанне, то ў Літве бадай што ўзорнае становішча. У краіне ёсць дыскусія па дадзенай праблематыцы. У дыскусіі прадстаўлены шматлікія колы грамадства. Акрамя гэтага, адразу трэба адзначыць той факт, што ў Літве не назіралася гвалтоўнае супрацьстаянне на глебе каштоўнасцей. Помнікі ахвярам Другой сусветнай вайны не пераносіліся ды не знішчаліся. Савецкія пахаванні – даглядаюцца. Але ёсць і пэўныя праблемы, у прыватнасці: розныя сацыяльна-псіхалагічныя комплексы да рускамоўнага насельніцтва і савецкай гісторыі, а таксама праявы ультранацыяналізму, неанацызму і акты вандалізму. Заўважым, што афіцыйныя літоўскія ўлады асуджаюць гэтыя дзеянні і не дапускаюць вострай канфрантацыі [5].

Што датычыцца Беларусі, то помнікі тут таксама не ўзрываюцца ды не пераносяцца. Савецкія пахаванні – дагледаюцца ды шануюцца. Толькі вось у краіне няма грамадскай і нават навуковай дыскусіі па гэтым пытанні. Больш за тое, свежыя на памяці канфлікты ў грамадстве па дадзенай праблематыцы (абліццё фарбай бюстаў Леніна [6], ці падзеі будаўніцтва шашы праз Курапаты [1, 329–331], ці зносы крыжоў савецкім ахвярам [8]). Калі ў Літве разглядаюць абодва бакі дадзенай праблемы, то ў Беларусі яскрава прагледжваецца востры суб'ектывізм і дзяржаўны кантроль у дачыненні да савецкага мінулага.

У культурным і турыстычным выкарыстанні савецкай гісторыка-культурнай спадчыны Літва і Беларусь паводзяць сябе падобна. Усе аб'екты гэтай спадчыны шырока выкарыстоўваюцца ў турыстычных альбо адукацыйна-культурных мэтах. Так, у Брэсцкую крэпасць, Хатынь ды Музей Вялікай Айчыннай вайны (а не так даўно і на «Лінію Сталіна») ёсць сталы паток наведвальнікаў. Тое ж самае назіраецца і ў Літве. Музей генацыду – адзін з самых наведваемых музеяў Літвы. Досыць вялікія патокі турыстаў накіраваныя ў Грутас ды на «Гару крыжоў». Выкарыстанне савецкай гісторыка-культурнай спадчыны абедзьвума краінамі ў культурных ды турыстычных мэтах досыць шырокае. Але ёсць адзін нюанс, які істотна адрознівае іх выкарыстанне – гэта іх ідэялагізацыя. Ідэялагізацыя аб'ектаў у Беларусі ды Літве – абсалютна розная.

Засяродзім увагу спачатку на Беларусі. Калі мы знаёмімся з Брэсцкай крэпасцю, то не чуем ніводнага слова пра сакрэтную турму НКВД [9; 11], што раней месцілася там, і галоўнай ідэялагічнай лініяй з'яўляецца праслаўленне мужнасці савецкіх людзей у барацьбе з акупантамі. Калі заходзім у музей Вялікай Айчыннай вайны, то мы не знойдзем ніводнага стэнда, дзе б распавядалася аб савецкіх рэпрэсіях у дачыненні да цывільнага насельніцтва. У Хатыні нам кажуць, што вёску спалілі немцы, хаця агульнавядомым фактам з'яўляецца тое, што вёска была знішчана украінскім карным батальёнам пасля дыверсіі савецкіх партызан, што адбылася ў некалькіх кілометрах ад яе [10]. Калі казаць аб Курапатах, то аб гэтым помніку ўвогуле не ўзгадваюць нават у падручніках па гісторыі Беларусі, хаця там загінула найшмат больш людзей, чым у Хатыні (прыкладна 100 тыс.чалавек) [1, 267–268]. Для шматлікіх людзей і па сённяшні момант за-

стаецца загадкай, чаму амаль у кожным беларускім горадзе ды вёсцы ёсць помнік Леніну?

Разглядаючы сітуацыю ў Літве, можна таксама заўважыць досыць цікавыя асаблівасці. Асноўны ўхіл літоўскай трансфармаванай культурнай прасторы ў галіне савецкай гісторыка-культурнай спадчыны схіляецца да аднабаковасці. Гэта носіць досыць выразны характар і палягае «савецкай траўме», якая заключаецца ў шматлікіх фобіях. У культурным асяродзі гэтыя фобіі досыць шырока прадстаўлены. Часцей за ўсё мы чуем толькі той бок, які распавядае аб савецкіх рэпрэсіях ды саветызацыі літоўскага грамадства. Напрыклад, такая тэма, як удзел літоўцаў у Халакосце, амаль нідзе не афішуецца [7], бо знаходзіцца «па змоўчанню» сам сабою зразумелым і не самым прыемным для літоўскага грамадства ў якасці ўспамінаў. У турызме шырока прадстаўленыя месцы, якія звязаны з рэпрэсіямі савецкай улады супраць літоўскага народа, а іншыя тэмы ХХ ст. (як, у прыватнасці, Халакост) прадстаўлены як другасныя.

Такім чынам, у абодвух краінах назіраецца досыць выразны аднабаковы ўхіл, які ідзе ў рэчышчы афіцыйнай дзяржаўнай ідэялогіі і амаль не перасякае яе.

Пытанне ідэнтычнасці ў адносінах да савецкай спадчыны

У Беларусі і Літве дзве розныя ідэялагемы савецкай спадчыны, якія вельмі моцна ўплываюць на фармаванне ідэнтычнасці абодвух народаў. Савецкая спадчына ў абодвух сітуацыях з'яўляецца сваеасаблівай культурна-сацыяльна-палітычнай зброяй, якую выкарыстоўваюць у адпаведных дзяржаўных мэтах. На маю думку, у абодвух сітуацыях ёсце пэўныя хібы. У Беларусі ёсць перагіб у бок падтрымкі савецкага духу і каштоўнасцей, а ў Літве ёсць перагіб у бок развіцця савецкіх фобій. Дадзеная праблематыка патрабуе больш шырокага даследвання.

У высновах хочацца сказаць аб галоўных падабенствах ды разыходжаннях у выкарыстанні савецкай гісторыка-культурнай спадчыны ў Літве ды Беларусі. На маю думку, асноўнае адрозненне ў выкарыстанні гэтай спадчыны палягае ў палярным ідэялагічным падмурку. Калі ў Літве робіцца акцэнт на рэпрэсіўнасць савецкага мінулага, то ў Беларусі працуе ненату-

ральная «машына часу», якая падтрымлівае ў беларусах подых Вялікай Айчыннай вайны ды БССР.

Калі казаць пра падабенствы, то я знаходжу іх у непасрэднай інтэрпрэтацыі дадзеных аб'ектаў. Хоць гэты працэс будуецца на розных ідэялагічных падмурках, але па сваёй сутнасці ён вельмі падобны. Напрыклад, у Літве асуджаецца савецкі рэжым, а ва універсітэтах распавядаюць пра злачынствы камуністычнай сістэмы, але ў той жа час намагаюцца не ўзгадваць пэўныя моманты нацыянальнай гісторыі (напрыклад, дапамога нацыстам з боку Літвы). У той жа час у Беларусі злачынствы камуністычнай сістэмы замоўчваецца, а ў ВНУ ды школах выкладаецца матэрыял пра «моц савецкай сістэмы».

Літаратура

1. Бачышча Ю. Гісторыя Беларусі найноўшага часу ў дакументах і матэрыялах; нав. рэд. А. Смалянчук. Вільня: ЕГУ, 2008.
2. Валёнис А. Литва. Сведение о стране: цифры, факты, полезная информация; пер. Бируте Синочкина. Вильнюс: Artlora, 2008.
3. Дэвис Н. История Европы; пер. с англ. Т.Б. Менской. М.: АСТ М., 2006.
4. Пакаянне. Злачынствы камуністычнага рэжыму і антыкамуністычны супраціў (даследванні, дакуманты, сведчанні); Праект «Пакаянне», 2007.
5. Актывісты нагадалі, што ў Брэсцкай крэпасці была турма НКВД. Эўрапейскае радыё для Беларусі. Даступны па адрасе: http://euroradio.fm/by/653/news/25242.
6. Дапаможам Юрыю Казаку. Беларуская Хрысціянская Дэмакратыя. Даступны па адрасе: http://bchd.info/index.php?newsid=1826
7. Когда дружба дороже награды... Центр и фонд Холокост. Даступны па адрасе: http://www.holocf.ru/facts/292.
8. Крыжы на Вілейшчыне будуць адноўлены. Наша Ніва. Даступны па адрасе: http://www.nn.by/index.php?c=ar&i=29432.
9. Литовский премьер осудил шествие неонацистов в Вильнюсе. VES.LV. Даступны па адрасе: http://www.ves.lv/article/38768.
10. Убиение Хатыни: палачи и подручные. БДГ. Даступны па адрасе: http://bdg.press.net.by/dsp/2003/03/2003_03_05.14/14_20_1.shtml.
11. Экскурсія ў Брэсцкую крэпасьць. Радыё Свабода. Даступны па адрасе: http://www.svaboda.org/content/article/1841209.html.

Паліна Маслянкова
(БДУ, Мінск)

ФЕНОМЕН ПРЭЦЭДЭНТНАСЦІ ЯК ЧЫННІК ІДЭНТЫЧНАСЦІ

The paper considers some aspects of intertextuality such as precedential phenomena to be a factor of ethnocultural and national identity. Precedential phenomena were analyzed by selecting contexts from the Belarusian press and comparing with the analogous data from the Russian press. The Russian press is more nation-oriented while the Belarusian press is multicultural. There is a visible influence of Russian culture on the structure of the Belarusian identity. Conclusions were verified by psycholinguistic experiment, which shows the effects of ethnocultural and linguistic code switching. It is proved that the specificity of the precedential phenomena used depends on the language, ethnocultural background, and the speaker's goals.

Феномен прэцэдэнтнасці з'яўляецца трывалым ідэнтыфікатарам моўнай асобы. Разуменне або неразуменне, ужыванне або пазбяганне ў гутарцы нацыянальных прэцэдэнтных феноменаў – гэта паказчык узроўню ўлучанасці моўнай асобы ў дадзеную лінгвакультурную супольнасць. Авалодванне прэцэдэнтнымі феноменамі той ці іншай лінгвакультурнай супольнасці ляжыць у аснове паспяховай камунікацыі.

Вылучаюцца тры ўзроўні прэцэдэнтнасці: 1) соцыумна-прэцэдэнтны, 2) нацыянальна-прэцэдэнтны, 3) універсальна-прэцэдэнтны. У кожнай нацыі суадносіны апеляцыі да таго ці іншага ўзроўню прэцэдэнтнасці розныя. Паводле вынікаў дысертацыйнага даследавання А.С. Баярскіх [1], расійская прэса ў два разы часцей звяртаецца да нацыянальна-прэцэдэнтных феноменаў (66,8%), чым да замежных (33,2%). Найчасцей адбываецца апеляцыя да рускай літаратуры XIX стагоддзя

(50%), літаратуры XX стагоддзя (36,2%), радзей да старажытнай літаратуры (8,4%) і фальклорных тэкстаў (5,4%).

У Беларусі сітуацыя цалкам супрацьлеглая: паводле нашага даследавання сучаснай беларускай прэсы і благасферы, 33,8% выпадкаў належыць да беларускіх нацыянальна-прэцэдэнтных феноменаў, 66,1% – да замежных, сярод якіх большая палова (37,6%) адсылае да расійскіх прэцэдэнтных феноменаў. Выбар тых ці іншых прэцэдэнтных феноменаў выступае сведчаннем культурнай арыентацыі і сродкам маніпуляцыі свядомасцю аўдыторыі.

Згодна з псіхалінгвістычнымі законамі мова ў пэўнай ступені вызначае нацыянальную спецыфіку прэцэдэнтных феноменаў тэксту і камунікацыі. У Беларусі каля 90% СМІ рускамоўныя, адпаведна ў іх практычна не ўжываецца апеляцыя да нацыянальна-прэцэдэнтных феноменаў. Такіх прыкладаў – адзінкі: «Новая земля Александра Коктыша», «Долгая дорога к дому», «На ростанях».

Для даследавання пераключэння лінгва-культурнага коду намі праведзены асацыятыўны эксперымент, у якім удзельнічала 103 чалавекі. У спіс стымулаў уваходзілі складнікі беларускіх прэцэдэнтных тэкстаў і выказванняў. Паколькі эксперымент быў складзены на беларускай мове, ён пераважна выклікаў асацыяцыі з беларускай культурай: мова стымулаў дэтэрмінавала зварот да нацыянальнай кагнітыўнай базы асацыяцый. Заслугоўваюць адмысловай увагі выпадкі, калі, нягледзячы на мову эксперымента, інфарманты звярталіся да іншамоўных і іншакультурных асацыяцый.

Так сталася са стымулам «Тарас». Гэтае імя пераважна асацыюецца з украінскай культурай (Тарас Бульба 47, Тарас Шаўчэнка 5), чым з беларускай (Тарас на Парнасе 44). А вось прэцэдэнтнае імя Сымон цалкам палягае ў межах нацыянальнай кагнітыўнай базы (Сымон-музыка 62, Сымон Будны 31).

Найбольшая колькасць прэцэдэнтных асацыяцый выклікана так званымі жанравымі назоўнікамі. Гэта тлумачыцца старажытнай традыцыяй уключаць у назву твора яго жанравую характарыстыку: напрыклад, Хроніка Літоўская і Жамойцкая, Слова пра паход Ігаравы, Песня пра зубра, Балада пра салдата і г.д.

Практычна ўсе прэцэдэнтныя асацыяцыі, дадзеныя на стымул «Песня», належаць да беларускага этнакультурнага поля, прычым

да розных яго сфераў: Песня... пра зубра 26, жальба 2, Адвечная (літаратура), народная 7 (фальклор), песняў 2 (рэлігія), года 6, свабоды 3, пра каханне 3, падземных жыхароў, Уліса (музыка).

Сярод асацыяцый на стымул «Хроніка», апрача беларускіх (Хроніка Быхаўца 28, Палеская хроніка 3, Магілёўская хроніка), сустракаюцца і іншакультурныя прэцэдэнтныя асацыяцыі (Хронікі Нарніі 7, Амбера, Даліміла, Рыдина, Крымінальная хроніка).

Самая папулярная асацыяцыя на стымул «Запіскі» – Запіскі сумасшедшего (звар'яцелага, вар'ята). Гэты факт сведчыць пра цэнтральнае месца гэтага прэцэдэнтнага феномену ў кагнітыўнай базе беларусаў. Тут прадстаўлена толькі адна беларуская асацыяцыя (Запіскі Самсона Самасуя 16) і багата іншакультурных асацыяцый (охотника 10, покойника, Штирлица, Холмса).

На стымул «Лісты» дадзены толькі беларускія лінгвакультурныя асацыяцыі (з-пад шыбеніцы 13, з-пад коўдры 9, з Хельсінкі). А вось рэшта асацыяцый паказвае, што толькі 45% разумеюць «Лісты» як пісьмы, 28% – як лісце, і 28% – як аркушы паперы. Такім чынам, эксперымент даў падставу для высновы, што большасць апытаных, знаёмых з беларускай мовай праз рускую, цяжка ідэнтыфікуюць адрозненні дзвюх роднасных моваў.

Найбольшую колькасць нацыянальна маркіраваных асацыяцый выклікаў стымул «Паміж». Па-першае, гэта фразеалагічныя спалучэнні са значэннем вагання: паміж двух агнёў, паміж молатам і накавальней, паміж Сцылай і Харыбдай; па-другое, гэта ўстойлівыя выразы са значэннем лакалізацыі ў прасторы і часе: паміж небам і зямлёй, паміж Польшчай і Расіяй, паміж былым і будучым, паміж радкоў; па-трэцяе, гэта кампанент прэцэдэнтнага выказвання: Паміж пустак, балот беларускай зямлі, Паміж пяскоў егіпецкай зямлі; па-чацвёртае, філасофскі канцэпт: «Адвечным шляхам» Абдзіраловіча, Часопіс, Акудовіч. Як бачым, прасторавы канцэпт «Паміж» з'яўляецца ключавым канцэптам беларускай культуры і апісвае Беларусь у кантэксце нацыянальнай ідэнтычнасці: паміж Усходам і Захадам, паміж Польшчай і Расіяй, паміж Еўропай і Азіяй.

Такім чынам, у выніку асацыятыўнага эксперыменту, падчас аналізу дадзеных на стымул культурна значных асацыяцый, мы назіралі за з'явай пераключэння культурных кодаў. Зварот інфармантаў да іншакультурных прэцэдэнтных феноменаў дазваляе нам адносіць іх да разраду калі не універсальна-

прэцэдэнтных, то рэгіянальна-прэцэдэнтных феноменаў. Дослед дазволіў выявіць ядро прэцэдэнтных феноменаў для беларускай кагнітыўнай базы: Роднае слова 67, Бывайце здаровы 67, Родны край 66, Сымон-музыка 62, Выбачайце, калі ласка 55, Родная мова 52, Простыя словы 48, Тарас Бульба 47, Каласы пад сярпом тваім 46, Тарас на Парнасе 43, Людзі на балоце 40, Зорка Венера 40.

Стымулы групы «родны», «родная», «роднае» далі багата канцэптуальных і прэцэдэнтных асацыяцый: Родны кут 39, Родны край 18, Родны горад, Родная мова 52, Роднае слова 67, Роднае карэнне 5. У лік найбольш актуальных для беларускай лінгвакультурнай карціны свету ўвайшлі канцэптуальныя спалучэнні «роднае слова, родны край, родная мова», якія складана аднесці да прэцэдэнтных феноменаў, нягледзячы на тое, што твораў з такімі назвамі процьма. Іх трэба трактаваць як канцэпты – найбольш ключавыя для беларускай культуры кагнітыўныя адзінкі, з якіх складаецца канцэптасфера беларуса.

Падобныя асацыяцыі далі магчымасць для самаідэнтыфікацыі інфармантаў. Стымул «Родны» найчасцей выклікае асацыяцыю з малой радзімай (край 18, кут 39, горад, Ваўкавыск; хата, дом 11, хутар, пад’езд), у той час, калі «Родная» асацыюецца ў большай ступені з агульнанацыянальнымі каштоўнасцямі (мова 52, зямля 8, краіна 5).

Псіхалінгвістычны эксперымент, паколькі ён быў скіраваны на выяўленне беларускіх прэцэдэнтных феноменаў, даў у выніку большы працэнт нацыянальна-прэцэдэнтных адзінак, чым суцэльная выбарка з сучаснай прэсы і благасферы. Фактычна эксперымент засведчыў узровень валодання інфармантаў тымі ці іншымі прэцэдэнтнымі адзінкамі, ступень актуальнасці таго ці іншага прэцэдэнтнага феномену для кагнітыўнай базы беларусаў. Аднак рэальную карціну функцыянавання прэцэдэнтных феноменаў у тэксце і камунікацыі можа паказаць толькі суцэльная выбарка кантэкстаў іх ужывання ў літаратуры, прэсе і жывым маўленні.

Літаратура

1. Боярских О.С. Прецедентные феномены со сферой-источником «литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004–2007гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. / О.С. Боярских. Екатеринбург: ЕГУ, 2008.

Ирина Громик
(ЕГУ, Вильнюс)

ЧЕРНОБЫЛЬ: СОЦИАЛЬНАЯ ТРАВМА КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

The main purpose of the paper is the characteristics of the Chernobyl disaster of 1986 in the field of discourse about History-Memory-Identity with reference to the construction of the Belarusian identity. Chernobyl could be represented as a great example of cultural trauma in the contest of Belarus. In this case, it gives a possibility to see the influence of the effects, first of all, on the identity of the Belarusian nation, especially its modeling as well as on the consciousness of the people and on the future of the next generation. In the article Chernobyl is considered as a multifaceted phenomenon in the construction of identity and analyzed as a «narrative», which represents the social, economic, political aspects of the past, which could be projected onto the problematic field of the Belarusian identity. The main idea is to research the narratives of «small people» and to identify the key points of the memory of the eyewitnesses in the interpretation of the disaster.

...черт, странная смерть... Невидима, не слышна, ни запаха, ничего! Вот – все здорово: руки, ноги, грудь... И голова эта дурацкая! – шлепает себя по лысине. – Жалко...

(Из фильма М. Ромма
«Девять дней одного года»)

От Совета Министров СССР

На Чернобыльской атомной электростанции произошла авария, поврежден один из атомных реакторов. Принимаются меры по ликвидации последствий аварии. Пострадавшим оказывается помощь. Создана правительственная комиссия.

29 апреля 1986 г. [5, 14]

Хроника событий (первая интерпретация)

2 мая член Политбюро ЦК КПСС, председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков и член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Е.К. Лигачев посетили район Чернобыльской АЭС. Они ознакомились с обстановкой в районе атомной станции, рассмотрели с участием правительственной комиссии, руководителей ЦК Компартии Украины и правительства УССР, партийных и советских органов Киевской области и г. Чернобыль меры, принимаемые для ликвидации очага аварии на четвертом энергоблоке АЭС, нормализации обстановки в прилегающем районе, оказанию местному населению помощи.

Было отмечено, что работы по ликвидации аварии и устранению ее последствий проводятся организованно, с привлечением необходимых средств. Приняты решения о дополнительных мерах по ускорению развернувшихся работ.

Товарищи Н.И. Рыжков и Е.К. Лигачев побывали в населенных пунктах, где встретились с трудящимися, временно эвакуированными из района АЭС, интересовались организацией их быта, торгового, медицинского обслуживания, их трудоустройством, работой школ и детских дошкольных учреждений.

В поездке приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В.В. Щербицкий, председатель правительственной комиссии, заместитель Председателя Совета Министров СССР Б.Е. Щербина, Председатель Совета Министров Украинской СССР О.П. Ляшко, первый секретарь Киевского обкома Компартии Украины Г.И. Ревенко. (ТАСС) [5. 36]

Я бы не спешила предавать забвению историю 26 апреля 1986 г., которая в сознании социума сегодня воспринимается

как катастрофа на ЧАЭС. При этом речь идет о ее последствиях для окружающих экосистем и, безусловно, прямом негативном воздействии на современников катастрофы, что формирует интерпретации истории новыми поколениями. Довольно интересная игра слов получается: событие – последствия – история – поколение – история – поколение – … Слишком высокую цену пришлось и еще придется заплатить за Чернобыль. Полное осмысление того, что произошло, наступает тогда, когда есть возможность «читать» это событие и анализировать прочитанное. Не хотелось бы соглашаться с утверждением, что эта задача под силу лишь далекому будущему. У будущего, на мой взгляд, нет обозначенных временных рамок: будущее – это даже завтра. Чернобыльскую эпопею нужно читать во всей ее трагической полноте в жизнеописаниях подлинных ее героев (очевидцы – жертвы), а не в оправдательных характеристиках тех, по чьей вине произошла авария с такими тяжелыми последствиями. Процитируем документ: «…авария произошла из-за целого ряда допущенных работниками этой электростанции грубых нарушений правил эксплуатации некоторых установок. На четвертом энергоблоке при выводе четвертого блока на плановый ремонт проводились экспериментальные исследования в ночное время. При этом руководители и специалисты АЭС не подготовились к этому эксперименту и не согласовали его с соответствующими организациями, хотя обязаны были это сделать. Не были приняты меры надлежащей безопасности». [5, 485]. И довольно интересно сейчас проводить сравнительный анализ объективной критики очевидцев в 1986 г. и критики сегодняшнего поколения. Вот критическое высказывание 1986 г. с учетом дозволенности того, что тогда можно было сказать: «убедительно, прямым текстом, без афоризмов. Открыто. Честно. Без обиняков. По-партийному. Конечно, со временем могут всплывать дополнительные причины, приведшие к аварии. Но одна из них – пылкое стремление первому перед кем-то отчитаться….потом доделаем, подгоним, домажем…» [5, 485]. Сегодняшний взгляд на событие как на социальную травму предлагается в данной работе.

Чернобыльская катастрофа является ярким примером культурной травмы в историческом контексте нашей страны. Такой подход к событию позволяет расширить проблемное поле, заданное координатами истории, памяти и идентичности. Из-

вестно, что к моменту аварии на подвергшейся ее воздействию белорусской территории проживало 2,2 млн. человек, т.е. пятая часть населения Беларуси. Уже одно это говорит о грандиозности события.

Безусловно, на сегодняшний день в постсоветском пространстве и за его рубежами наличествует огромное количество исследований катастрофы, преследующих различные цели: прояснение причин случившегося, выявление последствий для здоровья белорусской нации, проецирование будущего. В контексте нашего проблемного поля, а именно, динамика истории, памяти и идентичности, мы можем вести речь о конструировании множества нарративов. И, конечно, очевиден конфликт этих нарративов, поскольку они наделяют историческое событие различными смыслами, иными словами, предлагают различные его интерпретации. За этими интерпретациями скрыты репрезентация конкретных идентичностей и микроисторий, задающих отношение к событию.

Хроника событий (вторая интерпретация)

« – ...куски бетона раскиданы, арматура с большой палец толщиной порвана, как гнилые нитки! Ну и силища! Потом приглядываюсь – Мама родная!!! Неужели графит? Ближе подошел – точно! Я как дал деру оттуда – думал сердце выскочит. Какой графит? Не понял я.

– ты что, офанарел? Это же нутро реактора вывалилось! Это же полный п....ц!....» [1, 15]

Цитата взята из воспоминаний заместителя председателя исполкома Припятского городского Совета депутатов в 1986 г., в которых, по словам автора, представлены <u>игра памяти,</u> картинки впечатления, которые он пережил. При этом он возмущается тем, что была <u>скрыта</u> информация, <u>не было мер</u> предосторожности.

«семья уехала. Прощались грустно. Жена заплакала в автобусе. Но в общем было спокойно. Никакой давки, спешки. Милиция смотрела за порядком, но вмешиваться ей не пришлось.

Куда уезжают? Никто не знает. Насколько? Только пожимают плечами. От этого появилось ранее незнакомое нашему поколению чувство тревоги. Подумалось в ту минуту: "Какой же непостижимо великой была эта всенародная драма (травма). Четвертый блок разгерметизирован и что авария – общая. А что это значит – хорошо себе представлял"» [5, 383].

Это воспоминание одного из рядовых сотрудников АЭС, который должен был заступить на дежурство на следующий день. Последовательность и подбор слова, которые столь четко за доли секунды от осознания увиденного интерпретируют суть случившегося и его последствий, конечно, настораживают и не вызывают доверия. Скорее, возникают сомнения в идеологической системе советского периода, столь изменяющей сознание.

«…когда в селе появились автобусы с людьми, мы, особенно, пожилые, поняли, что подобной эвакуации раньше не было: люди ехали и ехали! Что ж, надо жить…. И каждый готов был приютить прибывших. Я приняла семью Возного Михаила Михайловича. Немалая семья. Жена – Галина Васильевна и двое детей, учатся пацаны в 4-м и 8-х классах. Сразу, чем могла, тем и угостила. А тут вскоре подвезли и продукты. Когда ввозные поселились, спросили: "На какое время рассчитывать?" ответила: "сколько надо, столько и живите"» [5, 140.]

Интервью пенсионерки А.А. Давыдовой из с. Развважев, Иванковский р-н, которая, как и многие другие, приютила эвакуированных жителей Припяти. Казалось бы, у этой женщины нет абсолютно никакой информации о масштабах и значении происходящего… но, тем не менее, ее нарратив вольно или невольно раскрывает ключевые характеристики события.

«…технология строительства не соблюдается, срываются поставки почти всех заказов, оборудование прибывает или некомплектное, или – хуже того – с явным браком. Причем, уточняет автор, эти проблемы, усугубляясь, переходили с блока на блок…» [5, 490].

А это фрагмент из статьи, которая была напечатана в газете «Литературна Украина» за 27 марта 1986 г. В статье представлен материал Л. Ковалевской о критическом состоянии дел на атомной станции за месяц до случившегося. Теоретически была возможность предотвратить и минимизировать последствия халатности и недостаточной организованности в действиях руководства станцией и персонала, что подводит снова и снова к проблеме неэффективности советской системы. Другой вариант – недоработанная система безопасности в конструкции станции. На этот счет есть довольно убедительный пример: построенная по тому же проекту и оснащенная оборудованием советского производства станция Ловиза в Финляндии сегодня является одной из самых надежных и безопасных в мире.

Другие факты, свидетельствующие о неэффективности и антигуманности политической системы:

– Население не было обеспечено обязательной йодной профилактикой.

– Отселение жителей Припяти началось с опозданием на сутки.

– Из белорусских сел и деревень – с опозданием на неделю.

– Факты радиоактивного фона в Могилевской области не контролировали, не объявляли.

– Не были отменены демонстрации на улицах 1 мая в Киеве, Гомеле, Наровле, Хойниках.

– В Припяти в этот день проводили уроки физкультуры на улицах.

Или же: «...4. Засекретить сведения об аварии.

8. Засекретить сведения о результатах лечения.

9. Засекретить сведения о результатах радиоактивного поражения персонала, участвовавшего в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС».

Начальник 3-го главного управления Министерства здравоохранения СССР Е. Шульженко [7, 10].

Еще: Загрязненное мясо добавлялось к чистому в пропорции 1:3 (зараженное: чистое). Пример – Жлобинский мясокомбинат

и другие на территории Беларуси (нарративы бывших работников комбината).

Нет необходимости комментировать предпринятые действия. Но для контраста хотелось бы привести следующий пример: в Скандинавии частично оказались загрязненными оленьи пастбища. Полторы тысячи оленей были убиты и захоронены. На месте могильника установлена плита со словами: «Под землей опасный радиоактивный материал». [7, 11].

Одновременно в западной прессе печаталось много материалов, которые в той или иной мере раскрывали реальную ситуацию. Реакция советских властей на них была следующая: «Не дожидаясь информации об истинных причинах аварии и масштабах радиоактивного загрязнения, которую, естественно, нельзя было получить сразу же, буржуазная пропагандистская машина начала пичкать своих сограждан разного рода домыслами и небылицами. За всеми этими домыслами просматривается политическая подоплека» [6, 73].

Две интерпретации равносильны двум историям в этом случае. Двум совершенно непохожим друг на друга событиям, но с одной датой, с одной памятью. Мы имеем историческое событие, конкретное историческое место данного события, другими словами, место памяти. Место памяти, которое возможно благодаря существованию социальной памяти и ее формам, анализ которых делает возможным дискурс, отталкиваясь от исторических нарративов. В данном случае важен не только сам исторический факт аварии, сколько воспоминания современников и не только. Анализ памяти оказывается анализом конструирования социальной реальности, ее интерпретаций, и тем самым – конструированием истории. При этом данная память принадлежит различным возрастным категориям населения, что тоже задает специфику ее форм.

Немного другой ракурс у проблемного поля. Тема строительства АЭС сегодня остается одной из чувствительных тем для нашего общества. Хотелось бы разобраться, почему при упоминании в СМИ об авариях на других станциях тут же упоминается Чернобыль? По количеству погибших или пострадавших эта катастрофа не столь уж отличается от других технологических

катастроф. Или же вспомним многочисленные жертвы авиакатастроф, не говоря уже о большом количестве жертв автомобильного движения. Но в этих случаях политическая система, как правило, не является точкой отсчета для социальной критики. В случае же чернобыльской катастрофы прежде всего фиксируется вина – политическая система СССР, при которой важная техническая информация содержалась в тайне [3].

Нарративы Чернобыля продолжают создаваться – проблема в стадии актуализации. Но с опозданием… Проводятся международные форумы. Необходимы регулярные исследования по всем критериям ситуации, так как окончательные результаты события все еще не ясны. Спустя 24 года после катастрофы ситуация продолжает ухудшаться… Наблюдается миграция радионуклидов и т.д. С другой стороны, не проводится массовое обучение населения о мерах предосторожности. А это знание, например, о грамотном питании с целью выведения радионуклидов.

И как итог – социум и травма. Дискурс и нарративы…и социальная память!

«Люди действовали и продолжают действовать, прямо скажу, героически, самоотверженно. Думаю, у нас еще будет возможность назвать имена этих отважных людей и оценить их подвиг по достоинству».

М.С. Горбачев 14 мая 1986 г.
(выступление по советскому ТВ) [5, 5]

Литература

1. Эсаулов А. Чернобыль. Летопись Мертвого города. Европа. Москва. 2006 г. С. 15.
2. Яблоков А.В. Чернобыль: последствия катастрофы для человека и природы. Санкт-Петербург. Наука. 2007 г.
3. Линдер Л. Чернобыль сегодня и в сравнении с другими катастрофами. Атомная техника за рубежом 2000 г. № 11.
4. Основные выводы международной конференции «Чернобыль 20 лет спустя. Стратегии восстановления и устойчивого развития пострадавших регионов». Гомель. 2007 г.
5. Чернобыль. Дни испытаний: книга свидетельств. Интервью. Стихи. Очерки. Рассказы. Отрывки из повестей. Киев: Радяньский письменник. 1988 г. С. 5, 14, 36, 140, 383, 413, 490.

6. Чернобыль: события уроки. Вопросы и ответы. Издательство политической литературы. Москва, 1989 г. С. 44, 73.
7. Ярошитская А. Чернобыль 20 лет спустя. Преступление без наказания. Документальный роман. Москва, 2006.
8. Chernobyl. Ten years later. Essay. V. Jakovenko. BSEU «Chernobyl». Minsk, 1996. P. 10–11.

Дмитрий Бойченко
(ЕГУ, Вильнюс)

ИНФОРМАЦИОНАЛИЗМ И МОБИЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Globalization is a multiple narrative about power; plenty of (un) stable and (a) symmetric processes of transformation work in local, international and trans-national dimensions. One of the main innovations is a new circle of informational necessity; we need information to know how to produce more information. The new impossible task and horizon of imagination is to calculate every world change in one locality. These processes reinforce and reconfigure various types of classifications, relations, and values. The new epoch of information raises new questions about transparence, dependence, unification, and security. It brings about new types of structure and integration. Network has become a new design of societies, a new global trend, and a code of organization.

По информации, полученной в ходе исследования мирового рынка мобильных устройств, по итогам года было продано 1,21 миллиарда сотовых телефонов (на 0,9% меньше, чем в 2008 году) и 172,4 миллиона смартфонов (на 23,8% больше, чем в 2008).

Статистика Mobilnik.org
(http://mobilnik.org/statistika)

Но Цукерберг заметил, что сейчас сервис растет быстрее, чем когда-либо. А это уже настоящее безумие. Он сказал, что если

для получения первых 100 миллионов пользователей понадобилось пять лет, то на 100 миллионов мобильных пользователей ушло уже три года.

Эм-Джи Сиглер (блоггер TechCrunch),
«Facebook захватывает Интернет»[1]

На 1 июля 2009 население мира составило 6 768 167 712 человек.

Википедия
http://ru.wikipedia.org/wiki/Население

Facebook не просто наиболее успешная социальная сеть и не только один из самых сильных и опасных игроков на рынке интернет-сервисов. Более 500 миллионов пользователей – это диагноз современного глобального сообщества, который не позволяет сомневаться в необходимости прилагательного «глобальное». Сегодня развитие социальных сетей сопряжено с развитием интернета и мобильных технологий, что только углубляет сетевую интеграцию. В данной статье обратимся к трансформациям, которые претерпевает общество в результате данных процессов.

Незавершенные изменения

Понятие «глобализация» – «эрогенная зона» современной эпистемологии для многих теоретиков. Причин тому много. Можно привести в пример множество резко расходящихся трактовок данного концепта, что, в итоге, ведет к нарастанию скептических настроений относительно возможностей формирования теории глобализации. Несмотря на то, что дискуссия о глобализации продолжается около тридцати лет, практически в каждой статье или книге, в которой так или иначе затрагивается этот дискурс, дается определение термина. Причины такого дезориентированного поведения, наверное, следует искать в «специфике постмодерного дискурса», что логично, очевидно и неоспоримо. Несмотря на это, не стоит забывать, что «глобализация» – крайне сложно определимое понятие и со «спецификой постмодерного дискурса» они великолепно дополняют друг друга.

[1] http://inoblogger.ru/2010/04/22/facebook-zaxvatyvaet-internet/

На мой взгляд, утверждение о том, что глобализации не существует, должно рассматриваться как шутка в адрес, например, компании Google, шутка, которая вряд ли уже кого-то рассмешит. При этом само определение данного понятия не только безумно ветвистое, но и чрезвычайно хрупкое. Начиная разговор об этой дефиниции, необходимо сделать одну или несколько оговорок. Первая и главная: необходимо заметить, что глобализация – это разрозненный рой процессов, между которыми не существует однотипных связей. В каком-то смысле глобализация – это комплекс непрекращающихся событий и процессов, многие из которых нарушили локальные и национальные границы, а многие – никогда не знали о существовании таковых.

Глобализация – это множественный нарратив о власти, вызванный к жизни новой уровнем глобальных и локальных интеракций, отношений и структуризации [3, 10]. Если выделить основные черты воздействия глобализации на модерную структуру, то можно сказать, что по отношению к модерной модели глобализация выполняет четыре основные функции: изменяет, требует, создает и уничтожает. При этом глобализация – это не константа, но сам процесс трансформации. Мы называем «глобализацией» незавершенные изменения, форма которых меняется каждый день. Также следует отметить, что не все нынешние социальные процессы принадлежат глобализации, но практически каждый так или иначе испытывает ее влияние [4, 43]. Данная разрозненность процессов многими теоретиками называется глобальным беспорядком.

Первые два типа процессов – **территориальные**; они начали свое развитие в эпоху первой модернити: **локальные** – процессы, предписанные какому-либо определенному контексту; **интернациональные** – процессы, которые соединяют различные локальные и национальные системы [10, 155]. Вторая модернити приносит **транснациональные** процессы, имеющие внетерриториальную природу, распространение универсальных паттернов, которые могут быть применены практически к любому контексту [10, 148].

В данном случае будем говорить об «информациональных» процессах, порождающих общество сетевых структур».

Информационное замыкание

Информационализм – термин, который ввел Мануэль Кастельс. Кастельс предлагает большое количество определений данного концепта. Обобщая их, можно сказать, что информационализм – это **технологическая уникальность глобализации, ее информационный двигатель**. Между словами «информационный» и «информациональный» присутствует генеративная связь. «Информациональные» процессы – новый этап развития «информационных» процессов, согласно Кастельсу [6, 10]. В модерне (и эпохах, которые ему предшествуют) информация предполагала внешнее воздействие. Теперь основной акцент приходится на воздействие информации на саму информации [6, 10]. Если ранее информацию производили ради решения каких-то внешних ей задач, то теперь целью является само производство информации. Информация ради информации, знание ради знания. Информация важна всегда, но именно сейчас круг производства информации замкнулся на себе. Сегодня крайне важно производить информацию, чтобы оставаться в центре событий и по возможности ими управлять или хотя бы принадлежать к этому центру. И именно поэтому вопрос «о чем» уступает вопросу «как». Это и является основной отличительной чертой информационализма.

Главное следствие такого замыкания процесса производства информации – ее новый функциональный статус. Информация сегодня является главным источником власти и производительности (6, 98). Кастельс отмечает: «Генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти». Иными словами, компания, индивид или сообщества могут быть компетентными, только если они участвуют в процессе производства информации. Популярные сегодня выражения «быть в контексте», «чувствовать рынок» предполагают не только наличие опыта, но и постоянную осведомленность, зависимость от круговорота новостей.

Очевидно, что в данной ситуации информационализм является проводником глобализации. Умение ориентироваться в глобальном беспорядке и умение предсказывать будущее становятся основными целями транснациональных компаний и связанных с ними организаций.

Таким образом, во-первых, информация сегодня нужна именно для того, чтобы получать как можно больше информации. Во-вторых, именно от информации сегодня зависит власть и производительность. Как уже было отмечено, глобализация является нарративом о власти, а, следовательно, поводырем глобализации выступает информационализм. Как отмечают многие теоретики, глобализация – это не только уничтожение барьеров и границ, но и создание новых [1, 40]. Однако, превратившись в «глокальность», «локальное» обретает новый диапазон для действий, который несравним с национальным [4, 20]. Новая невыполнимая задача, новый горизонт воображения – **просчитывать всемирные изменения в отдельно взятой локальности максимально эффективно**.

Сетевая организация

Главное последствие доминирования информационализма – сетевая структура общества [6, 120]. **Сеть – это новый дизайн обществ, новый тренд.** Кастельс определяет сетевое общество следующим образом: «В конкретных терминах, если хотите, сетевое общество – это общество, в котором основные социальные активности и структуры организованы вокруг электронных сетей, осуществляющих обработку информации» [5]. Кастельс также отмечает, что сетевое общество не исчерпывает всего понятия информационализма, но в то же время является его наиболее быстрорастущей частью [6, 45]. Современные идентичности заключены в паутинообразные электронные каркасы.

На мой взгляд, «электронной сетью» можно называть как минимум три феномена:

• Сервисы, которые организуют текстовую и голосовую коммуникацию. Интернет-сервисы, которые делятся на социальные сети (они доступны всем) и корпоративные сети (доступные только внутри определенных компаний).

• Соединения, которые обеспечивают коммуникацию: беспроводной и ЛАН-интернет, различные поколения мобильных сетей.

• Различные гаджеты (ноутбуки, смартфоны, мобильные телефоны), которые позволяют использовать первый тип сервисов с помощью второго типа.

Как отмечает Кастельс, распространение информационализма порождает новую социальную поляризацию [9, 80]. Информационная элита – класс, находящийся в сердцевине информационных процессов, и страны «четвертого мира», индивиды, вытесненные из центральных информационных потоков [9, 94].

На мой взгляд, центральным среди разнообразных определений понятия «сеть», которые дает Кастельс, является утверждение, **что сеть является «кодом»** [1, 214]. Наиболее адекватно понятие «код» определяет Жан Бодрийяр, как совокупность правил, которые имеют отношение к принятым схемам и порядкам. Код является упорядоченным содержанием правил всех культурных феноменов [2, 33].

Таким образом, «сеть» в данном случае – это совокупность «сухожилий» или «шарниров», скрепляющих горизонтально ориентированные функциональные части, которые используются как снаружи институтов и сообществ, так внутри них.

Исходя из обширного, но не структурированного описания сетей в трилогии Мануэля Кастельса «Информационный век», можно обозначить следующие особенности сетей:

- **Децентрированность** – не исчезновение центров, но изменение их статуса. Центр больше не является структурной доминантой, но одной из составных частей [6, 300]. Большинство корпораций сегодня разделены на различные функциональные части, коммуникация между которыми довольно часто дает сбои. Позиция CEO компании во многих смыслах не является монархической, но довольно серьезно ограничивается.
- **Гибкость** – структура может изменяться, кастомизируются как ее связи, так и составные части [6, 322]. Так, довольно часто, например, разработчики программного обеспечения тасуются внутри корпораций для достижения тех или иных целей.
- **Многозадачность** – отдельные звенья корпорация предназначены для различных функций, что не означает нивелирования индивидуальности [6, 303].
- **Интерзависимость** – современные структуры строятся не только на зависимости от центра, но и от всех, аналогичных или нет, по статусу, элементов [6, 340].
- **Динамика развития** – так как действие сетевых организаций во многом построено на диагностировании постоянно изменяющегося контекста, организации вынуждены не только из-

менять свою стратегию, но претерпевать и внутренние изменения [6, 340].

Сеть также подразумевает не только саму по себе электронную систему коммуникации, но и структурирование организации, корпоративное дробление компаний и зависимость между компаниями. Кастельс отмечает, что «осетевение» (networking) как производство технических возможностей для развития сетевого общества и внутренние трансформации в компаниях происходили одновременно, но по различным причинам [6, 150]. На данный момент данные тенденции смешались и способствуют развитию интернациональных и транснациональных отношений.

Итак, главное правило организации отношений глобального и локального – глокальность производится по сетевому принципу. Сеть является агрегатным состоянием глобализации. Что есть механизм глобализации на локальном уровне? Сетевые принципы организации. Что значит глобализация на локальном уровне лично для Вас? СМС по роумингу или сообщение «Я щас в кафе, от фотка».

Падение цен на сетевую идентичность

Так или иначе, **глобализация унифицирует способы коммуникации**. Этнические признаки могут быть разные, но мобильные телефоны практически никак не изменяются в зависимости от контекста. Несмотря на то, что у разных головных уборов действительно имеются различные символические значения, у Facebook оно всегда одно и тоже (конечно, оно может варьироваться, но варьируется оно весьма однообразно). Если не учитывать специфические кейсы Беларуси и Китая (что, на мой взгляд, сделать не сложно, так как эти страны отнюдь не информациональные эпицентры), то доступ к большинству интернет-сетей не ограничивается территориально.

При этом доступ к сетям становится все более широким. После того как «смартфон» перестал быть исключительно бюджетным гаджетом и ворвался в нижний сегмент рынка мобильных устройств, практически каждый может приобрести себе телефон, позволяющий выходить в интернет, а, следовательно, пользоваться поиском, социальными сетями, мессенджерами и почтой.

Смартфон как дефиниция, обозначающая гибрид карманного компьютера и обычного телефона, захватывает большинство ценовых сегментов (ранее за ними был только самый высокий сегмент), сливается с мобильными телефонами, оккупирует места, еще недавно принадлежащие бюджетным аппаратам.

Практически каждый мобильный телефон сегодня предназначен не просто для звонков и СМС-сообщений, но также и для доступа к таким социальным сетям, как Twitter и Facebook. Для современных компаний «социальный телефон» – это один из способов возродить интерес пользователей к покупке новых продуктов.

Распространение и популяризация **мобильных технологий – это не только не шаг в сторону независимости, но и уклон в сторону транспарентности общественных процессов**. Большинство событий 2009 и 2010 года доказали, что больше не нужно проводить социологическое исследование для того, чтобы узнать, какими сервисами пользуется клиент или для каких целей он использует телефон. Распространение мобильных технологий разрушает видимую независимость и недосягаемость общества. Помимо того, что индивиды становятся доступны практически из любой точки, собирается и информация об их действиях. Так, совсем недавно по этому поводу в Индии разгорелся скандал вокруг компании RIM и ее смартфонов Blackberry[2]. Многие обладатели iPhone жаловались, что ровно в два часа ночи их аппарат начинает передачу данных неизвестному адресату[3]. Также не следует забывать недавний скандал вокруг сети Facebook и нервное поведение Марка Цукерберга (Mark Zuckerberg) после вопроса на конференции о безопасности пользовательских данных[4].

На мой взгляд, если дефиниция «grassroots society» подчеркивает независимость отдельных сообществ от легитимной государственной модели, альтернативные структурные формы [1, 139], то распространение сетевых структур – попытку сделать

2 http://www.bloomberg.com/news/2010-08-30/rim-averts-india-blackberry-ban-as-government-tests-security-modification.html
3 http://www.3dnews.ru/tags/iphone/page-6.html
4 http://www.eff.org/deeplinks/2009/12/facebooks-new-privacy-changes-good-bad-and-ugly

общества если и не транспарантным, то устроенным максимально предсказуемым образом.

Структура «Facebook»

Как уже говорилось, сеть – это новый тип структуры. Здесь важно то, что сеть – не просто следующий этап развития, но последствия своеобразного исторического излома. То есть сеть – не прямое продолжение модерной традиции интеграции, но система, построенная на обломках модерна, заново изобретенная модель.

Нет сомнения в том, что в эпицентре западного мира (воронке информационализма) вторая модернити строится на остатках первой, но сами принципы, на которых организуются основные (они же информационные) процессы, не подразумевают четкой и окостенелой иерархии исполнителей. Такой вывод можно сделать, например, из утверждения Ульриха Бека о том, что модерный проект провален [4, 12].

Если говорить о социальной стратификации, то в любом случае сохраняется поляризация – кто-то пользуется проектами Microsoft, а кто-то их потребляет. Однако скелетообразная схема проектирования на данный момент анахронизм – ни Microsoft, ни Google не обладают «хребетной структурой», но разбиты на огромное количество подразделений, которые в зависимости от того или другого вектора компании исполняют различные функции.

На первый взгляд, фраза «общество принимает структуру Facebook» может показаться надменным левым экстремизмом, однако она в любом случае не лишена смысла, так как 500 миллионов пользователей – это факт, который сложно игнорировать или называть сомнительным. Точно так же халатно не замечать тот факт, что компания Nokia собирает свои телефоны в Китае, а пользуется ими практически вся Европа (что должно, как мне кажется, указывать на несомненность присутствия глобализации). Facebook, «В Контакте» или Last.FM – не феномены, существующие сами по себе, но системы, которые подчиняются информациональному коду сетей.

Тренд современных социальных сетей – **манифест нового типа интеграции**. На мой взгляд, довольно распространенную

гипотезу о том, что Facebook атрофирует язык и личностное общение, стоит перевернуть (ее, впрочем, можно крутить как угодно, она, как мне кажется, верна и слева-направо и справа-налево). Речь в обществе превращается в сплошные смайлики, люди, увлекшись макияжем, делают из себя «аватары» (изображения, замещающие фотографии пользователей на форумах, но не синих инопланетян из одноименного фильма). Facebook в данном случае – это «штамп о бракосочетании» с новой социально структурой, громкое и помпезное подтверждение состояния социального. Учитывая также то, что мы говорим именно об обществе западных метрополий, мы можем сказать, что в приведенном выше утверждении есть смысл. **Таким образом, общество принимает структуру Facebook или наоборот (что может быть важнее, чем первая часть предложения).**

Литература

1. Appadurai A. Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.
2. Baudrillard J. Symbolical Exchange and the Death. London: Sage Publications Ltd, 1993.
3. Beck U. Cosmopolitanization – now! An interview with Ulrich Beck. Theory, Culture & Society. Vol. 18 (4). 2001.
4. Beck U. What Is Globalization? Cambridge: Polity Press, 1999.
5. Castells M. Conversation with Manuel Castells Identity and changes in Network Society. In: Conversations with History: Institute of International Studies, UC Berkeley [online]. 2001 [cited 01 2010-05-01]. Available from Internet: <http://globetrotter.berkeley.edu/people/Castells/castells-con0.html>
6. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Volume I. The Rise of the Network Society. Singapore: Wiley-Blackwell, 2009.
7. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Volume II. The Power of Identity. Singapore: Wiley-Blackwell, 2009.
8. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Volume III. End of Millennium. Singapore: Wiley-Blackwell, 2009.
9. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1997.
10. Kobrin S. The Architecture of Globalization: State Sovereignty in a Networked Global Economy. In: Dunning, J. H. (ed.). Governments, Globalization, and International Business. Oxford, 1997.
11. Roland R. Globalization: Social Theory and Global Culture. Rio de Janeiro: Editoria Vozes, 1999.

Александр Автушко-Сикорский
(ЕГУ, Вильнюс)

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

The low level of group consolidation today is a serious problem of Belarusian civic society. The main point of view on the causes of high passivity to political and civic group activities is the existence of a vertical social contract between the authorities and society, which commits people not to be in opposition to the government in exchange for social guarantees. But is the rational interest the only reason for passivity concerning participation? What characteristics of the social are necessary for a high level of group consolidation, and does it exist in Belarus?

Проблема формирования коллективных идентичностей понимается нами не столько как вопрос утверждения абстрактных конструкций отождествления и принадлежности, сколько и главным образом как проблема формирования вполне реальных объектов: политических групп и движений. Отождествляя коллективную идентичность с процессом функционирования группы, я попытаюсь обратить внимание на возможные причины пассивности беларуских граждан с точки зрения коллективных действий – причины, относящиеся к области социального. В работе в первую очередь имеются в виду политические группы, но, как это будет показано ниже, пассивное отношение к участию в политических группах может иметь ту же природу, что и отсутствие интереса к участию в социальных движениях.

Чтобы акцентировать внимание на социальных причинах групповой неэффективности, мы попытаемся определить место, которое играет коллективная идентичность в функционировании любой группы. Политическая идентичность в узком смысле есть понимание и осознание себя как индивида, разделяющего с другими людьми определенные политические интересы и придерживающегося тех или иных общих политических взглядов и ориентаций. Понятия политической идентичности и коллективной политической идентичности при этом не тождественны. Говоря о совокупности индивидов, определяющих себя как, например, приверженцев либеральных идей, мы определенно можем говорить о наличии у них индивидуальных политических идентичностей, но если эти индивиды разрозненны и не контактируют друг с другом, о существовании коллективной политической идентичности говорить нельзя.

Согласно концепции коллективного действия Альберто Мелуччи [5], коллективная идентичность представляет собой «процесс конструирования системы действий». «Конструирование коллективной идентичности включает постоянное инвестирование и развертывается как процесс, идентичность кристаллизуется в формах организации, системах правил...» [5, 67]. «Коллективная идентичность как процесс обращена тем самым к сети *активных отношений* между акторами, которые взаимодействуют, вступают в коммуникацию, влияют друг на друга, договариваются и принимают решения. Формы организации и модели лидерства, коммуникативные каналы и технологии коммуникации являются конститутивными частями этой сети отношений» [5, 71].

Иными словами, коллективная идентичность, по Мелуччи, являет себя в действии, точнее, в процессе взаимодействия индивидов, объединенных единым набором целей, и предполагает процесс коммуникации между ними, а также наличие определенной формы организации их взаимодействия. Посему корректнее говорить не о соотношении понятий коллективной идентичности и группы – коллективная политическая идентичность сама по себе есть процесс функционирования группы.

Очевидно, что для эффективной работы группа не должна быть просто собранием индивидуалов, действующих несогласованно и в своих особых интересах. По Андерсону [1, 30], ус-

ловием существования группы является восприятие ее членами как «глубокого горизонтального товарищества». В противном случае формирование устойчивого конструкта идентичности вряд ли возможно: уже созданная группа должна будет распасться из-за внутренних противоречий, а новая группа не сможет сформироваться, поскольку индивиды не ощущают окружающих «своими».

На внутреннюю консолидацию в качестве важной составляющей формирования групп указывает также Мелуччи, который определял социальное движение как «мобилизацию коллективного актора, определяемую конкретной солидарностью».

Следовательно, для формирования и устойчивого существования идентичности необходима внутренняя консолидация группы, предполагающая не только общность интересов входящих в группу индивидов, но и наличие у членов группы достаточного уровня доверия друг к другу. По Ф. Фукуяме, «доверие – это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [4, 23]. Иными словами, доверие – это уверенность в том, что человек не обманет нас, выполняя определенные действия в пределах своей компетенции: доверяя ему, мы верим, что он *будет* выполнять эти действия, и будет выполнять их по возможности максимально хорошо, прилагая для этого все возможные усилия.

Здесь мы видим проблемное поле возникновения коллективной идентичности. Чтобы эффективно функционировать, группа должна восприниматься ее участниками как единое целое, каждый из них должен доверять друг другу и быть уверенным, что любой другой участник будет выполнять свой минимум обязанностей. В группе с высоким уровнем доверия возможен горизонтальный тип взаимодействия, при котором индивиды могут эффективно сотрудничать без необходимости организации деятельности при помощи правил, предписаний и системы иерархии.

Более глубоко идея влияния практик социальных отношений на политические ориентации была развита в исследовании Роберта Патнэма, опубликованном в книге «Making democracy work. Civic traditions in modern Italy» [6] и легшем в основу те-

ории социального капитала. Согласно Патнэму, крайне важной предпосылкой к возникновению демократических институтов является существование в обществе значительных запасов социального капитала. Социальный капитал, по Патнэму – это система социальных практик, основанных на взаимном доверии и сотрудничестве. Индикатором наличия в обществе социального капитала является значительное количество различного рода добровольных организаций и ассоциаций. Важным понятием, к которому обращается Патнэм в своем исследовании, является гражданское общество. Гражданское общество – это общество, в рамках которого индивиды готовы и способны к групповым взаимодействиям.

Согласно Патнэму, «индивидов в гражданском обществе отличают не только активность, дух общности и равенства. Их отличает готовность к взаимопомощи, уважение и доверие друг к другу, даже если их взгляды различны. Индивиды активны в том, что касается общественной жизни» [6, 88].

«Гражданское общество подразумевает равные права и обязанности для всех. Такое общество построено на основе горизонтальных отношений взаимности и кооперации, а не власти и зависимости». [...] «Гражданское общество, однако, не свободно от конфликтов, но его членов отличает толерантность к оппонентам. [...] Институт доверия позволяет обществу преодолеть то, что экономисты называют «оппортунизмом», при котором общие интересы нереализуемы, поскольку каждый действует в собственной робкой изоляции, сводя на нет преимущества коллективных действий» [6, 89].

Исследование гражданских традиций в различных регионах Италии подтвердило необходимость существования так называемых «grassroots civic traditions» для возникновения гражданского общества. Иными словами, гражданское общество нуждается не столько в стабильных институтах участия, сколько в фундаментальных нормах и практиках социальных взаимодействий, основанных на кооперации, взаимодействии и доверии индивидов друг к другу. В последнем и выявляется наличие и степень зрелости социального капитала.

Важной составляющей социального капитала является объем социальных сетей и качество связей в них. «Сети гражданского участия, такие как соседские ассоциации, хоровые общества,

кооперативы, спортивные клубы, партии массового участия [...] демонстрируют интенсивные горизонтальные взаимодействия. Сети гражданского участия также являются основной частью социального капитала. Большая плотность таких сетей в обществе показывает высокую способность граждан к успешному взаимодействию». [...] «Индивиды, участвующие во множестве социальных контекстов, способны развивать устойчивые нормы приемлемого поведения и передавать взаимные ожидания друг другу во множестве взаимодействий. Эти нормы и ожидания производятся сетью взаимоотношений [...]». Для социального капитала крайне важны социальные сети горизонтального типа, основанные на ощущении равенства, и их качество: «Вертикальные социальные сети, насколько значимы или не значимы они бы ни были для индивидов, не могут способствовать развитию социального доверия и кооперации». «Сильные» межличностные связи (такие как родство и близкая дружба) менее важны, чем «слабые» связи (знакомство и совместное членство во вторичных ассоциациях), когда речь идет о групповом взаимодействии и коллективных действиях» [6, 146].

Как социальный капитал влияет на институциональный успех? По итогам исследования социального капитала в регионах Италии с различным уровнем социально-экономического развития было установлено, что «политика в регионах, где граждане [...] не участвуют в добровольных ассоциациях, носит патерналистский, а не публичный характер». «Политика в менее развитых регионах отмечается вертикальным характером отношений господства и зависимости» [6, 86]. «Эффективно сотрудничающие институты требуют навыков межличностного взаимодействия и доверия [...] Нормы и сети гражданского взаимодействия способствуют экономическому процветанию, и в дальнейшем поддерживаются и усиливаются этим процветанием» [6, 180].

Таким образом, согласно концепции социального капитала Патнэма, возникновение общественных ассоциаций различного рода и эффективная работа институтов гражданского общества требуют принятия норм доверия и взаимной кооперации, сочетающихся с большим количеством плотных социальных сетей, основанных на слабых связях. Политическое участие как устойчивое явление невозможно там, где общество бедно социальным капиталом.

В свою очередь, Фрэнсис Фукуяма определял социальный капитал как «определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами». Людям, обладающим социальным капиталом, «не требуется подробная контрактно-правовая регламентация их отношений, потому что существующий между ними моральный консенсус является базисом их взаимного доверия» [4, 23].

Схожим с Патнэмом образом Фукуяма определяет условия успеха функционирования групп и институтов: «Если люди, работающие вместе в одной компании, доверяют друг другу в силу общности своих этических норм, издержки производства будут меньше. Общество, где это происходит, имеет больше возможностей внедрять новые формы организации, поскольку высокий уровень доверия позволяет возникать самым разнообразным типам социальных контактов». В свою очередь, «недоверие, распространенное в обществе, налагает на всю его экономическую деятельность что-то вроде дополнительной пошлины, которую обществам с высоким уровнем доверия платить не приходится» [4, 22].

Исследование

Сказанным определяется необходимость проведения замеров уровня социального капитала для определения его возможного влияния на склонность граждан к групповой консолидации. В 2009 году мной с опорой на репрезентативную выборку в 350 человек проводилось в Беларуси соответствующее учебное исследование методом социологического опроса. Респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы:

1. Вопрос об их членстве во вторичных добровольных ассоциациях. Респондентам было предложено выбрать тип ассоциации, в которой они состоят, из закрытого списка, который включал в себя: 1) Профсоюзы. 2) Религиозные или церковные организации. 3) Объединения по месту жительства. 4) Спортивные общества. 5) Общества защиты окружающей среды. 6) Общества любителей определенного вида искусства. 7) Общества защиты животных. 8) Женские организации. Если респонденту не подходил ни один пункт из списка организаций, в отдельной графе он самостоятельно мог вписать тип и/или название организации, в которой он состоит.

2. Вопрос, состоят ли респонденты в политической партии или организации, и – если они утвердительно ответили на вопрос о членстве в добровольной ассоциации или политической организации – является ли их членство чисто формальным или же они принимают активное участие в деятельности группы. Формальное членство в организации без активного участия в ее работе менее ценно для качества социального капитала, нежели активное участие.

3. Вопрос о степени их доверия окружающим людям в следующей формулировке: «По-вашему, можно ли доверять людям в окружающем обществе?», и предлагалось выбрать один из трех вариантов ответа «Большинству людей можно доверять», «Некоторым людям можно доверять», «Большинству людей нельзя доверять».

4. Кроме того, проверялась зависимость между уровнем доверия и ориентацией респондентов на демократические ценности. Для исследования демократических ориентаций респондентов использовался предложенный Робертом Далем набор политических институтов, необходимых для успешного функционирования демократии [2, 85]. Этот набор составляют: 1) Свобода слова и выражения мнений. 2) Свобода доступа к негосударственным источникам информации. 3) Возможность создания независимых гражданских ассоциаций. 4) Возможность создания независимых политических организаций, в том числе политических партий. 5) Регулярные, честные и справедливые выборы. При ответе на вопрос «По вашему мнению, что из нижеперечисленного должно присутствовать в современном государстве?», респондентам предлагалось выбрать из списка те институты, которые, по их мнению, должны существовать в современном демократическом государстве. Для оценки общего уровня демократичности респондента подсчитывался «индекс демократичности», обозначающий количество институтов, которые опрошенный отметил в анкете.

5. Также проверялась склонность белорусских граждан к так называемой «сильной руке» государства. Респондентам задавался вопрос, должно ли общество иметь рычаги влияния на принятие государством политических решений.

6. Проверялась гипотеза о том, что низкий уровень участия граждан в политических и гражданских организациях обуслов-

лен их удовлетворенностью социальным положением, в условиях которого политическое участие не имеет смысла. Респондентам задавался вопрос «По вашему мнению, государство в достаточной мере заботится об обеспечении таких людей, как вы?». Варианты ответа предлагались следующие: «Да», «Скорее да, чем нет», «Скорее нет, чем да», «Нет».

7. Также проверялась гипотеза о низком уровне участия, обусловленном политической пассивностью и апатией белорусов по отношению к политическим процессам. Для оценки показателя заинтересованности респондентам задавались два вопроса. Первый вопрос – «Часто ли вы смотрите или читаете новости о происходящем в политической жизни страны?» Второй вопрос – «Часто ли вы обсуждаете политические новости в стране с вашими родными, друзьями или сослуживцами»? В общей связке эти вопросы должны были выявить степень заинтересованности респондентов политическими новостями и их важность для опрашиваемых. На оба вопроса предлагалось пять вариантов ответа: «Часто», «Довольно часто», «Иногда», «Редко», «Не знаю/Затрудняюсь ответить».

8. Одной из рабочих гипотез исследования было предположение о существовании условий протекания генезиса идентичностей, а также о наличии механизма их воспроизводства посредством политической социализации со стороны государства как ее агента. По Патнэму, социальный капитал и коллективное участие – реифицируемые явления. Для создания групп и организаций необходим социальный капитал, но для обеспечения общества социальным капиталом в нужных объемах необходимо функционирование организаций и их взаимодействие, «общение» с гражданами. Посему отсутствие свободы создания организаций в Беларуси может быть именно тем механизмом, который ограничивает запасы социального капитала. Это создает порочный круг, когда неспособные к групповому взаимодействию индивиды не могут и научиться ему. Респондентам задавался следующий вопрос: «Имеете ли вы положительный опыт общения с представителями независимых общественных или политических организаций?», вариантов ответа на который было три: «Да», «Нет», «Не знаю/Затрудняюсь ответить».

По результатам исследования 54,7% опрошенных заявили, что они состоят в одной из добровольных организаций. Соот-

ветственно, 45,3% респондентов указали, что ни в одной из добровольных организаций они не состоят. При этом 94% опрошенных заявили, что они состоят в одном из профсоюзов, членство в которых в Беларуси зачастую принудительное. 86,7% опрошенных указали, что активного участия в деятельности организации, в которой они состоят, не принимают.

Крайне низким является уровень межличностного доверия белорусов. 32,5% респондентов указали, что большинству людей доверять нельзя. 48,7% опрошенных считают, что доверять можно только некоторым людям; большинству людей доверяют только 18,8% респондентов. Уровень доверия при этом кардинально не различается у респондентов с различным индексом демократичности и с разным отношением к свободам ассоциаций, а также у лиц разного пола и возраста.

Не подтвердилось предположение о значительной удовлетворенности белорусов тем объемом социальных благ, который им предоставляет государство. На вопрос, является ли для вас удовлетворительным объем социального обеспечения, утвердительно ответили только 7,7% опрошенных.

При этом о необходимости существования в государстве свободы создания политических партий и общественных организаций заявили 17,4% респондентов; только политических партий – 11,4%; общественных организаций – 12,5%. Более половины опрошенных – 58,7% не отметили свободу создания организаций как необходимый для современного государства институт. При этом значение толерантности к свободе создания организаций, как и индекс демократичности, не изменяются в зависимости от возраста, пола или оценки респондентом «качества» заботы государства о нем.

81% опрошенных утвердительно ответили на вопрос, должны ли граждане иметь рычаги влияния на принятие государством политических решений

Говоря о частоте просмотра новостей и обсуждении их с родными, друзьями и близкими, 71% респондентов ответили, что интересуются политическими новостями часто или довольно часто, притом, что 57% респондентов часто или довольно часто обсуждают политические новости с родными и близкими.

Выводы

Ситуация с политическим участием в Беларуси несколько парадоксальна. С одной стороны, очевидны крайне низкий процент участия в политических партиях и организациях, а также очень невысокий уровень социального капитала белорусов и отсутствие толерантности по отношению к независимым организациям. С другой стороны, мы видим высокую заинтересованность граждан политическими событиями в стране, твердую уверенность в том, что у населения должны быть рычаги влияния на органы власти и неудовлетворенность количеством обеспечиваемых государством благ.

Весьма вероятно, что дефицит социального капитала присущ белорусскому обществу еще с советских времен. Фактическое отсутствие добровольных независимых организаций не оставляло пространства для развития социального капитала в обществе, что в итоге приводило к социальной атомизации, замкнутости и высокому недоверию индивидов друг к другу. Но недоверие не означает отсутствие доверия ко всем и каждому – даже в небогатом социальным капиталом обществе достаточно высокий уровень доверия сохраняется к ближнему окружению – родным и друзьям.

Как уже упоминалось выше, концепция социального капитала Роберта Патнэма предполагает реифицируемость таких явлений, как социальный капитал и участие. Для участия необходим социальный капитал, но накопление и поддержание запасов социального капитала невозможно без минимального группового участия или контакта с членами добровольных организаций. При отсутствии таких контактов падает уровень доверия, и ячейки социальных сетей становятся реже – индивиды замыкаются в пределах взаимодействий исключительно с ближайшим окружением.

Социальные отношения такого типа были обнаружены Ричардом Роузом в России. По результатам исследования Роуза стало понятно, что значительное количество россиян опасаются вступать в широкие общественные взаимодействия, предпочитая общение в микросетях близкого окружения. В трудных жизненных ситуациях россияне предпочитают микросети взаимной поддержки и оказания услуг вместо взаимодействия с общественными организациями и властью [7, 32–41].

Весьма схожая ситуация наблюдается и в Беларуси. Одним из результатов исследования социальных контрактов в Беларуси стал вывод о том, что в трудных ситуациях белорусы склонны самостоятельно приспосабливаться к сложившейся обстановке или прибегать к помощи родных и друзей, игнорируя общественные организации как потенциального медиатора отношений между индивидом и властью [3, 117].

Такого рода отношения стали результатом становления модели общества, «форму» которой Роуз метафорически сравнил с песочными часами [8, 84–111]. В демократических обществах общественные организации играют медиативную роль между обществом и государством, выполняя функции агрегации и артикуляции интересов. В Советском Союзе эта важная роль общественных организаций была упразднена. Организации были поставлены под контроль государства, играя роль «приводных ремней» и оставаясь неспособными реагировать на общественные запросы. Это привело к тому, что функции общественных организаций взяли на себя сами граждане, организовав сети взаимной поддержки и вспомоществования. Возвращаясь к метафоре песочных часов, мы обозначаем их широкие части как «элиты» и «общество». Узкой частью песочных часов являются общественные организации, неспособные к осуществлению обратной связи между обществом и элитами. Отсутствие обратной связи вынуждает граждан самих искать решение проблем, заручаясь поддержкой людей из ближайшего окружения. Таким образом, в советское время был фактически упразднен формальный институт общественных организаций, который был заменен на неформальный институт сетей вспомоществования.

Сети вспомоществования, заменившие собой общественные организации, должны были создать у граждан стойкое недоверие к их эффективности. Это недоверие можно преодолеть только накоплением социального капитала через контакты с организациями, иначе говоря, заново научив граждан коллективному взаимодействию, заменив микросети вспомоществования на широкие плотные сети социальных взаимодействий.

К сожалению, этого не происходит в Беларуси. Политическая конъюнктура последних двух десятилетий так и не позволила общественным организациям и политическим партиям установить контакты с обществом. Белорусы оказались в «ловушке»

дефицита социального капитала: с одной стороны, его достаточных запасов нет уже давно, с другой – социальному капиталу просто неоткуда взяться до тех пор, пока логика функционирования общества подчинена модели песочных часов.

Вывод по результатам исследования следующий: коллективное участие в Беларуси атрофировано как институт. Данные опросов показывают неудовлетворенность граждан своим социально-экономическим положением. Общество далеко не аполитично – граждане проявляют значительный интерес к политике. Здесь очевидно наличие у них социального интереса и осознание актора, ответственного за его удовлетворение. При этом сохраняется недоверие к общественным и политическим партиям и непринятие коллективного действия как инструмента артикуляции интересов. Мы также видим значительный дефицит социального капитала в белорусском обществе и малое число контактов граждан с организованными группами.

Дефицит социального капитала, таким образом, обусловливает низкую способность белорусских граждан к коллективному взаимодействию и консолидации. Граждане просто не умеют организовываться в группы и не «осведомлены» о преимуществах коллективных взаимодействий. Функции групп вытеснены в сферу приватного, где они выполняются с большей эффективностью.

При этом даже минимальные попытки институтов гражданского общества – общественных организаций, партий – установить контакт с обществом – пресекаются государством. Это выражается в сильном ограничении свободы создания независимых организаций и партий, а также в однобокой подаче политической информации, сводящей роль групп к советским «приводным ремням». Блокируется одно из необходимых условий для накопления социального капитала – контакт групп с обществом. В итоге граждане просто не воспринимают групповое действие как эффективный инструмент решения проблем.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-пресс-ц., 2001.
2. Даль Р. О демократии. М.: Аспект-Пресс, 2000.
3. Социальные контракты в современной Беларуси. Под ред. К. Гайдука, Е. Раковой, В. Силицкого. СПб.: Невский простор, 2009.

4. Фукуяма Ф. Доверие. М.: АСТ. 2004.
5. Melucci A. Challenging codes: collective action in the information age. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996. 441 p.
6. Robert D. Putnam. Making Democracy Work. Civic traditions in modern Italy. Princeton University Press, 1993.
7. Rose R. What does social capital add to individual welfare? An empirical analysis of Russia. Social capital initiative working paper No.15. 1999.
8. Rose Richard, William Mishler, and Christian Haerpfer. Social Capital in Civic and Stressful Societies. Studies in Comparative International Development, 32 (3), 1997.

Егор Сурский
(ЕГУ, Вильнюс)

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ КАК СПОСОБ НАРРАТИВИЗАЦИИ ИСТОРИИ

The author makes an attempt to conceptualize historical jokes as a method for narrativization and interpretation of history. Joke generally used as a literature case is represented as a portative case of historiography. Possibilities of the use of jokes in historical studies are evaluated on the example of the role of political jokes in an authoritarian or totalitarian system like the USSR model of society. The conditions of life for individuals in Soviet society are defined as a social hyperreality phenomenon. This definition helps to understand a certain kind of social or political reality represented through jokes. In this case the joke's reality is well-balanced with social reality and, therefore, represents an eligible method for interpretation and narrativization of Soviet history.

Особенности формирования историографии на основе исторического анекдота

Анекдот традиционно рассматривается как категория литературы. Применение этого материала в отношении истории обусловлено наличием исторического факта, заключенного в сюжете того или иного анекдота. Именно в силу этого историко-информационный потенциал анекдота может быть использован с целью интерпретации и изучения истории.

Как историографический материал исторический анекдот имеет ряд особенностей. Исторический анекдот – анонимное произведение, его авторство в большинстве случаев не иден-

тифицируется. Когда никто не претендует на авторство, заслугу создания произведения приписывают коллективному сознанию. Но насколько обоснованно народное происхождение анекдотов? Фольклорный характер анекдотов указывает, скорее, на коллективное пользование, интерпретацию в зависимости от формы исполнения анекдота. Индивид воссоздает анекдот, рассказывая его. Именно творческий акт рассказчика формирует публичный резонанс.

В антологии и сборники подобный материал, как правило, попадает после редакторской или литературной обработки составителя, пересказа и преобразования в текстовой вид. В книге «Анталогія беларускага народнага анекдота і жарта» имеется раздел анекдотов времен Великой Отечественной войны [8, 195]. Но насколько фольклорным может являться этот материал, если анекдоты такой направленности широко использовались в пропаганде и наглядной агитации того времени? Нередко определенные конструкции идеологического характера выдавались за народное творчество. «В пословицах и поговорках, созданных после Великой Октябрьской социалистической революции, как в капле воды, отразилась любовь народа к Родине, к коммунистической партии» [9, 198]. Далее приводятся примеры таких пословиц. Приведу лишь некоторые:

Не страшен мороз, когда за спиной колхоз.

Партийное слово делами цветет.

Мира не ждут – его завоевывают.

И работа всласть, когда родная власть.

От ленинской науки крепнут разум и руки [9, 223–224].

Легко распознать ангажированный характер приведенных выше фразеологизмов, но происхождение их не поддается полной верификации. Вероятнее всего, авторство принадлежит идеологам коммунистической пропаганды или непосредственно автору книги.

Российский культуролог и литературовед Юрий Борев предложил термин «интеллигентский фольклор» применительно к устной сатире в условиях тоталитарной системы, когда авторы анекдотов, которыми являлись профессионалы – писатели, литераторы, не фиксировали по понятным причинам этот материал в дневниках, рукописях [4, 19]. Создатель текста, таким образом, дополнительно бы компрометировал себя. В таком ключе анек-

дот как историографический материал приобретает новую перспективу, авторство становится индивидуальным, принадлежащим видным представителям своего времени, интеллигенции, интеллектуалам. Эта особенность наиболее свойственна историческому политическому анекдоту, имеющему явную привязку к событиям и запечатлевающему отношение к общественному строю. Исторический анекдот нередко иллюстрирует гражданскую позицию рассказчика или автора. Владимир Бахтин отмечает, например, такие особенности политического анекдота советского времени, как «эстетическое чутье, чувство слова, юмора, то есть интеллигентность» [1, 800], определяя его [анекдот] как явление городской культуры.

Анекдоты не датируются. Им свойственно, в частности, циклическое возвращение, когда одна и та же сатирическая конструкция используется в разное время исходя из схожести сюжета или исторических параллелей. Сатирическая рефлексия в отношении отдельного исторического события могла появляться и как непосредственная реакция на факт, так и некоторое время спустя, однако актуальность события не должна утрачиваться в момент рассказа анекдота.

Поиск историографического материала подобного плана весьма сложен ввиду отсутствия постоянных и верных источников его пополнения. Лев Аннинский, в частности, приводя различные вариации проявления инакомыслия в советской России, говорит, что «в этот тип *жизнепознания* (курсив мой. – *Е.С.*) надо включать и бесхитростное письмо зека, переданное на волю, и памятную записку академика, поданную на имя генсека, и дневник упрятанной в психушку диссидентки, и последние слова обвиняемых, и даже дословную запись судоговорения, где диалоги полуграмотного обвинителя и несколько растерянного обвиняемого приобретают пронзительную драматургическую силу» [1, 6].

Случай политического судебного процесса над словацким писателем Яном Калиной приводит в своей книге Бен Левис. *«На судебном процессе 23 октября 1972 на вопрос прокурора: "Что обвиняемый показывал писателю П.Б. в своей квартире 16 июля 1970?" Калина ответил известным анекдотом:*

"Следователь опрашивает обвиняемого:

– Что Вы делали пять лет назад 23 октября в 17.15?

Обвиняемый моментально дает ответ:

– Точно помню. Одним глазом я смотрел на часы, а вторым – на календарь.

Прокурор так же настаивал на том, что подслушивающее устройство, обнаруженное Калиной под паркетом, было установлено агентами западных спецслужб. – Этого анекдота ещё не слышал!" – прокомментировал Калина» [11, 21].

(Пер. с польского)

Данный пример из истории повседневности социалистических стран иллюстрирует значение и сферу распространения политического анекдота, затрагивавшего самые различные социальные практики, вплоть до судебного процесса.

Иногда исторические анекдоты могут быть обнаружены в источниках, которые не имеют прямого отношения к данной теме. Материалы этого плана были обнаружены автором, например, в самоучителях русского языка для немцев и итальянцев 1875 [7] и 1923 [12] года издания. Анекдоты были приведены здесь в качестве упражнений для перевода в процессе прохождения курса изучения иностранного языка.

Анекдоты как объект исследования

«Кризис политической истории позитивистского толка» обусловил у историков «интерес к жизни масс и анонимным процессам» [5, 11]. Использование анекдотов в качестве исследовательского материала присуще некоторым авторам. Юрий Борев утверждает: «Непременное условие неискаженного знания истории – обращение к устной памяти народа: лишь сопоставление письменных документов и устных преданий дает объемное и точное видение» [4, 19]. Исследователь опирается на материалы фольклорного характера для оценки и анализа советской эпохи. Анекдоты в СССР, по его мнению, формируют особый пласт культуры [4, 20–21]. Наряду с официальной идеологией, иллюстрирующей господствующий миф, для объективного исследования необходимо учитывать примеры антимифа фольклорного характера [4, 20]. Ценность этого материала первична для изучения общественной формации тоталитарного и авторитарного плана, когда имеет место сильный прессинг по отношению к индивиду с целью навязывания выгодного поли-

тическому истеблишменту образа действительности. Искажение правды под воздействием пропаганды усложняет работу историков, когда официальные документы не отражают реалии и условия жизни достоверно.

Ключом к пониманию советской истории считает коммунистический анекдот публицист и телеведущий Бен Левис. Исследователь, ссылаясь на анекдоты, анализирует разные аспекты жизни в коммунистических странах. Анекдот служит вспомогательным материалом для раскрытия социального и политического контекста общественных явлений. Автор провел ряд встреч с людьми, которые жили в то время, имели прямое или опосредованное отношение к устному жанру, ведь без знания реалий проблематично и раскрытие смысла анекдота. Публицист приводит пример одного румынского исследователя анекдотов Стефанеску, который на протяжения десятилетия (1979–1989) фиксировал и классифицировал все услышанные им анекдоты на политическую тему [11, 231]. В итоге исследователь мог полагаться на статистику частоты появления анекдотов, скорости их распространения, взаимосвязи с событиями и политической ситуацией. Пик распространения анекдотов приходится на время заката коммунистической системы в Румынии в конце 80-х [11, 234].

Анекдоты представляют собой востребованный материал в изучении повседневности. Приведенный выше пример интересен с точки зрения опыта и теории микроистории. Анекдоту свойственен эпизодический характер исторического опыта, присущий таким явлениям постмодернистской историографии, исходя из Анкерсмита, как микроистория, история ментальностей и Alltagsgeschichte (история повседневности) [2, 44]. Политические анекдоты коммунистического мира, охватывавшие разнообразные темы, могли быть легко утрачены для истории, если бы не запечатлевались в различных источниках. Практика политического анекдота в странах отсутствия свободы слова иллюстрировала пример инакомыслия, доступный для распространения.

Взаимосвязь анекдота с исторической действительностью

Исторический анекдот, отсылающий к событиям в истории, определенному социально-политическому контексту, заключает в себе метафору. Ури отмечает, что «новые смыслы и реальности зависят от разнообразных видов метафорического мышления» [10, 2]. Метафора становится ключом к формированию нарратива [2, 18]. Анекдот открывает перспективу, характерную свойству метафоры бельведера у Анкерсмита, когда «поднявшись на лестницу индивидуальных утверждений, мы видим территорию, намного превосходящую ту, на которой лестница была построена» [2, 19]. Метафора в данном случае обеспечивает нарративизацию. Анекдот запечатлевает отношение людей ко времени, в котором они живут. Эту характеристику сложнее почерпнуть из официальных документов, фактов, статистики. Советские политические анекдоты, например, иносказательно подводят к реалиям советской жизни, иллюстрируют отношение людей к социально-политической системе, «сопротивление окружающей реальности» [1, 6].

Бен Левис в своей книге задается вопросом воздействия политического анекдота на положение дел в обществе. Влияло ли проявление инакомыслия, реализуемое посредством анекдота, который представлялся единственной доступной, хотя и не всегда безопасной, формой донесения альтернативной точки зрения, на приближение конца системы и распада коммунистического блока? С одной стороны, очевидна пассивность и бесперспективность такой формы протеста, способной законсервировать общественную систему, когда индивид готов довольствоваться публичным пространством, ограниченным площадью кухни и узким кругом близких людей [11, 209]. Это добровольное бегство в интеллектуальное гетто могло потворствовать критической самоизоляции интеллектуалов, а массы готовы были разделять навязываемый социальный экстаз, обусловленный коммунистической идейностью. С другой стороны статистические исследования Стефанеску, например, формулируют закономерность нарастания анекдотов и общей протестности в Румынии в 80-е годы [11, 236]. Одновременно и их содержание становилось острее [11, 236].

«В 1989 году проходил XIV съезд коммунистической партии Румынии. Один молодой делегат заснул. Вдруг неожиданно появившаяся крыса в зале производит переполох среди делегатов. Мужчина, проснувшийся от криков в зале: "Убить паршивую крысу!", добавляет и от себя: "Ее тоже прикончите при случае!" – подразумевая Елену Чаушеску» [11, 236].

(Пер. с польского)

Анекдот, таким образом, является достоверным индикатором общественного настроения, отражает политический климат в обществе. Действительность исторического анекдота приближает к объективности, так как уравновешивает предвзятость и тенденциозность пропаганды. То, что пока еще не было реализовано [скажем, казнь Чаушеску и его жены], формировало действительность воображения. Воображаемая действительность анекдота программировала ход событий. «И все-таки в XX веке этот гигантский организм неофициального словоизвержения – самиздат – превосходит все прежние масштабы, он делается соизмерим с гигантской же машиной словоизвержения официального, он обретает лавры ее могильщика, он подтапливает сверхдержаву и играет победоносный марш на ее похоронах...» [1, 6].

Исторический анекдот в перспективе нарративизации истории

Для понятия нарратива свойственно сознательное обладание определенной картиной действительности, её исторической репрезентацией [2, 29]. Некоторые аспекты действительности анекдота рассматривались выше. Что же является причиной появления исторического анекдота? На примере исторического коммунистического анекдота, когда система оказалась необычайно продуктивной для альтернативного юмора, формируется определенный нарратив, улавливающий диссонанс желанного или навязываемого (пропаганда и агитация) с реальными процессами в обществе. Анекдот выполняет функцию метафоры в понимании нарратива.

Теория литературы указывает на следующие свойства, присущие сатире анекдота, – наличие гиперболы, гротескных образов [5, 342]. Если попытаться охарактеризовать социальную действительность советского общества с позиций теории литературы,

повседневности также были характерны гротескные образы. Проявлялось это в травле «врагов», развертывании многих политических или идеологических кампаний (борьба с космополитизмом, например), создании разветвленной сети концентрационных лагерей, в которые помещались граждански активные, образованные люди.

Лев Аннинский, комментируя события, связанные с разгоном так называемой «Бульдозерной выставки» художников-авангардистов, состоявшейся в 1974 году в Москве, отмечает следующее: «Однако и здесь: "Стрелять вас надо! Только патронов жалко". Приговор вынесен лейтенантом милиции. Кому? Художнику. За что? За картину! Это можно психологически связать: картину – и патроны? Это в психушке происходит, в фильме ужасов, в театре абсурда или реальности?» [1, 7].

Одна из редакционных статей, опубликованных по поводу этой выставки, носила название «Не извращать советскую действительность» [3, 103]. Очевидно, что художественная акция вызвала такую жесткую реакцию властей, так как важен был именно определенный образ действительности, а неформальное искусство, как и альтернативный юмор, этому образу явно диссонировали.

«Вопреки законам эстетики. По случаю всенародного траура в начале марта 1953 г. все зрелищные мероприятия были отменены. Только МХАТ играл "Залп «Авроры»" для приехавших со всего света делегаций. На сцену, изображавшую площадь Финляндского вокзала, вышли Ленин и Сталин. Весь зал встал и зарыдал. Актеры обливались слезами, отвернувшись к заднику сцены. Квачадзе, игравший Сталина, должен был ответить на реплику партнера, игравшего Ленина. Партнер плакал. Подождав несколько минут, Квачадзе сам сказал слова Ленина, а потом ответил уже как Сталин. Спектакль закончили с трудом» [4, 337–338].

Этот пример анекдота наглядно иллюстрирует тот случай, когда непонятно, в каком месте следует провести демаркационную линию между вымыслом и исторической действительностью. Схожее действие осуществляет метафора в понимании нарративной интерпретации, когда «пересекается обычная граница между областью вещей и областью языка» [2, 17]. Аналогично тому, как «историография создает нарративные интерпре-

тации социоисторической действительности» [2, 15], ту же функцию выполняет и анекдот. Анекдот является частным случаем историографии. Применение же нарративных интерпретаций анекдотической природы присуще в первую очередь сфере устного фольклора, подобно тому как их [нарративные интерпретации] «применяет литература» [2, 15], частным случаем которой опять же выступает анекдот.

Литература:

1. Анатолий Стреляный, Генрих Сапгир, Владимир Бахтин и Никита Ордынский (составители). Самиздат века. Минск–Москва: Полифакт, 1997.
2. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. <http://moodle.ehu.lt/mod/resource/view.php?id=7351>
3. НЕТ! – и конформисты Образы советского искусства 50-х до 80-х годов. Warszawa: Funfacja Polskiej Sztuki Nowoczesnej & Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe, 1994.
4. Борев Ю. Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд. М.: АСТ: Олимп, 2008.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. С.-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. <http://moodle.ehu.lt/mod/resource/view.php?id=25418>
6. Тимофеев Л.И. и Тураев С.В. (редакторы–составители). Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974.
7. Фуксъ Павелъ (составитель). Нъмецкая Грамматика для русскихъ. Франкфуртъ на Майнъ: Карлъ Югель, 1875.
8. Фядосік А.С. (укладальнік). Анталогія беларускага народнага анекдота і жарта. Мінск: Ураджай, 2001.
9. Язовицкий Е.В. Говорите правильно: эстетика речи. Л.: Просвещение, 1969.
10. John Urry Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century. London and New York: Routledge, 2000.
11. Lewis Ben. Historia komunizmu w dowcipach. Wrocław: Wydawnictwo Dolnpsląnskie, 2009.
12. Motti Pietro. Grammatica della lingua russa con temi, letture e dialoghi. Heidelberg: Giulio Groos, 1923.

МЕЖДУНАРОДНОЕ, ЕВРОПЕЙСКОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОПОРЯДКА ГОСУДАРСТВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Юлия Евменова
(БГЭУ, Минск)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

The paper deals with the public announcement of the court's decision as one aspect of the principle of openness in civil proceedings. Publicity, as one of the conditions of a fair trial, should reasonably be limited in order to protect human rights. The author analyzes the legislation of the Republic of Belarus, international instruments, and jurisprudence of the International Court of Human Rights in this area and concludes that civil procedure law of the Republic of Belarus is in line with international standards.

Одним из важнейших критериев современного демократического правового государства является соблюдение общепризнанных прав человека, в том числе в рамках судебного разбирательства. Международный пакт о гражданских и политических правах, а также Конвенция о защите прав человека и основных свобод закрепили важнейшие принципы судопроизводства, одним из которых является гласность судебного процесса. Как отмечает М. де Сальвиа, «Гласность судебного разбирательства... является одной из существенных гарантий справедливости процесса. Она защищает... от негласного правосудия..., и составляет одно из средств сохранения доверия суду. Однако право на гласность судебного процесса может также отступить перед требованиями, предназначенными защитить общественный порядок

и интересы сторон по делу, чтобы защитить право на частную жизнь» [2, 432].

Одним из аспектов гласности судебного разбирательства является публичность объявления судебного решения. Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусматривает, что *судебное решение объявляется публично*, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия [3].

В настоящее время принцип гласности при рассмотрении дел судом закреплен в ст.114 Конституции Республики Беларусь, согласно которой разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дел в закрытом судебном заседании допускается лишь в случаях, определенных законом, с соблюдением всех правил судопроизводства [4]. Далее данный принцип получил свое развитие в ст.17 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), устанавливающей также случаи проведения закрытого судебного заседания [1].

Требование объявления судебного решения по делу публично, закрепленное в ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также в ст.14 Международного пакта о гражданских и политических правах, получило свое развитие в ст. 311 ГПК, в соответствии с которой при отсутствии в решении мотивировочной части суд *оглашает его резолютивную часть* и *излагает устное обоснование* решения [6; 3; 1]. Составление мотивировочной части судебного решения в случаях, предусмотренных законом, либо дача устного обоснования решения как нельзя полно отражают требование к публичности оглашения судебного решения. Однако законодатель допускает оглашение лишь резолютивной части решения по делу в случае проведения закрытого судебного заседания (ст.17, 311 ГПК). Вопрос об оглашении только резолютивной части судебного постановления в контексте принципа гласности и публичности рассмотрим подробнее.

В соответствии со п.1 ст.17 ГПК слушание дела в закрытом судебном заседании допускается для охраны сведений, содержащих государственную, коммерческую тайну либо тайну усыновления, либо других сведений, разглашение которых запрещено законом. Сведения, относящиеся ко всем видам тайн (в том числе врачебной, адвокатской, тайна исповеди и др.), определяются законом и направлены на обеспечение государственного либо общественного правопорядка, защиту прав и законных интересов граждан.

В соответствии с п.2 ст.17 ГПК слушание дела в закрытом судебном заседании направлено на защиту тайны личной жизни, защиту чести и достоинства, деловой репутации участников процесса. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени является одним из важнейших прав человека. Уважение и соблюдение данного права определяет возможность полноценного развития личности, охраняет от любого вмешательства в интимные стороны жизни.

Проведение закрытого судебного заседания возможно также по просьбе сторон или одной из них при отсутствии возражений юридически заинтересованных в исходе дела лиц (п.3 ст.17 ГПК). Данное положение национального законодательства находит свое подтверждение в практике Международного Суда по правам человека. Так, в частности, Суд в постановлении по делу «*Schuler–Zgraggen*» допускает возможность отступления от принципа публичности и подчеркивает, что «ни буква, ни дух этой нормы не препятствуют лицу от нее отказаться по своей инициативе, прямо или молчаливо, но подобный отказ должен быть недвусмысленным и не должен сталкиваться с никаким важным государственным интересом» [2, 434].

Таким образом, публичное оглашение только резолютивной части решения по делу в случаях проведения закрытого судебного разбирательства соответствует задачам гражданского процессуального права – защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Разумные отступления от принципа гласности направлены на уважение фундаментальных прав человека, обеспечение государственного и общественного правопорядка. Однако, как справедливо подчеркивает Л.Г. Лукайдес, судья Европейского суда по правам человека, в своей статье

«Справедливое судебное разбирательство. Комментарий к п.1 ст.6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод», в сложных делах правосудие требует проведения публичных слушаний независимо от мнения заявителя [5, 20].

Вместе с тем необходимо отметить, что возможность доступа к судебным постановлениям играет немаловажную роль в научно-исследовательской и правоприменительной деятельности юристов. Однако в настоящее время отсутствует какая-либо поисковая система судебных решений, например электронная база, которая облегчала бы изучение и анализ судебной практики судов. Данный вопрос весьма успешно разрешен в некоторых странах. Так, например, в США практически все решения, кроме секретных, могут быть представлены всем желающим для просмотра и копирования в здании суда при свободном доступе. Решение сразу после провозглашения помещается в Интернете. Примерно 90 % юристов получают по подписке сборники судебных решений. Средства массовой информации наиболее актуальные дела освещают в своих информационных выпусках в день вынесения решения судами [7, 4].

На основании анализа норм, содержащихся в международном и национальном праве, можно сделать вывод о том, что положения важнейших международных документов в области прав и свобод человека находят свою реализацию в нормах гражданского процессуального законодательства Республики Беларусь, принцип гласности и публичность оглашения судебного решения развиваются в русле соблюдения основных прав и свобод человека. Представляется целесообразным разработка механизма доступа заинтересованных лиц к судебным решениям, вступившим в законную силу, в целях изучения и анализа правоприменительной деятельности судов.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь, 11 января 1999 г. № 238-З: в ред. Закона Республики Беларусь от 15 июня 2009 г. № 26-З // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2002.
2. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Евро-

пейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. / М. Де Сальвиа. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.).
4. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (С измен. и дополн., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. Минск, 2002.
5. Лукайдес Л.Г. Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) / Л.Г. Лукайдес // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 8–20.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах: Резолюция 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН (Принят 16 декабря 1966 г.)
7. Трунов И.Л., Трунова Л.К. О гласности в российском правосудии / И.Л. Трунов, Л.К. Трунова // Арбитражный и гражданский процесс. 2002. № 6. С. 2–4.

Александра Симанович
(ЕГУ, Вильнюс)

ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА ОМБУДСМЕНА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

The main purpose of the paper is to determine the preconditions of introducing the institute of Ombudsman in Belarus: changing the political situation in the country; creating conditions under which the rule of law will not be declarative, and will be implemented; improvement of legal culture of the Belarusian population.

Сегодня проблему соблюдения прав и свобод человека в Беларуси можно назвать одной из наиболее актуальных и в то же время наиболее сложных в практическом и политическом плане. В настоящее время в Республике Беларусь существует достаточно много средств защиты прав граждан. Среди них выделяют конституционный способ, административную жалобу, судебный контроль, прокурорский надзор. Однако при более детальном рассмотрении вышеупомянутых средств защиты прав человека в каждом из них можно найти дефекты, которые образуют пробел и, тем самым, лишают граждан возможности реализации их конституционных прав.

Конституционный способ. Остается актуальным вопрос о субъектах инициирования. В Конституции Республики Беларусь закреплено, что Конституционный Суд дает заключения о конституционности того или иного нормативно-правового акта по предложениям Президента, Палаты Представителей, Совета Республики, Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда и Со-

вета Министров [4, ст.116]. Цифры свидетельствуют о проблеме: «около девятисот ежегодных обращений граждан в Конституционный Суд при том, что граждане не обладают таким правом» [6, 9].

Граждане наряду с общественными объединениями, другими организациями и государственными органами, не указанными в ст. 116 Конституции, могут обращаться с инициативой о проверке конституционности акта к органам и лицам, обладающим правом внесения предложений в Конституционный Суд [3, ст.22]. То есть у индивидов остается так называемый косвенный доступ к конституционному правосудию. Очевидно, что опосредованное обращение зачастую тормозится на уровне местных судов. Таким образом, конституционный способ защиты прав человека, представляющий собой лишь косвенный контакт с Судом, сложно назвать эффективным и оптимальным.

Судья Конституционного Суда Республики Беларусь В.В. Подгруша предложила решить возникший вопрос путем введения института конституционной жалобы. «Это как раз тот шаг, который бы позволил в полной мере реализовать гражданам свои права и свободы, гарантированные Конституцией, в том числе это позволило бы логически завершить внутригосударственные процедуры с тем, чтобы иметь возможность обратиться с целью защиты своих прав и свобод в международные организации» [6, 6].

Прокурорский надзор. Прокуратура играет двоякую роль. С одной стороны прокурор отслеживает и контролирует факты нарушения прав. В Законе «О прокуратуре Республики Беларусь» говорится, что «прокурор принимает меры по восстановлению нарушенных прав и законных интересов граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций, привлечению нарушителей к установленной законодательными актами ответственности» [2, п.3 ст.14]. Но, с другой стороны, он должен являться неподкупным стражем интересов государства. Если сравнивать функции прокурора и омбудсмена, можно подчеркнуть главное различие: омбудсмен наделен правозащитной функцией, в то время как прокурор – правоохранительной. Исходя из этого, и главные задачи у них разнятся. Если у прокурора этой задачей является защита государственных интересов, то у омбудсмена – защита права и свободы личности [7, 5]. Но судеб-

ная практика свидетельствует об обратном: зачастую прокурор занимает позицию омбудсмена, что лишает прокурорский надзор эффективности.

Административная жалоба – жалоба на принятое административное решение, подаваемая в административном (внесудебном) порядке [1, ст.1]. Недостатком административного порядка рассмотрения жалоб является то, что они разрешаются заинтересованными органами исполнительной власти, при этом негласно, в отсутствие жалобщика, к тому же часто работниками, не имеющими правовой подготовки. Поэтому жалобы нередко остаются без удовлетворения (по неофициальным данным это около 35%). Такой порядок не может признаваться эффективным, тем более, когда речь может идти о привлечении к ответственности виновных должностных лиц.

Судебный контроль. Особенность судебного контроля заключается в том, что процедура судебного контроля возбуждается лицом, пострадавшим от незаконных, по его мнению, действий местных властей. Судебная форма контроля действий местных властей является самой объективной, но в то же время самой медленной и дорогостоящей. Поэтому судебный контроль нецелесообразно использовать в качестве основного средства контроля.

В Конституции Республики Беларусь декларируется право граждан обращаться в международные организации с целью защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты [4, ст.61].

Несмотря на признание Республикой Беларусь многих международно-правовых принципов и стандартов, национальная система права им не соответствует в достаточной мере. Проблема имплементации международных стандартов прав человека – головная боль правозащитников. С неразрешенным вопросом об институте международной ответственности связано игнорирование Республикой Беларусь решений Комитета по правам человека, компетенцию которого наше государство признало, подписав Дополнительный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 года. Чтобы подать жалобу в Комитет, необходимо исчерпать все возможные и эффективные внутригосударственные средства правовой защиты. Такое условие затягивает сроки разбирательства. Бело-

русы, пытающиеся защитить свои права, не имеют доступа к европейским механизмам, так как Беларусь все еще не вступила в Совет Европы. Таким образом, путь к справедливости через международные организации оказывается чрезвычайно сложным. Так или иначе, но международные институты защиты прав человека должны оставаться не более чем дополнением к внутригосударственным защитным механизмам. К тому же неблагоприятным последствием выхода защиты на международный уровень является ущерб престижу государства на международной арене.

Все вышеперечисленные средства не акцентированы исключительно на защите прав человека и гражданина. Поэтому встает вопрос не только совершенствования уже существующих методов, но и создания новых инструментов, охраняющих и защищающих права и свободы личности. К тому же деятельность Уполномоченного по правам человека будет способствовать укреплению чувства уважения к закону, установлению взаимной ответственности государства и личности.

С другой стороны, введение института омбудсмена носит для Беларуси глобальный характер. Восстановление репутации государства на международной арене – вопрос, с каждым годом приобретающий новый уровень актуальности. Анализ докладов и статистики, представляющий Республику Беларусь на международной арене, показал, что отсутствие института Уполномоченного по правам человека значительно ухудшает положение нашей страны. Например, правозащитники подготовили обзор по ситуации с правами человека в Республике Беларусь. В частности, этим занимался Белорусский Хельсинский комитет, правозащитный центр «Весна». В качестве негативной тенденции в докладе отмечается, что в Беларуси не создано специальных государственных институтов по защите прав человека, отсутствует институт омбудсмена [5]. Еще один яркий пример – доклад американской организации Global Integrity о качестве государственного управления и механизмов противодействия коррупции. Отсутствие института национального омбудсмена значительно понижает общий показатель нашей страны [9].

Многие специалисты указывают на то, что это будет способствовать построению правового государства и диалогу о правах человека между Республикой Беларусь и Европейским Союзом.

А. Милинкевич на Ассамблее Европейской Народной Партии, прошедшей 10 мая 2010 года в Вильнюсе, упоминал, что, несмотря на то, что Беларусь заработала авторитет «последней диктатуры», диалог с Европой налаживается и есть свои положительные результаты такого сотрудничества. В случае полной изоляции страны от Запада ситуация была бы проблематичнее.

Поэтому следует отметить, что создание института уполномоченного по правам человека будет способствовать интеграции Беларуси в мировое сообщество по вопросам прав человека. Более того, по мнению И. Кривонос, введение института омбудсмена поспособствует налаживанию международного сотрудничества, повысит авторитет Республики Беларусь перед мировым сообществом, вызовет интерес иностранцев к политической, экономической, социальной и культурной жизни белорусского народа [8, 3].

Проанализировав законопроект «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Беларусь», проведя социологическое исследование, можно сделать следующие выводы. Предпосылки к введению института Уполномоченного по правам человека уже существуют. Однако для его эффективности необходимо обеспечить ряд условий. В первую очередь, необходимо работать в направлении изменения политической обстановки в стране, либеральных реформ. Следует создать условия, при которых нормы закона не останутся декларативными, а начнут реализовываться. Во-вторых, есть необходимость в повышении правовой культуры населения в области прав человека. Институт омбудсмена может поспособствовать в достижении Республикой Беларусь уровня правового государства, но лишь в том случае, если имеется такое направление развития. Несомненно, тоталитарное государство не сможет имплементировать в свою правовую систему рассматриваемый институт без значительных искажений, которые лишают существование такового института всякого смысла.

Литература

1. Закон Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур».
2. Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь».

3. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. № 139-3 // НР ПА Республики Беларусь 2010 г., № 5. 2/1629.
4. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. // НР ПА Республики Беларусь 1999. № 1. 1/0; 2004. № 188. 1/6032.
5. Беларуси предстоит экзамен по правам человека., доступ через Интернет: http://naviny.by/rubrics/society/2010/02/11/ic_articles_116_166602/.
6. Конституционное Правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии № 4. (10) 2000.
7. Перспективы института уполномоченного по правам человека в Беларуси. А. Дроб. http://www.lawtrend.org/ru/content/about/news/essay2009/?lawtrendorg=a0qfm819o1vaia75oeepuseg02
8. Перспективы института уполномоченного по правам человека в Беларуси. И. Кривонос. http://www.lawtrend.org/ru/content/about/news/essay2009/?lawtrendorg=a0qfm819o1vaia75oeepuseg02
9. Доклад Global Integrity, доступ через Интернет: http://report.globalintegrity.org/globalIndex.cfm Global Integrity 2009.

Максім Карлюк
(БДУ, Мінск)

РАЗМЕЖАВАННЕ НЕКАТОРЫХ ПРАЎНЫХ ПАНЯЦЦЯЎ У РАМКАХ ЕЎРАПЕЙСКАЙ ІНТЭГРАЦЫІ

The article provides analysis of certain legal notions that are applied to describe the process of legal integration with a particular view to European integration. The author tries to give the most suitable definitions to such notions as harmonization, unification, approximation, implementation, adaptation, transformation, incorporation, and renvoi while analysing different approaches. The author comes to the conclusion that within the process of European integration these notions can be classified as follows: approximation as the aim of legal integration; harmonization and unification as its methods; and incorporation, renvoi and adaptation (transformation) as means of such integration.

Праўная інтэграцыя ў апошнія гады ўсё часцей вызначае напрамкі развіцця розных праўных сістэмаў. Гэта, безумоўна, тычыцца і інтэграцыі ў еўрапейскім рэгіёне, перадусім з Еўрапейскім Саюзам (далей – ЕС), як цяперашніх і будучых членаў арганізацыі, але таксама і дзяржаваў, што яшчэ не выявілі цікавасць ва ўступленні ў арганізацыю, але па іншых прычынах зацікаўленыя ў інтэграцыі праўных сістэмаў. У любым выпадку ЕС зацікаўлены ў экспартаванні элементаў сваёй праўнай сістэмы, або acquis communautaire, у правапарадкі іншых краінаў [8, 33–34]. Для эфектыўнай і «карэктнай» інтэграцыі праўных сістэмаў неабходна валодаць паняційна-катэгарыяльным апаратам дадзеных працэсаў і правільна яго разумець. Дакладнае вы-

значэнне паняццяў і аднастайнае іх прымяненне дазволіць пазбегнуць тэрміналагічнай блытаніны і, адпаведна, будзе спрыяць праўнаму збліжэнню.

На жаль, на сённяшні дзень існуе вялікая колькасць розных меркаванняў у дачыненні да тэрміналогіі, якая выкарыстоўваецца для апісання працэсаў праўнай інтэграцыі. Адмысловую складанасць уяўляе разуменне і суадносіны такіх тэрмінаў, як гарманізацыя, уніфікацыя, апраксімацыя, імплементацыя, адаптацыя, трансфармацыя, інкарпарацыя, адсылка. У дадзеным артыкуле паспрабуем даць азначэнні кожнаму з іх і вызначыць іх суадносіны.

Спачатку разгледзім гарманізацыю і ўніфікацыю права, як тэрміны, якія атрымалі найбольшы распаўсюд для апісання працэсаў праўнай інтэграцыі, а таксама вызначым іх суадносіны і месца сярод іншых тэрмінаў.

Гарманізацыя права можа мець адрозныя значэнні ў залежнасці ад галіны права. Так, калі падыходзіць з боку агульнай тэорыі права, то гарманізацыю права можа разумець як прывядзенне нормаў права ў адпаведнасць да яго прынцыпаў у праўных інстытутах, галінах і сістэмах, а таксама між сістэмамі ў працэсе ўдасканалення заканадаўства, асабліва яго кансалідацыі і кадыфікацыі [1, 78]. У выпадку міжнароднага права тэарэтычныя падыходы да гарманізацыі права могуць адрознівацца ў спецыялістаў міжнароднага прыватнага права ад падыходаў спецыялістаў міжнароднага публічнага права. Так, у міжнародным прыватным праве вылучаюць гарманізацыю права ў шырокім сэнсе, якая ўключае ў сябе і ўніфікацыю права, а таксама ўласна гарманізацыю права, якая з'яўляецца працэсам збліжэння права розных дзяржаваў нараўне з уніфікацыяй [4, 101]. Гарманізацыя права ў міжнародным публічным праве можа разумецца як працэс мэтанакіраванага збліжэння праўных сістэмаў у цэлым або ў асобных галінах, зацвярджэння агульных інстытутаў і нормаў, скасавання супярэчнасцяў [3, 45], што адпавядае гарманізацыі права ў вузкім сэнсе ў міжнародным прыватным праве. Але, па меркаванні Лукашука як прадстаўніка міжнароднага публічнага права, гарманізацыя адрозніваецца ад уніфікацыі ў тым сэнсе, што пры гарманізацыі дамова абавязвае дзяржаву ўключыць у сваё права нормы, неабходныя для дасягнення пастаўленых мэтаў, якія адпавядаюць агульным палажэнням дамовы, якая, ад-

нак, не прадпісвае канкрэтныя фармулёўкі такіх нормаў [3, 45]. У той жа час Дзмітрыева (міжнароднае прыватнае права) лічыць, што пры гарманізацыі права ўвогуле адсутнічаюць міжнародна-праўныя абавязкі, замацаваныя міжнароднай дамовай [4, 101].

Такім чынам, нават пры наяўнасці падобных элементаў у разуменні гарманізацыі і ўніфікацыі права ў розных галінах права нельга казаць пра наяўнасць адзінага падыходу. На наш погляд, асноўнай складовай часткай паняцця ўніфікацыі ёсць аднастайнасць (аднолькавасць). Такім чынам, на нашу думку, пад гарманізацыяй трэба разумець працэс правядзення комплексу мерапрыемстваў па згладжванню адрозненняў праватворчасці, правапрымянення і праваразумення ў розных праўных сістэмах, у той жа час пад уніфікацыяй трэба разумець працэс увядзення ў праўныя сістэмы аднолькавых нормаў з мэтай фармавання адзінства праваразумення і правапрымянення такіх нормаў. Працэсы гарманізацыі і ўніфікацыі праўных сістэмаў праходзяць пры дапамозе механізмаў розных узроўняў – міжнароднага і нацыянальнага.

Цяпер звернем увагу на апраксімацыю. Тэрмін «апраксімацыя» выкарыстоўваецца перадусім датычна права ЕС. Апраксімацыю можна перакладаць як збліжэнне. У арт. 114 Дамовы пра функцыянаванне Еўрапейскага Саюзу разам з тэрмінам «апраксімацыя», ўжываецца тэрмін «гарманізацыя» [6]. Абодва тэрміны ў межах артыкулу Дамовы падаюцца ўзаемазамяняльнымі. Але апраксімацыя (збліжэнне) выступае больш у якасці нейкай **мэты**, дасягненне якой мажліва шляхам гарманізацыі. А гарманізацыя, як мы вызначылі вышэй, гэта адзін з метадаў праўнай інтэграцыі, сутнасцю якога ёсць ператварэнне праўных нормаў у падобныя.

Такім чынам, гарманізацыя і ўніфікацыя выступаюць асноўнымі **метадамі** любога інтэграцыйнага працэсу. У праве ЕС адсутнічае тэрмін «уніфікацыя» (хаця, нягледзячы на гэта, сам метад выкарыстоўваецца, як мы пабачым далей), але прысутнічае тэрмін «апраксімацыя». Гэтаму ёсць тлумачэнне. Нягледзячы на тое, што часта інтэграцыйныя працэсы пачынаюцца пераважна з гарманізацыі, уніфікацыя з'яўляецца лагічным працягам інтэграцыі. Так, гарманізацыя права ў праве ЕС у адпаведнасці з разгледжаным вышэй арт. 114 Дамовы аб функцыянаванні Еўрапейскага Саюзу ў дактрыне разглядаецца як інструмент змяншэння адрозненняў нацыянальных правапарадкаў з мэтай

усталявання і функцыянавання агульнага рынку ЕС, які можа вынікаць ва ўніфікацыі права [9, 378–380]. Мажліва з гэтай нагоды ў першасным праве ЕС адсутнічае само паняцце ўніфікацыі, бо яно ўключана ў аб'ём паняццяў апраксімацыі і гарманізацыі. Аднак такое размежаванне застаецца істотным у краінах, якія не з'яўляюцца членамі ЕС.

Важным элементам праўнай інтэграцыі ёсць вызначэнне **механізмаў**, праз якія ажыццяўляюцца працэсы гарманізацыі і ўніфікацыі ў нацыянальным праве. Такім чынам, разгледзім імплементацыю як комплекс мерапрыемстваў, накіраваных на прызнанне юрыдычнай сілы і арганізацыйнае забеспячэнне прымянення міжнародных нормаў унутры дзяржавы. Вызначэнне такіх механізмаў розніцца як у дактрыне, так і ў практыцы дзяржаваў, што вынікае ў вялікай колькасці падыходаў да праблемы і робіць яе яшчэ больш складанай за размежаванне апраксімацыі, гарманізацыі і ўніфікацыі. Таму тут, замест разгляду ўсіх падыходаў, што не ўяўляецца мажлівым у межах дадзенага артыкулу, прадставім нашае бачанне гэтых тэрмінаў. На наш погляд, сукупнасць механізмаў імплементацыі можна прадставіць наступным чынам.

Інкарпарацыя (наўпроставая рэцэпцыя) – гэта запазычванне нормы міжнароднага права нацыянальным заканадаўствам без змянення. Па сутнасці, інкарпарацыю можна разумець як простае капіяванне нормаў.

Адсылка (бланкетная рэцэпцыя) мае месца, калі норма міжнароднага права не запазычваецца, але на яе робіцца адпаведная адсылка ў норме нацыянальнага заканадаўства.

Адаптацыя ажыццяўляецца тады, калі норма міжнароднага права змяняецца шляхам стварэння нацыянальнай інтэрпрэтацыі і замацоўваецца ў нацыянальным нарматыўным акце, прычым сэнс нормы істотна не змяняецца. Паняцце адаптацыі шырока выкарыстоўваецца менавіта датычна еўрапейскай інтэграцыі. Такі шлях выбрала, напрыклад, Украіна, якая выкарыстоўвае менавіта такую тэрміналогію [5]. Але па сваёй сутнасці адаптацыя ахоплівае міжнародна-праўнае паняцце трансфармацыі, таму мы будзем атаясамліваць яго з адаптацыяй.

Выбар канкрэтнага механізму залежыць ад характару нормы і канкрэтных мэтаў і задачаў, неабходнасць дасягнення якіх і абумовіў сам факт імплементацыі.

Аднак спіс пералічаных вышэй міжнародна-праўных механізмаў ня вычарпальны, калі разглядаць унутраную праўную сістэму ЕС. Так, наднацыянальныя органы ЕС могуць прымаць абавязковыя для выканання нарматыўныя акты. У першую чаргу гэта дырэктывы і рэгламенты. Дырэктыва – гэта яскравы прыклад заходу па гарманізацыі заканадаўства і яна, як правіла, патрабуе імплементацыі ў нацыянальнае заканадаўства. Аднак у шэрагу выпадкаў, пры выкананні пэўных крытэраў, выпрацаваных практыкай Суда ЕС, нават дырэктыва можа мець наўпроставае дзеянне (direct effect) у праўнай сістэме дзяржавы, то бок ня будучы імплементаванай у нацыянальнае заканадаўства [7, 279–287]. Рэгламент ёсць тыповы заход па ўніфікацыі, але ён не падлягае імплементацыі і мае безумоўнае наўпроставае дзеянне [2, 107–108]. Безумоўна, такое дзеянне ёсць выняткам і распаўсюджваецца толькі на дзяржавы-члены ЕС.

Такім чынам, праўная інтэграцыя выступае ў якасці працэсу збліжэння праўных сістэмаў. Найбольш агульным паняццем, якое мы разглядзелі і якое вызначае мэту інтэграцыі – гэта апраксімацыя (збліжэнне). Сама апраксімацыя (збліжэнне) адбываецца шляхам гарманізацыі і ўніфікацыі. Спосабамі гарманізацыі і ўніфікацыі выступаюць інкарпарацыя, адсылка і адаптацыя (трансфармацыя).

Літаратура

1. Дробязко С.Г. Юридическая природа гармонизации законодательства в процессе его совершенствования / С.Г. Дробязко // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы: в 2 т. Т. 1. Национальное законодательство и его гармонизация с правом Европейского Союза: сб. науч. тр. / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2008. С. 77–82.
2. Европейское право: учебник для вузов / М.В. Каргалова [и др.]; под общ. ред. Л.М. Энтина. 2-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2007.
3. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век / И.И. Лукашук. М.: Спарк, 2000.
4. Международное частное право / Л.П. Ануфриева [и др.]; под общ. ред. Г.К. Дмитриевой. 2-е изд., перераб. и доп. М: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004.
5. Про Концепцію Загальнодержавної програми адаптації законодавства України до законодавства Європейського Союзу: Закон України, 21 лист. 2002 р., № 228–IV // Офіційний веб-сайт Верховної

Ради України [Электронны рэсурс]. 2010. http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=228-15.
6. Consolidated version of the Treaty on Functioning of the European Union, 30 March 2010 // Official Journal of the European Union [Electronic resource]. 2010. Mode of access: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:083:0047:0200:EN:PDF.
7. Craig P. EU Law. Text, Cases, and Materials / P. Craig, G. de Burca. 4th ed. New York: Oxford University Press, Inc., 2008. P. 279–287.
8. Petrov R. Exporting the Acquis Communautaire into the Legal Systems of Third Countries / R.Petrov // European Foreign Affairs Review. 2008. № 13. P. 33–52.
9. Slot P.J. Harmonisation / P.J. Slot // European Law Review. 1996. Vol. 21. № 5. P. 378–387.

Ксения Пересыпкина
(ЕГУ, Вильнюс)

СВОБОДА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ТОВАРОВ КАК КОМПОНЕНТ ЕДИНОГО ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

The European Union has been developing for 50 years, but to this date the issue of the legal nature of this formation has not been settled. Today the European market provides a lot of opportunities for 490 million people – citizens of the 27 EU member-states. Therefore, the paper deals with the freedom of movement of goods within the framework of the European Union as one of the most important components of the single European market and the main engine of the integration process and internationalization of EU member states' economies. The author analyzes EU legislation on the common market and the freedom of movement of goods: EC Treaty, Regulations, Directives, jurisdiction of the European Court of Justice, guidelines of the European Commission, and also works of such famous authors as Negel G. Foster, Kashkin S., Entin L.M.

Европейский Союз, или Европейское Экономическое Сообщество, как изначально он назывался, начал свое существование в результате подписания в 1957 году Римского Договора ФРГ, Францией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом, уже являвшихся на тот момент членами Европейского объединения угля и стали.

Основой европейской интеграции и, как следствие, Европейского Союза является общий внутренний рынок, который включает в себя 4 составляющие: свободу передвижения лиц, товаров и услуг, капитала, а также свободу передвижения информации.

Посредством интеграционных механизмов и в первую очередь создания единого внутреннего рынка государства стремились достичь таких целей, как непрерывное улучшение условий жизни и труда своих народов, а также гарантированное устойчивое развитие, сбалансированная торговля и честная конкуренция.

Общий рынок, являясь важнейшей составляющей европейской экономической интеграции, – исторически первая сфера ведения Сообщества. Создание общего рынка подразумевает под собой слияние рынков государств-членов в единый рынок Сообщества с целью устранения барьеров для ведения общей, как внутренней, так и внешней экономической политики. На сегодняшний день единый европейский рынок охватывает 30 государств (27 из них – непосредственно государства-члены ЕС и три государства, Норвегия, Исландия и Лихтенштейн, совместно с государствами ЕС – члены Единого экономического пространства), а также общий рынок охватывает 500 миллионов потребителей и 20 миллионов компаний.

Поскольку правовая природа Европейского Союза до сегодняшнего дня остается не вполне проясненной, следовательно, данный субъект не является, в полном смысле слова, целостным государственным образованием. Последствиями такой неопределенности выступают разнонаправленные экономические стратегии государств – членов, ввиду которых создаются препятствия к созданию и функционированию единого внутреннего рынка ЕС. Посредством либерализации, гармонизации национальных законодательств, а также с помощью принципа взаимного признания государства-члены ЕС предпринимали меры по устранению препятствий для функционирования единого внутреннего рынка, а также недопущению появления новых. Прежде всего было принято множество актов, направленных на запрет ограничений в свободе передвижения товаров. В 1968 году Суд Европейских Сообществ, рассматривая дело Commission v. Italy (C 7/68), в вынесенном решении указал: «Под товарами следует понимать продукцию, которая может иметь денежное выражение, а также являться предметом коммерческих сделок».

К прямым, непосредственным препятствиям для свободы передвижения товаров относятся физические барьеры – это пограничные пункты пропуска, фискальные барьеры, которыми

являются таможенные пошлины и иные пошлины, взимаемые при импорте, экспорте и транзите товаров; технические барьеры, которыми являются ограничительные меры или меры, имеющие равный эффект с ограничительными мерами. К косвенным препятствиям относятся государственная монополия, межгосударственные соглашения, предоставляющие доминантные и более выгодные позиции для ведения торговли между государствами-участниками таких соглашений, государственная поддержка, а также дискриминационное налогообложение.

К вопросу внутригосударственного налогообложения относится и вопрос возврата налогов. Государства могут направлять средства, полученные от уплаты налогов, в определенные фонды, которые затем используются с конкретными целями, как правило, для проведения исследований либо рекламы продукции. Несмотря на то, что прямое налогообложение должно быть равнозначно вне зависимости от плательщиков, возврат либо выгода, получаемая от фондовой деятельности, делает реальную стоимость взносов национальных производителей ниже, поскольку предоставляет им возможность использовать результаты исследований и рекламных компаний, проводимых этими фондами, что ставит иностранного производителя, не имеющего таких возможностей, в дискриминационное положение.

«В первую очередь свобода ведения торговли, а также свобода передвижения товаров обеспечивается посредством функционирования Таможенного союза, который охватывает всю торговлю товарами и предусматривает запрещение импортных и экспортных таможенных пошлин и любых равнозначных сборов в торговых отношениях между государствами-членами, а также установление общего таможенного тарифа в их отношениях с третьими странами» [1].

Устранение дискриминационных торговых барьеров является важным условием для создания единого внутреннего рынка, однако только таких действий недостаточно. Существует большое количество требований и правил, которые не являются прямо дискриминирующими, но способны создать барьеры для свободы передвижения товаров в ЕС, а также недопустимы в контексте положений статьи 28 ДЕС. Такими препятствиями являются правила, применяемые при производстве либо продаже товаров, независимо от того, являются ли данные товары

национальными либо импортируемыми. Такого рода правила охватывают большое количество условий: особые требования по безопасности и техническим характеристикам электрических товаров, защите прав потребителей путем маркировки и соответствующего информирования, описания продукции, условиям и способам ее упаковки и транспортировки, а также меры, предпринимаемые для защиты окружающей среды.

Что касается статьи 29 ДЕС, содержащей положения о запрете количественных ограничений на экспорт, а также любые равнозначные меры, то в отношении нее нарушения встречаются гораздо реже, нежели в отношении статьи 28 ДЕС. Причина – меньший интерес государств в вопросе ограничения экспорта товаров. Наиболее вероятными основаниями к такому ограничению может послужить защита жизненно важных ресурсов страны, таких как уголь, нефть и других в период кризиса.

«Также возможной причиной может явиться желание государств сконцентрировать национальную продукцию на национальном рынке и таким образом обеспечить преобладание национальных товаров перед импортируемыми товарами» [3, ст. 38].

Однако ограничение на экспорт – все же менее распространенное явление, нежели ограничение на импорт. Поскольку импорт способен нанести вред внутригосударственному рынку, следовательно, задачей государств является ограничение доступа небезопасных товаров.

Влияние на свободу передвижения товаров и непосредственно на количественные ограничения, помимо государственного законодательства, регулятивных и административных мер, может также оказывать государственное воздействие на менеджмент частных компаний, а также на их маркетинговую политику. В таких случаях государства, как правило, рассматривают подобного рода действия как государственную практику. Рассматривая спор **Commission v. Ireland** [2] , Суд ЕС указал: «даже если меры, принимаемые правительством государства-члена, не имеют обязательного характера, однако способны повлиять на поведение и решения, принимаемые как продавцами, так и покупателями в стране, следовательно, таким образом они препятствуют осуществлению целей Сообщества» [4, ст. 111].

Создание условий свободного передвижения товаров и, как следствие, единого внутреннего рынка ЕС, предоставило производителям и потребителям возможность существования в естественных рыночных условиях, в которых преобладает нормальная, здоровая конкуренция, предоставляется широкий выбор товаров и услуг. Происходит снижение стоимости продукции посредством запрета таможенных тарифов и различного рода налогов на импортируемую продукцию между государствами-членами, а также посредством возможности использования услуг и сырья государств, где стоимости таковых ниже. Подтверждением тому может служить то, что на сегодняшний момент 75% торговых операций, осуществляемых в рамках ЕС, являются товарооборотными операциями, т.е. это купля-продажа товаров. Для малого и среднего бизнеса единый внутренний рынок – это более дешевый и простой способ открытия либо покупки предприятия. Так, начиная с 2002 года затраты на открытие собственного предприятия снизились на 1/3 по сравнению с прежним периодом функционирования ЕС. Гармонизация законодательства, а также принцип взаимного признания позволил сократить бюрократию, связанную с лицензированием и прохождением сертификации продукции. Для потребителей внутренний рынок принес не только широкий выбор товаров и услуг, но и существенное снижение цен, что вызвано той же рыночной конкуренцией.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия на уровне всего ЕС, все же исключить полностью государственные дискриминационные меры, а также действия, противоречащие положениям статей 28 и 29 ДЕС, невозможно. И прежде всего это создает определенные трудности для деятельности малого бизнеса, посему руководители таких предприятий предпочитают концентрировать свою деятельность в рамках небольшого круга государств-членов.

С моей точки зрения, сегодня нет достаточных условий для полноценного функционирования единого внутреннего рынка, а также полного превалирования принципа 4-х свобод, и прежде всего принципа свободы передвижения товаров. Такая ситуация сложилась в первую очередь по причине точечного регулирования на уровне сообщества вопросов, связанных с единым рынком, а также в связи с конкуренцией национальных ин-

тересов и интересов Сообщества. На мой взгляд, единственным выходом и рациональным решением в сложившейся ситуации является четкое определение государствами – членами правовой природы Европейского Союза.

Литература

1. Договор об учреждении ЕС 1957 г., ст.23.1. [просмотрено 20 марта 2010 года]. <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1296746&subID=100140629,100140646#text>.
2. Case 249/81. [он-лайн] < http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62004C0158:EN:NOT>
3. Davis G. European Union Internal Market, L.2003.
4. Reinisch A. Essential questions in EU Law, L. 2009.

Inesa Stolper
(EHU, Vilnius)

THE EFFECT OF BILATERAL INVESTMENT TREATIES (BITS) ON FOREIGN DIRECT INVESTMENT FLOW OR DO BITS REALLY WORK?

Иностранные прямые инвестиции являются ключевым элементом в быстрой экономической интеграции. Международное экономическое право предоставляет несколько механизмов, призванных облегчить инвестиционную деятельность. Одному из наиболее распространенных механизмов – двусторонним соглашениям о гарантии инвестиций – и посвящена данная статья. Задачей статьи было выяснить, является ли двустороннее инвестиционное соглашение экономическим средством для привлечения иностранных прямых инвестиций, а также анализ эффективности реализации предоставляемых прав инвесторам и объем обязанностей, лежащих на принимающем государстве. Таким образом, были исследованы основные факторы, которые влияют на решение инвестора вложить капитал в определенное государство. Кроме того, проанализированы материальные и процессуальные нормы, которые содержатся в инвестиционных соглашениях. В результате выявлено, каким образом заключение двустороннего инвестиционного соглашения между государствами влияет на рост прямых инвестиций.

Financial markets have evolved into a more globally integrated framework as a result of increasing liberalization of exchange controls and market access. This integration accelerated by increasing competition amongst market participants, has led to the introduction of new financial instruments with broad market access and lower transaction costs, attracting investors of many nationalities and countries [1, at p.18]. Foreign direct investment (*hereinafter* "FDI") is a key element in this rapidly evolving international economic integration. FDI

provides a means of stable and long-lasting link between economies and encourages the transfer of technology and know-how between economies. With the growth of economy and interactions between countries, bilateral investment treaties (*hereinafter* "BITs") for protection of foreign investment were entered into between the countries more intensively. Between 60 and 70 new emerging post-colonial countries proposed a new extent dimension for availability of raw materials and low cost labor, although unstable political and economic environment created risk for potential investors. Developed countries observed BITs as a legal tool for protection of their investors in foreign countries, while developing counties saw conclusion of BITs as an economic tool for attraction of foreign investment. Yet there has been little examination whether these instruments have economic effect on the growth of FDI along with the strength of the rights granted by the BIT and obligations assumed by the host countries. Therefore, to analyze the effect of BITs on FDI, it is necessary to examine whether ratification of BITs results in increase of FDI, whether bilateral investment treaty provisions are effective and whether BITs can grant additional rights to investors.

Foreign direct investment is defined as a category of cross-border investment made by a resident in one economy (the *direct investor)* with the objective of establishing a lasting interest in an enterprise (the *direct investment enterprise*) that is resident in an economy other than that of the direct investor [1, at p.19]. The "lasting interest" is evidenced when the direct investor owns at least 10% of the voting power of the direct investment enterprise.

BIT is an international legal instrument through which two countries set down rules that govern investments by their respective nationals in the other's territory [2]. This is an additional legal protection for an investor other from those provided by the national law. At the present stage there exists a high degree of unification in the regulation of BITs, consequently, they are drafted based on the same principles and have similar terminology. The wording of the BITs contains common provisions as (1) fair and equitable treatment; (2) the provision of full protection and security; (3) protection from unreasonable or discriminatory measures; (4) treatment no less favorable than that accorded by international law; (5) requirement to respect obligations made to investors and investments; and (6) national and/or most-favored-nation treatment.

The data collected by the United Nations Conference for Trade and Development (UNCTAD) shows that ratification of BIT does not have great impact on FDI flows because there are, in addition to BITs, many determinants of FDI flows into countries such as economy, policy determinants or business facilitation. A first econometrics analysis by the UNCTAD (1998b) had assumed that BITs should influence FDI in bilateral flows between BIT contracting parties close to the year of concluding a BIT. However, the analysis of time-series data on bilateral FDI flows- three years prior to and three years after the conclusion of a BIT- in relation to 200 BITs during 1971-1994 did not indicate any impact. In explaining the difference, the UNCTAD speculated that the impact of a BIT on FDI flows may materialize many years after its conclusion, when additional necessary FDI determinants are put in place, such as more openness to FDI or improvement of economic conditions.

Practical examples also show that a BIT is not rated high by investors who would like to make an investment in particular territory. For example, Japan, the second largest source of FDI concluded only 4 BITs [2, at p.13]. Another interesting example is Cuba, which does not have BITs with either Canada or Mexico, its two biggest foreign investors. On the contrary, almost 60% of the countries with whom it does have BITs, actually have no foreign investments in Cuba [2, at p.13]. A recent survey (2007) held by the UNCTAD, asked “to what extent does the existence of an international agreement influence your company’s decision which market to invest in”? Only one fourth of the respondents stated that they used BITs “to a great extent”, 48 % used them “to a limited extent” and 21% did not use them at all. All these research data indicate that a BIT is not the necessary factor for investment to be made, although BITs are taken into account when deciding whether to invest in developing countries and transition economies. Investors indicated that the political stability factor is the most important factor affecting investment. It is indicated that the growth of FDI depend on additional necessary FDI determinants, such as more openness to FDI or improvement of economic conditions.

The regulatory framework of a host country is a key determinant for the location of foreign direct investment. A foreign investor cannot enter into and operate in a country if national laws prohibit or impede foreign investment. Between 1991 and 2006, out of 2,533 national legal and regulatory changes relevant to foreign investment, 91 % were

in direction of making the host country environment more favorable for FDI. However, it should be noted that the number of regulatory changes that are less favorable to FDI tripled between 2002 and 2006, possibly due to the growing doubt in some countries of the benefits of FDI and a new tendency toward protectionism.

For the purpose of liberalization of national policies, almost every country has established an investment promotion agency to attract FDI and ease its operation. Among other things, these agencies offer incentives and various investment services, upgrade amenities for foreign investors, issue investor's guides, generally seek to improve the ease of doing business in its countries, and may engage in policy advocacy. For example, in the bilateral agreement on economic cooperation between the Republic of Belarus and Republic of Poland [3], two parties agreed to establish a special committee on economic cooperation. The main functions of this committee, according to article 5, are to carry out the periodic reviews and assessments of economic cooperation; preparation of the offers directed on the further development of economic cooperation; identification of the problems limiting development of economic cooperation, and preparation of offers for their elimination; consideration of the questions at issue concerning application or interpretation of the agreement provisions.

As it was emphasized earlier economic determinants have a significant role in attraction of foreign direct investment. The economic determinants of FDI can be divided into three categories. Firstly, location resources and assets include the labor, the nature of institutional infrastructure, the availability of natural resources, and the technology system and the domestic enterprise base. Secondly, market variables include economic growth and per capita income, the size of the host country market for goods and services, access to regional and global markets, country-specific consumer preferences, and the structure of the host country market. Thirdly, efficiency considerations include the cost of resources and other inputs such as transport and communication costs and membership in regional integration agreements [4, at p.19]. It is obvious that a BIT is an individual determinant and an individual aspect can hardly change FDI flow. However, bearing in mind that one of the most important economy determinants is the regulatory framework, the BIT can help to improve the regulatory framework by guaranteeing certain in-

vestor's rights making the legal frameworks more transparent and stable for investors.

The procedural rights, one of the novel and noteworthy features of modern BITs, grant investors an adjudicatory mechanism to enforce substantive rights. Typically investors can choose between arbitral panels at the World Bank's International Center for Settlements of Investment Disputes (*hereinafter* "ICSID"), arbitration at another designated arbitrations, namely the ICC Court of Arbitration in Paris, the Stockholm Chamber of Commerce Arbitration, the London Court of International Arbitration, and various regional arbitration centers. Investors are also capable to choose ad hoc arbitration proceedings, for example, the UNCITRAL arbitration. Treaty based guarantees are credible to the extent that they are backed up by the most important procedural guarantee: investors shall have the enforceable right to unilaterally initiate binding international arbitration against the host state that breaches its substantive promises of favorable treatment. By BIT provisions countries consent to arbitrate disputes covered by the treaty. In the absence of such agreement, the host state can claim sovereign immunity and leave no possibility for investor to assert its rights. Another way is to seek the assistance of the investor's home state for diplomatic protection[1]. However, the home state can refuse to protect the rights of an investor. Therefore, it is important that a BIT has the provision on dispute resolution. Before introduction of Bilateral Investment Treaties the dispute settlement between an investor and the state which had breached its rights was a long and difficult process. Normally, the investor applied for protection to the home state that invoke the case against the host country, where the rights of the investor had been breached. Therefore, dispute settlement was possible only at the level of two countries. BITs, on the contrary, introduced a new simpler way to resolve such a dispute. Dispute resolution is possible between an investor and the host state directly.

However, it should be noted that arbitration proceedings are highly expensive. For example, it takes from $2 million to $10 million to proceed at the ICSID. For example; the Metalclad Corporation is reported to have spent some $4 million on lawyers and arbitrator's

1 HALLWARD- DRIEMEIER, Mary. *Do Bilateral Agreement Treaties attract foreign direct investment*. The World Bank Development Research Group on Investment Climate. Policy research working paper 3121, 2003. 5 стр.

fees in arbitration against Mexico [5]. This means that small investors are not capable to apply for proceedings in order to protect their rights. Surely, arbitration makes sense for big investors because claims involve large sums, for example, the Czech Republic's award of some $270 millions plus substantial interest in Lauder case. However, big investors are likely to conclude investor-state contracts that contain more detailed obligations of parties. These contracts often refer to the international law and arbitration proceedings and are often used in exploration of the natural resources field. However, the practice of the ICSID indicates that many big investors still apply for the resolution of disputes and such an institution is quite effective for middle-scale investors anyway.

BITs contain very important substantive provisions, drafted to protect investors' rights. The substantive rights include a guaranty of prompt, adequate, and effective compensation for expropriation, freedom from unreasonable or discriminatory measures, a promise of "fair and equitable treatment" for foreign investments, guaranteed national treatment for investments, and assured full protection and security of investments. Together these provisions are meant to boost investor confidence and the transparency of the policy environment. A number of these provisions limit the regulatory flexibility of host countries to pursue not only economic development policies but other public policies as well. However, recent BITs also place greater emphasis on certain public concerns, including health, the environment and national security.

Another concern is that even if BITs grant additional rights for protection of investors' rights, often investors do not have possibility to bring the claim not only due to the costs of procedure, but also because of ambiguity of the BIT provisions. To represent this argument the example of the Republic of Belarus is used. The level of FDI in Belarus is rather low. According to the recent data from the UNCTAD, Belarus received $460 of foreign investment per capita, while in Lithuania and Latvia the numbers were $4,300-4,600 respectively. As of the moment, Belarus concluded 57 BITs with different countries. The major concern of foreign investors in Belarus is that the Government of Belarus discriminates private companies [6]. The problem is that in order to bring the claim against Belarus (Belarus is a member of the ICSID) for violation of non-discrimination principle in arbitration proceedings, an investor has to prove that the treatment by the

Government of foreign and domestic investors in the same business sector is differential, in favor of domestic investor [7]. However, as it was noted by several non-governmental organizations Government of Belarus treats foreign and domestic investors equally bad. Therefore, this fact does not make any possibility for an investor to bring the claim, and moreover, inconsistencies in laws and regulations make Belarus an unattractive country for investment. This analysis shows that conclusion of BITs between Belarus and other states will not influence the level of FDI because, regardless of existing BITs, a BIT grants little protection to foreign investors.

In conclusion, there has been progress in elaborating international arrangements of FDI during the past 50 years. Key investment concepts, principles and standards have been developed through the conclusion of treaties for the protection and promotion of FDI. Their distinctive feature for the present purposes is their exclusive concern with investment. Introduced in the beginning of the 1960s, these treaties have remained virtually unchanged in their format, and the issues they address continue to be among the most important for FDI. It is clearly seen after research on the influence of BITs in FDI flow that in the today's world a BIT is an important additional legal instrument for protection of an investor's rights. BITs contain very important procedural guarantees. By concluding BITs a country makes it possible for an investor to bring the claim against the host state that breached its rights in arbitration proceedings. However, conclusion of BITs does not influence FDI flows. This happens because, along with BITs, many other economy determinants exist. Those are taken into account by investors when they make the decision where to invest. On the other hand, it should be noted that the impact of the agreement may show up many years after its conclusion along with improvements in economic environment. Conclusion of BITs is an additional determinant that can influence other economic determinants, for example, the regulatory framework – the most important economic determinant. Guaranteeing certain rights, BITs can make the regulatory framework more transparent and stable for foreign investors.

As the analysis shows investors are more interested in clear intention of the host countries towards FDI and clearly spelled out laws and regulations rather than in BITs. Investors are concerned that BIT provisions do not grant real protection because their provisions are ambiguous. On the other hand, BITs provide for the principle of sub-

stantive guarantees such as national treatment, fair and equitable treatment, full protection and security and protection from expropriation and discriminatory treatment. Together these provisions are meant to boost an investor's confidence and the transparency of the policy environment. A number of these provisions limit the regulatory flexibility of the host countries to pursue not only economic development policies but other public policies as well. Therefore, it should be stated that a BIT is a legal instrument rather than an economic one as it was observed initially.

It remains to be seen whether the future development of BIT negotiations will result in gradual convergence of different models. To a considerable extent, this will depend on the future evolution of investment disputes. Many of the recent changes, for example, those in Canada and the United States, have made BITs reflect arbitration experience.

Literature

1. 1. OECD Benchmark definition of foreign direct investment, fourth edition 2008. OECD statistics and analysis [on-line] [last visited 10 April 2010]. Available at: <www.oecd.org>.
2. 2. HALLWARD- DRIEMEIER, Mary. Do Bilateral Agreement Treaties attract foreign direct investment. The World Bank Development Research Group on Investment Climate. Policy research working paper 3121, 2003.
3. 3. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Польша об экономическом сотрудничестве (Agreement between Republic of Belarus and Republic of Poland on economy collaboration) [on-line] [last visited 1 May 2010]. Available at: <http://www.pravoby.info/docum09/part20/akt20230.htm>.
4. 4. SACHS, Lisa E. and SAUVANT Karl P. The effect of treaties on foreign direct investment: bilateral investment treaties, double taxation treaties and investment flows. Oxford: Oxford University Press, 2009.
5. 5. UNCTAD. 2001a Handbook of statistics 2001. TD/STAT.25 New York, USA and Geneva, Switzerland, United Nations. [on-line] [last visited 17 May 2010]. Available at: < http://www.unctad.org/Templates/StartPage.asp?intItemID=2068>.
6. 6. U.S. Department of State, Investment Climate Statements 2009 [on-line] [last visited at 20 April 2010]. Available at <http://www.state.gov/e/eeb/rls/othr/ics/2009/index.htm>.
7. 7. ADC Affiliate Limited and ADC & ADMC Management Limited v. The Republic of Hungary, ICSID Case No. ARB/03/16 (Oct. 2, 2006).

Вадим Радзивилл
(ЕГУ, Вильнюс)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СТРОИТЕЛЬСТВА АТОМНЫХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ

The author provides suggestions for further improvement of legal framework for issues related to the placement of nuclear facilities, especially nuclear power plants, near states' borders at the international and domestic level including the recommendations to resolve the consultation procedure in the Convention on Nuclear Safety 1994, to establish criteria for classifying the state as «potentially affected» and a clearer procedure for providing information under the Convention on Environmental Impact Assessment in a Transboundary Context 1991, to include the provisions which cover the need to obtain the consent of the neighboring country in case of placement of nuclear facilities near the protected areas in the Joint Convention on the Safety of Spent Fuel Management and on the Safety of Radioactive Waste Management in 1997, etc.

В последние несколько десятилетий достаточно распространенной практикой является размещение объектов ядерной энергетики вблизи государственных границ, что отмечалось еще в 80-х годах прошлого века известным исследователем в области международного ядерного права профессором А.И. Иойрышем: «В практике мирового реакторостроения все большее распространение получает размещение АЭС и других ядерных объектов в приграничных зонах, а нередко и на самой границе с соседними государствами...» [1]. Только в Западной Европе, по данным профессора, подобных АЭС насчитывается более двадцати.

Не исключение здесь и Республика Беларусь. Площадка, определенная для строительства Белорусской АЭС, находится

вблизи границы с Литвой. В непосредственной близости с Беларусью размещены четыре ядерных объекта: Ровенская, Чернобыльская АЭС – в Украине, Игналинская АЭС – в Литве, Смоленская АЭС – в России.

Конвенция о ядерной безопасности от 17 июня 1994 года [2], участницей которой является и Республика Беларусь, устанавливает два основных обязательства государств при выборе площадки для ядерной установки по отношению к другим государствам, расположенным вблизи планируемой ядерной установки, в связи с вероятностью того, что последние могут подвергнуться недопустимому воздействию со стороны установки:

- разработка и осуществление надлежащих процедур для консультаций с затрагиваемыми государствами;
- предоставление по запросу необходимой информации затрагиваемым государствам, чтобы последние могли произвести оценку и собственный анализ вероятного влияния ядерной установки на безопасность на своей территории.

При этом следует отметить, что в Конвенции о ядерной безопасности не конкретизируются положения о консультациях с затрагиваемыми государствами. Разработка и осуществление надлежащих процедур для консультаций возлагается на сами стороны.

Помимо вышеупомянутых обязательств, предусмотренных Конвенцией о ядерной безопасности, еще одним из международных обязательств Беларуси является обеспечение участия населения (общественности) в процессе принятия решений о сооружении ядерных объектов.

В соответствии с **Конвенцией о доступе информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию па вопросам, касающимся окружающей среды, от 25 июня 1998 года** [3] (далее – Орхусская конвенция) заинтересованная общественность должна адекватно, своевременно и эффективно информироваться на самом начальном этапе процедуры принятия решений о планируемой экологически значимой деятельности, включая деятельность по строительству и эксплуатации атомных электростанций.

Механизм, предусмотренный Орхусской конвенцией, состоит в том, что при получении запроса от заинтересованной общественности компетентные государственные органы предостав-

ляют имеющуюся информацию, за исключением той, в предоставлении которой они имеют право отказать в соответствии с данной Конвенцией. Предоставляемая информация должна включать: описание промышленного объекта, физических и технических характеристик деятельности, включая оценку предполагаемых остатков и выбросов; описание значительного воздействия такой деятельности на окружающую среду; описание мер, предусмотренных для предотвращения и (или) уменьшения воздействия; нетехническое резюме вышеизложенного; план основных рассмотренных альтернатив; основные доклады и рекомендации, направленные компетентному органу государства. Кроме того, общественность вправе представлять в письменной форме либо в ходе публичного слушания или рассмотрения вопроса любые замечания, информацию, анализ, мнения, которые относятся к планируемой деятельности. Государство обеспечивает, чтобы в итоговом решении надлежащим образом были отражены результаты участия общественности, а также чтобы после принятия соответствующего решения государственным органом общественность была незамедлительно о нем информирована.

Вместе с тем Орхусская конвенция не содержит положений, предусматривающих взаимодействие государств по поводу планируемого сооружения атомных электростанций с общественностью потенциально затрагиваемых стран, и устанавливает обязательство государства по обеспечению участия лишь собственного населения в принятии экологически значимых решений.

В отличие от рассмотренных выше международных договоров принятая **25 февраля 1991 года Конвенция ООН об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте** [4] (далее – Конвенция Эспо) идет дальше и обязывает государства, в том числе и Республику Беларусь, проводить экологическую оценку воздействия строительства атомной электростанции на территории затрагиваемых стран, а также предоставлять затрагиваемым странам и их общественности возможность участия в процедурах оценки воздействия планируемой деятельности на окружающую среду. При этом государство обеспечивает, чтобы возможности, предоставляемые общественности затрагиваемой страны, были равноценны возможностям, предоставляемым своему населению. Исключение составляет

предоставление защищаемой информации, распространение которой могло бы нанести ущерб «производственной и коммерческой тайне или интересам национальной безопасности».

Важным положением Конвенции Эспо является то, что о деятельности, которая может оказывать значительное вредное трансграничное воздействие, государство происхождения в целях обеспечения проведения соответствующих и эффективных консультаций уведомляет любое государство-участника, которое, по его мнению, может быть затрагиваемым, как можно скорее и не позднее, чем будет проинформировано свое население. При этом, однако, в Конвенции Эспо не установлены критерии отнесения того или иного государства к потенциально затрагиваемому. Процедура предоставления информации затрагиваемым государствам в Конвенции Эспо также не определена [5].

Исходя из положений вышеуказанных международных договоров, а также принимая во внимание принцип суверенного равенства государств и принцип невмешательства в их внутренние дела, можно сделать вывод, что размещение объектов ядерной энергетики вблизи государственных границ правомерно при выполнении обязательств, направленных на обеспечение должного уровня безопасности, с тем, чтобы избежать недопустимого трансграничного воздействия и причинения ущерба другим потенциально затрагиваемым государствам.

Законом Республики Беларусь от 30 июля 2008 года «Об использовании атомной энергии» [6] (далее – Закон об использовании атомной энергии) определены требования, которые необходимо учитывать при принятии решений о размещении и сооружении ядерной установки или пункта хранения, а именно:

- наличие потребностей в них для решения социально-экономических задач государства и отдельных его регионов с учетом возможных последствий размещения указанных объектов;
- отсутствие угрозы безопасности ядерной установки или пункта хранения со стороны расположенных вблизи гражданских или военных объектов;
- наличие условий, необходимых для экологически безопасного размещения ядерной установки или пункта хранения, отвечающих требованиям законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов,

что должно подтверждаться положительными заключениями государственных и иных экспертиз, предусмотренных законодательством.

При этом перечень подобных требований, как следует из указанной статьи, может быть расширен.

В развитии Закона об использовании атомной энергии и обязательств Республики Беларусь в соответствии с Орхусской конвенцией и Конвенцией Эспо разработано Положение о порядке обсуждения вопросов в области использования атомной энергии с участием общественных объединений, иных организаций и граждан [7]. В нем, наряду с порядком обсуждения соответствующих вопросов с общественностью своей страны, предусматриваются обязанности по направлению компетентным органом Республики Беларусь отчета об оценке воздействия на окружающую среду и других материалов по оценке воздействия на окружающую среду компетентным органам затрагиваемых сторон по Конвенции Эспо, участию в общественных обсуждениях планируемой деятельности по использованию атомной энергии на территории затрагиваемых сторон, подготовке и направлению компетентным органам затрагиваемых сторон по Конвенции Эспо ответов на вопросы, предложений и замечаний, поднятых в ходе общественных обсуждений с затрагиваемыми сторонами.

Однако при этом соответствующие обязанности предполагается возложить на эксплуатирующую организацию, в то время как органом, ответственным за выполнение обязательств по Конвенции Эспо, определено Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь [8].

Наряду с внутригосударственным регулированием существенный вклад в решение вопросов, касающихся размещения ядерных установок, вносит Международное агентство по атомной энергии (далее – МАГАТЭ), членами которого на декабрь 2009 года являлось 151 государство мира [9]. В частности, МАГАТЭ разработало и приняло целый ряд стандартов, рекомендуемых государствам при выборе площадок для строительства атомных электростанций.

Регулирование со стороны МАГАТЭ обеспечения безопасности при выборе места строительства атомной электростанции можно классифицировать следующим образом, выделив **три основных блока вопросов**:

1) внешнее воздействие на ядерную установку:

• воздействие природного характера (землетрясения, цунами и др.);

• воздействие антропогенного характера (крушение самолетов, химические выбросы и др.).

2) воздействие ядерной установки на регион строительства:

• радиационное воздействие в случае нормальной работы;

• воздействие в случае аварийной ситуации;

3) аварийная готовность с учетом распределения населения.

Требования безопасности МАГАТЭ по выбору площадки для атомной электростанции сформулированы в документе «Безопасность атомных электростанций: оценка площадки». Кроме того, по данному вопросу существует целый ряд руководств МАГАТЭ [10].

О важной роли МАГАТЭ на этапе подготовки нормативной базы по обеспечению правового регулирования строительства атомной электростанции в Беларуси, в том числе и относительно вопроса ее размещения, свидетельствует то, что в Законе об использовании атомной энергии, подготовленном на основе анализа норм международного права и аналогичных законов таких стран, как Российская Федерация, Украина, Литовская Республика, Франция, Республика Болгария и ряда других [11], также нашли отражение рекомендации, содержащиеся в соответствующем экспертном заключении МАГАТЭ [12].

Тем не менее приходится констатировать, что, несмотря на наличие стандартов МАГАТЭ, следование данным стандартам со стороны государств в вопросах, связанных с безопасностью размещения АЭС, несмотря на преимущественное соблюдении Конвенции Эспо о предоставлении информации о безопасности такой деятельности, нередки случаи, когда сопредельные государства все же возражают против строительства ядерных установок вблизи их границ [13]. Решить подобные проблемы достаточно сложно.

Следует отметить, что решение вопросов, связанных с возражениями по поводу размещения ядерных объектов вблизи государственных границ, нередко сводится в политическую плоскость. Особенно когда речь заходит о таком связанном с выбором площадки для атомной станции вопросе, как выбор места размещения радиоактивных отходов, образовавшихся в про-

цессе функционирования ядерной установки. Это можно проиллюстрировать на недавнем примере, связанном с закрытием Игналинской АЭС, когда Республика Беларусь на состоявшейся в 2006 году сессии Комиссии ООН по устойчивому развитию выразила обеспокоенность в связи с намерениями Литовской Республики разместить радиоактивные отходы и хранилище для неиспользованного ядерного топлива вблизи границ Беларуси. В связи с тем, что такое размещение предполагалось вблизи особо охраняемых природных территорий Беларуси, руководитель белорусской делегации выступила с инициативой включить в заключительные документы сессии рекомендацию запретить размещение ядерных объектов и материалов вблизи охраняемых природных территорий [14].

Принимая во внимание рассмотренный выше пример, необходимо отметить, что положениями **Объединенной конвенции о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами от 5 сентября 1997 года** [15] (далее – Объединенная конвенция) вопрос о размещении ядерных отходов вблизи особо охраняемых природных территорий не урегулирован, равно как не регулируется в Конвенции о ядерной безопасности аналогичное размещение ядерных установок.

Выводы

Подводя итог исследованию вопросов, связанных с правовым регулированием выбора площадки для объектов ядерной энергетики, можно сделать следующие **выводы**:

- Конвенцию о ядерной безопасности необходимо дополнить положениями, конкретизирующими порядок проведения консультаций с затрагиваемыми государствами при размещении ядерных установок вблизи государственных границ;
- в Конвенции Эспо целесообразно предусмотреть критерии отнесения того либо иного государства к потенциально затрагиваемому. Например, установить предельное расстояние размещения определенных ядерных установок от границ государства, при котором не требуется проведение консультаций и предоставление информации;

• следует определить четкую процедуру предоставления информации затрагиваемым государствам по Конвенции Эспо;

• в развитие вышеуказанной белорусской инициативы предлагаю рассмотреть вопрос о внесении изменений и дополнений в Конвенцию о ядерной безопасности и Объединенную конвенцию, предусматривающих необходимость получения согласия соседнего государства в случае размещения объектов ядерной энергетики вблизи особо охраняемых природных территорий затрагиваемого государства.

В заключение хочу отметить, что государства, осуществляющие или планирующие деятельность в области мирного использования атомной энергии, должны стремиться сотрудничать в рамках имеющихся международно-правовых механизмов, совершенствовать их, а также развивать национальное законодательство с целью надлежащего правового обеспечения ядерной энергетики.

Литература

1. Международное атомное право / А.И. Иойрыш. Наука, 1987. С. 161.
2. Конвенция о ядерной безопасности / http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/Others/Russian/infcirc449_rus.pdf.
3. Aarhus Convention / http://www.unece.org/env/pp/pubcom.htm.
4. Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте http://www.unece.org/env/eia/documents/legaltexts/conventiontextrussian.pdf.
5. Руководство по участию общественности в оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте / http://www.unece.org/env/eia/pubs/publicpart_guidance_r.htm.
6. Закон Республики Беларусь от 30 июля 2008 г. № 426-З «Об использовании атомной энергии» http://www.pravo.by/WEBNPA/text.asp?RN=H10800426.
7. Об утверждении Положения о порядке обсуждения вопросов в области использования атомной энергии с участием общественных объединений, организаций и граждан: письмо Министерства энергетики Республики Беларусь от 30 января 2009 № 15/479.
8. Указ Президента Республики Беларусь от 20 октября 2005 № 487 «Аб прыняцці Рэспублікай Беларусь Канвенцыі аб ацэнцы ўздзеяння на навакольнае асяродзе ў трансгранічным кантэксце».
9. List of IAEA Member States / http://www.iaea.org/About/Policy/MemberStates/index.html.

10. Publisher Safety Standards / International Atomic Energy Agency / http://www-ns.iaea.org/standards/documents/default.asp?sub=150.
11. Выписка из стенограммы заседания Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь к проекту Закона Республики Беларусь «Об использовании атомной энергии» от 10 июня 2008 г. / Эталон Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. 2009.
12. О рассмотрении экспертного заключения Секретариата МАГАТЭ по проекту Закона Республики Беларусь «Об использовании атомной энергии»: письмо Министерства энергетики Республики Беларусь // Текущий архив Министерства юстиции Республики Беларусь (№ 3213 от 03.05.2008).
13. Kirchner, S. Nuclear Power Plants Close to International Borders and Neighbor Protection Uпder Intemational Environmental Law The Temelin Dispute Enteгs into a New Round (Grenznahe Atomkraftwerke und umweltvulkerrechtlicher Nachbarschutz Der Temelin-Streit geht in eine пeue Runde) / S. Kirchner / / Social Science Research Network [Electronic resource]. http://papers.ssrn.com/so13/papers.cfm?abstract_id=1004888.
14. Беларусь призвала ООН запретить размещение у своих границ ядерного могильника Литвы / http://www.embassybel.ru/news/policy/2006/05/16/8071.
15. Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами. / http://www-ns.iaea.org/downloads/rw/conventions/third-review-meeting/final-report-russian.pdf.

Ольга Сехович
(ЕГУ, Вильнюс)

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТАНДАРТЫ В СФЕРЕ СВОБОДЫ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (на примере Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации» от 17 июля 2008 г.)

This paper considers some provisions of the Law «On Mass Media», which is the main legal instrument regulating the media in the Republic of Belarus as they conform with European standards on the freedom of the media. The author concludes that the Law contains a number of reasons for restricting this freedom, which are often used by state power.

Основным европейским документом, гарантирующим право на свободное выражение мнения, является Европейская конвенция прав человека и основных свобод. Участники конвенции – европейские государства, за исключением Республики Беларусь. Нормы Конвенции получили свое дальнейшее развитие благодаря их толкованию Европейским судом по правам человека в Страсбурге (далее – Европейский суд), который неоднократно отдельно подчеркивал значение прессы в демократическом обществе. Так, в решении по делу «Гудвин» говорится: «Свобода выражения мнения составляет одну из главных опор демокра-

тического общества, и предоставляемые прессе гарантии имеют особенно большое значение» [1, 631]. Для Республики Беларусь в случае ее интеграции в европейское сообщество Конвенция должна стать ориентиром развития внутригосударственного законодательства и его применения.

В связи с этим хотелось бы остановиться на ряде положений Закона «О средствах массовой информации», вступившего в силу 8 февраля 2009 г. и являющегося на сегодняшний день основным правовым документом, регулирующим деятельность СМИ [2], рассмотрев их с точки зрения соответствия европейским стандартам в сфере свободы массовой информации. Как известно, свобода массовой информации включает в себя свободу учреждения средств массовой информации; свободу владения, пользования и распоряжения СМИ; свободу поиска, получения, использования и распространения информации при помощи СМИ, свободного выражения мнений при их посредничестве. В соответствии с частью 2 статьи 10 Конвенции [3] любого рода вмешательство государства в осуществление свободы СМИ допускается только в случае соблюдения трех обязательных условий:

- такое вмешательство должно быть предусмотрено законом;
- оно должно соответствовать, как минимум, одной из правомерных целей, ограничительно закрепленных в части 2 статьи 10;
- оно должно быть признано необходимым в демократическом обществе для достижения данных целей.

Статьей 11 Закона о СМИ предусмотрена государственная регистрация средств массовой информации, которая предполагает двухступенчатый разрешительный порядок учреждения печатных СМИ (для электронных СМИ этот порядок еще сложнее): во-первых, должно быть зарегистрировано юридическое лицо, на которое будут возложены функции редакции средства массовой информации; во-вторых, СМИ должно быть зарегистрировано в Министерстве информации Республики Беларусь на основании заявления, содержащего сведения, исчерпывающий перечень которых приведен в статье 12. Требование государственной регистрации печатного СМИ само по себе может рассматриваться как ограничение свободы слова, которое не является необходимым в демократическом обществе.

Закон содержит ряд положений, ограничивающих свободу поиска, получения, использования и распространения информации при помощи СМИ. Так, трактовка понятия «аккредитация» в статье 1 как «подтверждение права журналиста средства массовой информации освещать мероприятия, организуемые государственными органами, политическими партиями, другими общественными объединениями, иными юридическими лицами, а также другие события, происходящие на территории Республики Беларусь и за ее пределами» представляет собой форму разрешения на осуществление журналистской деятельности. Необоснованно различный подход закреплен в отношении «журналистов» и «журналистов иностранного средства массовой информации». Последние должны являться исключительно штатными сотрудниками (статья 1 Закона о СМИ).

Статья 7 Закона о СМИ предусматривает недопустимость незаконного ограничения свободы массовой информации, т.е. цензуры, которая понимается как предварительные действия, направленные на недопущение опубликования нежелательной информации. Такое понимание цензуры является неполным: Европейский суд под цензурой понимает общий контроль власти за содержанием и распространением нежелательной информации, в том числе и санкции постфактум (дело Лингенс, дело Бартольд) [4; 26].

В Законе о СМИ предусмотрены возможности не прямой, а косвенной цензуры: наличие государственных органов, контролирующих соблюдение законодательства в сфере СМИ, установление необоснованно широких ограничений на распространение информации и др.

В Законе о СМИ содержится указание на информацию ограниченного доступа (ст. 37). В порядке, установленном законодательством Республики Беларусь, ограничивается доступ к сведениям, составляющим государственные секреты, коммерческую, личную или иную охраняемую законом тайну; сведениям о системе организации, об источниках, о способах, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности; материалам дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства до окончания производства по уголовному делу; иной информации, предусмотренной законодательными актами Республики Беларусь. Перечень видов такой информации не за-

крыт, что дает возможность необоснованно широкой трактовки. Кроме прочего, ограничивается доступ к материалам дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства до окончания производства по уголовному делу (до вступления приговора в законную силу). Европейский суд придерживается мнения, что хотя правосудие и пользуется особой защитой, проблематика, касающаяся отправления правосудия, может и должна выноситься на обсуждение общественности (дело «Санди таймс» (№ 1) [4, 74], дело Du Roy et Malaurie) [1, 660–661].

Согласно статье 48 Закона о СМИ нарушение законодательства Республики Беларусь о средствах массовой информации влечет уголовную, административную, гражданско-правовую и иную ответственность. Специфические санкции в отношении СМИ включают в себя письменное предупреждение Министерства информации, приостановление и прекращение выпуска средства массовой информации (ст. 49–51 Закона о СМИ). Выпуск СМИ может быть прекращен в соответствии с решением суда по иску Министерства информации или прокурора даже в случае однократного нарушения законодательства вне зависимости от его тяжести (ст. 51 Закона о СМИ). Внесудебное приостановление деятельности СМИ в Беларуси и вынесение предупреждений в адрес редакций СМИ вызывает резко отрицательную реакцию международных органов и организаций, в частности ОБСЕ.

Можно утверждать, что рассмотрение Закона Республики Беларусь о средствах массовой информации в связи с европейскими стандартами в сфере свободы массовой информации показывает, что в нем содержится ряд оснований для ограничения данной свободы (которые к тому же часто применяются государственной властью). Однако хочется верить, что недалек тот час, когда «автономное плавание» нашей страны закончится, и европейские ориентиры в сфере прав человека будут представлять для нас не только справочный интерес.

Литература

1. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского суда по правам человека: руководящие принципы судеб. практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: судеб.

практика с 1960 по 2002 г. Санкт-Петербург.: Юрид. центр пресс, 2004. С. 631.

2. Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» http://pravo.by/webnpa/text.asp?RN=H10800427.
3. Конвенция от 4 ноября 1950 года о защите прав человека и основных свобод: Официальный перевод на русский язык http://www.espch.ru/content/view/52/30.
4. Маковей М., Чефранова Е.А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 10. Право на свободу выражения своего мнения. Прецеденты и комментарии: Учеб.-метод. пособие. М.: Российская академия правосудия, 2001. С. 26.

Мария Колесова
(БГУ, Минск)

ТВОРЧЕСТВО КАК ПРИЗНАК ОБЪЕКТА АВТОРСКОГО ПРАВА

The study analyzes the concept and signs of creativity as a legal category on the examples of judicial practice of Belarus. The author offers a conceptual solution to the question «creative work as an attribute of copyright».

Кто испытал наслаждение творчества, для того все другие наслаждения не существуют.

А.П. Чехов

Тесная связь, существующая между личностью автора и его произведением, является не только отличительным признаком авторского права в целом, но и обусловливает законодательные принципы регулирования авторско-правовых отношений. Условием возникновения таких отношений является **творческий труд человека**, подразумевающий создание объектов авторского права. Однако, несмотря на то, что именно творчество выступает краеугольным камнем авторского права и, более того, авторское право служит реализации принципа свободы творчества, само понятие творчества (творческой деятельности) до сих пор законодательно не раскрыто и порождает большое количество споров между юристами.

К примеру, ни в одном международном документе, который охватывает вопросы интеллектуальной собственности, нет определения творчества или творческой деятельности.

В Законе Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» единственным условием охраноспособности произведения законодатель называет его существование в какой-либо объективной форме. Данное упущение белорусского законодателя исправлено в Гражданском кодексе Республики Беларуси (далее – ГКРБ). Статья 992 ГК РБ устанавливает, что «авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом творческой деятельности». Такое законодательное определение объекта авторского права еще раз подтверждает тезис о том, что творческую деятельность человека следует рассматривать как **юридический факт** – одно из необходимых условий возникновения авторско-правовых отношений.

Вместе с тем, отсутствие определения творческой деятельности может привести (и приводит) к тому, что в правоприменительной практике возникают затруднения, связанные с предоставлением тому или иному произведению правовой охраны. Например, Судебная коллегия по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь рассматривало дело по иску гр-на Г. к ответчику ЧУП «Д» о взыскании компенсации за незаконное использование фотографий и нанесение морального вреда. В процессе рассмотрения дела судья поставила вопрос о признании фотографий результатом творческой деятельности и назначила искусствоведческую экспертизу. Иначе говоря, каждый раз, когда исковое заявление содержит требование о признании за истцом авторских прав, на истца в соответствии с нормами гражданского процессуального права, в частности ст. 179 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, возлагается обязанность доказывать творческий характер своей деятельности, что вряд ли возможно без раскрытия самого понятия творчества.

Следовательно, необходим единый легализованный подход к определению творческой деятельности.

В связи с этим представляется необходимым обратиться к работам юристов, посвященным изучению критериев творчества в гражданском праве. Первым среди отечественных юристов определение творчества дал еще в 1914 г. российский ученый Я.А. Канторович [6, 496–506]. К сожалению, его работ в Беларуси не сохранилось. Только в 1964 г. советский ученый В.Я. Ионас

на основе определения Я.А. Канторовича создал новую концепцию. В.Я. Ионас представлял творчество как «продуктивное мышление», т.е. воспроизводство «неготовых» мыслей без применения правил логики [5, 20].

На основании предложенного определения начали различать:

1) «произведения творческие», результат продуктивного мышления;

2) «произведения нетворческие», создаваемые путем воспроизведения готовых мыслей по правилам логики [4, 6].

В качестве примера «нетворческого произведения», созданного по правилам логики, можно привести хронологически составленный сборник стихов, элементы которого расположены по принципу хронологии. Очевидно, что составитель такого сборника при его подготовке руководствуется лишь формальными принципами.

Поскольку воспроизводство автором «неготовых», т.е. не существовавших прежде мыслей всегда предполагает неизвестность полученного результата, В.Я. Ионасом было введено понятие «новизны» творчества. Кроме того, по мысли исследователя, необходимо различать субъективную и объективную новизну.

Суть этих двух понятий, используемых юристами до сих пор, состоит в субъективном (авторском) и объективном (третьих лиц) отношении к результатам творчества. В первом случае подразумевается неизвестность будущего результата для самого автора, во втором – не только для автора, но и для остальных лиц.

Таким образом, можно сделать вывод, что, с точки зрения В.Я. Ионаса, творчество – это деятельность человека, результат которой заранее неизвестен ни автору, ни третьим лицам. Очевидно, что положения работ В.Я. Ионаса не могут быть применены на практике безоговорочно.

Приведем пример: «Маяковский писал: "Я сошью себе черные штаны из бархата голоса моего". Понятия не имея об этой великолепной, образной строчке, Вадим Шершеневич несколько позже напечатал: "Я сошью себе полосатые штаны из бархата голоса моего". Стоило только Маяковскому увидеть на трибуне нашего златоуста, как он вставал посреди зала во весь свой немалый рост и зычно объявлял: "А Шершеневич у меня штаны украл!"» [3, 131–132].

Данный пример наглядно показывает, что две творческих личности, работая параллельно, независимо друг от друга, могут прийти к одинаковому результату (в данном случае – это образ «штаны из бархата голоса»), следствие «продуктивного мышления», т.е. объективно новый.

С учетом проблемы «творческих повторов» российским ученым Э.П. Гавриловым был предложен такой признак объекта авторского права, как «оригинальность» [2, 44-45]. Оригинальными, по мнению Э.П. Гаврилова, являются те объективно новые творческие результаты, которые уникальны и не повторяются при параллельном творчестве. По мнению Э.П. Гаврилова, если бы неоригинальные творческие результаты «охранялись авторским правом, пришлось бы либо условно признавать всех лиц, получивших такие результаты, соавторами, либо признавать автором только то лицо, которое первым получило такой результат». Такая точка зрения, между тем, далеко не бесспорна. Во-первых, правовой режим соавторства предполагает, что произведение создается совместным творческим трудом двух или более лиц, что не соответствует сущности «творческих повторов». Во-вторых, гипотетически возможна следующая ситуация:

М. обратился в суд с иском о защите авторского права на сборник фотоиллюстраций к статье «Город *X*. вчера и сегодня». Суд признал его работу творческой и постановил взыскать с ответчика, использовавшего произведение без согласия автора, компенсацию за нарушенное право. По прошествии некоторого времени идентичный результат был получен К., и в такой же ситуации, поскольку суду не было известно о работе М., было вынесено решение о предоставлении защиты и произведению К.

Из приведенного примера следует:

1) если признать, что оригинальность произведения является его необходимым признаком, то оценка творчества М. и К. не будет с точки зрения права объективной;

2) фактически возникает возможность отмены решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам;

3) если бы суду было известно о работе М., он бы отказал К. в иске, что было бы верно юридически, но противоречило бы сути проблемы, поскольку деятельность и К., и М., безусловно, творческая.

В авторском праве зарубежных стран оригинальность является обязательным признаком произведения, закрепленным законодательно. Так, в Законе Соединенных Штатов Америки «Об авторском праве» (Copyright Law) прямо говорится, что правовая защита предоставляется только «оригинальным авторским работам» (п. «а» ст. 102.). А вот в Англии оригинальность в качестве признака объекта авторского права предложена еще Джорджем Стюартом Робертсоном в работе «The law of copyright» (1912 г.). Кроме того, Робертсон предложил использовать и такой признак как духовность произведения. К примеру, в 1905 г. мемуарам Харриет Вилсон было отказано Верховным судом Англии в защите авторских прав на основании того, что данное произведение не обладает признаком духовности.

В целом же можно предложить следующее правовое определение творческой деятельности: творческой признается деятельность автора, направленная на создание произведений науки, литературы и искусства при условии, что:

1) результат этой деятельности является объективно новым, т.е. неизвестен заранее ни самому автору, ни другим лицам;

2) результат этой деятельности является оригинальным, т.е. позволяет говорить о наличии индивидуальности автора; индивидуальность автора обусловлена особенностями его мировоззрения, идеологии, нравственно-эстетических качеств;

3) произведение обладает признаком духовности, что выражается в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными.

Литература

1. Johann Gottlieb Fihte Sämtliche Werke // «Beweis der Unrechtmässigkeit des Büchernachdrucks» Berlin: 1846. B. 8.
2. Гаврилов Э.П. Комментарий к Закону РФ «Об авторских и смежных правах».М.: Издательство «Спарк», 1996.
3. Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова: Сборник // Московский рабочий. М. 1990.
4. Ионас В.Я. Произведения творчества в гражданском праве. М.: Юридическая литература. 1972.
5. Ионас В.Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике. М.: Юридическая литература, 1963.
6. Канторович Я.А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения. Систематиче-

ский комментарий к закону 20-го марта 1911 г. – с историческим очерком и объяснениями, основанными на законодательных мотивах, литературных источниках, иностранных законодательствах и судебной практике / 2-е изд., доп. Петроград: 1916.

Юлия Евменова
(БГЭУ, Минск)

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ «РАЗДЕЛЕННЫМИ НАРОДАМИ»

The article deals with the realization of one of the fundamental principles of international law – the right to self-determination at the present stage. The author analyzes socio-political education as a «divided nation», its characteristics and legal status in the international environment, the possibility of realization of the right to self-determination. The author observes that currently in the science of international law there is no clear interpretation of the «divided nation», its symptoms, especially personality. All of the above necessitates a comprehensive study of the legal nature of the «divided nations».

Право народов на самоопределение сегодня является одним из основополагающих принципов международного права. Свое закрепление данный принцип получил в Уставе ООН, в п.2 ст.1 которого провозглашается, что первостепенной целью Организации является развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов [5]. Далее данный принцип был раскрыт и конкретизирован в ряде международных документов, таких как Декларация о предоставлении независимости колониальным странам от 14 декабря 1960 г., Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 декабря 1970 г. и других.

Толкование принципа самоопределения на момент принятия указанных выше документов главным образом проходило в контексте процесса деколонизации. В западной доктрине отмечалось, что хотя Декларация 1960 г. говорит о том, что все народы имеют право на самоопределение, органы ООН проявляли мало озабоченности по поводу самоопределения каких-либо территорий, кроме несамоуправляющихся, подопечных и мандатных [8, 171]. Однако, несмотря на завершение процесса деколонизации, данный принцип не утрачивает своей актуальности, но наоборот, приобретает качественно новую интерпретацию. Так, Черниченко С.В. отмечает, что «изменяются не только акценты в процессе толкования принципа самоопределения, возникают новые элементы такого толкования, обусловленные потребностями международного общения, которые ранее отсутствовали». [8, 190]

Несмотря на эволюцию принципа самоопределения народов в соответствии с реалиями международной жизни, открытым, тем не менее, остается вопрос о «разделенных народах», т.е. народах, которые в силу сложившихся исторических и политических обстоятельств расселены на территории нескольких государств. Примером разделенного народа являются курды, насчитывающие около 30 млн человек, в основном проживающие в примыкающих друг к другу районах Ирака (свыше 6 млн), Ирана (свыше 7 млн), Турции (свыше 15 млн) и Сирии (свыше 1 млн), а также баски, пуштуны, белуджи, азербайджанцы [3, 3].

Проблема реализации данными народами права на самоопределение усугубляется тем, что в настоящее время в доктрине международного права отсутствует термин «разделенные народы» как правовая категория. Российский политолог Балашов Ю.А. предлагает следующее определение: «под разделенным народом следует понимать этническую группу, территория компактного проживания которой разделена границами двух или более государственных образований, которая осознает себя в качестве единой общности, стремится к объединению своего этнического пространства в рамках собственного единого государственного или автономного образования и формирует специфические механизмы сдерживания культурной дифференциации своих отдельных частей, расположенных по разные стороны государственных границ» [1, 18].

На основании данного определения можно выделить некоторые черты, присущие «разделенным народам», в отличии, например, от национальных меньшинств, которые имеют право на существование и самобытность, но не обладают правом на самоопределение.

Так, «разделенный народ» представляет собой этническую общность, которая осознает себя в качестве единой, т.е. позиционирует себя как единое образование. Данная этническая общность компактно проживает на территории, которая разделена границами двух либо нескольких государств. Проблема, как отмечает С.В. Черниченко, в данном случае может заключаться в установлении, действительно ли народ был разделен, либо же в одном государстве он образует титульную нацию, а в другом соответствующие лица образуют лишь национальное меньшинство [7]. Следует также уточнить: народ оказался разделенным в силу сложившихся исторических и политических обстоятельств. Так, последовавшая в начале XIX века русско-персидская война привела к разделу Азербайджана по реке Аракс согласно Туркманчайскому договору, по которому северный Азербайджан перешел под контроль Российской империи, а южный (Иранский Азербайджан) остался в составе Ирана [4]. «Разделенный народ» стремится к объединению своего этнического пространства в рамках собственного государства или автономного образования, в отличие от национального меньшинства, главным для которого является сохранение культуры, языка, религии и т.п.

Вместе с тем, народ как субъект права на самоопределение должен обладать такими характеристиками, как проживание на общей территории, организационно представлять экономическую целостность, общую культуру и самосознание [6, 11]. В отношении «разделенных народов» об общности экономической жизни говорить вряд ли возможно в связи с проживанием на территории различных государств. Таким образом, «разделенный народ» – весьма специфичная социальная общность, факт проживания которой не должен игнорироваться государствами. Кроме того, процесс самоопределения таких народов может протекать по-разному, что может привести к политическому напряжению в регионе либо зарождению противоборствующих сил. Примером может служить создание сразу после Второй мировой войны «Демократической партии Курдистана», вождь

которой Мустафа Барзани в сентябре 1961 поднял восстание на северо-востоке Ирана. Противоборство длилось около 15 лет. В итоге в 1974 г. образовался курдский автономный район «Курдистан». В целом подобная ситуация может вести к дестабилизации политического пространства, росту экстремистских настроений и угрозе территориальной целостности государств, вооруженным конфликтам и грубому нарушению прав человека.

Реализация данного права не должна идти вразрез с другими принципами международного права, в частности, с территориальной целостностью государства, уважением прав человека. В свою очередь, соответствующее государство обязано уважать право данного народа на самоопределение, которое может быть реализовано посредством установления особого правового режима для данной части населения, например, автономии. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, в соответствии с Уставом ООН от 24 декабря 1970 г., предусматривает, что государства должны соблюдать «в своих действиях принцип равноправия и определения народов, ... и вследствие этого имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории» [2]. В случае же несоблюдения данного положения это можно расценивать как нарушение права на самоопределение всего народа [6, 20]. Вместе с тем вопрос о самоопределении в ситуации, когда государство не соблюдает обязательства, вытекающие из данного принципа, может усугубляться тем, что соседнее государство добросовестно выполняет все международные нормы. В любом случае последствия могут оказаться непредсказуемыми, и что особенно опасно – вести к вооруженным конфликтам.

Таким образом, «разделенный народ» является многогранным политическим явлением, требующим всестороннего изучения. Решение вопроса о праве таких народов на самоопределение требует анализа сложившейся ситуации. В частности, мы предложили бы модель объединенной автономии под совместным управлением. В настоящее время в процессе развития регулирования международных отношений данная область практически не рассматривается. В то же время отсутствие правовой регламентации, а также доктринального толкования затрудняет

реализацию данными народами права на самоопределение. В связи с этим весьма целесообразным является проведение всесторонних комплексных исследований данного социального явления и принятие международного акта, содержащего правовые ориентиры определения понятия «разделенных народов», рекомендуемую форму управления территорий, закрепления их правового статуса, устанавливающего правовые гарантии и эффективную защиту лиц, принадлежащим к данным народам, что в полной мере отвечало бы целям и принципам Организации Объединенных Наций. В призме рассматриваемого вопроса обращает на себя внимание использование в публицистике, научных исследованиях терминов «народ» и «нация» как идентичных. В международных документах это также прослеживается. Считаем актуальным закрепление в международно-правовых актах четких дефиниций данных понятий.

Литература

1. Балашов Ю.А. Проблемы разделенных народов и варианты их решения в международно-политическом континууме: автореф. дис. … докт. полит. наук: 23.00.02 / Ю.А. Балашов; Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2008.
2. Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничество между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций: Резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН (Принята 24 октября 1970 года) // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] / ООН, 2008. http://www.un.org/russian/documen/gadocs/convres/r25-2625.pdf.
3. Иванов С.М. Международный аспект проблемы самоопределения Иракского Курдистана (90-е годы XX в. – начало XXI в.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.15 / С.М. Иванов. Институт востоковедения РАН. М., 2008.
4. Koknar Ali M. Iranian Azeris: A Giant Minority // PolicyWatch [Electronic resource] / The Washington Institute for Near East Policy. Washington, 2010. Mode of access: http://www.washingtoninstitute.org/templateC05.php?CID=2476. Date of access: 01.03.2010.
5. Устав Организации Объединенных Наций // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс] / ООН, 2008. Код доступа: http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter1.shtml.

6. Черниченко С.В. Принцип самоопределение народов (современная интерпретация) // С.В. Черниченко // Московский журнал международного права. 1996. № 4. С. 3–21.
7. Черниченко С.В. Самоопределение: как и во имя чего (из доклада проф. Черниченко С.В.) // Учебные материалы [Электронный ресурс] / Белорусский Государственный Университет. Минск. http://www.law.bsu.by/materials/content/?03101917.
8. Черниченко С.В. Теория международного права: в 2 т. / С.В. Черниченко. М: Издательство «НИМП», 1999г. Т. 2: Старые и новые теоретические проблемы.

Ольга Новик
(Барановичский государственный университет)

СУДЕБНОЕ И НЕСУДЕБНОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

In the article questions of the establishment of the origin of children in a judicial and administrative order are taken up; the legislative regulation of paternity proof is considered. The author analyzes the order of disposal of legal proceeding about paternity proof in claim and special legal proceedings.

В судебном порядке могут быть установлены отцовство, факт отцовства и факт признания отцовства. Установление происхождения ребенка осуществляется не только в порядке искового, но и особого судопроизводства. По правилам искового судопроизводства рассматриваются дела об установлении, а по правилам особого судопроизводства – дела об установлении факта отцовства и факта признания отцовства. Разграничение этих категорий дел происходит, как отмечается в юридической литературе, по следующим основаниям:

1) в случае смерти фактического отца ребенка исключается возможность судебного установления отцовства в исковом порядке;

2) в зависимости от времени рождения ребенка, в отношении которого устанавливается отцовство – до или после введе-

ния в действие Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье – 1 октября 1968 года.

Правильное определение категории дела об установлении отцовства имеет большое практическое значение, хотя материально-правовые последствия судебного установления отцовства по всем делам одинаковы. Они заключаются в возникновении родительских прав и обязанностей у фактического отца ребенка с момента вступления решения суда в законную силу.

В нашей стране с каждым годом возрастает число семей, в которых детей воспитывает одинокая мать. Много детей рождается у родителей, которые предпочитают не регистрировать свои отношения и живут в «гражданском» браке. Такие дети часто лишены заботы, внимания и материального обеспечения со стороны отца, который их не признает. Несмотря на то, что родители обязаны воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении [7, ст. 32], отцы часто предпочитают не признавать ребенка и оставаться безучастным к его судьбе. Именно поэтому так актуален вопрос установления отцовства.

Как правило, дела об установлении отцовства рассматриваются судами в порядке искового производства. В иске об установлении отцовства защищаются уже нарушенные права ребенка, сами же обязанности предполагаемого отца, если факт отцовства будет установлен, закреплены в нормах материального права, и их подтверждения в судебном решении не требуется. В ч.3 ст.76 Кодекса о браке и семье 1999 года (далее – КоБС) сказано, что в случае установления отцовства в судебном порядке отец приобретает права и обязанности с момента вступления решения суда в законную силу. Следовательно, правоотношение отцовства возникает только после вынесения судебного решения в результате судебного преобразования и является юридическим фактом [3].

Одним из условий установления отцовства является отсутствие между родителями ребенка брака, зарегистрированного в органах ЗАГСа. Согласно закону, исковой порядок установления отцовства применяется в отношении детей, родившихся после введения в действие Основ законодательства о браке и семье (с 1 апреля 1968 г.). Такая необходимость возникает в том случае, если родители не подали в органы ЗАГСа совместного заявления о признании отцовства, поскольку у одного из них имеются

возражения против отцовства или один из них уклоняется от подачи в органы ЗАГСа совместного заявления об установлении отцовства. Заявление об установлении отцовства может быть принято к производству суда после регистрации рождения ребенка в органах ЗАГСа.

Если в записи акта о рождении запись об отце ребенка произведена на основании ст.55 КоБС, ее наличие не препятствует обращению в суд за установлением отцовства и не может служить основанием для прекращения производства по делу. Подобная запись не порождает материально-правовых последствий [3].

Как и в любом другом исковом деле, иск об установлении отцовства предъявляется в связи с наличием спора о праве, с наличием спорящих сторон – участников спорного правоотношения. Ответчик по такому иску не признал добровольно наличие родительского правоотношения между ним и ребенком, что и вызывает необходимость судебного установления указанного родительского правоотношения. Таким образом, производство по установлению отцовства в суде в данном случае отвечает важнейшему признаку искового производства: наличию спора, который ведется между сторонами спорного правоотношения – истцом и ответчиком.

Запись об отце, произведенная в свидетельстве о рождении, является доказательством происхождения ребенка от указанного в нем лица. Пленум Верховного Суда в п.1 постановления № 12 от 20 декабря 1991 г. «О практике применения судами Республики Беларусь законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей» (с изм. и доп. от 28 сентября 2006 г.) разъяснил, что суды не должны принимать к своему производству заявления об установлении отцовства, если в записи о рождении ребенка отцом указано определенное лицо [8]. При наличии спора запись может быть исправлена только на основании решения суда (ч.2 ст.225 КоБС). Если в книге регистрации актов гражданского состояния отцом записано не то лицо, которое фактически им является, то в таких случаях возможно оспорить запись акта об отцовстве (ч.1 ст.58 КоБС).

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством суду неподведомственны дела об установлении отцовства в отношении детей, родившихся до 1 октября 1968 года или в результате применения методов вспомогательных репродуктив-

ных технологий, и в отношении детей, в записи акта о рождении которых отцом указано определенное лицо. Если эти обстоятельства обнаруживаются на стадии возбуждения дела, суд в соответствии с п.1 ст.245 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) должен отказать в принятии искового заявления в связи с отсутствием права на обращение в суд.

В соответствии со ст.209 КоБС регистрация рождения ребенка, зачатого в браке, но родившегося после расторжения брака или признания брака недействительным, если до дня рождения ребенка прошло не более 10 месяцев, производится в том же порядке, что и регистрация рождения ребенка, родители которого состоят в браке, за исключением случаев, когда мать ребенка заявляет о рождении ребенка от другого лица. Следовательно, суды не должны принимать к своему производству заявление матери об установлении отцовства бывшего мужа, если ребенок родился до истечения указанного срока.

Согласно ч.2 п.16 Положения о порядке регистрации актов гражданского состояния и выдачи документов и (или) справок органами, регистрирующими акты гражданского состояния (утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 1454 от 14 декабря 2005 г., в редакции № 646 от 19 мая 2009 г.), если мать ребенка заявляет о рождении ребенка от другого лица (но не бывшего супруга), то в запись акта о рождении сведения об этом лице в качестве отца ребенка вносятся только после установления отцовства этим лицом и при наличии письменного заявления бывшего супруга о том, что он не является отцом ребенка, либо на основании решения суда об установлении отцовства [9]. При отсутствии факта установления отцовства и заявления бывшего супруга сведения об отце в запись акта о рождении ребенка вносятся по факту регистрации брака в соответствии со ст.54 КоБС [3].

Согласно ч.1 ст.46 ГПК заявление о возбуждении дела подается в суд по месту жительства ответчика, если не установлено иное. Следует сказать, что иск об установлении отцовства может быть предъявлен не только по месту жительства ответчика, но и по месту жительства истца, т.е. по этим делам действует правило альтернативной подсудности, реализация которого значительно облегчает положение истца (ч.3 ст.47 ГПК).

Исковое заявление об установлении отцовства должно быть письменным (ст.242 ГПК) и содержать ряд обязательных сведений, предусмотренных ст.243 ГПК. В частности, в нем необходимо указать фамилию, имя, отчество предполагаемого отца ребенка, его адрес, основание заявления (происхождение ребенка от данного лица) и требование об установлении отцовства. К исковому заявлению должна быть приложена его копия для ответчика. Также исковое заявление должно содержать конкретное указание на одно из перечисленных в ст.57 КоБС обстоятельств, могущих служить основанием для установления отцовства, а также ссылку на доказательства, его подтверждающие: указание на свидетелей, письма, справки, документы и прочее.

Исковое заявление об установлении отцовства оплачивается государственной пошлиной как заявление неимущественного характера (ст.115, 119 ГПК).

Согласно п.7 постановления Пленума № 12 судья в необходимых случаях при подготовке дела к судебному разбирательству вызывает истца и ответчика на беседу. Если во время опроса ответчик признает себя отцом ребенка, судья разъясняет сторонам правила ст.51 КоБС и при согласии родителей установить происхождение ребенка путем подачи совместного заявления в органы ЗАГСа предоставляет срок для определения отцовства в добровольном порядке. Если стороны в установленное время не оформили отцовства, дело после проведения соответствующей подготовки назначается к судебному разбирательству.

Круг лиц, по заявлению которых может быть возбуждено дело об установлении отцовства в порядке искового производства, достаточно большой. Согласно ст.57 КоБС отцовство в судебном порядке может быть установлено по заявлению одного из родителей или опекуна, попечителя ребенка, а также самого ребенка по достижении им совершеннолетия. Инициатором установления отцовства в судебном порядке чаще всего выступает мать ребенка.

Ребенок сам может предъявить иск по достижении им совершеннолетия, когда он приобретает в полном объеме гражданско-процессуальную дееспособность и будет в состоянии самостоятельно выступать в защиту своих интересов.

Судебный порядок установления отцовства означает принудительное осуществление права родившегося вне брака ре-

бенка на установление отцовства. Это право ребенка ввиду отсутствия у него дееспособности осуществляется его законными представителями, как правило, матерью [6, 195–196].

В литературе и судебной практике нет единого мнения по поводу того, вправе ли несовершеннолетняя мать самостоятельно обратиться в суд с иском об установлении отцовства и может ли быть ответчиком по этим делам предполагаемый несовершеннолетний отец. Нормы о процессуальной дееспособности в ГПК не дают четкого ответа на данный вопрос. Некоторые авторы утверждают, что несовершеннолетняя мать не обладает таким правом, не вправе самостоятельно требовать установления отцовства, поскольку возможность личной защиты в суде несовершеннолетними своих прав предусматривается только при наличии специального указания об этом в законе [6, 23–24], а по общему правилу интересы несовершеннолетних в суде должны представлять их законные представители наряду с участием их самих [4, 22]. На наш взгляд, целесообразно закрепить в законе принцип самостоятельного осуществления родительских прав и обязанностей несовершеннолетними родителями. Согласно п.2 постановления Пленума № 12 право на обращение в суд имеет только несовершеннолетняя мать, в то время как когда таким правом должны обладать и мать ребенка, и предполагаемый несовершеннолетний отец.

Другое дело – суд обязан всемерно защищать интересы таких родителей, в частности, несовершеннолетней матери, предъявившей иск, или несовершеннолетнего ответчика, у которого также могут возникнуть родительские права и обязанности.

Когда брак не зарегистрирован, правовое положение несовершеннолетней матери осложняется. Одним из наиболее важных при этом является вопрос об установлении отцовства и взыскании алиментов. По ныне действующему законодательству несовершеннолетняя мать, не состоящая в браке, имеет такое же право на защиту интересов своих детей, как и несовершеннолетняя мать, состоящая в браке. Согласно п.1 ст.73 ГПК представителями в суде не могут быть лица, не достигшие совершеннолетия, кроме несовершеннолетних родителей – по делам своих детей. Так как законодатель не конкретизировал, каких именно несовершеннолетних родителей (состоящих или не состоящих в

браке) можно считать представителями в суде, следовательно, те и другие вправе обратиться в суд на равных условиях.

В судебной практике встречаются дела, по которым ответчик – предполагаемый отец – несовершеннолетний. Законодательство о браке и семье не урегулировало этот вопрос. Но вопрос о приеме искового заявления в этом случае решается положительно. Сложнее дело обстоит, когда несовершеннолетние родители подают заявление в органы регистрации актов гражданского состояния. Мнения о возможности такого обращения в литературе расходятся.

Согласно первой позиции это может быть сделано без каких-либо препятствий, на основании того, что хотя несовершеннолетние родители и не являются дееспособными в полном объеме в гражданском праве, но в семейном праве у них есть возможность подать заявление добровольно об установлении отцовства [4, 103]. Другая позиция заключается в том, что несовершеннолетние могут подать заявление, но с согласия законных представителей [10, 87].

Наиболее часто исковое производство начинается по требованию матери ребенка, которая подает заявление в суд, а ответчиком является то лицо, которое предполагается отцом ребенка. На практике таких родителей обычно называют сторонами процесса по делу об установлении отцовства.

Таким образом, истцами по делам об отцовстве являются ребенок, а в отдельных случаях и его отец. Все остальные лица, которым по закону предоставлено право предъявить иск об установлении отцовства, исходят из интересов ребенка и выступают как законные представители.

Некоторые авторы считают, что по законодательству судебное установление отцовства возможно лишь при доказанности хотя бы одного из обстоятельств, указанных в ныне действующем брачно-семейном законодательстве Республики Беларусь, в ст. 57 КоБС. Специфика доказывания по делам об установлении отцовства заключается в том, что удовлетворение иска связано в законе не только с фактом кровного родства с ребенком, а также с обстоятельствами, указанными в ст.57 КоБС [3].

В судебном процессе по делам об установлении отцовства в подавляющем большинстве случаев иски удовлетворяются при подтверждении в судебном разбирательстве фактов совмест-

ного проживания отца и матери ребенка в течение менее или более продолжительного срока. Каждое из указанных в ч.4 ст.57 КоБС обстоятельств носит самостоятельный характер и должно быть подтверждено достоверными доказательствами.

Совместное проживание должно сочетаться с ведением общего хозяйства. Сам по себе факт совместного проживания без ведения общего хозяйства, как и факт ведения общего хозяйства без совместного проживания, недостаточен для вывода о предполагаемом отцовстве ответчика [4, 66]. В соответствии с разъяснениями Пленума в п.10 постановления № 12 совместное проживание и ведение общего хозяйства ответчика с матерью ребенка до его рождения могут подтверждаться наличием обстоятельств, характерных для совместных отношений: проживание в одном жилом помещении, совместное питание, взаимная забота друг о друге, приобретение имущества для совместного пользования из общего бюджета и так далее [8]. Например, совместным может быть признано проживание в различных жилых помещениях, если ответчик систематически приходил к истице, принимал участие в расходах по ведению общего хозяйства.

По делам об установлении отцовства суд обязан проверить, к какому времени относится начало беременности и совпадает ли оно с периодом совместного проживания сторон. В законе не установлен срок совместного проживания сторон до рождения ребенка [4, 66].

Совместное проживание в одном жилом помещении должно пониматься как постоянное проживание в течение какого-то периода времени, а не периодическое совместное пребывание в помещении истца или ответчика или в ином месте во время взаимных встреч. Решение этого вопроса передано на усмотрение судов. Совместное проживание и ведение общего хозяйства чаще всего доказывается свидетельскими показаниями. Это обычно соседи по квартире, знакомые или родственники, которым могут быть известны конкретные факты, свидетельствующие о совместном проживании сторон и ведении ими общего хозяйства (переезд ответчика на квартиру истицы, приобретение продуктов, совместное питание и т.п.).

Суд устанавливает отцовство при доказанности обстоятельств, свидетельствующих о том, что ответчик признавал свое отцовство в отношении ребенка. Так, признание может быть вы-

ражено как в период беременности матери (например, желание иметь ребенка, забота о его матери), так и после рождения ребенка. Признание ответчиком своего отцовства может быть как судебным (признание иска), так и внесудебным (сделанным вне зала судебного заседания) [10, 15].

Признание ответчиком отцовства, сделанное вне судебного процесса, может подтверждаться в суде с помощью любых средств доказывания, а судебное признание отцовства обязывает суд проверить его в соответствии с ч.4 ст.61 ГПК. В настоящее время согласно ч.5 ст.285 ГПК, несмотря на признание иска ответчиком, любое юридически заинтересованное в исходе дела лицо вправе потребовать исследования доказательств. Исследование доказательств может быть проведено также по инициативе суда.

Постановление Пленума № 12 в п.12 не ограничивает круг доказательств, которые могут быть использованы в процессе установления отцовства. Доказательствами признания ответчиком отцовства могут быть любые фактические данные, признанные судом достоверными (письма, телеграммы, фотографии, анкеты, заявления в различные инстанции), другие его действия, свидетельствующие о том, что он признавал себя отцом ребенка, а также показания свидетелей.

Разрешая конкретные дела об отцовстве, суды в связи с установлением происхождения ребенка нередко должны исследовать вопросы, разъяснение которых требует специальных познаний в биологии, медицине и других областях науки, а, следовательно, назначения соответствующей экспертизы.

Ранее назначаемые судами в нашей стране экспертизы по делам о спорном отцовстве могли лишь с достоверностью, но и то в редких случаях, исключить отцовство, а не установить его. Однако в последнее время благодаря достижениям современной медицины стало возможным устанавливать отцовство одним средством доказывания – генно-дактилоскопической экспертизой.

В практике судебных органов встречаются дела, по которым, необходима экспертиза. В стадии подготовки дела к судебному разбирательству экспертиза производится, если из обстоятельств, изложенных в заявлении и объяснениях сторон, а также иных представленных доказательств усматриваются данные, ко-

торые в соответствии со ст.57 КоБС суд принимает во внимание при установлении отцовства. Пленум в постановлении № 12 в п.8 разъяснил, что в таких случаях судья выносит определение о назначении экспертизы, которая проводится с соблюдением требований ст.ст.216–228 ГПК. В п.6 постановления Пленума № 12 указано, что доказательствами, с достоверностью подтверждающими происхождение ребенка от ответчика, могут быть заключения судебно-медицинской и генно-дактилоскопической экспертиз [8].

Судебно-медицинская экспертиза, например, может быть назначена с целью определения времени зачатия ребенка (судебно-гинекологическая экспертиза), установления того, способен ли ответчик иметь детей, если он ссылается на неспособность к деторождению и т.д.

Судебно-гинекологическая экспертиза производится с целью более точного определения времени зачатия ребенка. Ее назначение необходимо в случаях, когда ответчик утверждает, что в момент зачатия ребенка отсутствовал и не был в близких отношениях с матерью ребенка (например, находился в командировке и т.п.).

Суды часто назначают судебно-биологическую экспертизу крови. Еще сравнительно недавно – до начала 90-х годов – такая экспертиза могла только исключить отцовство ответчика, но не подтвердить его, т.е. экспертиза не могла дать точного ответа на вопрос, является ли данный мужчина отцом ребенка, но могла установить, что он отцом не является [1]. Вывод экспертизы об исключении отцовства выступает достаточным основанием для отказа в удовлетворении иска, хотя бы по делу и были установлены обстоятельства, необходимые для установления отцовства.

В настоящее время экспертиза крови может быть проведена методом геномной или генетической дактилоскопии (генно-дактилоскопическая экспертиза). Эта принципиально новая возможность идентификации личности позволяет практически определить отцовство конкретного лица. Метод базируется на современных разработках молекулярной биологии, его научной основой являются различия в структуре ДНК индивидов [10, 36].

Для однозначной идентификации человека при наличии образца его генетического материала достаточно изучить в сред-

нем тринадцать участков ДНК. Оценка достоверности метода связана, скорее, с опасениями технических ошибок, чем с возможностями самого метода.

Однако следует помнить о том, что заключения любой экспертизы не являются каким-то особым доказательством и должны быть оценены судом в совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами, поскольку никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы (ч.3 ст.241 ГПК). Согласно ч.2 ст. 226 ГПК, заключение экспертизы не является обязательным для суда. Несогласие с заключением эксперта должно быть мотивировано [4, 69].

Пленум в п.16 постановления № 12 разъяснил, что заключения судебно-медицинской и генно-дактилоскопической экспертиз выступают одним из средств доказывания, поэтому они должны быть оценены судом наряду с другими доказательствами по делу в их совокупности [8].

Основанием иска по делам об установлении отцовства является кровное родство, биологическое происхождение ребенка от ответчика. Ранее, когда не было возможности с достоверностью установить отцовство, и, в частности, было невозможно установить происхождение ребенка, родившегося в результате случайной связи, принимались во внимание обстоятельства, которые свидетельствовали о семейных отношениях истицы и ответчика, такие как совместное проживание и ведение общего хозяйства, совместное воспитание и содержание ребенка. Сейчас, когда генно-дактилоскопическая экспертиза может почти с достоверностью установить отцовство (и подтвердить биологическое происхождение), представляется, что в случае проведения такой экспертизы суды могут не уделять внимания вышеназванным обстоятельствам.

Однако не следует все-таки исключать эти обстоятельства вообще, так как сторона может отказаться от проведения экспертизы, а суд только вправе, но не обязан, признать факт, который может подтвердить или опровергнуть экспертиза, установленным или опровергнутым. Кроме того, следует помнить, что все же остается некоторая вероятность ошибки заключения эксперта.

Таким образом, анализируя все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

– мнения авторов расходятся по вопросу отнесения обстоятельств, указанных в ст.57 КоБС, и входящих в предмет доказывания. Факт происхождения ребенка от ответчика считается установленным в законе, пока не доказано обратное. Истец освобождается от обязанности его доказывать, так как этот факт предполагается существующим. Ответчик может опровергнуть это предположение, доказав, что он не является отцом ребенка;

– в отношении вопроса о предмете доказывания, об обстоятельствах, которые должны учитываться судом при установлении отцовства доказательства, с достоверностью подтверждающие признание ребенка ответчиком. Так как ранее не было такой судебно-медицинской экспертизы, которая могла бы с достоверностью решить вопрос о происхождении ребенка от определенного лица, экспертизы могли лишь исключить его, то было важным в определении семейных отношений по делам об установлении отцовства использование таких обстоятельств, как совместное проживание и ведение общего хозяйства, совместное воспитание и содержание ребенка. На сегодняшний день существует генно-дактилоскопическая экспертиза, которая может практически со стопроцентной точностью установить биологическое происхождение ребенка. Однако наш законодатель не отказался от учета этих обстоятельств, что подтверждается ст.221 ГПК, где указано, что суд вправе считать обстоятельство, которое может быть подтверждено или опровергнуто с помощью экспертизы установленным или опровергнутым. Исходя из этого положения, суд может и не поступить таким образом. Также следует учитывать, что при установлении отцовства с помощью проведения генно-дактилоскопической экспертизы остается доля вероятности, что ответчик не является отцом ребенка. Таким образом, наш законодатель поступил правильно и в данном случае не следует вносить изменения в ст.57 КоБС, но суды должны наибольшее значение уделять обстоятельствам, с достоверностью подтверждающим происхождение ребенка от ответчика.

Литература

1. Дятлов О. Назначение и производство судебных экспертиз в гражданском процессе // Юстиция Беларуси. 2000. № 4. [Электронный ресурс] / http://www.justbel.info/2000-4/art19.htm.
2. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2009 г. № 148. 2/1578.
3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 09 июля 1999 г. № 278-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2009 г. № 173. 2/1595.
4. Комментарий к кодексу Республики Беларусь о браке и семье / под ред. В.Г. Тихини, В.Г. Голованова. Минск: Светоч, 2005.
5. Комментарий к кодексу о браке и семье БССР // под ред. Н.Г. Юркевича. Минск: 1990.
6. Кондрашов С.А. Возможности генетической экспертизы при идентификации личности и установлении отцовства (материнства) по уголовным и гражданским делам // Гражданин и право, 2001. № 10.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск: Беларусь, 2004.
8. О практике применения судами Республики Беларусь законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 декабря 1991 г. № 12 (с изм. и доп. от 28 сентября 2006 г. № 9) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2006 г. 6/494.
9. О порядке организации работы с гражданами в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, по выдаче справок либо иных документов, содержащих подтверждение фактов, имеющих юридическое значение: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14.12.2005 № 1454 (с изменениями и дополнениями от 19 мая 2009 г. № 646) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2009 г. № 131. 5/29780.
10. Яковлева Г.В. Установление отцовства (по материалам Белл-пост ССР): Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03 // АН БССР Ин-т гос. и права М.: 1976.

ИНДИВИД И ОБЩЕСТВО: ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Кирилл Алесь
(ЕГУ, Вильнюс)

ПОСТМОДЕРНЫЕ ПРАКТИКИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОСТИ

The overall purpose of the essay is to explicate the problem of social normativity construction through the author's interpretation of some topical socio-philosophical phenomena in the outlined conceptual area and to develop an original analysis method of the problem stated above. The following objectives have been achieved: the specifics of fundamental differences between the notions of Modernism and Postmodernism in the context of social normativity construction were explicated; the universalist–particularist dichotomy in the identified problem area was reflected; a new approach to the postmodern social norms' construction as the establishment of particularistic universalism was developed.

Нормативность: от модерна к постмодерну

Соотношение партикулярного и универсального – старая философская проблема, давно вошедшая в классический список извечных дилемм. Многие философские апории приобрели клеймо излишней теоретичности и совершенной абстрактности, не избежала данной незавидной участи и проблема партикулярного и универсального. Несмотря на это, я убежден, что социальное глубоко пронизано данной дихотомией. Ведь мы все часто сталкиваемся с необходимостью примирить наши индивидуальные, частные интересы с интересами общественными

или наш личный взгляд на мир с социальными нормами и стереотипами. Эти неустранимые противоречия с легкостью могут быть описаны в терминах проблематики партикулярного и универсального.

Крайне сложно спорить с тем, что в современном мире мы без особого труда сможем обнаружить разнообразные универсалии в виде бесчисленных законов, норм и правил. Также очевидно и то, что мы не выстраиваем свою жизнь, руководствуясь исключительно неким универсальным измерением – каждый из нас создает собственный, партикулярный проект себя. В контексте практик конструирования социальной нормативности эта проблема приобретает особую остроту и актуальность, так как, с одной стороны, мы с неизбежностью признаем наличие и необходимость социальных норм в качестве универсальных ориентиров, а, с другой стороны, понимаем невозможность создания вечных и абсолютно универсальных норм, тем самым сталкиваясь с предопределенностью партикулярного измерения всякой нормы.

Для исследователя-гуманитария оппозиция модерна и постмодерна является, вероятно, самой любимой и действенной, ведь при помощи этого противопоставления раскрываются многочисленные тайны и загадки устройства современной культуры, пороки общества и специфика производства знания. Наверное, только понятия дискурса и гламура получили большую славу, чем концепт постмодерна, тем не менее и он широко используется для придания своим мыслям перчинки передовой искушенности и туманной загадочности. Мне видится, что использование термина «постмодерн» зачастую становится своеобразной фигурой речи, не столько добавляющей смысла к сказанному, сколько усиливающей эффект от фразы. В этой связи я никоим образом не вижу своей целью «очищение» некоторого интеллектуального поля от «непосвященных», скорее, мне хотелось бы самому избежать той очевидной ловушки, в которую крайне легко угодить при оперировании постмодернистской терминологией. Данное исследование не ставит своей главной задачей теоретическое разведение модерна и постмодерна, однако остро нуждается в таковом, поэтому нам необходимо навести концептуальные мосты с более широким контекстом.

На мой взгляд, социальная норма в нашем понимании является специфическим продуктам модерна, который выдвигает

принципиальную претензию на возможность разумного регулирования и конструирования всех социальных процессов. На все сложнейшие вопросы находятся разумные, «правильные» ответы, причем эти ответы любой из нас, как просвещенный субъект, может найти сам, без помощи сторонних лиц – нужно лишь иметь мужество выйти из состояния интеллектуального несовершеннолетия и начать пользоваться собственным умом. [6, 25–35] Рационализм и индивидуализм становятся теми столпами, на которых зиждется проект Просвещения, однако при более детальном рассмотрении эти основания оказываются противоборствующими друг другу. Индивидуализм и автономность личности, предполагающие самоопределение и свободный выбор, оказываются в плену у рацио, которое «открывает» и дает правильные ответы на любые поставленные вопросы. Свободный кантовский выбор, который осуществляет автономная личность, оборачивается следованием разумному, доброму, вечному. В ироничной эпиграмме Шиллера отражается понимание этого внутреннего противоречия модерна и Просвещения:

«Ближним охотно служу, но – увы! – имею к ним склонность.
Вот и гложет вопрос: вправду ли нравственен я?
Нет другого пути: стараясь питать к ним презренье
И с отвращеньем в душе, делай, что требует долг!» [2, 142]

Свободный нравственный выбор, в сущности, является следованием высшему принципу разума – долгу. Вы можете быть свободным в квадрате и обладать автономной автономией, но в модерном просвещенном обществе уже есть верные, протоpенные пути. А те храбрецы или безумцы, которые решаются выбрать иную дорогу, лишь еще раз подтверждают статус закрепленной истины, оказываясь в положении социальных аутсайдеров; они органично встраиваются в оппозицию между истинным и ложным, нормальным и ненормальным. Невзирая на патетичность и красочность лозунгов, просвещение оказывается тоталитарным, превращаясь в глобальный обман масс. [8, 20–60]

Хоркхаймер и Адорно вскрыли двойственность и оборачиваемость идеалов просвещения, показав теневую сторону этого победоносного шествия Разума. По их мнению, «Просвещение тоталитарно как ни одна из систем. Неистина его коренится <…> в том, что для него всякий процесс является с самого начала уже

предрешенным». [8, 42] Иллюзорность выбора, предоставляемого Просвещением, заключается в том, что «нормированные способы поведения отчеканиваются в качестве единственно естественных, пристойных, разумных» [8, 45] и именно «так устраняется последняя инстанция разрыва между индивидуальным действием и социальной нормой». [8, 47]

Это внутреннее противоречие модерна является ключевым для понимания современной специфики социальной нормативности. Однако неверным было бы заключить, что социальная норма – это лишь продукт Просвещения; безусловно, можно вести речь о наличии норм и на более ранних этапах истории, но посыл в том, что именно в эпоху модерна с социальной нормой происходят значимые метаморфозы, существенно обусловившие то, каким образом нам дана нормативность сегодня. Социальная норма, презентирующая себя от лица Разума, предстает как издевательский догмат, которому вы, конечно, можете не следовать, если желаете оказаться аутсайдером социального поля. Связь знания о норме и воспроизводство этого знания через власть как легитимной, верной и разумной модели жизни, которая изучается, анализируется и, в сущности, этими процессами и конструируется.

Классик постмодернизма Жан-Франсуа Лиотар утверждает, что модерн основывается на трех ключевых аспектах. Во-первых, экономический рационализм, который предполагает подчинение и полный контроль над природой. Во-вторых, политический рационализм, основывающийся на контроле всех политических процессов. В-третьих, научный рационализм или позитивизм, главной идеей которого является принципиальное убеждение в возможности достижения объективного знания [5, 35–39]. В этом отношении эти три столпа модерна остаются устойчивыми и даже непоколебимыми благодаря процессам самолегитимации знания. Лиотар пишет об этом следующим образом: «когда этот метадискурс прибегает эксплицитным образом к тому или иному великому рассказу, как, например, диалектика Духа, герменевтика смысла, эмансипация разумного субъекта или трудящегося, рост богатства и т.п., – то науку, которая соотносится с ним, в целях самолегитимации решают назвать "модерном"». [5, 11] Таким образом, в контексте эпохи модерна социальная норма предстает в качестве разумно установленного ориентира,

который в известном смысле спущен «сверху» и является универсалией *par excellence*.

В своей работе «Состояние постмодерна» Лиотар пишет, что «упрощая до крайности, мы считаем «постмодерном» недоверие в отношении метарассказов» [5, 11]. Метанарративы, эти грандиозные рассказы о картине мира, об историческом прогрессе, о смысле истории и принципиальной познаваемости мира, уже давно утратили свою былую безупречность и самоочевидность. Этим масштабным повествованиям больше никто не верит, и они вряд ли смогут представить и вместить нас всех. Данному убеждению поспособствовали брутальный опыт Второй мировой войны, когда эти метанарративы окончательно утратили свою легитимирующую силу. Адорно полагал, что «писать стихи после Освенцима – это варварство». Это был поистине страшный урок. Человечество, умывшись собственной кровью, развеяв пепел сотен тысяч заживо сожженных, похоронив миллионы убитых мужчин и женщин, оплакав детей, умерших от голода, наконец-то поняло, что универсализм и эссенциализм могут быть крайне опасными явлениями.

Продолжая рассуждать о постмодерне, стоит отметить, что для данного термина существует огромное количество определений и трактовок. Например, Зигмунт Бауман понимает постмодерн как определенное состояние ментальности, отличное от ментальности модерна. Бауман выделяет следующие характеристики для описания постмодерного состояния: плюрализм культур, который распространяется на традиции, идеологии и формы жизни; постоянная изменчивость и отсутствие каких-либо универсалий, т.е. возрастание роли партикулярного; отсутствие «основной» реальности, ибо все феномены социальной жизни представляют собой символы [10, 28–50].

Постмодерн не нацелен на поиск окончательных нормативных ориентиров, скорее, ярые постмодернисты ратуют за релятивность всех социальных норм, т.е. за их партикулярный характер. Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что концептуальный разрыв между модерном и постмодерном высвечивает глубинные сдвиги в практиках означивания социальной нормативности. Модерная норма – это универсальный метанарратив, в который включены все рациональные субъекты, определяющие себя через принадлежность или непринадлежность к

нему; объективное знание о норме и практики воспроизводства этого знания и создают устойчивую и центрированную субъективность. Более того, социальное как таковое структурируется с помощью данного грандиозного повествования о нормальности, утверждая тем самым эссенциальный характер социальной нормы как онтологической данности.

Постмодерн проявляет крайнюю подозрительность и недоверие к метарассказам, следовательно, к абсолютности и универсальности социальных норм, постоянно помещая их в исторический, социальный и экономический контексты. Норма больше не может репрезентировать себя от лица Разума, так как новоевропейский рационализм утрачивает свою абсолютную автономность. Ницше, Фрейд и Маркс продемонстрировали, что разум и рациональность могут быть детерминированы историческими, психологическими и экономическими факторами.

Дилемма партикулярного и универсального

Вопрос соотношения партикулярного и универсального занимает центральное место в современных политико-философских дебатах. Внимание к этой проблеме вызвано тем, что универсальные ценности, как и универсальные нормы, все больше и больше видятся чем-то надуманным и необязательным. Социальная критика XX в. поставила под вопрос позитивный характер любых универсалий, рационалистическая западноевропейская традиция Просвещения не выдержала испытания на прочность со стороны мультикультурализма, постколониального опыта и феминистской критики: «высоким» идеалом западной культуры были предъявлены обвинения в идеологичности, ориентализме и имплицитном неравенстве полов. Постмодернистская критика в один голос утверждает, что всякие универсалии сегодня излишни и даже опасны. В этом отношении возрастание роли партикулярного, локальных дискурсов и рассказов противопоставляется метанарративу Просвещения, что нашло отражение в философии мультикультурализма.

Отказавшись от «дурных» универсалий и универсальных норм, мы тем не менее вынуждены искать ответ на весьма важный вопрос: каким образом возможна чистая культура различий или чистый партикуляризм в отношении социальной норматив-

ности? Есть несколько причин в этом усомниться. Во-первых, нормативность возникает параллельно с социальностью как некоторый регулятор и усреднитель человеческих действий и отношений, в этой связи у Робинзона не возникало и не могло возникнуть сложностей с социальными нормами в силу отсутствия интерсубъективного уровня. Норма всегда проявляется между социальными акторами, можно сказать, что нормализируется в первую очередь сам социальный порядок, т.е. порядок отношения людей друг к другу, а не отдельные индивиды. В этой связи для отправления нормативности всегда необходим Другой, который подтвердил бы мою нормальность и стал бы ее гарантом. С появлением Пятницы у Робинзона возникает необходимость регламентирования отношений с Другим: потребность в регулировании, желание прийти к общему знаменателю, иными словами, обрести некую разделяемую ими обоими норму. Если отойти от метафоры Робинзона, который изначально не имеет нормативности и не нуждается в ней, и представить себе ситуацию изолированных островных племен, скажем, где-нибудь в Индонезии, допустив, что у каждого из племен уже сформировались мифологический порядок, некоторые типичные социальные практики и определенные социальные нормы, исходя из которых выстраивается целостность сообщества. Давайте представим, что мифологический порядок, типичные социальные практики и нормы принципиально различны у всех племен.

Продолжив этот интеллектуальный эксперимент, помыслим, что в силу некоторых объективных и независящих от них причин все эти племена оказались в перемешанном состоянии на одной, сравнительно небольшой территории. Если отбросить тот вариант, что они непременно уничтожат друг друга, и предположить, что они попытаются найти способ совместного сосуществования, то даже если они будут говорить на одном языке, им ничего не останется, кроме как обратно сбиться в племенные кучки, так как они обладают принципиально различными хабитуальными и нормативными установками. Из этой гипотетически сконструированной ситуации можно сделать вывод, что прийти к взаимопониманию невозможно в силу различных нормативных систем. Пока каждое племя обладало целостной гомогенной нормативностью, общность была возможна, но в данном положении им необходимо изобрести новую, более

общую нормативную систему, включающую или видоизменяющую партикулярные нормативности каждого из племен.

В этом отношении модерное общество обладало общей универсальной нормативной системой, позволяющей регулировать и разрешать моральные дилеммы, структурировать и управлять разнообразными социальными практиками и, наконец, дифференцировать и означивать различные идентичности в качестве правильных и неправильных, т.е. социальная связность больших множеств людей становилась возможной благодаря наличию метанормативной системы. В случае с мультикультурализмом мы как будто заново попадаем в ситуацию разрозненных племен, оказавшихся на одной территории и лишенных общих универсалий. Минимальное чувство реальности подсказывает, что в современном обществе ни индивид, ни группа людей не могут существовать как монада, в совершенной изоляции от других. Эрнесто Лакло отмечает, что значимой «частью групповой идентичности является формирование сложных и разноплановых отношений с другими группами, и эти отношения будут регулироваться нормами и принципами, выходящими за пределы партикуляризма каждой отдельной группы» [3, 134]. Иными словами, заявление чьей-то отдельной партикулярности вынуждено обращаться к тому, что выходит за пределы этого частного контекста. Лакло отмечает, что «принимая право этнической группы на культурную автономию, мы выражаем аргументированное требование, которое может быть оправдано только в области универсального» [3, 134].

Вторая проблема, связанная с радикальным партикуляризмом, заключается в том, что нормативность всегда предстает в качестве интерсубъективного феномена: в сущности, норма становится нормой только в случае означивания и признания ее таковой некоторым сообществом людей. В этом отношении норма всегда направлена вовне, к примеру, маргинальное этническое сообщество определяет и узнает свою маргинальность через соотнесение себя с главенствующими тенденциями (мейнстримом), таким же образом нормативная система определенной этнической группы начинает острее ощущаться в столкновении с другими нормативными системами. Из этого следует, что партикулярность в современной культуре не может быть сформирована на основании чистого различия: партикулярное в самом

основании постоянно вынуждено обращаться к универсальным принципам.

Оппозицию партикулярного и универсального можно помыслить диалектически, причем лишив универсалии их онтологического статуса. Лакло предлагает мыслить универсалии в современном обществе через «цепь эквивалентностей». Здесь открываются две перспективы. С одной стороны, существует возможность представления нормативных систем и их требований в качестве элементов более широкой цепи эквивалентностей, что позволяет выдвинуть обоснованную претензию на статус «относительной» универсализации. Лакло приводит следующий пример: «Если феминистские требования входят в отношения сходства с требованиями групп чернокожего населения, этнических меньшинств, правозащитников и т.п., они получают более глобальную перспективу, нежели в ситуации, когда они остаются ограниченными своим собственным партикуляризмом». [4, 132] С другой стороны, мы можем наделять отдельную нормативную систему функцией универсальной репрезентации, т.е. партикулярная нормативность становится особым элементом, определяющим смысл и конфигурацию всей цепи эквивалентностей. К примеру, дискурс прав человека стал той партикулярной нормативной системой, которая была наделена универсальным статусом, причем цепь эквивалентностей остается открытой для новых элементов.

Таким образом, невозможность универсального основания не устраняет его необходимость: оно лишь трансформирует это основание в пустое пространство, которое лишь частично может быть заполнено, причем множеством способов (совокупностью стратегий этого заполнения, по сути, и является политика). Универсальная нормативность гарантирует социальный порядок, тоска по универсалиям связана с опытом аномии или хаоса в социальной жизни. В этом отношении всякий порядок лучше, чем полный беспорядок. Сколь остро и долго мы бы ни критиковали универсалии, нам все равно не удастся отказаться от них. В этом отношении приемлемой стратегией является принятие множественного и фрагментарного характера современных обществ, т.е. не придерживаться политики чистого партикуляризма, а попытаться вписать эти различия в более широкий контекст через некую логику эквивалентности. Следовательно, партикуляризм

в отношении нормативности необходим и является отправной точкой для выстраивания любых относительных универсализаций, которые оказываются своеобразным пустым горизонтом, а не априори определенной сущностью.

Постмодерные практики как процесс конструирования нормативности

Поставленная проблема партикулярного и универсального в контексте оппозиции модерна и постмодерна может быть прочитана в качестве соотнесения модерна с радикальным универсализмом, а постмодерна с радикальным партикуляризмом. В этом отношении модерная нормативность всегда предстает в качестве непреложных универсалий, тем самым практически полностью нивелируя партикулярное измерение. Модернисты хотят контролировать мир, покорять природу, а главное – контролировать разрозненные массы людей. Эта давняя модернистская мечта всеобщего порядка и благоденствия, реальность которой обеспечивалась через следование универсальной и легитимированной нормативности, привела модерн в яму, вырытую ему универсалиями. С другой стороны, радикальный партикуляризм или релятивизм всех ценностей и норм не является удовлетворительным. Состояние разброда и шатания, когда нормативность отрывается от своего универсального измерения, можно назвать положением без руля и ветрил – мы уже больше не знаем, что правильно, а что нет, что морально, а что аморально, что хорошо, а что плохо. Сложно представить себе общество, которое смогло бы долго просуществовать в таких условиях. Выход из дилеммы партикулярного и универсального может быть найден в понятии постмодерных практик конструирования социальной нормативности.

Итак, что же такое постмодерные практики конструирования социальной нормативности? По моему мнению, эти практики имеют дискурсивную природу, иными словами, их можно назвать локальными языковыми играми. В некотором смысле это практики означивания разнообразных партикулярных групповых принципов и правил в качестве социальных норм. К примеру, когда этническое меньшинство пытается легитимировать свою культурную особенность как некую социальную норму.

Эта претензия неизбежно затрагивает установление нового легитимного знания о норме, которое учитывает нормы представителей других этносов и культур. Во-вторых, постмодерные практики конструирования нормативности возникают на низовом уровне, т.е. они характеризуются движением «снизу», когда самые различные акторы вступают в публичную сферу с интенцией нормирования социального. В-третьих, эти практики рефлексивны: акторы осознают необходимость универсального, но не трактуют его в эссенциалистском ключе, в нынешней ситуации они вынуждены в процессе регулярной артикуляции заполнять пустое пространство универсального.

Таким образом, постмодерная практика конструирования социальной нормативности понимается как процесс создания партикулярной универсальности, основанной на постоянном соотнесении и определении некоторой партикулярной нормативности через другие нормативные системы и определенные метанормативности (права человека). В данной ситуации меняется само отношение и понимание нормы, ведь норма всегда является чем-то непроговоренным, чем-то самоочевидным, невидимым; коль скоро в условиях современного общества мы вынуждены постоянно тематизировать и проговаривать нашу нормативность, то постмодерная норма может быть определена как партикулярная универсалия, уже помещенная в некоторый трансцендентный ей дискурс.

Литература

1. Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. М., 1994. № 4. С. 70–79.
2. Гулыга А.В. Кант. М.: Изд-во Молодая гвардия, 1977.
3. Лаклоу Э. Субъект политики, политика субъекта. Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1.
4. Лаклоу Э. Субъект политики, политика субъекта. Гуманитарная мысль Юга России. 2006. № 1.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя, 1998.
6. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? Собр. соч. в 6-ти т. Т. 6. М., 1966.
7. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. Медиум Ювента. М., С-Пб., 1997.

8. Bauman Z. Intimations of Postmodernity. London: Routledge, 1992. P. 322.
9. Bauman Z. Postmodern Ethics. Oxford: Basil Blackwell, 1993.
10. Laclau E. Universalism, Particularism and the Question of Identity. In: Rajchman J. (ed.). The Identity in Question. New York: Routledge, 1995.

Ольга Корнеева
(ЕГУ, Вильнюс)

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ СОВРЕМЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

The study examines the causes of transformation of the concept of freedom formulated by representatives of classical liberalism. The relevance of the topic chosen is due to the role of policy of liberalism in the development and establishment of European states from the XVIIth century to the present day. The principles of liberalism, which were formulated by theorists of classical liberal theory since their inception and until today, have not lost their significance. Speaking about the principles of liberalism, we speak about liberty, the right to life and the right for private property.

Либерализм как форма социально-экономического и философско-идеологического миропорядка появился не так давно, около пяти веков назад. Идейная основа либеральной доктрины сформулирована просветителями и развита мыслителями XVII – начала XIX вв., именно в этот период закладывалась та форма либерализма, которая впоследствии получила название «классической». Новое мировоззрение, основополагающими принципами которого были частная собственность, демократические свободы и примат личности над государством, вобрало в себя многое из раннебуржуазной общественной мысли, одновременно отражая процессы модернизации, охватившие Западную Европу тех веков.

У истоков либерализма стояли такие политические деятели и мыслители, как Т. Гоббс, Дж. Локк, Л.Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, А. Смит, В. Гумбольдт, Т. Джефферсон, А. де Токвиль и др. При всех различиях концепций общей для них была идея пересмотра устоявшихся, но уже устаревших ценностей и подходов к решению важнейших социально-экономических и политических вопросов и утверждения приоритета прав и свобод личности по отношению к интересам государства. Идея естественных прав человека исходила из утверждения о наличии неотчуждаемых прав человека, всестороннее обеспечение которых и составляет задачу государства. Естественные права определяли границу полномочий власти в отношении индивида, независимо от того, кто выступает в роли суверена. Эти права признавались фундаментальными ценностями, стоящими над государством, и все попытки их нарушения рассматривались не только как нерациональные, но и как незаконные и аморальные.

Либеральные концепции отличаются рядом особенностей в рамках разных национальных традиций, зачастую отдельные аспекты теории либерализма противопоставляются друг другу. Принципы либерализма каждый раз комплектуются по-новому, пересматриваются, дополняются, изменяются. Опираясь на работу американского философа Р. Дворкина «Либерализм» [4, 45–74], можно при этом выделить отличительные черты либеральной философии:

- Индивидуализм. Приоритет интересов индивида перед интересами группы (общества).
- Рационализм и мирные преобразования.
- Приверженность идее прав человека и ценность свободы личности. Возможность самореализоваться в меру своих способностей.

Интерпретация свободы и прав человека в разные эпохи либеральной мысли постоянно преобразовывалась и изменялась, но приоритет свободы как главной ценности остался неизменным. Представление о том, что каждый индивид должен иметь возможность для самореализации, подкрепляется системой институциональных гарантий прав индивидов: право на жизнь, свободу, собственность – в классической либеральной теории, создание правового государства по принципу равенства всех граждан перед законом. Средством для установления в государ-

стве новых политических отношений послужила система сдержек и противовесов, которая предполагает четкое разделение полномочий между тремя основными видами власти – законодательной, исполнительной и судебной.

Следует отметить, что понятие естественного права было введено философами классического либерализма для определения свободы действий человека в догосударственном, природном состоянии, со всеми вытекающими из этого последствиями – у кого война, а у кого и трудоемкие мирные собственнические отношения. Природный, естественный порядок, по мнению Гоббса и Локка, имеет место и в социуме, где он познаваем человеческим разумом и тождественен подлинным, неиспорченным человеческим желаниям или правам, эти права – жизнь, свобода и собственность. И, как следствие рационализации общественной жизни в социуме, естественное состояние человека предполагает существование естественных законов, «естественного порядка». Но естественные законы не способны стабилизировать человеческую жизнь, так как в естественном состоянии высшей инстанцией для критики и осуждения человеческих поступков является объективное отношение человека к самому себе, на что, по сути, нельзя возлагать больших надежд. Каждый свободен защищать свою жизнь и собственность всеми возможными для этого средствами, поэтому естественное состояние – все же предпосылка к возникновению правового государства, которое сможет беспристрастно, посредством законов, решать споры между людьми, осуществлять надлежащее наказание виновных и защищать невиновных, а главное, следить за соблюдением естественных законов.

Следующий шаг в либеральном понимании автономии индивида сделал немецкий философ И. Кант. В своих сочинениях критического периода он отстаивает «самостоятельность этики и идею необходимости существования государства для свободного, основанного на частной собственности общества» [6, 184].

По мнению Петера Козловски, предыдущие попытки трактовать индивидуальную этику основывались либо на стремлении к всеобщему благу путем установления абсолютистского государства, как у Гоббса, либо на формальном отождествлении естественного права индивида с правилами морали, как у Локка. Однако эти подходы нельзя считать успешными. Например, в

доктрине Локка правила морали устанавливались Богом и не согласовывались с индивидуальными предпочтениями или хотя бы общепринятыми максимами. Кант попытался показать, что установление единства индивидуального счастья и всеобщего социального блага, а также теологические трактовки морали не принимают во внимание нравственную автономность индивидов в обществе. В «Основах метафизики нравственности» (1785 г.) Кант задается вопросом – может ли существовать нравственность, обоснованная только эмпирически, а не a priori в чистом практическом разуме? Ответ на этот вопрос у него отрицателен – нет и не может быть чисто эмпирических оснований для нравственности: «…Ведь о каждом приводимом мне примере нравственности следует сначала судить согласно принципам моральности, достоин ли еще он служить первоначальным примером, т. е. образцом, и такой пример никак не может предоставить в наше распоряжение само высшее понятие моральности. <…> …у нас есть понятие о боге (которого мы не видим) как о высшем благе только из идеи нравственного совершенства, которую разум составляет a priori и которую он неразрывно связывает с понятием свободной воли» [5, разд. II]. Высший принцип нравственности для Канта – автономность воли.

Итак, в кантовском понимании «свобода есть ключ к объяснению автономии воли». Кант поясняет: воля есть причинность разумных живых существ, понятие причинности заключает в себе понятие законов, свобода относительно разумных существ должна пониматься как причинность по неизменным законам, ибо царство цели живет согласно неизменному категорическому императиву. Для сравнения – в царстве причины естественная необходимость – это всегда гетерономия действующих причин. Следовательно, в царстве цели свобода воли это всегда уже автономия или, иначе, свойство воли – быть для себя законом.

Идея прав человека появилась еще в XVII веке, во времена английской и французской революций, которые защищали свободу, пропагандировали равенство. Локк впервые заговорил о равенстве, свободе и независимости индивидов еще в догосударственном, естественном состоянии, их праве распоряжаться своей личностью и своей собственностью; все перечисленное, для удобства в данном контексте, предлагаю обозначить терми-

ном «самость». У Локка не возникало трудностей с трактовкой подчинения индивидов естественному закону, ведь он соотносился с велением Божьим. Согласно размышлениям в статье Г.Я. Миненкова «Концепт идентичности: перспективы определения», трудности в трактовке своей самости в трактате Локка возникают непосредственно при переходе из естественного состояния в состояние гражданское. Если божественные законы еще были способны обеспечить основу нравственности, то «законы гражданского права и требования общественного мнения или репутации вызывают у индивидуальной идентичности большее беспокойство: они являются процедурами, посредством которых люди управляют сами собой и находятся, в лучшем случае, в амбивалентном отношении с догмами божественного закона. Трудности Локка особенно очевидны при обсуждении формирования самости в рамках приватных сфер, сфер повседневной жизни» [13].

Буржуазные революции и последовавшее за ними распространение национализма в XIX веке способствовали росту экономической мощи и эффективности национальных государств. В XIX веке особенно остро встает проблема поиска человеком своей идентичности, которая уже не объяснялась врожденными естественными или божественными велениями, но формировалась в приватной сфере. Э. Гидденс объясняет интерес индивида к собственной личности в эпоху модернити повышением роли индивидуальной рефлексии, а, точнее, саморефлексии, которая была вызвана ростом социологизации жизни. Как подчеркивает В.Н. Фурс [15], анализируя интерпретацию Гидденсом позднего модерна, рефлексивность выступала отличительной чертой модерного типа социальной жизни и заключалась в постоянной критике и трансформации социальных практик в свете нового знания, выступающего в самых разных формах. Новая модель или «проект» человека строится по принципу «человека разумного, познающего и само-познающего «человеческого агента», который способен дисциплинировать, воспитать, переделать самого себя в соответствии с требованиями разума. В центре проекта модерна – познающий субъект как исходный пункт философии» [14].

Политика либерализма, безусловно, прошла проверку временем и доказала свою жизнеспособность. Либерализм достиг

успехов в устранении иерархических преград, сдерживающих индивидуальную свободу, и в обеспечении широких возможностей граждан в их социальном действии и взаимодействии. Разработанный им политический язык прав человека настолько прочно вошел в культуру и психологию людей, что люди в современном западном мире воспринимают себя не иначе как носителей определенных прав [14].

Однако появление на политической арене новых коалиций, защищающих права человека, которые, тем не менее, нельзя однозначно отнести к лагерю либералов, говорит о неоднозначном положении современного либерализма. Тенденция иной интерпретации прав человека, отличной от либеральной, свидетельствует о кризисе либеральной политики. Популярным стало мнение, что либерализм исчерпал свои возможности. Толчком к критическому переосмыслению либеральной теории послужила книга Дж. Ролза «Теория справедливости» (1971), подвергшаяся критике со стороны как «правых», так и «левых» течений политической мысли. Но наиболее важна в этом плане полемика Дж. Ролза с представителями коммунитаристского движения, которые поставили под сомнение сами основы либеральной теории – представление об индивиде как о самодостаточном, обладающем правами субъекте. В противовес либеральным ценностям коммунитаристы предложили свое понимание индивида как субъекта-носителя определенной социальной идентичности. Отсюда и отличное от минималистской концепции либерализма понимание свободы индивида. Согласно критике коммунитаристов, представление о человеке как об автономном рациональном субъекте позволяет трактовать свободу не иначе как «негативно», что подразумевает право индивида делать то, что он хочет, и отсутствие внешних препятствий для этого. Критика атомистического понимания индивида позволила коммунитаристам выдвинуть ряд обвинений против либерализма и его системы ценностей. В целом в критике коммунитаристами либеральной теории можно выделить несколько направлений: это критика приоритета справедливости, критика либерально субъекта, социальный атомизм либеральных концепций и моральный субъективизм либеральных ценностей. Особенно ярко идеи коммунитаризма выражены известным американским философом М. Сэнделом.

Ч. Тейлор утверждает, что помимо реальных расхождений двух концепций можно видеть и определенное пересечение их целей, вносящее путаницу в полемику между ними. Проблемные вопросы данной полемики Тейлор предлагает разделить на онтологические и вопросы отстаиваемых позиций, что позволяет разделить либералов и коммунитаристов на два лагеря – атомистов и холистов. Первые, по его мнению, убеждены в том, что «при объяснении социальных действий, структур и условий мы можем и обязаны истолковывать их в терминах свойств социальных индивидов», вторые отстаивают мнение, что «социальные блага мы можем и должны истолковывать в терминах взаимосвязи индивидуальных благ». Тейлор объединяет данные теории одним термином – «процедурные», потому как достижение свободы, согласно им, происходит именно за счет процедурного принятия решений, иначе, установления законов.

Политический либерализм, по мнению Ролза, формулирует политическую концепцию справедливости в смысле определенной доктрины, охватывающей как политические, так и неполитические ценности и добродетели в рамках одной строго сформулированной системы, но идеи блага обязательно должны быть политическими идеями, которых смогли бы придерживаться свободные и равноправные граждане. В теории справедливости Ролза подобное ограничение либерализма находит свое выражение в приоритете права; в общих чертах этот приоритет подразумевает невыхождение допустимых идей блага за пределы, установленные политической концепцией справедливости.

Коммунитаристская теория ставит во главу угла идею зависимости индивида от сообщества (community), отсюда ее критическая настроенность по отношению к современному либерализму и к теории Ролза в частности, где основное внимание при нормировании общества было направлено на индивидуальные предпочтения политического субъекта. Сэндел отвергает выдвинутый Ролзом, а до него еще Кантом, тезис о приоритете справедливости, который имеет место в либеральной доктрине, господствующей в современной этико-правовой и политической философии. В противовес приоритету справедливости он рассуждает о пределах справедливости и тем самым формулирует вопрос о пределах либерализма в целом. По его мнению, эти пределы заключены в самом идеале справедливости: «Суть

моей позиции выражает не положение о том, что справедливость, каким бы прекрасным идеалом она ни была, полностью нереализуема на практике, а положение о том, что в самом идеале заключены пределы. Для общества, вдохновленного идеей либерализма, проблема состоит не просто в том, что справедливость всегда будет тем, что еще предстоит достичь, а в том, что сам ориентир ошибочен» [11, 192].

Коммунитаристы критиковали либералов за неадекватную концепцию личности, за чрезмерный индивидуализм и атомизм в понимании отношения между человеком и обществом, за неудовлетворительную концепцию ценностей, в которой можно обнаружить черты субъективизма, скептицизма и универсализма. Представлению о человеке как свободном и рационально действующем индивиде коммунитарные критики противопоставляют идею социальной обусловленности личности, ее деятельности, ее прав, свобод, идей и принципов. Согласно коммунитаристам, либеральная концепция личности неизбежно оборачивается асоциальным индивидуализмом, для которого общество является не более чем «результатом договоренности» между индивидами, цели которой якобы заранее установлены именно индивидами.

Наконец, еще одна линия в коммунитаристской критике – это аргументы против либерального понимания природы ценностей. Коммунитаристы обвинили либералов в приверженности субъективистской концепции ценностей: утверждение о свободном выборе индивидом своих целей и ценностей предполагает, что их представление о благе есть лишь произвольное выражение предпочтений и желаний человека и потому имеет не больше рациональных обоснований, чем сами эти предпочтения и желания. К такому выводу, считают коммунитаристские критики, склоняет и анализ либералистского принципа нейтральности, из которого следует, что ни одному представлению о благе нельзя дать более рациональное или объективное обоснование, чем любому другому. А это означает субъективизм и релятивизм. Избежать субъективизма только можно, осознав важность социума – во всем многообразии его социальных практик и связей – как источника и гаранта объективности ценностей. Если же источник ценностей усматривают в деятельности индивида, а общество понимается как состоящее «из индивидов, каждый

из которых имеет свой собственный интерес и которые затем собираются вместе, чтобы сформулировать общие принципы общежития», – то ссылки либералов на универсальный характер ценностей не спасут их от субъективизма.

Дискуссии между либералами и коммунитаристами, по моему мнению, никогда не завершатся победой одной из сторон, точно так же, как и возможного консенсуса в спорах достигнуть сложно. Но, так или иначе, спор между либералами и коммунитаристами заставил обратить особое внимание на такой значимый не только для философских теорий вопрос, как отношение индивида и общества. Коммунитаристская критика по отношению к либерализму в этом споре приобрела облик «морального скептика» [2, 45–56], пытаясь с различных сторон проанализировать принципы либерализма, восходящие еще к кантовской традиции универсальных моральных норм. Категорический императив, фундамент кантовской концепции, не дает повода усомниться в возможности существования универсальных моральных действий, так же, как и универсальной рациональности.

Достижение некоторого консенсуса в либерально-коммунитаристских дискуссиях я вижу только при условии солидаризации противоборствующих мыслей. К примеру, коммунитаристы не могут не считаться с идеей либерализма о том, что только моральный индивидуализм может служить основой для личной автономии, даже в условиях коммуны. С другой стороны, либералы должны признать, что, так или иначе, но в условиях государства (большого общества) требования к принятию того или иного соглашения зачастую приводят к принужденному соответствию. Данная мысль подробно раскрыта в работе современного американского философа Лорена Ломаски «Свобода и обеспечение блага: размышления о крахе либерализма» [1]. В любом случае и коммунитаристы, и либералы должны принять к сведению тезис Тейлора о невозможности обоснования моделей крайне атомистского, или крайне холистского общества [12, 219–248].

Если либералы видели свободу человека в возможности самоосуществления и минимального вмешательства государства, то коммунитаристы выдвинули тезис о превращении свободы в социальную идентичность. Понимая общество как общность людей, объединенных одной идеей блага, коммунитаристы стреми-

лись показать, что поддержание социальных связей в обществе, а значит и общество в целом, возможно только в том случае, когда ярко выражен процесс отождествления индивидом себя с определенной коммуной – общностью таких же индивидов, с такими же притязаниями. По этой причине коммунитаристскую этику трактуют в терминах этики идентичности. Но все же идея общего блага как основополагающая для сплоченности общества сегодня так или иначе, но является пережитком Античности, поэтому коммунитаристские обвинения либералов в актуализации правового аспекта социальной жизни, а именно справедливого распределения благ, не решили спора о свободе индивида, что дало почву для новых дискуссий.

Литература

1. Lomansky L. Liberty and Welfare Goods: Reflection on Clashing Liberalisms. 2000, Journal of Ethics. Vol.4. № 1/2.
2. Seonghwa L. Transversal-Universals in Discourse Ethics. Towards a Reconcilable Ethics between Universalism and Communitarism. Human Studies, 2001. Vol. 24. № 1/2. P. 45–56.
3. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001.
4. Дворкин Р. Либерализм. Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. Перев. с англ. Л. Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998.
5. Кант И. Основы метафизики нравственности. Под ред. Асмуса В.Ф., Гулыги А.В., Ойзермана Т.И., 2001.
6. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998.
7. Локк Дж. Два трактата о правлении. М.: Канон+, 2009.
8. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
9. Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения. О духе законов. М.: Печатный двор, 1955.
10. Ролз Дж. Теория справедливости. В: Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. Перев. с англ. Л. Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998.
11. Сэндел М. Либерализм и пределы справедливости. В: Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. Перев. с англ. Л. Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998.

12. Тейлор Ч. Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами. В: Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. Перев. с англ. Л. Б. Макеевой. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998.
13. http://belintellectuals.eu/publications/174/
14. http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000197/index.shtml
15. http://www.i-u.ru/biblio/archive/furs_critical_pheory/

Кірыл Стаселька
(БДУ, Мінск)

СУЧАСНАЯ ФОРМА БУНТА ЯК ФАКТАР РЭПРАДУКЦЫІ СІСТЭМЫ

The goal of this article is to answer the question «What can we find in the contemporary forms of riot?». Is riot a rebellion against the system today? The contemporary form of riot is not to rebel against the system. It is just a reproduction of the system. The cause of it can be found not in riot but in forms of riot. These forms make an illusion of changing without changing anything. The system makes these forms save itself with the help of mass media that are an effective tool of the system.

Можна сказаць, что наша грамадства, у некаторай меры, стала грамадствам бунта. Бунт, як выступленне супраць сістэмы, ахапіў усе сферы: палітыку, рэлігію, моду, мастацтва і іншыя. Кожны дзень адбываецца шэраг бунтаў, як лакальных, так і глабальных, пра якія мы даведваемся большай часткай праз масс-медыя. Масс-медыя сталі рупарам бунта. Але ўзнікае пытанне, чаму ўсе гэтыя бунты не прыводзяць да нейкіх істотных зменаў.

Знайсці адказ на гэтае пытанне могуць дапамагчы наступныя словы Жана Бадрыяра: «Сення ўсё, што імкнецца быць маргінальным, ірацыянальным, бунтуючым, «антымастацтвам», анты-дызайнам і г.д. – пачынаючы ад пап-музыкі і канчаючы псіхадэлікай ды вулічнымі выступамі – ўсё гэта, хоча яно таго ці не, падпарадкавана адной і той жа эканоміі знака» [1, 282]. То бок сучасны бунт прадстаўляе сабой знак, які, як і кожны знак, дзейнічае ў логіцы адрознення.

Але перш наперш варта вызначыцца з тым, што такое бунт. Па сутнасці, бунт з'яўляецца разавым выступленнем супраць сістэмы, сцвярджэннем уласнага патэнцыяла істотна змяніць альбо знішчыць сістэму. Таму сам бунт яшчэ не наносіць шкоды сістэме, а толькі пазначае крыніцу пагрозы. У дадзеным выпадку пад сістэмай, супраць якой выступае бунт, будзем разумець не ўсялякую сістэму, а толькі пануючую. Так, калі ў палітычнай сферы можа існаваць шэраг сістэм, то любы бунт будзе накіраваны супраць пануючай сістэмы.

Пануючая сістэма з'яўляецца заканадаўцай нормы, то бок пануючая сістэма ёсць норма, а бунт у сваю чаргу выступае як маргінальнасць. Бунт есць маргінальнасць у тым сэнсе, што ён не адпавядае норме, знаходзіцца па-за межамі поля, і такім чынам ён акрэслівае межы сістэмы. Таму бунт можа праяўляцца ў любой форме, якая не адпавядае пануючай сістэме. Але калі маргінальнасць – гэта працэсуальнасць, то бунт – гэта разавы выбух, разавы акт.

Будзем адрозніваць бунт-патэнцыял (БП), які сцвярджае сваю патэнцыю істотна змяніць альбо знішчыць сістэму, і бунт-адрозненне (БА), які сцвярджае не патэнцыял, а непадабенства. БП, які выступае супраць пануючай сістэмы, як мінімум пагражае сістэме істотнымі зменамі, а як максімум – і поўным знішчэннем, ды такім чынам набывае анталагічны статус (у традыцыі экзістэнцыяльнай філасофіі бунт мае анталагічны статус, бо так ці інакш адбіваецца, закранае быццё таго, хто параджае бунт, і таго, хто з'яўляецца часткай сістэмы). БП мае пэўны рэферэнт у рэальнасці (без гэтага былі б немагчымы змены). БА не мае рэферэнта, і па сутнасці выступае не супраць сістэмы, а супраць такіх жа знакаў адрознення. Такім чынам БА як пусты знак не здольны штосьці змяніць і тым больш не нясе пагрозы для пануючай сістэмы.

Але такім чынам, дзейнічаючы выключна ў логіцы адрознення, бунт губляе свой анталагічны статус (у катэгорыях экзістэнцыяльнай філасофіі не адпавядае сапраўднаму быццю), губляе магчымасць змяняць альбо ўплываць. Бунт у логіцы адрознення ёсць толькі знак. Знак, які не мае рэферэнта (Бадрыяр). Бунт як знак у логіцы адрознення, не здольны штосьці змяніць.

Бунт стаў знакам адрознення. Адрознення, распаўсюджанай рысай якога з'яўляецца празмернасць. Напрыклад: у тэатры жан-

чына агаліла нейкую частку цела, і гэта з'яўляецца бунтам таму, што раней гэта было ненармальна, то бок не адпавядала норме, пануючай сістэме. Калі тое ж самае будзе паўтарацца ў далейшым іншымі тэатрамі, гэта не будзе бунтам, а стане нормай. Таму, каб гэта не стала нормай, дзейнічае празмернасць. І ў наступны раз жанчына будзе ўжо аголена цалкам. Так, паступова, ўзнікае тэатр, дзе ўсе акцеры выступаюць без вопраткі, і гэта таксама бунт. Тое ж самае можна назіраць у палітыцы: адзін і той жа тэзіс становіцца ўсе радыкальней. У кіно: усе больш крыві, жорсткасці.

Найбольш актыўна бунт праяўляе сябе ў сферы культуры, а дакладней кажучы – папулярнай культуры: літаратура, музыка, кіно. Узяць да прыкладу такую з'яву ў кінематографе, як «догма 95»: па сутнасці, гэта бунт супраць ілюзіі ў кіно і спадарожнай ёй тэхналагізацыі. «Догма 95» выклікала шэраг стужак, знятых па прынцыпах, не адпавядаючых кінематаграфічным нормам.

Але гэтыя стужкі з'яўляюцца знакам адрознення, знакам, які часам прэтэндуе на элітарнасць. Бо яны здымаюцца не для масавага гледача, а для таго, які зразумее, якому не патрэбны эфекты (Бадрыяр: «Прадметы сучаснага мастацтва, усяляк стылізуюцца і т.п., прыдумваюцца менавіта для таго, каб большасць іх не разумела, ва ўсялякім выпадку адразу ж – бо іх першасная сацыяльная функцыя складаецца з таго, каб быць знакамі адрознення, прадметамі, якія будуць адрозніваць тых, хто іх адрознівае» [1, 276]). І такім чынам адсутнасць эффектаў з'яўляецца не бунтам, а механізмам, які адсейвае массавага гледача і пакідае толькі элітарнага. Але з той нагоды, што кожны хоча заявіць аб сваёй элітарнасці-выключнасці-адрознасці, такія стужкі становяцца яшчэ папулярней, і ў выніку гэтага становяцца камерцыйнымі. Глядач праз бунт імкнецца семантызаваць сваю інакавасць.

Стужкі такога кшталту запатрабаваны гледачом, яны карыстаюцца папулярнасцю і займаюць свой сегмент рынка. Такім чынам, тут можна вызначыць яшчэ адну характарыстыку бунта-адрознення. Бунт, дзейнічаючы ў логіцы адрознення, у адрозненні ад бунта-патэнцыяла, з'яўляецца канверціруемым, яго можна прадаваць і купляць. З той нагоды, што такі бунт з'яўляецца сродкам семантызацыі ўласнай інакавасці, ён карыстаецца попытам і таму трапляе ў сферу актыўнай камерцыялізацыі.

Але логіка адрознення працуе не толькі на ўзроўні культуры, дакладней кажучы, праз праявы сучаснага альтэрнатыўнага ма-

стацтва логіка адрознення распаўсюджваецца і на іншыя сферы. Масс-медыя ў гэтым плане адыгрывае істотную ролю, уключаючы, падштурхоўваючы кожнага да БА. Бунтар не толькі мастак ці палітык. Я слухаю «бунтарскую» музыку, гляджу «бунтарскае элітарнае кіно», апранаюсь як той ці іншы медыйны бунтар, атаясамляю сябе з тым ці іншым «бунтарскім» рухам і тым самым таксама станаўлюсь бунтаром, уключаюсь у логіку адрознення.

Медыя, такім чынам, спараджаюць ненатуральныя патрэбы (Герберт Маркузэ) бунтаваць. Вось чаму сучаснае грамадства можна назваць грамадствам бунта, але бунта ў логіцы адрознення. Дзякуючы масс-медыя сістэма ўключае кожнага ў логіку адрознення, сама падштурхоўвае да бунта ў логіцы адрознення, тым самым папярэджваючы магчымасць бунта-патэнцыяла. Таму можна сказаць, што бунт-адрозненне спрыяе замацаванню і аднаўленню існуючай сістэмы, ажыццяўляе рэпрадукцыю пануючай сістэмы.

Уключэннем, праз медыя, большай колькасці людзей у логіку адрознення, сістэма абараняе сябе ад бунта-патэнцыяла (змены), а значыць, і ад нейкіх зменаў ці знішчэння. Такім чынам, пануючая сістэма пасродкам уключэння бунта ў логіку адрознення тым самым замацоўвае і аднаўляе існуючую сацыяльную іерархію, абараняе сябе ад усялякіх сацыяльных зменаў.

Літаратура

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. М.: Академический Проект, 2007.
2. Маркузе Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. М.: Аст, 2009.
3. Ги Дебор. Общество спектакля. [Электронны рэсурс]. 2010. Рэжым доступа: www.gumer.ru.

Rasa Pachutko
(Kaunas University of Technology)

I AND THOU – SOCIETY'S IMPACT ON THE INDIVIDUAL

There are two options: to be so self efficient that it wouldn't be necesary to live in a society or to not be able to live in one. To meet these two conditions you would need to be a god or an animal. That is why we have no other choice: we have to live in a society within the envirement that we made – the culture. Here we feel safe and have everything we need to survive. In spite of that, its influence is not always that good. We change together with the society even though usully we don't notice it. Right now we are a sex organ for the technologies [McLuhan, 1964].

Let's see how our society changed from the industrial into information society [Eriksen, 2004]:

1 table

Industrial society	Information society
Building of nation	Globalization
Book	Internet
One-channel TV	Multi-channel TV
CD and LP	MP3
Life-long monogamy	Serial monogamy
Depth	Breadth
Linear time	Fragmented time
Too little information	Too little freedom of information

“Modern man is insecure and repressed – isolated from his fellows yet desperately clinging to the collectivity which he trusts to protect him from the might of other collectivities. Divided within himself into instincts and spirit, repressions and sublimations, he finds himself incapable of direct relation with his fellows either as individuals in the body politic or as fellow members of a community. The tremendous collective power with which he allies himself gives him neither relationship nor freedom from fear but makes his life a sterile alternation between universal war and armed peace. The modern crisis is thus a crisis both of the individual and of society at large” [Friedman, 2002]. That is why it is very important to know how to LIVE in a society, live not an isolated and lonely life, but how to be together with another person and how to appreciate him. To live not in a society, but in a community: “words have meanings: some words, however, also have a ‘feel’. The word ‘community’ is one of them. It feels good: whatever the word ‘community’ may mean, it is good ‘to have a community’, ‘to be in a community’ [Bauman, 2001]. How to change the society into a community? We shall start from the beginning.

The most important thing is to know ourselves and in order to do that we have to change our approach to other people, because only with help of the Other I may get to know myself better. “Spirit is not in the *I,* but between *I* and *Thou*. It is not like the blood that circulates in you, but like the air which you breathe. Man lives in the spirit, if he is able to respond to his *Thou*. He is able to, if he enters into relation with his whole being. Only in virtue of his power to enter into relation he is able to live in the spirit” [Buber, 1937]. Buber sees a special relation between I and Thou: “The primary words are not isolated words, but combined words. The one primary word is the combination *I-Thou*. The other primary word is the combination *I-It*; wherein, without a change in the primary word, one of the words *He* and *She* can replace *It*. Hence the *I* of man is also twofold. For the *I* of the primary word *I-Thou* is a different *I* from that of the primary word *I-It*.” We should also know that “primary words do not signify things, but they intimate relations. <...> The primary word *I-Thou* can only be spoken with the whole being. The primary word *I-It* can never be spoken with the whole being. If *I* face a human being as my *Thou*, and say the primary words *I-Thou* to him, he is not a thing among things, and does not consist of things.” This is what we seek – to treat

another person as a Person not as a thing, and to be right there and right now with him.

The biggest barrier is that the society makes us wear all kinds of masks that represent our social roles. We are like actors always changing the scenes and the scenarios. Our life is a cruel play from which we don't know what to expect. Actually, so involved in the playing, we lose our selves and we no longer know how to be alone and not to be lonely. We fill our lives with a fast fragmented time and every minute of slow time is too awkward to us (that's why we buy MP3 players, cheap daily newspapers, read all the billboards that we see while waiting for the right light...) We do all we can only not to listen to that creepy voice in our head. Welcome to the 21st century!

Literature

1. Buber M., I and Thou, 1937.
2. Bauman Z., Community: seeking safety in an insecure world, 2001.
3. Eriksen T., Tyranny of the Moment: Fast and Slow Time in the Information Age, 2001.
4. Friedman M.S., Martin Buber: the life of dialogue, 2002.
5. McLuhan M., Understanding Media: The Extensions of Man, 1964.

Александра Логвинова
(ЕГУ, Вильнюс)

СЕМЬЯ И ГЕНЕРАТИВНЫЙ ОПЫТ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

During the history of European culture from the Ancient times till today there have been constant changes in human, interpersonal experience connected with the relationship between generations. A child as a person began to be signified from the Epoch of the Renaissance, when secular consciousness appeared (approximately then the idea of family life familiar to us was shaped). Today changes connected firstly with a complex of socio-economical transformations take place in this sphere, which are determined as 'globalization' in scientific literature and assume a «mixture» of traditions unknown earlier. For this reason the fixed understanding of a family in each society has been changing. Therefore, the problem of upbringing and relations between generations in general is no less important today.

Несмотря на притязания на философский анализ, предлагаемый текст имеет ярко выраженный исторический оттенок. Это связано с тем, что последовательное обращение к различным эпохам позволяет прояснить актуальность рассматриваемого вопроса сегодня. Так, несмотря на все исторические изменения в области генеративного опыта (опыта семьи), существуют определенные общие моменты (проблемы), которые повторяются в каждую эпоху. Разница в возрасте между взрослым и ребенком (которая выступает неизменной антропологической характеристикой) в каждую эпоху ставит людей перед проблемой воспитания, ответственности. Поэтому в разное время мыслители

пытались по-разному продумать этот вопрос: так, в Средневековье представления о воспитании основывались на религиозном мировоззрении, а в эпоху Просвещения теория воспитания определялась развивающимся секулярным сознанием (на место авторитета церкви приходит культ разума).

В современном мире проблема воспитания – и, в целом, отношения между поколениями – стоит не менее остро, так как в обществе происходит радикальное переосмысление традиционных взглядов и ценностей. В свою очередь, именно философский дискурс отражает эти отношения в полной мере, и хотя во многом эта теоретическая часть осталась за границами публикуемого текста, именно философская рефлексия позволит предложить вероятные условия и границы развития поставленной проблемы.

Откровенно говоря, обращение к Античности имеет субъективный характер, поскольку среди целого ряда авторов, обращающихся к генеративному опыту, и, что самое существенное, – по-разному интерпретирующих его, в качестве иллюстрации тенденций в отношение генеративного опыта я предлагаю к рассмотрению лишь сочинение Аристотеля «Никомахова этика», а также в качестве интригующего дополнения – диалог Платона «Государство».

Именно в трактате о дружбе Аристотель затрагивает вопрос об отношениях в семье, обращаясь не просто к иерархичному порядку ойкоса, а вскрывая эмоционально-психологический, дифференцированный, в зависимости от социальных ролей (отец / мать), – аспект взаимоотношений. С этой перспективы любопытно, как отношение матери к ребенку становится для Аристотеля образцом при описании дружбы: «… другом полагают того, кто желает благо и делает благо истинное…; именно это дано испытывать матерям к детям и тем из друзей, кто рассорился. А другие признают другом того, кто проводит с другим время и вместе с ним на одном и том же останавливает выбор или же делит с ним горе и радости. И это все тоже в первую очередь бывает у матерей в их отношении к детям. По одному из этих признаков и определяют дружбу» [1, 1166а].

Из трактата следует также, что дружественность в родителе к ребенку заложена от природы. Однако дружественность только в отношении к ребенку, а не наоборот, так как дружба состоит,

по мнению Аристотеля, скорее, в том, чтобы чувствовать ее самому, а не в том, чтобы ее чувствовали к тебе:

«Это подтверждается тем, что для матерей чувствовать дружбу к детям – наслаждение. В самом деле, некоторые отдают собственных детей на воспитание и чувствуют к ним дружбу, зная, что это их дети, но не ищут ответной дружбы. И, похоже, им довольно видеть, что с детьми все хорошо. И они испытывают дружескую приязнь. Даже если по неведению дети не уделяют матери ничего из того, что ей подобает» [1, 1159a].

Отношения отца и сына полагаются на другие принципы, хотя обе эти дружбы основаны на превосходстве: Аристотель сравнивает это отношение как между царем и подданным, апеллируя к тезису, что уважение к родителю предполагает подчинение ему, как и «Между царем и подданным есть по природе отношение власти-подчинения» [1, 1161a].

Стоит заметить, однако, что несмотря на столь, казалось бы, гармоничные отношения внутри семьи, основанные не только на властных отношениях и дружеских привязанностях, но и на общественном осознании особой роли ребенка в качестве гаранта сохранения брачного союза («...дети, как считается, тесно связывают супругов, потому-то бездетные скорее разводятся: дети – это общее обоим благо, а общее благо объединяет» [1, 1162a]), духовной ценностью как таковой дети не наделялись. Их форма жизни рассматривалась в Античности как близкая к растениям и животным; согласно Аристотелю, дети и животные – это сумма питательного, возрастительного, влекущегося и стремящегося начал; их жизнь – это «жизнь с точки зрения чувства», поэтому она противопоставляется жизни взрослого, зрелого человека как носителя мыслительного начала, который способен вести политический (государственный) и теоретический (созерцательный) образ жизни.

В связи с указанным несовершенством ребенка важную роль играло воспитание – вопрос, нашедший интересное развитие в учении Платона об идеальном государстве. В своих диалогах философ предлагает глубоко полемичную концепцию социального, и в том числе – семейного устройства (например, отказ от традиционного института семьи и нивелирование таких ценностей, как «единственный папа» или «мама»). Это обусловлено убеждением, что «идеальных» (т.е. руководствующихся

идеей Блага) правителей нужно воспитывать, причем с детства. И даже если ребенок не окажется достаточно одаренным, чтобы управлять страной, он станет стражем, что не менее важно для государства, поэтому за его жизнью следят с самого рождения. Если младенец родился с дефектами, с точки зрения Платона его следует умертвлять, а развитых, одаренных детей отбирать для дальнейшего обучения и воспитания. Перед тем как стать правителем, нужно пройти долгий путь учения, и, согласно Платону, чтобы стать правителем, кроме особого воспитания, нужно обладать опытом пятидесятилетнего человека, чтобы «увидеть благо, взять его за образец и упорядочить и государство, и частных лиц...» [6, 540 b].

Интересно обратить внимание на те правила, которым, согласно Платону, должно обучать правителей, так как они перекликаются с пониманием норм поведения в наши дни, а также не являются лишь утопическими импликациями: «... младшим полагается молчать при старших, уступать им место, вставать в их присутствии, почитать родителей...» [6, 425b].

Однако с конца V века в европейском обществе начинают происходить серьезные трансформации, связанные, в первую очередь, с нарастающим религиозным сознанием, что непосредственным образом оказало влияние на положение как внутри семьи, и так ее оценку в обществе. Для начала обратимся к структурному рассмотрению семьи, поскольку здесь это понятие интерпретируется иначе, в связи с появлением близкого к нему типа социальной организации – линьяж.

В средневековой Европе семья выступает как неделимое образование (охватывает несколько элементов): в ней живут вместе и хозяин дома, и его дети, тетушки, племянницы, а в основании находится неделимость собственности (если какой-нибудь родственник умирает, то по завещанию каждый член семьи что-нибудь получает). Именно так зародилось традиционное понимание большой патриархальной семьи.

Линьяж объединяет потомков общего предка, и если для представителей первой группы ключевым является чувство семьи (дом, домашняя жизнь, управление хозяйством), то для других доминирует чувство рода. Еще одним различием между этими типами является вопрос о собственности: в линьяже принцип неделимости собственности реализуется иначе – если

в семье два брата, то наследство получит старший, а младший будет вынужден сам искать средства для своего существования.

Однако с течением времени в результате различных преобразований указанные два типа социальной организации на основе кровных уз стали терять актуальность. Наиболее значимые факторы, приведшие к возникновению современной супружеской семьи, – это ослабление родовых отношений, изменение общественного порядка и стабилизация политической ситуации.

Что же касается обращенности к ребенку, то в этом смысле Средневековая эпоха также не наделяла ребенка отдельной ценностью. Современный французский антрополог Ф. Арьес говорит в этой связи: «Необходимо признать, что ребенок в ту эпоху вообще не был предметом того интереса и сочувствия, каким он пользуется в Новое время» [2].

Такого понятия как «детство» (особенно в раннее Средневековье) в принципе не существовало. Есть только редкие свидетельства о внимании к ребенку, одним из которых является иконография этого времени: например, если нужно было изобразить душу умершего человека, то рисовали младенца (обнаженного бесполого ребенка). Есть также упоминание о детском «крестовом походе» 1212 года. Однако бесспорен тот факт, что Средневековая цивилизация не придавала никакого значения психологическим и возрастным особенностям ребенка: не видела в них самостоятельной ценности и в принципе игнорировала.

Как же рассматривались отношения в семье? Родительская любовь и любовь в семье – естественное чувство, и проповедник его не отрицает. Но любовь к близким, с церковной точки зрения, чревата большой опасностью: она может заслонить главную цель жизни – заботу о спасении души. Таким образом, ребенок является препятствием к достижению главной цели жизни любого смертного. Известный русский исследователь средневековой культуры А.Я. Гуревич приводит в этой связи рассказ об отшельнике, который вместе с ангелом, принявшим человеческий образ, посещал дома разных людей. В одном из домов ангел умертвил маленького ребенка. Затем он открыл потрясенному отшельнику причину своего поступка: оказывается, пока у хозяина дома не было сына, он охотно подавал милостыню, а с рождением наследника отвратился от благочестивых дел и начал копить добро для сына [4, 268].

Наличие детей и наследников и любовь отца к сыну, забота о нем, согласно логике этого повествования, угрожает спасению его души. Вот отношение к детям! От них – одна опасность и кошельку, и душе.

В области отношений ребенка к родителю церковь объективно не освещает эмоциональную сферу, так как проповедь скорее направлена на осуждение негативных аспектов жизни. Но при упоминании такого вопроса основной упор делается на обязанности детей перед родителями: «дети должны в первую очередь заботиться о спасении души родителей, а не о собственном материальном благополучии» [4, 276].

Таким образом, мы видим, что Средневековая цивилизация – «цивилизация взрослых». Это проявлялось в безразличии как к духовному миру ребенка, так и к чертам детства в целом. Средневековая цивилизация не понимала разницы между миром детей и взрослых, в связи с чем исследователи указывают на раннюю включенность ребенка в социум (что выражается, например, в едином образе поведения безотносительно социальной роли). И хотя, например, многие исследователи не согласны с однозначным утверждением Арьеса о бездушии взрослых в Средневековье и неразвитости родительских чувств, тем не менее бесспорен факт, что в X–XIII вв. были широко распространены действия, расценивающиеся сегодня как негуманные (намеренное детоубийство и т.п.).

Что же касается Нового времени, то именно этот период представляет ключевые изменения в области генеративного опыта: здесь уместно говорить как о возникновении чувства семьи (происходит, как пишет Арьес, «уход семьи с улиц», т.е. сосредоточение семейной жизни в домашних стенах, ее самоизолирование из коллективной жизни), так и формирование категории детства (к ребенку начинает пробуждаться живой интерес, свидетельством которого могут служить, например, многочисленные портреты детей, появляющиеся в XVI в., на которых ребенок изображается теперь ради него самого, а не для представления души умершего, как это было на средневековых иконах). Подобные трансформации также обуславливают формирование новой философии воспитания, которое происходит в контексте глубоких изменений в нравах европейского общества XVII в. – новое педагогическое сознание выражается в тре-

бовании строгого отделения детей от взрослых, в развитии идеи строгой дисциплины, предполагавшей особые правила поведения для каждой социальной группы.

После становления семьи и ребенка в качестве основных социальных ценностей в культуре вплоть до XX века этот вопрос не претерпевал существенных изменений. Однако сегодня наши восприятия семьи и отношений в ней переживают глобальную революцию, в связи с существенными изменениями – как справедливо замечает в этой связи Э. Гидденс: «Семья – это поле боя между традициями и современностью...» [3, 70]. Таким образом, семья выступает новым социальным образованием, задачи и функции которого нуждаются в переосмыслении.

Следует также отметить, что за последние несколько поколений наше отношение к детям и защите детей изменилось радикальным образом: «Мы так высоко ценим детей из-за того, что их у нас теперь рождается меньше, а отчасти потому, что решение завести ребенка сегодня означает нечто совсем иное, чем оно означало для прошлых поколений» [3, 75], хотя фигура ребенка по-прежнему сохраняет свою значимость.

В современной философии есть мыслители, которые пытаются разработать этику, основанную на генеративном опыте: например, французский философ Э. Левинас (1905–1995) и немецкий ученый Х. Йонас (1903–1993) выявляют парадигматическое значение генеративного опыта для социально-этической сферы. Остановимся кратко на том, как рассматривается этот вопрос у Ханса Йонаса. Немецкий мыслитель обращается к отношению между взрослым и новорожденным; анализируя это отношение, он определяет первичный смысл ответственности. Представим себе грудного ребенка, «погруженного в становление, обреченного на бренность, подверженного угрозе гибели...» [5, 233], и взрослого, находящегося рядом с ним. Ввиду своей беспомощности как живого существа младенец жизненно нуждается в чьей-либо заботе, т.е. новорожденный «...требует однозначную и не оставляющую выбор ответственность...» [5, 231].

Таким образом, появляется феномен абсолютной ответственности, когда жизнь ребенка полностью зависит от взрослого, «...ибо одно его дыхание беспрекословно вменяет окружающему миру взрослых принять в нем участие, выступить в интересах его жизни» [7, 347]. Так как младенец, в свою очередь, не может

проявить заботу в отношении взрослого, мы можем говорить здесь об асимметрии ответственности, т.е. ответственности, которая должна быть явлена только со стороны взрослого.

Остается лишь добавить, что характерная для нашего времени неопределенность в отношении будущего переустройства общества оставляет место для самых смелых фантазий, которые подогреваются современными биотехнологиями, благодаря которым в будущем, возможно, детей будут создавать искусственно. При этом, возможно, что забота о детях, их воспитании станет целиком проблемой государственных институтов как в платоновской утопии об идеальном государстве.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1994.
2. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.
3. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
4. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989.
5. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М., 1994.
6. Платон. Государство. Собр. соч. в четырех томах. Т. 3. М., 1994.
7. Щитцова Т.В. Memento nasti: Сообщество и генеративный опыт. Минск, 2006.

Елена Артёменко
(ЕГУ, Вильнюс)

РОЛЬ СМИ В МЕДИКАЛИЗАЦИИ (на примере пластической хирургии)

The research uncovers main strategies of medicalization, which are realized with cosmetic surgery promotion. The conclusion about real media influence on medicalization of mass consciousness needs discourse and language nature of medicalization to be analyzed, as well as analysis of key factors of media effects and practices spreading to be carried out. The promotion of cosmetic surgery takes place in different media products, and TV-serials is one of them. The analysis of the serial «Nip/Tuck» shows a number of discourse strategies, which have as a goal normalization of the practice of cosmetic surgery, but at the same time have a significant effect of medicalization: the patient and his body are constructed as an object of manipulation and the doctor is constructing as a person of real authority and symbolic power.

В современном обществе и пространстве массовой коммуникации медицинская тематика является очень распространенной. Медицинским темам посвящаются материалы СМИ, кино, кроме того, медицинские категории проникают в массовое сознание и начинают применяться в повседневности. Это создает условия для того, чтобы явления обыденной жизни категоризовались и тематизировались с точки зрения медицины и оценивались посредством дихотомии нормы и патологии. Медикализация как влияние медицинского дискурса на все сферы общественной жизни, в том числе на повседневность и обыденное сознание, становится все более распространенным явлением в современном обществе.

Анализируя феномен медикализации, можно сказать, что общество непосредственно влияет не только на социальную жизнь индивида, но и на его тело. Конструирование социальной реальности затрагивает такие значимые проявления телесной жизни, как сексуальность, питание, репродуктивные функции, привлекательность (Бергер, Лукман). Одним из значимых инструментов манипуляции телом индивида со стороны общества выступает медикализация. Медикализация предполагает распространение медицинского дискурса на все сферы общественной жизни. Это проявляется в проникновении медицинских категорий, определений и представлений о норме в массовое сознание и повседневные практики.

М. Фуко в качестве источника медикализации и повышения влияния медицины на различные сферы жизни общества рассматривал возникновение клиник и институциализацию медицины. Он убедительно показал, что медицинские практики дискурсивны и исходят из практик по означиванию, в том числе того, что является нормой и патологией. «Медицина не должна больше быть лишь корпусом техник врачевания и необходимых умений; она станет развиваться также как знание о здоровом человеке, то есть одновременно об опыте не больного человека и определении идеального человека» [2, 68]. В рамках медицинского дискурса противопоставляется медик-эксперт и объективированный индивид-пациент, тело которого также объективируется и опредмечивается. Врачи приобретают эксклюзивное право на категоризацию симптомов и категоризацию индивидов на основании симптомов. Институт дает им символическую власть, которая проявляется не только в рамках профессиональной среды, а, благодаря повсеместному проникновению медицинского дискурса, значима для всех сфер жизни общества. П. Бурдье приводит яркий пример с символической властью врача, диагноз или справка которого являются основанием для восприятия субъекта и определенных социальных практик, будь то обыкновенные процедуры, разрешение иметь водительские права или принудительное лечение в психиатрической клинике.

Оппозиция врача и пациента, сформулированная таким образом, позволяет выделить два процесса, которые мы можем наблюдать в современном обществе: во-первых, это абсолю-

тизация медицинского авторитета, определяющая его влияние на социальные практики и дискурсы, не связанные с медициной непосредственно, а также дающая специалистам большую символическую власть, а, во-вторых, представление пациента как объекта наблюдения, которое ведет к изменению отношения к субъекту, включая его собственное отношение к себе. Человек, а в первую очередь его тело, становится объектом манипуляции, и не только со стороны профессиональных медиков, но и со стороны самого индивида под воздействием медикализации общественного сознания.

Объективация тела и формирование «рационального» отношения к нему как постороннему объекту благодаря распространению медицинского дискурса проявляется в изменении повседневных практик, связанных с телесностью. Изменение отношения к телу красноречиво продемонстрировал Ж. Бодрийяр в описании феномена транссексуальности. В работе «Прозрачность зла» тело представляется автором как объект манипуляции, изменения, замены отдельных составляющих. Из-за объективации отношения к телу оно теряет свою функцию в качестве источника сексуального наслаждения, и такое опредмеченное тело, отсылающее не к сексуальности, а транссексуальности, в терминологии Ж. Бадрийяра, может быть в любую минуту частично или полностью заменено протезом. «Во всех случаях – имеет ли место операция хирургическая или полухирургическая, подлежит ли замене орган или знак – речь идет о протезировании, и сегодня, когда предназначение тела состоит в том, чтобы стать протезом, вполне логично, что моделью сексуальности становится транссексуальность» [1, 33–34]. Влияние этой позиции на повседневность проявляется в объективации тела для самих индивидов, оно становится предметом манипуляции, изменения. Отношение к телу подвергается пересмотру с точки зрения медицинских терминов, профессионального ухода, использования медицинских средств в тех сферах, которые изначально являлись приватными и касались только индивида лично (уход за собой, внешний вид, рождение детей и т.д.). Кроме того, проникая в массовое сознание, медицинские категории начинают использоваться обществом в качестве оснований для стигматизации, в которой также можно увидеть влияние медицинского дискурса на социальные практики: стратификацию, включение и

исключение индивидов из тех или иных социальных групп, формирование отношений господства и подчинения.

Несмотря на представления ограниченности влияния СМИ на аудиторию, превалирующие в современной теории коммуникации, возможности СМИ по медикализации массового сознания отрицать нельзя. В этом аспекте основную роль играют не столько практики по убеждению и навязыванию определенных мнений аудитории, сколько те средства интерпретации действительности, которые предлагаются медиапродуктами. Эта идея развивается в рамках конструктивистской парадигмы исследования СМИ. У аудитории, как подчеркивал С. Холл, есть возможность интерпретировать и декодировать сообщения СМИ, исходя из оппозиции по отношению к гегемонистическому прочтению содержания, однако способы декодирования и в этом случае культурно обусловлены, предлагаются средствами массовой информации и подвергаются влиянию с их стороны. Именно это позволяет говорить о том, что СМИ воздействуют на категоризацию явлений повседневной жизни, в том числе таких значимых феноменов, как отношение к телу.

Медикализация общественного сознания происходит также благодаря тому, что темы, связанные с уходом за телом, отношением к нему и медицинским воздействием, обладают конкурентным преимуществом в рамках борьбы за представление на «публичной арене» (Хилгартнер, Боск) средств массовой информации. Это преимущество обеспечивается авторитетностью субъектов, представляющих эти темы, и их символической властью, этими субъектами могут выступать как медики, так и государственные органы, чьим приоритетом является здоровье населения. Темы, связанные с медициной и медицинским воздействием на тело, освещаются драматично и зрелищно, представляются как важные и актуальные благодаря тому, что отношение к телу и телесность является базовым феноменом повседневности.

Кроме того, потребление медиа-продуктов, как показывают исследования культивации (Гребнер), означает перенятие аудиторией образов реальности. Эти образы способны влиять на нормализацию определенных практик, в том числе касающихся телесной жизни индивида – питания, размножения и воспитания детей, ухода за собой. Практики, предлагаемые

медиа и подразумевающие существенную роль медицинского влияния на повседневность, воспринимаются как обыденные и распространенные, что является важным фактором медикализации отношения к телу.

Пластическая хирургия становится все более распространенной практикой. При этом практики, связанные с применением пластической хирургии, расширяют поле применения и в социальной реальности, и в медиа-пространстве, где им посвящается все больше внимания. Продукты масс-медиа представляют аудитории информацию о применении пластической хирургии посредством рекламы специализированных клиник, демонстрации героев, имевших опыт пластической хирургии, программ и материалов, непосредственно посвященных проблемам пластической хирургии, художественных фильмов и телесериалов, одной из тем которых является использование пластической хирургии.

Именно эту проблему в своей статье «Пластическая хирургия как ложная красота» поднимают Р. Холлидэй и Ж. Тэйлор. Они подробно рассматривают традиционный критический феминистский дискурс вокруг пластической хирургии и выделяют основные углы рассмотрения пластической хирургии феминистскими критиками.

Первая группа возражений против пластической хирургии касается того, что пластическая хирургия – это элемент культуры женоненавистников. «Во-первых, с тех пор как в культуре женоненавистников существует пластическая хирургия, она всегда, действительно, направлена на женщин, иногда включая небольшую долю девиантных (феминизированных мужчин)» [3, 185]. Возражения авторов против этой позиции касаются того, что исторически мужчины часто прибегали к практикам по изменению своего тела. Кроме того, существует определенная доля мужчин, являющихся пациентами пластических хирургов. Однако мы можем сказать, что в такой ситуации источником потребности прибегнуть к пластической хирургии как для женщин, так и для мужчин может быть медийная продукция.

Второй угол зрения феминистской критики, касающийся пластической хирургии, описывается авторами как акцент на боль. Они пишут, что «вторая центральная идея феминистской литературы о пластической хирургии – это положение о боли, как

физической, так и психической» [3, 186]. В этой связи цитируется работа К. Морган «Женщины и нож: пластическая хирургия и колонизация женских тел», в которой утверждается: «В феминистском анализе нам нужно понять, почему на самом деле живые женщины выбирают участие в анатомизации и фетишизации их тел, за которую они платят как за «хорошо очерченные тела», «восстановленную молодость» и «непреходящую красоту». Перед лицом растущего рынка и требованием хирургического вмешательства в женские тела, которое может привести к инфекции, кровотечению, эмболии, отеку легких, повреждению лицевого нерва, неудачному формированию рубцов, нарушению кожных покровов, слепоте, деформациям и смерти, наше молчание становится преступным» [3, 186–187]. О психологических последствиях применения пластической хирургии можно говорить много, начиная от трудностей с переоценкой себя и новой самоиндентификацией и заканчивая психологическими проблемами в случае неудачного результата или тяжелых последствий для здоровья, описанных выше.

Третьим аспектом, который авторы выделяют в феминистической критике применения пластической хирургии, выступает эффект «нормализации», приведения понятия о красоте к одному сконструированному идеалу и распространение этого идеала на всех пациентов клиник по пластической хирургии. «Третья позиция, развиваемая феминистками, касается того, что косметическая хирургия производит нормализированные тела. Морган отстаивает идею о том, что пластическая хирургия сама по себе становится обыденной … и такой сдвиг ведет к ожидаемой инверсии нормального и девиантного, те женщины, которые предпочли не использовать косметическую хирургию, все чаще стигматизируются и рассматриваются как девиантные» [3, 188].

Однако стоит отметить, что у авторов находятся возражения. Как мы уже отмечали, они отказываются от обозначения практик по использованию пластической хирургии как женоненавистнических, указывая на то, что мужчины в некоторой степени также склонны прибегать к ним. Также они считают, что «нормализация» не исчерпывает эффекты косметической хирургии, и говорят про возможность дифференциации – пациенты имеют возможность «отличаться» от людей своего возраста и своей комплекции.

Однако, с нашей точки зрения, эти возражения недейственны по отношению к идее конструирования потребности в использовании пластической хирургии в СМИ. Мужчины, как и женщины, могут быть аудиторией медиа-продукции, возводящей применение пластической хирургии в статус нормы и предлагающей образцы для подражания как в мужском, так и в женском варианте. Кроме того, та «дифференциация», о которой заводят речь авторы, не выходит за пределы очерченных и предложенных в СМИ образцов внешности. И даже пожилая женщина, склонная сделать подтяжку лица, рассматриваемая Р. Холлидэй и Ж. Тэйлор как желающая «отличаться», подходит под модель приближения своего внешнего облика к тиражируемым образцам наиболее популярных для медиа-продукции молодых привлекательных персонажей.

В такой ситуации возникает серьезный вопрос: являются ли подобные практики сознательным выбором потребителей подобных услуг или же их применение – следствие медиа-воздействия по формированию потребностей и распространению образцов для подражания.

Конструктивистская парадигма тесно связана с идеями структурализма и постструктурализма, которые предполагают отношение к любым знаковым системам как к тексту. Это позволяет нам рассматривать аудиовизуальные сообщения с точки зрения текста и анализировать создаваемые в них дискурсы.

В рамках исследования был проведен дискурсный анализ популярного телесериала «Части тела», посвященного применению пластической хирургии.

Сериал «Части тела» рассматривает профессиональную деятельность двух пластических хирургов, владеющих собственной клиникой, а также различные ситуации, в которые они попадают в профессиональной и личной жизни. Герои сериала, Кристиан Трой и Шон МакНомара, представляют два противоположных образа: Кристиан Трой – успешный коммерсант и «прожигатель жизни», Шон МакНомара – семьянин и талантливый врач.

В сериале реализуются различные дискурсивные стратегии, касающиеся практик применения пластической хирургии. Во-первых, это конструирование самой практики. Изображение позитивных и негативных ее сторон заставляет относиться к представляемому мнению как к объективному и авторитетному. В

строении каждой серии есть сцена того, как хирурги моют руки перед операцией. Они одни, в хирургических стерильных костюмах, и при этом поднимают очень важные темы, разъясняющие их отношение к той или иной проблеме, идеологию серии. В одной из таких сцен зрители наблюдают следующий диалог:

«МакНомара: Я ничего не буду делать ни с пенисом своего сына, ни с грудью своей жены. Я не стану подвергать их ненужным операциям.

Трой: Эти операции делают людей счастливыми.

МакНомара: Скорее, помогают реализовать свою ненависть к себе. Поэтому, я считаю, нам нужно нанять психолога. Наша работа превращается в какой-то конвейер.

Трой: Это бизнес, Шон, бизнес, который помогает нам жить безбедно».

Подобное двустороннее отношение к теме применения пластической хирургии заставляет зрителей доверять происходящему, так как он рассчитывает на объективное представление проблемы. Для поддержания впечатления объективности и достоверности используется образ анестезиолога Лиз. Девушка выражает скептическое отношение к пациентам и операциям, использует выражения «ну что они в следующий раз придумают?» или «пациент спит, можете резать его как рождественскую индейку». Артикуляция точек зрения, возможно, присущих самим зрителям, повышает авторитет источника информации. Однако при этом проблема, поднимаемая Ш. МакНомарой, находит в его же словах простое решение – наем профессионального психолога.

Кроме того, подчеркивается реальность происходящего в использовании сцен операций. В изображении практик по применению пластической хирургии используются шокирующие сцены, непосредственно связанные с различными процедурами, на повязках постоянно присутствует кровь, и сами операции сопровождаются большим количеством крови. Эти сцены позволяют поднятой теме живо отзываться в сознании зрителей, что дает ей серьезное конкурентное преимущество в борьбе за реальность и актуальность среди других тем, освещаемых в средствах массовой информации. Поэтому реалистичное изображение является неотъемлемой частью конструирования темы в сериале.

Обосновывается необходимость применения операций, в том числе благодаря распространенному в фильме смешиванию практик по эстетической хирургии и посттравматической. Для обоснования необходимости в применении пластической хирургии в фильме постоянно поднимается тема посттравматических корректирующих операций. Например, сцена, когда к доктору МакНомаре приходит женщина, чей муж получил с множественные ожоги. После этого доктор требует, чтобы 20% операций в клинике проводились бесплатно, подчеркивая необходимость в них тех людей, у которых нет возможности платить большие деньги.

Для изображения пластической хирургии и медикализации сознания большую роль играют образы авторитетных, профессиональных и успешных врачей. Также важны образы пациентов, часть из которых вызывает жалость из-за острой необходимости в проведении операций, а часть – являются референтной группой и образцом для подражания в своем стремлении к идеалу.

Кристиан Шон говорит будущей пациентке глубоким проникновенным голосом: «Перестать стремиться к совершенству – все равно что умереть». «Завтра ты будешь неотразима», – говорит он другой, на что та отвечает, – «Ты хочешь сказать, еще неотразимее?». Девушка-пациентка, чей авторитет у зрителей очень высок, в первой серии заявляет, определяя идеологию фильма: «Я не хочу быть хорошенькой. Я хочу быть самой лучшей. Безупречной». В фильме создается определенное отношение к телу как к объекту. Тело фрагментируется, измеряется, подвергается различным манипуляциям. Это проявляется и в сценах консультаций, и в сценах операций. Все эти техники влияют на представление о пластической хирургии как о распространенном, нормальном и необходимом явлении, сказываясь на медикализации сознания вообще и отношения к телу в частности.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла: Пер. с фр. М.: Добросвет, 2000. С. 10.
2. Фуко М. Рождение клиники. Пер. с фр. М.: Смысл, 1998.
3. Holliday R., Tailor J. Aesthetic surgery as false beauty // Feminist theory 2006; 7.

ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ИСКУССТВЕ

Ольга Борщёва
(ЕГУ, Вильнюс)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В СЕРИИ УЛИЧНЫХ БИЛЛБОРДОВ «ЗА БЕЛАРУСЬ!»

The article explores in what ways contemporary media formats adjust socialist realist visuality to their needs. The first part of the article focuses on the aesthetics and the image system of socialist realism,and on its peculiarities in Belarus (BSSR) in particular. The second part applies semiotic and psychoanalytical methods and analyzes visual images depicted by the Belarusian street billboards in their stylistic accord as the transformed socialist-realistic ones. Comparative analysis of the art works by the socialist-realists, including Belarusian artists, and the billboards of the «For Belarus!» series reveals a number of features of e Belarusian visual ideology.

В данной статье на примере уличных биллбордов серии «За Беларусь!» будет продемонстрировано, каким образом современные медиаформаты адаптируют к своим нуждам соцреалистическую образность. В процессе трансформации (преобразования уже использовавшихся визуальных образов) одни элементы сохраняются, другие претерпевают изменения.

Принципы социалистического реализма как стиля, охватившего все сферы художественной деятельности, сформулированы Ю. Ждановым в августе 1934 года на Первом Всесоюзном съезде советских писателей: «Социалистический реализм […] требует от художника правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного

изображения действительности должны сочетаться с задачей переделки и воспитания трудящихся в духе социализма» [13, 1].

Согласно Б. Гройсу, главными эстетическими принципами соцреализма являются фотографическая точность изображения, а также установка на тиражируемость. Гройс говорит о Ефанове и Герасимове: «Эти художники действительно соцреалисты, потому что они идут от фотографии, они идут от плаката, они идут от современной системы массовой информации. Делая свои работы, эти художники с самого начала думали о том, как они будут тиражироваться, как они будут выглядеть в репродукции, как они будут выглядеть в массовом исполнении, как они могут быть использованы в пропагандистских целях» [5]. Для Гройса соцреалистическая картина – «это архаическая форма компьютерной виртуальной фотографии. То есть, ты берешь как бы некоторый фотографический имидж и таким образом им манипулируешь, что в результате получается что-то, чего на самом деле в жизни нет. И на самом деле социалистический реализм, это фотография того, чего в жизни нет» [7].

В процессе «потребления» соцреалистических образов, являющихся правдоподобными фальсификациями действительности, формировался «идеальный человек тоталитарного режима – не убежденный [...] коммунист, а тот, для кого различие между фактом и вымыслом, правдой и ложью больше не существует» [3, 199].

В отношении национальных модификаций социалистического реализма известна сталинская установка: «Советское искусство должно быть национальным по форме, социалистическим по содержанию». Но картины, находящиеся в экспозиции Национальном художественном музее Республики Беларусь, а также в альбомах с репродукциями, опровергают эту установку, которой, казалось бы, должны следовать белорусские соцреалисты, создавая искусство «белорусское по форме, социалистическое по содержанию». Напротив, содержание (сюжет) является элементом, приближенным к белорусской тематике (освобождение Минска, оборона Брестской крепости, партизанское движение, соляные шахты, портреты Купалы и Коласа), в то время как «форма» (бытовые детали, костюмы, позы, в которых стоят персонажи, композиционные особенности) является русской или советской.

Так, чтобы органично «врисовать» Калиновского в советскую историю и, одновременно, представить белорусов как местечковых русских, Гугель и Кудревич, авторы картины «Кастусь Калиновский» (1958), используют следующие визуальные средства: изображают белорусских крестьян, подражая передвижникам, в русле хрестоматийных традиций изображения русского крестьянства (лапти, телеги с соломой), передают ощущение бескрайнего необустроенного пространства. Персонажи стоят в позах, принятых в советской иконографии. Например, Калиновский изображен в канонической позе, которую И. Голомшток называет «Вождь – вдохновитель и организатор побед» [3, 212] и похож на Владимира Ильича, каким он изображен на картине Прагера «Юность В.И. Ленина». Единственной «белорусской формой» на картине является мешок картофеля, который намекает на низкое социальное происхождение и имущественный статус персонажей.

Если сопоставить работы Воронова «Утро в октябре, Минск» (1929) и Савицкого «Первые дни Октября, 1917 год» (1955–1977), можно подумать, что на обеих картинах действие происходит в Минске. Белорусские революционеры стилизованы под петроградских революционных матросов. Художники демонстрируют, что в разных удаленных точках одновременно протекали одинаковые события в одних и тех же «формах».

На картине Серова «Ждут сигнала. Перед штурмом» (1957) изображен канонический советский сюжет: солдаты в Петрограде ждут выстрела крейсера «Аврора», чтобы штурмовать Зимний дворец в ночь с 24 на 25 октября 1917 года; на картине Суховерхова «За родную Беларусь!» (1948) (отметим сходство с «За Беларусь!») изображены партизаны в белорусских лесах в годы Второй мировой войны. Несмотря на то, что эти события удалены друг от друга в пространстве и во времени, в обоих случаях используется одна и та же многофигурная схема: на первом плане боец в позе Аполлона Бельведерского, за ним выстраиваются в цепь другие бойцы, среди них – женщина. Здесь «национальное содержание» – партизанское движение на территории Беларуси – «отливается» в стандартную схему, предложенную Центром.

Таким образом, соцреалистическое искусство приводило историческую память к общему знаменателю и, тем самым,

играло роль в деле синхронизации русского, и в данном случае белорусского, пространств, участвовало в поддержании единства и целостности СССР.

В ходе сопоставления биллбордов с произведениями художников-соцреалистов, можно заметить явные сходства между ними, буквальные заимствования как визуальных образов, так и лозунгов – слоганов. Можно выделить следующие общие особенности.

1. Прежде всего, биллборды – это те самые «цветные фотографии, снятые с определенной целью, режиссированные волей фотографа», которые художник-соцреалист Иогансон назвал «проявлением осознанного реализма» [4,76]. Это фотографии «инсценируемой» действительности.

2. Как и соцреалистические произведения, биллборды участвуют в создании оптимистического мифа о счастливой жизни белорусских людей. На них царит атмосфера непреходящего праздника. Нет биллборда, персонажи на котором не улыбаются. Это невероятное счастье, иногда нервно-избыточное и напряженное. Оптимизм – главный и наиболее устойчивый компонент соцреализма, ведь искусство мыслилось как отражение советской счастливой действительности – жизни людей в самом совершенном государстве, которое когда-либо создавалось.

3. Как и для соцреалистических произведений, для биллбордов характерна устремленность в прекрасное будущее («У будучыню!»). В будущее едут на роликах молодые матери, туда же ведет за руку девушек мужчина в официальном костюме.

4. Общие темы: войны и защитников отечества; производительного труда крестьян и рабочих; счастливого детства и юности; спорта. На биллбордах явным образом присутствует триада «рабочий-крестьянин-солдат», которую Голомшток называет «топосом тоталитаризма» [3, 231].

5. Национальное сводится к танцам в народных костюмах, к орнаменту. А. Синявский (Терц) пишет на эту тему применительно к соцреалистическому реализму: «Кроме языка под словом «национальная форма» подразумеваются некоторые, весьма ограниченные этнографические подробности, [...] а также [...] имеются в виду национальный костюм и свое музыкальное и национальное сопровождение. В итоге все это национальное своеобразие отливается в форму ансамбля песни и пляски [...],

который приезжает в Москву и в очередной раз демонстрирует свою преданность коммунизму и свою благодарность партии и правительству за национальную независимость» [12, 339–340]. Как и в советской традиции, белорусы репрезентируются как крестьянская нация: на биллборде «За самобытную Беларусь!» сидит пожилой крестьянин в вышитой рубашке и соломенной шляпе.

6. Как отмечает Голомшток, для советской живописи не характерны сцены в интерьерах: «Если судить по картинам, то можно прийти к заключению, что человек в СССР вообще не жил дома [...], а проводил свое время исключительно в заводских цехах, на колхозных полях, демонстрациях, в обстановке торжественных встреч или среди мрамора московского метро» [3, 232]. На биллбордах также нет персонажей в частной обстановке: к списку Голомштока можно прибавить военные парады и учебные заведения.

7. Как и произведения соцреализма, биллборды активно оформляют городское пространство, присутствуют на экранах в метрополитене. Как пишет о соцреализме Е. Дёготь: «Искусство мыслилось как коллективный труд, его аудитория – как масса, площадкой экспонирования считались улицы городов, экраны на зданиях и кинотеатрах, журналистские страницы» [6, 144].

8. Биллборды можно посмотреть (и заказать) на сайте информационного агентства «БелТА». Но на этом сайте нет имен авторов: биллборды придумало «БелТА». Соцреалистические произведения также часто создавались группой, а не конкретными художниками: «Советский художник [...] мыслился сотрудником медиальной машины [...]. Идеальной творческой ячейкой – бригада профессионалов, исполняющая заказы различных учреждений на плакаты» [6, 144].

Можно выделить следующие отличия.

1. В то время как вожди Ленин и Сталин были главными героями соцреалистических произведений, на белорусских биллбордах нет фотографий главы государства.

2. На биллбордах нет отрицательных образов: сатиры на врагов коммунизма, рассказов о страданиях простых американцев, внутренних врагов. Говоря словами П. Вайля: «Слишком много чести врагам, чтобы уделять им время, место и душевные силы. Враг существует умозрительно» [2, 168].

Биллборды функционируют в двойном режиме: во-первых, в словесном, во-вторых, в визуальном. Приведем перечень слоганов и визуальных образов, которые им соответствуют.

«Наша перамога!» (ветераны).

«Мы – беларусы» (ветераны, школьники, спортсмены, девушки и юноши в национальных костюмах, певцы, военные, работница на швейном производстве).

«За Беларусь для народа!» (мать и дочь, школьники, работница швейного производства, строители, крестьяне, юноши и девушки, в том числе в национальных костюмах, ветераны, семьи).

«Беларусь за стабильность!» (ветеран в кругу студентов, дети, рабочие МАЗа).

«Беларусь за достаток!» (хлеб, девушки с хлебом в национальных костюмах).

«Беларусь за независимость!» (школьники).

«За Беларусь!» (ветераны, крестьяне, юноши и девушки, военные).

«У будучыню!» (студенты, молодые матери на роликах, юноши и девушки).

«Табе, Беларусь!» (крестьяне, сельскохозяйственная техника)

«Беларусь – государство для народа» (девушка в национальном костюме, семья).

Очевидно, что словесный регистр, как правило, не применяется для привязки визуального сообщения: одни и те же слоганы используются с разными визуальными образами, в то же время разные слоганы используются с одними и теми же изображениями. Прямо с визуальным рядом связан только словесный ряд «Наша перамога!» (ветераны).

Слоганы с частицей «За!» кореллируют с такими советскими лозунгами, как «За Родину! За Сталина! За мир! За коммунизм!»; «За счастливую юность голосует советская молодежь!»; «За дальнейший расцвет наших городов и сел!», «За радостное, счастливое детство! За счастливую, крепкую семью!», «За здоровое, жизнерадостное поколение, готовое к труду и обороне социалистической родины» [11]. На биллбордах эти лозунги визуализируются: колосятся мирные поля, молодежь бодра и весела, здоровые семьи позируют на фоне новостроек, школьники радуются, смелые солдаты готовы защитить Отечество.

На данном этапе биллборды «За Беларусь!» выполняют фатическую функцию, то есть функцию поддержания коммуникации (Якобсон-Эко). Кажется, что сообщение должно выражать или вызывать какие-либо патриотические чувства (например, чувство гордости за свою страну), побуждать к определенным действиям (голосовать за действующего президента или усерднее трудиться на благо родины), но на самом деле сообщение стремится подтвердить, удостоверить сам факт коммуникации. Это – ритуальные образы, ритуальные фразы, основная цель которых – поддержание контакта с населением.

Из преобладания фатической функции вытекает следующая особенность словесного ряда: если лозунги на советских плакатах призывают к выполнению определенных действий и приводят цифры для доказательства успехов, то белорусские слоганы апеллируют к характерному для тоталитарного дискурса понятию «народ» и лишены конкретности.

Данная особенность прослеживается, например, если сопоставить биллборд «За Беларусь для народа!», на котором изображена школьница с белыми бантами, с советским плакатом «Образование в СССР и США», где пионерка в белом школьном фартуке с букетом улыбается, поскольку идет в новую школу. Обе девочки – блондинки, то есть чистые светлые дети в счастливом мире. Плакат информирует: «В СССР в 1951–1955 годах строительство городских и сельских школ увеличится примерно на 70% по сравнению с предыдущим пятилетием». Кроме школьницы на советском плакате изображен мальчик с книгой, пришедший в заколоченный сарай, на котором висит табличка «Школа закрыта». Надпись: «В США ассигнуется из бюджета на народное просвещение 1% и 74% на военные расходы. В США насчитывается свыше 10 миллионов неграмотных; около одной трети детей школьного возраста не учится».

В данном случае советские идеологи используют такой иконический знак, как статистические данные. Плакат аргументированно, при помощи использования конкретных цифр и образов, убеждает зрителя в преимуществах советского строя. Биллборд действует, с одной стороны, более тонко, так как прямо не сообщает о проблемах иностранных детей (школьники в других странах, не получающие должного образования, здесь подразумеваются, но прямо не показываются), с другой стороны, ме-

нее убедительно, поскольку слоган «За Беларусь для народа!» воспринимается как абстрактная фраза, проигрывающая такому весомому аргументу, как статистические данные.

Трансформация визуальных образов отчетливо прослеживается на примере биллборда «Горжусь сыном своим!» и плаката Говоркова «Горжусь сыном!» (1941). В связи со слоганом «Горжусь сыном своим!» интересна мысль А. Терца, который пишет о близости соцреалистов к русской литературе XVIII века, например, к Державину, и о характерном для них в связи с этим стремлении к «торжественной велеречивости оды» [13, 22]. В этом смысле пафосное «Горжусь сыном своим!» является еще более соцреалистическим, чем скромное «Горжусь сыном!».

На советском плакате (он же реклама газеты «Известия») молодого летчика обнимает отец. Милиционера на белорусском уличном биллборде придерживает за плечо мать. Для интерпретации данного биллборда и соответствующего ему советского плаката воспользуемся психоаналитическим методом.

На советских плакатах и картинах взрослые сыновья изображались, как правило, с отцом, которого часто заменяет Сталин как символический отец. Персонажи и композиция на биллборде позволяют говорить о том, что здесь репрезентирован симбиотический тип отношений матери и сына. Из-под материнской опеки этот инфантильный юноша перешел под опеку государства.

Если воспользоваться терминологией Ж. Лакана, то на этом биллборде можно увидеть запрос – доминирующий в Воображаемом модус отношения к миру – запрос на признание, направленный в данном случае как на мать, так и на всех граждан Республики Беларусь. Мать необходима для построения собственного нарциссического образа. Сын смотрится в свою мать, как в зеркало, и видит себя героем только потому, что надел милицейскую форму. Мать также проецирует на сына идеальный образ, которому он должен соответствовать, чтобы был повод для гордости им и собой.

В статье «Общество дето-нации: политика как «детский» образ жизни в Беларуси» Д. Коренко рассматривает линию инфантилизации социального как основной мотив государственной идеологии, которая пытается «редуцировать социальное [...] к инфантильному образу, не имеющему собственной (автоном-

ной) субъективности, а вместе с ней и будущности» [1,304]. Биллборд «Горжусь сыном своим!» поддерживает эту линию инфантилизации социального, предлагая образ психологически зависимого от матери милиционера.

Роль матери в процессе социализации, вхождения ребенка в культуру (в том числе национальную) очевидна. Если на картине Бархаткова «Первая песенка» (1957) мать вводит дочь в осмысленный мир (они разучивают песню, за окном – поле, березы), то мать на биллборде «За Беларусь для народа!» знакомит дочь с неким абстрактным полотном, которое способно вызвать недоумение не только у ребенка, но и у взрослого человека, имеющего представление о современном искусстве. Ребенок развивается в бессмысленном контексте.

И на советском плакате «Мы выполнили норму... А вы?», и на биллборде «За Беларусь для народа!» на втором плане находится монументальное архитектурное сооружение, демонстрирующее интеллектуальную мощь страны (Московский государственный университет в первом случае и Национальная библиотека Беларуси во втором). На переднем плане советского плаката расположена женщина-сварщик, на биллборде – персонаж в спецодежде, специальность которого сложно идентифицировать (он может быть строителем, мусорщиком или другим работником коммунальных служб, рабочим). Визуальный образ, идентификация которого затруднена, нельзя признать эффективным с точки зрения идеологического воздействия: Ленин связывал эффективность пропагандистского искусства с его понятностью широким массам [10, 243].

На советском плакате мы видим женщину-сварщика: она приобрела профессию, традиционно считающуюся мужской, и достигла в ней успеха – выполнила норму быстрее, чем коллеги. С другой стороны, здесь может идти речь об эксплуатации советских женщин в сферах, связанных с тяжелым физическим трудом, в то время как мужчины занимали руководящие должности. На белорусских биллбордах нет образов эмансипированных женщин (занятых в сфере тяжелой промышленности или строительства, руководящих работников); на них присутствуют учительницы и девушки в венках из полевых цветов.

Таким образом, биллборды репрезентируют неоформленность и патологичность белорусской идеологии.

Литература

1. Белорусский формат: невидимая реальность. Вильнюс: ЕГУ, 2008.
2. Вайль П. Живопись Югры. В: Карта родины. М.: Изд-во КоЛибри, 2007.
3. Голошток И. Тоталитарное искусство. М.: Галарт, 1994.
4. Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. В: Искусство утопии. М: Художественный журнал: Прагматика культуры, 2003.
5. Гройс Б. Россия и проект модерна. Художественный журнал, 2001 / № 36. http://artihaus.narod.ru/EFVP_d1.html
6. Дёготь Е. Русское искусство XX века. М.: Трилистник, 2000.
7. Курляндцева Е. Соцреализм – прародитель современных рекламных технологий. http://www.vesti7.ru/news?id=2972
8. Лакан Ж. Имена – Отца. М.: Гнозис, Логос, 2006.
9. Милерюс Н. Синхронизация и десинхронизация настоящего и прошлого на советском и постсоветском пространствах. В: P.S. Ландшафты: оптики городских исследований. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 37–62.
10. Начальный курс философии. М.: Мысль, 1968.
11. Русский плакат. М.: Контакт-Культура, 2006.
12. Синявский А. Основы советской цивилизации. М.: Аграф, 2001.
13. Терц А. Что такое социалистический реализм. Доступ через Интернет. http://imwerden.de/pdf/abram_terz_chto_takoe_soc_realizm.pdf
14. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004.
15. Выяўленчае мастацтва Беларусі. Мінск: Беларусь, 1977.
16. Беларускі палітычны плакат. Мінск: Беларусь, 1989.
17. http://www.belta.by/posters/index.htm.

Дмитрий Заец
(Харьковский национальный университет)

ПУБЛИЧНЫЕ ЭСТЕТИКИ СОВРЕМЕННОГО ХАРЬКОВА

The paper deals with sociological analysis of public aesthetics – contemporary public art practices, which were implemented within the city space of Kharkiv. It presents data of visual and semiotic analyses of public art works that are oriented on the formulation of urban identity through actualization of cultural, modern, ecological, and cosmic elements in inhabitants' social memory and the imaginary.

Размышляя о пространстве города и его визуальном наполнении различными видами искусства, можно, не претендуя на оригинальность, повторить старую мысль, что искусство издавна выполняло эстетическую, мемориальную и, в значительной степени, идеологическую функцию в политике городского планирования. Но вторая половина XX в., помимо прочих культурных новшеств, отличилась своеобразным «включением» искусства в процесс структурации городской среды, набора паттернов визуальности с намерением «переключить» режим «смотрения»/видения города посредствам новой формулы городского искусства, а именно – Public Art (публичное искусство).

Это своеобразное направление в современном искусстве, возникшее как следствие и «медиатор» гражданской активности в публичной сфере западноевропейских и американских городов в 1960-е гг., сегодня направляет свои творческие усилия на изменение перцептивных моделей визуального восприятия

города. Поэтому публичное искусство не только и не столько искусство, сколько специфическая социокультурная практика, включающая онтологию и методологию визуальной антропологии и этнографии, семиотики, теории медиа и других неискусствоведческих визий. Именно поэтому произведения публичного искусства все более напоминают социальный эксперимент, в процессе которого, моделируя ощущение сдвига, смещения, беспорядка, инсинуации, розыгрыша, проблематизируются общепринятые коды и установки, давно знакомые отношения и социальные стереотипы. Осуществляются эти эксперименты вне институциональных стен «храмов искусства» (галерей, музеев и т.д.) – в публичном пространстве города; таким образом художники пытаются утвердить эгалитарный статус искусства в городской среде, и вместе с этим новый формат её видения.

Давно известно, что визуальное восприятие зависит от историко-культурной ситуации. Мы пребываем в ситуациях видения, в которых привычный образ и символ вновь и вновь (де)кодируется нами благодаря социальному опыту. Схема видения, вводимая футуристами, кубистами, другими авангардными мыслителями начала XX в., базировалась на идее параллакса – возможности видеть иначе. Но современные художники, в чем-то повторяя алгоритмы и изыски сюрреализма, перформансы dada, стремятся уйти от авторитаризма, сопровождающего любую авторскую попытку создать собственный язык, стиль, наконец, мир. Паблик-арт приходит к своему зрителю на правах гостя, разворачивая свою деятельность на этаже рутинизированных практик, символически уравниваясь с ним.

Используя комплекс художественных уверток, паблик-арт, однако, не ломает прежние принципы и законы эстетики, геометрии, литературы [3]. Логика разрушения, свойственная авангарду, заменяется комплексным анализом среды/места, реконструкцией смыслов, отношений, наполняющих конкретный топос. Нащупать и передать эпоху, отобразив голос каждого, – стратегическая задача public art. Тактически она решается посредством широкого круга художественных средств: перформанс, инсталляция, «community art», «street-art», «land-art», «art in public interest», акционизм и других [4].

Моя задача – социологический зондаж городского пространства г. Харькова на предмет наличия в нем арт-объектов публич-

ного искусства, их интерпретация и анализ особенностей функционирования в условиях постсоветской действительности.

Ограничения, связанные с форматом данной работы, позволяют лишь в тезисном порядке представить результаты анализа «городского текста» и выявленных «документов» городской культуры – произведений харьковского публичного искусства.

Публичные эстетики

В основном публичное искусство в Харькове представлено стенописными работами молодого поколения художников и дизайнеров. По средствам реализации эти работы тяготеют к молодому направлению уличного искусства – street-art. По стилистике выполнения – к близкой художникам традиции декоративно-монументального искусства. Роман Минин и Гамлет Зиньковский – ученики харьковской школы В. Гонторова – лидеры паблик-арт движения в Харькове.

Этот творческий дуэт и их сторонники из среды профессиональных художников, дизайнеров и граффитчиков своей арт-деятельностью образуют в центральной части города площадки дискурса – альтернативные дискурсивные арены, где создается множество отличных образов городской идентификации. Художники формулируют дискурс, отличный от того, в который увлекает город национальный метанарратив. Харьков в интерпретации художников обделен политическими красками, вместо этого он наполняется колером культурных символов и концептов.

«Публичное воображаемое» в этом случае художники снабжают идеограммой и семантикой в четырех тематических перспективах как минимум:

1. Харьков – культурный;
2. Харьков – модерный;
3. Харьков – экологический;
4. Харьков – космический.

Первый класс объектов включает в себя работы, оперирующие персонифицированными культурными символами, которые акцентируют компоненты идентичности города, позволяющие говорить о нем как о городе культуры, искусства, науки – городе возможностей.

В данном контексте в первую очередь необходимо отметить настенные росписи на улицах Пушкинской и Гоголя. Пушкин и Гоголь – герои арт-работ – в стрит-артовской интерпретации Минина, Гамлета, И. Понкратова, С. Харлашина и других художников являются иллюстративным примером изменения характера визуальной коммуникации между искусством и публикой в городской среде. Грамотная композиция, насыщенный колорит, хорошая графика наделяют эти работы высокой художественной ценностью, но все же более примечательны они не пластическим языком, а артикуляцией культурных концептов, тем, что Розалинд Крауз назвала «оптическим бессознательным». Тактика «переворачивания смысла» обрамляет Пушкина, Гоголя, Хармса, Толстого в непривычный, эгалитарный контекст. Фигуры классиков скорее комедийны, чем монументальны, иррациональны и прозаичны. Веер читаемых идеограмм без головоломок образа транслируется прямо в сознание. Пушкин на коне, в космосе, в казино, коротко говоря, Пушкин в «жизненном мире» современного повседневного существования, на этаже рутинизированных практик.

Это современный вариант мемориальной дощечки, не снабжающей зрителя школьным клише *«Великий русский поэт»*, но повествующей о «живом», «человечном» Пушкине. Таким образом «*анти*героичность» работ является важной особенностью харьковского стрит-арта, которая предопределяет его включение в дискурсивное поле public-art.

Визуальный текст есть выражение деятельностного процесса филиации культурных смыслов [1]. В творчестве Р. Минина и его коллег этот деятельностный субстрат представлен как самой стилистикой визуального акционизма (стрит-арт, смс-арт, стенопись), так и визуально-пластической формой единичного произведения, сама структура которого стремится максимально полно продемонстрировать риторический заряд визуального нарратива городского образа Харькова. Моделируя различные сюжетные программы, художники не просто говорят о великих писателях, а наполняют содержание идентичности города социально значимыми элементами, условными образованиями, с одной стороны, банальными, но извечными темами – литература, азарт, благородство, любовь – с другой, репрезентирующими русскую культуру фигурами. Со свойственным современному

искусству семиотическим минимализмом, изображения писателей – в некотором роде попытки формулирования городской, исторической идентичности, разграничения «своего» от «чужого». Факт имплементации политик идентичности, «возвращающий» в пределы Украины личность Н.В. Гоголя, склоняет процесс идентификации в сторону «одомашнивания» знаковых фигур и, тем самым, расширения символического диапазона культурной модели Харькова.

Это утверждение подкрепляют стенописные произведения, расположившиеся на той же улице (ул. Пушкинская, 32), по соседству с «иконами» русской литературы. Работы выполнены в стиле наивного искусства – реминисценции Г. Зиньковского на произведения Марии Приймаченко. Это украинская художница, творческий и жизненный путь которой самым подходящим образом соответствуют тем ожиданиям, которые традиционно связывают с гениальными художниками (или блаженными в православной церковной культуре). Имеется в виду отсутствие признания и бедность при жизни, но «возвышение» и «канонизация» после смерти. Такой своеобразный «лик святых» необходим для консолидации сообщества вокруг «украинской» идеи. Художница Приймаченко, как и Н.В. Гоголь или философ Г.С. Сковорода, составляют движущую силу интегративных процессов, созвездие узнаваемых символов местного и национального значения. И это естественный феномен для любого современного государства, такой же необходимый, как национальная символика, наряду с флагом, гимном и гербом. Более того, изображения кошачьих и других диковинных животных неплохо уживаются с импозантным Пушкиным.

К классу «Харьков – культурный» мы также отнесем беспрецедентную музыкальную акцию – результат взаимодействий руководства харьковской филармонии и метрополитена. Концерт симфонического оркестра в холле станции метро «Университет» был сыгран минувшим летом в присутствии тысячи зрителей[1]. Такое же непривычное для паблик-арта публичное место было выбрано и в случае с социальной акцией «Рождественский трамвайчик»[2], проводившейся в канун Рождества уже два года

[1] http://tsn.ua/tsikavinki/harkivska-filarmoniya-dala-kontsert-u-metro.html

[2] http://kh.ric.ua/vse_novosti/obwestvo/rozhdestvenskij_marshrut_bezumnogo_tramvajchika

подряд. В тематически украшенном салоне арт-трамвая, курсировавшем по маршруту №12 от Южного вокзала до парка им. Горького, могли проехать все желающие. Колядки пассажиров сопровождались живой игрой музыкантов. Арт-трамвай стал третьим полем Рождественского фестиваля «Трипілля» (Триполье)[3].

Таким образом, яркие уличные панно, музыкальные акции – бесплатные, предназначенные для широкого круга людей – предлагают иной угол зрения на привычное и обыденное, нацелены на претворение городской среды в дружелюбное пространство и воспитание в харьковчанах открытости и раскованности в культурном плане. Вместе с тем названные события, явления в жизни города, используя наличный арсенал художественных приемов современного public-art (тактику street-art, community art, музыкального перформанса), направляют воображение, канализируют память харьковчан и гостей города в сторону яркого – художественного, музыкального – культурного образа Харькова.

Харьков серии «город модерный, город роения тысяч «электрических пчел» – дань харьковской «индустриальности», прогрессу, современности и таких их составляющих, как промышленность, машиностроение, высокий научно-образовательный потенциал, скоростные коммуникации, налаженная инфраструктура атрибутов индустриального города. Наиболее яркий пример из этой серии – техностатуя «Символ изнурительного подземного труда» в подземном переходе станции метро «Университет». Изготовленная сотрудниками предприятия из старых металлических запчастей в свободное от работы время, она установлена в ночь с 7 на 8 августа 2009 года в честь 34-летия открытия Харьковского метрополитена. Инсталляция воплощает трудовую деятельность сотрудников метрополитена, их нелегкие трудовые будни. Техностатуя первоначально была установлена без таблички с названием, что усиливало недоумение публики

[3] С 25 по 27 декабря в Харькове прошел уникальный рождественский фестиваль «Трипілля»: фестиваль трех дней и трех полей – площадок, на которых развернулись акции фестиваля. Инициатором культурного события является Роман Минин, при поддержке мецената Анатолия Саенко, известного харьковчанам по грандиозному «Gagarin-fest», ставшего арт-взрывом для города в ноябре 2009 г.

и интерес к произведению. Этому способствовала уникальная морфология и семантика памятника. Его визуальный облик работает на актуализацию в социальной памяти идентичности профессионального сообщества, без которого невозможно функционирование мегаполиса, ведь транспортные коммуникации – это артерии его сложного «организма». Пафос и ирония проекта «кричат» сквозь стальной каркас из металлического лома фигурой «героя нашего времени» – простого рабочего, что с той же трагичностью, что и на лице статуи, отрабатывает свою ночную смену с несокрушимой стойкостью металла.

Убогое финансирование бюджетной организации компенсируется преданностью к труду «железных людей» подземки, поддерживающих ее жизнеспособность также, как фигура техностатуи подпирает тяжеловесную рельсу.

Необычная форма, «списанный» материал, ироничность и трагичность сюжета, объясняют наше внимание к инсталляции в контексте паблик-арта, но эта работа не оставила равнодушными и жителей мегаполиса. Несколько раз металлическую скульптуру грозились снести, потому что она установлена на пути возможной эвакуации пассажиров без согласования с МЧС. Скульптура была демонтирована, но со временем (по многочисленным просьбам) возращена на прежнее место. В целом хотелось бы отметить уникальность этого явления. Здесь мы наблюдаем удачный пример того, как искусство «творит публичность», не просто создавая реальные публичные пространства (площадку вокруг арт-объекта), но инициируя публичность в сознании и сердце зрителя. Важен не столько сам «железный человек», а та связь, которая возникает между ним и воображением аудитории. И вероятно, что результат подобной коммуникации составит уважительный образ транспортников и рефлексивный осадок по поводу собственного места, прав, обязанностей перед городом и другими живущими в нем людьми.

Подобная стратегия политики профессиональной идентичности может принять вполне конкретный маркетинговый характер и в отношении всего города. Именно это характеризует PR-проект «Моторне місто» (Моторный город). Дизайнерами студии 3Z[4] по их собственной инициативе предпринято продви-

[4] 3Z – харьковская студия, предоставляющая услуги графического дизайна. Основателями являются Сергей Мишакин и Таня Борзунова. По

жение туристического бренда Харькова – альтернативного логотипа (герба) города[5]. Его содержание включает исторически сложившуюся модерность, индустриальность, научность города, и мобильность, предприимчивость его жителей. На стенах зданий, тротуарах, технологическом оборудовании и других объектах художники с помощью трафаретов наносили ситилайты (их было 70 единиц), представляющие собой модифицированную заглавную букву «Х», а также расклеивали постеры с изображениями спортивных залов, заводских цехов второй половины ХХ в. – времени расцвета советского Харькова (мощного промышленного, научно-образовательного и культурного центра).

В своей концепции логотипа авторы настаивают на возрождении былого величия в новой модифицированной форме. Важно подчеркнуть, что идея дизайнеров соединяет напоминание об образе Харькова как лидера индустрии, науки и культуры, и одновременно присущее ему стремление к вольности, целеустремленности, культурную неоднородность. Актуализировав такой вариант памяти о Харькове, в планах творческого коллектива создать всеохватный образ-бренд, который позволит представить город как инвестиционный объект, привлекательный также и с туристической точки зрения.

Итак, небольшая группа дизайнеров на гражданских (безвозмездных) началах предлагает муниципальной власти хорошо продуманный концептуальный проект, а горожанам – привлекательный бренд родного города. Возможно, никакого продолжения, полномасштабной реализации не будет, сейчас это не так важно. Интересно то, что такая инициатива возникла и состоялась на уровне презентации в публичном пространстве, также как стали возможны стрит-артовские публичные проекты Минина и Зиньковского, воздвижение памятника рядовому рабочему харьковской подземки. Это и есть истинные «зачатки демократии», именно в этом и заключается «демократический потенциал художественных практик публичного искусства» [2].

Социально-экологический «ангажемент» харьковского публичного искусства представлен в работах Ульяны Быченковой и Юлианы Алимовой. Из этой серии, прежде всего, интересна «эко-акция» в ответ на вырубку деревьев на центральных улицах

материалам: http://3z.com.ua.

5 Подробней см.: http://3z.com.ua/portfolio/identity/1602/.

Харькова (на улицах Рымарской, Культуры в апреле 2009 года). Социально-ориентированная идея реализована посредствам дизайнерских решений и представляет собой серию надписей-посланий «Помнило!», «Шелестело!», «Роняло листья!» и др., прикрепленных к пенькам спиленных деревьев. Площади среза также были окрашены в красный цвет, что символизировало кровь. Фотоотчет о работе был представлен на 7 международном триенале экологического плаката «4-й блок»[6] в Харькове в 2009 году.

В репертуаре городских интервенций У. Быченковой присутствуют менее драматичные работы, но выполненные в том же идейно-тематическом ключе. Их основная цель – «гуманизация» окружающей среды. Для достижения этой цели У. Быченкова использует аутентичный, художественный способ. Она расписывает стены метафоричным изображением «экологического будильника», немым звоном которого художница пытается обратить внимание людей на проблему чистого воздуха, чистой реки, парков, зеленых улиц и жилых районов.

Идейно близкие коннотации просматриваются в одной из работ Г. Зеньковского в арке дома № 45 по ул. Пушкинской. Настенное изображение голубя на фоне небесного цвета дополнено одним единственным словом – *чистый* – прямой и ясной корреспонденции с банальным желанием видеть улицы своего города чистыми.

Еще одно напоминание о городе связано с его недавним «космическим прошлым». В Харькове производилось аппаратное оборудование систем управления космических ракет. Тематика космоса и личностей, его олицетворяющих, представлена в городских работах харьковских художников, а именно: Оля Пелипас («Спутник»), Аленинский Костя («Космический корабль»), Харлашин Сергей и Минин Роман («Мы Пэрши»), Ерёмко Даша («Гагарин»). Проекты реализованы на проспекте Гагарина и сопровождали первый харьковский фестиваль современного искусства «Гагарин фест»[7]. «Изображая тех, кого не стыдно» худож-

---

6 Подробней см.: http://www.4block.org/ru/project

7 С 30 октября по 7 ноября 2009 года в одном потоке были объединены разные художники и стили. Название фестиваля, по словам организаторов, объясняется тем, что художник – это, в некотором смысле «Гагарин», открывающий людям новые миры своим творчеством. Программа фе-

ники ничего нового и ценного не преподносят, но для Харькова эти работы в своеобразной, часто юмористической форме, выступают художественной поддержкой имиджа прогрессивного и «ученого» Харькова.

«Космогенность», между тем, на фигуре первого космонавта не ограничилась: выделяются аллюзии и на первых живых существах, побывавших в космосе: «Белка» и «Стрелка» в специальных скафандрах радостно приветствуют прохожих со стены дома на прилегающей к фестивалю улице. Это и работа Константина Зоркина – «Тюбик», для удачной интерпретации которой автору понадобилась всего одна фраза: «Тюбик – это та вещь, которая объединяет космонавта и художника».

И в данном случае харьковский стрит-арт хотя и апеллирует к сложной и «серьезной» теме космоса как возможности трансгрессивного акта – культурного прыжка к будущему, он, в буквальном смысле, ухмыляется тому значению космоса, которое ему придавала советская пропаганда. Инверсия смысла изображаемого проявляет прямую соположенность этих работ с каноном паблик-арт.

Выше речь шла о произведениях искусства, инициаторами и реализаторами которых являлись отдельные художники или их группы в сотрудничестве с другими профессиональными художниками или граффитчиками-«райтерами». Но в городской среде Харькова также присутствуют (присутствовали) произведения, выполненные под заказ местных властей, администраций или представителей бизнеса, которые могут быть отнесены к публичному искусству, но с некоторыми оговорками. В случаях с этими работами муниципалитет или бизнес посредством искусства стремятся представить себя (профессиональное сообщество, район или город) спонсору (потребителю или вышестоящей инстанции) в привлекательном свете. Это связано с определенной «выгодой» от репутации своеобразия и качества, которую обеспечивают объекты искусства. В итоге пространство города превращается в определенном смысле в товар и место для рекламы.

стиваля включала интерактивные акции, он-лайн рисование, перформансы, выставку работ современного искусства харьковских художников, и, конечно, стрит-арт.

Так, в августе 2009 г. ко дню города в Харькове развернулась «кампания» по репрезентации героического образа города и чувства патриотической гордости, основанного на мифе «победителей». В центральной части города на остановках общественного транспорта появились лайтбоксы с репродукциями картин из архивов художественного музея, повествующие о первых годах послевоенной жизни города. Картины солдат за школьными партами «экспонировались» параллельно с выставками в городских парках фотохроник освобождения Харькова в 1943 г., последствий бомбежек и военных действий в городе, восстановительных мероприятий.

С другой стороны, трудно не заметить наметившуюся тенденцию публичного манифеста профессиональных групп, проявляющуюся в установке тематических скульптур и статуй. Как правило, эти работы располагают в пространственных пределах «символического референта» и здесь арт-объекты выполняют функцию «демаркационного столба», обозначая символические границы того или иного сообщества. Так, памятник Аптекарю (Блюхера, 4, скульптор С.А. Гурбанов, архитектор Ю.М. Шкодовский), Скрипачу (пл. Конституции, Сейфаддин Гурбанов) установлены, соответственно, рядом с фармацевтическим университетом и консерваторией. Хотя сегодня фигура «скрипача» приобрела характер мифологемы.

История с установкой скульптуры на крыше противоположного дома, что было связано с отсутствием достаточного места рядом со зданием, сегодня приобрела характер одной из немногочисленных городских легенд. «Скрипач» стал объектом активного мифотворчества, и теперь его «возвышенное существование» связывается с чувством полета, легкости, которым музыка одаривает преданного слушателя.

Бронзовые статуи героев романа «12 стульев» Ильфа и Петрова, расположенные у входа в ресторан (угол улиц Петровского и Чернышевской, скульптор Эльдениз Курбанов), также давно стали излюбленным местом для портретного фото у харьковчан и гостей города. Хотя, безусловно, установка этих работ была продиктована экономической логикой, развернувшейся в сферах «социально воображаемого» [5].

Отдельного внимания заслуживает комплекс акций и объектов, реализованных в харьковском метро по инициативе руко-

водства метрополитена в 2008–2009 гг. «Метро как территория искусства» – слоган, охватывающий и оправдывающий палитру «арт-мероприятий», направленных на внутренний и внешний PR. Своеобразная, творчески оформленная и ведомая западными тенденциями реклама метро призвана приумножить спрос на рекламу в метро. Вот некоторые из этих работ.

1. Павильоны входа/выхода станции метро «Научная», иллюминированные портретами ученых.

2. Импровизированное парковое пространство (искусственная лужайка со скамьями и фонарем) в переходе на станции «Советская».

3. Роспись зала станции «Спортивная» праздничными «лентами», окрашенными в цвета национального флага в честь открытия реконструированного футбольного стадиона.

Резюмируя, следует сказать, что, в отличие от европейских аналогов, харьковский паблик-арт не настолько агрессивен в сюжетной программе – в его задачи не входит напоминание об ужасах тоталитарных режимов или военного времени. Хотя, вероятно, что для этого настанет свой час, но сегодня на повестке дня стоят вопросы скорее созидательного или «собирательного» характера. Харькову как сложной символической системе нужны образы, способные наполнить значение этой системы в «публичном воображаемом» положительными знаками-«маркерами». И художники осознают эту потребность как для харьковчан, которые и есть город, так и для самопрезентации города в общенациональных масштабах.

Как видим, на поверку скучный и серый, Харьков удивил многообразным репертуаром художественных исследований в публичной сфере. На улицах, в парках, в метро города мы встретим «микс» жанров и стилей искусства, но за этой вариативностью лежит объединившая их интенция – актуализации памяти о городе, об исторических датах, событиях, наконец, о людях. Харьковский паблик-арт реально отображает проблемы настоящего времени, в локальном контексте города. Он обнажает нерв харьковской эпохи нулевых годов, актуализировав образ современного Харькова как города культурного, модерного и... чистого.

Литература

1. Коваль О.В. Азбуквальность и иконизм. Лингвосемиотик между живописной ощутимостью и языковой дискурсией. http://kontent.org.ua/stati.html.
2. Шпарага О. Демократический потенциал культурных практик в условиях авторитаризма: случай Беларуси // Постсоветская публичность: Беларусь, Украина. Сборник научных трудов под редакцией В. Фурса. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 158–187.
3. Massey D., Rose J. Personal Views: Public Art Research Project. www.artpoint-trust.org.uk.
4. Phillips P. Field report No1, spring 2004. http://www.ixia-info.com/publications/archive/.
5. Sanchez Estelles I. The sociological reformulation of Laclau’s social imaginaries. The Essex Graduate Journal of Sociology, Vol. 9, November 2009. Published by University of Essex. P. 34–44.

МЕДИАКУЛЬТУРА: АНАЛИЗ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, КРИТИКА

Palina Mahilina
(Palacky University in Olomouc, Czech Republic)

PURE NEWS: HOW DOES IT SOUND? MULTILINGUAL BROADCASTING ON EURONEWS

The paper considers news – texts prepared in two languages for the same TV-report on Euronews channel. Euronews is the number one channel to reach European elite which deals mostly with producing hard news. According to their slogan "pure news", they try to be objective and leave the space for people to interpret the news themseves. Its news is understandable for 98% of Europeans. And if viewers prefer the news in their own language, multilingual broadcast becomes an important issue and also can serve as a powerful tool for forming the opinion of the elite in Europe's future. What kind of differences does simultaneous multilingual broadcasting produce? A particular news situation covered in English (as one of the EU language) and Russian (a European language outside the EU) simultaneously will be taken into consideration. The research will let us see how, regardless of visual sequence, the text can produce different meaning. Will English speakers and Russian speakers hear the same news?

In Belarus, the TV Channel *EuroNews* in Russian earned its popularity among a certain class of the society by bringing, it is believed, objective truth. But also it roused censure, when covering events connected to the presidential election campaign - 2006 in Belarus, a speech of an oppositional leader wasn't broadcasted for 'technical reasons' or only official demonstrations were shown [14], [15] or why in English version Lukashenko was called the last dictator in Europe but never in Russian. The channel itself, having diversified possibili-

ties for being on air, has become the second popular channel among those people in the country who know how to use mobile TV from mobile operators [18].

However, while talking to my colleagues from the EU I discovered that hardly any of them knows the channel. At the same time the governments of non-EU countries perceive the launching of the Euronews programs in their language as a threat [17]. So, this is a big advantage and strength of Euronews as an international channel – making European news available for people with limited language knowledge, which starts to play its crucial role when thinking of less developed countries or countries with restricted democratic development. Thus, I come to the question of specifics of the channel and its possible influence through multilingual policy. And if the broadcasting is done simultaneously with the same video, but in different languages, does it convey a different picture, does it have different messages in the news text? My paper will deal with the peculiarities of multilingual broadcasting on the channel, taking into account the Russian and English versions, and the channel's policy of broadcasting. We will also try to see how it works using the example of coverage that has a sensitive issue for Russian-speaking viewers (Russian) and opposed to that – English version as the main one, the one that can be used as a basis. To do this study we first will see the history of the channel in terms of ownership, and later on see how the image and the text find their way to TV screens.

Understanding the language: who is the message sender? The history of EuroNews birth

To understand the role of the channel on the European market it is necessary to see who or what is actually involved in sending message of the channel to viewers. Media have been a sensitive issue in the European Community for a long time. Deregulation of the national media to ensure the freedom of media inside the Community made it more difficult for appearance of European regularatory power or any common policy in this area. Though, as Coleman and Rollet put it, the idea of a 'European Audiovisual Policy'finally got its influence and gave a way for emergence of common European projects in the late 1980s [5,12]. The Green Paper on "Television without Frontiers" in 1984 gave an initial impulse for a European-level me-

dia policy that welcomed the process of the European cultural and political integration. The initiative of single broadcasting media was implemented in several attempts (some of them still exist) – Eurikon (1982), Europa TV (1985), Eurosport (1989) before EuroNews appeared in 1993 in Lyon, France, and has developed into an important player on European media market [13].

EuroNews was first seen as "a major contribution from the public service institutions to the European dimension in television and its purpose is to demonstrate the indispensability of the public service concept"[9]. To prevent channel from being commercial (private capital in Eurosport, for instance, was an "apple of discord") and being a tool for political parties, 13 channels-members of the European broadcasting Union (EBU) joined the project starting with broadcasting in five languages. Thus, the financing comes from several sources – broadcaster members (now 21), advertising, from countries involved in the project, and the European Union itself. Broadcaster members are the owners of the channel.

Seeing the message: Where do pictures come from?

Recently, the EBU has become the largest association of national broadcasters in the world. They promote cooperation between broadcasters and facilitate the exchange of audiovisual content. The EBU works to ensure that the crucial role of public service broadcasters is recognised and taken into consideration by decision makers [7].

To understand its importance is enough to look at the scale of the EBU's network: it has 75 Active Members, from 56 countries in and around Europe, and 43 Associate Members around the world. Some Active Members are made up of more than one broadcasting organization. EuroNews participation is there under the status "Approved Participants". It can be received by an organization, whose participation in certain EBU activities is considered useful for the Union [7].

Active members, broadcasters, from whom EuroNews can benefit are to submit daily bulletins over which they have overall editorial control with the length about 15 minutes. They cover national news and, particularly, politics [7].

By having access to national news through 21 broadscasters as well as to materials from Reuters Television, Associated Press Television News, an image variety of EuroNews is ensured.

The process of receiving images is crucial to understand what can appear on air on the Euronews channel. And now it's possible to see that some complains about lack of objectivity are in vain – in many cases, those are the only images the channel can get depending on the members of the EBU since a very small number of journalists on Euronews do the field work. Thus, text objectivity can be seen as more crucial when evaluating the objectivity.

Designing the message: EuroNews as "pure news"

Since the 1990s transnational news companies have competed hard being on air 24/7. The speed with which a news item is expected to be produced keeps increasing. An there is no surprise that new forms should be suggested in the situation of limited physical and human resources. Daniel Boorstin, an American scientist who started speaking about pseudo-events, underlines that the right to make news no longer belongs to God or Devil but to reporters [2].

Thus, appearance of EuroNews on the market is a big challenge of the news worthiness and struggle with the wish to make it sound biased. In the company's strategy there should be a place for different points of view. *Pure News* has been a new way, a new slogan of presenting EuroNews since 2008. The explanation given in the media package is "We truly believe in individual intelligence and we think that news channel's role is to supply each person with sufficient information, as quickly as possible, to allow the viewer to form his own opinion of the world"[6]. This sounds not only as a statement to the audience but to journalists themselves.

Writing the message: journalists and management at EuroNews

EuroNews doesn't have a great number of journalists in the field – the entire network has about 200 journalists [6]. It saves on everything starting from news casters. This *pure* concept and demand for on-time news relies on prediction – "if news is about the unpredictable, its production is about prediction" [1]. This need for just-in-time simultaneous production in several languages requires a very complex staff management.

Journalists working for EuroNews in Lyon tend to be young because it's much easier to teach people who have already basics than

those who bring their national traditions of production into the pan-European channel. The main mistakes that a journalist should avoid are not to use national references and idiomatic expressions, since they can be understood only in a limited territory. It also concerns careful editing which has to have longer shots and more general editing than in some countries because it should be suitable for different language commentaries where it is obvious that the German language version needs more time compared to the English or Italian – this can also be seen when reading text scripts [1].

Thus, not only writing journalists but also editors come with their country's background which has to be adjusted to the vague "European way of doing things" in general. Inside the company journalistic labour is very much divided, and all the work is built around two main departments (units) which provide journalists with the information for the reports. Actually journalistic work is much more now dependant on managing, that is why these units actually make the whole body of the channel to work constantly without big failures.

As Baisnée and Marchetti explain the Coordination Unit sorts the array of images received from the partners and constitute the day's bulletin, and the Forward Planning Unit is responsible for predicting future – setting the agenda for the next days. This Unit is also responsible for preparation of all the background information needed for the journalist to write the story – all the info is very structured for the journalist to have a quick access to the materials and produce an urgent material [1]. The production of news items is finished by the same journalists themselves who record their commentaries.

The most unique feature is the channel's simultaneous multilingual character that makes it special among other similar projects. In other words, EuroNews has had to ensure that no matter which journalist comments on a story, the news broadcast is roughly the same. Depending on nationalities and professional traditions, the sensitivities regarding an item may be different with some arguing that it is of interest to 'their' audience, that the montage is adaptable to the language's structure or to the television habits of their country.

Thus, language journalist works with the structure provided, and has had the story explained before he starts working. Though a discussion can take place but round the clock production definitely prevents from going deep into the subject.

So journalists are controlled more by space and time than by their own ideas, and as it is, it reminds of a factory where each journalist has to produce around 10-12 news per day – monotonous everyday work. "We need journalists capable of producing more or less personalized scripts very fast on receiving dispatches; in some ways, they are not required to verify or investigate" [1], explained a Euronews senior executive.

Coding the message: language issue

In Europe, where there are 34 official languages, 85% of audience prefers to view the news in their mother tongue [6] – that's how the channel explains their attribution to simultaneous multilingual broadcasting. Also trying to adjust to the concept of little spare time in people's lives, all the necessary information, including special reports and weather forecast has to be squeezed in 30 minutes.

Euronews last reports say that more than 150 countries have access to EuroNews, which means it is available to more than 294 million of people (by satellite, terrestrial channels) in the world [6], EuroNews also concentrates on securing distribution via multi-media platforms, including IPTV, digital media and digital terrestrial TV.

As to the position in the market, EuroNews is ahead of other competitors in Europe with the reach of 182 million of people compared to 141 million of CNN International and 90 million of BBC World News. Multilingual broadcasting is a big help: EuroNews has good chances to be understood by 97% of Europeans, who speak as a native or know one of the languages offered. The channel aims at maintaining a loyal audience trying to serve their needs which include language abilities, technical progress, and their time-management. This readiness to challenge every new problem has had its result – 17.4 % of reach weekly. Profiling viewers of EuroNews reveals that they tend to be men (68%) aged 47, with private investments averaging at € 472,000. They take high positions in the society – frequently are responsible for business decisions and are opinion leaders themselves and travel frequently, including business trips. Again, the technology race is justified, as according to media pack, majority of them are equipped with the latest products, enhancing the access to information like plasma screen or palmtop computer [6].

To sum up, EuroNews seems to be an ambitious political project – as well as other pan-European media, has mainly come to life

with the help and support of national or EU authorities. Despite the fact that it can be received around the world, it is "tailor-made for the European audience" [6]. Intentionally, the channel was to present news and European culture in order to encourage a better appreciation of Europe's uniqueness and cultural wealth and contribute to the European public sphere [6], [8].

EuroNews still receives millions of euros in subsidies from the European Commission. In 2004, four out of 24 hours of EuroNews coverage was subsidized by the EU [3]. In 2008, New-York Times reported, about €5 million a year to finance European affairs programming and €5 million more was given for the start of an Arabic-language version since July, 2008 [4]. It can be partly explained by the urgent need to create an integrated European space, which also means including people who changed for Europe from other continents, and here the availability of the news in their own language can play its key role in integrating them into society. Thus multilingual broadcasting is expected to become a strong tool in constituting Europeans.

Reading the message: what is in the lead? Case-study: news on Russian fleet remaining in the Ukraine

As we have seen before, the production of any news comes through a complicated process where many people are involved at different levels. Thus making it difficult to see where the real shift of sense occurs since the work of journalists is regulated by *pure* concept, and by EU-coverage documents. Language journalists receive more or less the same information, and have about one hour or even less for news production. In our case study, we are not taking just one example, but see how the whole news situation is covered.

We would try to analyze the news context difference by employing inverted pyramid structure which is used in journalism for teaching news writing [12, 46-47]. According to the news structure, it always starts with the most important fact and is the only possibility to attract viewers or listeners immediately. After giving answers to five W-questions: – What, Where, Why, Who, When – it is possible to provide the audience with more detailed history and quotes from people who can support the story. For this study the situation, which happened at the end of April, 2010 is analysed.

Basically it covers the decision of the parliament of Ukraine, and the recently elected president Victor Yanukovych (since the end of February, 2010), to allow the Russian naval forces to stay in the country's territory until 2042. Before making this decision, Russia signed a new agreement with Ukraine on gas delivery at lower prices than before. Though it seems to be a situation just between two Eastern European countries, it involves the EU countries too. Ukraine is the transit country for Russian gas, and each New Year's eve recently it has always been a question if gas reaches European countries. The events we are talking about happened during 21-27 April, including reports on the 23rd anniversary of Chernobyl tragedy as well.

Six articles appeared during this period under the tag *Ukraine*. Thus, they can be a good example of language journalists' work, and would also help us to see if both versions stress the same issues for their viewers.

On 21 April the news item 3 appeared under the title "Ukraine, Russia ink gas deal" in English opposed to the Russian "Moscow and Kyiv resume strategic partnership". While the first title sounds more neutral "the agreement is inked", the second one sounds positive. The difference in tittles is also continued in the first lines of the news item itself. While the English "Ukraine has struck a deal with Russia to cut gas import prices by 30 per cent, heralding a new era of warmer ties between the two countries" gives us a quick information about the subject of agreement, the Russian one is more about celebrating and personalisation, "To return a strategic character to the relations, such an intention was expressed by the Russian and Ukrainian leaders – Dmitry Medvedev and Viktor Yanukovych during the meeting in Kharkiv". Thus, *Who* prevails over *What* in Russian and can be explained. It is believed that the relationship between Ukraine and Russia has changed because of Yanukovych, a pro-Russian figure, who re-appeared on the political scene of Ukraine as President.

In the following example the English title in the March news item 2 contains a question, "Russia/Ukraine gas war set for thaw?", the Russian version contains a statement and sounds more confident, "Gas wars have become a thing of the past". And again in the Russian language the sign of *Who* is more vivid, "Gas wars between Russia and Ukraine are gone – politicians of both countries hope".

Even Chernobyl reports happened to carry different meaning despite the identical title "24th anniversary of Chernobyl". While the

English one refers immediately to the present-day problem in the first sentence “24 years to the day since it exploded, reactor No. 4 at Chernobyl in Ukraine is still leaking radiation”, the Russian is more of starting with the universal truth facts which is actually so much known to the Russian-speaking audience anyway since the tragedy touched many of them personally, “24 years ago a first-rate technological catastrophe happened – an accident on Chernobyl nuclear power station”.

The news item 6 also has different representation: if the English version speaks about the protests, the Russian one again states the fact, “Russian fleet will remain in Crimea”. The English lead “There have been chaotic scenes in Ukraine’s parliament over its decision to allow the Russian navy to extend its stay in a Ukrainian port” is different from “Ukrainian Parliament ratified the agreement on extending the term of the Russian fleet presence in Ukraine”. Thus, the English one has the accent on the painful process itself over the result while Russian one speaks about the result.

The headings of the news items 7 are controversial, “Violence erupts as Ukraine votes on Russian fleet” in English and “Rada ratified the agreement on Black Sea Fleet” in Russian. While the English version is more about the process – it’s then justified by the lead sentence – “Russia’s leasing of a naval base in Ukraine has always been a controversial subject but it’s rarely been such a source of violent confrontation in parliament”, underlining its ambiguity, Russian is more aimed at the result and repeats the lead sentence from the previous piece of news.

The 8th news even having commentaries in its body again has a different heading, “Yanukovych defends Russian naval base deal” whereas Russian is neutral: “Yanukovych and Tymoshenko about ratification of the agreement”. “Nothing unexpected” is how Ukraine’s president described the day’s events in parliament”, the English version says. *Wha*t was unexpected can be interpreted at least two ways – the fighting events in the parliament to some extend were predictable as well as the ratification. In Russian the lead starts with different affective evaluation, “Ukraine’s president welcomed the ratification of prolonging Russian Black Sea fleet in the Crimea by the Rada with satisfaction.” In both cases, *Who* is important, since the tension in Ukraine has started to grow.

Thus, based only on leads and titles, we can make an observation that the view of the issue has a slight difference in meaning. That, in perspective, can have a stronger impact on readers/viewers as some patterns keep repeating. As it has been demonstrated by this case, one can notice more ambigious expressions in the English language versions while the controversial situation between two countries, seems still to involve two sides of the problem. If to speak about the general content of the news analysed we can observe that information delivered in Russian is represented mildly with no judgement. However, as it was shown in the analysis, the English version has more evaluative character, and the controversial issues are stated in the text and not hidden as it is with the Russian examples quite often. Also as we know now, there is no direct translation from one language to another, and this is a trap for conveying the same meaning. Thus, probably *the purest news* one can get by watching different language translation of EuroNews.

Conclusion

EuroNews channel has recently attracted a lot of attention as one of the most successful players on the European media market. When speaking about EuroNews and the quality of its reports done in different languages, it is crucially important to understand how the message is formed. We have given an overview of such questions as the channel's ownership and participation of the European Union in the channel's activities, determined what kind of images the channel can choose from. The factual information about linguistic diversity and coverage of EuroNews shows its potential and makes the responsibility for every word higher. Also by comparing headlines and titles of the items, appeared over a certain period of time, it's possible to notice the difference of the meaning conveyed and general tendencies in using this or that language. Thus, reporting in Russian on the situation, which is now favourable to Russia, we get the reports that do not question the reality or try to see what is underneath. Obviously, the relationship between Russia and Ukraine has changed a lot since new people reached positions of power in national politics, bringing the necessity to state the names more often than it is done in the English version.

Literature

1. Baisnée, Olivier and Marchetti, Dominique. "The economy of just-in-time television newscasting: Journalistic production and professional excellence at Euronews". Ethnography 2006; 7; 99 http://eth.sagepub.com/cgi/content/abstract/7/1/99 (accessed April 20, 2010).
2. Boorstin, Daniel. The Image: A Guide to Pseudo-Events in America. New-York: Vintage, 1992.
3. Brüggemann, Michael and Schulz-Forberg, Hagen. "Becoming Pan-European?: Transnational Media and the European Public Sphere" in International Communication Gazette 2009; 71; 693 http://gaz.sagepub.com/cgi/content/abstract/71/8/693 (accessed April, 20 2010).
4. Carvajal, Doreen. "EuroNews sheds image to gain audience" 8 June, 2008 http://www.nytimes.com/2008/06/08/technology/08iht-euronews09.html (accessed 8 May 2010).
5. Coleman, James A. and Rollet, Brigitte. "Television in Europe: issues and developments" in Television in Europe, ed. James A. Coleman and Brigitte Rollet, Exeter, England: Intellect, 1997.
6. Euronews. MediaPack http://www.euronews.net/media/the-station/mediapackpress_EN.pdf (accessed April, 20 2010).
7. European Broadcasting Union. Membership Conditions II. Approved participants http://www.ebu.ch/en/ebu_members/admission/index.php (accessed April,28 2010).
8. Gripsrud, Jostein. "Television and the European Public Sphere". European Journal of Communication 2007; 22; 479 http://ejc.sagepub.com/cgi/content/abstract/22/4/479 (accessed April, 29 2010).
9. Hjarvard, Stig. "Pan-European Television News: Towards a European Political Public Sphere", in P. Drummond, R. Paterson and J. Willis (eds.), National identity and Europe. The television revolution ed. Phillip Drummond, Richard Paterson, and Janet Willis. European Media Monographs Series. British Film Institute, 1993.
10. Loktev, Denis. "Организация работы европейского информационного канала Euronews" (The Organisation of work at European information Channel Euronews) http://ru.loktev.net/euronews.shtml (accessed 20 April 2010).
11. Machill, Marcel. "Euronews: the first European news channel as a case study for media industry development in Europe and for spectra of transnational journalism research" in Media Culture Society 1998; 20; 427 http://mcs.sagepub.com/cgi/content/abstract/20/3/427 (accessed 20 April 2010).
12. McKane, Anna. "Structure Part 1: The Inverted Pyramid" in News Writng. SAGE Publications, 2006.

13. Semetko, Holli A. Vreese, Claes H. de and Peter, Jochen. "Europeanised Politics-Europeanised Media? European Integration and Political Communication" Center For Social And Economic Strategies http://www.ceses.cuni.cz/CESES-93-version1-8_1_3.pdf (accessed 2 May 2010).
14. Charter 97 "EuroNews Russian Service Even Worse than State-Run Belarusian TV", posted 26.03.2007 http://charter97.org/eng/news/2007/03/26/euronews (accessed 1 May 2010).
15. Charter 97 "Russian Euronews Service Hasn't Broadcasted Ceremony of European Parliament's Prize Awarding to Milinkevich", posted 12.12.2006 http://charter97.org/eng/news/2006/12/12/premia (accessed 30 April 2010).
16. Euronews "The last dictator in Europe' invited to EU summit" (broadcasted 17/04/09) http://www.euronews.net/2009/04/17/the-last-dictator-in-europe-invited-to-eu-summit/ and "Чехия пригласила президента Белоруссии принять участие в саммите в ЕС" (Czech Republic invited President of Republic of Belarus to take part in EU-summit). Europa section http://ru.euronews.net/2009/04/17/the-last-dictator-in-europe-invited-to-eu-summit/ (accessed 1 May 2010).
17. Euronews: Iranian government not happy with the idea of Persian Euronews http://www.pagef30.com/2010/04/iranian-government-not-happy-with-idea.html posted 26.04.2010 (accessed 1 May 2010).
18. TUT.BY "Мобильные белорусы предпочитают эротику на ходу" (Mobile Belarusians prefer erotica on the run)posted on 01.03.2010 (accessed 1 May 2010).

Supplement

News item 2

http://www.euronews.net/2010/03/26/russiaukraine-gas-war-set-for-thaw/ and http://ru.euronews.net/2010/03/26/russiaukraine-gas-war-set-for-thaw

News item 3

http://www.euronews.net/2010/04/21/ukraine-russia-ink-gas-deal/ and http://ru.euronews.net/2010/04/21/ukraine-russia-ink-gas-deal

News Item 4

http://www.euronews.net/2010/04/26/24th-anniversary-of-chernobyl/ and http://www.ru.euronews.net/2010/04/26/24th-anniversary-of-chernobyl

News item 5

http://www.euronews.net/2010/04/26/relatives-gather-to-remember-chernobyl-dead/ and http://ru.www.euronews.net/2010/04/26/relatives-gather-to-remember-chernobyl-dead

News item 6

http://www.euronews.net/2010/04/27/protests-as-ukraine-extends-russian-navy-base-stay/ and http://www.ru.euronews.net/2010/04/27/protests-as-ukraine-extends-russian-navy-base-stay

News item 7

http://www.euronews.net/2010/04/27/violence-erupts-as-ukraine-votes-on-russian-fleet/ and http://www.ru.euronews.net/2010/04/27/violence-erupts-as-ukraine-votes-on-russian-fleet

News item 8

http://www.euronews.net/2010/04/27/yanukovich-defends-russian-naval-base-deal/ and http://www.ru.euronews.net/2010/04/27/yanukovich-defends-russian-naval-base-deal

Міхаіл Нядзвецкі
(ЕГУ, Вільнюс)

ПРАКТЫКА ЎЖЫТКУ 75% КВОТЫ БЕЛАРУСКАЙ МУЗЫКІ Ў FM-ПРАСТОРЫ

In 2003 a fixed quota of Belarusian music was introduced for all the FM-radio stations. The paper analyses the reasons, major stages and consequences of the introduction of this quota and explores its peculiarities as well as looks at the influence of the quota on the general development of the radio media market and show business in Belarus.

Фарміраванне 75% квоты

Фіксіраваная працэнтная квота ўведзена з 1 ліпеня 2003 г. і складала на той момант 50%. Гэты працэнт паказваў, што менавіта палова ад усяго аб'ёму музычных кампазіцый, якія знаходзяцца ў ратацыі на радыё, павінна быць беларускай. Лабістам дадзенай прапановы выступіла Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, а кантроль над яе выкананнем ажыццяўляе Міністэрства інфармацыі ў межах сваіх службовых паўнамоцтваў. Дадзеная квота, на думку яе заснавальнікаў, павінна была падтрымаць і прастымуляваць развіццё беларускай культуры.

Увядзенне квоты можна лічыць у пэўнай ступені калькай з замежнай практыкі ў радыёсферы: найперш як прыклад Францыі, дзе дзейнічае квота на французскую музыку ў памеры 60-ці працэнтаў. У Францыі ўвядзенне квоты выклікана, найперш, дамінаваннем англа- і іспанскамоўнага культурнага прадукта над франкамоўным, таму ўлады вымушаны былі пайсці на такі крок дзеля абароны нацыянальнай культуры. Акрамя Францыі

падобныя квоты ёсць і ў краінах-суседзях Беларусі: ва Украіне і ў Латвіі [1]. Ва Украіне дадзеная квота складае 50% (у Латвіі – 65%), але пасля абрання прэзідэнтам краіны Віктара Януковіча афіцыйныя ўлады выказалі думку пра скасаванне дадзенай квоты [2].

З 1 студзеня 2005 г. працэнт квоты паднялі з 50-ці да 75-ці працэнтаў і квота ў такім выглядзе, праўда, з некаторымі карэктыроўкамі, працягвае дзейнічаць да сённяшніх дзён. З 15 верасня 2008 г. Міністэрства інфармацыі запатрабавала, каб квота выконвалася толькі ў праймтайм – раніцай ад 7:00 да 10:00, удзень з 12:00 да 15:00 і ўвечары з 17:00 да 22:00. На пачатку 2009 г. Міністэрства інфармацыі разаслала ліст кіраўніцтву ўсіх радыёстанцый, у якім запатрабавала ад станцый «падаць да 1 лютага сваю творчую канцэпцыю з улікам унесеных у яе зменаў, што тычацца 75% «беларускай квоты», няўхільна выконваць распрацаваную сетку вяшчання музычных кампазіцый беларускіх аўтараў і выканаўцаў». У выпадку невыканання дадзенай пастановы кіраўнікоў FM-станцый папярэдзілі, што ім пагражаюць жорсткія меры, аж да вызвалення ад займаемых пасадаў.

Заканадаўчы аспект дзеяння квоты

Парадаксальна, але рашэнне аб квоце не аформлена заканадаўча, а азначэнне крытэрыяў ацэнкі музычных твораў у частцы іх аднясення да «беларускіх» не закранае кампетэнцыі заснавальнікаў або рэдакцый FM-радыёстанцый Беларусі. Дадзеныя крытэрыі былі выпрацаваны Міністэрствам інфармацыі пры ўзгадненні з Міністэрствам культуры і даводзіліся да кіраўніцтва радыёстанцый яшчэ ў 2005 г. Гэта інфармацыя мае службовы характар, а ўсе пытанні і тлумачэнні наконт квоты кіраўніцтва радыёстанцый атрымлівала ў вуснай форме.

Паводле крытэрыяў вызначэння «беларускай музыкі», для ратацыі ў эфіры радыёстанцый пад такой музыкай «... трэба разумець любыя музычныя творы, напісаныя грамадзянамі Беларусі або выхадцамі з Беларусі, незалежна ад месца іх цяперашняга пражывання і грамадзянства. Да «беларускай музыкі» адносяцца таксама творы другіх аўтараў, не маючых ніякага дачынення да Беларусі, але аранжыроўкі якіх выкананы беларускімі аранжыроўшчыкамі ці кампазітарамі. Згодна з тымі ж крытэрамі

да «беларускай музыкі» адносяцца творы, напісаныя з удзелам грамадзян, маючых дачыненне да Беларусі незалежна ад таго, аўтарам музыкі альбо тэкста быў гэты грамядзянін. Такія ж правілы распаўсюджваюцца і на выканаўцаў: дастаткова ў складзе гурта быць аднаму беларусу па паходжанні (нават не грамадзяніну Беларусі), і усе, выконваемыя гэтым гуртом творы ужо аўтаматычна залічваюцца як беларускія...»[1].

Калі дакладна кіравацца гэтымі крытэрыямі, то на практыцы можа атрымацца такая сітуацыя, калі, напрыклад, беларускі аўтар зробіць аранжыроўку на сімфонію Бетховена, то тады ўсю спадчыну нямецкага кампазітара можна лічыць беларускай. Акрамя таго, калі сур'ёзна прааналізаваць дадзеныя крытэрыі, то можа ўзнікнуць заканамернае пытанне: гэтыя крытэрыі былі ўведзены толькі па прычыне таго, што беларускі музычны фонд сапраўды настолькі бедны, што прыйшлося пайсці на такія меры? Нажаль, немагчыма дакладна ведаць, чым кіраваліся чыноўнікі з Міністэрства інфармацыі і Міністэрства культуры пры вызначэнні крытэрыяў беларускай музыкі, але можна канстатаваць, што зроблена гэта досыць непрафесійна і нават авантурыстычна.

Кантроль за выкананнем квоты ажыццяўляе Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь, а таксама Цэнтр сацыялагічных і паліталагічных даследаванняў БДУ. У першыя гады дзейнасці квоты радыёстанцыямі быў атрыманы шэраг папярэджанняў з боку Мініінфармацыі з-за невыканання пастановы. Па выніках маніторынга эфіра ў 2005–2008 гг. было вынесена 28 папярэджанняў. У 2009 г. папярэджанняў вынесена не было.

Заканадаўчыя супярэчнасці пры выкананні квоты, як ужо адзначалася вышэй, выяўляюцца ў тым, што дадзеная квота не аформлена дэ-юрэ. Міністэрства інфармацыі даводзіла яе да кіраўніцтва станцый у вуснай форме, але папярэджанні выносіла ў пісьмовай. Яшчэ адной супярэчнасцю з'яўляецца тое, што квота распаўсюджваецца як на дзяржаўныя, так і на камерцыйныя радыёстанцыі. Гэта азначае, што фактычна камерцыйнае радыё не ў праве вызначаць уласную праграмную палітыку.

[1] Інфармацыя была атрымана з ліста дырэктара «РадыёРокс» В.М. Пісьмак ад 5 кастрычніка 2009 г.

Рэакцыя грамадскасці на ўвядзенне квоты

Увядзенне квоты неадназначна ўспрынялі радыйшчыкі і музыкі. Так, рэакцыю радыйшчыкаў можна растлумачыць тым, што наяўнасць манаполіі дзяржавы на айчынным медыярынку нясе за сабой шырокія рэгулятыўныя паўнамоцтвы. Варта прывесці прыклад адстаўкі з паста генеральнага дырэктара «Альфа радио» Сяргея Кузіна ў снежні 2003 г., які не пагадзіўся працаваць з новым кіраўніцтвам радыёстанцыі, прызначаным Міністэрствам інфармацыі.

Сённяшняя квота прадугледжвае, што цягам 24-х гадзін кожная FM-станцыя, у незалежнасці ад фармату, прынятага устаноўчымі дакументамі (праграмная палітыка радыёстанцыі), абавязана выконваць гэтую норму. Гэта вельмі сапсавала імідж радыё, бо амаль усе радыёстанцыі пачалі ставіць у эфіры аднолькавую музыку. Калі раней кожная радыёстанцыя мела свой уласны стыль – рэтра, рок, поп, то зараз радыёстанцыі сталі падобнымі адна на адну. У якасці выключэння можна прывесці прыклад дзейнасці радыёстанцыі «Авторадио», якая ставіць у эфіры рознастылевую музыку на беларускай, рускай і англійскай мовах. Цікавыя метамарфозы адбыліся з «Радио Рокс», назва якой ужо паказвае на праграмную палітыку – кампазіцыі ў стылі рок і поп-рок. Пасля прыняцця квоты станцыя перафарматавалася на шансонны стыль, але захавала старую назву.

Амаль адразу за невыкананне квоты большасць радыёстанцый атрымала папярэджанні, і музычныя рэдактары пайшлі на хітрыкі: песні айчынных выканаўцаў у асноўным гучалі ўначы ў скарочаным выглядзе альбо за беларускіх аўтараў і выканаўцаў выдаваліся расійскія артысты, якія маюць беларускія «карані»: як, напрыклад, Барыс Маісееў ці Алёна Свірыдава.

Заставаліся недавольнымі квотай і музыкі. Гэта можна растлумачыць тым, што ў 2004–2007 гг. дзейнічаў негалосны «чорны спіс», у які ўвайшлі некаторыя беларускамоўныя выканаўцы, якія ўлетку 2004 г. у сталічным парку імя Горкага правялі канцэрт, прымеркаваны да дзесятай гадавіны кіравання Аляксандра Лукашэнкі. На працягу трох гадоў гэтыя музыкі не мелі доступу да эфіру, а таксама не маглі афіцыйна праводзіць свае канцэрты на тэрыторыі Беларусі. Пасля адмены «чорнага спісу» ў лістападзе 2007 г. сітуацыя з прадастаўленнем эфіру хоць і

выправілася, але мае касметычны характар, бо колькасная ратацыя беларускамоўных трэкаў адносна не павялічылася і засталася на мінулым узроўні: беларуская мова працягвае лічыцца «нефарматам» для айчынных радыёстанцый. Тыя музыкі, што мелі безпраблемны доступ да радыё, у сваёй большасці прадстаўлялі нізкаякасны як музычны, так і тэкставы матэрыял і, па сутнасці, былі «клонамі» маскоўскай поп-сцэны.

Грамадскія кампаніі на тэму дзейнасці 75% квоты

Увядзенне квоты на беларускую музыку без канкрэтнага моўнага патрабавання вылілася ў пратэст не толькі часткі беларускамоўных музыкаў, але і беларускамоўнай моладзі, якая пачала праводзіць грамадскія кампаніі. Так, можна вылучыць дзве буйныя кампаніі **«Штурм FM»** (2004) разам з працягам **«Штурм-2»** (2005) і кампанію **«Наш ФарМат»** (2009).

Кампанію **«Штурм»** і **«Штурм-2»** праводзіла моладзевая ініцыятыва **«Вока»**. Першая кампанія выглядала наступным чынам: моладзь тэлефанавала на радыёстанцыі і патрабавала паставіць у эфіры беларускамоўныя кампазіцыі. Кампанія мела свой сайт: http://www.fmby.joy.by, а таксама выпускала ўласную інфармацыйную прадукцыю.

Кампаніі **«Штурм»** у прынцыпе былі вельмі слабымі, бо былі кропкавымі акцыямі. Самі арганізатары, падводзячы вынікі дзейнасці першай кампаніі, указалі на тое, што ў выніку акцыі ў эфіры было пастаўлена толькі шэсць беларускамоўных трэкаў.

Кампанія **«Наш ФарМат»** была больш маштабнай, а яе мэты больш канкрэтызаваныя: змяненне фармату радыёстанцый на карысць поўнай адмены абавязковай квоты, а таксама пашырэнне ўжытку беларускай мовы ў навінных блоках, рэкламе і тэматычных праграмах. Арганізатары на сайце кампаніі (www.nashfarmat.org) прыводзяць статыстычныя дадзеныя. Кампанія ахапіла 13 гарадоў Беларусі, было распаўсюджана тры тысячы інфармацыйных улётак кампаніі; стала дзейнічалі тэматычныя старонкі у LiveJournal, сацыяльных сетках «Вконтакте», facebook і twitter. Кампанія аб'яднала блізу 20 гуртоў і выканаўцаў. Адбылася камунікацыя з 23 радыёстанцыямі Беларусі, вынікі маніторынгу па радыёрынку Рэспублікі Беларусь былі апублікаваны ў акадэмічных суполках, а таксама адбылася яго

передача ў профільныя міністэрствы. Мэты кампаніі падтрымалі сваім подпісамі 1462 чалавекі.

Кампаніі не былі дужа рэзананснымі, не змаглі дамагчыся сваёй мэты. Але гэта не значыць, што арганізацыя і правядзенне гэтых кампаній былі дарэмнымі. Прычынай паразы можна растлумачыць той факт, што беларускія чыноўнікі адносяцца да такіх акцый падазрона, што і сказалася на выніках. Улічваючы, што ў Беларусі маюць месца нефармальныя правілы вядзення гульні, то пры праектаванні наступных акцый трэба ўлічваць іх і па магчымасці выкарыстоўваць.

Агляд беларускага радыйнага медыярынку:

Табліца 1. Рэйтынг FM-станцый у Мінску па выніках апытання, праведзенага з 01.04.2009 г. па 30.06.2009 г. лабараторыяй аксіяметрычных даследаванняў NOVAK[2]

Назва радыёстанцыі	Рэйтынг за красавік 2009 г.	Рэйтынг за май 2009 г.	Рэйтынг за чэрвень 2009 г.	Агульнае месца ў рэйтынгу
Авторадио	5,59	5,9	5,77	4
Альфа Радио	2,49	3,39	2,17	11
Мелодии века	5,61	3,53	6,1	3
Минская волна	1,42	1,39	1,26	14
Новое радио	2,01	1,25	2,13	12
Пилот-FM	6,35	6	4,83	6
Радио Би-Эй	2,8	2,49	3,08	8
Радио Минск	0,39	0,33	0,64	16
Радио Мир	1,16	1,35	1,24	15
Радио ОНТ	2,22	2,5	1,82	13
Радио Рокс	3,68	4,44	6,64	2
Радиус-FM	2,47	3,04	2,59	10
Русское Радио	11	12,13	15,36	1
Столица	2,8	2,92	2,61	9
Хит-FM	3,72	4,63	4,25	7
Юнистар Радио	5,5	5,76	4,94	5

[2] Апытанне па незразумелых прычынах не тычылася Першага нацыянальнага каналу Беларускага радыё і каналу «Культура».

Як можна заўважыць, у пяцёрцы лідэраў **«Русское радио»** (15,36%), **«Радио Рокс»** (6,64%), **«Мелодии века»** (6,1%), **«Авторадио»** (5,77%) и **«Радио Unistar»** (4,94%). Усе радыёстанцыі-лідэры з'яўляюцца камерцыйнымі. Увогуле, з 18-ці станцый[3], якія вяшчаюць у Мінску, камерцыйнымі з'яўляюцца 9, астатнія 9 – радыёстанцыі з дзяржаўным капіталам: **«Минская волна»** (заснавальнік Мінскі абласны выканаўчы камітэт), **«Новое радио»** (заснавальнік Федэрацыя прафсаюзаў Беларусі), **«Пилот FM»** (заснавальнік – БРСМ), **«Радио Мир»** (заснавальнік – тэлерадыёкампанія Мир), **«Радио ОНТ»** (радыё дзяржаўнага тэлеканала «Общенациональное телевидение ОНТ»), **«Радиус FM»** (уладальнік Нацыянальная дзяржаўная тэлерадыёкампанія), **«Радыё Сталіца»** (уладальнік НДТРК), **канал «Культура»** (уладальнік НДТРК). Тры радыёстанцыі з'яўляюцца філіяламі двух расійскіх FM – **«Русское радио»** і **«Хит FM»** – і міждзяржаўнай тэлерадыёкампаніі краін СНД – **«Радио Мир»**.

Толькі дзве радыёстанцыі з 18-ці не маюць уласных інтэрнэт-сайтаў: **«Авторадио»** і **«Хит FM»**. Радыё **«Сталіца»** і **канал «Культура»** не маюць ўласнага сайта, але прадстаўлены асобнымі раздзеламі на сайце тэлерадыёкампаніі Рэспублікі Беларусь.

У сувязі з развіццём інтэрнэту FM-радыёстанцыі пачалі онлайн-вяшчанне. На сённяшні дзень усе радыёстанцыі забяспечваюць вяшчанне праз інтэрнэт, акрамя **«Авторадио»** і **«Хит FM»** (не маюць уласных сайтаў).

З 18 радыёстанцый цалкам па-беларуску вяшчаюць тры дзяржаўныя станцыі: **«Першы нацыянальны канал Беларускага радыё»**, **«Радыё Сталіца»** і **канал «Культура»**. Беларускамоўныя праграмы выходзяць таксама на **«Авторадио»**. Усе астатнія станцыі вяшчаюць на рускай мове.

Сітуацыя з рэкламадаўцамі на радыёрынку Беларусі не з'яўляецца аптымістычнай: камерцыйнае радыё, з аднаго боку, знаходзіцца ў няроўнай канкурэнцыі з дзяржаўнымі радыёстанцыямі і, з другога боку, трымае канкурэнцыю з інтэрнэт-радыё. За апошні год адбыўся вялікі адток аўдыторыі да інтэрнэт-радыё, таму рэкламадаўцы сталі менш замаўляць рэкламныя паслугі на традыцыйным радыё. Да таго ж увядзенне абавязковай квоты ліквідавала жанравыя адрозненні паміж

[3] Па стане на 01.05.2010 г.

радыёстанцыямі, што таксама адцягнула значную колькасць гледачоў.

На маю думку, праз гады тры інтэрнэт-радыё па шмат якіх сваіх якасцяў зможа амаль цалкам выцесніць FM-радыё з медыярынку, калі толькі дзяржава не будзе ўсталёўваць нейкія новыя правілы для дзейнасці інтэрнэт-радыё і не рабіць штучных перашкодаў у іх дзейнасці. Магчымасць умяшэння дзяржавы ва ўрэгуляванні дзейнасці інтэрнэт-радыё на карысць FM-рынку здаецца вельмі вялікай.

«Электронная рэвалюцыя» ў айчынным радыё

Развіццё інтэрнэту ў Беларусі сказалася на з’яўленні і развіцці інтэрнэт-радыё. Першае прафесійнае інтэрнэт-радыё Беларусі «**Netradio**» (www.netradio.by) з’явілася 20 лістапада 2007 г. Радыё прапануе 11 каналаў розных музычных стыляў: Adult, Hot, Live, Garage, 100%, Ethno, Relax, France, Club, Trance, Rap. На радыё выходзяць некалькі праграм на беларускай мове, а на канале 100% круціцца толькі беларуская музыка са значным кантэнтам беларускамоўных твораў.

«@plus радио» (Радыё «Айчына») – першая ў Беларусі інтэрнэт-радыёстанцыя, якая пачала вяшчанне 12 красавіка 2004 г. Станцыя мае 5 тэматычных музычных каналаў: «Первый», «Хип-Хоп», «Рок», «Релакс» и «По-русски». Праграмы на радыё выходзяць на рускай мове.

«Радыё tut.by» – інтэрнэт-радыё самага папулярнага ў Беларусі інфармацыйнага партала tut.by. У адрозненні ад двух вышэйпералічаных станцый фармат тут не забаўляльны, а інфармацыйны. За апошні год дадзеная станцыя перафарматавалася ў інтэрнэт-тэлебачанне.

У сувязі з палітычнай сітуацыяй у Беларусі пэўныя радыёстанцыі вымушаны весці трансляцыю на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь праз інтэрнэт: найперш гэта тычыцца **«Еўрапейскага радыё для Беларусі»** (www.euroradio.fm) і **«Радыё Рацыі»** (www.racyja.by) (першая вяшчае з Варшавы, другая – з Беластоку). Радыёстанцыі вяшчаюць на беларускай мове.

Вядзе он-лайн трансляцыю і беларуская служба **«Радыё Свабода»**, цэнтральны офіс якой знаходзіцца ў Празе (Чэшская Рэспубліка).

Акрамя таго, існуюць моладзевыя інтэрнэт-радыёстанцыі: «Сваё радыё» (www.svae.fm) – інтэрнэт-радыёстанцыя, якая вяшчае з Чэхіі і была зроблена студэнтамі-беларусамі, якія вучацца ў гэтай краіне. На радыё ў эфір выходзяць толькі беларускія кампазіцыі.

Інтэрнэт-радыё «Твой стыль» (www.tstyl.fm) вяшчае з Гродна (Беларусь). Дзейнасць гэтага радыё была адзначана ўручэннем прэміі імя Уладзіміра Каткоўскага ў 2008 г., ініцыятарам прэміі выступіў інфармацыйны партал tut.by. Дадзеныя моладзевыя інтэрнэт-праекты вяшчаюць на беларускай мове.

Сённяшняе заканадаўства ніяк не рэгулюе дзейнасць інтэрнэт-радыё: інтэрнэт-радыёстанцыя не з'яўляецца сродкам масавай інфармацыі і таму не можа падпарадкоўвацца «Закону аб СМІ». Тыя радыёстанцыі, якія зарэгістраваны як юрыдычныя асобы, праходзяць праверку толькі ў падатковай інспекцыі.

Сітуацыя з беларускай мовай на айчынным радыё

У эфіры радыёстанцый вялікай праблемай застаецца моўная дыскрымінацыя. Былі зафіксаваны неаднаразовыя выпадкі, калі музычныя рэдактары адмаўлялі прымаць запісы, якія былі зроблены па-беларуску, з фармулёўкай, што запісаны матэрыял не адпавядае якасці, неабходнай для ратацыі на радыёстанцыі. Сітуацыя даходзіла да абсурду тады, калі праз некаторы час музыкі прыносілі той жа матэрыял, толькі запісаны на рускай або англійскай мове, – гэтым разам трэк ужо адпавядаў якасці, неабходнай для ратацыі. Акрамя таго былі выпадкі, калі прадстаўнікі дырэкцыі некаторых радыёстанцый абразліва выказваліся аб беларускай мове і адмаўлялі прымаць на гэтай падставе запісы беларускамоўных выканаўцаў.

Такім чынам, беларуская мова фактычна не гучыць на частотах FM-радыё. Рашэнне дзяржавы аб 75% квоце абавязковага гучання беларускай музыкі ў дзённым радыёэфіры не прадугледжвала канкрэтнага моўнага патрабавання.

У Беларусі, па выніках розных маніторынгаў, доля беларускамоўнага вяшчання складае ад 3 да 9%. У эфіры з абсалютнай перавагай гучыць музыка на рускай мове. Пры заяўленай роўнасці беларускай і рускай моў у Беларусі асноўныя фінансавыя сродкі беларускіх падаткаплацельшчыкаў выдаткоўваюцца на

падтрымку рускай мовы, якая такой падтрымкі не патрабуе. Таму мы можам канстатаваць, што ў сённяшняй Беларусі мае месца фінансава-эканамічная дыскрымінацыя беларускай мовы.

Асноўныя вывады даследавання

Падводзячы вынікі даследавання, можна канстатаваць, што ўвядзенне квоты не апраўдала сваёй мэты папулярызацыі беларускай культуры. Згодна з вынікамі даследавання, якое правялі ў 2009 г. Інстытут стратэгічных даследаванняў BISS разам з лабараторыяй аксіяметрычных даследаванняў NOVAK [3], у Беларусі найбольш пазнаваемымі выканаўцамі з'яўляюцца **Аляксандр Ціхановіч** і **Ядвіга Паплаўская**, вядомыя яшчэ з савецкіх часоў. Яны набралі 7,94% і 8,01% адказаў рэспандэнтаў. Раскручваемые дзяржавай брэнды – **Ірына Дарафеева**, **Інна Афанасьева**, **Анжаліка Агурбаш** набралі толькі 7,57%, 6,89%, и 4,22% адпаведна. Найбольш пазнавальным беларускім гуртом названы ансамбль **«Песняры»** (38,78%). Ансамбль **«Сябры»** назвалі 17,67% рэспандэнтаў. Ізноў варта адзначыць, што дадзеныя калектывы набылі вядомасць яшчэ ў часы Савецкага Саюза, таму папулярызацыі новых твараў беларускай эстрады не назіраецца.

Увядзенне квоты разбурыла праграмныя канцэпцыі радыё – усе яны сталі падобнымі. Імклівае развіццё інтэрнэту адцягнула на карысць інтэрнэт-радыё слухацкую аўдыторыю, а таксама рэкламадаўцаў. Вызначаныя крытэрыі беларускай музыкі з'яўляюцца непрафесійнымі і авантурыстычнымі.

У цэлым развіццё беларускага радыйнага рынка ідзе не па законах цывілізаванай эканомікі, а па ўказцы зверху. Уплыў дзяржавы на медыярынак і на прыняцце рашэнняў у гэтай сферы вялікі, наяўнасць манаполіі дзяржавы на айчынным медыярынку нясе за сабой шырокія рэгулятыўныя паўнамоцтвы. У эфіры з абсалютнай перавагай гучыць музыка на рускай мове: квота не прадугледжвала абязковага канкрэтнага моўнага патрабавання. Калі тэрмінова не выправіць існуючыя хібы, то ў хуткім часе можна будзе назіраць заняпад айчыннага FM-рынку.

Літаратура

1. В Латвии вводят языковые квоты на радио и ТВ // Экономические известия [Электронный ресурс]. 2010. 12 июля. http://eizvestia.com/tv/full/v-latvii-vvodyat-yazykovye-kvoty-na-radio-i-tv. 23.09.2010.
2. Регионалы выгоняют украинскую музыку с радио. Законопроект в Раде // Новостной портал ForUm [Электронный ресурс]. 2010. 28 апр. http://for-ua.com/main/2010/04/28/170817.html. 23.09.2010.
3. Чым нам ганарыцца: гістарычная памяць, нацыянальныя героі і брэнды вачыма сучасных беларусаў // Інтэрнэт-партал budzma.org [Электронны рэсурс]. 2009. 3 снежня. http://budzma.org/topnews/chym-nam-hanarycca-histarychnaya-pamyac-nacyyanalnyya-hyeroi-i-brendy-vachyma-suchasnykh-byelarusaw.html. 19.04.2010.

Артем Москалев, Иван Никитин
(БГУ, Минск)

ДОПОЛНЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В МЕДИАКУЛЬТУРЕ

Augmented Reality is a special case of virtual reality. Virtual reality technology immerses the user in a synthetic environment. On the contrary, augmented reality allows the user to interact with the real world, as well as virtual objects, integrated into it. So we can say that augmented reality is a compromise or transitional state between social reality and virtual reality. AR-technology is an example of what Fred Brooks called the Intelligence Amplification: using the computer as a tool to facilitate the tasks performed by humans. Today augmented reality has been used successfully in such areas as medicine, annotation and visualization, entertainment, manufacturing and repair, military technology and advertising.

Дополненная реальность (Augmented reality, AR) – это область исследований, ориентированная на использование компьютеров для совмещения реального мира и данных, сгенерированных компьютером. Пример из кинематографа – кадры, снятые с точки зрения робота в фильме «Терминатор». Непосредственно на изображении, получаемом с глаз-камер, выводятся данные о наблюдаемых объектах: «полицейский, вес такой-то, рост такой-то» [4].

Сегодня большинство исследований в области AR сконцентрировано на использовании живого видео, подвергнутого цифровой обработке и «дополненного» компьютерной графикой. Отображение актуальной дополнительной информации по-

верх видео можно наблюдать, в частности, во время трансляции спортивных соревнований. Сегодня поклонники «Формулы 1» видят на экране не только движущиеся по кольцу болиды, но и сведения о гонщике, командной принадлежности, положении относительно автомобилей важнейших соперников, а иногда даже графики, отражающие количество оборотов двигателя.

Более серьезные исследования отслеживают движение объектов, распознавание координатных меток при помощи машинного зрения и конструирование управляемого окружения, состоящего из произвольного количества сенсоров и силовых приводов.

Изначально термин AR введен в противовес виртуальной реальности: вместо погружения пользователя в синтезированное, полностью информационное окружение, задачей AR является дополнение реального мира возможностями по обработке дополнительной информации. Другие же исследователи понимают виртуальную реальность как специальный случай дополненной реальности. Дополненная реальность представляет специальный случай более общей концепции опосредованной реальности (med-R), в том смысле, что опосредованная реальность позволяет сознательно дополнять или сокращать, а также иным образом модифицировать реальность. Говоря о дополненной реальности, мы подразумеваем не полное замещение реальности, а лишь ее «дополнение».

Это позволяет нам назвать дополненную реальность компромиссом или переходным состоянием между социальной реальностью (под социальной реальностью подразумеваем нашу реальность, которую мы воспринимаем непосредственно, обогащенную социальными взаимодействиями различных субъектов) и виртуальной реальностью. Дополненная реальность расширяет восприятие информации пользователя при взаимодействии с реальным миром. Информация, которую пользователь получает через виртуальные объекты, помогает ему в выполнении различных задач. AR – это пример того, что Fred Brooks [3] называл Intelligence Amplification: использование компьютера как инструмента для облегчения задач, выполняемых человеком.

На сегодняшний день технологии дополненной реальности используются в следующих областях:

• Медицина – применяется, в частности, в хирургии. Используя магнитно-резонансную томографию или компьютерную томографию, хирург может получить во время операции в реальном времени картину происходящего внутри тела пациента, не делая большого надреза. Другой пример: акушер-гинеколог может непосредственно наблюдать положение плода при родах.

• Аннотация и визуализация – ярким примером данной сферы является штрих-код, при распознавании которого устройство (например, мобильный телефон) выдаст пользователю информацию, которая заложена в этот код. Пример: в Токио есть целое здание магазина, на стене которого расположен такой код. При считывании его телефоном пользователь попадает на сайт, где может получить информацию о находящихся в магазине товарах.

• Развлечение – компьютерные игры. Сегодня существует ряд игр, в том числе и для мобильного телефона, где благодаря веб-камере происходит совмещение реальностей игровой и повседневной. Пример: игра для мобильного телефона «Mosquitos», отображающая на экране телефона изображение с расположенной позади него камеры, с наложенными на это изображение прицелом и огромными комарами, от которых «отстреливается» игрок.

• Военные технологии – сегодня технологии AR широко применяются в том, что можно назвать системами взаимодействия человека и техники. В первую очередь это шлемы пилотов как самолетов, так и вертолетов, на дисплеи которых выводится нужная информация (расстояние до цели, скорость, направление и т.д.), а также всевозможные системы прицеливания и наведения.

• Реклама – в последнее время и этот элемент социальной жизни перенял технологии AR. Речь идет о размещении на товарах изображений, которые, будучи помещенными перед веб-камерами, превращаются в трехмерные сцены. В рекламной индустрии новая технология уже применяется в печатной и интернет-рекламе. С помощью новой технологии можно увидеть трехмерную модель автомобиля, расположив перед веб-камерой рекламный буклет с его изображением. Или рассмотреть товары в интернет-магазине, показав веб-камере объявление в газете об их продаже.

Выделяя в качестве основания для рассмотрения характеристик социальной реальности преобразовательную теорию социальной реальности (Бхаскар), мы принимаем утверждение, что социальная реальность имеет субъективно-объективный характер, где необходимым условием существования общества являются целенаправленные человеческие действия, возможность которых обеспечивается обществом. В рамках данного подхода возможны две противоположные трактовки феномена дополненной реальности.

В первом случае мы говорим об усложнении технологий как результате целенаправленной деятельности множества институтов и субъектов, составляющих современное общество, часто называемое «информационным». Таким образом, субъекты, одновременно являющиеся и частями социальной реальности и творцами ее – привносят в полотно новые объекты. Любое техническое новшество со стороны социальной реальности имеет два уровня значений. В качестве первого уровня выступает функциональный слой, напрямую связанный с означающим. Второй уровень порождается функциональным взаимодействием существующего объекта с его социально привносимыми смыслами. Но не следует забывать, что творцами новых технологических объектов (творцами «идей» этих объектов, вне контекста самого производства) выступают социальные субъекты. Таким образом, любая новая технология агрегируется и включается в поле социальной реальности даже не в тот момент, когда кто-нибудь начинает ею пользоваться, а уже в тот момент, когда идея ее реализации возникает в сознании создателя.

В свою очередь виртуальная реальность является порождением социальной реальности, а виртуальные артефакты представляют собой не что иное, как автономные симулякры, чья относительная реальность достигается через рефференциальность. Субъект социального мира, коим всегда является вменяемый человек, имеет возможность взаимодействия с виртуальной реальностью именно посредством коннотаций, так как денотативного аспекта у несуществующего быть не может. Таким образом, виртуальная реальность, воспринимаемая как альтер-реальность, представляет собой своеобразный интертекст, текст особого рода, включенный в систему гипертекста. Именно специфика включения и позволяет выделить виртуаль-

ность из множества других феноменов социального мира. Дополненная реальность в таком случае представляет собой не переходный этап от реальности к виртуальности, а усложнение и развитие самой идеи виртуальности. Дополнение реальности позволяет производить мультипликацию информации, когда к существующим означающим добавляется множество означающих, причем означающие не ограничены не только сознанием, но и спецификой восприятия человеком как биологическим существом.

Но есть и другая трактовка виртуальной реальности, а, следовательно, и дополненной реальности. В ее рамках виртуальная реальность рассматривается как гиперреальность, которая поглощает и упраздняет социальную реальность. Согласно Ж. Бодрийару, происходит превращение реального в модель, стирание оппозиции между действительностью и знаками, все превращается в симулякр. Происходит замена реального знаками реального. Знак существует сам по себе, не отсылая больше ни к референту, ни к реальности, т.е. все процессы симуляции начинают работать в режиме собственного воспроизводства. По Ж. Бодрийяру, истоки подмены реальности «гиперреальностью» кроются в том, что в рамках доминирующей концепции истинности ее критерием позиционируется эксперимент, являющийся, сам по себе, удвоением реальности. Критерием истинности же эксперимента оказывается его принципиальная воспроизводимость. Ж. Бодрийар пишет: «Само определение реальности гласит: это то, что можно эквивалентно воспроизвести. <…> Реальность – не просто то, что можно воспроизвести, а то, что всегда уже воспроизведено. Гиперреальность» [1, 151].

Ж. Бодрийар отождествляет понятия виртуального и гиперреального: «Понятие виртуального совпадает с понятием гиперреальности, т.е. реальности виртуальной, реальности, которая, будучи, по-видимому, абсолютно гомогенизированной, «цифровой», «операциональной», в силу своего совершенства, своей контролируемости и своей непротиворечивости заменяет все иное» [2, 151]. Происходит замещение социальной реальности чередой более ярких и колоритных, но содержательно выхолощенных эффектов действительного, истины, объективности. Эффект реальности оказывается значительно более привлекательным и «реальным», чем сама реальность.

Безудержное развитие виртуального приведет к размыванию границ между действительным и альтернативными мирами, и последующей «бессмысленной циркуляции образующих универсум элементов». Происходит переворачивание субъект-объектных отношений. Ж. Бодрийяр отмечает, что в метафизическом противостоянии объект взял реванш над субъектом, отомстил ему. В этом контексте Дополненная Реальность предстает не как усложнение и развитие идеи Виртуальности, а как нивелирование, деградирование социальной реальности, как размывание границ между социальной и виртуальной реальностями, с последующим замещением социального виртуальным.

Как бы там ни было, одно мы можем сказать с полной уверенностью: технологии дополненной реальности органически вплелись в поле медиакультуры. На сегодняшний день эти технологии еще не приобрели такого повсеместного распространения, как интернет, телевидение, радио и т.п., но как только ту или иную технологию AR начинают использовать, она превращается в органическую единицу социальной реальности. В Японии, одной из самых технически развитых стран, обыденностью стало считывать штрих-код из журнала при помощи мобильного – этот код является «гиперссылкой», ведущей пользователя на страницу в интернете. И если сегодня «гиперссылка» на странице веб-сайта привычное явление, то «гиперссылка» на страницах отпечатанного журнала – явление новое, стирающее границы между миром информации и миром вещей.

Дополненная реальность становится проводником человека из мира материи, в некотором роде «обремененного» этой материей, в мир информации, в мир идей. Можно бесконечно спорить, ведут ли эти технологии к гибели привычного нам мира или же к его преобразованию и развитию. Последнего мнения придерживается один из ведущих разработчиков технологий AR Пранав Мистри. Но чем бы не была дополненная реальность, одно нельзя отрицать – с дальнейшим развитием технологий AR они будут оказывать все более существенное влияние на медиакультуру. С развитием новых технологий изменятся не только ранее описанные нами сферы применения AR, но появятся и новые сферы, до сих пор не затронутые этой технологией:

- Образование – дополненная реальность – могла бы поднять на совершенно новый уровень обучение. Вывести про-

цесс обучения за пределы учебника – сделать учебником весь гипертекст. Примером AR в системе образования является программа Европейского космического агентства WEAR (Wearable Augmented Reality), то есть «носимая дополненная реальность». WEAR – это некий шлем с компьютером, дисплей которого одевается на глаз. В результате на все, что человек видит, передается дополнительная 3D информация. Управление голосовое. В памяти заложена информация обо всех системах космической станции, а также пошаговые инструкции космонавту для выполнения сложных операций.

• Реклама – даже удивительно, что эта сфера еще не позаимствовала все преимущества, которые обещает AR. Это упущение можно объяснить только недостаточным развитием технологий или их распространением (не у каждого под рукой может оказаться веб-камера или мобильный телефон с выходом в интернет). Ведь достаточно поместить небольшой штрих-код, незаметный глазу или воспринимаемый им за узор, на одежде, стене, плакате, сумке, да где угодно – и пользователь, чье считывающее устройство будет наведено на этот код, получит всю информацию, заложенную в этот код. Всем известно, что такое контекстная реклама и баннерная реклама. Но если раньше эти явления были присущи только интернет-пространству, с развитием AR технологий они придут и в наш привычный мир. Ярким примером подобной рекламной кампании является кампания, запущенная американской сетью пиццерий Papa John's [5]. На 30 миллионах коробок с пиццей напечатан квадрат с машиной. Показав его веб-камере, потребитель увидит автомобиль Camaro 1972 года выпуска, легенду предприятия. Именно эту машину пришлось продать основателю Papa John's, чтобы открыть сеть пиццерий. Кроме того, с клавиатуры покупатель пиццы сможет управлять Camaro, чтобы проехать по длинному маршруту через Луисвиль, Атланту, Хьюстон и Даллас. Также можно просто распечатать маркер на сайте и сесть за руль Camaro без всякой пиццы.

Мы не можем оценивать технологии дополненной реальности с позиции «плохо» или «хорошо». Как и любой технический прогресс, они несут в себе и блага, и опасности. Самой, наверное, большой опасностью, еще большей, чем заполнение реального мира виртуальной рекламой, является подмена реаль-

ностей. Превращение всего в один глобальный симулякр, когда сама жизнь утрачивает свое означаемое. Конечно, это «сгущение красок», но ведь и угроза ядерной катастрофы, если разобраться, тоже преувеличение. Ядерные державы прекрасно понимают, что в этой войне никто не победит и никогда не применят это оружие, но если бы об этом не говорили, то о существовании угрозы не было бы известно – и однажды угроза стала бы явью только потому, что никто как угрозу это не воспринимал. Так и в случае дополненной реальности. Это благо, открывающее перед человеком огромные возможности, но при неразумном использовании благо может обратиться катастрофой.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр; пер. с франц. С.Н. Зенкина. М., 2000.
2. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр; пер. с франц. Н. Суслова. Екатеринбург, 2006.
3. Brooks Frederick P. Jr. The Computer Scientist as Toolsmith II. CACM 39, 3 (March 1996), 61–68.
4. http://habrahabr.ru/blogs/i_am_clever/47876/.
5. http://www.adme.ru/kreativnyj-obzor/novoe-v-reklame-dopolnennaya-realnost-59321/.

Лизавета Бобрикова
(ЕГУ, Вильнюс)

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ – НОВЫЕ ПРАКТИКИ ВИДЕНИЯ

The article describes how new technologies connected with photo and video production change our everyday life, our attitude to the world and special objects around us and how they design our feelings and choices. The main program described here is the project under the working title "Sixth Sense". It was developed a few years ago at the Massachusetts Media Lab. The program visualizes all the information that could be found in the Internet on the object user point at. The author tries to prove that while making our world «easier» to leave, technologies totally change the process of getting personal experience and development. The article also covers the questions of representation and new reality with informational overrun and gaps.

С развитием новых технологий наши повседневные практики восприятия реальности меняются коренным образом. Человек все реже обращается к познанию окружающего мира через собственный опыт переживаний, он все меньше стремится к собственным открытиям. Все чаще человек добровольно передает право выбора технологиям и с удовольствием следит за их совершенствованием и развитием. При этом он все больше проявляет себя в виртуальном пространстве. Из-за того, что вокруг нас скопилось невообразимое количество различной информации, человек уже не в состоянии сам обрабатывать ее и сортировать по степени важности.

В Интернете размещено огромное количество фотопродукции различного качества: от любительских снимков, снятых на камеру мобильного телефона, до работ профессиональных фотографов. Фотоблоги и различные онлайн фотожурналы уже завоевали популярность и ежедневно используются миллионами пользователей Интернета; также не стоит забывать о всевозможных практиках распространения и производства изображений на площадках социальных сетей. Новые технологии упрощают практики производства и тиражирования фотоизображений. При этом они дают возможность человеку становиться все более мобильным и упрощают процесс поиска и работы с «фотографической» информацией.

Каким же образом сегодня фотография помогает нам ориентироваться в окружающем пространстве? Для начала стоит сказать о самих формах использования изображений, а уже потом перейти непосредственно к новому содержанию, которое мы получаем, «наполняя» эту форму. В конечном итоге мы можем прийти к выводу, что новые технологии продолжают «традицию» навязанного восприятия» [2, 1] и рассматривания реальности.

Сьюзен Зонтаг писала о том, что практики использования фотообьектива навсегда изменили человеческое отношение к реальности и восприятию окружающего его пространства. Мир вокруг нас стал лишь набором объектов, которые стоит запечатлеть, схватить и уничтожить реальность в непосредственном моменте здесь и сейчас, создать свою «коллекцию мира». В результате с определенными оговорками можно утверждать, что на данный момент коллекция создается не как отражение непосредственного опыта конкретного индивида, а как сборная модель элементов чужих «коллекций». Мы потребляем уже готовые образы, созданные или собранные кем-то другим.

Интернет-пространство все глубже проникает в пространство нашей повседневной реальности, и мы натыкаемся на него буквально на каждом шагу. Так, наподобие навигатора разработана новая технология, которая позволяет любому человеку получать информацию об интересующих его объектах и изображениях практически из воздуха.

Новое приложение для Iphone «Шестое чувство» – это пригодный для переноса жестикуляционный интерфейс, который

дополняет реальный мир вокруг нас дигитальной информацией и позволяет нам использовать природную жестикуляцию рук для работы с этой информацией. В Интернете можно найти практически любую информацию, но мало кто использует ее, например, находясь в магазине, чтобы загуглить дополнительные характеристики выбираемого товара. Данный прибор позволяет быстро получать информацию обо всем, что находится рядом» [4, 2].

Работает это следующим образом: любому пользователю, который прогуливается по улице, предварительно загрузив нужное приложение на свой мобильный телефон, достаточно выйти в Интернет и обратиться к данной программе. После чего будет установлено его местонахождение и направление, в которое обращен объектив. После того как пользователь сделает фотографию заинтересовавшего его объекта, это изображение автоматически помещается на специальную карту google maps.

Каким же образом эти изображения помогают нам ориентироваться в пространстве?

Вариант № 1.

Журналист «Guardian» Кевин Андерсон [5, 3] проехал вдоль границы Америки и Канады. С помощью twitter он «вел» свой репортаж непосредственно с места событий и делился своими ощущениями и переживаниями в режиме реального времени. Также с помощью приложения twitter pic он размещал на своей странице в «Guardian» фотографии и всевозможные виды, которые привлекли его во время путешествия. Таким образом, все 8447 его «последователей» в twitter получили уникальную возможность «поучаствовать» с ним в этом увлекательном путешествии и при желании проделать тот же путь, согласуя свои передвижения с отметками на его карте с изображениями.

Любой пользователь Интернета может в режиме реального времени передавать то, что он видит, в сеть Интернет, полностью исключая процесс передачи на физических устройствах и печатания изображения. Тем самым индивид подтверждает свое присутствие здесь и сейчас и пополняет коллекцию репрезентаций реальных объектов.

Вариант № 2.

С помощью тех же технологий мы можем в режиме реального времени получать информацию об окружающих нас объ-

ектах. Так, предварительно закачав необходимую программу на телефон, наведя объектив мобильной камеры на интересующий нас объект, мы можем получить сведения об этом объекте в виде исторической справки и другой информации, которую программа найдет в Интернете. Это упрощает различные практики – от картографирования до прохождения экскурсий. И опять же, совместив это с программой, о которой говорилось выше, можно наблюдать за теми, за кем ты следуешь на twitter, и видеть то, что видят они, планировать свой маршрут, опираясь на их изображения, и так далее. К примеру, если программа видит другого в радиусе доступа, можно перемещаться в реальном пространстве и совершать обратный процесс, переходя от рассматривания фотографии к рассматриванию реального объекта.

Что же касается редактирования, то стоит отметить, что доступом к наполнению информацией обладает лишь определенная группа людей, которая и определяет, что «увидит» человек, а точнее, на что стоит обратить внимание. Эта группа людей посредством размещения информации об одних объектах и игнорирования других получает определенную власть над вниманием человека и объективом его фотокамеры. И если при использовании модерируемых программ мы фотографируем объекты, о которых получаем общую информацию (историческая справка, важные данные и т.д.), то в twitter, к примеру, относительно объектов преобладает личная информация (где я родился, отдыхал, обедал и т.д.).

Выше уже упоминались несколько аспектов содержательного наполнения таких практик. Стоит добавить, что, как уже говорилось, ценность представляют только те объекты, о которых существует доступная информация; все остальное остается за скобками и «стирается» из реальности. В связи с этим «фотографу» приходится делать определенное усилие, чтобы заметить то, что находится «между», в информационных «пробелах», в противном случае он вынужден воспроизводить еще в большем количестве изображения уже известные.

В заключение можно сказать, что в данном контексте достойными фотографирования становятся объекты, которые имеют информационный background или ценны только в контексте интереса к определенному человеку. Можно также говорить, что при таком восприятии реальности в памяти человека остаются

лишь те изображения, на которые он обратил внимание и, как следствие, сфотографировал. И, вспоминая, или создав сеть из фотографий, следуя по маршруту другого пользователя, мы перемещаемся от одного информационного объекта к другому, а все, что находится между ними, остается за рамками восприятия. Более того, на определенном этапе работы с репрезентацией окружающего пространства исчезает даже сам процесс фотографирования, человек просто соотносит видимый объект с местом на карте в интернет-пространстве. И обращаясь к данному пространству, мы рассматриваем изображения, уже размещенные в сети другими индивидами.

Исходя из того, что основным, для чего используют упомянутые технологии, является подтверждение присутствия индивида здесь и сейчас перед снимаемым объектом, можно говорить о том, что постфактум ценностью наполняется не сам объект, а пространство между индивидом и объектом, которое и определяет его здесь присутствие.

Новые технологии в сфере фотографических практик все больше отводят внимание человека от самой реальности. С помощью первых фотографий человеку показали детали предметов, ранее недоступных человеческому глазу, тем самым отодвинув реальный объект на второй план. Человек как бы перешел границу реальности, погрузившись в детали изображения. Теперь человек, наоборот, воспаряет над изображением, наблюдая объемную картинку со стороны. Но это по-прежнему отделяет нас от непосредственного контакта и усиливает умозрительную реальность, обедняя опыт непосредственного переживания.

Литература

1. Андре Базен «Что такое кино?» Сборник статей. М., 1972.
2. Susan Sontag. Chapter «In Plato’s Cave» // «On Photography». Penguin Books, 1979.
3. http://www.pranavmistry.com/projects/sixthsense/.
4. SixthSense is a wearable gestural interface that augments the physical world around us with digital information and lets us use natural hand gestures to interact with that information. (перевод автора) http://www.pranavmistry.com/projects/sixthsense/.
5. http://kevin.charman-anderson.com/, http://twitter.com/kevglobal.

Игорь Доронин
(БНТУ, Минск)

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССОВ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

The author describes different tendencies in the development of distance learning (DL) stressing its philosophical dimensions. DL traditions vary according to the learning technologies, which are not neutral. There are certain philosophical considerations, which should be taken into account.

Много исследований посвящено дистанционному образованию (ДО) как абсолютно новому явлению в образовании. Однако приоритет в исследовании ДО остается за специалистами-технологами, в то время как полного философского обоснования использования такой формы обучения пока нет. Модель ДО ведет к радикальным изменениям в организации современного образования. Яркое их проявление – развитие на базе этой модели новой организационной формы современного образования: виртуальных аудиторий и виртуальных университетов. ДО характеризуется как «дистанционное обучение нового поколения», связанное с переходом к информационному обществу, основанное на адекватном формировании знаний и суждений в процессе занятий или как новая область образования, качественно отличающаяся и от обучения в аудитории, и от обычного заочного обучения и рассматриваемая как «виртуальная». В модели виртуальных аудиторий и университетов полностью реализуются новые технологии образования. Эти технологии по-

зволяют группам студентов и отдельным обучаемым общаться с преподавателями и между собой, находясь на любом расстоянии друг от друга. Такие современные средства коммуникации дополняются компьютерными обучающими программами типа мультимедиа, которые заменяют печатные тексты, аудио- и видеопленки. В результате этого человек может получать учебную информацию из многих различных источников. Хотя модель виртуальных аудиторий и университетов является чрезвычайно молодой, специалисты считают ее достаточно перспективной.

Дистанционное образование содержит в себе примечательный парадокс: оно уверенно утвердило свое существование без научного обоснования. В этом, на первый взгляд, нет ничего страшного: во-первых, вообще редкое понятие, особенно касающееся образования, имеет общепризнанное определение, во-вторых, отсутствие единства в отношении его определения не помешало дистанционному образованию прекрасно управляться без теории. Философское обоснование дистанционного образования на всем протяжении его существования вызывает бурные дискуссии. Отсутствие общепринятой теории ослабляет идею дистанционного образования. С другой стороны, многообразие подходов в реализации дистанционного образования открывает простор для поиска его наиболее эффективных форм и методов.

Сегодня ДО признано мировым сообществом как образование XXI в., где идет поиск новой постиндустриальной модели дистанционного образования. Чтобы действительно продвинуться дальше, необходимо определить разновидности ДО и установить связи между ними. Одного только определения недостаточно. Дело в том, что хотя чисто аналитически можно построить самые разветвленные классификации ДО, выполнив, таким образом, задачу определения понятия, это мало что дает. Путаница в понятиях, связанных с ДО, нередко возникает из-за того, что его конкретную разновидность (например, ДО на основе телекоммуникации через Интернет) принимают и выдают за ДО вообще. При этом подразумевается не виртуальная версия, а обладающая вполне ощутимым масштабом и весом, укорененная в переплетении далеко не виртуальных частных и общественных интересов живая форма образовательной практики, что объясняет причину бессознательной или сознательной

подмены понятий. Для этого необходимы уже не аналитические, а философские определения, в кантовском смысле, суждения, выводящие за рамки одних только понятий, – обращение к практике дистанционного образования, его традиции и истории. Другими словами, необходим философский подход. В истории дистанционного образования достаточно отчетливо прослеживаются две традиции, различение которых в значительной мере дает ключ к пониманию смысла противоречий, возникающих при попытках дать определение ДО и прийти к единственно правильному пониманию содержания ДО.

Первая, ранее сформировавшаяся традиция – это образование, основанное на образовательной коммуникации на расстоянии посредством корреспонденции (сначала с помощью обычной регулярной почты, потом – электронной). Вторая традиция выросла из применения средств телекоммуникации, аудио- и видеозаписи в очном образовании и просвещении, что позволило с развитием технологий телекоммуникации транслировать очные занятия в удаленные аудитории и обеспечить образовательную коммуникацию на расстоянии посредством трансляции. И та, и другая традиция – это традиции дистанционного образования, однако генерирующие их идеи существенно, если не принципиально, отличаются. В основании первой традиции лежит идея дистанционного образования как формы образования, принципиально отличающейся от очного образования. Здесь обучающий и обучаемый изолированы друг от друга расстоянием: студент учится самостоятельно. В основании второй традиции – идея дистанционного образования предстает как транслирование на расстояние обучения, т.е. виртуальной имитации аудитории. Если первая традиция ДО отличается от традиции очного образования технологией образования, то виртуальная – технологией доставки образования. Нетрудно заключить отсюда, что эти традиции привели к развитию двух формально тождественных, а по существу совершенно различных трактовок понятия ДО, и, соответственно, двух различных, хотя и не изолированных друг от друга образовательных структур, имеющих различную внутреннюю организацию и требующих в силу этого различного, во всех его видах, обеспечения.

Ставя задачу развития дистанционного образования в университете, нужно, как минимум, уточнить, о какой именно тра-

дициии идет речь и что именно, как следствие этого, предстоит развивать и обеспечивать. По этой же причине, из-за принципиально различного смысла, необходимо раздельное рассмотрение истории двух традиций:

- для первой традиции решающее значение имеет эволюция дидактики дистанционного образования как особой формы образования, смена которой осуществлялась со сменой социально-исторических эпох;
- для второй традиции определяющей была и остается смена поколений технологий телекоммуникации, аудио- и видеозаписи, вплоть до современных интерактивных видеоконференций и мультимедиа.

Исходя из этого, то есть разграничивая две традиции и обращая внимание при рассмотрении прежде всего на эволюцию организационных форм ДО, следует строить развитие ДО с учетом и той, и другой традиции и задавать два ряда понятий и значений как равноправные. Теоретические концепции ДО предполагают разработку определенной системы педагогических технологий, через которые реализуются их основные идеи. Практический опыт дистанционных университетов по организации образовательного процесса свидетельствует о необходимости дальнейшей теоретической работы по философскому обоснованию принципов ДО. Назовем один из них: виртуальное обучение вне аудиторий и без непосредственного контакта с преподавателем. Заметим, что этот принцип в полной мере не реализуется университетами ДО: так или иначе они организуют организационные очные занятия, создают учебные группы, которые прикрепляются к заочным факультетам. Все это, в конечном счете, свидетельствует о стремлении каким-то образом сохранить естественную потребность личного общения, а внедрением информационных технологий – компенсировать недостаток такого общения. От научного исследования философских и социальных аспектов этой проблемы в значительной мере зависит решение практических вопросов ДО.

В связи с применением новых технологий в образовании верно утверждение, что способность университета приспособиться к новым технологиям является главным свойством, определяющим его успех. Проблема не только в том, чтобы приспособить некую конкретную технологию к нуждам обучения.

Важно уметь управлять связанными с этим организационными переменами, понимая, что технология – это не нейтральный инструмент, а философская культура с ее ценностями, которая должна быть понята и принята в расчет.

Мария Бардашун
(ЕГУ, Вильнюс)

ИГРЫ, В КОТОРЫЕ ИГРАЕТ ГОРОД. ИГРЫ, КОТОРЫЕ ИГРАЮТ ГОРОДОМ

Urban games as a social phenomenon emerged in the post-Soviet society in the early 2000's. The essence of urban games is to obtain some information from the Internet (a mission), and to fulfill the mission in the real world that results in obtaining a special code to be sent to a game web site after which the players receive a new mission. The aim is to perform all missions and to reach the finish line first. The area of the games is the physical space of a city and at the same time the virtual space of the Internet. It was found that players invent special methods of interacting with space, which when transferred to ordinary life transforms their everyday behavior. For instance, players reveal hidden aspects of the city space, invent new practices of mental maps constructing, learn how to move in the urban space more efficiently, and obtain new experience of orientation in the urban space. These gaming practices once invented make players become more effective in interaction with space in day-to-day life.

Активные городские игры – это сравнительно новый феномен, корни которого уходят в глубокую древность, однако сама форма игры значительно видоизменяется, будучи реализуемой в сетевом постиндустриальном обществе. Согласно Р. Кайюа, игра – это деятельность, которая является добровольной, обособленной, протекающей в точных, заранее определенных пространственных и временных рамках, неопределенной, не имеющей предсказуемого результата, подчиняющейся определенным

правилам, которые лишь одни имеют силу, и иллюзорной [10]. Городская игра в современном понимании стала возможной только с появлением и распространением новых медиа (а это Интернет, DVD, мобильная связь, камеры слежения и др.). Таким образом, городские игры – это новая форма старого феномена (или, по Хейзинга, докультурного феномена [15]) – это игры, реализуемые на виртуальном уровне, в Сети, и одновременно в физическом, в урбанизированном пространстве.

Помимо всего прочего, городская игра – это специфический тип взаимодействия с пространством, в процессе которого индивиды и группы применяют особые стратегии и тактики «обработки» пространства. О том, что город так или иначе влияет на сознание индивидов, которые в нем проживают, и их сообществ, говорили в свое время Макс Вебер, Август Эндель, Мишель Фуко, Фредерик Джеймисон, Георг Зиммель, Роберт Парк и многие другие. На материале исследования городских игр Минска можно говорить о формировании у участников городских игр новых способов проживания города, которые позволяют превратить его из хаотичного нагромождения в структурированное образование, взаимодействие с которым легче контролировать.

По данным на 14 октября 2010 года только на одном из двух крупнейших (не считая нескольких десятков менее массовых) международных игровых проектов было зарегистрировано 352 308 игроков и 38 943 команды (подавляющее большинство участников проживают на постсоветских территориях) [16]. К сожалению, тематика современных (опирающихся на новые медиа) городских игр, которые в последние десять лет стали занимать все более значимое место в городской жизни молодежи, по крайней мере, на всем постсоветском пространстве, до сих пор крайне мало представлена в научных исследованиях.

Человек, решивший стать игроком, выбирает для себя одну или несколько игр. Всего их около пятнадцати разновидностей. Это ориентирование по местности, поиск кладов, мозговые штурмы с ребусами и загадками, экстремальные ночные городские игры с элементами логики и риска и др. Обычно игры, которые проходят в реальном городском пространстве (а именно этот вид игр прежде всего интересен в разрезе изучения взаимодействия индивида и города), – это игры, в которых команды соревнуются в выполнении тех или иных заданий на скорость.

Это может быть расшифровка секретных сообщений, поиск специальных знаков, разбросанных по городу, преодоление экстремальных препятствий и нестандартных ситуаций.

Игра проходит следующим образом: команда получает от организаторов задание через Интернет и пытается отгадать, что с ним делать. После решения – куда ехать, в это место направляется один или несколько экипажей. Экипаж, прибыв на место («локацию»), ищет в окрестностях подходящий объект, а в найденном объекте либо небольшую кодовую надпись, либо ребус или загадку, которые дают при решении кодовое слово; на этом уровне может также присутствовать «агент», который предлагает игрокам выполнить некую миссию, и в случае правильного ее выполнения выдает им код. Игроки сообщают код организаторам через специальную форму на сайте игры. После подтверждения его верности они получают следующее задание. Результат команды обычно подсчитывается по суммарному времени выполнения всех заданий.

В среднем ежедневно в одной из разновидностей игр принимают участие игроки из около тридцати стран[1]. При этом подавляющее большинство игровых доменов (сайтов внутри сети, привязанных к конкретному городу) находится именно на постсоветском пространстве.

Игры, которые нас интересуют в контексте данного исследования, вписываются в физическое и символическое пространство города. Сопричастность городскому ландшафту и практикам, принятым в городе, придает воображаемой реальности городской игры легитимность. Пространство города часто осваивается опосредованно, через манипулирование картой (или иными репрезентациями города, например, фотографиями). Часто игроку приходится открывать для себя незнакомые ранее места. При этом городская игра служит поводом для расширения ментальной карты города и увеличения компетенций игрока как горожанина, что проявляется в его повседневной жизни вне игры.

Обратимся к истории городских игр Минска. В 2001 году в Минске появилась игра «Схватка», основная задача которой – преодоление проблемы, которую ставит перед игроком организатор игры. Обязательным элементом «Схватки» является пере-

[1] Статистика взята с сайта www.en.cx.

мещение в пространстве. Этот аспект игры принято называть городским ориентированием. Параллельно со «Схваткой» появляется соревнование по городскому ориентированию «Бегущий город», иначе называемый организаторами «познавательно-состязательной формой активного краеведения», или «познавательной игрой-экскурсией в необычной, но доступной спортивно-соревновательной форме», в котором основной целью становится поиск и достижение за кратчайшее время заданных организаторами контрольных точек. В Минске городское ориентирование развивалось преимущественно в рамках двух проектов – «Отрыв» (пешеходное ориентирование) и «Closed Racing Club» (другое название «CRC», спортивное ориентирование по городу на автомобилях).

Данная статья строится на эмпирическом материале, собранном в течение двух лет работы над проблематикой городских игр. Каковы практики взаимодействия участников игр с городским пространством в повседневности и в игре? Как трансформируются стратегии и тактики такого взаимодействия у игрока? На эти вопросы стало возможным ответить после анализа глубинных интервью с участниками городских игр, которые позволили выявить паттерны поведения респондентов, события, которые имеют влияние на изучаемый феномен, и описать зависимости между выделенными категориями.

Глубинное экспертное интервью проведено с семью респондентами разного пола, опытными игроками и авторами. Все они на протяжении не менее трех лет (двое из них участвуют в городских играх Минска уже 8 лет) являются активными игроками одновременно всех массовых игровых проектов Минска. Выбор данных респондентов не случаен: для получения ответов на поставленные исследовательские вопросы требовалась экспертная выборка. На первый план, как и в любом качественном исследовании, в данной работе выходит субъективный смысл рассматриваемых феноменов, взгляд на них с точки зрения респондентов.

Итак, прежде всего, представляется интересным процесс проживания городского пространства («performing the city» [2, 150–160]), в котором горожане становятся не только наблюдателями, но и активными участниками городского спектакля, а сам спектакль[2] проходит по заранее заданным правилам и является

[2] «Спектакль – это не совокупность образов, но общественное отношение

игровой ситуацией [8]. Этот процесс взаимодействия с городским пространством можно назвать отыгрыванием пространства. В среде участников городских игр накоплен большой опыт разбиения города на элементы, рекомбинирования их, выработаны стратегии переживания (проживания) города, взаимодействия с ним и в нем.

Город – это место, где концентрируются власть и культура, место, в котором «лучи от разных источников света фокусируются в одном месте» [3]. Соответственно, город – это еще и смесь разнородных, порой противоречивых физических объектов, повседневных практик, индивидов и их следов [13], связанных в сложную систему, которая постоянно видоизменяется и живет своей жизнью, являясь сценой, на которой разворачивается жизнь общества спектакля [8]. В целом исследователи выделяют несколько антропологических типов взаимоотношения с городом. Зигмунт Бауман [1] и вслед за ним Ирина Василенко рассуждают, к примеру, о «фланере», «бродяге», «туристе» и «игроке» [6]. Включенность наблюдателя в постоянно меняющуюся ситуацию городской жизни – это то, что отличает позицию городского исследователя, истоки которой заложили художники-экспрессионисты, от позиции праздношатающегося зеваки – фланера, описанного Беньямином [5], которая была популярна в эпоху модерна и соответствовала этому обществу по духу[3] [7, 348–367]. К примеру, Бодлер противопоставляет фланеру человека, который ищет, движется, сталкивается с реальностью, преследует ее, одним словом, активен по отношению к ней [14, 335–359].

Часто исследователи городского пространства говорят о своем первом впечатлении от города как о чем-то пугающем

между людьми, опосредованное образами» – так описывает современность Ги Дебор.

3 «Фланер – вот фигура, в которой первоначально оседает идентичность модерна. Фланер – это не просто праздный зевака, это индивид, которого визуальное потребление самого превращает во внешность. Фланер курсирует между магазином, фотосалоном и кино и тем самым наиболее эффективным образом – как пассивное автономное, «сфотографированное» эго, как Потребитель – включается в новый Порядок обмена». Горных А. Монтаж как историческая форма. В: Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Под. ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 348–367.

своей хаотичностью, перегруженном впечатлениями, разнородными и несовместимыми знаками и предметами, вызывающем нервозность и растерянность (потерянность). Взрывная смесь визуальных раздражителей может привести к дезориентации личности. «Растерянность шагнувшего в город исследователя связана скорее с отсутствием удобных «схем разбора» городского пространства; эта растерянность сродни положению туриста, который не слишком доверяет городу, но, потеряв свой путеводитель, сталкивается с необходимостью самому размечать городское пространство, выискивая определенные ориентиры. Оказавшийся в городе исследователь сталкивается с проблемой выработки определенного «режима видения», позволяющего структурировать собственный опыт – не редуцируя его к неким скрытым механизмам городской жизни, но, скорее, размечая пространство с помощью метафор» [9]. Представляется, что хаотичность и разнородность пространства города может быть только искусственно структурирована каждым исследователем и жителем и «упакована» в индивидуальную ментальную карту.

Чтобы структурировать изначально слишком неразрывно «смешанное» городское пространство, чтобы размечать город, необходимо допущение, что город – это поле, с которым можно работать, или, другими словами, читать его как текст [11, 16–19], который можно разделять на абзацы, предложения, слова, выделяя общий смысл и частные смыслы. В этом смысле город есть текст, в понимании сути последнего Р. Бартом [4], Ю. Лотманом [12].

Респонденты, которые приняли участие в исследовании, описывают, как происходит их взаимодействие с городским пространством. Оно включает в себя, как показал анализ интервью, передвижение по городу, ориентирование, концентрацию внимания на тех или иных деталях (восприятие города при созерцании его ландшафта и элементов), знание города (как некую не активную, но пассивно-накопительную категорию, которая, тем не менее, влияет на использование остальных стратегий), изучение репрезентаций (моделей) города, активное формирование пространства (как физического, так и его субъективных репрезентаций), погружение и конфликт.

При «столкновении» с городом конфликт – это то, что возникает первым по времени и уже затем появляются иные способы

взаимодействия с пространством. Существенными понятиями, которыми оперируют респонденты, стали «туман войны» [17], «страх заблудиться», «паника»:

«Есть карта, которая вся окружена тенью, и у человека есть белое пятно, где он находится, и когда он начинает ходить по карте, постепенно это пятно начинает продвигаться в разные стороны»;

«Такое вот состояние не то что паники, а просто, я знал, если вдруг что случится где-то на пути, я... назад я вернусь только чудом».

Конфликт в игре связан с целенаправленным столкновением с неизвестным пространством, необходимостью решения задачи нахождения точки в пространстве, прокладывания оптимального маршрута к этой точке и как можно скорейшим перемещением. Намеренное преодоление игровых трудностей позволяет выработать тактики взаимодействия с пространством, которые делают индивида более эффективным и в повседневности.

Представляется интересным, что на уровне взаимодействия с пространством, с окружающими объектами, участники говорят о том, что игра и жизнь – это разные, и часто противопоставленные, вещи:

«*Я все же считаю, что игра это не жизнь, и относиться к ней надо с некой долей пофигизма*»;

«*Благодаря играм я побывала во всех уголках Минска, в которые бы в обычной жизни не поехала ни за что*».

Однако уже в том же интервью оказывается, что игровые практики взаимодействия с пространством затем распространяются на повседневную жизнь в городе и влияют на поведение игрока вне игры:

«*Потом стала уже вне игр интересоваться интересными событиями в жизни города, обращать внимание на названия улиц, задумываться, а почему она названа так... Касаемо ориентирования в городе, я уже говорила, я больше не теряюсь, и у меня не наступает паника, если мне надо съездить, например, в Северный поселок или еще куда-нибудь*».

Ориентирование в повседневной жизни отличается хаотичностью, привязкой к конкретной задаче, зачастую единственной: продумать маршрут, как добраться из пункта «а» в пункт

«б». Ориентирование в игре отличается намеренностью. В игре ставится последовательно несколько задач за относительно короткое время. Кроме того, оно отличается мотивацией ориентироваться не ради цели, а ради процесса ориентирования. У игроков появляются новые способы взаимодействия с пространством повседневности:

«Даже днем совершенно точно меняется процесс передвижения на автомобиле по городу»;

«И из этого днем и вечером я знаю, как сторониться пробок»;

«Еще игры помогают мне узнать свой город. Свою страну. Ну, короче, вообще на играх получаешь очень много информации, которая иногда бывает очень полезна и в повседневной жизни».

Необходимо отметить появление или углубление у участников игр знаний о городе:

«До того как я начал играть в «Схватку», я никогда в жизни не был ни в Серебрянке, ни в Чижовке, ни… ни в Масюковщине, то есть, город… Я даже не знал о существовании таких (районов), как, например, Шабаны. Я не знал вообще об их существовании, что есть такое место!»

Восприятие города в повседневности связывается зачастую с погруженностью в себя, отличается меньшим вниманием к деталям. Город в повседневности воспринимается как фон:

«Не задумываешься по поводу города, когда он для тебя просто набор привычных мест, в которые ты ходишь, неважно – работать или отдыхать. Это все быт города как поверхности просто».

Внимание к любым деталям кардинальным образом отличает категорию «восприятие города» в процессе игры от того же в повседневности (это могут быть как игровые, так и неигровые детали.) Внимание к деталям в игре отличается намеренностью. Характерно, что такое состояние затем переносится в повседневные практики:

«Городские игры, они заставляют человека смотреть по сторонам»;

«Ну, поскольку мой мозг испорчен городскими играми… я стараюсь подмечать искать какие-то элементы… вот такие вот мелкие детали».

Важно отметить, что во многом при реализации стратегии «погружение» (в городское пространство) происходит конструирование идентичности горожанина. Так, например, участники городских игр определяют собственное Я через принадлежность к своему городу, знакомство с которым состоялось во многом благодаря городским играм. Формирование собственной репрезентации городских мест, нанесение собственных субъективных следов способствует присвоению пространства и самоопределению в «своем» пространстве. Погружение в город *(«Насколько мне рассказывали участники, их мозг точно так же становится сломан, и они уже ходят и именно ищут мелкие детали, […] в том же проекте Отрыв, где именно эти детали и являются главной составляющей всей игры. Вот и эта трансформация сознания происходит очень быстро. […] Это сложно выключить, сложно перестроиться, если занимаешься этим серьезно и часто.»*) и изменение восприятия повседневности, появление уверенности, нахождение своего места в городе и исчезновение страха перед «туманом войны» («*Я чувствую себя увереннее от того, что я знаю, где я, как я. Плюс я знаю, что я… то есть вот эти знания, которые появляются, это знания, которыми можно как бы гордиться»*) – все это трансформирует идентичность участника городской игры. «Я изменился», «мой мозг сломан», «я стала другой», «я полюбила город», «я человек мегаполиса» – этими словами респонденты характеризуют свою идентичность через свою позицию по отношению к городскому пространству.

Таким образом, можно говорить как минимум о нескольких следствиях включения горожанина в городские игры на уровне трансформации его взаимодействия с городским пространством: преодолении (как минимум уменьшении интенсивности) конфликта, связанного со страхом перед городом, покрытым туманом войны, о расширении субъективной территории обитания «от своего двора до границ города и дальше» и о конструировании участником игр собственной карты города, разработке стратегий взаимодействия с пространством в игровом контексте, которые затем переносятся на повседневный контекст. Речь идет о таких стратегиях, как использование карты города (и иных моделей репрезентации городского пространства) в качестве помощника для лучшего ориентирования в городе; поиск мелких

деталей, из которых складывается город, а соответственно анализ и синтез их по-новому и складывание собственной карты города с собственными «следами» и «пометками», которая помогает ориентироваться.

Используя эти и другие стратегии, индивид становится более приспособленным к жизни в своем городе: на практическом уровне он может, например, избегать пробок, потому что знает объездные пути, быстрее ориентируется по карте и знает такие детали, которые позволяют ему при необходимости перемещаться из одного места в другое без помощи карты. На уровне субъективном, при формировании идентичности жителя урбанизированного пространства он осознает и артикулирует себя как «знатока» города, человека, который любит свой город, справляется со страхом хаоса города и приобретает уверенность, которая позволяет ему чувствовать себя в своей тарелке, что переносится, по словам респондентов, даже на незнакомое городское пространство. Город присвоен, принадлежит индивиду, а индивид принадлежит городу, и через эту принадлежность определяет свою самость.

Литература

1. Bauman Z. From Pilgrim to Tourist – or a Short History of Identity. In: Questions of Cultural Identity. London, 2000. P. 18–35.
2. Makenam P. Performing the City. Theatre Research International, 2005, vol. 30. P. 150–160.
3. Mumford L. What is a city? In: The City Reader. London, New York: Routledge, 2007.
4. Барт Р. От произведения к тексту. В: Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
5. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. Под. ред. Ю.А. Здорового. М.: Медиум, 1996. С. 163–209.
6. Василенко И. Человек в информационном обществе. Наш современник, 2004. № 5. С. 201–208.
7. Горных А. Монтаж как историческая форма. В: Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Под. ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 348–367.
8. Дебор Ги-Эрнест. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. С. 23–31.

9. Запорожец О.; и Лавринец Е. Прятки, городки и другие исследовательские игры.
10. Кайюра Р. Игры и люди. Цит.по Липков А.И. Проблемы художественного воздействия: принцип аттракциона. Наука, М., 1990. С. 80–81.
11. Линч К. Образ города. М., 1982. С. 16–19.
12. От редакции. В: Лотман Ю. Труды по знаковым системам. Тарту, 1984, вып. 18.
13. Трифт Н., Амин Э. Внятность повседневного города. Логос, 2002. № 3–4.
14. Фуко М. Что такое Просвещение? В: Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. С. 335–359.
15. Хейзинга Й. Homo Ludens. В: Статьи по истории культуры. М.: Прогресс – Традиция, 1997.
16. http://minsk.en.cx/Statistics.aspx
17. http://ru.wikipedia.org/wiki/Туман_войны.

Алеся Середа
(ЕГУ, Вильнюс)

СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКАЯ АНИМАЦИЯ И ПРЕДМЕТНЫЙ МИР (на примере кинофильма «Алиса в Стране Чудес» Яна Шванкмайера)

The article explores the surrealistic approach to an ordinary thing in the film «Neco z Alenky» of Jan Svankmajer, which results in emancipation of a thing in a philosophical, cultural and artistic sense. A thing, an object from reality becomes animated not only in a technical sense of «animation film», but also in our perception of (quasi-)reality. The thing talks for itself, acts side by side with human actors and speaks out its nature by just being a thing, according to Heidegger's doctrine. The concept of a living thing, a subjective object, is more likely to be materially presented in the culture of a society with socialistic history than in a welfare capitalist state with a more pragmatic attitude to things.

В данной работе мы рассмотрим проблему «эмансипации» предметов обитаемой среды как субъектов коммуникации. В качестве изобразительного материала используем фрагменты творчества чешского режиссера-сюрреалиста Яна Шванкмайера.

Мастера современного искусства, вступая в визуальную коммуникацию со зрителем, часто используют в качестве художественного «медиума» «найденные объекты», или «ready-made» – случайные предметы, изначально не предназначенные для использования в художественных произведениях. «Жиз-

ненная среда в не меньшей степени, чем само по себе художественное произведение, становится постепенно реальной формой существования искусства», – так пишет об этом процессе Г.С. Кнабе в статье «Диалектика повседневности» [4, 50]. Он обращает внимание на то, что в культуре двадцатого века разрешилось противоречие между «низким» бытом и «высоким» искусством, а восприятие произведения искусства часто определяется его «закулисными» или явными взаимоотношениями с тут же присутствующей реальностью. Именно так функционируют перфомансы и хэппенинги, инсталляции и другие нестандартные формы искусства, стирающие грань между искусством и жизнью. И, что еще немаловажно, в подобной художественной ситуации неживые объекты «приобретают права» субъектов и становятся активными «соавторами» сообщения.

Начало освоению искусства предметного мира положил Марсель Дюшан, а, точнее, его инсталляции «Сушилка для бутылок» (1914), «Фонтан» (1917) и другие. Новый поворот этому развитию придало развитие кинематографа и техники анимации «stop motion». Такая техника создает иллюзию «живых» предметов, не выводя их за пределы правдоподобного экранного мира. Кино как гиперреалистическое искусство с самого начала своего возникновения испытывало сильное влияние сюрреализма. Сходство показываемых на экране изображений с реальными предметами и одновременно высокая степень условности кинематографического языка искушали многих режиссеров, обращая их внимание на высокую «автономность» предметов, которые во многих случаях тоже становились «актерами» и «играли». Ян Мукаржовский в эссе «К вопросу об истории кино» цитирует по этому поводу Ж. Эпштейна: «Вторая сила кинематографа – это его анимизм. В театре неподвижная вещь, например револьвер, – только предмет реквизита. Но кино обладает возможностью увеличения. Браунинг, медленно вытаскиваемый рукой из приоткрытого ящика стола… вдруг оживает. Становится символом тысячи возможностей» [7, 102]. «Оживление» предмета, наделение его способностью двигаться в кинематографическом пространстве, по сути, ставит его наравне с живыми актерами, которые, напротив, выступают на экране в роли символических фигур (об этом пишет и Лотман, поднимая вопрос сосуществования в театре кукол и актеров [6, 379]). Это особенно хорошо

заметно в кинолентах, где живые актеры и «живые» предметы действуют в одном кадре.

Режиссер и мультипликатор Ян Шванкмайер достиг наиболее высокого мастерства в «оживлении» предметов обитаемой среды. Он использует авторские техники, которые заставляют живых актеров выглядеть как механические или пластилиновые куклы, а предметы реального мира обладают фантастической пластикой и выразительностью. Во многих его произведениях предметы являются «главными героями» повествования, причем сама логика происходящего отчетливо противопоставлена человеческой. Предметы не просто движутся, как живые, – они проживают собственную жизнь по законам, выводимым из их предметной сущности, а не из замысла их создателя или законов природы.

Однако как далеко не каждый человек может быть актером, так далеко и не любой предмет имеет достаточный потенциал «самоценности». С точки зрения Шванкмайера, способность «самостоятельно вершить свою судьбу» присуща элементам окружающей среды, несущим на себе отпечаток времени и индивидуальности, подобной человеческой. Как правило, режиссер использует предметы из повседневности, причем выбирает те из них, на которые в наибольшей степени повлияли время и характер живущих с ними бок о бок людей – старые, затертые, заношенные, многократно использованные. Таким образом, у предметов, которые он «оживляет», присутствует «история жизни», сформировавшая их «индивидуальность». Предметам, «играющим» в фильмах Шванкмайера, «есть о чем рассказать». Они – наши постоянные и верные спутники, они «знают» о нас больше, чем мы о себе, и когда они и вправду оживают (например, на киноэкране), мы с готовностью верим в их одушевленность.

Эстетика Шванкмайера находит особый отклик у зрителей постсоветских регионов (к которым до определенной степени можно отнести и Чехию), где бытовая сфера сформирована совершенно иным образом, нежели в капиталистическом обществе. В обществе с развитыми рыночными отношениями отслуживший свое предмет выбрасывают и покупают новый, более новый и модный, что стимулирует спрос и оживляет рынок, однако лишает предметную среду некоторой доли «жизни»,

заменяя ее функциональным дизайном. В обществе, имевшем исторический опыт социализма, еще не изжили себя «синдром Плюшкина» и «культ Самоделкина», вызванные недостатком качественных товаров домашнего потребления в советском быту. Такое бережное отношение приводит к тому, что почти у каждого из предметов в хозяйстве есть своя история, известный или легендарный создатель и ритуализированная инструкция о том, как с ним обращаться. Подобная предметная среда формируется лишь со временем и не характерна для типичных отношений капиталистического рыночного общества, где предмет – это товар, оцениваемый исходя из его стоимости, а также моды (также своеобразной символической «прибавленной стоимости»).

Проблема особого отношения к вещи в социалистическом обществе уже не раз поднималась исследователями повседневности. Екатерина Деготь в эссе, посвященном идее Родченко о вещи-товарище, рассматривает явление «эмансипации» предмета, превращение его в «субъект» бытовой среды, обладающий, в отличие от серийного, массового, эфемерного, индивидуальностью и достойный человеческого уважения. «Что же такое предмет потребления, утративший объектность, вещь как субъект?.. Это предмет, максимально приспособленный к реальному потребителю: ушитые в боках платья; разношенные туфли; электросчетчик, переделанный так, что крутится в обратную сторону; радиоприемник, настроенный исключительно на "Голос Америки". А в особенности – все сделанное дома, будь то варенье с пенкой, свитера ручной вязки или собственноручно сбитые книжные полки». [3, 30] Таким образом, рассматривая творчество Шванкмайера, мы можем говорить о своеобразном «культурном ландшафте», целостной культурной среде, на характер которой повлияли сложившиеся имущественные отношения и культура потребления.

Проанализируем несколько эпизодов фильма «Алиса в Стране Чудес» («Neco z Alenky» (1988), другие варианты перевода названия – «Кое-что об Аленке», «Сон Аленки»). Как и во всех полнометражных лентах Шванкмайера, кукольная и предметная анимация сочетаются здесь с игрой актеров. И, как и во многих других его фильмах, куклы и предметы «играют» не хуже, а часто даже лучше, чем единственный живой актер – маленькая девочка Кристина Кохоутова (Kristyna Kohoutová).

Поэтика Шванкмайера построена на двойственности. Выбирая тему и художественные средства, он заостряет критические оппозиции (живое-неживое, дозволенное-недозволенное), а затем словно гипнотизирует зрителя многочисленными картинами нарушения установленного порядка. Нам изначально даны два уровня условности: мы смотрим фильм о том, как Алиса рассказывает свой сон. Таким образом, то, что происходит во сне, возводится в квадрат условности: оно кажется невероятным даже самой Алисе (изумление и испуг часто проявляются на ее лице). Мы имеем дело как бы не с изображением вещи, а с самой вещью; «как бы» – поскольку двухмерное изображение, проецируемое с кинопленки, все-таки не является абсолютным подобием трехмерной вещи. Значительно увеличивая «условность» художественного мира, делая акцент на его «внеположенности» нашему миру, этот прием «удвоения» одновременно и увеличивает жизнеподобие оживших предметов, и сглаживает противоречие между «возможным» и «невозможным», живым и мертвым.

Начальный эпизод фильма – «метатекстовый», связывающий все уровни повествования и толкующий образный язык режиссера. После того как закончились начальные титры, перед нами – темная комната, загроможденная предметами. Умывальник, банка с пуговицами, огрызки, корзинка с грибком и клубками ниток, коллекция насекомых, раковины, череп, полустершиеся картины, банки с вареньем, платья в шкафу, шляпа и книги, печенья, чернила и тетрадь, волк и заяц на картине, игрушка, изображающая смерть, мышеловка, марионетка и заводной заяц, бумажный кораблик и кубики, белые перчатки, большая кукла и маленькая кукла, камушки, чашка с чаем, карточный домик, фигурка знатной дамы, лампочка. Камера медленно обходит все эти предметы, подолгу останавливаясь на некоторых из них. В конце концов мы, вслед за героиней, с удивлением и испугом смотрим на ожившее чучело кролика, погоня за которым – стержень дальнейшего повествования.

При первом просмотре, до того, как мы собственными глазами не убедились, как оживает неживое, мы еще не знаем, что все эти предметы затем войдут в повествование и станут его полноправными героями. Их можно условно назвать «предметы-персонажи», а эпизод, в котором они демонстрируются, «организует» наше с ними знакомство. Хоть это и заманчиво,

однако не стоит пытаться толковать эту сцену в психологическом или социологическом ключе (кто-то из родственников Аленки увлекается естествознанием или кукольным театром, это отложило на психике ребенка определенный отпечаток и т.п.). Неважно, кому принадлежат эти предметы и для чего они используются – во сне Алисы каждый из них заживет собственной жизнью, станет самоценен. Деревянный грибок превратится в тот самый, на котором сидит Синяя Гусеница, печенья окажутся волшебными – съев их, которые, изменяешься в размерах, марионетка – это Безумный шляпник, из кубиков построен дом Белого кролика, белые перчатки – те, которые он носит, куклой по ходу повествования будет становиться сама Алиса, чай сыграет свою роль во время чаепития, карты – придворные, а знатная дама – королева.

Следующий эпизод, несущий метатекстовую функцию, – путешествие Алисы в волшебном лифте. Именно в этом эпизоде окончательно формируется «лексикон» режиссера и «список действующих лиц». Итак, Алиса движется вниз, мимо стен с полками, на которых стоят фигурки знатных дам, марионетки, сундучки, карты, куклы, сосуды, метроном, бумажный кораблик, игрушечная кровать, фигуры Шляпника и Смерти, банки с вареньем, чучела и скелеты зверьков и птиц, кораллы и сушеные рыбы, и на самом нижнем этаже – угрожающие игрушки, составленные из костей. Многие предметы повторяют те, которые были в комнате, а другие являются их вариантами или мутациями, «химерами». В мире Алисы, на грани между сном и явью, они трансформируются и гибридизуются в духе фирменной эстетики режиссера.

Можем ли мы назвать это «визуализацией тропа»? Вторая из описанных сцен является кинематографическим аналогом «перечня» – одного из древнейших литературных приемов, характерного и для фольклора. Один из древнейших и знаменитых примеров такого перечня – список кораблей из «Илиады» Гомера. Литература постмодернизма переосмыслила этот прием, примеры чему часто встречаются в творчестве Борхеса, а в русскоязычной литературе – В. Сорокина. Здесь мы видим искусно замаскированную визуальную аналогию перечня действующих лиц, подобную списку ролей, помещаемому в начало драматического произведения.

Начальные, ключевые эпизоды фильма говорят о том, что предметы мира Аленки «эмансипированы» еще до своего оживления. Они стали вещами-товарищами по несчастью, которым для Аленки является вынужденное одиночество и бездействие. Их окончательная эмансипация – «оживление», причем она подчеркивается повторяющимся мотивом «непослушных» вещей – носков, которые сползают с ног, игрушек, которые нападают на своего хозяина, кролика, который не желает сидеть в витрине, как то и подобает чучелу.

В заключительном эпизоде, когда Алиса пробуждается, она вновь пробегает взглядом по обстановке комнаты и снова задерживает взгляд на тех же предметах – куклы, карты, картинка, игрушки, корзинка с нитками и грибком, чай, чернила. Единственный, кого не хватает, – это Белый Кролик. Алиса приходит к заключению, что в Стране Чудес он был казнен. Поскольку казнить должны были саму Алису, можно сделать вывод о том, что Белый Кролик – ее «заместитель» или даже «альтер эго». Таким образом, «пара» ведущих актеров оказывается, с точки зрения эмансипации предметов, политкорректной: один живой исполнитель главной роли и один неживой. И оба они – «медиумы»: Алиса – посланец мира людей в Стране Чудес, Белый Кролик – наоборот, гость из Страны Чудес, которая представляется аналогией загробного мира. В том, что Белый Кролик мертв, точнее, принадлежит миру Смерти, нам на протяжении повествования не позволяют забыть ни на секунду: из него сыплются опилки, у него распорот живот, у него настоящие костяные зубы и искусственные стеклянные глаза, а в некоторых эпизодах появляется язык «из крови и плоти». Чучело кролика, набитое опилками, игрушечный заяц, у которого постоянно кончается завод, могут быть поняты как метафоры смерти или как символы вечного воскрешения, однако наиболее правильным будет считать их смерть еще одной, альтернативной формой жизни, так же как и сон – это альтернативная форма яви.

В чем причина изгнания Алисы из Страны Чудес – из «внутреннего мира» вещей, так хорошо ей знакомых? Мир вещей, там, где он становится объектом пристального внимания, часто наделяется свойствами сложного механизма (в качестве примеров можно назвать новеллу «Серебряная табакерка» Одоевского). Этот механизм, или система взаимоотношений предме-

тов между собой, хрупок и подвержен энтропии – нарастанию хаоса, также как и «большой» мир, только быстрее. Именно в такое состояние приходит Страна Чудес в результате пребывания в ней Алисы, и рано или поздно ей приходится «проснуться» – вернуться в мир людей, который, как оказалось, не совпадает с миром вещей, даже самых близких.

Взаимоотношения между человеком и вещью, дистанция между ними – тема, которая не раз рассматривалась в философии. «Вещь веществует», – утверждал в одном из своих эссе Мартин Хайдеггер. Его видение вещественного мира также допускает «эмансипацию» предмета, который становится выражением самого себя. «Вспоминая, значит думая о вещи как вещи, мы оказываемся способны к ней при-слушаться. Мы тогда – в строгом смысле слова – послушны ей. Мы оставили позади себя претензию на всякую безусловную отвлеченность от вещи» [8, 29]. Сходная рецепция предметного мира материализуется в творчестве некоторых сюрреалистов, в том числе Шванкмайера. Принимая законы его художественного мира, мы, и правда, думаем о вещи как о вещи, а не как об инструменте, собственности или произведении, позволяя ей «веществовать» так, как это предусмотрено ее природой.

Представление о вещественности у Вальтера Беньямина парадоксальным образом перекликается с рассуждениями Хайдеггера о «близости», которая устанавливается между индивидом и миром в его вещных проявлениях, только Беньямин при этом говорит о «дали», об «ауре природных объектов»: «Эту ауру можно определить как уникальное ощущение дали, как бы близок при этом предмет ни был» [1, 70]. Именно такое впечатление производят объекты, которые «анимирует» в своих кинопроизведениях Ян Шванкмайер. «Аура» предметов, «играющих» в фильмах Шванкмайера, настолько интенсивна, что они кажутся еще более реальными, чем в жизни. При этом они движутся, взаимодействуют, рождаются и умирают – то есть демонстрируют признаки «существ», а не «вещей». «Оживляя» игрушки («Алиса в Стране Чудес»), еду («Мясная любовь»), мебель («Падение дома Ашеров») и другие привычные элементы обитаемой среды, Шванкмайер добивается шокирующего воздействия на зрителя, изумляя и пугая его. И если «ожившие» куклы в кукольной анимации воспринимаются нами как нечто условное, то «живые»

предметы Шванкмайера, напротив, кажутся гиперреальными и не развенчивают, а материализуют кошмары и фантазии, которые гнездятся в нашем подсознании.

Подытоживая, вернемся к истокам эстетики сюрреализма и зададимся вопросом, почему, почти через семьдесят лет после кризиса сюрреализма в литературе, Ян Шванкмайер в кино все еще считается его живым классиком? Характерно, что в Чехии сюрреализм с самого начала шел бок о бок с исконной французской традицией, а во второй половине XX века не менее плодотворно ее продолжил.

«Сюрреализм... обращает внимание не на знак, а на вещь, им подразумеваемую», – такое толкование дает сюрреалистической живописи теоретик искусства Ян Мукаржовский. А Бертольт Брехт, говоря об эффекте «очуждения» в театре, упоминает и сюрреалистов, которые, по его мнению, пользуются им преимущественно для того, чтобы шокировать зрителя. В результате привычные предметы предстают как «нечто чуждое, необычное», такое их представление признает за ними право быть «целью», а не «средством». С точки зрения Брехта, такое «очуждение» – признак деградации функции предмета: «Эти картины являются лишь реакцией на полную никчемность функций людей и предметов в наше время» [2, 102]. С этой точки зрения можно предположить, что предметы-персонажи Шванкмайера подвержены деградации в высшей степени, что, в общем, выражается и на уровне изображения. Эти предметы несут признаки физического разложения и более активны в «потустороннем мире», чем в реальном. Они «очуждены» от привычного утилитарного восприятия, а их протест против функции, которая кажется бессмысленной Брехту, – и есть одна из главнейших художественных целей Шванкмайера.

Почему объект называется «найденным»? Потому что его «кто-то потерял» – он отчужден от владельца и от собственной функции. Как и сюрреалисты, Шванкмайер «освобождает» предметы от их функций, в том числе выводит их из лексикона символической коммуникации. Вместо того чтобы выступать знаками или индексами каких-либо человеческих понятий (социального статуса, стиля и моды), предметы сами активно вступают в коммуникацию. Они словно «кричат» о собственной вещности, реальности. Таким образом постулируется их квазиреальность – ху-

дожественная реальность, «более реальная», чем данный нам мир. И это – прямой путь вещи-субъекта в искусство.

Литература

1. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. С. 66–91.
2. Брехт Б. Эффект очуждения // Брехт Б. Театр. Пьесы. Статьи. Высказывания. В пяти томах. Т. 5/2 М., Искусство, 1965.
3. Деготь Е. От товара к товарищу. К эстетике нерыночного предмета. // Логос # 5/6 2000 (26). С. 29–37.
4. Кнабе Г.С. Диалектика повседневности // Вопросы философии. № 5. 1989. С. 26-46.
5. Левитова В. Ян Шванкмайер сквозь призму чешской культуры // Киноведческие записки / No. 71. 2005. С. 248–284.
6. Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х т. Т. I. Таллинн, 1992. С. 377–380.
7. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства: Пер. с чешск. / Сост. и коммент. Ю.М. Лотмана и О.М. Малевича. М.: Искусство, 1994.
8. Хайдеггер М. Вещь // М. Хайдеггер Время и бытие. М.: 1993.

Ирина Горошко
(ЕГУ, Вильнюс)

КОММУНИКАЦИЯ В ВИРТУАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ: «БЕЛПОМОЕЧКА»

Online social networks such as MySpace, Facebook or Livejournal have experienced exponential growth in membership in recent years. Many members of these networks prefer to interact with each other in virtual communities of different kinds. In this study, communication between members of one of the most popular Belarusian LJ-communities is examined. The specificity of the community consists in its orientation towards being a space of informal social criticism. The article deals with the implicit rules, which direct and determine communication. The method used here to examine communication is interpretative repertoires analysis. The method belongs to local English discourse analyses school and shows itself as a good instrument to reveal the ways the participants of the communication legitimate one or another way of speaking.

Коммуникация между субъектами переживает сегодня период значимых сдвигов и перемен. Общение в виртуальном сообществе является одной из самых распространенных форм коммуникации в Сети. Как строится это общение, отличается ли оно от более традиционных форм и каким правилам подчиняется – такие вопросы актуальны и достойны внимания исследователя.

В данной статье описаны результаты исследования коммуникации как вида социальной критики в одном из самых популярных сообществ белорусского сегмента сети Livejournal.

com. Объектом исследования является виртуальное сообщество «Белпомоечка», предметом – «трешевость» в том виде, как о ней говорят участники сообщества. Нас интересует, как через призму общего интереса «треш» участники сообщества говорят о тех или иных феноменах, а также какие для этого используются категории. Способ говорения и выявленные дискурсы помогут нам понять, какими праввилами обусловлена социальная критика в сообществе by_trash. Для исследования коммуникации в сообществе использован метод анализа репертуаров интерпретаций.

Виртуальное сообщество, социальная критика и социальная критика в контексте виртуального сообщества

В своей статье «Виртуальные сообщества: аварийное завершение, повторная попытка, неудача?» Ян Фернбак (Jan Fernback) и Бред Томпсон (Brad Thompson) выделяют следующие необходимые элементы сообщества: социальная интеракция, общая система ценностей, общая система символов. Проанализировав внушительное количество определений и подходов к изучению виртуального сообщества, авторы предлагают такое определение данному феномену: «социальные отношения, созданные (forged) в киберпространстве путем повторяющихся контактов внутри специфической границы или места (например, форум или чат-линия), которые символически очерчены темой или интересом» [2]. В данном определении находят себе место и проблематизация возможности возникновения «отношений» внутри киберпространства (использование глагола to forge, который содержит в себе семему нереальности, выдуманности), и акцент на необходимости постоянных повторений актов коммуникации, и упор на общую тему или интерес как то единственное, что изначально объединяет совершенно разрозненных индивидов.

Философ Майкл Уолцер определяет социальную критику так: озвученное в публичном пространстве недовольство по поводу тех или иных проявлений повседневности [1, 47].

Центральное место в теории социальной критики Уолцера занимает непосредственно фигура Критика. У автора существует

четкое разграничение категорий «масса» и «элита». Критик, разумеется, становится голосом элиты, борясь, в то же время, за права масс и пытаясь открыть им глаза на все несправедливости и неправильности.

Чтобы вписать теорию Уолцера в контекст нашего исследования, остановимся на следующих моментах. Во-первых, в виртуальном сообществе необходимо отказаться от единой и неделимой фигуры Критикующего, ведь критика осуществляется в процессе коммуникации между различными сетевыми личностями, т.е. она коллективна и спонтанна (нет единого Автора со своими представлениями и мнением, но есть лишь некое количество разрозненных сетевых личностей).

Далее стоит разобраться с противопоставлением масс элитам. В случае с участниками виртуального сообщества, само существование которого возможно лишь при соблюдении сетевого принципа горизонтальных отношений и отсутствия иерархии, говорить о массах с элитами сложно. В этой связи интересным становится то, кто же является субъектом критики внутри сообщества, а кто – объектом. Элиты, видящей более масс и имеющей возможность ее критиковать, уже нет, посему мы выдвигаем гипотезу о том, что в случае виртуального сообщества имеет место критика неких социальных групп, которые можно лишь условно назвать «массами». Нас интересует, каким образом критикующий субъект воспроизводит свою позицию, отгораживает себя от «масс» критикуемых, какими средствами и при помощи использования каких постоянно создающихся конвенций это отгораживание происходит.

Сообщество «белпомоечка» как пространство выражения социальной критики

Исследуемое в настоящей работе сообщество располагается на блог-платформе Livejournal.com, или, в русскоязычном варианте, в Живом Журнале.

Создание сообществ и коммуникация в них является довольно популярной практикой среди пользователей LiveJournal. Как правило, членов сообщества объединяет некий заданный в названии или в описании сообщества интерес, в рамках которого все участники сообщества могут делать записи на странице

сообщества и общаться друг с другом в пространстве комментариев. Комьюнити может быть посвящено чему угодно: от домашнего хозяйства и литературы до маркетинга и экономики.

Объект настоящего исследования, сообщество by_trash, было создано в декабре 2007 года. На момент написания статьи by_trash уже оброс полутора тысячами участников, около двух тысяч являлись его читателями. Сообщество, как это следует из названия, идентифицирует себя с неким мусором, отходами культуры в белорусской повседневности (самоидентификация сообщества: http://community.livejournal.com/by_trash/profile). Trash в этом контексте не совсем корректно отождествлять с trash culture как с особым сектором современной культуры, где идет креативная переработка неких набивших оскомину шаблонов массовой культуры в культурный «мусор». Никакой креативной переработки в сообществе не происходит, а фрагменты белорусской повседневности должны подаваться такими, какие они есть, без использования графических редакторов или фантазии участника.

Сообщество trash_by интересует нас потому, что именно сами его участники, и никто иной, провозглашают «трешевость» создаваемого контента, т.е. фактически осознанно конструируют то, что можно назвать «трешем» в белорусском контексте. Сам акт клеймения чего-то трешем является своеобразной социальной критикой, ведь участник выражает свое недовольство определенным сектором белорусской повседневности. Нас интересует, чем обусловлена эта критика, другими словами, какое общее знание разделяют, общаясь, все участники сообщества и каким правилам это общение подчиняется.

Метод исследования: дискурс-анализ репертуаров интерпретаций

Говоря об общем знании, направляющем коммуникацию, мы подходим к методу настоящего исследования – анализу репертуаров интерпретаций. Подобный анализ является, как и любой дискурс-анализ, конструктивистским методом исследования.

На первый взгляд может показаться, что к конструктивизму относятся совершенно разные методы исследования, однако всех их объединяют следующие теоретические предпосылки:

Во-первых, конструктивистские методы в той или иной степени оппозиционны к традиционным положениям социальных наук, особенно к допущению существования некой независимой объективной реальности;

Во-вторых, они направлены на выявление способов, которыми те или иные культурные формы обуславливают умственную и физическую деятельность. Имеется в виду, что способы мышления являются не зафиксированными сущностями, но определяемыми символическими ресурсами культуры конструктами;

В-третьих, конструктивистские методы рассматривают дискурс, по-разному теоретизированный, как центральный организующий принцип конструкции [4, 125–140].

Такой вид дискурс-анализа, как анализ репертуаров интерпретаций, относится к английской школе локального анализа дискурса. Репертуары интерпретаций, как их определяет Маргарет Уэзрелл, это «строительные блоки, которые используют люди для конструирования версий действий, когнитивных процессов и других феноменов» [5]. Каждый репертуар по отдельности состоит из ограниченного ряда понятий, которые используются специфическим стилистическим и грамматическим образом. Как правило, эти понятия производны от одной или более ключевых метафор, и наличие репертуара часто маркируется определенными тропами или речевыми фигурами (поговорки, анекдоты и т.д.) [5].

Анализ репертуара интерпретаций требует поиска паттернов противоречий в речи участников коммуникации, которые могут быть зашифрованы как репертуары интерпретаций. Выявление таких репертуаров обеспечивает проникновение в суть макроструктур, которые диктуют правила и используются для легитимации поведения участника коммуникации [3, 67].

Исследования конструирования «треша» с позиций социальной критики

Для исследования конструирования «треша» были выбраны записи и все комментарии к ним, появлявшиеся в сообществе в течение марта 2010 года. Всего в данный промежуток времени опубликованы 82 записи.

В результате исследования выделены два основных репертуара интерпретаций, каждый их которых включает несколько подрепертуаров.

Первый репертуар назван *репертуаром перекладывания ответственности*. Данный репертуар является дискурсом, основанным на вере в то, что субъект в контексте современной белорусской действительности не имеет никакой власти и возможности проявить волю и что-либо изменить. В рамках репертуара перекладывания ответственности выделяются подрепертуары *оптимистичный* (перекладывание ответственности на систему) и *пессимистичный* (перекладывание ответственности на менталитет).

Оптимистичный репертуар базируется на убеждении в том, что в большинстве негативных проявлений белорусской повседневности виновата действующая власть, а из этого следует, что надежда на перемены существует. Примеры применения подрепертура в коммуникации: «Повод называли очень туманно и уходили от ответа. “Чтобы люди голосовать пошли”. Особенно понравилась фраза “Вы все знаете, у нас скоро проходит такая политическая акция под названием выборы”, “капіталіст-манапаліст закапаў капіталізм? ай да маладзец!”, “у меня теплится последняя капелька надежды, что когда-то это надоест вообще всем”».

В рамках *репертуара пессимистичного* ответственность за весь хаос кладется на плечи особой категории людей («быдло»), которая такова потому, что существует некий изначально предзаданный и объективный *менталитет*. В контексте этого дискурса надежд на перемены нет, ибо все уже запрограммировано, и белорусы никогда не станут активными полноценными членами своего общества. В ходе анализа было интересно наблюдать, как относительно данной установки определяют себя субъекты критики, т.е. участники коммуникации. В интеракции прослеживается осознание участниками сообщества своеобразной абсурдности конверсаций, не влекущих за собой никаких действий и попыток реально что-то изменить, то есть замкнутых лишь на речевых актах в пространстве сообщества. Для оправдания подобной позиции и вводится дискурс о переложенной ответственности, где объектами критики выступают уже «система», будь то разговоры о президенте или о всесильных

силовых структурах, и «быдло», которое, в силу обремененности менталитетом, всегда будет мешать участникам коммуникации реально что-то изменить. По сути, именно «быдло» и является предметом социальной критики, осуществляемой в сообществе. «Быдло» становится массой, которую вполне удовлетворяют существующие белорусские реалии, следовательно, субъекты критики производят свою позицию, противопоставляя себя этой сконструированной категории. Таким образом, «быдло» неразрывно связано с «негативным трешем», ведь непосредственно оно его и производит. Выявленное конструирование женщины как кого-то крайне пассивного и достойного внимания исключительно в качестве сексуального объекта («По виду всем дамам на фотках под тридцатку, а вроде, студентки... Зато хоть сиськи есть у конкурсанток, радует», «не хватает номера телефона, цены и фразы "даю без гандонов"», «если сиськи покажет – может и выиграть ~~iPod~~;-)»), было отнесено к явлениям того же порядка: так как участник коммуникации позиционирует себя бессильным в государственных масштабах, происходит символическое оправдание этого бессилия путем конструирования «женщины», которая еще более бессильна в силу природой наделенных характеристик, и «быдла», которое является причиной и усугубляет существующее положение вещей.

Примерами использования данного подрепертуара служат следующие высказывания-комментарии: «... я поражаюсь с каментов. Тетка на фото обычное тупое быдло. Ибо только тупое быдло может жрать батон до кассы. – Еще бы. Это национальная идея :)», «принимая во внимание менталитет, даже если надоест, все равно ничего делать не будут, это ведь зад надо будет поднимать с дивана», «Простите за немного резкий коммент. Ну не верю я в то, что белорусы способны на переворот», – «То-то и оно :) Мы птицы гордые, пока не пнешь – не полетим :), « (...) Со сменой президента, Вы полагаете, что сменится весь госаппарат? Нет, работать внизу будут все те же люди».

Вторым выделенным репертуаром интерпретаций является дискурс об уникальности Беларуси, который так и был назван – *уникальная Беларусь*. Коммуникация в рамках данного дискурса основывается на вере в своеобразие Беларуси, отличие ее от других стран (которыми в разных контекстах выступают Россия, Венесуэла и обобщенно – собирательная *Европа*) и вырванность

Беларуси из мирового контекста. В рамках этого репертуара выделяются подрепертуары *Деревня как средоточие всего негативного*, *Беларусь и другие страны* и *Трешовая, но любимая*.

Репертуар *Деревня как средоточие всего негативного* проявляется в тех высказываниях, где все самое абсурдное, нелепое, смешное клеймится «агро», «сельским», или «провинциальным». Данный дискурс базируется на вере в то, что все деревенское – это плохо, второсортно, убого. Примеры комментариев: «уникальный агродизайн», «О да, давать многоквартирным муравейникам пафосные названия – последнее веяние местечкового деревенского маркетинга», «дзе гэта такі аграглямурны бар?».

Репертуар *Беларусь и другие страны* определяет правила говорения и конвенции в обсуждениях Беларуси в мировом контексте. Беларусь в данном дискурсе дается в сравнении с Другим, и через это сравнение многие черты конструируемой Беларуси становятся видимы, а их существование артикулируется в процессе коммуникации в сообществе. К примеру, в поле этого репертуара часто имеют место сравнения белорусской ситуации с российской; это как бы вполне в рамках заданного дискурса, однако в то же время трудно не заметить перманентного напряжения и настороженности относительно гипотетических империалистических интенций России. Данный момент проявляется как в разговорах о союзном государстве («я вось толькі аднаго зразумець не магу: а што, нашая ўсходняя сыравінная ўскраіна ўжо ўвайшла цалкам у склад бсср-ы? ці як? што там ваабшчэ робіць вайсковы фургон з расейскімі нумарамі?»), так и в таких моментах, как негодование по поводу называния страны «Белоруссией» («Что такое "Белоруссия"?», «А што такое "БелоруССІЯ"???). Примеры использования подрепертуара: «Это чтобы из европ к нам всяка нечисть не лезла! :)», «Можно подумать маскалики знают герб третьего по величине города Расеи. Да они даже и не знают какой город третий по величине», «Проверено Россией)))» – *о президентских выборах* (прим. – *И.Г.*).

В рамках дискурса *Трешовая, но любимая* происходит позитивная оценка «треша» как чего-то присущего только Беларуси, но уже не в негативном ключе, а вызывающего смех и даже некоторое умиление. Эти «трешевые» проявления повседневности уже не клеймятся «агро», однако их «трешевость» также не оспаривается. «Треш» здесь становится уникальной чертой

страны, которую могут понять и оценить только ее жители: «а, по-моему, это весело, я б туда заглянула) Это великолепно!», «Признаюсь, такое видела впервые. :)», «ведаю, мо каму гэта і ня трэш, але сёньня ў кінатэатры "Мір" перад сэансам фільму 10 хвілін паказвалі рэпартаж з дажынак-2005). Заля сьмяялася і пляскала) – вполне нормальная практика)) я как то попал на пресс-конференцию с каким то мастером спорта бсср)», «гениально, божественно, непредсказуемо, какая феерическая ржака».

Репертуар интерпретаций *Беларусь уникальная* является дискурсом, в каком-то смысле опять же оправдывающим наличие тех или иных проявлений белорусской повседневности. «Деревенскость» подается как что-то предзаданное и объективно существующее, и, на наш взгляд, «деревенскость» вполне адекватно сравнивать с конструктом «быдло». Если в случае репертуара перекладывания ответственности речь шла об индивидах, абстрактных или конкретных, виноватых в том, что происходит («быдло») или имеющих еще менее власти, чем субъекты говорения («женщины»), то в данном случае речь идет о Беларуси как о пространстве. Если малейшие, отдельные проявления нелепости и абсурда являются «деревенскими», то сама по себе «деревня» в таком случае превращается вообще в средоточие всех мыслимых и немыслимых глупостей, некачественностей и абсурдностей. И, по сравнению с этим местом, белорусские города становятся не такими уж и невыносимыми пространствами жизни. Точно также, как сконструированное бессильное и безвластное положение субъектов критики оказывается не таким уж безнадежным, когда появляются категории «быдло» и «женщины».

Подрепертуар *Трешовая, но любимая* в каком-то смысле уравновешивает негативные описания, однако для коммуникаций в рамках этого репертуара все так же характерна позиция субъективной дистанцированности от описываемого, т.е. вовлеченности опять не происходит, участник коммуникации лишь наблюдает и комментирует, но никак не маркирует свою позицию участника описываемого. Этим комментариям присуще большое количество смайлов, почти полное отсутствие нецензурной и негативно-окрашенной лексики. Конструируется положительная сторона уникальности Беларуси, «треш» из явления отрицательного, тормозящего развитие страны и вырывающего

ее из мирового контекста, превращается в синоним креатива и искусства. Такие действия опять же оправдывают разговоры о трешевой повседневности, выделяя ее положительные стороны. Следовательно, происходит и символическое оправдание гипотетического гражданского бездействия участников коммуникации относительно того, о чем ведутся разговоры в сообществе, и полной зацикленности возможных действий исключительно на речевых актах в сообществе.

Выводы

Итак, опираясь на проведенный анализ репертуаров интерпретаций, можно сделать следующие выводы относительно конструирования «трешевой белорусской повседневности» и правил, регулирующих коммуникацию в сообществе. Первое правило, обуславливающее социальную критику в сообществе, касается позиции, с которой критика осуществляется: это позиция беспомощного, пассивного и не способного на активные действия субъекта.

Конструкт «треш» в процессе коммуникации постоянно изменяется и получает разные виды, однако основные различия между этими видами все-таки представляется возможным уловить через введение классификаций «треш позитивный» (Беларусь «забавная», «оригинальная», минимум нецензурной и негативной лексики, максимум смайлов и уменьшительно-ласкательных суффиксов) и «треш негативный» (Беларусь «абсурдная», «нелепая», «провинциальная», максимум нецензурной и негативной лексики). «Негативный треш» связывается с конструктом «быдло» как причиной его существования, и субъект коммуникации использует репертуар перекладывания ответственности для оправдания существования этого треша в повседневности и критических разговоров (и только разговоров) о нем в сообществе. «Позитивным трешем» маркируется особое место Беларуси и особые черты, которые способны понять только ее жители и которые делают страну уникальной не только в ее вырванности из мирового контекста, но и в некой гордой трешевой самодостаточности.

Социальная критика в сообществе by_trash, таким образом, детерминируется применением этих категорий «треша», что, на

наш взгляд, сужает оптику участников коммуникации и блокирует возможности для появления каких-либо других, «серединных значений», не касающихся в полной мере ни «треша позитивного», ни «треша негативного».

Литература

1. Уолцер М. Компания критиков: социальная критика и политические пристрастия XX века. Пер. с англ. М.: Идея – Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
2. Fernback J., Thompson B. Virtual Communities: Abort, Retry, Failure? http://www.well.com/~hlr/texts/VCcivil.html
3. McKenzie Pamela J. Interpretative repertoires. In Karen E. Fisher, Sanda Erdelez, and Lynne (E.F.) McKechnie, Eds. Theories of information behavior: A researcher's guide. Medford, NJ: Information Today. 2005.
4. Potter J. Discourse analysis and constructionist approaches: theoretical background //Richardson J.T.E. (Ed.)// Handbook of Qualitative Research Methods for Psychology and the Social Sciences/ London: The British Psychological Society, 1996. P. 125–140.
5. Reynolds J., Wetherell M. The Discursive Climate of Singleness: The Consequences for Women's Negotiation of a Single Identity, Feminism Psychology 2003; 13; 489. http://fap.sagepub.com/cgi/content/abstract/13/4/489.

Елена Огорелышева
(БГУ, Минск)

ФОТОДНЕВНИКОВЫЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ МУЖСКОЙ МОДЫ

The modern world can be called a vision world or world of images. By looking at the ways of seeing in detail cultural and historical contexts social researchers can discuss the visual both as a technique of representation and a mode of knowing. Methods of visual anthropology cover almost any manner of visual expression. Social introduction derives from visual methods – photography and films. Photodiary research is an interpretation of respondents' visual representations. The fashion sphere consists of visual images. So, it will be interesting to research a person's notions about the fashion world using the method of visual presentation (photodiary). The sphere of men's fashion has become more popular now, so there is a different conception about this subject. That is why this research deals with men's fashion.

Современный мир с уверенностью можно назвать миром визуальным. Со всех сторон человека окружают яркие зрительные образы. Телевидение, реклама, Интернет проникли во все сферы человеческой жизни. Визуальная форма вытесняет повествовательную.

В связи с тем, что визуальные образы стали частью социальной реальности, повысился интерес к данному феномену у социальных исследователей. В результате во второй половине XX века возникли такие дисциплины, как визуальная антропология, визуальная социология, визуальная семиотика и др. Основным отличием от классических дисциплин является примат использования визуальных образов (видео, фото) в качестве объекта или подспорья к исследованию.

Существенным является одно из свойств визуальных образов – высокая достоверность. Благодаря развитию техники и цифровых технологий копия объекта практически не отличается от оригинала. Кроме того, высочайший уровень обработки изображений, при кажущейся реальности и достоверности, не приближают человека к действительности, а, наоборот, отдаляют от нее.

Копии образов не отражают действительность, но создают свои миры. В результате возникает симулякр – копия копии, лишенная подобия. В итоге, наравне с визуализацией, можно говорить и о виртуализации реальности. Современная реальность – это средоточие визуальных и виртуальных миров. «Мир моды», «Мир медиа», «Мир рекламы» порой становятся для массового потребителя первостепенным и более важным, чем сами товары, факты, люди.

В данной работе хочу подробнее остановиться на мире моды. Мир моды (индустрия моды) – совокупность видов творческой, экономической и управленческой деятельности, объединенных в процесс, имеющих целью дизайн, производство, маркетинг и продажу модного продукта, с постоянным перемещением условных границ между этапами этого процесса.

Как любая другая виртуальная реальность, мир моды обладает чертами принудительной убедительности, доходчивости, коммуникативности. В систему моды принято включать модные стандарты, модные объекты и модные значения. Эти стандарты, объекты и значения транслируются обществу с целью стимулирования потребительской активности населения (покупка новых товаров и услуг). Когда же эти товары и услуги приобретаются и используются, можно говорить о собственно стадии потребления моды. Через потребление современный человек конструирует свою идентичность с целью презентации себя обществу под определенным ракурсом. Таким образом, мода может пониматься как форма общественного потребления, при помощи которой люди сообщают друг другу информацию о том образе, который хотят создать в глазах окружающих.

При этом в исследовании особое внимание уделяется мужской моде. Это связано с тем, что эта сфера только начинает набирать популярность, находится в процессе становления и формирования. Область моды традиционно считалась областью

женских интересов, но с повышением влияния СМИ на потребительское поведение мужчин она все более начинает привлекать мужчин. Соответственно, если мода в целом считается структурой неустойчивой, то мужскую моду можно назвать вдвойне неустойчивой структурой. Рассмотрение особенностей восприятия, представлений об этой формирующейся сфере у разных групп людей, а также выявление особенностей потребительского поведения этих людей может многое сказать об эффективности рекламы, PR и других маркетинговых инструментов в этой сфере. В этом и состоит актуальность данной работы.

Для разработки методологии фотодневникового исследования использовался материал работ Е. Ярской-Смирновой (опыт прочтения фотоальбомов), Т. Власовой (содержание семейных фотоальбомов), Д. Попова (анализ образов российской интеллигенции в СМИ).

Во внимание принимались также материалы, посвященные обоснованию и конкретизации понятия моды в современных науках таких авторов, как Килошенко М., Бодрийяр Ж., Ильин В., Уайт Н., Веблен Т., Зиммель Г. и др.

Для рассмотрения сущности и особенностей анализа и значения фотографии в современном мире я опиралась на работы Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Т. Ван-Леевена. Кроме того, чтобы разобраться в особенностях презентации мужского и женского образов в современном мире, был проанализирован ряд отечественных гендерных исследований О. Муслимовой, И. Кона, И. Грошева, С. Кирюхиной.

Для исследования были отобраны 8 респондентов (22–25 лет), 4 девушки и 4 парня соответственно. Респонденты выбирались в зависимости от степени причастности к моде. Их можно разделить на 4 категории: творцы моды (модельеры); игнорирующие моду – приверженцы собственного стиля; новаторы моды – следуют за тенденциями, всегда в курсе, умело ориентирующиеся среди модных новинок; жертвы моды – интересующиеся модой, слепо ловящие все модные новинки, но при этом демонстрирующие полное отсутствие собственного стиля. Для исследования отбирались представители молодежи, так как именно эта группа населения обладает высокой мобильностью и активнее всего реагирует на процессы, происходящие в обществе.

Процедура исследования состояла из двух частей.

В первой части респонденты в течение недели должны были фотографировать все, что связано с мужской модой. Главным критерием к отбору фотографий выступало личное мнение респондента. Далее следовала стадия рефлексии: респонденты называли уже готовые фотографии и объясняли, почему, по их мнению, эти снимки презентируют мужскую моду.

Во второй части с участниками проводилось полуструктурированное интервью, целью которого было выявление особенностей их потребительского поведения.

Анализ фотодневников информантов показал, что модными считаются не только тиражируемые СМИ образы. Это нечто близкое и привычное. Предметы, люди, привычки, которые составляют часть личной повседневности и глубоко укоренены в сознании. Видение моды было личностным у каждого из участников исследования. Типичные трудовые будни (стройка), традиционная мужская работа (работа на огороде), извечные, так раздражающие женщин, мужские привычки (мятые носки, изгаженные подворотнички), хрестоматийная любовь к алкоголю (упаковки с пивом), женщинам (блондинки, мини-юбки) и машинам – это не привычная и унылая повседневность. Это мода. Модные объекты на фоне типичной реальности.

Другая группа информантов увидела моду как отражение модных образов из СМИ. Такое видение могло быть осознанным, когда информант заранее ставил перед собой такую цель. В таком случае информант предстает в роли эксперта, который стремится освободиться от своего взгляда и отразить моду максимально объективно (информант № 7). Неосознанное отражение модных образов из СМИ возникает в условиях, когда на мировоззрение информанта сильно влияют медиа. В последнем случае снимки информанта сделаны на основе субъективных предпочтений, хотя представляют собой набор цитат из СМИ. Он типичный адепт СМИ (информант № 7). Однако и для таких людей мода – это отражение личного выбора. Выбора транслировать образы СМИ.

В контексте отмеченных предпочтений сформировалось два принципиально разных способа ведения фотодневника.

Ситуация, когда информанты искали моду вокруг себя, разделяя окружающую реальность на «модное» и «не модное». Реальность дифференцировалась на основе субъективных

предпочтений (нравится–не нравится) или на основе общепринятых правил («*так принято», «принято в обществе», «сейчас модно»).* Такой подход к ведению фотодневника приводил информантов к переосмыслению окружающей их обстановки, к рефлексии над окружающей действительностью. По заявлениям участников исследования и наблюдениям автора, процесс рефлексии весьма сложен. Рефлексия происходила либо перед фотосъемкой (тогда процесс поиска идей для фотосъемки затягивался, но анализ сделанных фото проходил быстро), либо после нее, во время анализа фотографий (в этом случае затягивался сам анализ, а фотографии для него отбирались интуитивно). Интуитивность выбора фотографий в последнем случае подчеркивают следующие фразы информантов во время интервью: *«Даже не знаю, почему выбрал это фото»; «Просто нравится»* и т.п.

Информантами фотографировались (или рисовались) отражения типичных цитируемых модных образов из СМИ. На стадии аналитики «эксперт» открыто заявляет о своем копировании модных образов, тогда как «адепт СМИ» не может четко понять, почему те или иные образы попали в его фотодневник *(«Ну не знаю»; «Потому что нравится»).*

Мода определяется информантами как общественная норма, форма подчинения, идущая извне. *«Мода – это вообще, это то, что когда появляется какая-то новая вещь, и все начинают одеваться по шаблону».* Как индивидуальное проявление личности мода неотделима от понятия «стиль». *«Мода – это стиль одежды».*

В некоторых случаях фотодневник брал на себя часть свойств типичного дневника. Это выражалось в поведении информантов в процессе исследования: трепетное отношение к своим фотографиям; чаще всего яркие комментарии, связанные с личным миром информанта, индивидуальными эмоциями и чувствами. Возникало ощущение, что имеет место не просто разговор на абстрактные темы, но проникновение в личное пространство информанта. Некоторых информантов автор знает много лет, но только в процессе анализа снимков и интервью открылись ранее невидимые стороны этих людей. Возможно, поэтому все информанты категорически отвергли использование диктофона и предпочитали, чтобы беседа проходила тет-а-тет. Даже транс-

крибирование интервью вызывало некоторый дискомфорт *(«Ты же потом переделаешь, что я сказала?»; «Не пиши это!»)* Наибольший уровень контактности и информативности удалось достичь при телефонном интервью, вероятно, ввиду того, что информанты не видели процесса стенографирования интервью и самого исследователя.

Относительно того, есть ли различия между мужской и женской модой, мнения разделились. Так называемая либерально настроенная часть выборки (информант № 4) утверждает, что различий нет или же они только технического плана. «*В принципе, ничем не отличаются. Может, только разворотом ширинки*».

Все остальные информанты – «умеренно-консервативные», отметили, что отличия между мужской и женской модой кроются в различиях между мужчинами и женщинами. «*Менталитеты разные, образы мыслей*». Женщине пристало следить за модой, а мужчине эту самую моду игнорировать. «*Мужчины особо не следят за модой. Им все равно, что одевать, не так следят, как девчонки*». Данная точка зрения получила свое отражение в различных исследованиях феминистского направления. Исследовательницы утверждают, что мода во все времена своего существования была уделом женщин. Пока мужчины занимались серьезными делами (политика, экономика), энергия женщин была направлена на свою внешность с целью привлечь к себе наиболее перспективного жениха. Эта всего лишь одна из гипотез о моде, но мнение о том, что мода – исключительно женская сфера, прочно укоренена в общественном сознании. Эту особенность отметили практически все информанты. *«Но есть, конечно, мужская мода, как женская. Когда парень очень за модой следит»*. Кроме того, чрезмерный интерес парня к моде вызывает резкое осуждение у общества, даже ставится под сомнение его «мужская природа». *«Если начинает слишком выделяться (желтые ботинки), то это гей»*.

Поэтому мужчины демонстрируют скрытое следование за модой, т.е. когда человек утверждает, что за модой не следит, не интересуется модными тенденциями, но, тем не менее, одевается по моде. Чтобы не быть уличенным в «женоподобии», в ход идут разного рода «объективные оправдания». «*Не интересуюсь мужской модой. Что модно, а что не модно замечаю, если*

вижу много раз, могу более предполагать». *«Кино смотрю, но и на улице люди ходят. Наверное, смотрю, слежу»*. Со стороны такое «скрытое» следование моде вызывает недоумение и удивление. *«Если честно, человек специально одевается под моду, не интересуясь, что носят, что говорят люди. Есть какое-то чувство, может купить то, что носят»*.

Сами информанты отмечают достаточно либеральную позицию в этом вопросе. «*Но я считаю, что нормально, что парень хочет одеться, следит за собой, выделиться из толпы»*. Даже несогласие с общественными нормами: *«Я считаю, полное неравноправие – девочки могут носить штаны, и то, и то – более свободны, а мальчики не могут»*. Таким образом, есть все основания предполагать, что осуждение мужского интереса к моде – это отмирающая норма, постепенно теряющая свою императивность.

Нельзя обойти вниманием особенности мужских и женских дневников. В женских фотодневниках фигурируют целые галереи мужских образов (одежда, характер, поведение), причем мужчины подготовлены к фотосъемке (определенная поза, смотрят в кадр). В мужских фотодневниках мужчин на снимках фигурирует гораздо меньше, эти фотографии носят документальный характер: мужчина занят своим делом. Не отвлекается на фотосъемку. Зато на мужских сериях снимков фигурируют женщины, а точнее, любовь, влечение к женскому полу. Причем неявно предполагается утилитарное значение женщины (блондинка – как модный объект, женские ноги, презервативы, изображение обнаженной женщины).

Фотодневник о мужской моде, как выяснилось, невозможно себе представить без отражения мужских стереотипов, «мужского» образа поведения. Таким образом, «мужчина за работой», «мужская машина», «мужская любовь к спиртному» – популярные темы в фотодневниках. Со слов респондентов, для мужчины характерны верность своим намерениям *(«Он увидел, что нужно убрать – взял, пошел, сделал»*) и самодостаточность *(«В моде – уметь самому себя накормить»)*. Таким образом, составной частью мужской моды является традиционно мужские практики поведения. Мужской предмет воспринимается изначально как мужской, а уже потом заостряется внимание на особенностях предмета.

Анализ потребительского поведения позволил выявить особенности потребления в зависимости от категорий выборки. «Традиционалисты» покупают одежду в магазинах, торговых центрах или на рынках. «Следящие за модой» – за границей или в фирменных магазинах, «творцы стиля» не прочь купить интересную вещь в «Second Hand».

Хорошо известен факт, что мода может существовать только в свободной среде, при условии права выбора. Таким образом, для существования моды необходима антимода, оппозиция, выбор. На основе баланса между этими двумя понятиями человек способен реализовывать модное поведение (выбор в пользу «модного»). На поведенческом уровне информанты подтвердили это утверждение: на основе свободного выбора из реальности выбирались модные объекты, противопоставляясь другой, не модной части реальности. На когнитивном уровне (уровне знаний) ситуация противоположна: фотографировалась униформа, психологические мужские особенности (данные элементы не являются модой, не предполагают выбора, существуют как данность).

Таким образом, совмещение двух качественных методик позволило не только увидеть различия в восприятии моды у разных групп людей, особенности потребительского поведения, но и приблизиться к пониманию личностного переживания моды, а также выйти на гендерные различия в мире моды.

Хотя данное исследование является пилотным, уже на этом этапе оказалось возможным получить полезную информацию. Фотодневник позволил выявить наиболее успешные образы, транслируемые СМИ (образ модного парня воспринимают с модой больше девушки), субъективные представления о моде (мода как отражение повседневности), а также общезначимые образы, что-то вроде архетипов коллективного бессознательного по Юнгу (мужская любовь к работе, машины как преимущественно мужской объект и т.п.).

Данный подход может найти свое применение как в социологических исследованиях (исследования определенной группы людей), так и в маркетинге. Например, исследования присутствия определенного продукта в ментальном пространстве разных частей целевой аудитории.

Литература

1. Барт Р. Фотографическое сообщение / Система моды. Статьи по семиотике культуры / Р. Барт. М., 2004.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей: пер с фр. / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Рудомино , 2001.
3. Килошенко М.И. Психология моды: Учебное пособие для вузов / М.И. Килошенко. 2-е изд., испр. М.: Издательство Оникс, 2006.
4. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. «Делать знакомое неизвестным...» Социологический Журнал. № 1–2 1998. С. 54–63.
5. Страусс А. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
6. Усманова А. «Визуальный поворот» и «гендерная история» // Гендерные истории Восточной Европы / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой, А. Пето. Минск, 2002.
7. Штомпка П. Введение в визуальную социологию / П. Штомпка // INTER. 2007. № 4.
8. Ярская-Смирнова Е. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: Сб. науч. ст. / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, В. Круткина. Саратов, 2006.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ

Natalia Banschikova
(EHU, Vilnius)

POLITICALLY CORRECT LANGUAGE USAGE AS PROMOTING SOCIAL CHANGE

The author explores the phenomenon of political correctness, primarily reckoning its linguistic manifestations. The author argues that politically correct language usage is not a mere attempt to sound polite and inclusive but has a potential to engender social change and to redefine power relations. As far as language and social world are interdependent discourse can operate as a fulcrum of social change. The conception of historical and cultural variety of the above processes stipulates a necessity to take into account historical and cultural background of changes. The author cites examples of main areas of politically correct language usage in the English-speaking environment depicting its social conditionality.

To be politically correct (PC) is currently used to mean not endorsing prejudicial political positions as well as “softening the edges of language”, especially regarding negatively differentiating and allegedly sexist implications. To sound politically correct means to sound “inclusive”. It refers to the use of language that would not cause an individual of any demographic, social or cultural group to feel excluded, offended, or diminished. In this paper I intend to prove that the political correctness movement is predominately an intellectual effort to use language to allow and encourage social progress and that a linguistic turn of the kind promotes social change.

Political correctness is a term which denotes “language, ideas, policies, and behaviour seen as seeking to minimize social and insti-

tutional offense in occupational, gender, racial, cultural, sexual orientation, handicap, and age-related contexts". [4] Some authors, like Glenn C. Loury, treat "the PC phenomenon as an implicit social convention of restraint on public expression, operating within a given community." [3] Both approaches lack depth and are limited by the concept of politeness. Michel Foucault makes clear that matters of discourse cannot be separated from issues of power. Being a social agent, language attributes dominance over the oppressed. As soon as perspectives are developed and integrated into society, the social arrangements of the society are altered. Discourse can thus operate as a means of social change. [1]

Under the changing conditions in the modern world, language has to be modified to assert recognition as far as it doesn't only convey the message, but shapes the speaker's thoughts and actions. "Language represents thought, and may even control thought" according to the Sapir–Whorf hypothesis, which maintains "cultural change via linguistic change". [5] Other cognitive psychology and linguistics works indicate that word choice has significant "framing effects" on the perceptions, memories, and attitudes of speakers and listeners [5], as a result language is perceived as a system of social interdependence.

Understanding of the world is a product not of the world as it is, but of textual history. Our language conventions are dependent on social processes. To be more precise, our language about the world operates as a mirror of the latter, and discourse about the world is largely based on social processes which in turn are mounted in terms of linguistic rules and options.

Cognitive processes do not operate similarly across time and culture. For Foucault, our thinking arises out of and is an attempt to respond to our historical situation. [1] Historical circumstances are to be taken into account when considering the interdependence of linguistic turn and social change.

The PC movement is spread world-wide, but cross-cultural communicative problems underlie the fact that each society has its specific social transformation mode depending on historical, cultural, and economic development peculiarities. For instance, the impact of PC on American English is unquestionably strong. In the United Kingdom PC is often taken too far so that a catchphrase "political correctness gone mad" has become widely used. The Belarusian so-

ciety hasn't undergone similar social transformations, obviously having a different historical and cultural background from that of the USA and the UK.

The concept "political correctness" and the corresponding movement evolved in the 1970s in the USA at the time of increasing political awareness and economic liberty of women. The role of women in the society profoundly altered with growing feminism and with a significant number of women as heads of state and government in a number of countries across the world during the 1970s, many being the first women to hold such positions. Nevertheless, PC is assumed to have a long history embracing centuries of inequality and oppression.

The first type of language which is exclusionary encompasses titles and reflects century-long division of labour between sexes and male domination so far as present-day professional segregation. Due to the former it used to be natural to include "man" in the name of the male-dominated professions. Today such usage implying that there are separate occupational roles for men and for women is politically incorrect. One says "congressperson" instead of "congressman", "chair" or "chairperson" instead of "chairman", "spokesfolks" instead of "spokesmen", "police officer" instead of "policeman". Traditionally female professions are renamed too (e.g. a "flight attendant" instead of a "stewardess").

Using the word "man", in isolation or as a suffix, to refer to all of humanity, or using the pronoun "he" where any person, male, female or androgynous, may be referred to, is to engage in "sexist language", i.e. language that embodies, affirms, or reinforces discrimination or the patriarchal subordination of women to men. The general references of "man" and "he" are simply inaccurate and unnecessarily exclusionary. They imply that masculinity is a superior gender trait experienced inversely as the default. To institute "gender neutral" language is absolutely fundamental to the social and political project of feminism since in some cases the very connotations are humiliating. For example, a middle-aged unmarried male is given the neutral term "bachelor", but the older unmarried woman is given the derogatory term "spinster".

One more important PC area covers race and ethnicity related terms where race is not a biological concept but a social construct. Ethnicity is a contested term used to refer to cultural identity that

defines the members of a group. Cultural affiliations can be based around a sense of shared history, religion, language or political identity. It has been introduced by writers as an alternative to the "race" concept, with "ethnicity" used to highlight the cultural, as opposed to biological, basis of group membership. PC movement in this context deals with ethnic minority people and historically oppressed people. One of the examples is as follows: "Spic" as a shortening of "Hispanic" is insulting while the latter is politically correct. Far too complex is the case with people whose skin is not white and, especially, is black, which reflects a long, savage history of oppression. The offending "nigger", "boy", "black Sambo", "blackie", "coloured" were changed to "Negro", then "Black" and, later, "African American". Today it is politically correct to say "African American" only when talking about Americans who have immigrated from or hold dual-citizenship in an African country. Otherwise the person is simply an American. In the case of a person's citizenship uncertainty, "Black" and "White" are acceptable terms.

By the same token, each cultural group has equal protection from offensive generalisations and slurs, not just a certain ethnic group or gender. It's recommended to avoid the use of religious terms when speaking to a group that may include people who belong to different religions (for instance, saying "God Bless" at a local event). The exception here is in the context of describing either academically or referentially specific characteristics of such a group.

Many common expressions have roots in a less inclusive social climate, to avoid offense and misunderstanding it is better to completely eliminate them (for instance, to ask a girl "Do you have a boyfriend?" would be politically incorrect as it makes her exclusively heterosexual. Instead ask, "Are you seeing/dating anyone?"). Sexual orientation is a concept that evolved in the industrialised West and there is a controversy as to the universality of its application in other societies or cultures. As the philosopher Michel Foucault wrote, "sexuality is an invention of the modern state, the industrial revolution, and capitalism." [2] Sexual orientation is usually classified relative to the gender of the people who are found sexually attractive. Thereby, sexual orientation is usually discussed in terms of three categories: heterosexual, homosexual, and bisexual; and asexual is increasingly recognized as a fourth. Many sexologists conceive the much more nuanced nature of sexual orientation and sexual identity.

Due to compulsory heterosexuality in our society people with different sexual identity are perceived as minority groups and undergo discrimination. Words like "gay" are by all means offensive and insulting; if one needs to refer to sexual minority groups, politically correct terms like "homosexual", "lesbian", "bisexual" are to be used.

It is extremely significant to avoid expressions that are derogatory with regard to physical or mental abilities, such as "handicapped" or "retarded". Chronic illness, impairment and disability have a biological aspect, but experiences of chronic illness, impairment and disability are also socially constructed. Disability is thereby defined as "disadvantage or restriction of activity caused by contemporary social organisation which takes little or no account of people with impairments and thus excludes them from participation in the mainstream of social activities". [6] People are disabled by society not by their bodies; people have disabilities, but they are not defined by them. It is politically correct to use person first language, such as "person with a disability" or "person with Down's Syndrome" and to address the person who has mental, physical, or other challenges in the same terms as anyone who is able-bodied would be addressed. The insulting term "invalid" was replaced by a more neutral, but still offensive, "handicapped". However, positive is better than neutral. Therefore, the terms "physically (or mentally) challenged" and "differently abled" have become widespread.

Attitudes towards old age not only differ between societies, but they also differ within societies over time. This proves that images of the elderly are also socially constructed. Nowadays to be reminded that one is "old" or even "aged" is uncomfortable for the reason of devaluation experienced by older people in modern societies. Possible euphemisms are "senior citizens", "the third age", "the golden age" while "respected citizens" is considered to be a misnomer.

The terms "politically correct'" and "political correctness", in the sense defined and explained above, entered the language via the U.S. feminist and other left-wing movements of the 1970s, while the previous meaning was "in line with prevailing political thought or policy". In those days, the law was discriminatory towards women, slaves, children, non-citizens etc. Later egalitarianism was reinforced but the social practices of centuries cannot be legislated away straight off. The PC movement is widely dispersed and obviously includes many more elements than the above-discussed. However,

the ones concerning gender, racial, cultural, disabled, aged or other identity groups are probably the most insidious and misunderstood. The PC movement has the potential to engender constructive social changes as far as language constitutes reality. Having the focus on the linguistic and social construction of reality, on interpretation and negotiation of the lived world, the language of political correctness can be consequently seen as an attempt of profound social reform and redefinition of power relations.

Literature

1. Foucault, Michel. Discipline and Punish. New York: Random House (Vintage), 1979.
2. Foucault, Michel. The History of Sexuality. Vol. 1. Trans. Robert Hurley. New York: Random House (Vintage), 1980.
3. Loury, C. Glenn. Self-Censorship in Public Discourse: a Theory of "Political Correctness" and Related Phenomena. [online] [cited 22.04.2010] Available from Internet: http://www.econ.brown.edu/fac/glenn_loury/louryhomepage/teaching/Ec%20137/Ec%20137%20new%20material/material_2004/Ratsocty.pdf.
4. Perry, Ruth. A short history of the term 'politically correct' in Beyond PC: Toward a Politics of Understanding , by Patricia, 1997.
5. The concise Oxford dictionary of linguistics. Oxford: Oxford University Press, 1992.
6. Union of the Physically Impaired Against Segregation, 1976. Fundamental Principles of Disability. London: UPAS: 14.
7. Spivak, Gayatri. Can the Subaltern Speak? The Spivak Reader, 1995.

Евгения Мазаник
(ЕГУ, Вильнюс)

СТРИПТИЗ КАК СТРАТЕГИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ НОРМАТИВНОЙ ЖЕНСКОЙ ТЕЛЕСНОСТИ (CASE-STUDY – БЕЛАРУСЬ)

The main purpose of this work is to explore the experience of Belarusian women who learn to dance striptease not for making it their profession; to reveal the reasons why they choose exactly striptease, and not some other kinds of physical training or dancing; to point out the connection between striptease and practices of construction female normative body. The work consists of two parts. In the first part the normative female body and practices of its construction in contemporary Belarusian society are analyzed. The second part is practical and aims to describing the local context of the issue. It includes the analysis of the interview with women from striptease schools. The author pays attention to the works of Jean Baudrillard and Jacques Lacan (where striptease is concerned), and analyzes interviews through the prism of these conceptions.

Женская телесность всегда являлась предметом регулирования со стороны общества. В качестве подтверждения этого можно вспомнить, например, бинтование ног у женщин с целью искусственного уменьшения их размера в Китае, клитороэктомию, а также запрет на аборты (сначала со стороны церкви, позже – со стороны государства при помощи введения официальных законодательных запретов).

Вышеописанные практики воспринимались обществом как норма, а нормы социально сконструированны. Социум по-

средством социальных агентов (семья, школа, ровесники и т.п.) формирует идеальный образ своих членов через определение границ допустимых норм в различных сферах человеческой жизни. Несоответствие требуемым стандартам преследуется различными способами – начиная общественным осуждением и заканчивая уголовным преследованием на основании законодательства, регулирующего эти сферы. Как результат, любая практика, которая является новой, необычной или предосудительной, воспринимается скептически и требует обоснования и ответов на вопросы, почему эта практика существует, кому она выгодна и какие результаты может повлечь. Поиск соответствующих ответов необходим для того, чтобы найти оптимальные способы решения той или иной социальной проблемы.

Издавна мужчины и женщины, начиная общаться, в первую очередь определяли пол друг друга. Исходя из выводов о половой принадлежности человека, которого они видели перед собой, они и выбирали соответствующие модели поведения в отношениях. Соответственно, и мужчины, и женщины изначально были заинтересованы в том, чтобы другая сторона, вступающая в коммуникацию, тоже прилагала усилия к тому, чтобы окружающим было понятно, к какому полу она принадлежит. Подобные практики как нельзя лучше описываются Кэндес Уэст и Дон Зиммерман в тексте «Создание гендера»: «Создание гендера (doing gender) включает в себя комплекс социально контролируемых действий (по восприятию, микрополитике и взаимодействию), целью которых является выражение мужской и женской «природы». При этом они отмечают, что создание гендера касается скорее не столько создания определенного внешнего образа (то есть «создания гендерного дисплея»), сколько следования определенным паттернам поведения, присущим мужчинам или женщинам [4, 195]. «Мальчики усваивают гендерный идеал «эффективности», то есть оказываются способными воздействовать на физическое и социальное окружение, демонстрируя физическую силу или соответствующие навыки. И, наоборот, девочки научаются ценить «внешний облик», то есть *управлять собой как служащим для украшения объектом*. Оба класса детей узнают, что признание и использование категоризации по признаку пола во взаимодействии не зависят от их выбора, а являются принудительными» [4, 212].

Разделение паттернов поведения на женские или мужские конструируются агентами социализации, важнейшим из которых считается семья [3, 83]. Для семейных отношений характерно наличие зависимостей, которые выражаются в подчинении одних членов семьи другим. Так, «обладая властью, родители могут (в разной степени) навязывать детям нормы поведения» [3, 85]. Насаждаемые нормы проникают в различные сферы жизни ребенка: они касаются поведения относительно других членов семьи и общества в целом (и, как правило, зависят от половой принадлежности самого ребенка, а также того, с кем ему приходится общаться). В итоге нормативное поведение, привитое ребенку с детства, оказывает огромное влияние на всю его дальнейшую жизнь.

Как результат, из-за отсутствия возможности соперничать с представителями мужского пола, девочки вынуждены искать другие способы сконструировать свое Я. Это усугубляется тем, что девочкам с детства внушается, что самое главное для них в жизни – это выйти замуж, то есть, по сути, девочке говорят, что без мужчины в ее жизни она ущербна. Даже в детских сказках принцесса обязательно выходит замуж за принца и они «живут долго и счастливо». Других вариантов развития событий даже не предполагается, а, следовательно, якобы и не существует. Стоит отметить, что сказочные принцессы при этом всегда очень красивы, что делает их объектом для подражания со стороны маленьких девочек, а перспектива долгой и счастливой жизни в подобных повествованиях приучает девочку к мысли, что счастье напрямую зависит от ее внешности. «Самая насущная потребность женщины – это покорить мужское сердце... Будь она принцессой или пастушкой, ей всегда нужно быть красивой, иначе не завоюешь любовь и счастье» [1, 333]. «Ее (женщину – *прим. авт.*) учат, что для того, чтобы нравится, нужно прикладывать усилия, нужно превратиться в предмет» [1, 322] – в предмет, который соответствует представлениям социума о нормах. В первую очередь общество предъявляет требования к нормативной телесности, т.е. к тому, что допустимо, а что – нет в контексте внешнего вида женщины.

Таким образом, мы приходим к выводу, что о каких бы способах конструирования женщинами своего Я ни шла речь, мы всегда говорим о практиках телесности. Именно из-за практиче-

ской невозможности выражать себя иными способами (например, в научной сфере) женщина всегда выражала себя через тело.

Стриптиз как танец возник не сразу. Ему предшествовали иные практики, включающие в себя обнажение женского тела (балет, канкан, музеи тела, открытки с изображением женских ног и т.п.). То, что в итоге стало считаться стриптизом, впервые имело место в Париже 9 февраля 1893 года, и впоследствии трансформировалось. На постсоветском пространстве стриптиз появился позже, чем в США или во Франции и, как результат, отношение к нему со стороны общественности оказалось более строгим и критичным, чем в вышеуказанных странах. Это обусловливается пуританской моралью, которая являлась частью идеологии коммунистического общества.

С течением времени стриптиз стал популярен и у женщин, которые учатся танцевать его не для того, чтобы потом этим профессионально зарабатывать на жизнь. Для некоторых людей женщина, умеющая танцевать стриптиз, стала чем-то сродни богине: она в большинстве случаев очень красива, обладает потрясающей физической подготовкой, дающей ей возможность вытворять «чудеса» на шесте. Как результат, некоторые стали пытаться сочетать возможность «превратиться в богиню» со столь популярной на данный момент силовой тренировкой. Отношение к этим женщинам встречается разное: от восторженных оценок по поводу их женственности, сексуальности и смелости танцевать столь необычный танец до открытого осуждения на основании того, что данный танец включает в себя обнажение женского тела, что недопустимо с точки зрения классического представления о женской нормативной телесности.

Стоит учесть тот факт, что белорусский локальный контекст обладает собственными уникальными характеристиками, которые формируют особенности белорусского стриптиза. В результате этого было определен сам термин *стриптиз* в белорусском контексте: танец, имитирующий полный стриптиз, но необязательно доходящий до своего логического завершения в виде полного обнажения.

В рамках проведения исследования были опрошено 5 девушек-учениц одной из стрип-школ г. Минска и их тренер, а также проанализированы интервью с профессиональными стриптизершами. Возраст девушек-респонденток варьируется от 20 до

32 лет, хотя, нужно отметить, что в клубе есть женщины и более старшего возраста (самой старшей из них 56 лет).

В ходе анализа интервью мы пришли к выводу, что профессиональный стриптиз влияет на стриптиз любительский, несмотря на то, что они преследуют разные цели. Белорусские фитнес-клубы продвигают идею стриптиза как практику, связанную не только с достижением желаемой физической формы, но и с самосовершенствованием, самопознанием (по аналогии с йогой). В результате профессиональные танцовщицы артикулируют танцовщицам-любительницам требования публики к женской нормативной телесности и пониманию этой публикой женственности, несмотря на то, что изначально любительский стриптиз не всегда нацелен на демонстрацию его публике: в контексте обучения данному танцу в фитнес-клубах он расценивается как практика раскрепощения, направленная на работу с собой, а не с публикой.

Ученицы стриптиз-школ в интервью утверждают, что выбор ими стриптиза (а не, например, тренажерного зала) обусловлен тем, что эта практика очень женственна и не только формирует тело в соответствии с их представлениями об идеальной фигуре, но и влияет на их повседневное поведение, которое становится более женственным и раскрепощенным. Но, по сути, девушки противоречат сами себе. В своей речи они постоянно апеллируют к таким терминам, как сексуальность и женственность, говорят о фигуре и своих «лишних килограммах», но представления о том, что можно считать лишним весом, а что – нет, являются также социально сконструированными.

Теория Жака Лакана о Другом объясняет происхождение, а также необходимость понимания роли Другого в повседневной жизни, так как его наличие есть часть процесса конструирования практик нормативности. Стриптиз невозможен вне взгляда Другого. Другой появляется на «стадии зеркала», когда ребенок начинает впервые осознавать, что он в этом мире не один, он окружен другими людьми, и эти люди смотрят на него и как-то по-своему воспринимают. Этот опыт становится доступен малышу именно в тот момент, когда он осознает, что субъект, которого он видит в зеркале, – это он сам. Именно через взгляд Другого стриптизерша воспроизводит представления социума о нормативной женской телесности и сексуальности, так как не-

нормативное привлекает исключительно отдельные немногочисленные категории зрителей. А так как в стриптизе тело является «продаваемым» продуктом, то стриптизерше выгоднее соответствовать требованиям, которые общество предъявляет нормативной телесности, чем наоборот.

Таким образом, мы приходим к выводу, что девушки видят себя как личность и свою внешность сквозь призму взгляда Другого. Желание почувствовать себя более женственной социально сконструировано: нормативная женственность подразумевает отсутствие в женщине мужских атрибутов поведения. Стриптиз, с точки зрения респонденток, является способом достижения определенного статуса женственности, несмотря на то, что определение женственности в данной ситуации исходит не от них самих, а от общества.

«Избавление от комплексов» также выступает частью процесса раскрепощения, с точки зрения респонденток. Но комплексы также являются конструктом: они появляются по причине того, что окружающие своим поведением или какими-то действиями дают девушке понять, что она не соответствует социально установленным нормам. Как результат, появление чувства вины за собственную «неполноценность» в глазах Других и желание избавиться от этого гнетущего ощущения.

С одной стороны, девушки говорят о том, что они получают удовольствие от танца, но в то же время они постоянно говорят о соблазнении. Это возвращает нас к обсуждавшейся выше идее о том, что девочка с детства обязана нравиться окружающим. На это направлены многие практики, конструирующие ее идентичность – уход за внешностью, умение одеваться и т.п. Соблазнение есть прямой итог желания понравиться. Изначально соблазнение связано с желанием привязать к себе мужчину с целью получения от него каких-то благ (вне зависимости от того, выражена ли ценность этих благ в материальной форме или какой-то иной). Таким образом, если перефразировать сборный ответ респонденток на данный вопрос, то получается, что они хотят получать удовольствие от процесса соблазнения. То есть не от себя самих, соответствующих только своим личным представлениям о нормативной телесности (если такое вообще возможно), а от того, что Другой подтвердит наличие этого соответствия, если будет соблазнен.

Интересным нам показался тот факт, что все девушки, которые занимаются в стрип-школе, регулярно ходят в солярий. При этом девушку, которая только недавно пришла заниматься в студию, можно определить с первого взгляда – она еще не приобрела устойчивый оттенок загара. По мнению Бодрийяра «... весь материал означающих эротического порядка взят из атрибутов рабства (цепи, ошейники, хлысты и т.п.) и дикости (чернокожесть, загар, нагота, татуировки), из всевозможных знаков угнетенных классов или рас» [2, 199]. Навязчивое желание приобрести ровный оттенок загара только подтверждает предположение о том, что девушки пытаются сделать свое тело сексуально-привлекательным для Другого, для зрителя, который видит их обнаженное тело. При этом ассоциация с рабством, с одной стороны, говорит о том, что девушки добровольно ставят себя в положение подчиненного взгляду Другого, а с другой – желание сделать свою кожу загорелой говорит об их желании превратиться в идеал, в тело-фаллос, которое независимо, так как ласкает само себя. «Всевозможные колготки, эластичные пояса, чулки, перчатки, платья и прочие предметы, «прилегающие к телу», не говоря уже о загаре, реализуют один и тот же лейтмотив «второй кожи», которая репрезентирует идеал, к которому надо стремиться, дабы не быть непривлекательным с точки зрения социума [2, 201].

Респондентки делают акцент на своей повышенной сексуальности по сравнению с другими женщинами, а также большую привлекательность и для себя, и для окружающих людей. Апеллирование к сексуальности свидетельствует о том, что девушки пытаются вписаться в рамки представлений других людей о том, что является сексуально привлекательным, так как от этого, по их мнению, зависит их жизненный успех как женщин. О профессиональных качествах речи здесь не идет вообще, все сводится к определению уровня своей уникальности через социально сконструированную призму сексуальности. Так, во время тренировок тренер комментирует одежду девушек, утверждая, что она должна выглядеть сексуально. В итоге происходит процесс навязывания социальных стандартов женской телесности через авторитет инструктора. А упоминание других женщин говорит о том, что в очередной раз происходит конструирование собственной телесности через Другого, через оппозицию к нему.

Также стоит обратить внимание на тот факт, что тренеры делают акцент на важности образа, сценической роли, правильно подобранного костюма и макияжа. По Лакану, образ, то есть имаго, является идеальным представлением человека о себе. Но и здесь встречается прямое противоречие между тем, что девушки и профессиональные стриптизерши говорят, и тем, что они делают. То, что они называют образом, который они хотят воссоздать в своем выступлении, не является их личным представлением о красоте. Это – часть социально сконструированных представлений о нормативности. В итоге те, кто занимается любительским стриптизом, начинают привносить в свои занятия то, что является характеристикой стриптиза профессионального. Инструкторы нацеливают своих учениц на то, чтобы они полюбили свое тело таким, какое оно есть, а с другой – они требуют от них выглядеть сексуально. При этом очевидно, что то, что считается сексуальным, является социальным конструктом, и ученицы стриптиз-школ начинают принимать то, что им говорится инструкторами, как данность. Учитывая тот факт, что профессиональные стриптизерши, по сути, артикулируют девушкам требования, предъявляемые женскому телу патриархатным обществом, можно сказать, что обучение стриптизу в белорусском контексте является стратегией конструирования женской нормативной телесности в ее традиционном понимании. Девушки начинают изучать данный танец для того, чтобы избавиться от комплексов, привитых им обществом, а в итоге попадают в другую «ловушку» – необходимость еще больше соответствовать представлениям Другого о нормативной женственности и его требованиям к их телу.

Литература

1. Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц. Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. Пер. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2000.
3. Гидденс Э. Социология. Москва: Эдиториал УРСС, 2005.
4. Уэст К. и Зиммерман Д. Создание гендера. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2000. С. 193–219.

Анна Рыбчинская
(БГУ, Минск)

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА В ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛАХ: ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА

The article considers the role and importance of linguistic means (lexis, syntax) of the image-creation of men and women in lifestyle magazines. The comparative analysis of two most popular editions proves the theory about linguistic differences in the speech of men and women and demonstrates their typical features. Authors use specific language patterns to be clearly understood by their target audience. The article contains a number of examples taken from different magazine articles corroborating in practice the theory about linguistic differences in the speech of men and women.

Мужские и женские журналы об образе жизни (от англ. lifestyle magazine) с точки зрения гендера занимают особое место среди печатных средств массовой информации. В отличие от нейтральных газет и журналов, в них в полной мере сохраняются и воссоздаются гендерные стереотипы, поскольку основной императив женских и мужских журналов можно сформулировать как «будь женщиной» и «будь мужчиной», что означает «следуй типичным представлениям о феминности/маскулинности, которые существуют в обществе». Сильная гендерная ориентированность подобных изданий проявляется не только в выборе тем и визуальном оформлении, но и в том, какие языковые средства используются для раскрытия этих тем на лексическом, синтаксическом, стилистическом, индивидуально-авторском уровнях.

Они используются как для более яркого изображения мужчин и женщин – героев публикаций и основных их читателей, так и для создания текстов, способствующих успешному пониманию идеи материала (авторы говорят со своей аудиторией на одном языке – «мужском» или «женском»). Таким образом, можно говорить о возможности анализа мужских и женских журналов как образа жизни с точки зрения гендерной лингвистики.

Гендер нельзя назвать лингвистической категорией, однако языковые средства способны выражать социокультурный смысл, заложенный в этом понятии. А.В. Кирилина [2, 43] выделяет два основных направления исследований гендерной лингвистики:

1. Язык и отражение в нем пола: лексика, синтаксис, категория рода. Задача этого направления – объяснить то, как в языке описывается существование людей разного пола, какие оценки им приписываются и в каких семантических областях эти оценки наиболее распространены.

2. Речевое поведение мужчин и женщин: специфический выбор лексики, синтаксических конструкций, способы достижения успеха в коммуникации.

Первое направление изучает то, как мужчины и женщины описываются в речи со стороны, а второе касается непосредственно структуры и содержания речи самих мужчин и женщин. При лингвистическом анализе глянцевых журналов целесообразно применять оба подхода. Характерно, что со стороны чаще показываются мужчины в женских журналах, а женщины в мужских. В основном авторы статей стараются говорить «на языке» своих читателей.

Существуют определенные наборы языковых характеристик, присущих речи мужчин и женщин. Так, для речи женщин характерны слова, описывающие эмоции и чувства; частое использование междометий, уменьшительно-ласкательных суффиксов, аффектированной лексики; женские предложения длиннее мужских, связь в них чаще сочинительная; зачастую в качестве доказательства приводятся случаи из собственной жизни или жизни друзей. Для мужской речи свойственны просторечия, сленг, профессионализмы, стилистически сниженная лексика; связь в предложениях чаще подчинительная; в качестве доказательства мужчины предпочитают скорее отсылку к авторитетному источнику информации, нежели к собственному опыту [1, 17]. Все эти

характеристики присутствуют и в текстах глянцевых журналов, зачастую в гиперболизированном виде.

Для анализа мной были выбраны женский журнал «Cosmopolitan» и мужской журнал «MAXIM», поскольку они являются самыми популярными журналами в своих категориях на территории СНГ, по данным статистического агентства TSN Gallup Media. Аудиторию журнала «Cosmopolitan» составляет более 6,5 миллионов читателей, средний ежемесячный тираж издания – 980 тысяч экземпляров, целевая аудитория – женщины в возрасте от 24 до 35 лет с доходом выше среднего. Журнал «MAXIM» в 2008 году в третий раз подряд стал победителем конкурса «Лидер рынка печатных СМИ». Его ежемесячный тираж в России – 390 тысяч экземпляров, аудитория – почти 2 миллиона человек.

Несмотря на тематическое разнообразие журналов об образе жизни, основная их тема – все же отношения мужчин и женщин. Как правило, в таких материалах гендерные особенности «мужского» и «женского» языка наиболее выражены. В статье «Полностью устраивают» [9, 149] феминные качества текста проявляются в первую очередь в большом количестве уменьшительно-ласкательных слов: «*...на щеках у него были нарисованы* ***листики***», «*очередная* ***подружка*** *пригласила Свету на премьеру в кино...*», «*...упустить такой лакомый* ***кусочек*** *может только черствая и неблагодарная женщина*», «*...к ней привели свататься* ***дяденьку***», «***Светка*** *уехала, надеясь, что легко отделалась...*», «*Пожаришь* ***картошечки****?*», «*... имел редкую рыжую* ***бороденку****, субтильное телосложение и руки с обкусанными ногтями*»[1] и т.д. Помимо этого, статья изобилует эпитетами-прилагательными и образованными от них наречиями, что делает материал похожим на художественный текст: «*Стоит поставить* ***кокетливую*** *пятерку Ленке из параллельного класса...*», «*...****счастливо*** *провстречались три недели...*», «*Если не получается,* ***невинно*** *добавляю...*», «*Оля кивнула* ***горделиво*** *на дяденьку лет...*», «*...который по счастливому стечению обстоятельств оказался* ***высоченным*** *гражданином с* ***отчетливыми*** *проявлениями алкоголизма на лице*». Много в статье и глаголов, не только обозначающих действие, но и помогающих максимально четко описать состояние и настроение героев ма-

[1] Здесь и далее примеры выделены курсивом.

териала: *«Счастливая», –* ***вздыхала*** *я...»*, *«Таня взяла в руки его телефон и* ***умилилась****...»*, *«Мой приятель Андрей однажды* ***соблазнился*** *на предложение друга Руслана провести приятный вечер в компании двух девушек...»*, *«Кто это?» –* ***я похолодела*** *и сильно захотела домой...»* и т.д. Практически весь текст состоит из историй из жизни автора и друзей автора, причем истории эти сопровождаются диалогами и мелкими подробностями, не имеющими отношения к сути статьи. Следует отметить и юмор материала, построенного преимущественно на игре слов: *«Являешься ты, например, на юбилей тети Матильды. Или на концерт тети Мадонны.* ***Или вообще в цирк. И тут начинается такой цирк****...»*, *«Они все и* ***устроили****. А вот* ***устраивает это тебя*** *или нет?»*.

В статье «Надо брать!» [10, 100] автор саркастично высказывается на сакральную для многих женщин тему свадьбы: *«Девушка к своим двадцати пяти столько раз успевает мысленно прорепетировать свадьбу, что, когда в поле зрения появляется что-то хоть отдаленно похожее на избранника, она вцепляется в это всеми наманикюренными ногтями»*. Встречаются в статье и шутки «ниже пояса»: *«Стоит случайной партнерше уважительно сказать: «О, какой он у тебя!» – и мы почему-то начинаем думать, что она и есть та самая, судьбоносная»*. Грубая речь и подобный юмор подчеркивают маскулинность, поскольку они свойственны мужчинам, а значит, и мужскому языку. Встречаются в статье и другие просторечные слова и выражения: *«Проще* ***выбить из тебя дурь*** *внятными доводами, сковородкой или психоаналитиком...»*, *«...можешь ждать скандала,* ***отлучения от койки*** *или серьезной беседы»*, *«****Вялое попискивание****: «Как скажешь, милый» – оборачивается эмоциональной комой...»*. Однако помимо этого в тексте достаточно много редко употребляемых слов и терминов: *«...имея в голове лишь смутный* ***апофатический*** *образ, мы делаем выбор под влиянием момента»*, *«...сюрприз – это* ***инвестиция*** *в отношения»*. Вместо абстрактных историй про знакомых и их знакомых, как в «Cosmopolitan», «MAXIM» поддерживает свои высказывания словами вполне реального эксперта, которого автор часто цитирует: *«****Вот, как на духу, слова нашего консультанта – психолога Виктора****...»*, *«Полное растворение в объекте привязанности», –* ***сокрушенно вздыхает наш эксперт Виктор****...»*.

Нашлись характерные языковые различия и при сравнении двух репортажей: «Полный улет» [9, 172] – о поездке в Звездный городок и «Нераскрывшийся Бутан» [10, 124] – о путешествии в королевство Бутан. В репортаже на страницах женского журнала присутствует фактическая и терминологическая информация *(«От рождения только 1% всех людей способны к подобным перегрузкам, в процессе тренировок еще 30% теоретически могут подготовить себя», «...глубоководные условия схожи с условиями невесомости»)*, однако практически вся она вынесена во врезки и написана другим шрифтом, будучи исключенной, таким образом, непосредственно из текста материала. В репортаже в журнале «MAXIM» фактическая информация вписана в саму статью, ее невозможно отделить без потери смысла: *«...анатомически совершенный деревянный отросток нашел в XV веке Друкпа Кунли, самый досточтимый бутанский святой...», «В 2005 году в Бутане приняли решение удвоить количество въездных виз – до 14 тысяч. Это связано с открытием двух пятизвездочных гостиниц в долине Паро...».*

Также в статье в «MAXIM» оказалось больше источников информации, на которые ссылается автор (их пять: гид, министр связи страны, монах одного из монастырей, продавец на рынке, хозяйка придорожного ресторана). В статье в «Cosmopolitan» их всего два: гид и женщина-космонавт, причем обращение к ним оформлено в виде диалога: *«Я сосредоточенно записываю в блокнот цифры и наивно интересуюсь: «А если скорость будет меньше?» – «Тогда корабль упадет на землю», – просто отвечает Александр. «А если больше?» – не отстаю я. «Тогда его унесет к звездам, и обратно он не вернется»*. В «MAXIM» же информация, полученная от авторитетного источника, обычно оформлена в виде цитаты без привязки к реплике автора; автор же просто высказывает свои мысли после нее непосредственно в тексте статьи либо вообще оставляет реплику без комментария *(«Увидев у меня в глазах недоумение, он добавил: «И оберегать от злых духов и злостных пересудов!» Да-а, на туристов оберег точно не действует», «А еще когда кто-то готовился стрелять, противники начинали гнусно его обзывать. «Особенно любят давить на неверность супруги», – с некоторой неловкостью за своих коллег сказал Дорджи...»)*.

Присутствуют в репортажах и типичные черты женского и мужского текстов. В репортаже «Cosmopolitan» автор старается продемонстрировать свою некомпетентность *(«...много физики, много цифр, давно забытые формулы с участием массы, ускорения и силы.* ***Морщу лоб и пытаюсь понять****, как что с чем соотносится, что во сколько раз увеличивается и чем это чревато», «Я сосредоточенно записываю цифры в блокнот и* ***наивно интересуюсь****...»*), кокетничает *(«Мы* ***послушно улыбаемся****...», «При слове «центрифуга»* ***радостно щебечем****: «Ой, а она такая круглая, как в стиральной машине?», «****Осторожно дергаю Александра за рукав****: «Скажите, а космонавты курят?»*). В репортаже «MAXIM» наблюдаем разговорную, стилистически сниженную лексику: *«Не то чтобы вид* ***члена*** *на стене был для меня абсолютно внове, но в Бутане они попадаются так же часто, как* ***эмтээсовские яйца*** *в России», «Буддистам-бутанцам самим забивать скот* ***не с руки****...», «После монастыря Дорджи* ***потащил*** *меня на телекоммуникационную башню...»*.

Интересны статьи, которые пишут женщины для мужского журнала, и наоборот. В таких случаях автор сознательно меняет и подстраивает свою речь под аудиторию, используя лексику «чужого» языка.

Материал «Дурят вашего брата!» [11, 178] автор озаглавила резко, «по-мужски». Так же звучит и первая фраза статьи: *«Давай начистоту»*. Автор-женщина налаживает контакт с мужской аудиторией, используя типичные приемы мужского текста: грубая лексика *(«Нет, серьезно,* ***дура*** *– это звучит гордо...», «В чем суть? Ну разумеется, не в том, что мы вот такие* ***психопатки*** *или ты* ***хам трамвайный****», «Несмотря на то, что современные барышни носят джинсы, водят «ламборджини-диабло» и в случае необходимости могут* ***навалять шайке террористов****...»*); использование терминов *(«****Детские травмы, ПМС, генномодифицированные продукты и магнитные бури*** *тут не при чем...», «...когда размышляешь, какой бензин заливать –* ***95 или 95 Ultimate****...»*), в том числе и в метафорическом значении *(«Неудивительно, что при такой интенсивной умственной нагрузке у нас иногда* ***подвисает процессор****...»*); специфический интеллектуальный юмор, построенный на использовании эвфемически поданных парафраз *(«С девушками,*

даже с самыми своенравными и ***эмансипированными****, порой нужно вести себя так, словно ты имеешь дело* ***с ограниченно дееспособным индивидом*** *трех лет от роду*», «*Чем более* ***интеллектуально развитая особа*** *тебе попадется, тем неожиданнее и* ***фатальнее*** *будет пробел в ее знаниях*»).

Однако это все-таки статья, написанная женщиной, поэтому в ней то и дело появляются характерные черты женского текста, например, уменьшительно-ласкательные слова («*Павлик*», *«дурочка», «детишки»*). Поскольку аудитория мужская, автор позволяет себе кокетничать с читателем, делая акцент на стереотипной женской слабости и желании понравиться мужчине *(«Ты лучше меня знаешь, как там и что настроить, подключать и апгрейдить...»*, *«Мы же для тебя стараемся, глупенький!»*).

В статье «Парни не платят» [9, 164] автору-мужчине также практически полностью удалось скопировать женскую манеру речи. Во-первых, автор использует любимый и наиболее распространенный в данном издании женский прием – случаи из своей жизни и рассказы о друзьях, с которыми якобы происходили описанные в статье истории. Во-вторых, стиль материала подчеркнуто вежлив, тактичен. Автор, обращаясь к женской аудитории, называет женщин «*барышнями*», их партнеров – исключительно уважительным «*твой мужчина*», а также извиняется за подразумеваемую грубую аналогию: *«...финансовые возможности для мужчины все-таки остаются половым признаком:* ***кошельками, простите, тоже меряются***». Однако встречаются в статье и термины *(«стратегия трат*», *«гаджеты*», *«кредитование»*), причем, опять-таки, в большинстве случаев они используются в метафорическом значении («кредитованием» в статье названа ситуация, в которой жена одалживает деньги мужу). Встречаются и элементы разговорного стиля: *«Как только* ***подхалима*** *Ведерникова* ***раскусит*** *начальство, мои дела тут же пойдут в гору...»*, *«Недавно из хобби* ***игра в войнушку*** *превратилась для Федота в бизнес...»*, «*Но она потратила все на себя:* ***шмотки****, салоны красоты...»*.

Проанализировать синтаксис мужских и женских журнальных текстов так, как это можно было бы сделать в разговорной речи, невозможно, поскольку публицистический текст изначально предполагает распространенные предложения, чаще сложноподчиненные или с разными видами связи. Поэтому ос-

новным способом выразить мужское и женское в текстах этих журналов является выбор лексики. Однако манера общения с читателем также играет очень важную роль, и авторы используют те способы воссоздания мужской и женской речи, которые доступны в рамках публицистического стиля.

Зачастую гендерная маркированность текста становится броской, нарочитой (как, например, постоянное обращение авторов «Cosmopolitan» к историям из собственной жизни). Вероятно, это политика редакции, направленная на создание определенного стиля издания. Однако в данном случае стилем издания является «женское» во всех его проявлениях (так же, как в журнале «MAXIM» – «мужское»), и использование специфических языковых средств призвано подчеркнуть это.

Таким образом, использование гендерно маркированного «мужского» и «женского» языков является одним из способов создания образов мужчины и женщины в журналах об образе жизни. Благодаря такой четкой ориентации на восприятие читателя содержание статей, выраженное с помощью «правильных» слов, приобретает дополнительную окраску и становится понятнее целевой аудитории.

Литература

1. Кавинкина И.Н. Гендерный дисплей в лингвокреативной деятельности носителей русского языка: автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Минск, 2003.
2. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
3. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 7–33.
4. Коатс Дж. Женщины, мужчины и язык // Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 33–223.
5. Коваль В.И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики: монография. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2007.

6. Лалетина А.О. Язык конструирования гендера в журналах об образе жизни: автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Нижний Новгород, 2007.
7. http://www.genderstudies.info/lingvo/lingvo2.php (Горошко Е.И. Говорящий пол (квантитативные исследования в лингвистической гендерологии))
8. http://yspu.org/images/7/77/Шатова_статья.doc (Шатова А.О. Гендерные особенности мужских и женских журналов)
9. Cosmopolitan. № 10. 2009.
10. MAXIM. № 7. 2007.
11. MAXIM. № 6. 2008

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Тимофей Савицкий
(ЕГУ, Вильнюс)

ЛИССАБОНСКИЙ ДОГОВОР: ОФОРМЛЕНИЕ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЕВРОПЫ

The article represents a complex analysis of the main innovations which were put into force by The Lisbon Treaty. The author not only familiarizes the reader with these changes but also gives his own opinion on the advantages and disadvantages of the treaty describing prospects, methods of realization, and institutional regulations.

Принятый 13 декабря 2007 года Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском Союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества («Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community») призван завершить длительный процесс формирования единого европейского пространства. Договор, дата вступления которого в силу неоднократно откладывалась, представляет собой компиляцию поправок к провалившемуся на референдумах в Нидерландах и Франции проекту Конституции ЕС.

Договор не носит временного характера, он направлен на продолжительное действие и рассчитан на стабильное развитие стран Европы на пути интеграции, что подтверждает параграф 3: «This Treaty is concluded for an unlimited period».

Договор устанавливает ряд нововведений, касающихся функций и полномочий институтов и органов ЕС (Европарла-

мент, Еврокомиссия, Совет, Суд), взаимоотношений между ЕС и его государствами-членами, круг полномочий Союза, а также ряд некоторых других моментов. Эффективность этих мер пока не подтверждена на практике ввиду относительно недавнего вступления в юридическую силу Лиссабонского соглашения (документ официально вступил в силу 1 декабря 2009 года, сразу после ратификации его всеми странами ЕС (последняя из них, Чехия, приняла Соглашение лишь осенью 2009 года)). До 2014 года, согласно Соглашению, будет действовать переходный период для комплексной адаптации всех нововведений.

Компетенция Союза и стран-сегментов

Статья 3 § 2 Лиссабонского договора определяет и разграничивает основные сферы деятельности Союза и государств-членов. К слову, за Европейским Союзом признается исключительное право на осуществление общей внешней политики, обеспечение безопасности его территории (что включает в себя, прежде всего, антитеррористическую кампанию, широко развернувшуюся в настоящее время), единое таможенное регулирование пространства, заключение некоторых договоров международного характера, предусмотренных Лиссабонским соглашением, контроль над стабильностью своего внутреннего рынка. В компетенцию Союза входит и денежно-кредитное регулирование в отношении тех стран-участниц, национальной валютой которых является евро.

Общая компетенция ЕС и государств-членов установлена в следующих сферах: обеспечение территориальной целостности, социальная поддержка населения, защита прав человека и принципов европейского пространства, декларируемых непосредственно самим Лиссабонским договором, вопросы транспортного сообщения, ресурсов, а также ряд иных моментов.

Переходя к вопросу о компетенции самих государств, членов Европейского Союза, Лиссабонский договор устанавливает сферы, в которых Союз осуществляет меры по поддержке стран-сегментов: спорт, культура, образование, туризм, административное сотрудничество.

Впервые договором предусмотрена возможность выхода страны-члена из состава Союза. Предыдущий вариант единого

европейского документа, Конституция ЕС, данного положения не содержал. Тем самым налицо осознание составителями Лиссабонского договора тех просчетов и неточностей, которые допущены в результате написания единой Европейской Конституции несколько лет назад. Главный ее минус – расчет на излишнюю централизацию Союза, на создание некоторого подобия федерации, тогда как большинство стран Европы рисковать своим суверенитетом не желало. В результате посредством Лиссабонского соглашения этот спорный момент был кардинально переработан, и тем самым Европейский Союз, как надгосударственное образование, стал обладать совершенно иным характером.

Безусловно, такое четкое определение полномочий Союза дает возможность ассоциировать его не с каким-либо неустойчивым образованием, а с вполне функциональным и действенным механизмом, являющимся властным регулятором и в то же время интегративным связующим между государствами-членами.

Изменения в основных институтах

Лиссабонский договор внес существенные изменения в структуру органов власти Европейского Союза. Были кардинально переработаны многие аспекты их взаимодействия и внутреннего функционирования. Среди наиболее заметных изменений следует отметить следующие: введение должности Президента ЕС и главы внешней политики, новый порядок голосования в Совете Европы, создание Совета глав стран-участниц, расширение полномочий Европарламента, сокращение численности представителей в Еврокомиссии. В результате европейское сообщество, в понимании творцов Лиссабонского договора, должно получить более либеральный и «прозрачный» аппарат государственной власти.

Европейский Совет

Согласно статье 201, главный орган управления Европейского Союза теперь будет принимать решение по принципу двойного большинства голосов, который подразумевает утверждение выдвинутого проекта в случае 55% голосов членов Совета,

представляющих 65% населения Союза. Данный принцип будет введен лишь с 1 ноября 2014 года. В период, предшествующий этой дате, действует нынешний принцип квалифицированного большинства, согласно которому лишь в 75% утвердительно проголосовавших представителей проект будет принят. Многие аналитики считают данный процентный порог устаревшим и неприемлемым в рамках современного демократического государства. Именно поэтому Лиссабонский договор, в основании которого лежат демократические принципы, ставит своей задачей устранить это правило.

Из состава Совета выделился Совет государств – членов Евросоюза, в компетенции которого будут находиться вопросы ведения внешней политики и обеспечение внутренней безопасности.

Несомненно, вводимая система голосования призвана существенно упростить процедуру принятия решений и предотвратить в ее процессе долгие задержки, довольно часто случавшиеся в последнее время. Примечательно, что в случае несогласия с поставленным вопросом как минимум четырех стран, эти страны имеют право наложения вето на рассматриваемый проект. В результате нововведения, коснувшиеся Европейского Совета, призваны дать толчок к более демократичной процедуре законотворчества в целом. Однако, с другой стороны, эта мера не может гарантировать правильность и целесообразность принятого решения: все-таки соотношение позиций 55% к 45% является преимуществом достаточно условным.

Президент ЕС

Лиссабонский договор утвердил новую должность Президента в государственной структуре ЕС. Он избирается на 2,5 года Парламентом, и основными его полномочиями являются: контроль за деятельностью Европейского Совета, а также представительство Союза на международной арене. Данная мера призвана заменить институт шестимесячного председательства каждой страны-участницы во главе с ее представителем.

Первым Президентом ЕС является избранный 18 ноября 2009 года премьер-министр Бельгии Херман ван Ромпей. В должность он вступил 1 января 2010 года. Следует отметить парадок-

сальный факт: несмотря на вводимую должность – президент ЕС, призванную заменить существовавшее доселе фактическое разделение исполнительной власти в Союзе, все еще будет избираться каждые 6 месяцев страна – председатель в Еврокомиссии, под эгидой которой и будут решаться некоторые вопросы в компетенции исполнительной власти.

Безусловно, с течением времени данное противоречие разрешится посредством дифференциации функций обоих институтов, однако на данном этапе вероятны конфликты и противоречия в принятии решений, ведь, по сути, фактические полномочия Президента ЕС и Президента председательствующей страны в ряде моментов пересекаются.

Данный факт свидетельствует о том, что становление структуры Европейского Союза будет происходить в условиях постоянного выявления пробелов и коллизий в правовых статусах его институтов. Без этих мер ЕС просто не сможет функционировать.

Другим, не менее важным вопросом является соотношение полномочий Президента ЕС и Главы внешней политики, должность которого в данный момент занимает Кэтрин Эштон. Существенной коллизией в их функциях выступает обязанность ведения внешней политики. Тем не менее, Лиссабонский договор установил для Главы вешней политики превалирующее право на ее осуществление; Президент ЕС ограничивается лишь правом участия в международных и европейских саммитах.

Европарламент

На основании измененного Договора о Союзе, за Европарламентом, численность которого составляет 750 представителей, закрепляется функция экономического регулирования европейского пространства, а также вопросы, касающиеся бюджета ЕС. По значимости он, согласно статье 9а, приравнивается к Европейскому Совету. Фактически Лиссабонский договор устанавливает дуализм законодательной власти. Существенно усиливая значение Европарламента, Лиссабонское соглашение делает Союз структурой более демократичной, нежели это было до его принятия. Представительный орган в лице Парламента есть одно из главнейших условий существования прогрессивного демократического государства. Именно концептуальное осозна-

ние этого фактора заставило реформаторов пойти на усиление его полномочий.

Очевидно, пройдет немало времени, прежде чем структура законодательной власти ЕС обретет законченный вид. Проблемы этой области в Лиссабонском соглашении вызваны расплывчатым разделением законодательных функций между Советом и Европарламентом, наличием открытого списка полномочий.

Еврокомиссия

Основными функциями Комиссии являются: надзор за законодательной деятельностью и координация исполнительной и законодательной власти. Не последней задачей этого органа является планирование развития ЕС, а также организация программы внешней политики. Непосредственно за действиями самой Комиссии следит Европейский суд. Согласно статье 9d, ее члены будут избираться Европейским Советом по принципу квалифицированного большинства.

С 2014 года число представителей будет равняться 14 при 27 странах-участницах. Для соблюдения всех правовых предписаний при выборе членов Комиссии будет применяться принцип равной ротации, суть которого заключается в периодической смене представителей на основе территориального, экономического и ряда других факторов.

До введения новой системы представительства Еврокомиссия успешно избегала конфликтов и резких столкновений в спорных ситуациях. Однако уменьшение числа представителей может инициировать проблемы в будущем, основанные на не совсем справедливых основаниях нового принципа равной ротации: географического расположения, национальных факторов, величины государства, длительности членства в ЕС. Новые государства (такие как Литва, Латвия), безусловно, будут в некоторой степени обделены влиянием на законотворческий процесс.

Права человека

Договор обладает четко выраженной декларативной частью. Провозглашая ряд основополагающих моментов в области обеспечения прав человека, общественных организаций, социаль-

ных групп, он не накладывает императивное предписание на их выполнение со стороны стран, членов конфедерации. Являясь, по своей сути, демократическим образованием, ЕС утверждает религиозный, мировоззренческий, организационный плюрализм [статья 15а § 2]. Гарантируется право неприкосновенности личной информации и недопущение вмешательства в информационное пространство индивида без соответствующих санкций. Статья 61 того же параграфа декларирует: «Союз будет представлять собой пространство свободы, безопасности и правосудия, с соблюдением основных прав человека и различных правовых систем и традиций государств-членов». Лиссабонский договор устанавливает типичный для большинства современных демократических государственных и надгосударственных образований перечень прав и свобод, что свидетельствует о прогрессивном характере будущего Европейского Союза (с учетом ассимиляции новых установлений обозначен срок переходного периода до 2014 года). Впервые в основной текст общеевропейского документа была введена часть, посвященная правам и свободам граждан Союза. В Лиссабонском договоре данная часть получила название Хартии о правах и свободах.

Лиссабонский договор как средство гомогенизации и интернационализации европейского пространства

После длительного реформирования системы управления ЕС наконец-то удалось создать аппарат власти, в котором не было бы постоянных коллизий полномочий его отдельных субъектов. С принятием Лиссабонского договора иерархия органов власти ЕС приобрела свой законченный вид. Европа обрела стабильное внутренне политическое пространство, сделала еще один важный шаг на пути интеграции. Возможно, в будущем мы увидим более существенные шаги в достижении единства европейского пространства. В ряде стран, таких как, к примеру, Норвегия, наднациональное право (в данном случае Лиссабонское соглашение) признается в качестве национального и используется наравне с собственной законодательной системой. ЕС также будет расширяться. И интернационализация станет главным фактором этого расширения. Воистину – «Единство в многообразии» (девиз ЕС).

Лиссабонский договор продолжает ориентацию на плавную интеграцию Европейского пространства. Причем не всегда это касается политической ее составляющей. Налицо стирание культурных, экономических, географических границ. Многие аспекты, закрепленные в Лиссабонском соглашении, направлены на постепенную унификацию пространства рабочей силы, культурных мероприятий. ЛД создает новое политическое пространство Европы. Эффективность его пока еще не подтверждена на практике, ибо это потребует нескольких лет, а, возможно, и десятилетий, для достижения поставленной цели.

Значение и перспективы функционирования Лиссабонского договора

Многие евроскептики склоняются к тому, что Лиссабонский договор немногим отличается от недавнего проекта единой европейской Конституции, мотивируя это тем, что изменения почти не коснулись содержания документа, поменялся лишь его характер. Можно соглашаться с этим мнением, а можно и нет. Лично моя позиция основывается на том, что грамотная реструктуризация институтов ЕС, отмена ряда спорных моментов в конституции (таких как гимн, герб и т.д.), а также, в большинстве своем, диспозитивный характер предписаний документа в отношении государств-участников пошли на пользу Европейскому Союзу. Формально ЕС представляет собой образование, имеющее свою институализированную структуру, должностных лиц, ведущее единую политику, как внутреннюю, так и внешнюю, однако оно допускает значительную самостоятельность стран-сегментов и фактически закрепляет за ними право выхода из Союза. Главной проблемой ЕС, которую попытался разрешить Лиссабонский договор, является его чрезмерная институциональная перегрузка. В некоторых аспектах это удалось (введение должности Президента ЕС и др.), однако в большей степени дифференциация различных учреждений, что была до принятия Соглашения, все еще осталась. В моем понимании, именно вопрос об упрощении (не в ущерб эффективности) иерархии государственных органов – главнейшая задача нынешнего руководства Европейского Союза.

Нельзя однозначно говорить, что все закрепленное в документе является гарантом стабильности нового Европейского

сообщества. Существует ряд коллизий, неточностей в Лиссабонском договоре, и вероятно, что спустя некоторое время появится иной договор, уточняющий и расширяющий содержание нынешнего. Лиссабонский договор – лишь первый шаг в современном этапе становлении союза европейских держав, союза, значимость которого может быть оценена только с точки зрения дальнейшего его функционирования. Являясь своего рода гарантом стабильного развития европейского пространства, Лиссабонский договор, возможно, нацелен на фундаментальное место в истории Европы. Погружаясь в ретроспективный экскурс, его можно сравнить, скорее, с Декларацией Независимости США, нежели с Конституцией 1787.

Литература

1. Герман Регель «Лиссабонский договор: новый вариант Евроконституции? europe.eu/article/2008/07/28/lissabonskii_dogovor_novyi_variant_evrokonstitutsii_chast_i
2. Treaty of Lisbon [ресурс]: http://en.wikisource.org/wiki/Treaty_of_Lisbon
3. The Treaty of Lisbon – Europe's Next Step? [ресурс]: http://www.realtruth.org/articles/090303-004-europe.html

Аляксей Кажарскі
(Унівэрсітэт Коменскага, Браціслава)

ЗАМЕЖНАЯ ПАЛІТЫКА ЭЎРАПЕЙСКАГА ЗЬВЯЗУ ЯК ПРАБЛЕМА ПАЛІТАЛЯГІЧНАГА АНАЛІЗУ

The article gives a general outline of the foreign policy of the European Union as a unique and controversial phenomenon as well as a complex dilemma for researchers. The article explores theoretical difficulties of harmonizing classical concepts of sovereignty and foreign policy with the realities of the post-national political world. The article also gives an overview of some of the major obstacles in the development of a coherent and efficient EU foreign policy and exposes the implied difficulties a researcher faces in identifying its «hidden mechanisms».

Падыходы да аналізу супольнай замежнай палітыкі краінчальцоў Эўрапейскага Зьвязу на сёньняшні дзень зьяўляюцца скрайне спрэчным абшарам палітычных навук – найперш, безумоўна, праз адзінкавасьць і складанасьць самаго ЭЗ як дзяржаўна-палітычнага фэномэна, т.б.м. новае генэрацыі. Надзвычайная спрэчнасьць пытаньня нават прыводзіць некаторых дасьледчыкаў да спасылак на адсутнасьць прадмету дасьледаваньня як такога, і.е. на неправамернасьць пастаноўкі пытаньня пра «адзіную замежную палітыку» ЭЗ. Мэтай дадзенага артыкула зьяўляецца кароткі нарыс зьместу праблемы, а таксама вытлумачэньне асноўных цяжкасьцяў і апорый, зь якімі сутыкаецца дасьледчык, рызыкнуўшы гэткае пытаньне ўсё ж такі паставіць.

Найбольш відавочная цяжкасьць палягае ўжо ў чыста канцэптуальнай плашчыні. У клясычных дасьледаваньнях міжнародных дачыненьняў тэрмін *замежнай* (альбо «зьнешняй») *палітыкі*

(***foreign policy***) зьвязаны з уяўленьнямі пра базавую адзінку і суб'ект міжнароднай супольнасьці, якою ёсьць дзяржава (***nation-state***). Права на фармаваньне ўласнай замежнай палітыкі ёсьць неад'емным складнікам ідэі нацыянальнага (дзяржаўнага) сувэрэнітэту. Ажыцьцяўленьне сувэрэннай замежнай палітыкі сьцьвярджае прэрагатыву «нацыі-дзяржавы» як асноўнага актара «вэстфальскай» сыстэмы міжнародных дачыненьняў. Іншыя актары, то бок міжнародныя арганізацыі, няўрадавыя арганізацыі, індывіды – маюць у гэтай сыстэме вагу, але хутчэй нязначную: іх захады ды ініцыятывы, у рэшце рэшт, мусяць знайсьці апірышча ў дзейнасьці нацыянальных дзяржаў.

Трэба адзначыць, што клясычны, «вэстфальскі», прынцып міжнароднай сыстэмы ўжо не зусім пасуе для апісаньня пасьляваеннага біпалярнага сьвету – у якім сярод асноўных актараў былі ўжо не шматлікія нацыі-дзяржавы, але вялізныя ідэалягічныя «блёкі». Тым ня меньш, як з практычнага, так і, найперш, з фармальна-юрыдычнага гледзішча базавай адзінкай гэтай канфігурацыі былі ўсё яшчэ дзяржавы ў звыклым сэньсе гэтага слова.

Насуперак гэтаму, выпадак Эўрапейскага Зьвязу прапануе ўвазе дасьледчыка прынцыпова іншае становішча, у якім той звыклы сэнс слова ўжо дакладна губляецца. Своеасаблівае «постмадэрнае» ўтварэньне, якім на сёньняшні дзень прадстае Эўразьвяз, можна разглядаць хіба што ў якасьці «квазідзяржавы». «Квазідзяржаўнасьць» ЭЗ праяўляецца ў наяўнасьці пэўных інстытутаў, такіх, прыкладам, як ***грамадзянства ЭЗ***[1] альбо ***Эўрапейскі Парлямэнт***. Адначасова з гэтым у яго адсутнічаюць іншыя істотныя атрыбуты, найважнейшым зь якіх можна лічыць канстытуцыю. (Яе замяняе т.зв. «Лісабонская дамова», якую палітычныя аглядальнікі ахрысьцілі «мякчэйшым варыянтам» правеленага пры ратыфікацыі праекту канстытуцыйнай дамовы).

Як зь юрыдычнага гледзішча, так і з гледзішча палітычнай практыкі, можна сказаць, што ступень інстытуцыянальнай кансалідацыі Эўрапейскага Зьвязу можна вызначыць дзесьці пасярэдзіне ўяўленай шкалы, экстрэмумамі якой ёсьць, з аднога

1 Пры гэтым, аднак, грамадзянства Эўрапейскага Зьвязу не існуе асобна ад нацыянальнага грамадзянства: немагчыма быць грамадзянінам ЭЗ, не належачы да грамадзянаў адной зь ягоных краін-чальцоў.

боку, міжнародныя арганізацыя, а зь іншага – кансалідаваныя дзяржавы фэдэратыўнага тыпу.

Для апісаньня дадзенай палітычнай канфігурацыі Эўразьвяза тэарэтыкі выкарыстоўваюць панятак «абʼяднанага сувэрэнітэта» (***pooled sovereignity***). На практыцы гэта азначае, што дзяржавы-удзельніцы – на сталай аснове – ахвяруюць частку сваіх паўнамоцтваў наднацыянальным органам і структурам.

Далей, важна адзначыць, што гэтыя паўнамоцтвы варта разглядаць *асобна,* то бок як шэраг палітык, якія датычаць розных сфэраў грамадзкага жыцьця. Як паказвае гістарычная практыка, эфэктыўнасьць прынцыпу pooled sovereignity (а значыць, і правамернасьць выкарыстаньня адмысловых канцэптаў!) залежыць як раз ад спэцыфікі канкрэтнай сфэры імплемэнтацыі.

З 1993 па 2009 год улучна[2] інстытуцыйны лад Эўразьвязу функцыянаваў паводле т.зв. мадэлі трох «*слупоў*» альбо «*калён*» (***pillars***). У межах дадзенай мадэлі быў зафіксаваны падзел на: 1) *Эўрапейскую Супольнасьць* (***European Community***) 2) *Супольную замежную палітыку і палітыку бясьпекі* (***Common Foreign and Security Policy***) 3) Супрацоўніцтва праваахоўных органаў (***Police and Judicial co-operation***).

Гістарычнае першынство ў сыстэме слупоў належыць працэсам, абʼяднаным пад шыльдай «Эўрапейскай супольнасьці» – наранейшым і найістотнейшым з каторых зьяўляецца інтэграцыя рынкаў. Менавіта эканамічная інтэграцыя ад пачатку 50-х і да 90-х гадоў была рухавіком агульнай эўрапейскай інтэграцыі, і менавіта ў сфэры эканамічнай інтэграцыі і ў задачы стварэньня *абʼяднанага рынку*, эўрапейскія дзяржавы дамагліся найвыбітнейшых посьпехаў. (Назіраньне застаецца актуальным, нават нягледзячы на зьвязаныя зь недастатковай каардынацыяй бюджэтнай палітыкі фінансавыя праблемы адзінай манетарнай зоны, што выявіліся цягам нядаўняга глябальнага эканамічнага крызіса). Ступень узаемапранікненьня і эўрапейскіх эканомік і, што важна, інтэграванасьць мэханізмаў прыняцьця рашэньняў сапраўды набліжаецца да пастаўленых больш за паўстагоддзя таму мэтаў: да такой ступені злучыць нацыянальныя эканомікі, каб канфрантацыя паміж адпаведнымі дзяржавамі была ўжо, пры аніякіх абставінах, немагчымая.

[2] То бок на працягу дзеяньня Маастрыхцкай дамовы і да моманту ўступлення ў сілу дамовы Лісабонскай.

Посьпехам эканамічнай інтэграцыі можа толькі пазайздросьціць інтэграцыя палітычная, якая, пэўне ж, зьяўляецца неабходнай передпасылкай артыкуляцыі выразнай і кансалідаванай замежнай палітыкі. Навідавоку дыспрапорцыя паміж эканамічнымі посьпехамі Эўразьвязу, ягоным глябальным эканамічным уплывам, і ўплывам палітычным. Найбольш яскравым прыкладам зьнешнепалітычнай «бездапаможнасьці» ЭЗ лічыцца Югаслаўскі крызіс [2], які дзесяцігоддзе цягнуўся літаральна ў ЭЗ «пад самым носам», і які, у рэшце рэшт, напрыканцы 90-х быў у сваёй фінальнай фазе «вырашаны» пры дапамозе натаўскіх бомбаў.

Як можна, бадай, выснаваць, спалучэньне ідэі *pooled sovereignity* з уяўленьнямі пра замежную палітыку, не зьяўляецца безпраблемным, ані ў тэорыі, ані паводле практычных вынікаў. Ці даводзіцца ў такім выпадку казаць пра пасьпяховую артыкуляцыю адзінай замежнай палітыкі ЭЗ як цэласнага дзяржаўнага ўтварэньня?

З фармальна-юрыдычнага гледзішча наяўнасьць гэтай палітыкі можна давесьці, спаслаўшыся на яе інстытуцыйную і легальную аснову, у прыватнасьці, на яе «ўцялесьненьне» ў пачаўшай нядаўна (сьнежань 2009) дзейнічаць Лісабонскай дамове. Дзякуючы ёй, ЭЗ набыў, у прыватнасьці, больш выразную замежнапалітычную пэрсаніфікацыю ў асобе баранэсы Кэтрын Эштан (Catherine Ashton) на новай пасадзе з даўгой назваю: Высокі прадстаўнік Зьвязу па міжнародных справах і бясьпечнаснай палітыцы (***High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy***). Новая пасада сумяшчае ў сабе пост Эўракамісара па замежных справах і Намесьніка Старшыні Эўрапейскай рады. Дадзенае сумяшчэньне было ўведзенае з мэтаю злучыць – прынамсі, сымбалічна – дзьве адрозныя «галіны ўлады»[3], што існуюць у Эўрапейскім Зьвязе, і паспрабаваць перададолець інстытуцыйны «гармідар» папярэдніх гадоў.

Трэба патлумачыць, што структурнай асновай супольнай замежнай палітыкі ў ЭЗ доўгі час зьяўляўся «інстытуцыйны трохкутнік» (***institutional triangle***), утвораны трыма ключавымі інстытуцыямі: Эўрапейскай камісіяй, Эўрапейскай радай і

[3] Тэрмін пададзены ў двухкосьсі, бо параўноваць ключавыя эўропскія інстытуцыі з інстытуцыянальным падзелам улады ў клясычнай дзяржаве трэба зь вялікай старожкасьцю.

Эўрапейскім парлямэнтам. Кожная з гэтых інстытуцый прэтэндавала (і прэтэндуе) на прамінэнтную ролю ў фармаваньні зьнешнепалітычнае лініі ЭЗ, аднак іх дзейнасьць зрэдчас была добра скаардынаваная. Інстытуцыйнай энтрапіі спрыяла, у значнай ступені, «перацягваньне коўдры» паміж Эўрапейскай камісіяй і інстытутам Высокага прадстаўніка па супольнай замежнай і бясьпечнаснай палітыцы (які быў крэатурай ЭР) [1]. З аднаго боку, ЭК ажыцьцяўляла большую частку працы па далучэньні новых сябраў Эўразьвязу і распараджалася бюджэтам замежнае палітыкі, а таксама выконвала пэўныя дыпляматычныя функцыі праз свае прадстаўніцтвы. Зь іншага, Высокі прадстаўнік (абсалютную большасьць часу гэтую пасаду займаў Хавьер Салана) быў той сымбалічнай фігурай, якая рэпрэзэнтавала еднасьць эўрапейскай замежнай палітыкі ў вачох міжнароднай супольнасьці.

Можна было б лічыць, што рэформы, уведзеныя Лісабонскай дамовай, спрашчаюць задачу палітычных аналітыкаў і дасьледчыкаў-палітолягаў, падвысіўшы ступень інстытуцыйнай кансалідацыі замежнай палітыкі ЭЗ. Аднак і тут трэба засьцярога ад занадтага аптымізму. Па-першая, новая інстытуцыйная структура таксама ўтрымлівае амбівалентнасьці, што схільныя замінаць эфэктыўнаму і празрыстаму фармаваньню і ажыцьцяўленьню адзінай замежнай палітыкі. Прыкладам, з Дамовы ня ясна, хто (і ў якіх пытаньнях) мае першынство што да функцыі рэпрэзэнтаваньня ЭЗ: вышэйузгаданы Высокі прадстаўнік, альбо, усё ж такі, Старшыня Эўрапейскай рады (яшчэ адно наваўвядзеньне 2009 году, якое нефармальна мянуюць «прэзідэнтам ЭЗ»)[4]

Ex post facto можна дадаць, што першыя кадравыя рашэньні на падставе новых ключавых пасадаў сталіся «кампрамісьнымі» захадамі, паколькі прызначаныя на іх Эштан і Рампёй (Herman Van Rompuy) разглядаюцца палітычнымі аналітыкамі як слабыя і палітычна «невыразныя» фігуры, зацьверджаныя менавіта праз тое, што наймацнейшыя гульцы ЭЗ (то бок Брытанія, Нямеччына і Францыя) перадусім баяліся парушыць баланс свайго палітычнага ўплыву.

Узгаданае пытаньне балансу патэнцыйна рознанакіраваных інтарэсаў датычыць яшчэ аднаго ключавога праблемнага аспекту

4 Рэч, вядома ж, у тым, што па-ангельску як «старшыня», так і «прэзідэнт» можа выказвацца словам «president».

агульнай зьнешняй палітыкі. Нягледзячы на тое, што ЭЗ ёсьць супольнасьцю дзяржаў, пабудаванай на эгалітарных прынцыпах, немагчыма абстрагавацца і ад таго факта, што, насамрэч, ён складаецца зь вялікай колькасьці краін, якія істотна адрозьніваюцца паміж сабою памерам, эканамічным патэнцыялам і ступеньню палітычнага ўплыву, таксама як і адметнай ангажаванасьцю ва ўласную рэгіянальную праблематыку. На абывательскі клёк, напрыклад, цяжка зразумець, чаму такая дзяржава як Літва павінна браць жывы ўдзел у разьвіцьці трансгранічных стасункаў з Марока (якое ляжыць на ўзьмежжы Гішпаніі). У межах клясычнай нацыі-дзяржавы гэткая праблема вырашаецца: цэнтралізацыя ўлады дазваляе выразна артыкуляваць і ажыцьцявіць тое, чаго вымагае «супольны інтарэс» грамадзтва, нацыі. У «звышдзяржаве», што складаецца са шматлікіх нацый, пачуцьцё нацыянальных інтарэсаў і праблем далёка не заўжды сынхранізуецца з афіцыйна дэкляраванымі прыярытэтамі Зьвязу.

Безумоўна, міжнародныя стасункі дапушчальна тлумачыць ня толькі ў катэгорыях інтарэсу. І калі шукаць нешта, што можна было б без аніякага сумневу пакласьці ў под канцэпцыі замежнай палітыкі ЭЗ, то гэта будуць супольныя *каштоўнасьці*, на якіх пабудаваны гэты зьвяз нацый. Неад'емным складнікам ідэалёгіі эўрапейскасьці, вакол якой яднаюцца краіны ЭЗ, ёсьць унівэрсальныя каштоўнасьці дэмакратыі і правоў чалавека. Адметнасьць становішча ЭЗ на міжнароднай арэне палягае, акром усяго іншага, у тым, што ён пазыцыянуе сябе ў якасьці носьбіта «*нарматыўнай моцы*» (*normative power)* [3], а г.зн. актара, які ў сваіх дзеяньнях кіруецца ня толькі думкай пра ўласны інтарэс ці патрабаваньнямі канкрэтнай сытуацыі, але і імпэратывам распаўсюджваньня ўнівэрсальных каштоўнасьцей.

Вядома ж, практычныя пэрспэктывы гэткай «ідэалістычнай» замежнай палітыкі можна ацэньваць па-рознаму: можна давесьці, што пры пасьлядоўнай імплемэнтацыі яе эфэктыўнасьць набліжаецца да нулю. Бо, па-першае, строгая адданасьць прынцыпам робіць складанейшымі дзеяньні ва ўмовах рэальнага палітычнага жыцьця і, адначасова, стварае спакусу абмежавацца датрымліваньнем нарматыўнасьці без арыентацыі на канкрэтныя вынікі. Часамі перавага колькасьці зробленых ад імя ЭЗ урачыстых дэклярацыяў над колькасьцю прынятых ім дзейсных захадаў [2], пэўне ж, стварае адчуваньне «сымулякратыўнасьці». Іншая рэч,

што ў глябальных умовах «нарматыўная моц» вымушаная канкураваць зь ненарматыўнымі рэчамі, якія ёсьць, па вызначэньні, меньш абмежаванымі ў сродках. (Яскравым прыкладам гэтага ёсьць паралельныя дзеяньні ЭЗ і Кітая ў субсахарскай Афрыцы. У той час як эўрапейская *conditional aid policy* (палітыка дапамогі ў абмен на рэформы) вымагала ад афрыканскіх рэжымаў пэўных зваротных крокаў, найперш, у галіне дэмакратызацыі і правоў чалавека, Кітай прапаноўваў фінансавую дапамогу і інвэстыцыйныя праекты безь якіх-кольвек «нязручных» патрабаваньняў, што, пэўне ж, аўтаматычна пазбаўляла «нарматыўную» палітыку ЭЗ яе моцнага эканамічнага інструмэнта) [4].

Тэарэтычныя цяжкасьці, імплікаваныя такім прадметам дасьледаваньня, як «замежная палітыка ЭЗ», маюць зусім не фармальна-надуманы характар, але зьвязаныя са складанасьцю і унікальнасьцю дадзенага «дзяржаўнага ўтварэньня новага тыпу». Можна рэзюмаваць, што на сёньняшні дзень кансалідацыя супольнай замежнай палітыкі краін-чальцоў ЭЗ зьяўляецца хутчэй задачай, працэсам, кіроўныя прынцыпы і мэханізмы якога застаюцца канчаткова не зразумелымі. Адначасова замежная палітыка ЭЗ (як, зрэшты, безумоўна, і ўвесь ЭЗ цалкам) выступае неверагодна цікавым і багатым полем для дасьледчыка-палітоляга, свайго кшталту лябараторыяй, і прадстаўляе open-ended story – як з тэарэтычна-канцэптуальнага пунтку гледжаньня, так і з гледзішча аналітыкі жывых палітычных працэсаў.

Літаратура

1. Cameron F. and Spence D. (2004): «The Commission – Council Tandem in the Foreign Policy Arena» in Dimitrakopoulos, D. G. (ed.): The Changing European Commission. Manchester: Manchester University Press.
2. Edwards G. (2005): «The Pattern of EU's Global Activity» in Hill, C. and Smith, M. (eds.): International Relations and the European Union. Oxford: Oxford University Press.
3. Sjursen H. (2006): «The EU as a 'Normative' Power: How Can This Be?» in Journal of European Public Policy, 13.
4. Tywuschik V. EU, China and Africa: A trilateral partnership in theory, a bilateral one in practice?.../Editorial%20-%20EU-Africa%20e-alert_%20No%209_2007.pdf [Accessed 04.11.2010, 21:00].

Юлия Марцуль
(БГУ, Минск)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

The paper is devoted to the problem of defining the «national identity» concept. Today the problems of searching for identity in the context of globalization and growth of migration are especially topical. The article considers the main theoretical concepts of national identity and essential factors influencing its formation. The analysis of difficulties in the interpretation of the concept of nation, mechanisms of national identity formation and the revelation of the role and value of national identity in the political life of society takes a special place in the research.

Сегодня национальное деление является одним из ведущих принципов геополитического устройства мира. Однако образование глобальных экономических корпораций, развитие информационных технологий, нарастание миграционных процессов и развитие международного рынка труда привели к усилению интереса к феномену национальной идентичности. Соответственно, основной целью нашего исследования стал анализ основных теоретических подходов к определению понятия «национальная идентичность».

Слово «идентичность» восходит к латинскому термину idem, т.е. «тот же самый». Посредством этого термина обозначается тождественность, одинаковость, совпадение чего-либо с чем-нибудь. Сам термин «идентификация» введен в научный оборот З. Фрейдом в эссе «Психология масс и анализ Я». Фрейд рас-

сматривал идентификацию как «самую первоначальную форму эмоциональной связи с объектом; бессознательный процесс подражания» [6, 45]. Процесс идентификации подразумевает процесс становления, функционирования и развития идентичности. Согласно определению, предложенному французским социологом А. Туреном, «идентичность – осознанное самоопределение социального субъекта», и ее значимость определяют три основные составляющие: потребность в принадлежности, потребность в позитивной самооценке и потребность в безопасности [2, 16]. Следовательно, идентификация – это процесс эмоционального и когнитивного самоотождествления индивида, социальной группы с другим человеком, группой или образцом, интериоризации занимаемых социальных статусов и освоения значимых социальных ролей.

Наиболее широкое развитие концепция идентичности получила в работах американского психолога Э. Эриксона. Он определяет данное понятие как «чувство органической принадлежности индивида к его исторической эпохе и типу межличностного взаимодействия, свойственному данной эпохе» [2, 18]. По мнению Э. Эриксона, у людей есть потребность чувствовать, что они представляют некоторую социальную общность, характеристики которой отличают их от других.

Идентичность есть результат самоотождествления человека с другими людьми, социальными группами и сформировавшееся на этой основе представление о себе, своем положении среди других членов социума и внешней оценке своих действий. Формируясь на основе широкого ряда источников (территориальных, политических, культурных и др.), идентичность определяет направления деятельности людей. Несмотря на то, что, в первую очередь, идентичность существует на личностном уровне, можно говорить о различных ее «социальных» проявлениях, таких как культурная, этническая или национальная идентичность.

Для определения национальной идентичности целесообразно обращение к понятию нации. Латинское слово «natio» означает родовую общность. В средние века нацией стали называть местные сообщества, объединенные языковой или профессиональной общностью, а во времена М. Лютера термин «нация» стал иногда употребляться для обозначения сообщества всех сословий в государстве.

Ж.-Ж. Руссо определял нацию как «народ, имеющий constitution» (этим термином Ж.-Ж. Руссо обозначал как основополагающий закон государства, так и «устройство» человеческого или политического тела, т.е. телесную конституцию кого- или чего-либо) [2, 88].

В XVIII–XIX веках в науке складываются две концепции нации – гражданско-политическая (Франция и США) и этнокультурная (Восточная и Центральная Европа, Германия, Италия, Российская и Османская империи).

Первая концепция исходит из политического понимания нации, которая образуется на основе уже существующего государства. Нация воплощала устремления людей, делающих сознательный политический выбор в пользу свободного общества. Решающее значение приверженцы гражданской нации придавали разделяемым согражданами политическим принципам. Национальное государство формируется на основе уже существующих политических сообществ. Культура, происхождение и язык выступают вторичными факторами. Именно деятелями революции пущен в оборот новый термин «национализм», согласно которому каждый народ суверенен и имеет право на образование собственного государства.

Сторонники этнокультурной концепции нации решающее значение придавали культурному наследию. Так, в немецком варианте государство имеет преимущество перед индивидом, поскольку оно вечно, а национальное сознание было ориентировано на культуру. Культурно-национальная школа рассматривает нацию как общность, существующую вне государства. Если французы видели в нации продукт государства, то немцы рассматривали нацию как фундамент для создания государства. Если французская нация представляет собой политический проект, рожденный в упорной политической борьбе третьего сословия, то немецкая нация, наоборот, появилась сначала в трудах интеллектуалов-романтиков XIX века как вечный дар, основанный на общности языка и культуры. Язык оказывался сущностью нации, тогда как для французских революционеров он служил средством достижения национального единства.

В настоящее время существуют два основных подхода к пониманию «наций» – примордиализм и конструктивизм. Первый подход определяет нации как объективно существующие,

исторически определенные общности, обладающие жизненным циклом. Конструктивизм же рассматривает нации как продукт человеческой деятельности. Один из ярких представителей конструктивистского подхода английский социолог Э. Геллнер писал: «Два человека принадлежат к одной нации лишь только в том случае, если они признают принадлежность друг друга к этой нации. Иными словами, нации делает человек, нации – продукт человеческих убеждений, пристрастий и наклонностей...» [3, 35]. Другой сторонник конструктивизма Б. Андерсон определил нации как «воображаемые сообщества» [1, 39]. Они воображаемы, так как люди, являющееся членами одной и той же нации, никогда не знают друг друга лично, не встречаются и не разговаривают. Однако в сознании каждого существует образ своей нации.

Определение понятия «национальная идентичность» представляет для исследователей существенную проблему. Национальная идентичность предполагает наличие в сознании индивида определенной ментальной установки, которая в большей или меньшей степени отражает его принадлежность к определенному социополитическому образованию – государству. Как правило, у населения современного (национального) государства существует единая идентичность. Граждане такого государства могут и не принадлежать к одной и той же этнической группе, и идентичность будет носить скорее политический (гражданский), чем этнолингвистический характер.

Основными факторами, влияющими на формирование национальной идентичности, выступают историческая территория, общий язык, общая экономика, общая религия, общие мифы и историческая память, общая массовая культура, общие законы и обязанности для всех членов. При формировании идентичности на основе принадлежности к государству на первый план выдвигается стремление к политической общности и единству. На основе национальной идентичности формируется «политическая нация», которая объединена общей политической жизнью. Этим она отличается от «культурной нации», объединенной общностью культуры, языка и религии.

Согласно М.Б. Напсо, понятие национальной идентичности охватывает исторический, территориальный, экономический, правовой компоненты. [5, 44] Так, исторический и территори-

альный компоненты национальной идентичности предполагают наличие определенной территории, «жизненного пространства» данной нации, которое отличается исторической легитимностью. В экономический компонент входят традиционные формы хозяйствования и процесс развития экономической системы, «позволяющий опознать сообщество и его членов в их отношениях с внешним миром». Правовую составляющую национальной идентичности можно представить как совокупность прав: право свободно распоряжаться национальным богатством и природными ресурсами, право на самоопределение в избранных национально-государственных и национально-культурных формах, право на самоуправление, право на целостность и этническую солидарность, право на создание общественных объединений в форме национально-культурной автономии, право на сохранение культурной самобытности, развитие национальной культуры и т.д. Сюда входит и индивидуальное право на национальную идентичность, которое подразумевает свободу самоидентификации индивида, т.е. возможность гражданину самому в соответствии с его самосознанием соотнести себя с определенной национальностью, в том числе на основе этнического происхождения. Выделяется еще и гражданский компонент национальной идентичности (характерный для стран Запада), в который входят ценности демократии, гражданские свободы, свобода передвижения людей, экономическое благосостояние.

И. Татаренко выделяет в процессе национальной идентификации три основные фазы:

1) фаза этнодифференциации;
2) фаза выработки авто- и гетеростереотипов;
3) фаза формулирования национального идеала. [7]

В рамках первой фазы происходит осознание особенностей своей общности, что становится основанием для формирования противопоставления «мы – они». Речь идет об определении этнонима (самоназвания), мифологизации прошлого общности, ее «почвы» (территории, языка, культуры, религии). На втором этапе имеет место «формирование образов», т. е. приписывание этническим общностям определенных культурных, статусных и т.п. характеристик. В рамках данной фазы складываются представления о национальном характере, психическом складе, темпераменте типичного представителя общности. В результате

происходит осознание психологических особенностей своего этноса и особенностей других этнических общностей. Образ «мы» фиксируется в системе автостереотипов, образы других этносов – в гетеростереотипах. Третья фаза связана с формированием национальной идеологии и направленного идеологического воздействия. Эта фаза является своего рода синтезом двух предыдущих, поскольку включает в себя не только оценку своей группы, но и представление о ее социально-исторических задачах, предназначении, о ценностных ориентациях, специфических для данной общности.

В современном обществе национальная идентичность играет все более ощутимую роль в качестве фактора мобилизации и ориентации. Наряду с этим национальная идентичность выступает в качестве средства легитимации политической власти и неотъемлемого условия перехода к демократии.

Важность, необходимость и устойчивость национальной идентичности определяется тремя базовыми психологическими потребностями личности:

1) потребностью в безопасности и защите; в данном случае национальная идентичность обретает ярко выраженные охранительные характеристики. Она формирует своеобразное защитное поле, которое препятствует разрушению ценностного мира человека в период радикальных изменений;

2) потребностью в принадлежности к общности, группе; Э. Фромм утверждал, что в условиях острого социального кризиса, распада традиционных общностей личность зачастую готова променять обретенную свободу на чувство принадлежности к группе. «Религия и национализм, равно как и любая традиция, а также верование, каким бы абсурдным или постыдным оно ни было, если только они связывают одного индивида с другим, являются спасительными прибежищами от того, чего человек больше всего боится: изоляции», писал Э. Фромм [2, 42];

3) потребностью в самобытности, уникальности своего «Я», уверенности в себе, независимости от других, так как существование человека как личности означает полную его непохожесть.

Одним из мощных стимулов, способствующих укреплению гражданской и в том числе национальной идентичности, является развитие регулирования общих «проблемных» направлений: регулирование иммиграции, демографических проблем,

общая стратегия противостояния изменениям климата, экологическим рискам и угрозам безопасности граждан.

Таким образом, мы можем определить национальную идентичность как чувство принадлежности к определенному государственно-организованному обществу, в основе которого лежит комплекс общих и признаваемых в качестве интегрирующих факторов, таких как политические институты, территория, язык, национальная идея и культура, история, характерные для данного общества экономическая и правовая системы.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001.
2. Ачкасов В.А. Этнополитология: учебник / В.А. Ачкасов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.
3. Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. М.: Прогресс, 1990.
4. Межуев В.М. Идея национального государства в исторической перспективе / В.М. Межуев // Полис. 1992. № 5–6. С. 9–42.
5. Напсо М.Б. Право на национальную идентичность: содержание и перспективы утверждения в современном праве / М.Б. Напсо // Закон и право. 2008. №3. С. 46-46.
6. Фрейд З. Психоаналитические этюды / Фрейд З. Минск: Беларусь, 1991.
7. Татаренко И.В. Этническая идентификация и искушение национализмом / Татаренко И.В., Волкогонова О.Д. // Библиотека Гумер http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Index_Polit.php.

Ольга Трацевская
(БГУ, Минск)

ИГРА В РУСЬНАЦИОНАЛИЗМ – НАЦИОНАЛИЗМ ИЛИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ?

To write the paper the author carried out the analysis of nationalistically colored Russian web sites as well as discussion groups in the most popular Russian social network 'Odnoklassniki'. The author introduces the notion of rusnationalism as an ideological component of nationalism that was singled out from Russian nationalism. The basis of this ideology is the concept of the Great Russians, Little Russians and Belarusians that denies the existence of separate nationalities of the Belarusians and Ukrainians. Today the problem of rusnationalism is pretty common as the Belarusian-Russian relations depend on its solution.

Сегодня в период всемирной глобализации русский национализм выступает в роли защитника русского народа от потери культурно-исторических особенностей и смешивания с другими нациями. В связи с этим русьнационализм (как составляющая часть национализма) становится реальной политической силой, привлекающей все большее количество сторонников в свои ряды. Русьнационализм выступает в качестве своеобразной «игры», дает возможность простому пользователю Интернета примерить на себя роль политика, отвлечься от повседневных дел. В этом таится основная опасность. Большое количество людей, не подозревая того, становятся распространителями выгодных для определенных групп идей; принимают чужие, грамотно сформулированные мысли и идеи за свои.

«В последние годы Россия сталкивалась со многими угрозами – от чеченского терроризма до тревожного демографи-

ческого спада. Однако, как утверждают источники, близкие к спецслужбам России, в период экономического кризиса власти пугает то, в чем многие россияне видят спасение страны, – национализм. Количество иммигрантов в России огромно, местное население страдает от бедности и безработицы, а высокие цены на нефть, обеспечившие экономическое процветание страны в последние несколько лет, уже становятся воспоминанием. Так что многие чувствуют, что недалек тот день, когда российские националисты возьмут политическую инициативу в свои руки» (The Independent. Лондон, Великобритания). Сегодня среди официальных политических партий России националистическими, например, являются партия «Единение», «Родина», «Национально-Державная Партия России», «Партия Свободы», «Народная Национальная Партия». Усилиями многих теоретиков и медиа-активистов в 2009 году достигнуты определенные успехи в плане интерпретации самого понятия русского национализма как идеологии демократического большинства.

По мнению националистов, русская нация является крупнейшей разделенной нацией, многие регионы компактного проживания которой остались за пределами государственной границы РФ, в странах бывшего СССР (Прибалтика, Украина, Казахстан, Беларусь). Поэтому под лозунгами воссоединения русского народа русьнационалисты пытаются предъявить легитимность территориального объединения РФ с Украиной и Беларусью (объединения, в ходе которого Россия будет занимать доминирующее положение, а белорусские и украинские земли станут рассматриваться в качестве исторически принадлежавших придатков, вотчинных земель).

Сегодня в России посредством возрождения и идеологической пропаганды концепции о великороссах, малороссах и белороссах (которая являлась господствующей во времена Российской империи) объясняется необходимость создания Союзного государства Беларуси и России. Как и 100 лет назад она пользуется большой популярностью. Наблюдается тенденция популяризации данной концепции в социальных сетях и интернет-публицистике. Так, в широко известной социальной сети «Одноклассники» насчитывается свыше 15 тыс. человек, зарегистрированных в группе, придерживающейся подобных взглядов. Следует сказать, что количество участников таких групп, как,

например, «Союз Беларуси и России», «Беларусь и Россия – диалоги разума», «Мое отечество на сломе эпох», растет с каждым месяцем. Причем в обсуждениях этих групп наблюдается ярко выраженная и временами агрессивная защита постулатов концепции, а также приведение искаженных исторических фактов при аргументации в ее пользу.

До революции 1917 года под русскими понималась совокупность трех этнографических групп: великороссов, малороссов (сюда же включали и закарпатских русинов) и белорусов, т.е. всех восточных славян. Она составляла 86 миллионов (1897) или 72,5% населения Российской империи. Это была господствующая точка зрения, нашедшая отражение в энциклопедических изданиях, работах ученых,придерживавшихся официальной великодержавной политики. Однако уже в это время ряд исследователей считали различия между группами достаточными, чтобы признать их особыми народами. В связи с последующим углублением этих различий и национальным самоопределением малороссов (украинцев) и белорусов, этноним «русские» перестал на них распространяться. Когда к власти пришли большевики, данный этноним сохранился лишь для великороссов, заместив собой прежний.

Основным постулатом концепции является утверждение о триединстве русского народа (великороссов, белороссов и малороссов). В период существования Российской империи с ее помощью объяснялись права России на владение белорусскими землями, их историческая принадлежность Российской империи. Идея широко использовалась в трудах заподнорусиста Кояловича, Карского.

По отношению к Беларуси в настоящее время можно выделить следующие догмы:

- Термин «восточные славяне» относится к советскому периоду;
- Великороссы, малороссы, белороссы – это не отдельные ветви восточных славян, а ответвления от русского народа – субэтносы;
- Главным объединяющим фактором Беларуси и России является единая история становления и развития, а так же православная вера, которая свидетельствует о единстве русского духа;

- Белорусская государственность рассматривается как историческая ошибка;
- Отсутствие полноценной исторической белорусской мифологии, которая могла бы объединить нацию;
- Белорусский язык – наречие русского;
- Тенденции к именованию Беларуси Северо-Западным краем, как это было во времена Российской империи.

Сами националисты объясняют необходимость возрождения Великоросской концепции следующим образом: «Зачем возвращать людям правду? Чтобы русский народ весь, и белорусы, и малороссы, и великороссы, восстановили свое большое, несокрушимое государство, которое будет иметь вес в мире не меньше, чем Киевская Русь или Российская Империя, чтобы это Православное государство сумело защитить нас и наших детей в этом волчьем мире!»

Национальная сплоченность народа, толерантность по отношению к другим нациям, веротерпимость – предпосылки здорового общества. Сегодня в России наблюдается активизация национальных меньшинств, проявление агрессии и сепаратизма, массовых миграций. На этой почве происходят национальные и религиозные конфликты.

Русьнационализм так же вносит разлад среди людей, выступающих за или против данной идеологической обработки. Русьнационалисты считают, что ядром объединения русской нации должна служить традиционная православная вера. Однако Россия полиэтничная, поликонфессиональная страна. Распространение идей объединения народов в единый русский народ под эгидой православия порождает возражения и протесты среди других наций и представителей других конфессий, а также среди белорусов и украинцев неправославного вероисповедания.

Данная идеология представляет собой не только угрозу для Беларуси и Украины, но и для самой России. Белорусы с долей скептицизма и осторожности относятся к идее создания Союзного государства. Если сравнить территорию России и Беларуси, можно с уверенностью сказать, что белорусы, в случае объединения под лозунгами «белорусы – часть единого русского народа», перестанут существовать как особая нация.

Проблема русьнационализма касается ориентировок и ценностей, которые укореняются среди населения, в большей сте-

пени при помощи интернет-ресурсов. Это делает россиян закрытыми, сосредоточенными только на получении выгоды от сотрудничества, рассмотрения Беларуси и Украины как придаточных земель.

Сферы интересов русьнационалистов не ограничиваются присоединением и оказанием влияния только на Беларусь, в качестве исконно русских земель, и белорусов. Украина так же рассматривается в качестве идеологической мишени. Со стороны Украины уже предпринимаются меры по предостережению от идеологической обработки населения. В «Методических рекомендациях Министерства образования и науки Украины по изучению истории в 2009/10 учебном году» задача учебного процесса формулируется следующим образом: «показать ученикам, как из частей Российской империи, из Малороссии на востоке и Рутении на западе, создается Украина; чем концепт Украины отличается от концепта Малороссии...», а также рассмотрение политики России как «колониальной» и «великодержавной», «препятствующей культурному и политическому развитию украинского народа», «вырвавшей Украину из семьи европейских народов». Часть Украины враждебно настроена против современной политики России. Русьнационалистическая концепция становится еще одним камнем преткновения. Этноним «русский» модернизируется: под ним понимается только ветвь русского народа. Процесс формирования общерусской нации определяется как «деструктивный», поскольку препятствовал «украинской идее». Русификация рассматривается как «денационализация» и «ликвидация самобытности украинского народа».

Современная европейская культурологическая мысль относит Россию не к Новоевропейско-Североамериканской, а Православно-Славянской цивилизации. По словам Президента РФ Дм. Медведева, «у России такая история, что, собственно, российская культурная идентичность складывалась на европейской базе, но, в то же время, если говорить о более древней истории, если говорить о каких-то бытовых вещах, то очень многое нас роднит как раз с государствами Азиатского региона».

С одной стороны, осознание общности служит основой для решения социально-экономических и социально-политических проблем. Поэтому в современных процессах европейской по-

литической интеграции фактор геокультурной идентичности играет огромную роль. В Европе, с политологической точки зрения, сосуществует несколько уровней идентичности (национальная, региональная, европейская). В данной ситуации может возникнуть опасность того, что региональная идентичность может вступить в конфликт с национальной идентичностью. Здесь может возникнуть непонимание и конфликт между европейскими странами и Россией.

Ведь европейские страны стремятся воспринимать другие культуры и вступать в диалог друг с другом — и в то же время они стремятся сохранить собственные культурно-философские традиции («европейскую идентичность»), опираясь на «европейские ценности». В военно-политическом смысле говорится о Европе, которая налаживает в собственных рамках военно-политическое сотрудничество, опираясь на соответствующие интеграционные идеи и ценности, которые проходят везде сквозь историю европейской цивилизации.

Важно сказать о высокой роли национальной и религиозной идентичности для каждого народа, нации. Обратимся к определениям.

Идентичность – это качество, с которым люди связывают свою самость и ощущают себя суверенными и самостоятельными. Речь идет о таких стойких чертах, которые составляют своеобразие личности или группы, а также о социально-психологическом чувстве принадлежности к группе, основанном на географической, лингвистической, культурной общности. Идентичность придает социальной жизни стабильность, смысл, целенаправленность.

По данным переписи населения Республики Беларусь 1999 г., около 85% белорусов, проживающих в Беларуси, считают себя белорусами и родным называют белорусский язык. При том, что в обиходе белорусским пользуется только 6% опрашиваемых. Белорусы давно самоидентифицируют себя как особую нацию. Нацию с неповторимой культурой, богатой историей, традициями, ценностями.

Этническое самосознание – относительно устойчивая система осознанных представлений и оценок реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих компонентов жизнедеятельности этноса. В итоге формирования дан-

ной системы человек осознает себя в качестве представителя этнической общности. Белорусы в своем развитии прошли все этапы развития от племени, этноса – до самостоятельной нации. Начиная от кривичей, дреговичей и радимичей и заканчивая белорусами как самостоятельной и независимой нацией.

Национальное самосознание – ядро национального сознания, показатель степени развития нации в прошлом, настоящем и в будущем. Основой национального самосознания является национальная культура. Национальное самосознание проявляется на уровне взаимодействия наций и на личностном уровне. Выезжая за границу белорус не называет себя русским, и находясь в России считает себя белорусом по национальности и гражданству.

Религия – одна из базовых ценностей для каждого верующего. С позиций русьнационализма белорусов и русских объединяет общая вера – православие. По результатам соцопроса, 73,6% респондентов относят себя к православию, 4% к исламу, менее двух процентов респондентов заявили о своем отношении к другим религиозным конфессиям. Атеистами себя считают 18,5% участников опроса, и 2,3% респондентов затруднилась с религиозной самоидентификацией.

В Беларуси 15% граждан католического вероисповедания и около 85% православных. В Западной части Беларуси доминирует католицизм, на это повлияли исторические и геополитические факторы. Однако с позиций русьнационализма, как и русского национализма в целом, католичество рассматривается как «вражеская вера», насажденная Польшей. Соответственно, войдя в состав России, 15% превратится в 0,01 сотую – каплю в море. Католики будут восприниматься как конфессиональное меньшинство.

Таким образом, русьнационализм является дезинтегрирующим фактором, опасным как для российского, так и для белорусского общества. Сложно определить, кто является инициатором и распространителем русьналистических идей среди населения. Под прикрытием добрых намерений и спасения нации от внешних угроз, русьнационализм несет вред и опасность для общества. Я не говорю о том, что не нужно любить свою страну, гордиться ее историей, это долг каждого гражданина. Однако общество должно базироваться на здоровом чувстве

патриотизма – основанном на нравственном и политическом принципе, а также социальном чувстве, содержанием которого является любовь к отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. На мой взгляд, есть один выход – популяризация среди населения учебной литературы и книг по истории России, Беларуси и Украины, в которых бы шла речь о возникновении и развитии трех народов, через призму национальных особенностей, схожих и различных черт.

Джульетта Манойло
(Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина)

СРЕДНИЙ КЛАСС: ПРАКТИКА ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ В США, СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ, МЕТОДЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

The article deals with questions of the definition of middle class, practice of its formation in the USA and countries of Western Europe, and methods of its development in the post-Soviet countries. Some concepts of middle class, approaches to middle class definition and its criteria are described. The researcher pays attention to positive properties and consequences of the functioning of middle class and offers some methods for its creation and development.

О среднем классе задумывались еще античные философы, но популярность этот термин получил после выхода работ М. Вебера, поместившего между классом собственников и пролетариатом прослойку, называющуюся «средним классом». Большинство современных ученых при определении среднего класса опираются именно на веберианскую традицию. Средний класс – это феномен прежде всего XX в.

С точки зрения политологии, средний класс – это сложный социально-структурный конгломерат, состоящий из лиц, активно занятых в хозяйственной и общественной жизни государства [3, 158]. С экономической точки зрения, это самоорганизующаяся общественная формация, которая создает, зарабатывает, потре-

бляет, отчисляет взносы в пенсионный фонд, накапливает капитал в банках и в результате модернизирует производство и маркетинг, обеспечивая конкурентоспособность товаров и услуг, поддерживает динамическое равновесие между предложением и спросом, поддерживает уязвимые социальные слои общества (пенсионеров и подрастающее поколение) – и осуществляет инновационное развитие государства [2, 18].

Средний класс является социальной основой гражданского общества, суть которого в продвижении и защите основ демократии, верховенства права и которое противостоит любым посягательствам на права граждан, в том числе со стороны государства. Именно в качестве субъекта гражданской активности средний класс может рассматриваться как социальная основа гражданского общества.

На постсоветском пространстве среди исследователей существует два основных подхода к проблематике среднего класса.

Представители первого подхода отрицают существование среднего класса в обществах переходного периода, при этом часто указывается на условность категории «средний класс». Это, утверждается, идеологический конструкт и даже миф, аналитическая категория, понятие, которое «можно рассматривать и как социальный факт, и как социальный конструкт, и как плод социологического воображения, и как строгий термин, и как эпистемологическую метафору» [4, 82].

Представители второго подхода признают существование среднего класса, однако отмечают характерный для постсоветских обществ начальный этап его становления или незавершенность формирования. Имея в виду аморфную и нестойкую общность, вместо понятия «средний класс» предлагают понятие «средний слой». Средний слой – все те разнообразные группы, которые заполняют социальное пространство в границах между элитой, «богатыми», с одной стороны, и бедными, низшим классом, «социальным дном» – с другой. Все исследователи, которые признают существование среднего класса в переходном обществе, утверждают, что в России и Украине своя модель среднего класса, отличная от западной [4, 83].

Современный британский социолог Э. Гидденс полагает, что, говоря о среднем классе, можно назвать две его категории. Первая – «старый средний класс» – в его состав входят малые

предприниматели. Данная категория характеризуется тем, что ее численность постоянно изменяется, хотя ее вес в составе населения остается достаточно высоким. Вторая категория – «новый средний класс» – состоит из высокооплачиваемых наемных рабочих, которые занимаются интеллектуальным трудом. Высший слой «нового среднего класса» включает менеджеров и специалистов, которые работают в сфере большого бизнеса. Эти люди имеют высшее образование и являются профессионалами своего дела. К нижнему слою относятся учителя, врачи и т.п. [1, 214]

Критерии отнесения к среднему классу можно обозначить схематически:

В центре схемы выделяется прослойка, отвечающая всем критериям. Эту прослойку называют ядром среднего класса. Те прослойки, которые не отвечают всем критериям, называют протосредним классом.

Средний класс сформировался на Западе под влиянием социально-экономических сдвигов и, в частности, вследствие научно-технической революции. Качественные показатели и значительные количественные параметры среднего класса не могли не повлиять на сущностные характеристики общества, которое его представляет. М. Тэтчер назвала такое общество «обществом двух третей», имея в виду, что две трети населения страны живут хорошо, а социальное недовольство сосредоточено в одной его трети.

Промышленная революция XVIII–XIX веков разрушила феодальную систему и вызвала к жизни социальные силы, которые привели к формированию классового строя. Развитие торговли и промышленности вызвало к жизни новые профессии: предприниматели, коммерсанты, банкиры, купцы. Появилась многочисленная мелкая буржуазия. Волна эмиграции способствовала увеличению численности индустриальных рабочих. Постепенно формировался новый тип экономики – капиталистический, которому соответствует новый тип социальной стратификации – классовая система. Наглядно это видно на примере США. Рост городов, промышленности и сферы услуг, укрепление статуса и богатства буржуазии кардинально изменили облик американского общества. К концу XIX века социальная структура США все отчетливее приобретала черты развитого капиталистического общества. Удельный вес фермерства сокращается (с 28,8% общей занятости в 1880 году до 21,4% в 1900 году), растут городские средние слои. Профессиональные группы, вышедшие на историческую арену (рабочие, банкиры, предприниматели и т.д.) укрепляли свои позиции, требовали привилегий и признания своего статуса. Переход от закрытого общества к открытому демонстрировал растущие возможности человека самостоятельно делать свою судьбу. Росту нового социального субъекта – среднего класса – способствовала государственная экономическая и социальная политика. Так, с 1930-х гг. в США («Новый курс Рузвельта») и с 1950-х гг. в Западной Европе (возникновение «государств всеобщего благосостояния») изменилась сама модель государственной социальной и экономической, в том числе налоговой, политики – приоритеты последней сместились от борьбы с бедностью в сторону поддержки среднего класса. Во многом это обусловлено сугубо прагматичными соображениями: именно средний класс при росте своего благосостояния не только способен обеспечить экономику работниками с высококачественным человеческим капиталом, но и за счет растущего спроса на товары и услуги стимулировать общий рост экономики, что в свою очередь укрепляет позиции среднего класса в обществе. Растущая доступность профессионального и высшего образования во многом обусловила быстрый рост сектора социальных услуг (здравоохранение, образование, культура, рекреация и т. д.) с высокой долей рабочих мест, предполагающих

принадлежность их работников к среднему классу. В 1960-е гг. доля традиционных отрядов рабочего класса в структуре занятого населения во всех индустриальных странах резко упала, но также быстро возросла доля занятых в сфере услуг служащих и работников умственного и нефизического труда.

Гражданская активность (включая политическую) считается одной из атрибутивных черт среднего класса, который, с одной стороны, является сторонником общественной стабильности, а с другой – субъектом общественной и гражданской активности, что проявляется в различных формах: от участия в выборах представительных органов власти и органов местного самоуправления до самодеятельных объединений с целью достижения тех или иных общественно значимых целей, или защиты (через протестные акции) нарушенных (в том числе государством) прав и свобод человека и гражданина. Именно в качестве субъекта гражданской активности средний класс может рассматриваться как социальная основа гражданского общества.

Средний класс играет важную роль в экономической и общественной жизни любой страны. Наличие достаточно большой (по некоторым оценкам – более 30%) прослойки среднего класса выступает основой социальной стабильности и экономического развития.

В развитых демократических странах социальной основой ведущих политических партий выступает средний класс. Обществом среднего класса считают общество, утверждающее принципы справедливости. Чтобы продвинуться по социальной лестнице и сохранить свои достижения, нужен социальный мир, отсутствие антагонистических противоречий между социальными группами. Собственно, средний класс рассматривают как гарант стабильности общества. Занимая промежуточное положение в общественной иерархии, между богатой и сверхбогатой частями населения и теми слоями, которые играют роль аутсайдеров, средние слои уравновешивают противоречия между ними. Следовательно, можно утверждать, что средний класс активно влияет на формирование политики центризма в демократических государствах. Во-первых, он обеспечивает политическую стабильность, поскольку поддерживает равновесие между высшими и низшими классами. Во-вторых, средний класс обеспечивает использование таких критериев успешного функциони-

рования политики, как компромисс, консенсус, толерантность, поскольку заинтересован в общественном согласии и стабильности. В-третьих, представители среднего класса, благодаря высокой образованности и политической активности, обеспечивают принятие демократических решений и контролируют их выполнение.

Чтобы предложить варианты развития среднего класса в постсоветском пространстве, следует для начала выделить его специфику:

- начальная стадия его развития в большинстве постсоветских стран;
- формирование среднего класса обусловлено не превалированием личных духовных качеств (профессионализм, образованность, трудолюбие, волевые устремления и личные достижения), а является следствием специфически проведенной приватизации, доступа к бюрократическим институциям, которые осуществляли разгосударствление;
- низкие количественные параметры среднего класса, что не позволяет ему исполнять роль стабилизатора общества, гаранта политической стабильности;
- средний класс создается не на базе реального производства, а в контексте обслуживания высшего класса.

На протяжении девятнадцати лет после распада СССР средний класс в постсоветском пространстве успел относительно сформироваться, однако большинство исследователей называют его «протосредним» классом, ибо пока он не вполне соответствует основным его традиционным характеристикам. Для дальнейшего формирования среднего класса необходимы успешные экономические реформы, которые упростили бы создание и развитие малого и среднего бизнеса, облегчали бы кредитование бизнеса, повысили бы уровень жизни учителей, преподавателей и медиков и ввели «налоговые каникулы» для важных и перспективных видов бизнеса. Также необходимо обеспечить возвращение в круг среднего класса интеллигенции, которая составляет средоточие среднего класса в западных странах. Но стоит помнить, что для развития среднего класса нельзя повышать социальные выплаты (стипендии, пенсии и др.) для малообеспеченных категорий граждан, так как внезапное увеличение месячных доходов беднейших слоев населения улучшает

жизненные условия значительного количества малообеспеченных и, тем самым, приводит к развитию только производство товаров первой необходимости. Шкалу заработных плат в государстве не следует строить исходя из минимальной заработной платы или из размера прожиточного минимума. Такой путь при нехватке средств ведет к «сжатию» шкалы заработных плат и к несправедливой уравниловке. За исходную точку в шкале зарплат следует взять среднюю заработную плату (ССП). Величина ее должна соответствовать такой покупательной способности и обеспечить такой спрос, которые будет содействовать развитию производства товаров как первой необходимости, так и длительного пользования.

Учитывая, что уменьшение социальных выплат весьма непопулярный вид реформ, мы предлагаем ряд общих изменений, которые повлекут за собой дальнейшее развитие среднего класса:

- позитивные тенденции экономического роста в условиях экономического развития, что содействует функционированию предпринимательства, перехода экономики на инновационную модель развития;
- рост денежных доходов населения, прежде всего его высокообразованной и высококвалифицированной части;
- оптимизация шкалы доходов населения;
- совершенствование правовой базы и институтов капитализации сбережений населения;
- ориентация развития потребительского рынка и рынка услуг на потребности и финансовые возможности средней прослойки населения;
- сохранность и совершенствование интеллектуальных характеристик занятого населения.
- всесторонняя поддержка инициативы молодых специалистов – наиболее признанный путь в мировой практике.

Литература

1. Гіденс Е. Соціологія. К.: Основи, 1999.
2. Грек Н., Юхновський І. Бути чи не бути середньому класу в Україні? // Дзеркало тижня. № 17 (544) 7–13 травня 2005.

3. Козьма В.В. Концепції середнього класу в західній історико-політичній традиції // Політичний менеджмент. Вип. 4(19). Київ, 2006. С. 157–163.
4. Середній клас України: теорія та сучасні тенденції становлення / Авт. кол.: Бондар І.К., Бугаєнко Є.О., Бідак В.Я., Гуць М.І., Ковальова Н.М., Лич В.М., Мещанінова Г.Л., Сітнікова Н.П., Савенко О.Л., Саввов А.І., Сологуб О.П., Ярошенко Г.В. К.: Видавничий Дім «КОРПОРАЦІЯ», 2004.

Денис Юрченко
(Воронежский университет)

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА КАК ТЕХНОЛОГИЯ МОБИЛИЗАЦИИ СТОРОННИКОВ (на примере политических партий США)

This article is devoted to contemporary political advertizing as a technology to mobilize supporters of U.S. political parties. American political advertizing is considered from the perspective of its advocacy function in political campaigns. One of the founding moments of this work is its maximum distance from stereotypes of the Russian mass consciousness about the U.S.

В последнее время политическая реклама становится все более важной частью политической кампании в целом. В США отношение к политической рекламе неоднозначно. Связано это с тем, что в отличие от коммерческой рекламы, которая давно является частью американской культуры и воспринимается аудиторией как законный способ продвижения товаров и услуг, политическая реклама считается более навязчивой. Здесь, конечно, необходимо принимать во внимание тот факт, что политическая реклама значительно отличается от рекламы коммерческой. В США содержание и форма представления информации в политической рекламе действительно никакими правилами не регулируются. Не существует учреждения, которое могло бы призвать к ответу за недостоверную информацию или грязную игру. Многие ролики являют собой пример контрастной рекламы, когда кандидата

сравнивают с его оппонентом, одновременно критикуя последнего. При этом оппоненты делают то же самое. А «...официального учреждения, куда можно принести жалобу на рекламную атаку, не существует. Время от времени в качестве арбитра выступают СМИ, проводя мониторинг и оценку рекламных материалов различных кандидатов. К сожалению, эти обзоры часто сами носят агрессивный характер, что отрицательно воздействует на явку избирателей на выборы» [3, 37].

Дискуссия в профессиональной среде по поводу того, что упорядочивание работы специалистов по политической рекламе жизненно необходимо и что отсутствие правил поведения на этом рынке серьезно вредит имиджу профессии специалиста по рекламе, продолжается и по сей день.

Политическую рекламу как процесс можно определить как использование в политической кампании кандидатом, политической партией, объединением граждан оплачиваемых сообщений, видео- и аудиороликов, материалов в средствах массовой информации с целью ознакомить избирателя с политической платформой кандидата/политической партии/общественного объединения и повлиять на принятие решения избирателей на выборах.

Политическую рекламу как продукт «...можно определить как оплачиваемое сообщение на радио, телевидении, в газете, журнале, другом периодическом издании, в литературе, подготавливаемой специально к политической кампании, через директмейл, а также через материалы для наружной рекламы и промоушн-акций» [2, 56]. Это сообщение с помощью экспрессивных средств описывает кандидата, его политическую программу, показывает избирателям отношение кандидата к тому или иному общественно значимому вопросу, демонстрирует его отношение к политическим оппонентам.

В последнее время стало очевидно, что прогнозы политических технологов 1990-х годов по поводу увеличения продолжительности политических кампаний сбылись. Все больше кандидатов на выборные должности, особенно на федеральном уровне, делают свой выбор в пользу непрерывной кампании и непрерывного фандрейзинга. В США, к примеру, члены Палаты представителей переизбираются каждые два года. Столь короткий срок полномочий вынуждает их вести политическую кампанию

непрерывно: с момента переизбрания до момента переизбрания. Сенаторы США переизбираются каждые шесть лет, поэтому они менее обеспокоены данной проблемой, но, как отмечают специалисты, в обозримом будущем эта ситуация тоже будет меняться, потому что все больше и больше сенаторов осознают необходимость непрерывного фандрейзинга и политической кампании.

Несмотря на то, что политическая реклама развивается стремительно благодаря увеличению сроков политических кампаний и их интенсивности, по объемам она все равно в значительной степени уступает коммерческой рекламе. «Общая стоимость выборов в США (всех кампаний в совокупности) в 1996 г. составила 2,5 млрд. долл...» [6]. Эта цифра меньше бюджета на рекламу основных американских корпораций. В разгар политической кампании 1996 г. «...менее чем 1% всех телевизионных рекламных роликов (750 000 из 93 000 000) были оплачены кандидатами или политическими организациями» [4, 15]. Ни для кого не секрет, что аудитория не любит политическую рекламу. И нелюбовь эта связана, как мы видим, не с количеством рекламных роликов и других материалов, а в первую очередь с их тоном. Одной из отличительных характеристик современной политической рекламы является ее негативная окраска. Зачастую материалы построены на принципе сравнения кандидата с его соперниками, сравнения программы кандидата с программами оппонентов, причем обычно при таком сравнении оппонент подвергается жесткой критике или даже высмеивается. А при такой форме больше внимания уделяется именно выявлению и критике слабостей оппонента, нежели представлению собственной политической позиции и программы кандидата, от имени которого данное рекламное сообщение готовится. Последние исследования показывают, что подобные рекламные сообщения составляют одну треть всех рекламных материалов, которые использовались во время президентских выборов.

При этом не стоит забывать, о чем мы уже упоминали ранее: в отличие от деятельности на рынке коммерческой рекламы деятельность на рынке политической рекламы не регулируется никаким кодексом поведения или правилами поведения, которые защитили бы аудиторию от агрессивной и заведомо ложной информации. В США Первая поправка к Конституции делает практически невозможным установление каких-либо регулирующих норм

для политической рекламы извне, не самими специалистами по политической рекламе. Американская ассоциация политических консультантов пока подобного желания не продемонстрировала. Поэтому сфера политической рекламы превратилась в поле битвы кандидатов друг с другом, где главным оружием являются рекламные сообщения агрессивного, атакующего оппонентов характера.

Политическая реклама на телевидении

Телевизионная реклама в президентских кампаниях началась в 1952 г. Первые политические слоты, хотя и упрощенные по нынешним меркам, часто принимали форму репортажей с пресс-конференций или свидетельств известных граждан. Многие были сделаны «...в стиле «говорящая голова» – в них кандидаты (или их сторонники) смотрели прямо в камеру и говорили в течение 30 или 60 секунд без какого-либо монтажа, графики, анимации или нарезки кадров, снятых в разных местах и по различным поводам...» [2, 18].

Современная реклама, в отличие от прежней, притягательна для глаз. Технологические прорывы позволяют производителям рекламы использовать красочные образы и сложную монтажную технику для того, чтобы сделать споты более привлекательными. Изображения могут накладываться друг на друга, связывая один визуальный образ с другим. Использование анимации позволяет зрительно «преобразовать» одно лицо в другое за доли секунды. Стало нормой использовать броские образы, музыку и цвет, чтобы полностью овладеть зрительским вниманием и передать политические послания.

Эти перемены вызвали резкое увеличение объема рекламы и повышение ее роли как средства коммуникации. На рекламу сегодня приходится около 60% бюджета кампаний основных кандидатов в президенты. Телевизионные споты не только представляют собой главную статью расходов в избирательных кампаниях; они выступают основным источником информации для избирателей и инструментом воздействия на стиль журналистского освещения политических гонок.

Реклама может использоваться для многих целей – от подрыва позиций политических оппонентов через ассоциирова-

ние их с неприятными визуальными образами до усиления привлекательности кандидатов посредством их отождествления с позитивными имиджами, такими, например, как государственный флаг или семья. Кроме того, реклама влияет на стилистику освещения событий в СМИ. Одной из наиболее удивительных тенденций современного периода стало активное участие журналистов в подготовке рекламных политических материалов. Исполнительный директор сети новостных программ (network news) Уильям Смол (William Small) характеризует это как наиболее важную тенденцию последних лет, отмечая, что «реклама сейчас рассматривается как часть новостных сюжетов». Многие новостные телеканалы даже запускают программы с обзорами рекламы типа «Рекламный наблюдатель» (Ad Watch). Реклама, транслируемая во время передачи новостей и публикуемая в газетах, идет вместе с комментариями по поводу точности и эффективности рекламных сообщений. Наиболее эффективной рекламой является та, главное сообщение которой усиливается новостями в СМИ.

Увеличение доли рекламы в новостном вещании размыло или даже уничтожило былое разделение между бесплатным (новостным) и оплачиваемым (рекламным) освещением в СМИ избирательных кампаний и выборов. Сегодня обычным делом для сетевых программ новостей является ретрансляция рекламы, которая развлекает, провоцирует, вовлекает в дискуссии.

Реклама, которая передается бесплатно во время новостей или обсуждается в ведущих газетах, имеет несколько преимуществ перед чисто коммерческой. Во-первых, зрители традиционно доверяют новостям в СМИ – значительно больше, чем платной рекламе – за их беспристрастность и объективность. Уильям Макгир (William McGuire) показал, что доверие к источнику информации является одним из факторов, определяющих доверие к самой информации. Высокая степень доверия к средству массовой информации придает рекламе, идущей в новостных передачах, существенное преимущество перед рекламой, идущей на явно коммерческой основе. Роджер Эйлз (Roger Ailes) объясняет это таким образом: «Эффективность рекламы возрастает на 30–40%, если вставить ее в новости. Вы получаете больше зрителей, больше доверия, вы получаете обрамление для рекламы» [5, 99].

Во-вторых, реклама в новостях гарантирует участникам кампании большую аудиторию и бесплатное эфирное время. Опросы общественного мнения зафиксировали, что почти две трети американцев называют телевидение основным источником получения информации. Это особенно верно в отношении той группы зрителей, которую Майкл Робинсон (Michael Robinson) определяет как «случайную аудиторию», которая в меньшей степени интересуется политикой, а также наиболее непостоянна в своих мнениях.

Ничто лучше не иллюстрирует возможности рекламы как эффективного инструмента политической борьбы, чем снятый в 1964 г. ролик «Ромашка», являющийся, по мнению многих, самой неэтичной рекламой в истории телевидения. Сюжет, придуманный Тони Шварцем (Tony Schwartz), начинается с показа маленькой девочки, стоящей на лугу и отрывающей лепестки ромашки. После ее счета «1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9» зловещий голос начинает свой собственный отсчет «10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1». При счете «ноль» фигурка девочки исчезает и экран заполняет грибовидное облако. Сюжет завершает президент Линдон Джонсон предупреждением: «Таковы ставки. Сделать мир, в котором все дети Божьи смогут жить или уйдут во тьму. Или мы будем любить друг друга, или погибнем» [7].

Вначале этот ролик показали только один раз – 7 сентября 1964 г. во время демонстрации на «Эн-Би-Си» фильма «Дэвид и Бэтчеба» (David and Bathcheba) в рубрике «Кино по понедельникам». Почти немедленно ролик был осужден. Реакция прессы была быстрой. По словам Ллойда Райта (Lloyd Wright), советника Джонсона по рекламной стратегии, «первый же показ рекламы наделал столько шуму, что на следующий вечер ее показывали целиком в программах новостей всех трех телеканалов».

Этот ролик больше никогда не демонстрировался в качестве платной рекламы, ибо журналисты сочли его новостным сюжетом и таким образом обеспечили ему широкую аудиторию. В сочетании с другими роликами демократов, изображающими Барри Голдуотера (Barry Goldwater), кандидата в президенты от республиканцев, неуравновешенным экстремистом, которому нельзя доверять будущее Америки, «Ромашка» помогла Джонсону достичь убедительной победы. Случай отчетливо продемонстрировал рождение новой эры избирательных коммуникаций.

К 1990-м году после серии выборов, заполненных агрессивной рекламой, избиратели стали все больше уставать от негативизма. Всегда чувствующая перемены в зрительских настроениях команда Билла Клинтона эффективно использовала «контрастную» рекламу, которая одновременно и критиковала оппонента, и объясняла, чем их собственный кандидат ответит на ожидания избирателей.

Закончив партийную борьбу за свою номинацию, и Клинтон, и Роберт Доул (Robert Dole) в период с мая по июль принялись атаковать друг друга рекламой. «...Клинтон связывал Доула с сенатором Ньютом Гингричем (Newt Gingrich) и обвинял обоих в сокращении государственных программ финансирования здравоохранения – Medicare и Medicaid, образования и охраны окружающей среды». Доул, со своей стороны, подвергал сомнению честность президента. Подобно тому как это делалось в 1992 г., люди Клинтона использовали «иммунизационную» стратегию, чтобы подготовить электорат к «непрерывной атаке» негативного рекламирования и дезинформации со стороны республиканцев. Выступая перед тысячью женщин-демократок на традиционном женском предвыборном политическом кокусе «Список Эмили» (Emily List), первая леди Хиллари Клинтон предсказывала: «Приготовьтесь к этому и не удивляйтесь. Если вы не знаете, как сделать мир лучшим для себя и своих детей, то вы обращаетесь к негативизму» [2, 31].

Клинтоновские помощники обезопасили себя от ответных обвинений в негативном ведении кампании использованием контрастной рекламы. Признавая, что избиратели не одобряют негативную рекламу, советники президента объединили негативные и позитивные сюжеты. Примером может служить реклама, запущенная в ответ на обвинения Клинтона в давней причастности к употреблению наркотиков. Ролик критиковал Доула «...за противодействие учреждению поста уполномоченного по обороту наркотиков, конгресс – за сокращенное финансирование программ предотвращения распространения наркотиков в школах...», а затем переходил к разъяснению того, как Клинтон стремится развивать школьные программы и распространить применение смертной казни в отношении наркобаронов. Используя атакующую рекламу в качестве хирургического инструмента, а не кузнечного молота, советники Клинтона приклеили

ярлык «негативистов» оппонентам, одновременно защитив себя от обвинений со стороны избирателей, недовольных чрезмерной критичностью ролика.

Политическая кампания в сети Интернет

Согласно исследованию Annenberg Digital Future Project, проводимому ежегодно Университетом Южной Калифорнии, более 3/4 американцев являются активными интернет-пользователями, 77,6% американцев от 12 лет и старше пользуются интернетом. Более 2/3 американцев используют домашние компьютеры для выхода в интернет. Среднее количество времени, которое американец проводит в сети, составляет около 8,9 часа в неделю. При этом 69% зарегистрированных избирателей являются пользователями интернета [1, 31]. Уже эти данные диктуют кандидатам и политическим деятелям в США необходимость принимать во внимание данную особенность современного электората.

Главной особенностью онлайн-коммуникации является то, что решение об установлении и разрыве самой коммуникации принимает пользователь сети. Другими словами, у политического консультанта нет возможности заставить пользователя читать, слушать, смотреть предлагаемую ему информацию. Сам пользователь решает, будет ли он приходить на сайт той или иной политической кампании регулярно, захочет ли пойти по предложенной на сайте ссылке, решит ли он поучаствовать в предлагаемом опросе общественного мнения, подпишется ли на новостной бюллетень кампании, захочет ли рассказать своим друзьям о сайте и т.д.

Из-за особенностей развития интернет-пространства в сети в то же время возникает и исчезает бесчисленное множество различных ресурсов, идет постоянная смена лидеров (какие-то сайты, порталы становятся популярными, какие-то теряют посетителей). Постоянно меняется мода на тот или иной онлайн-сервис (не так давно большой популярностью пользовались онлайн-дневники (блоги), теперь популярными стали ресурсы, позволяющие размещать в интернете собственные видеоролики, мультфильмы, клипы, фильмы (например, www.youtube.com), завтра будет что-то другое). Эта особенность дает возможность по-

литическим консультантам подобрать именно такой способ подачи материалов, который устраивает целевую аудиторию его политической кампании, который будет наиболее эффективным для достижения его собственных целей. Например, в 2007 г. команда Хиллари Клинтон разместила в youtube «...обращение к пользователям с призывом участвовать в конкурсе на лучший вариант мелодии кампании» [8]. Регулярно записывались отчеты о том, как проходит отбор конкурсантов, на сайте кампании велось онлайн-голосование среди пользователей.

Среда интернета отнюдь не исключает применение в ее пределах грязных политических технологий. Но, как упоминалось выше, у пользователей сети всегда есть возможность сохранить в собственном архиве все негативные материалы и в итоге организовать интернет-кампанию против того, кто их применял. В США, например, уже существуют отдельные аналитические порталы, которые занимаются именно тем, что собирают архивы документов по каждой политической кампании и дают им собственную оценку, например Pew Research Center или IPDI (The Institute for Politics, Democracy and the Internet).

Специалисты по политическому консультированию США выделяют интернет-стратегию отдельным блоком в общей стратегии проведения политической кампании. Интернет-стратегия политической кампании – это взаимосвязанный комплекс долгосрочных мер и подходов для установления отношений, эффективного взаимодействия и создания предпосылок последующего расширения целевого сегмента онлайн-аудитории политика/кандидата/партии/общественного объединения/группы лоббирования.

Те, кто скептически относится к проведению политической онлайн-кампании, утверждают, что с помощью интернета невозможно качественно представить аудитории и обстоятельно объяснить политическую программу, систему взглядов политика. По их мнению, традиционные методы убеждения и политической рекламы гораздо более эффективны и создание сайта является не одним из наиболее эффективных инструментов общей стратегии, а всего лишь данью моде. История проведения кампаний в сети начиная с 1996 г. доказывает на практике, что это совсем не так.

Базовые количественные исследования, проводимые через интернет, дают участникам целый набор вариантов ответов на предлагаемые вопросы, общение в интернет-чате становится ва-

риацией на тему фокус-групп, использующих техники выявления трендов через анализ отдельных фраз и ключевых слов. Таким образом, специалисты получают гибридный метод исследования общественного мнения, сочетающий в себе преимущества как количественных, так и качественных исследований. Интернет-опросам пока не хватает интерактивности, но с развитием технологий данный недостаток, несомненно, уйдет в прошлое.

Литература

1. Забурдаева Е.В. Политическое консультирование в США и России: учеб. пособие / Е.В. Забурдаева. М.: Проспект, 2010.
2. Справочник по политическому консультированию. Под ред. проф. Дэвида Д. Перлматтера: пер. с англ. М.: ИМИДЖ-Контакт, ИНФРА-М, 2002.
3. Ansolabehere S., Iyengars. Going Negative: How Attack Ads Shrink and Polarize the Electorate. New York: The Free Press, 1995.
4. Goldstein K. What Did They See and When Did They See It? Measuring the Volume, Tone, and Targeting of Television Advertising in the 1996 Presidential Election // Journal of Politics. 1998. № 74. P. 15–33.
5. Thurder J.A., Candice J.N. Campaigns and Elections American Style. Boulder: Westview Press, 1995.
6. Center for responsive politics – http://www.opensecrets.org.
7. All thngs atomic http://conelrad.com/daisy/index.php.
8. YouTube – http://www.youtube.com.

Ольга Сурова
(ЕГУ, Вильнюс)

ПАМЯТЬ О СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЯХ В ПРОЕКТЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Memory is deceptive
because it is colored by today's events.
Albert Einstein

In the article the Russian state policy in respect of the repressions is examined. The goal is to analyze the basis of the modern project of the official Russian identity and to define the place and role of repressions in it. The article explains why the work with the memory of the Stalin era in the public discourse is the exclusive domain of the State. How were the advantages of Stalin’s personality and the victory in the Second World War used in the identity project and why was this project endorsed and supported among the Russians? Answers to these questions are presented in this article.

В 1991 году с политической карты мира исчезло государственное образование под названием Советский Союз. Россия была среди государств, для которых, наряду с необходимостью экономического и внешнеполитического становления, на повестке дня стоял вопрос переосмысления советского прошлого и формирования новой коллективной идентичности, которая должна была прийти на смену советской.

За почти двадцать лет, которые прошли после распада СССР, Россия так и не переосмыслила советское наследие, не провела

работу над прошлым. В первую очередь это касается сталинских репрессий, которые явились самым трагическим и массовым проявлением жестокости во всей истории Советского Союза.

Феномен памяти

Память, в общем ее понимании, – сложная конструкция, которая непрерывно реформируется и видоизменяется для того, чтобы выполнять свою главную функцию – связывать прошлое, настоящее и будущее. Нередко в процессе формирования памяти, особенно национальной, наблюдается противостояние разнонаправленных противоборствующих сил, которые претендуют на монополию ретроспекции событий прошлого: здесь могут конфликтовать различные проекты национальной памяти, официальная историческая память, коллективные памяти отдельных социальных групп.

Особенность национальной памяти в том, что она представляет собой «...совокупность представлений о прошлом, которая в данном обществе, в данный исторический момент становится доминирующей и образует нечто вроде разделяемого большинством «общего смысла». [15] Именно национальная память становится одним из источников национальной идентичности – чувства причастности к определенному сообществу, самоопределения себя как его части.

Рассматривая любой проект памяти или идентичности, мы отмечаем его селективность и инскриптивность. Это объясняется тем, что проекты памяти и проекты идентичности призваны обслуживать определенные интересы и идеологические позиции: память и идентичность не только поддерживают друг друга, но и воплощают в себе определенную субъективную позицию, обозначают социальные границы в обществе и расстановку сил. Эти проекты могут выполнять различные функции: консолидации или разделения общества, легитимации находящейся у власти элиты или целого режима, поддержки проводимой политики.

Ситуация в России

После распада Советского Союза вновь созданное государство не могло позволить себе ждать неопределенное количество

времени, в течение которого естественным путем могла быть выработана новая идентичность, позволяющая объединить как поколения бывших советских граждан, так и новые поколения, представлявшие единый народ теперь уже демократической России. Потребность в национальной идентичности занимала одну из первых строк на повестке дня. В 1992 году только одна пятая москвичей идентифицировали себя в качестве россиян [5]. Кроме того, до конца не было ясно, какие формы и очертания примет реконструированная память о советском прошлом, и будет ли идентичность на ее основе служить одним из средств легитимации пришедшего на смену советскому политического режима.

Вскоре после прихода к власти первого президента РФ – Б.Н. Ельцина – начинается острая критика октябрьской революции. Ее называют первопричиной всех трагедий, которые впоследствии пережила страна. Доминирует мысль о том, что революцию, большевизм, Ленина и Сталина связывают отношения прямой преемственности. Сталинская политика оказывается детерминированной временем и обстоятельствами. Память о сталинских репрессиях обозначается как один из аспектов памяти о большевизме и его последствиях, а потому не заслуживает отдельного внимания и исследования. Благодаря такой репрезентации советского времени страна освобождается от гнета прошлого и, отстраняясь от преступлений сталинской эпохи, оказывается жертвой советского режима, а не его виновницей.

С приходом к власти В.В. Путина в российском общественном сознании утверждается «феномен победоносного путинизма». [4] Новая российская идеология приобрела свою окончательную форму – эклектичный проект, сочетающий в себе советский культ государственности, исключающий любые упоминания о коммунизме, и совокупность националистических идей. В центр этой системы ставится Держава как высшая общественная ценность, поэтому задача каждого – служить ей во благо. Держава воплощает в себе и Родину, и народ. Россиянин представляется теперь не просто гражданином России, а подданным Великой Державы, которая, вне зависимости от условий и обстоятельств, на протяжении всей истории выходит из любых испытаний победительницей. Такое представление страны необходимо для консолидации населения, для восстановления непререкаемого

авторитета государственной власти, который был подорван политическим, экономическим и общественным кризисами 90-х годов.

Образ врага становится ключевым в создаваемой концепции государственной идентичности. Формирование и наличие образа «Другого» в официальном дискурсе, которому Россия может противостоять и при необходимости дать достойный ответ, стимулирует появление чувства гордости и патриотизма россиян. [3] Ярким примером конструирования в российской публичной политике и масс-медиа образа врага может служить военная кампания РФ против Грузии в августе 2008 года с целью защиты своих граждан, находящихся на территории Абхазии и Южной Осетии, и обеспечения мира в регионе.

В современном российском обществе память о сталинских репрессиях в большинстве своем частная, ее носителями являются в первую очередь сами репрессированные и их потомки. Сложность заключается в оформившейся негласной монополии государства на транслируемую в обществе политику памяти. Осознавая роль истории в реконструкции национальной памяти, правительство предпринимает различные действия с целью контроля над работой памяти в обществе. Примером такого рода мер может служить подписанный в апреле 2009 года президентом РФ Д. Медведевым Указ «О комиссии при президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Французский историк П. Нора указывает на последствия подобных нормативно-правовых актов. Память о прошлом трансформируется и даже деформируется, как только отдельные группы общества стремятся законодательно закрепить свое видение прошлого как истинное. Любые законы и указы, контекст которых определяет угол зрения на историю, делает прошлое искусственным конструктом с односторонней перспективой. [9]

Репрезентация победы в Великой Отечественной войне играет решающую роль в воспитании патриотических чувств россиян. Празднования «Великой Победы» с каждым годом проводятся со все большим размахом. Подчеркивается ключевая роль Советского Союза и советских людей в победе над фашизмом, демонстрируются исключительно положительные аспекты этой победы. Государство не только демонстрирует свое

отношение к событиям 1941–1945 годов, но и расставляет акценты на том, что именно следует помнить [13]. С каждым годом ветеранов и тех, кто являлся свидетелями тех событий и может личными воспоминаниями, примерами оспаривать складывающуюся концепцию, становится все меньше. Живая народная память фиксируется в абстрактных образах, и совсем скоро она будет воспроизводиться, опираясь только на них.

Такие аспекты как, например, пакт Молотова–Риббентропа в 1939 году или интервенция советских войск на территорию польского государства в сентябре того же года, в концепцию памяти о победе не входят. Не упоминается в ней и об обратной стороне партизанского движения – актах насилия и разбоя в отношении местного населения. Национальным движениям за независимость и самоопределение, которые возникали в некоторых советских республиках в военное время, придается негативный характер, они расцениваются исключительно как коллаборационистские без поиска причинно-следственных связей между различными историческими событиями.

В рамках новой государственной идентичности задача памяти о сталинских репрессиях – поддерживать образ России как сильного независимого государства. Культ государственности, который был характерен во времена сталинского режима, вновь становится актуальным в 2000-е годы. На авансцену российской реальности выводится фигура И.В. Сталина как мудрого и сильного вождя. С этого момента начинается конфликт памятей о сталинизме. С одной стороны, выступает память о сталинской эпохе как о периоде жестокого террора, преступного режима. С другой стороны, к заслугам Сталина относят победу над фашизмом, наращивание экономического и военного потенциала, который позволил Советскому Союзу стать одной из двух ведущих мировых держав наравне с Соединенными Штатами Америки. Сегодня память о войне подменена памятью о победе, места в которой памяти о терроре нет [15]. Созданный образ Сталина удачно коррелирует с современными представлениями россиян о государственном лидере.

В самом правительстве РФ очевидна неоднозначность и отсутствие единого мнения относительно фигуры Сталина. Активные дебаты вызвала инициатива мэра Москвы Ю. Лужкова на улицах города накануне Дня Победы разместить плакаты с изо-

бражением И. Сталина, который во время ВОВ был верховным главнокомандующим Вооруженных сил СССР. Несмотря на протесты многих общественных деятелей, некоторых ветеранов, политиков, Лужков считает, что «...демократическое общество не должно основываться на вымарывании из истории "неправильных" страниц» [18]. Комментируя происходящее, он уточнил, что «является не почитателем Сталина», а «почитателем объективной истории» [7]. Председатель Госдумы и Высшего совета партии «Единая Россия» Б. Грызлов придерживается иного мнения: «... Речь идет не об исторической, а о политической оценке фигуры Сталина. И эта оценка не может быть положительной. <...> Сталин – виновник гибели миллионов людей» [2].

О том, что ситуация с памятью о периоде сталинского террора достаточно сложная, подтверждает своими комментариями премьер-министр РФ В. Путин: «Десятилетиями циничной ложью пытались замарать правду о катыньских расстрелах, но такая же ложь и подтасовка возлагать вину за это на российский народ» [11].

В 2009 году по приказу министра образования и науки РФ А. Фурсенко фрагменты романа А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» были включены в обязательный минимум школьной образовательной программы по русской литературе [1]. На проходившей в декабре 2008 года конференции «Путь А.И. Солженицына в контексте большого времени» было зачитано приветствие президента Д. Медведева. В эти же дни проходила конференция «История сталинизма. Результаты и перспективы изучения», однако, внимания властей она не удостоилась [10].

Исходя из оценки проекта официальной российской идентичности, становится очевидным, что два образа сталинской эпохи вступили между собой в конфликт и краеугольным камнем в этом конфликте выступает память о Великой Отечественной войне. Память о Победе, о цене этой победы не может быть антисталинской, поэтому совместить ее с памятью о сталинском терроре практически невозможно. Один из этих образов прошлого вынужден был подвергнуться серьезным коррективам.

В процессе «социализации горя», о котором говорит Ферретти, общество не просто должно пережить сообща травмы, полученные в прошлом, но и открыто говорить о них как о преступлении [16]. Чувство стыда за свою страну сложнее осозна-

вать, чем испытывать патриотические чувства, поэтому проект идентичности, предложенный государственной властью, был принят и поддержан. Проект официальной российской идентичности призван легитимировать существующий политический режим – с возложенной на него задачей он справляется превосходно. Как показывают исследования общественного мнения, начиная с 1998 года большинство россиян более важным для современной России считают именно порядок, а вовсе не демократию (72% против 16% соответственно) [17].

Места памяти

Специфика памяти о сталинских репрессиях в российском проекте государственной идентичности в том, что есть память о жертвах, но не о преступлении – преступлении государства против своего народа. Процесс обнаружения и поддержания существования «мест памяти» (П. Нора [8]) сталинских репрессий на общегосударственном уровне практически не происходит.

Во-первых, так и не была дана нормативно-правовая оценка режима: закон, изданный в 1991 году, является лишь началом незавершенного законодательного проекта.[1] Формулировки закона создают неясности и требуют уточнений: согласно закону, реабилитированными признаются и те, кто был расстрелян в начале 30-х годов, и те, кто приводил приговоры в исполнение в 30-х и сам подвергся расстрелу в конце 40-х годов [12].

Доступ к архивам и документам, связанным со сталинским репрессиями, ограничен. Только Государственная комиссия по защите государственной тайны имеет право заниматься рассекречиванием такого рода документов. Показателен тот факт, что данная комиссия за 2007-й год не рассекретила ни одного документа. [6] Этим самым государство не только не способствует процессу реабилитации пострадавших, но и укрывает потенциальных обвиняемых. Есть память о жертвах, но не о преступлении.

Во-вторых, через школьные учебники государство навязывает подрастающему поколению свой проект видения советского прошлого, избавляя молодежь тем самым от возможности соб-

[1] 18 октября 1991 года был принят закон «О реабилитации жертв сталинских репрессий».

ственного выбора посредством сопоставления интерпретаций и анализа предложенных альтернатив. И тот факт, что конструируемая государством идентичность активно поддерживается населением и достаточно популярна в различных социальных кругах, указывает на эффективность и грамотность пропагандируемой государством политики памяти.

В-третьих, сегодня в России практически отсутствуют памятники и памятные даты, которые бы свидетельствовали о трагедии сталинской эпохи. Более того, на государственном уровне не предпринимается никаких действий по их восстановлению или созданию. Официально утвержденных мест памяти о сталинском терроре немного: принятый в 1991 году Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий; провозглашенный в том же году Верховным Советом РФ День памяти жертв политических репрессий[2], установленный в 1991 году на Лубянской площади в Москве, напротив здания КГБ, Соловецкий камень – памятник всем жертвам политического террора в СССР[3]. На этом государственное содействие созданию, сохранению и восстановлению мест памяти закончилось и пока не возобновлялось в общегосударственных масштабах.

Кроме того, городские реставрационные проекты, которые проводятся с целью сохранения исторического наследия, способны нести очень мощное нейтрализующее воздействие [14]. В Москве сохранились все здания, которые имеют непосредственное отношение к преступлениям сталинской эпохи: места, куда привозили заключенных, где их содержали под следствием, где выносились и приводились в исполнение приговоры. Ни на одном из этих зданий не установлены мемориальные доски. Более того, сегодня некоторые из зданий находятся в процессе реконструкции и получат совершенно иное предназначение.

Основными местами памяти, отсылающими к преступлениям сталинского режима, являются массовые захоронения расстрелянных в период Большого террора[4] и крупные лагерные

---

2 Отмечается 30 октября.

3 На Соловецких островах в 1920–1930-х был размещен один из первых советских политических лагерей.

4 Большой террор – период в истории СССР с 1937 по 1938 год, когда сталинские репрессии были резко усилены и доведены до максимума своей интенсивности.

кладбища. Из-за сложности доступа в государственные архивы и монополии на рассекречивание государственных документов, которой владеет Государственная комиссия по защите государственной тайны, процесс обнаружения учеными-историками мест расстрелов и захоронений продвигается вперед очень медленными темпами. По предварительным данным, с 1937 по 1938 год мест расстрелов было более 300, сейчас известно только 100. Из нескольких тысяч существовавших в те времена лагерных кладбищ сегодня удалось найти только несколько десятков.

***

В результате анализа проекта официальной российской идентичности и места, которое отводится в нем памяти о сталинских репрессиях, становится очевидной тенденция вытеснения памяти о сталинских репрессиях из социальной повседневности, сегодняшней реальности в область прошлого; из категорий анализа истории с целью поиска каузальности в категории исторических абстракций.

Процесс вытеснения памяти начался еще во времена правления Б. Ельцина, когда репрессии уже не воспринимались как жестокие массовые преступления, а оправдывались как негативное проявление сталинского режима. С приходом к власти В. Путина была четко обозначена задача нового официального проекта идентичности – поддерживать образ России как сильного независимого государства. Официальная политика памяти включает в себя только те аспекты прошлого, которые указывают на славу и величие страны. Даже в контексте периода 30–50-х годов проявляется стремление к акцентированию внимания общества на исключительно положительных сторонах исторических событий. Так, в дискурсе о сталинском прошлом, центральное место занимает память не о репрессиях, а память о Победе в Великой Отечественной войне, которая была достигнута в период правления И. Сталина.

Специфика памяти о сталинских репрессиях в российском проекте государственной идентичности заключается в двусмысленности ее репрезентации и интерпретации. С одной стороны, на уровне высшей государственной власти открыто осуждаются репрессии во времена сталинского террора. Однако переосмыс-

ление памяти о событиях 30-50-х годов, работа над ошибками прошлого через восстановление «мест памяти» тех событий в общегосударственных масштабах, как это было показано выше, практически не происходит.

К чему приведет такое отношение к сталинскому прошлому, такая трактовка сталинских репрессий, ещё предстоит понять. Как долго существующая государственная идентичность будет способна поддерживать легитимность государственной власти, мы узнаем в перспективе. Но на вопрос, готово ли российское общество забыть о своем прошлом, увидев его в новой, предложенной государством трактовке, уже сегодня мы можем дать положительный ответ.

Литература

1. Агранович М. Страшный урок. В Российская газета № 4993 (169) от 10 сентября 2009 http://www.rg.ru/2009/09/10/gulag.html.
2. Б. Грызлов призывает Ю. Лужкова не размещать плакаты Сталина. РосБизнесКонсалтинг http://top.rbc.ru/society/05/03/2010/377383.shtml.
3. Бейкер М. Борис Дубин: у одинаковых людей нет культуры. BBC. Русская служба http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2009/04/090428_dubin_interview.shtml.
4. Даниэль А., Рогинский А. Обыватель-россиянин. Информационно-аналитический портал «Полит.ру» http://www.polit.ru/world/2001/08/17/479337.html.
5. Дробижева Т. Российская идентичность в массовом сознании. Хорошие тексты. Валерий Тишков <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1223.doc>;
6. Круглый стол «Как завершить историю СССР». Информационно-политический интернет-канал Полит.ру http://www.polit.ru/analytics/2008/04/24/istpamat.html.
7. Лужков решил почаще развешивать плакаты со Сталиным. Lenta.ru <http://www.lenta.ru/news/2010/03/02/stalin//.
8. Нора П. Проблематика мест памяти. Энциклопедия культур Дежа Вю – 2005 http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html.
9. Нора П. Расстройство исторической идентичности. Хорошие тексты. Валерий Тишков http://valerytishkov.ru/cntnt/horoshie_t2.html.
10. Полян П. Уроки и навыки сталинизма. Картинки с конференции. Неприкосновенный запас 2009 № 3 (65) http://magazines.russ.ru/nz/2009/3/po9.html.

11. Путин в Катыни осудил сталинские репрессии, как и возложение вины за них на российский народ. Информационно-политический интернет-канал Полит.ру http://www.polit.ru/news/2010/04/07/Katyn_print.html.
12. Рогинский А. Память о сталинизме. Информационно-политический канал «Полит.ру» http://www.polit.ru/institutes/2008/12/11/memory.html.
13. Рогинский А. Чем Сталин жив? Континент 2008 № 138 http://magazines.russ.ru/continent/2008/138/ro12.html.
14. Трубина Е. Места памяти, монументы и «новая» демократия. Журнал «Топос». № 3, 2000 http://topos.ehu.lt/zine/2000/3/trubina.htm.
15. Ферретти М. Непримиримая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему. Неприкосновенный запас 2005 № 2–3 (40–41). http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/fere8.html.
16. Ферретти М. Расстройство памяти: Россия и сталинизм. Информационно-политический интернет-канал Полит.ру <http://old.polit.ru/documents/517093.html>.
17. Что важнее – демократия или порядок? ВЦИОМ http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13394.html?no_cache=1&cHash=3667a0b1cd.
18. Ю. Лужков: Плакаты с И. Сталиным появятся в Москве ко Дню Победы. РосБизнесКонсалтинг <http://top.rbc.ru/society/07/04/2010/390358.shtml>.

Яна Копысова
(Академия Леона Козьминского, Варшава)

ОБОСТРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЫТОК В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

International law ensures an absolute ban on torture, regardless of any circumstances. But after September 11, 2001 some states started to seek justifications for torture arguing that torture could be acceptable when applied to terrorist suspects. The theme is highly relevant today because there are not only theoretical concepts justifying torture but also recognized facts of its usage. The article concentrates on humanitarian issues of the problem, since prohibition of torture is closely connected with fundamental human rights and freedoms. The reasons for the breach of prohibition are also analyzed as well as attempts to get it round legally. However, these attempts cannot be called successful, since there is no legal way to apply torture and there are no arguments strong enough for tortures to be justified.

Проблема защиты прав человека обостряется в связи с включением государств в борьбу с международным терроризмом и организованной преступностью и необходимостью обеспечения национальной безопасности. Однако – в том числе и при проведении операций по борьбе с терроризмом – власти должны уважать права человека и гуманитарное право. Иногда, стремясь снизить угрозу терроризма, государства используют пытки и другое жестокое и бесчеловечное обращение, а также пытаются оправдать это. После атак 11 сентября 2001 г. эти случаи получают все большее распространение. Широкую известность получили сообщения об использовании пыток на военной

базе США в Гуантанамо, в тюрьме Абу-Грейб в Ираке, на тайных базах ЦРУ в Восточной Европе и множество других. Примером может служить и практика обращения за дипломатическими заверениями о неприменении пыток: именно с целью оправдать передачу преступников в страны, где распространены пытки и недозволенное обращение, государства требуют дипломатических заверений о том, что с этими преступниками будут обращаться гуманно.

В современном мире, где абсолютный запрет пыток закреплен во множестве международных договоров, наблюдается пугающая тенденция. Появляются теории, согласно которым применение пыток допустимо в благих целях: например, если в результате будут получены показания, которые могут спасти жизни нескольких людей (нескольких десятков, сотен, даже тысяч). Сторонники этой теории все чаще указывают на борьбу с терроризмом и возможность применения пыток именно в этой сфере.

И проблема не только в самом факте допущения пыток, пусть и на благо общества. Теоретически допустив применение пыток в этом конкретном случае, запрет лишается смысла, так как пытки станут неизбежным явлением. И совершенно невозможно контролировать работу всех органов и решать, применялись ли пытки для обеспечения цели борьбы с терроризмом или просто для облегчения следствия.

Данные теории, допускающие применение пыток во имя борьбы с терроризмом, постоянно указывают на уникальность самого явления терроризм, аналога которому (по крайней мере, по масштабам) ранее не было, и так говорят об исключительности этого оправдания пыток, якобы навеянного самим временем, в котором мы живем. Они даже заявляют о необходимости пересмотреть не только нормы, но и сами принципы международного права в этом отношении в связи с тем, что мир изменился. Так, Роберт Корналл, австралийский политик, утверждает, что основные права человека были закреплены «при отсутствии угрозы для общества» [7], а поэтому чтобы работать в современных условиях, они должны быть модифицированы. Но следует отметить две вещи. Во-первых, права на жизнь и достойное обращение и вытекающий из них запрет пыток являются основными, неотъемлемыми и принадлежат к категории естественных

прав, а потому не могут быть ограничены. А во-вторых, юридическое закрепление этих прав произошло в середине XX века, вскоре после окончания двух мировых войн, когда угроза для человечества не была такой призрачной. И права человека, напротив, должны были способствовать предотвращению дальнейшего насилия и закреплению мира.

Так что претензии на новеллу в смысле доводов для оправдания пыток выглядят безосновательными. По сути, это будет возвращением к средневековым принципам, ведь и тогда пытки использовались не из любопытства или ради развлечения – они были способом осуществления правосудия, и конечной целью было именно торжество справедливости.

Заявляя, что терроризм – это исключительное историческое явление, например, Роберт Корналл, считает, что «индивидуальные права должны уступить коллективным правам, потому что мы живем в более опасном мире» [7]. При этом не следует забывать, что общепринята точка зрения о том, что права индивида первичны по сравнению с коллективными правами, а значит, ни в коем случае не должны ущемляться. Права индивида (в том числе право на жизнь и достойное обращение) являются естественными правами, принадлежащими человеку от рождения. Но коллективные права не естественные, они «формулируются и кристаллизуются по мере становления интересов той или иной общности или коллектива» [1, 140]. Б.А. Лукашева также считает, что «как бы ни были многообразны эти права, их правомерность должна неизменно проходить проверку “человеческим измерением” – правами индивида. Коллективные права никогда не должны игнорировать прав человека, противоречить им либо подавлять их... Если коллективные права ведут к ущемлению прав отдельного человека, значит, цели, объединяющие такую общность, антигуманны и противоправны» [1, 141].

Джеймс Росс, автор книги «История пыток», причисляет себя к убежденным противникам пыток, которые придерживаются абсолютного запрета пыток в соответствии с международным гуманитарным правом. Он приходит к этому после анализа истории их использования пыток в судебных процедурах и их постепенного запрета, утверждая, что критика несправедливой, нерациональной и ненадежной природы пыток перевесила оправдания ее использования еще во времена Возрождения.

Он замечает, что пытка, которая используется якобы для защиты безопасности государства, пока не вызвала такое же возмущение общества. Так, «договоры о защите прав человека, принятые после второй мировой войны и налагающие абсолютный запрет на применение пыток, не смогли полностью убедить общество, что даже при угрозе терроризма пытка совершенно неприемлема» [3]. Для большинства пытка неприемлема, только если она используется в отношении невиновного. Террористы при этом рассматриваются как лица, получившие по заслугам. В этом случае существует презумпция вины, которая заставляет людей охотнее мириться с пытками подозреваемых в терроризме, чтобы получить сведения, которые помогут предотвратить будущие террористические акты.

Опросы общественного мнения показывают, что большинство американцев (от 51 до 53%) верят, что пытки либо редко, либо вообще не использовались правительством для получения информации от подозреваемых в терроризме. При этом 43–44% опрошенных допускают, что в некоторых случаях применение пыток может быть оправдано [3]. Это мнение было также официально озвучено высшими должностными лицами США после атак 11 сентября 2001 г. Вице-президент Дик Чейни в интервью после 11 сентября заявил: «Нам нужно работать и на темной стороне, если хотите. Нам нужно провести какое-то время в тени... поэтому для нас жизненно важно использовать все средства, имеющиеся в нашем распоряжении, чтобы достичь наших целей» [3]. А общество не знает о средствах, с помощью которых ведется борьба с терроризмом, и государственные чиновники заявляют, что это должно оставаться в секрете, потому что процесс не очень приятен. Таким образом, Дик Чейни утверждает принцип «цель оправдывает средства», который представляется неприемлемым, когда речь идет о жизнях людей.

Кроме того, Джон Йо, работавший в министерстве юстиции США с 2001 по 2003 г., подготовил ряд меморандумов, в которых он оправдывает пытки и считает их применение возможным, если выполняется ряд условий. «Если ответчик в лице правительства должен был причинить вред вражескому комбатанту во время допроса в той степени, которая нарушает уголовное законодательство, допускается, что он делал это в целях предотвращения террористических атак Аль-Каиды в будущем. В этом

случае, мы полагаем, он может утверждать, что конституционное право исполнительной власти на защиту государства оправдывает его действия» [8]. Таким образом, вопрос применения пыток передается в компетенцию правительства США и становится одной из сфер его деятельности.

Джон Йо утверждает, что атаки 11 сентября обозначили начало международного вооруженного конфликта между США и Аль-Каидой, а в условиях вооруженного конфликта некоторые положения американского законодательства относительно запрета пыток и жестокого обращения могут не соблюдаться (в отношении комбатантов).

Джон Йо не является просто теоретиком – он был государственным чиновником, и писал не монографию, а документ, а значит, он подразумевал, что его идеи действительно найдут практическое применение. Результатом появления этого меморандума стала серия военных преступлений, допросов, сопровождавшихся пытками, в Гуантанамо и Ираке.

Скотт Хортон считает, что эти теории были созданы не с целью оправдать уже совершенные акты пыток, но дать возможность безнаказанно применять пытки в будущем. Называя эти действия самосудом, Хортон подчеркивает тот факт, что Йо и другие теоретики, подобные ему, давали клятву защищать от посягательств закон, но сами его нарушают [5]. Своей задачей Йо как раз считал оправдание незаконного применения пыток, и «закон он использовал для того, что разрешить беззаконие» [4].

Джей Карней указывает, что, благодаря теориям Джона Йо, если мотивом применения пыток был не садизм и не ярость, если они применялись по приказу вышестоящего лица, то привлечь к ответственности за пытки невозможно. «Пока они применялись бесстрастно, любой вид физических или психических пыток может быть использован, считает Йо. Более того, фактически все, что было сделано во время допроса, может быть оправдано, поскольку президент посчитал это необходимым для защиты национальной безопасности» [2].

Можно возразить сторонникам утилитаристского подхода, допускающего применение пыток по необходимости, используя их же терминологию. Так, они считают, что применение пыток служит исключительно благой цели – как можно скорее получить информацию от подозреваемых и таким образом предот-

вратить новые преступления. Они могут и не отрицать гуманитарного аспекта проблемы, но настаивают на том, что в данном случае использование пыток продиктовано необходимостью. Однако следует отметить, что, оставаясь аморальными и незаконными, пытки не всегда оказываются эффективным средством получить информацию. В соответствии с существующим руководством для армии США наиболее эффективным способом допроса является «прямой допрос», который включает в себя допрос без применения насилия любого вида. А значит, единственное оправдание пыток – с точки зрения данного утилитаристского подхода – в данном случае не действует. А кроме того, исходя из этой логики, теоретически пыткам можно подвергнуть даже невинных людей – например, родственников подозреваемого в терроризме – чтобы заставить его говорить и, например, предотвратить террористический акт, который может унести жизни сотен людей. И, таким образом, пытка может стать вполне обычным делом.

Жестокое обращение с заключенными часто производит обратный эффект и ведет к получению ложной информации, «потому что под пыткой человек скажет все, что от него хотят услышать, – независимо от того, правда это или нет – если он верит, что это облегчит его страдания... террористы, которых мы допрашиваем менее гуманными способами, более склонны давать ложные сведения», – заявил сенатор Джон Маккейн [3].

Он говорит о необходимости получать информацию более гуманными, законными способами. Маккейн признает, что США, которые долгое время были локомотивом движения за усиление прав человека и до сих пор являются проповедником демократических ценностей в мире, должны придерживаться международного права и элементарных стандартов гуманности. Он заявляет, что «соответствие действий США основным гуманитарным ценностям частично влияет на желание остальных государств придерживаться их» [3]. И хотя Аль-Каида «никогда не будет подвержена влиянию настроений международного сообщества... она не является последним противником, с которым придется бороться Америке, и нам не следует сегодня нарушать международный запрет пыток и нормы гуманного обращения с военнопленными, на которые нам нужно будет положиться в будущем» [3].

Так, включение в борьбу с терроризмом позволило некоторым государствам говорить о необходимости изменить приоритеты и перейти от принципа неукоснительного соблюдения прав человека к преобладанию в повестке дня задач по обеспечению национальной безопасности. Наиболее ярким примером в этом отношении являются Соединенные Штаты Америки. В США вопрос об оправдании применения пыток по отношению к террористам для получения от них информации вышел за рамки дискуссии об обоснованности подобного рода исключений. Он нашел свое выражение в написании ряда меморандумов, предназначенных для того, чтобы доказать правоту правительства, использующего пытки для защиты национальной безопасности. Более того, звучат мнения, что необходимо полностью изменить современную концепцию защиты прав человека, чтобы приспособить ее к новым реалиям. Следует отметить, однако, что единства по этому вопросу нет как среди действующих политиков и должностных лиц, так и среди теоретиков. При этом теории, оправдывающие пытки в условиях борьбы с терроризмом, выглядят не просто негуманными, но и противоречащими международному праву, а применение пыток не обязательно ведет к повышению эффективности при ведении допросов и, таким образом, к усилению безопасности общества. Но в действительности пытки все чаще находят применение на практике.

Разумеется, не следует отрицать тот факт, что пытки с той или иной частотой применялись всегда. Однако особенностью современной ситуации является то, что, применяя пытки, государства все чаще признают это и, кроме того, даже пытаются оправдать свои действия. Речь идет в первую очередь о борьбе с терроризмом. Появляются теории, согласно которым террористы могут быть лишены части их основных прав, а потому говорится о возможности применения к ним пыток. В этой связи следует указать на несколько моментов.

Во-первых, пытки зачастую применяются к подозреваемым, лицам, вина которых еще не доказана, и в этом случае бессмысленно говорить об отсутствии моральных препятствий для применения пыток. А ведь именно это оправдание используется достаточно часто: человек, совершивший тяжкое преступление, не достоин того, чтобы к нему применялись гуманитарные стандарты.

Во-вторых, пугающей выглядит сама идея о том, что преступники (и террористы в частности) перестают рассматриваться в качестве носителей фундаментальных прав человека, которые считаются естественными, неотъемлемыми и принадлежащими человеку просто по факту рождения. С нашей точки зрения, такое отношение совершенно неприемлемо, так как, отказываясь соблюдать права преступника, государство само становится правонарушителем.

А в-третьих, недостаточно обоснованным представляется и то, что применение пыток может быть оправдано ради достижения благой цели, например, ради получения сведений о готовящемся террористическом акте и, таким образом, ради спасения жизней потенциальных жертв. Благая цель перестает быть благой, если ради нее приходится жертвовать такими достижениями человечества, как права человека, ибо в противном случае начинает действовать принцип «цель оправдывает средства», который за всю мировую историю уже не раз доказал свою неприемлемость, если речь идет о жизнях людей. Хотя «в государствах, где применялась пытка, существовало глубокое убеждение в том, что этот метод раскроет действительные обстоятельства преступления» [6, 18], нет гарантии, что пытки могут способствовать получению информации, так как, подвергаясь пыткам, люди склонны говорить все, что угодно, что хотят от него услышать, лишь бы пытки поскорее закончились, но совершенно не обязательно правду.

Не имея возможности полностью оправдать применение пыток, некоторые государства пытаются искать способы обойти запрет. В первую очередь это заключается в отказе квалифицировать некоторые жестокие действия как пытки. Необходимо отметить, что Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания запрещаются все виды жестокого обращения.

Часто государства сталкиваются с необходимостью выдачи другой стране подозреваемого в терроризме или в совершении иного преступления. Согласно международному праву, государствам запрещается высылать, возвращать или экстрадировать преступников в страну, где существует риск пыток или недопустимого обращения (principle of non-refoulement). Чтобы оправдать высылку в страну с устойчивой практикой пыток и

обойти запрет, запрашиваются гарантии справедливого и гуманного обращения – дипломатические заверения о неприменении пыток. Международные правозащитные организации, а также представители Совета Европы и ООН подчеркивают, что дипломатические заверения не являются достаточным основанием для оправдания высылки в страну с риском пыток. Являясь по сути политическими договоренностями, они основываются только на доверии одной страны к другой. Основная проблема в том, что заверения запрашиваются только в том случае, если существует реальная угроза пыток, т.е. факт применения пыток в стране назначения признан международным сообществом. Трудно поверить, что такая страна, грубо нарушающая нормы международного права, станет соблюдать свои двусторонние договоренности.

В связи с тем, что добиться полного отказа от применения пыток практически невозможно, многие специалисты (например, Дершовиц, Эльстайн) говорят о необходимости регулирования применения пыток, отказа от абсолютизации запрета. Они опять-таки считают возможным использовать пытки по отношению к одному человеку ради спасения жизни многих.

Однако, по нашему мнению, это способно привести, скорее, к бесконтрольному и безнаказанному повсеместному применению пыток, чем к повышению эффективности запрета, так как будет сложно установить, в каких именно случаях пытки допускаются и каким образом можно проверять обоснованность их применения. В связи с этим мы считаем, что запрет пыток должен оставаться абсолютным и применение пыток должно осуждаться и в том случае, если оно санкционировано государственными чиновниками с целью скорейшего раскрытия преступления.

Литература

1. Лукашева Б.А. Права человека. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА. М), 2001.
2. Carney J. The Yoo Memo // http://swampland.blogs.time.com/2008/04/02/the_yoo_memo/.
3. Evans R. The ethics of torture. Graduate School of International Studies, University of Denver, 2007 // http://www.du.edu/korbel/hrhw/volumes/2007/evans-2007.pdf.

4. Greenwald G. John Yoo's war crimes // http://www.salon.com/opinion/greenwald/2008/04/02/yoo.
5. Horton S. The Green Light // Harper's magazine. 2008. 2 April // http://harpers.org/archive/2008/04/hbc-90002779.
6. Safferling C. Towards an International Criminal Procedure. Oxford University Press, 2001.
7. Zagor M. Terrorism is no excuse for torture // Canberra Times. 2005. 24 May // http://law.anu.edu.au/acel/Media/Zagor%20-%2024%20May%202005.pdf.
8. Memorandum for William J. Haynes IT, General Counsel of the Department of Defense. Military Interrogation of Alien Unlawful Combatants Held Outside the United States // http://media.washingtonpost.com/wp-srv/nation/pdfs/OLCMemo1–19.pdf.

Научное издание

ЕВРОПА-2010:
ГЛОБАЛЬНОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ

Материалы международной
научной конференции студентов
15–16 мая 2010 г.
Вильнюс

Сборник научных трудов

В авторской редакции
(ответственность за недостоверность фактов,
приведенных в текстах, несут авторы)

Ответственный редактор *Г.Я. Миненков*
Художник *А.Ф. Киселева*
Корректор *Е.А. Лесина*
Технический редактор *О.Э. Малевич*

Взгляды авторов могут не совпадать с мнением редакции

Издательство
«Европейский гуманитарный университет»
г. Вильнюс, Литва
www.ehu.lt
e-mail: publish@ehu.lt

Подписано в печать 05.04.2011.
Формат 60х84$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 25,32. Усл. печ. л. 34,9.

Отпечатано «Petro Ofsetas»
Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius